

Центр проблемного анализа
и государственно-управленческого проектирования

С.Г. Кара-Мурза

Кризисное обществоведение

Часть первая

Курс лекций

Москва
Научный эксперт
2011

УДК 328.161(042.4)
ББК 66.3(2Рос), 1-133.1
К 21

Кара-Мурза С.Г.

К 21 Кризисное обществоведение. Часть первая. Курс лекций. — М.: Научный эксперт, 2011. — 464 с.

ISBN 978-5-91290-119-5

Один из важных факторов краха СССР и глубокого кризиса России — слабость рационального (прагматического, научного) обществоведения. Проблема фундаментальна: ядро знания об индустриальном обществе должно быть рациональным, научного типа — традиционное знание недостаточно. Советское обществоведение методологически ближе к натурфилософии, чем к науке. Оно не смогло предвидеть катастрофического системного кризиса конца XX века. Постсоветское обществоведение, испытавшее травму, находится в еще худшем состоянии, уже не претендуя на объяснение реальности. Профессиональные сообщества распались.

Создание нового отечественного обществоведения — императив для России. Кризис, как особый тип бытия, требует обновления индикаторов, моделей, критериев.

Эта книга — курс лекций, прочитанных как введение в кризисное обществоведение, точнее, в прикладной анализ проблем, возникших в ходе кризиса государства и общества постсоветской России.

Издание предназначено для студентов, аспирантов и преподавателей социальных и гуманитарных наук, а также для широких кругов интеллигенции, думающей о путях выхода из кризиса.

Ростехнологии

Издание осуществлено при поддержке ГК «Ростехнологии»

УДК 328.161(042.4)
ББК 66.3(2Рос), 1-133.1

© Кара-Мурза С.Г.
© Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования, 2011

ISBN 978-5-91290-119-5

Содержание

Вводная лекция. Обществоведение в России.....	5
Лекция 2. Несоответствие между кризисом России и обществоведением: попытка объяснения причин.....	23
Лекция 3. Типы знания, подавленного научным рационализмом	58
Лекция 4. Научное знание и здравый смысл.....	78
Лекция 5. Научное и религиозное знание.....	95
Лекция 6. Сдвиг от реалистического сознания к аутистическому	112
Лекция 7. Деградация рациональности в обществоведении. Гипостазирование.....	136
Лекция 8. Утрата способности к рефлексии.....	167
Лекция 9. Системный характер методологического регресса в обществоведении.....	185
Лекция 10. Мера. Часть первая.....	205
Лекция 11. Мера. Часть вторая.....	222
Лекция 12. Мифы общественного сознания. Часть первая.....	239
Лекция 13. Мифы общественного сознания. Часть вторая.....	268
Лекция 14. Россия как цивилизация. Часть первая.....	290
Лекция 15. Россия как цивилизация. Часть вторая.....	311
Лекция 16. Типы общества. Часть первая.....	326
Лекция 17. Типы общества. Часть вторая.....	341

Лекция 18. Русская революция в свете современного кризиса	366
Лекция 19. Гражданская война в России. Часть первая.....	384
Лекция 20. Гражданская война в России. Часть вторая.....	411
Лекция 21. Причины краха советского строя: результаты предварительного анализа.....	439

Вводная лекция

Обществоведение в России

С конца XX века Россия погрузилась в *системный кризис*. Тяжесть и продолжительность этого кризиса во многом обусловлены тем, что как раз к его началу в СССР «отказало» обществоведение, общественные науки. Отказало в целом, как особая система знания (об отдельных блестящих талантах и коллективах не говорим, не они в эти годы определяли общий фон).

Одна из важных причин этого отказа — слабое развитие или даже отсутствие рациональной (*прагматической, научной*) компоненты обществоведения, преобладание в нем идеологического пафоса. На излете СССР это было зафиксировано Андроповым: «Мы не знаем общества, в котором живем». Что это значит? Это как если бы капитан при начинающемся шторме, в зоне рифов, вдруг обнаружил, что на корабле пропали лоции и испорчен компас. Уже к 1988 году стало видно, что перестройка толкает общество к катастрофе. Но гуманитарная интеллигенция этого не видела.

СССР продержался на «неявном» знании поколений, которые практически строили советскую государственность и хозяйство, вели войну и занимались послевоенным восстановлением. С уходом этих поколений, которые не оставили формализованного знания («учебников»), ошибочные представления об обществе, полученные в школе, вузе и из СМИ, вели ко все более глубоким срывам и в конце концов способствовали катастрофе.

Причина фундаментальна: индустриальное общество не поддается верному описанию в рамках традиционного и обыденного знания; ядро знания об обществе должно быть рациональным, научного типа. Российское обществоведение, в отличие от западного, выросло не из науки, а из русской классической литературы и немецкой романтической философии. В советское время оно было дополнено марксизмом — учением с сильной компонентой романтической философии.

Советское обществоведение, которое в методологическом плане ближе к натурфилософии, чем к науке, потерпело полное фиаско. Оно не смогло предвидеть катастрофического системного кризиса конца XX века и даже легитимировало разрушительные действия 1990-х годов.

Как и у всякой науки, главная функция общественных наук заключается в том, чтобы *формулировать запреты* — предупреждать о том, *чего делать нельзя*. Обществоведение обязано предупреждать о тех опасностях, которые таятся в самом обществе людей — указывать, чего нельзя делать, чтобы не превратить массу людей в разрушительную силу. Этой функции наше обществоведение не выполнило.

Надо сказать, что и западное обществоведение не раз давало сбои в XX веке. Как и в науке в целом, в нем происходили кризисы, связанные со сдвигами в картине мира, в представлениях о человеке, в самой общественной реальности. Оно, например, не увидело и не поняло опасности фашизма — сложной болезни Запада и особенно немецкого народа (хотя симптомов этой болезни было достаточно). В этом предвидении оказалось одинаково несостоятельным как обществоведение, которое сложилось в парадигме либерализма, так и то, которое развивалось на методологической основе марксизма (исторический материализм).

Оно также не увидело и не поняло признаков «бунта этничности», который вспыхнул в конце XX века и в традиционных, и в современных обществах. Зрение обществоведов было деформировано методологическим фильтром механистического детерминизма, унаследованной от ньютоновской модели мироздания верой в то, что наш мир прост и устроен наподобие математически точной машины. Но в России мировоззренческий кризис 80–90-х годов XX века привел к поражению даже и этой механистической рациональности.

Внешне все выглядит так, будто этот кризис порожден перестройкой. Но перестройка была уже срывом, она лишь *вскрыла* ту слабость советского обществоведения, которая стала нарастать с 1960-х годов. Углубляясь в смыслы концепций Просвещения, советское обществоведение быстро отрывалось от традиционного знания России и от здравого смысла. На методологических семинарах и конференциях велись дебаты по проблемам, которые не пересекались с реальной жизнью; причем велись они на языке, который не описывал главные проблемы этой жизни. И этот сдвиг был именно *системным*.

Либеральный философ Дж. Грей называет всю современную западную политическую философию «мышлением в духе страны Тлен». Грей пишет, что ошибочное представление человека как индивида привело к бессилию либеральной мысли. Она, например, отбрасывает этничность и национализм как труднодоступное понимание отклонение от нормы. По словам Грея, «подобное понимание господствующих сил столетия... не предвещает ничего хорошего современной политической философии или либерализму».

Но на фоне отказа советского обществоведения кризис западной общественной мысли выглядит менее принципиальным. «Мышление

в духе страны Тлен» — аллегория, приложенная Дж. Греем к современному обществоведению либерализма, гораздо более она справедлива в отношении российского обществоведения, которое продолжило методологическую линию советской социальной и политической философии 1970–1980-х годов. Эта аллегория удивительно точна, вспомним ее суть.

В рассказе-антиутопии Хорхе Луиса Борхеса «Тлен, Укбар, Orbis tertius» (1944) говорится о том, как ему странным образом досталась энциклопедия страны Тлен. В ней были подробно описаны языки и религии этой страны, ее императоры, архитектура, игральные карты и нумизматика, минералы и птицы, история ее хозяйства, развитая наука и литература — «все изложено четко, связно, без тени намерения поучать или пародийности». Но весь этот огромный труд был прихотью большого интеллектуального сообщества («руководимого неизвестным гением»), которое было погружено в изучение несуществующей страны Тлен. Жители этой страны были привержены изначальному тотальному идеализму.

То описание СССР, которое с конца 1970-х годов составлялось элитой отечественного обществоведения, было именно «энциклопедией страны Тлен». Описание это становилось год от года все более мрачным, к 1985 году слившись с образом «империи зла», сфабрикованным идеологами администрации Рейгана.

О вкусах не спорят, а о языке, логике и мере, т. е. об инструментах познания профессионального сообщества, спорить необходимо. Мы должны понять, почему «не знали общества, в котором живем». Потому что ничего в этом плане не изменилось с тех пор. Те же профессора и академики советуют сегодня Правительству России, они же обучают российскую молодежь — по тем же учебникам, составленным из текстов «энциклопедии страны Тлен».

Каковы были признаки этого типа мышления? Провал нашего обществоведения выразился прежде всего в уходе от осмысления *фундаментальных* вопросов. Их как будто и не существовало, в момент быстрого развития кризиса не было никакой возможности поставить их на обсуждение. Из рассуждений была исключена категория *выбора*. Говорили не о том, «куда и зачем двигаться», а «каким транспортом» и «с какой скоростью». Иррациональным был уже сам тоталитарный лозунг перестройки *«иного не дано!»*, исключающий из анализа саму категорию *альтернатив*. А ведь так назывался сборник программных статей верхушки сообщества гуманитариев и социологов.

Конечно, сильное давление на элиту обществоведов оказал политический интерес. Эта элита перешла в 1980-е годы на антисоветские позиции, но чтобы сломать такую машину, как Советское государство

и хозяйство, надо было сначала испортить инструменты рационального мышления.

В среде обществоведов, которые разрабатывали доктрину реформ, методологическим принципом стала *безответственность*. Это сказалось самым страшным образом. Цель реформы была открыто провозглашена как *слово советской хозяйственной системы и создание необратимости*. Сама декларация о *необратимости как цели* показывает глубинную безответственность — как философский принцип.

Поражали метафоры перестройки. Вспомним, как обществоведы взывали: «Пропасть нельзя перепрыгнуть в два прыжка!» — и все аплодировали этому сравнению, хотя были уверены, что и в один прыжок эту пропасть перепрыгнуть не удастся. Не дали даже спросить, а зачем вообще нам прыгать в пропасть? Разве где-нибудь кто-то так делает, кроме самоубийц? Предложения «консерваторов» — не прыгать вообще, а построить мост — отвергались с возмущением.

Наблюдалась поразительная вещь: ни один из ведущих экономистов СССР никогда не сказал, что советское хозяйство *может быть переделано* в рыночное хозяйство западного типа. Никто никогда и не утверждал, что в России можно *построить* экономическую систему западного типа. Ситуация аномальная: заявления по важнейшему для народа вопросу строились на предположении, которого никто не решался явно высказать. Никто не заявил, что на рельсах нынешнего курса возникнет дееспособное хозяйство, достаточное, чтобы гарантировать выживание России как целостной страны и народа. Сколько ни изучаешь сегодня документов и выступлений, никто четко не заявляет, что он, академик такой-то, уверен, что курс реформ выведет нас на безопасный уровень без срыва к катастрофе. А вот предупреждений об очень высоком риске прийти к катастрофе было достаточно.

Доктрина реформ противоречила знанию, накопленному даже в рамках *либерализма*! В 1991 году к М.С. Горбачеву обратилась с «Открытым письмом» группа из 30 американских экономистов (включая трех лауреатов Нобелевской премии по экономике — Ф. Модильяни, Дж. Тобина и Р. Солоу; еще один, У. Викри, стал нобелевским лауреатом в 1995 году). Они предупреждали, что для успеха реформ надо сохранить землю и другие природные ресурсы в общественной собственности. Виднейшие западные экономисты видели разрушительный характер доктрины российских реформ и пытались предотвратить тяжелые последствия. Однако на их письмо просто не обратили внимания.

Главные обществоведы страны не утверждали, что жизнеустройство страны может быть переделано без катастрофы; но тут же требовали его переделать. Никакое научное сообщество не может принимать подобные катастрофические предложения без обоснования и критического

анализа. Это показывает, что к концу 1980-х годов в СССР и России уже не существовало сообщества обществоведов как *научной системы*.

Вот как характеризовала суть перестройки академик Т.И. Заславская: «Перестройка — это изменение типа траектории, по которой движется общество... При таком понимании завершением перестройки будет выход общества на качественно новую, более эффективную траекторию и начало движения по ней, для чего потребуются не более 10–15 лет... Необходимость принципиального изменения траектории развития общества означает, что прежняя была ложной».

Здесь сказано, что население и страну ждет не улучшение каких-то сторон жизни, а смена самого *типа* жизнеустройства, т. е. *всех сторон* общественного и личного бытия. Речь идет даже не о том, чтобы с перекрестка пойти «другой дорогой», а о том, чтобы сменить *тип траектории*. Что это означает?

Казалось бы, поставлена фундаментальная проблема, и следующим шагом должен стать данный на таком же фундаментальном уровне ответ на вопрос: «в чем же прежняя траектория была ложной?». Но нет, этот разговор велся (да и сегодня ведется) на уровне деталей бытового характера: облегчить выезд за границу; вместо универсамов учредить супермаркеты; цену поднять так, чтобы очередей не было; разрешить образование партий — Жириновского, Новодворской, Явлинского, а то скучно без них...

А ведь за утверждением Т.И. Заславской стояли вещи *экзистенциального* уровня. Например, предполагалось изменение всех фундаментальных прав человека — на пищу, на жилье, на труд. От общества, устроенного по типу семьи, когда именно эти права являются неотчуждаемыми (человек рождается с этими правами), предполагалось перейти к обществу, устроенному по типу рынка, когда доступ к первичным жизненным благам определяется только платежеспособностью человека. Как могла гуманитарная интеллигенция уклониться от обсуждения именно этой фундаментальной проблемы *выбора* и толковать об упрощении порядка работы ОВИРа?

Даже проблема ликвидации плановой системы хозяйства, *частная* по сравнению с общим изменением типа жизнеустройства, оказалась для интеллигенции слишком фундаментальной — о ней говорилось мало и только в технических терминах. Что, мол, лучше учитывает потребительский спрос на пиджаки — план или рынок? О том, что начата именно ликвидация плановой системы хозяйства, подавляющая часть граждан узнала слишком поздно; они надеялись, что обществоведы об этом вовремя их предупредят. А обществоведы в большинстве своем, похоже, и сами не понимали, чему аплодируют (о жуликах мы не говорим). *Если слепой ведет слепого, оба упадут в яму.*

Г.Х. Попов, «прораб перестройки» и вечный декан экономического факультета МГУ, верно писал в 1989 году: «В документах июньского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС “Основные положения коренной перестройки управления экономикой” и принятом седьмой сессией Верховного Совета СССР Законе СССР “О государственном предприятии (объединении)” есть слова, которые можно без преувеличения назвать историческими: “Контрольные цифры... не носят директивного характера”. В этом положении — один из важнейших узлов перестройки».

Попов понимал, что в законе прописаны *исторические слова!* Значит, речь идет о чем-то самом важном. Так растолкуйте это людям, декан советских экономистов! Как это скажется на нашей жизни? Методология фальсификации или мистификации, которая сложилась в обществоведении, была через систему образования и СМИ перенесена в методологию понимания населением самых простых и фундаментальных для жизни вещей, в подход к постановке вопросов, к вычленению главного, к выявлению причинно-следственных связей.

Т.И. Заславская в книге-манифесте «Иного не дано» (1988) пишет: «С точки зрения ожидающих решения задач предстоящее преобразование общественных отношений действительно трудно назвать иначе, как относительно бескровной и мирной (хотя в Сумгаите кровь пролилась) *социальной революцией*. Речь, следовательно, идет о разработке стратегии управления не обычным, пусть сложным, эволюционным процессом, а революцией, в *корне меняющей основные общественно-политические структуры, ведущей к резкому перераспределению власти, прав, обязанностей и свобод между классами, слоями и группами...* Спрашивается, возможно ли революционное преобразование общества без существенного обострения в нем социальной борьбы? Конечно, нет... Этого не надо бояться тем, кто не боится самого слова *революция*».

Подумайте: главный социолог страны и советник генсека КПСС объявляет, что власть погружает страну в *революцию*, что не надо бояться самого слова *революция*, что будут «резкое перераспределение власти, прав, обязанностей и свобод между классами, слоями и группами» и «обострение социальной борьбы» — и ни слова о том, какие антагонистические противоречия делают неизбежной такую катастрофу. Какие классовые интересы столкнулись в середине 80-х годов в стране, где были устранены массовая бедность и безработица, преодолена социальная вражда, вызванная резким расслоением по доступу к главным жизненным благам? В чью пользу произойдет «резкое перераспределение» всего? Ради каких ценностей вы тянете страну в революцию? Безответственность такого доктринерства просто потрясает. Человек бредит наяву — и это принимается как слово науки!

В марте 1990 года Т.И. Заславская представила на обсуждение в АН СССР доклад, который был опубликован под названием «Социализм, перестройка и общественное мнение» (СОЦИС, 1991, № 8). Доклад стал подведением итогов перестройки в оценке ведущего социолога, непосредственно отвечавшего за ее «научное сопровождение». В своем докладе Т.И. Заславская, в частности, заявила:

«Демократическая перестройка, происходящая в нашей стране, была задумана как реформа “сверху”, но на практике переросла в революцию “снизу”, поддержанную многомиллионными массами...

Летом 1990 года мы спросили своих респондентов о том, каковы, по их мнению, главные результаты пяти лет перестройки общественных отношений. Наибольшее число голосов получили ответы: “потеря уверенности в завтрашнем дне” — 43%, “кризис национальных отношений” — 37%, “хаос и неразбериха в управлении страной” — 29%, “углубление экономического кризиса” — 28%...

Чтобы выяснить, как большинство людей оценивает влияние перестройки на собственную жизнь, был задан вопрос: “Стала ли Ваша жизнь после того, как в 1985 г. к руководству пришел М.С. Горбачев, лучше, хуже или не изменилась?”. 7% ответили, что их жизнь улучшилась, 22% — не изменилась, у 57% стала хуже, 14% затруднились ответить... Дальнейшее нарастание экономических трудностей и политической напряженности предсказывали 63 и 59%.

Общественное мнение чутко улавливает тенденцию к усилению социального расслоения: ее отмечают 59–63% опрошенных. Почти 60% уверены, что в дальнейшем различия в уровне жизни богатых и бедных будут расти. Когда же мы попытались выяснить, кто имеет наибольшие шансы повысить свои доходы, то на первые места вышли ответы: “богаче станут только те, кто живет нечестным трудом” (46%), “получать больше станут те, кто сумеет пристроиться на хорошую работу” (43%), “богатые станут жить богаче, а бедные — беднее” (41%) ... Только 2–3% опрошенных верят, что от перемен в экономике выиграют рабочие, крестьяне и интеллигенция»¹.

Поражает логика идеолога *демократической* перестройки, которая якобы переросла в революцию многомиллионных масс. Ведь по приведенным самой Т.И. Заславской данным, большинство опрошенных оценивали перестройку как бедствие, которое будет лишь углубляться в ходе начатой реформы. Какая может быть «революция снизу», когда «только 2–3% опрошенных верят, что от перемен в экономике выиграют рабочие, крестьяне и интеллигенция»? О чем думали ведущие обществоведы, слушавшие этот доклад в Президиуме АН СССР? Кстати, как

¹ Выдержки из доклада см. также в Приложении.

можно было не заметить крайнего *антидемократизма* принципиальных положений этого доклада?

Социологи, эта гвардия обществоведения, оказались совершенно неспособны определить социальную структуру общества и установки основных социальных групп — их поведение в ходе преобразований представлялось «неправильным». Один из «прорабов перестройки» и номенклатурных философов Юрий Карякин после выборов декабря 1993 года, на празднике «Нового политического года» в Кремле, увидев на большом экране первые результаты голосования на Дальнем Востоке, возопил: «Россия, ты одурела!». Он ожидал совсем других результатов.

Те выборы показали полную несостоятельность постсоветского обществоведения. Бывший советский, а в то время уже американский, социолог В.Э. Шляпентох дает в двух номерах журнала СОЦИС (1995, № 9 и № 10) подробный обзор той кампании. Он пишет: «Исследователи потерпели поражение не только в предсказании победителей, но даже в предсказании очередности, с которой партии пришли к финишу. Проще говоря, они не смогли оценить относительное влияние (вес) политических сил в стране... Российские исследователи потерпели поражение в попытках предсказать число людей, которые примут участие в выборах. Согласно различным опросам предсказывалось, что примут участие 60–65% избирателей. Число же тех, кто голосовал 12 декабря, было официально признано чуть превышающим 50%, хотя эти данные рассматривались некоторыми экспертами (А. Собянин) как вызывающие подозрение. Он считал, что только 46% потенциальных избирателей принимали участие в выборах...»

Юрий Левада, руководитель ВЦИОМ, во время беседы по телевидению 2 декабря предсказывал решительную победу правительственных сил. Ожидалось, что партия Гайдара соберет 30% голосов, блок Явлинского («Яблоко») будет иметь поддержку 20%. Ожидалось, что коммунисты и аграрии разделят 6–8% между собой и другими партиями. Либерально-демократическая партия Жириновского была вовсе проигнорирована. ... Большинство других организаторов опросов были убеждены, как и ВЦИОМ, в бесспорной победе проправительственных сил...

Результаты выборов потрясли как всю страну, так и Запад². ... В течение четырех десятилетий, когда эмпирические исследования были распространены в России, российские социологи никогда не были так посрамлены, как в декабре 1993 г. ... Забота российских социологов о методологических и методических проблемах, очевидно, пришла в упадок...

---

² ЛДПР получила 23,9% голосов, альянс коммунистов, аграриев и «Женщин России» — 31,1%, «Выбор России» — 14,5%, «Яблоко» — 7,3%.

Несколько месяцев спустя Ю. Левада признал, что новая политическая реальность, которая появилась в стране в 1993 г., была неправильно понята как политиками, так и исследователями... Б. Грушин дал более глубокое замечание в оценке декабрьского провала. В своей статье «Фиаско социальной мысли» он сделал крайне пессимистические и агностицистские заявления, предположив, что российское общество в его нынешней изменчивой форме представляет неподдающиеся измерению проблемы для социальных наук³.

Однако гораздо более фундаментальным провалом обществоведения стала разработка доктрины экономической реформы, которая непосредственно повлияла на судьбу страны и населения. Уже к середине 1990-х годов мнение о том, что экономическая реформа в России «потерпела провал» и привела к «опустошительному ущербу», стало общепризнанным (пусть негласно) и среди российских, и среди западных специалистов. Нобелевский лауреат по экономике Дж. Стиглиц дает такую оценку: «Россия обрела самое худшее из всех возможных состояний общества — колоссальный упадок, сопровождаемый столь же огромным ростом неравенства. И прогноз на будущее мрачен: крайнее неравенство препятствует росту».

Вдумаемся: в результате реформ мы получили *самое худшее из всех возможных состояний общества*. Значит, речь идет не о частных ошибках, вызванных новизной задачи и неопределенностью условий, а о *системе ошибок*, о возникновении в сознании проектировщиков реформы «странных аттракторов», которые тянули к выбору наихудших вариантов из всех возможных, тянули к катастрофе.

Перед нами явление крупного масштаба: на огромном пространстве при участии влиятельной интеллектуальной группировки искусственно создана хозяйственная и социальная катастрофа. Ее интенсивность не имеет прецедента в индустриальном обществе Нового времени. Украина — большая европейская страна с высоким уровнем научного и промышленного развития. В 2000 году средняя реальная заработная плата здесь составляла 27% от уровня 1990 года (в РФ — 42%, в Таджикистане — 7%).

Казалось бы, перед обществоведением возник очень важный в теоретическом и еще более — в практическом плане объект исследований, анализа, размышлений и диалога. Но за прошедшие 20 лет никакого

---

³ Б. Грушин отметил, что «острое недоверие масс к власти, нежелание иметь любые контакты с правительством, и факт, что опросы идентифицировались с властью, объясняет, почему многие россияне не понимают роль опросов общественного мнения и не хотят быть искренними с интервьюерами». В январе 1994 г. он вышел из Президентского Совета, т. к. ощутил несовместимость своей позиции с ролью независимого организатора опросов.

стремления к рефлексии по отношению к методологическим основаниям реформы в среде обществоведов не наблюдается! За исключением отдельных личностей, которые при настойчивой попытке гласной рефлексии становятся диссидентами профессионального сообщества.

Дж. Стиглиц констатирует: «Россия представляет собой интереснейший объект для изучения опустошительного ущерба, нанесенного стране путем «проведения приватизации любой ценой»... Приватизация, сопровождаемая открытием рынка капитала, вела не к созданию богатства, а к обдиранию активов. И это было вполне логичным».

Другими словами, реформаторы и их ученые советники совершили ошибки, которые можно было предсказать чисто логическим путем, т. е. ошибки *тривиальные*. Так надо признать это и совместно выяснить причины ошибок! Как можно отказываться от пересмотра ошибочных воззрений и при этом продолжать называть себя ученым? Но рефлексии нет!

Отбросим предположения о том, что доктрина реформ являлась плодом сатанинского заговора против России. Но тогда остается признать, что ее замысел был в научном плане несостоятельным — он включал в себя ряд ошибок *фундаментального* и *тривиального* характера. Эти ошибки делались вопреки хорошо систематизированному историческому опыту России, вопреки предупреждениям множества советских и российских специалистов, вопреки предупреждениям видных зарубежных ученых. Этот факт также требует рефлексии, ибо говорит об очень глубокой деформации всей системы норм научной рациональности в отечественном обществоведении.

Как известно, одна из главных идей, положенных в основание российской реформы, сводилась к переносу в Россию англо-саксонской модели экономики. Эта идея выводилась из, казалось бы, давно изжитого примитивного евроцентристского мифа, согласно которому Запад через свои институты и образ жизни выражает некий универсальный закон развития в его наиболее чистом виде. Американские эксперты, работавшие в Москве, отмечают: «Анализ экономической ситуации и разработка экономической стратегии для России на переходный период происходили под влиянием англо-американского представления о развитии. Вера в самоорганизующую способность рынка отчасти наивна, но она несет определенную идеологическую нагрузку — это политическая тактика, которая игнорирует и обходит стороной экономическую логику и экономическую историю России».

Народное хозяйство и жизнеустройство любой страны — это большая система, которая складывается *исторически* и не может быть переделана исходя из доктринальных соображений. Выбор в качестве образца для построения нового общества России именно США — страны,

созданной на совершенно иной, нежели в России, культурной матрице — не находит рациональных объяснений. Трудно сказать, какие беды пришлось бы еще испытать российскому народу, если бы у реформаторов действительно хватило сил загнать Россию в этот коридор.

Дж. Грей пишет то, что знали и основоположники современной русской культуры, и подавляющее большинство граждан СССР: «Значение американского примера для обществ, имеющих более глубокие исторические и культурные корни, фактически сводится к предупреждению о том, *чего им следует опасаться*; это не идеал, к которому они должны стремиться. Ибо принятие американской модели экономической политики непременно повлечет для них куда более тяжелые культурные потери при весьма небольших, чисто теоретических или абсолютно иллюзорных экономических достижениях».

Дело вовсе не в идеологии, речь идет об исторически заданных *ограничениях* для выбора модели развития. Можно говорить о рациональности неолиберализма — в рамках специфической культуры Запада и его экономической реальности. Но это вовсе не значит, что постулаты и доводы неолиберализма являются рациональными и в существенно иной реальности — например, в России. Это — элементарное правило. В 1996 году американские эксперты, работавшие в РФ (А. Эмсен и др.), признали: «Политика экономических преобразований потерпела провал из-за породившей ее смеси страха и невежества».

Страх — понятная эмоция специалистов, чьи рекомендации привели к катастрофе. Но почему этот страх не был обуздан рациональным научным знанием? Объяснить этот феномен — приоритетная задача интеллигенции. Какова природа *невежества*, которое привело реформу к тяжелому кризису? Изживается ли это невежество сегодня? Какие социальные механизмы блокируют рефлексию обществоведов России? Можно говорить о глубокой деградации когнитивной структуры, которая связывала обществоведов в профессиональное сообщество.

Поясим этот термин, который придется не раз использовать в дальнейшем, — *когнитивный* (от лат. *cognitio* — становиться причастным к знанию). Этот термин введен, видимо, чтобы не перегружать ключевое в философии понятие «познавательный». Когнитивная структура — это соединенная в систему совокупность познавательных средств: языка (понятий), фактов, теоретических концепций и методов получения и передачи знания. Человеческие общности (в частности, профессиональные сообщества) соединены, наряду с другими типами связей, общей когнитивной структурой. Кризис когнитивной структуры нередко ведет к распаду сообщества.

Что произошло с российским обществоведением после ликвидации СССР? Кризис, в создании которого активное участие принимало со-

общество обществоведов, в свою очередь нанес самый тяжелый удар (в системе знания) именно по *обществоведению*. Специфические сценарии и процессы в каждой отдельной области (экономике, социологии, этнологии и пр.) могут различаться, но в целом их состояние характеризуется рядом общих черт. Главными можно считать следующие:

- кризис мировоззренческой матрицы советского проекта в 60–80-е годы XX века и производный от него кризис когнитивной основы советского обществоведения;
- кризис легитимности советской политической системы в 1980-е годы и распад сообщества обществоведов; формирование группировок на идеологической и прагматической основе; «внешние» заказчики и спонсоры и их влияние на обществоведение;
- фрагментация информационной системы российского обществоведения; дискриминация при доступе к информационным ресурсам по идеологическим и экономическим основаниям;
- изменение системы отношений с «социальными заказчиками» и возникновение «интеллектуального предпринимательства» в сфере обществоведения — целью становится не достоверное знание, а обоснование заказанного вывода;
- изменение системы господства в России и новая структура «научного фронта» в обществоведении;
- системный кризис в России и отход от норм рационального мышления в элите и в массовом сознании.

Согласно этому перечню, первым фактором, определяющим состояние обществоведения, является воздействие на научное сообщество *наследия советского периода*. Инерция этого воздействия очень велика, и ее преодоление само по себе есть актуальная и сложная задача обществоведения, которая в явном виде даже еще не поставлена. Без рефлексии и рационального диалога с этой инерцией не справиться.

Важнейшей особенностью обществоведения в советское время был искажающий реальность методологический фильтр, через который оно видело свой предмет. Этим фильтром был специфический способ понимать общество в его развитии — *исторический материализм*. Фатализм истмата был когда-то полезен трудящимся как заменитель религиозной веры в правоту их дела, но в советское время положение изменилось принципиально. Теперь требовался не «заменитель религиозной веры», а достоверное *знание*. Фатализм стал, как выражался Антонио Грамши, «причиной пассивности, дурацкого самодовольства». И Грамши записал в «Тюремных тетрадах» такое замечание: «Что касается исторической роли, которую сыграла фаталистическая концепция философии практики [исторический материализм], то можно было бы воздать ей заупокойную хвалу, отметив ее полезность для определенного исторического

периода, но именно поэтому утверждая необходимость похоронить ее со всеми почестями, подобающими случаю».

Эти похороны не состоялись и сегодня — истмат лишь «вывернут» в фундаментализм механистического неолиберализма. Реформа 1990-х годов никак не сказалась на статусе методологии истмата, потому что он с этой реформой оказался вполне совместим — стоило только сказать, что пролетарская революция не созрела, советский строй был реакционным, следовательно, надо способствовать развитию производительных сил в рамках капитализма. И потому-то основная масса обществоведов от истмата сегодня совершенно искренне находится в одном стане с ренегатами марксизма. Нельзя проходить мимо такого важного явления, как *антисоветский марксизм* 1960–1980-х годов на Западе и в СССР.

Мы стоим перед фактом, который невозможно отрицать: советское обществоведение, в основу которого была положена марксистская методология исторического материализма, оказалось несостоятельным в предсказании и объяснении кризиса советского общества. Речь идет об ошибках, совершенных большим интеллектуальным сообществом, так что объяснять эти ошибки аморальностью или конформизмом членов сообщества невозможно. Те методологические очки, через которые оно смотрело на мир, фатальным образом искажали реальность.

Критический анализ методологического оснащения доктрины марксизма является для постсоветского общества абсолютно необходимым. Этот анализ тем более актуален, что как правящая элита, так и оппозиция в России продолжают, хотя частью бессознательно, в своих умозаключениях пользоваться инструментами исторического материализма — смена идеологических клише «победившей» частью общества на это никак не влияет.

Более того, механицизм и «рыночный» детерминизм приобрели в нашем «неолиберальном» обществоведении характер фундаментализма. Произошел откат в методологических и ценностных установках, которого мало кто мог ожидать. Зачастую это даже не откат, а «прыжок в сторону» от привычных культурных норм. Речь, конечно, идет не обо всем обществоведении, но все же о доминирующей и официально признанной его части.

Кризис сообщества вызывался и внутренними причинами. После краха СССР в социальной структуре обществоведения сложилась компактная господствующая группа, объединяющей силой и ядром идейной основы которой является *антисоветизм*. У нее развито мессианское представление о своей роли как разрушителей «империи зла».

Вот статья-манифест А. Ципко (2000 г.), где о нынешней обществоведческой элите говорится так: «Мы, интеллектуалы особого рода, нача-

ли духовно развиваться во времена сталинских страхов, пережили разочарование в хрущевской оттепели, мучительно долго ждали окончания брежневского застоя, делали перестройку. И, наконец, при своей жизни, своими глазами можем увидеть, во что вылились на практике и наши идеи, и наши надежды...

Не надо обманывать себя. Мы не были и до сих пор не являемся экспертами в точном смысле этого слова. Мы были и до сих пор являемся идеологами антитоталитарной — и тем самым антикоммунистической — революции... Наше мышление по преимуществу идеологично, ибо оно рассматривало старую коммунистическую систему как врага, как то, что должно умереть, распасться, обратиться в руины как Вавилонская башня. Хотя у каждого из нас были разные враги: марксизм, военно-промышленный комплекс, имперское наследство, сталинистское извращение ленинизма и т. д. И чем больше каждого из нас прежняя система давила и притесняла, тем сильнее было желание дождаться ее гибели и распада, тем сильнее было желание расшатать, опрокинуть ее устои... Отсюда и исходная, подсознательная разрушительность нашего мышления, наших трудов, которые перевернули советский мир... Мы не знали Запада, мы страдали романтическим либерализмом и страстным желанием уже при этой жизни дождаться разрушительных перемен...».

Это разрушительное обществоведение стало опираться на столь идеологизированную когнитивную структуру, что в принципе не могло дать адекватного объяснения и даже описания того кризиса, в который погрузила Россию реформа.

Произошла деградация всей системы познавательных средств, на которой собирается интеллектуальное сообщество. Это значит, что в настоящее время российское общество не обладает коллективным субъектом научной деятельности в области обществоведения и трансляции знаний из этой области во все сферы общественной практики. Отдельные личности, малые группы и лаборатории не могут заменить *национального сообщества*.

Именно эта форма организации научной деятельности может обеспечить создание и поддержание *информационной системы*, соединяющей членов сообщества между собой, с международным сообществом, с обществом своей страны. За год в России в области обществоведения выпускается более 700 тыс. специалистов с высшим образованием, а почти единственный научный журнал по социологии выходит тиражом 3 тыс. экземпляров и практически никакого влияния на мышление огромной массы дипломированных специалистов не оказывает.

Только профессиональное сообщество может выработать, задать и поддерживать всю систему норм, регулирующих получение, проверку и движение научного и вообще рационального знания о предмете. Для

этого требуются соответствующая *социальная организация*, профессиональная «полиция нравов» и дееспособная система санкций. Ничего этого в постсоветском обществоведении нет. Самые тяжелые нарушения норм научности (по ошибке или по недобросовестности) не влекут за собой не только формальных профессиональных санкций, но и никакой реакции. На конференциях даже в учреждениях самого высокого статуса два докладчика один за другим могут говорить вещи, абсолютно несовместимые в познавательном плане, и это не вызывает не только дискуссии, но даже вопросов.

Речь идет не о личностях, а о той части высшей научной элиты страны, которая в своих книгах, докладах и выступлениях в СМИ задает стандарты понятийного языка, критерии, логику и меру. Была создана и силой авторитета навязана большей части гуманитарной интеллигенции аномальная *методологическая парадигма*. В ней стали господствовать не нормы научной рациональности и не ориентация на достоверность и истину, а корпоративные и партийные интересы. На языке этой парадигмы, с ее логикой и мерой стала мыслить и изъясняться основная масса преподавателей, подготовленных ими дипломированных специалистов, а затем и политики, бизнес-элиты, СМИ.

Сборка нового сообщества обществоведов на адекватной нынешним проблемам и процессам методологической основе — срочная и чрезвычайная задача в национальной повестке дня России.

Приложение

«Политически советское общество было и остается тоталитарным... Социально советское общество резко поляризовано. Полюса его социальной структуры образуют высший и низший классы, разделенные социальной прослойкой...

Нижний полюс советского общества образует класс наемных работников государства, охватывающий рабочих, колхозников и массовые группы интеллигенции. Границы этого класса в значительной степени совпадают с часто используемым газетным клише «трудящиеся». С моей точки зрения, «трудящиеся» составляют единый класс, отличительными особенностями которого служат практическое отсутствие собственности и крайняя ограниченность социально-политических прав. Положение этого класса характеризуется скученностью в коммунальных квартирах или собственных домах без удобств, низкими доходами, ограниченной структурой потребления, неблагоприятными экологическими условиями жизнедеятельности, низким уровнем медицинского обслуживания и социальной защиты...

Сотни миллионов обездоленных, полностью зависимых от государства представителей этого класса пролетаризированы, десятки миллионов — люмпенизированы, т. е. отчуждены не только от средств производства, но и от собственной истории, культуры, национальных и общечеловеческих ценностей...

Главное социальное отношение советского общества на протяжении десятилетий заключалось в экономической эксплуатации и политическом подавлении трудящихся партийно-государственной номенклатурой. Возникшее в начале 1930-х годов и резко углубившееся к 1980-м социальное противостояние этих классов носило и носит антагонистический характер...

Больное, прогнившее, резко дифференцированное общество предполагалось сделать здоровым и социально справедливым. Но идея социального возрождения могла сплотить только прогрессивные силы, заинтересованные в оздоровлении общества... Советскому обществу предстоит пройти через серьезные трудности, которые представляют своеобразную «плату» за приобщение к общечеловеческим ценностям...

Единственно разумной политикой является последовательный демонтаж тоталитарной государственно-монополитической системы в целях ее замены более эффективной системой «социального капитализма», сочетающего частную собственность с демократической формой политического правления и надежными социальными гарантиями для трудящихся... Такое развитие советского общества надо рассматривать как переход от самого негуманного и антисоциалистического капитализма в мире к значительно более цивилизованному, гуманному и «социализированному» капитализму...

В конце сентября 1990 г. ВЦИОМ провел опрос общественного мнения об исторической необходимости и итогах Великой Октябрьской революции... Анализ полученных данных позволил выделить четыре типа социально-политических позиций. Два первых типа характерны для 40–50% взрослого населения страны. Они объединяют людей, считающих: что большевики должны были взять власть (52%); что Октябрьская революция выражала реальную волю народов страны (39%); что она открыла новую эру в ее истории, дала толчок ее социальному и экономическому развитию (45%).

Респонденты второго типа, составляющие 25–30%, придерживаются несколько иных позиций. Признавая историческую необходимость революции, они осуждают многие действия большевиков... Третья позиция отличается от второй перерастанием критицизма в принципиальное неприятие идей Октябрьской революции. Люди, разделяющие эту позицию, считают, что захват власти большевиками не был исторически

необходим (28%) ... Прямые сторонники перехода страны с социалистического пути на капиталистический составили около 10%...

В сентябрьском опросе 1990 г. был использован другой вариант того же вопроса: «Каким курсом должен следовать СССР в будущем?». За «отказ от социализма и переход к капитализму» здесь высказались 8%, за «социал-демократию североевропейского типа, сочетающую черты социализма и капитализма» — 30%...

Общий вывод заключается в том, что значительная часть советских людей считает избранный нашим обществом исторический путь ошибочным...

Как известно, отрицательное отношение рабочих к кооператорам, колхозников — к фермерам, работников торговли — к арендаторам магазинов доходит до сожженных домов, порезанного скота, разграбленного имущества. Есть основания ожидать, что по мере развития рынка и формирования слоя предпринимателей социальный конфликт между ними и основной массой трудящихся будет обостряться».

Т.И. Заславская. Социализм, перестройка и общественное мнение // СОЦИС, 1991, № 8.

В 2002 году Т.И. Заславская скорректировала свои утверждения и, на мой взгляд, убедительно. Она заявила:

«Наиболее соответствующей реальности мне представляется концепция, согласно которой в конце 1980-х годов в СССР назревала народно-демократическая революция, направленная против власти номенклатуры. Ее цель виделась в замене авторитарно-бюрократического общественного устройства либерально-демократическим. Движущей силой поднимавшейся революционной волны был «средний класс» советского общества, представленный хорошо образованной, квалифицированной, но социально и политически ущемленной и неудовлетворенной своим положением интеллигенцией. Ее лозунгом было совершенствование социализма, придание ему демократического лица, расширение прав и свобод человека, повышение благосостояния народа.

Революционно настроенной части общества противостояла политическая номенклатура, опиравшаяся на партийно-государственную бюрократию. Демократические силы общества, едва освободившегося от тоталитаризма, были слабы, организационно и идейно разобщены. Они не имели ни политической программы, ни навыков политической борьбы, ни существенного политического влияния. Многоопытная номенклатура, в руках которой находились все значимые ресурсы общества, легко оттеснила демократов от ведущих позиций и предотвратила народно-демократическую революцию.

Вместо этого, общественная энергия была направлена на проведение радикальных (буржуазных по социальному содержанию) реформ 1992–93 гг.

Начиная же с середины 1990-х гг. Россия переживает *постреформенный* период, суть которого состоит, с одной стороны, в формировании и практическом внедрении в жизнь новых формально-правовых правил игры, а с другой — в весьма непростой, а нередко и остро конфликтной *адаптации* социальных субъектов (индивидов, организаций и групп) к новой институциональной структуре. Реализация этих функций связана с громадным расширением и типологической диверсификацией акторов, участвующих в преобразовании общества, множественность и неуправляемость взаимодействий которых придает этому процессу преимущественно стихийный характер.

Мой общий вывод заключается в том, что новой социальной революции в России не было. В действительности имела место эволюция, в основе которой лежало, однако, не постепенное и последовательное развитие, а цепочка сменявших друг друга кризисов. Исходный подъем демократических движений, соединившихся с национально-освободительными, завершился распадом СССР. Радикальные либерально-демократические реформы фактически вылились в ограбление общества горсткой в общем случайных людей. Начавшаяся затем спонтанная трансформация в условиях отсутствия у правящей элиты стратегии и политической воли имела следствием, прежде всего, крайнее ослабление государства и тотальную криминализацию общества. Причем каждый из этих этапов углублял кризисное положение России».

Заславская Т.И. О социальном механизме посткоммунистических преобразований в России // СОЦИС, 2002, № 8.

«Во время одной из телепередач на упрек в несостоятельности российских демократов Юрий Афанасьев неожиданно ответил: «Вы правы, результат реформ катастрофичен и, наверное, не могло быть по-другому. Мы, на самом деле, были слепые поводыри слепых».

Ципко А.С. Драма перестройки: кризис национального сознания // Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. М.: ИЭ РАН. 2008. С. 84.

Лекция 2

Несоответствие между кризисом России и обществоведением: попытка объяснения причин

Старшее поколение в течение последних 30 лет было свидетелем *несостоятельности* советского, а потом постсоветского обществоведения. Молодежь, может быть, этого так остро не чувствует, потому что основной провал обществоведения произошел раньше, чем она вошла в активную, сознательную жизнь. Это 80-е годы и первая половина 90-х годов XX века.

Говоря о провале обществоведения, мы имеем в виду его отказ как системы, как целостного института давать *достоверное знание* о главных процессах, происходящих в обществе, объяснять причины *главных противоречий* и вероятные *последствия* при том или ином ходе событий. Невыполнение этой главной функции не исключает, что при этом отдельные личности или малые коллективы ученых выполняют блестящие частные исследования, расшифровывают берестяные грамоты, пишут интересные монографии. Отказ системы заключается в том, что все эти блестящие частные работы не соединяются в знание и понимание массивных общественных процессов.

Поговорим о главных причинах этого провала, отвлекаясь от множества *отягчающих обстоятельств*, которые часто и принимают за причины. Их мы в дальнейшем, в ходе последующих лекций, будем добавлять, уточняя и приукрашивая картину. А сейчас сформулирую основные причины, как они видятся сегодня.

Сначала — банальные, очевидные вещи. Человек живет в трех «мирах» — мире *природы*, мире *техники* (искусственно созданной *техносфере*) и *обществе*. Все они сцеплены между собой, и знание о каждом блоке перекрывается с другими. И в то же время каждый из этих «миров» обладает достаточной автономией, чтобы стать предметом специального знания. Поэтому мы различаем *природоведение*, систему знаний о *технике* как материальной культуре и знание о *человеке и обществе*.

При этом знание об одной сфере становится инструментом познания в другой. Так, в знании о человеке используются целые блоки знания о технике — человека уподобляют машине, которая служит полезной моделью. Борьбу за существование зверей в джунглях переносят на мир человека в качестве метафоры, на которой основано социалдарвинистское представление об обществе. Это прием познания, стимулирующий мысль, но часто — ведущий к ошибке. В то же время наблюдается *антропоморфизм* — проекция идеального типа человеческих отношений на природу.

Сравним образы животных у Льва Толстого и Сетона-Томсона (его рассказы раньше были очень популярны). Толстой, с его утверждением любви и братства, изображает животных бескорыстными и преданными друзьями, способными на самопожертвование. Рассказы Сетона-Томсона проникнуты рыночной идеологией в стадии ее расцвета, животные у него наделены чертами оптимистичного и энергичного бизнесмена, идеального *self-made man*. Если они и вступают в сотрудничество с человеком, то как компаньоны во взаимовыгодной операции.

Тем не менее, несмотря на заимствование метафор и аналогий из мира природы и техники, мы примерно одинаково представляем себе корпус знания об обществе или *обществоведение*. Общество, как самостоятельный объект наших наблюдений и размышлений, поглощает оригинальность привнесенных метафор.

Эти знания и размышления возникли вместе с человеком, он сразу сгруппировался в человеческие общности и не пребывал долгое время в промежуточном состоянии *стада*. Появление разума резко усилило, ускорило эволюцию человека. Он возник, по историческим меркам, действительно очень быстро, как будто был *сотворен*. Человек сразу стал осознавать мир и себя в нем, создавать *знание* обо всех «трех мирах».

Сначала это было *мифологическое* знание, потом — *религиозное*. Накопление опыта, который упорядочивался и систематизировался, создавало массив *традиционного* знания. *Художественное* знание появилось сразу же, на самых ранних стадиях развития человека.

Таким образом, мы можем представить знание об обществе как сложную систему, которая включает в себя много разных способов познания и сохранения знаний о человеке и обществе. Эта система развивалась на протяжении всей жизни человечества, и никакой из видов этого знания не был устранен. Система надстраивается, появление новых типов познания увеличивает ее разнообразие.

До сих пор мы в огромной степени мыслим об обществе *мифологически*, т. е. пользуемся мифами, которые и создаются, и вытесняются другими, и разрушаются. Это — важная часть обществоведения. Мы пользуемся *здравым смыслом*, быстро соединяя кусочки разного знания

и принимая в срочном порядке по возможности лучшее решение. Мы постоянно обращаемся к накопленным многими поколениями *традиционным* знаниям (знаниям *ремесленного* типа). Огромная литература, искусство дают современному культурному человеку очень большую часть знания об обществе, записанную на языке *художественных* образов. Этика, нравственность, идеология (которая появилась сравнительно недавно) — это тоже типы знания.

Но в XVII веке произошла огромная культурная мутация. В Западной Европе, перетекая одна в другую, произошли четыре *революции*. Религиозная революция — протестантская *Реформация* — изменила представления о Боге, о взаимодействии человека с Богом, а значит, и человека с человеком. Затем прошла *Научная* революция, которая создала новое представление о мире, в том числе и о человеке. Она дала человеку совершенно новый способ познания — *науку*.

Наука породила новый тип техники — прецизионную машину, которая стала основой современного промышленного оборудования. Возникла фабрика как *система машин*, произошла *Индустриальная* (промышленная) революция, которая перевернула организацию общества — и производство, и быт, и социальную структуру. Произошли и *политические* (буржуазные) революции, которые оформили все эти изменения как новый общественный строй. Возникло новое, индустриальное общество, названное *современным* (обществом *модерна*). Возник новый человек, по своей культуре и самосознанию резко отличающийся от человека Средневековья. Возникла новая цивилизация, которую мы знаем как *современный Запад*.

Эта цивилизация оказалась очень энергичной, ей была необходима постоянная экспансия, нужно было постоянно расширяться в разных измерениях — географически, экономически, в познании, в военной силе... Так акула не может стоять на месте, она должна все время плыть, чтобы дышать.

Большую часть мира Запад превратил в свои колонии, овладел этим пространством. Многие местные культуры при этом погибли. Сильным цивилизациям пришлось закрываться от Запада разными барьерами — культурными, военными, экономическими. И при этом они были вынуждены *модернизироваться*. Чтобы устоять перед историческим вызовом со стороны Запада, им нужно было осваивать средства, дающие ему силу, — знания, технологии, многие общественные институты. Это освоение западных достижений и называется *модернизация*.

Модернизация — тяжелый, болезненный процесс. Россия, которая была намного больше открыта Западу, чем, например, Китай или Индия, пережила несколько волн и *кризисов* модернизации. Для нашей темы важен тот факт, что на Западе уже в ходе Научной революции воз-

ник принципиально новый метод познания общества — *научное обществоведение*.

Когда в Западной Европе возникло новое общество, оказалось, что прежние способы господства и управления стали неадекватными новой социальной структуре и новой культуре. Раньше, в рабовладельческом и сословном обществе, люди были закреплены в строго определенных нишах с хорошо отработанными на опыте средствами господства. Старого опытного традиционного знания было достаточно, чтобы управлять обществом. Важнейшую функцию в этом выполняли жрецы, а затем — Церковь. Религия была инстанцией, беспрекословно задающей нормы поведения.

Теперь, в новом обществе, появились массы людей, не включенных ни в какие общинные структуры; к тому же это были массы, порожденные *революцией*, люди с новым мышлением, отвергающие прежнюю иерархию и прежние авторитеты. Сам мир был лишен святости в ходе протестантской Реформации, тем более лишенными святости оказались государство и власть. Требовалось новое знание об обществе, полученное с помощью новых методов исследования.

Знание это требовалось *срочно*. В 1996 году в журнале «Социологические исследования» состоялось заседание «круглого стола» на тему «История социологии и история социальной мысли: общее и особенное». Ж.Т. Тощенко высказал такую мысль: «Как и когда размежевались между собой социальное и социологическое знание, когда наступила грань, позволившая говорить о социологии как суверенной науке? Какие причины привели к ее институализации?»

Соглашусь с выводом, что история социальной мысли включает в себя все многообразие и богатство знаний об обществе... Что же касается социологического знания (даже не затрагивая многочисленных споров о предмете социологии), то оно могло появиться в условиях изменившихся обстоятельств — человек стал самоценностью исторического процесса лишь в период буржуазных революций и именно это было основанием для возникновения новой социальной науки. К тому же она стала прибегать к методам познания, не применяемым другими социальными науками, но широко используемыми в "точных". Конечно, социологическое знание в момент своего конституирования было во многом несовершенно, неполно, отрывочно, что затем в определенной степени, постепенно восполнялось (и до сих пор восполняется) трудом последователей и представителей данной отрасли знания».

Но я считаю, что главным побудительным толчком к возникновению социальной науки была не столько осознанная самоценность человека, сколько осознанные *угрозы*, зарождавшиеся в новом обществе. В ранних обществах главные угрозы порождались природными катаклизмами —

засухами и наводнениями, землетрясениями и извержениями вулканов. Эти опасности не исчезли, хотя от большинства из них человек оказался защищенным техникой и, шире, культурой. В Новое время главные угрозы стали порождаться самим *обществом* — и создаваемой человеком техносферой, и конфликтами интересов между социальными или национальными общностями, и быстрыми сдвигами в массовом сознании или в коллективном бессознательном. Возникла, например, массовая преступность совершенно нового типа, и надо было искать новые способы «надзирать и наказывать», изобретать тюрьмы совершенно нового типа.

Эти угрозы для их предвидения и преодоления требовали уже интенсивной исследовательской работы в рамках научного метода — традиционного знания и здравого смысла для этого было недостаточно. Само управление должно было стать *технологией*, основанной на знании научного типа.

Так и возникло обществоведение — не ремесленное, не опытное, а *научное*. К сожалению, образование не дало нам знания *истории* этого процесса. В последние тридцать лет само западное обществоведение начало раскапывать истоки тех смыслов и представлений, на которых стоит современное общество Запада. Французский философ Мишель Фуко начал большой проект «Археология знания». Он стал выявлять корни того современного знания об обществе, которые предопределили тип самосознания Запада. Книги этой серии очень интересны, с ними мы лучше понимаем нашу историю, находя и отличия от Запада, и то, чему Россия научилась у него.

Какова предыстория современного российского обществоведения в сравнении с западным?

Начнем с того, что Россия — как государство и как цивилизация — очень *молода* по сравнению и с Западом, и с Востоком. Той предыстории, которая была у Запада, у нас нет, а из нее многое вытекает.

Древние Греция и Рим имели обществоведческие тексты *протонаучного* типа уже с IV века до н. э., в античной философии. «Афинская полития» Аристотеля — это обществоведческие трактаты об обществе, государстве и власти, которые и сегодня воспринимаются как вполне современные (их следовало бы почитать нашим политикам, даже со степенью доктора политических наук). Фундаментальным обществоведческим трудом был «Свод гражданского права» византийского императора Юстиниана (середина VI века). Главная его часть была издана в 50-ти томах. Античная философия, политология и право вошли в культуру и даже в массовое сознание Запада, когда в Европе с конца XI века начали вводить римское право, причем обучение ему было именно *массовым*.

Христианская философия, христианское представление о человеке и обществе, опирающееся на систему религиозных постулатов, тоже

отложились в большом своде обществоведческих текстов. Достаточно вспомнить Бл. Августина, который, по словам русского православного философа Е.Н. Трубецкого (1863–1920), «собирая обломки древней культуры, вместе с тем закладывал основы средневекового, частью же и новейшего европейского мирозерцания... Будучи отцом и, можно сказать, основателем средневекового католичества, он вместе с тем другими сторонами своего учения был пророком протестантства».

Историки указывают на условия, которые уже с конца IV века стали разводить пути развития Восточной и Западной частей Римской империи. В Константинополе сложилась крепкая светская власть императора в единстве с Церковью, а на западе с трудом поддерживалось неустойчивое равновесие между христианской и языческой частью расколотого общества при постоянных угрозах со стороны варваров.

Е.Н. Трубецкой пишет об этом в своем труде «Мирозерцание Блаженного Августина»: «Атомарный индивидуализм разлагающегося общества в то время уже сливается с индивидуализмом пришлых германских элементов, прорвавшихся в империю. Расшатанный до основания государственный порядок уже не в состоянии сдержать анархического произвола, и церковь одна стоит против индивидуализированной личности с ее стремлением к безграничной свободе и ненасытной жадной жизни. Привыкшая к разносторонней практической деятельности — не только духовной, но и мирской, — церковь мало-помалу проникается элементами античной культуры, насыщается государственными идеями Древнего Рима. Ее епископы являются представителями не только духовной власти, но и светских преданий, юридических и административных. Ее духовенство в управлении и господстве над людьми, и пастыри ее могли быть для варваров не только наставниками в вере, но и учителями права».

Августин выразил драму человека в обществе, переживающем колоссальный мировоззренческий, духовный и социальный сдвиг — от языческой древности к христианскому Средневековью и от рабства к новому жизнеустройству. Его «Исповедь» близка нам сегодня по ощущению подобного кризиса.

Вселенские соборы и диспуты с еретиками, организация монастырей и школ, хозяйственные отчеты управляющих поместьями рыцарских орденов, разработка больших программ типа Крестовых походов — все это было насыщено проблематикой, которую мы сегодня отнесли бы именно к обществоведению. В Средние века схоласты в монастырях и университетах вырабатывали нормы и методы дискуссий, способы постановки задач и средства умозаключений. Они выполняли исключительно трудоемкую работу по созданию познавательных средств, приложимых к реальности общества. Масштабы этой интеллектуальной ра-

боты были, по меркам Руси того времени, очень и очень велики. Трудно сказать, каким было бы Русское Средневековье, если бы не нашествие монголов. Но исторической реальности не изменишь.

Литература, практически современного типа, возникла на Западе очень давно. В XVI веке многие произведения уже представляли собой замечательные обществоведческие и философские трактаты. Сервантес и Шекспир одновременно представили два главных социокультурных ареала Запада. Сервантес описал традиционное общество католического юга, а Шекспир — общество и составляющие его культурные типы уже периода грядущей Научной революции и Реформации. Дон Кихот и Гамлет — сложные и очень важные обществоведческие модели.

Университеты и книгопечатание — огромное дело. Болонский университет учрежден в 1088 году, в нем учились великие философы и поэты (назовем Данте Алигьери, Франческо Петрарку и Николая Коперника). В Средние века книг было очень мало — в церкви обычно имелся один экземпляр Библии (хотя качество тех изданий потрясает). В университетах за чтение книги бралась плата. Первые книги были изданы с помощью печатного станка Гутенберга в 1445 году, и еще до конца XV века в мире работало уже свыше тысячи типографий. По историческим меркам мгновенно был превышен весь наличный фонд рукописных книг человечества. Всего за 50 лет книгопечатания в Европе было издано 25–30 тыс. названий книг тиражом около 15 млн экземпляров. Это был переломный момент. На массовой книге началось строительство и новой школы.

Таким образом, та культурная почва, на которой должно было возрасти современное обществоведение, нарастала на Западе очень долго и культивировалась очень большими силами.

Если взглянем на Восток — та же самая картина. Китайская цивилизация насчитывает более двух тысяч лет (некоторые историки говорят о пяти тысячах). Введение единой системы письма и государственной идеологии (конфуцианства) произошло в I веке до н. э., а это — признак уже весьма высокого уровня развития. Культурный китаец сегодня оперирует сентенциями, изречениями и аллегориями из литературы очень большой исторической глубины. Как говорят китаеведы, в глубоком захолустье можно увидеть, как плывет на лодке с шестом крестьянин и поет для себя арию из средневековой оперы.

Возьмем переводы рассказов китайского писателя XVII века Пу Сун-лина «Лисьи чары» и «Монахи-волшебники». Они вышли в СССР в 1922 году, а затем неоднократно переиздавались большими тиражами. В русскую культуру этот шедевр ввел В.М. Алексеев (с 1918 года — профессор Петроградского университета, с 1929 года — член АН СССР). Эти рассказы — замечательное описание средневекового китайского общества, с множеством оттенков и экскурсами в историю.

Наше представление о Монголии сложилось на основе знаний XIX–XX веков, через четыре века после ее упадка. А ведь в XIII–XIV веках это государство было объектом внимательного изучения китайских и арабских исследователей. Уже сочинения 1233–1236 годов содержали ценные сведения о государственном аппарате, правовой системе, военном деле и разведке монгольского государства в период подготовки небывалого по масштабам похода в Восточную Европу (во главе с Батыем). Эти сочинения — продукт обществоведения высокого уровня. Таков и более поздний труд Марко Поло, который и сегодня актуален для нас как источник знания об империи монголов на территории будущей России.

Выдающимся памятником XIII века является «Тайная история монголов», а также собрание последующих средневековых летописей. Монголия была центром, куда стекались культурные ценности и съезжались ученые всего Востока. В закрытом фонде музея в Улан-Баторе хранятся буддийские энциклопедии. Это Канон *Ганджур* («Прямые слова Будды»), составленный в первой трети XIV века. Он состоит из 108 томов. Вторая энциклопедия — *Данджур* («Перевод комментариев») — представляет собой 254 тома комментариев к *Ганджуру*, около трех с половиной тысяч текстов. В большой мере их можно отнести к категории обществоведческих. Трудно передать потрясение, которое испытываешь при виде этих великолепных, тисненых золотом прекрасно иллюстрированных изданий. Это чудо, великое достижение разума и художественного вкуса.

Энциклопедии занимают стеллажи вдоль стен зала, а в центре, под стеклом — монгольские приключенческие романы о путешествиях в Индию, богато иллюстрированные. И это XIV век!

Какова база под знанием об обществе в нынешней Японии? Тоже мощная. Когда в XIX веке там разрабатывали большую программу модернизации («реставрация Мэйдзи»), то изучали исторические документы, чтобы сконструировать подходящие социальные формы для этой программы. Остановились на принципах межсословных и межклановых контрактов между самураями, крестьянами, ремесленниками и торговцами, которые действовали в XI веке¹.

Принципы межсословных контрактов, взаимная ответственность сторон, практика и результаты их применения были так глубоко и полно изложены, что этим знанием оказалось возможным воспользоваться и через 800 лет. Значит, уже в XI веке в Японии были хорошо развиты понятийный аппарат, логика и способ формализации знания в обществоведении — настолько, что это знание можно было легко перевести на современный язык и приложить к современным проблемам.

---

¹ Хотя торговцы были самым низшим из четырех сословий, накопленное богатство позволяло им иметь весьма высокий образовательный и культурный уровень.

В древней Японии была хорошо развита и *социодинамика* обществоведческого знания в виде сети библиотек и книгохранилищ и в лице большого контингента образованных чиновников. До нашего времени дошел большой свод кодексов, детально регулирующих общественную жизнь. Российский японовед А.Н. Мещеряков упоминает знаменитый «манифест Тайка», изданный в 645 г. В этом указе были объявлены радикальные реформы прежней системы социально-политического устройства, такие как отмена частной собственности на землю и введение наделной системы землепользования, ликвидация личной зависимости, в которой находились некоторые категории населения, и др.

По словам А.Н. Мещерякова, интенсивные письменные коммуникации в Японии «обеспечили высокий уровень культурной гомогенности, не достигнутый ни в одной из крупных стран современного мира». И условием для этого было то, что уже в XI веке Япония была страной с небывало высоким уровнем грамотности (подробнее об этом см. в Приложении). Важным фактором считается и то, что любимым занятием простонародья были *математические игры*. А в Европе в Средние века человек (за исключением специалистов) не умел даже *считать*. «Дух расчетливости» появился только у протестантов в ходе Научной революции. Когда в Японию в XVIII веке проникли португальские миссионеры и голландцы и стали преподавать математику, они были поражены тем, как легко понимали японцы высшую математику, новую и для Европы.

Таким образом, знание об обществе и в Западной Европе, и в больших культурах Востока накапливалось и систематизировалось *очень долго*. Конечно, основной массив знания, которое требовалось для управления обществом и для конструирования новых социальных форм, по своему типу относился к традиционному знанию, накапливаемому во всех слоях общества и особенно чиновниками, правителями, военачальниками. Однако существенная часть этого знания к XVII веку уже относилась к протонаучному знанию, готовому к совмещению с требованиями *научной* рациональности. Это — очень важный фактор. Заменить длительный процесс «созревания» и выработки определенных интеллектуальных навыков в столь большой части общества форсированными программами очень трудно, а часто и вовсе не удается.

Россия оказалась именно в таком положении: создание обществоведческих трактатов и реальное их обсуждение в обществе и государственном аппарате начались только в XIX веке. О крестьянах, которые представляли главный социальный и культурный тип, который «держал» Россию, стали писать только после реформы 1861 года. Традиционное знание, основанное на длительном опыте государственного строительства и общественной жизни, накапливалось так же, как и в других

цивилизациях. Однако требовались чрезвычайные усилия, чтобы подготовить массивы этого знания к соединению их с научным методом. На это просто *не хватило времени*, и гуманитарно образованная часть общества не успела совершить мировоззренческий переход, необходимый для создания научного обществоведения.

Сейчас некоторые видные философы и социологи предлагают отказаться от демаркации между разными *типами* знания об обществе, не выделять *научный* тип знания как особый. В этом выделении они видят (и справедливо) дискриминацию более ранних (шире — иных) познавательных систем. На упомянутом «круглом столе» 1996 года Ю.Н. Давыдов предложил все типы знания об обществе считать *научными* (см. Приложение). Это дела не меняет и когнитивного конфликта не устраняет, но лишает нас важного критерия различения познавательных систем. А различение необходимо для интеграции знания («прежде чем объединяться, надо размежеваться»).

В начале XX века в системе знания о российском обществе наблюдался отказ за отказом — система была рыхлой, не имела сильного интегрирующего научного ядра. Государство и общество развивались при остром дефиците *знания о самих себе*. Задача, которая была ясна образованной части общества и государству, заключалась в том, чтобы в период империализма провести модернизацию, не будучи втянутыми в периферию западного капитализма в качестве дополняющей экономики. Эту угрозу создавало вторжение западного капитализма (особенно финансового) в хозяйство России с конца XIX века.

Царское правительство искало способы избежать такого хода событий. Было предложено много ценных идей и принято много важных решений — например, решение ввести в России народнохозяйственное планирование. В 1907 году Министерство путей сообщения составило первый *пятилетний план*, а деловые круги «горячо приветствовали этот почин» (русский капитализм тоже пытался избежать перспективы быть «переваренным» западным капиталом). Более широкие комплексные планы стала вырабатывать «Междуведомственная комиссия для составления плана работ по улучшению и развитию водяных сообщений Империи», которая работала в 1909–1912 годы. Приоритетом в этой плановой работе были внутренние потребности России. Так был подготовлен второй пятилетний план — капитальных работ на 1912–1916 годы. Реализации его помешала слабость госаппарата и начавшаяся война.

Однако в общем задачу преодолеть кризис модернизации в рамках сословного общества решить не смогли, Российская империя попала, по выражению М. Вебера, в «историческую ловушку» — систему взаимодействующих порочных кругов. Что бы ни делало царское правительство, недовольство нарастало. Наличием этих порочных кругов Вебер

объясняет, в частности, враждебное отношение самодержавия к *земству* как институту самоуправления, а значит — к значительной части дворянства и интеллигенции.

В попытках остановить революцию самодержавие было вынуждено подавлять своих естественных союзников. Дав урезанную, выхолощенную конституцию (Манифест 17 октября 1905 года), самодержавие стало ее заложником и потеряло свою силу, не приобретя ничего взамен. Отныне оно только ухудшало ситуацию, но не имело возможности ее улучшить. «Оно не в состоянии предпринять попытку разрешения какой угодно большой социальной проблемы, не нанося себе при этом смертельный удар», — писал Вебер.

Из этого, кстати, видно, какова была глубина той исторической ловушки, в которую попала Россия, становясь страной периферийного капитализма. Самодержавие при всем желании не могло ослабить барьер против либеральной модернизации, поскольку при этом был слишком велик риск, что из-под контроля выйдут уже гораздо более мощные силы «архаического коммунизма». Перед разгоном I Государственной думы (через 72 дня после начала ее работы, 8 июля 1906 года) лидер октябристов А.И. Гучков писал о двух вариантах — смене правого правительства или роспуске Думы: «В первом случае получим анархию, которая приведет нас к диктатуре; во втором случае — диктатуру, которая приведет к анархии. Как видите, положение, на мой взгляд, совершенно безвыходное. В кружках, в которых приходится вращаться, такая преступная апатия, что иногда действительно думаешь, да уж не созрели ли мы для того, чтобы нас поглотил пролетариат?».

Так дело довели до революции — во многом из-за недостатка знания. У власти даже отсутствовали адекватные российской реальности индикаторы, с помощью которых можно было бы следить за ходом общественных процессов. В результате власть делала ошибки, которых, в принципе, можно было бы избежать. Царю было присуще наивное (*аутистическое*) представление о реальности, главные противоречия которой якобы могут быть разрешены общенародной любовью к монарху и его непререкаемым авторитетом. Так, вера царя в крестьянский монархизм в существенной мере предопределяла неадекватность всей его политической доктрины.

Летом 1905 года, уже в разгар революции, при обсуждении с царем положения о выборах в Государственную думу один сановник предложил исключить грамотность как условие для избрания. Он сказал: «Неграмотные мужики, будь то старики или молодежь, обладают более цельным мирозерцанием, нежели грамотные». Министр финансов Кокцов возразил, сказав, что неграмотные «будут только пересказывать эпическим слогом то, что им расскажут или подскажут другие». Однако,

как он вспоминает, царь обрадовался благонадежности неграмотных. В тот момент это уже было не просто ошибочным, но и очень опасным взглядом — отлучение крестьян от образования стало одной из важных причин их сдвига к революционным установкам.

После начала войны с Японией, которую большинство народа быстро стало воспринимать как трагедию, в правящей верхушке возникла утопия «небольшой победоносной войны», которая, как считалось, укрепит монархию. Насколько верхушка уже была оторвана от реальности, говорит простодушная похвальба по этому поводу царя П.А. Столыпину, тогда саратовскому губернатору: «Если б интеллигенты знали, с каким энтузиазмом меня принимает народ, они так бы и присели».

Для нас важен факт, что несостоятельным оказалось и то обществоведение, на представлениях которого строили свои доктрины силы оппозиции. Прежде всего, это ведущая либерально-буржуазная партия (партия Народной свободы, «конституционные демократы» — *кадеты*), которая была реформистской и стремилась предотвратить революцию². Она собрала цвет интеллигенции, имела большую финансовую поддержку. Кадеты являлись интеллектуальной «партией мнения». Они имели в своих рядах многих видных философов и экономистов, ученых и публицистов. Склонные к рефлексии, кадеты оставили множество ярких выступлений, которые в совокупности служат для нас важным свидетельством эпохи. Они создали обширную прессу — до 70 центральных и местных газет и журналов, много партийных клубов и кружков. По интенсивности пропаганды и качеству ораторов им не было равных. И при этом их представления о России и ходе исторического процесса являлись ошибочными.

Главное противоречие программы кадетов заключалось в том, что они стремились ослабить или устранить тот барьер, который ставило на пути развития либерального капиталистического общества самодержавие с его сословным бюрократическим государством. Но Вебер предвидел, что при этом через прорванную кадетами плотину хлынет мощный антибуржуазный революционный поток, так что идеалы кадетов станут абсолютно недостижимы. Либеральная аграрная реформа, проведение которой требовали кадеты, «по всей вероятности мощно усилит в экономической практике, как и в экономическом сознании масс, архаический, по своей сущности, коммунизм крестьян», — вот вывод Вебера. Таким образом, их реформа «должна замедлить развитие западноевропейской индивидуалистической культуры».

---

² Эта партия поначалу была «антибуржуазной» и, как говорили в 1905 г. сами кадеты, «не имела противников слева» (а слева от нее были и эсеры, и большевики).

При этом политические требования кадетов как будто совпадали с крестьянскими — и те, и другие поддерживали идею всеобщего избирательного права. Но Вебер считал, что эти взгляды кадетов ошибочны, потому что крестьяне исходят из совсем иного основания: в их глазах всякие ограничения избирательного права противоречат традиции русской общины, в которой каждый землепользователь имел право голоса. Как пишет Вебер, «ни из чего не видно, что крестьянство симпатизирует идеалу личной свободы в западноевропейском духе. Гораздо больше шансов, что случится прямо противоположное. Потому что весь образ жизни в сельской России определяется институтом полевой общины».

Вебер писал, что кадеты прокладывали дорогу как раз тем устремлениям, которые устраняли их самих с политической арены. Так что кадетам, по словам Вебера, ничего не оставалось, кроме как надеяться, что их враг — царское правительство — не допустит реформы, за которую они боролись. Редкостная историческая ситуация, и нам было бы очень полезно проанализировать ее сегодня. Неудача кадетов очень важна для понимания России.

Другая важная сторона конституционализма — его несовместимость со сложившимся в России типом *существования народов*. Приняв за идеал государственного и общественного устройства Запад, либералы заведомо вели дело к разрушению России как многонациональной евразийской державы. Таким образом, в случае их успеха (как это и случилось в Феврале 1917 г.) их программа обрекала Россию на катастрофу, за которой должен был последовать неминуемый откат, реставрация, уничтожающая тогдашних носителей западного либерализма³. Тот факт, что кадеты этого не предвидели, говорит о серьезном дефекте когнитивной структуры их обществоведения.

Ошибочными были и представления о России *социал-демократов*, которые следовали установкам ортодоксального марксизма. Конфликт между этими установками и цивилизационными особенностями России сыграл очень важную роль в нашей судьбе в XX веке, и о нем мы будем говорить отдельно. Здесь скажем только, что в конце XIX века он выразился в том разгроме, который марксисты учинили народничеству (по прямому указанию Маркса). Это привело к тому, что было надолго

---

³ Это предвидел П.А. Столыпин, который в 1908 г. предупреждал либералов: «Но не забывайте, господа, что русский народ всегда сознавал, что он осел и окреп на грани двух частей света, что он отразил монгольское нашествие и что ему дорог и люб Восток; это его сознание выражалось всегда и в стремлении к переселению, и в народных преданиях, оно выражается и в государственных эмблемах. Наш орел, наследие Византии — орел двуглавый. Конечно, сильны и могущественны и одноглавые орлы, но, отсекая нашему русскому орлу одну голову, обращенную на восток, вы не превратите его в одноглавого орла, вы заставите его только истечь кровью».

задвинуто в тень ценное знание о России, которое собрали народники, разрабатывая концепцию «неподражательного пути» развития России.

Легальный марксист П. Струве утверждал, что капитализм есть «единственно возможная» форма развития для России, и весь ее старый хозяйственный строй, ядром которого было общинное землепользование крестьянами, есть лишь продукт отсталости: «Привить этому строю культуру — значит его разрушить». Распространенным было и убеждение, что разрушение (разложение) этого строя капитализмом западного типа уже стремительно идет в России. Плеханов считал, что оно уже состоялось. М.И. Туган-Барановский (легальный марксист, а затем кадет) в своей известной книге «Основы политической экономии» признавал, что при крепостном праве «русский социальный строй существенно отличался от западноевропейского», но с ликвидацией крепостного права «самое существенное отличие нашего хозяйственного строя от строя Запада исчезает... И в настоящее время в России господствует тот же хозяйственный строй, что и на Западе».

Большую роль в подавлении народников сыграл молодой В.И. Ленин и его фундаментальный труд «Развитие капитализма в России» (1899). Главной задачей этого труда сам Ленин считал укрепление марксистских взглядов на исторический процесс в России.

Ленин делает радикальный вывод об изменении классового строя российской деревни: «Доброму народнику и в голову не приходило, что, покуда сочинялись и опровергались всяческие проекты, капитализм шел своим путем... Старое крестьянство не только “дифференцируется”, оно совершенно разрушается, перестает существовать, вытесняемое совершенно новыми типами сельского населения, — типами, которые являются базисом общества с господствующим товарным хозяйством и капиталистическим производством. Эти типы — сельская буржуазия (преимущественно мелкая) и сельский пролетариат, класс товаропроизводителей в земледелии и класс сельскохозяйственных наемных рабочих».

Здесь реальность российской деревни втискивается в модель, которую Маркс разработал на материале «раскрестьянивания» в Англии — в совершенно иных условиях. Модель марксистов — как большевиков, так и «легальных» — была неадекватна в принципе, не в мелочах, а в самой своей сути. Но эта модель становилась главенствующей в России. При частной собственности на землю аграрное перенаселение в России позволило поднять арендную плату в 4–5 раз выше капиталистической ренты. Поэтому укреплялось не капиталистическое, а трудовое крестьянское хозяйство — процесс шел совершенно иначе, чем на Западе.

Ведущий экономист-аграрник А.В. Чаянов писал: «В России в период, начиная с освобождения крестьян (1861 г.) и до революции 1917 г.,

в аграрном секторе существовало рядом с крупным капиталистическим крестьянское семейное хозяйство, что и привело к разрушению первого, ибо малоземельные крестьяне платили за землю больше, чем давала рента капиталистического сельского хозяйства, что неизбежно вело к распродаже крупной земельной собственности крестьянам».

Из всех левых политических движений России лишь большевики и, в меньшей степени, левые эсеры преодолели евроцентризм марксизма, освоив уроки революции 1905–1907 годов. Ленин понял ошибочность главных выводов своего труда «Развитие капитализма в России». Это была «плодотворная ошибка», которая вела к новой теории революции — не с целью расчистки пространства для развития капитализма, а как средство предотвратить втягивание России в периферийный капитализм с раскрестьяниванием и архаизацией хозяйства.

Важной вехой на этом пути была статья Ленина «Лев Толстой как зеркало русской революции» (1908). В ней дана совершенно новая трактовка русской революции. Ленин очень осторожно выдвигает кардинально новую для марксизма идею о революциях, движущей силой которых является не устранение препятствий для господства «прогрессивных» производственных отношений (капитализма), а именно предотвращение этого господства — стремление *не пойти* по капиталистическому пути развития. Это — новое понимание сути русской революции, которое затем было развито в идейных основах революций других крестьянских стран. Такое «преодоление» марксизма привело, однако, к глубокому расколу с меньшевиками.

Вебер считал, внимательно изучая нашу революцию 1905 года, что происходящие в России процессы имели фундаментальное значение для обществоведения. Это было первое крупномасштабное столкновение традиционного (в основном крестьянского) общества с наступающим на него современным капитализмом. Такое столкновение давало очень ценное знание как о современном капитализме, так и о его главном противнике — традиционном обществе. Вебер даже изучил русский язык, чтобы следить за ходом событий.

Методологическая слабость российского обществоведения во многом предопределила невозможность общества и власти осваивать в режиме реального времени смысл тех цивилизационных проектов, которые в тот период «конкурировали» на общественной сцене России. Усваивался только верхушечный политический смысл. Если бы общество успевало понять глубинный смысл и «взвесить» потенциал всех проектов, то, возможно, не произошло бы тотальной катастрофы, которая последовала за революцией. Противоречия в России не были до такой степени антагонистическими, чтобы с неизбежностью разрешиться в гражданской войне.

Так, главными противниками империи и монархии были либералы, которые следовали утопии создания в России экономической и политической системы по западному образцу. Но если бы был найден компромисс монархистов с цивилизационно более близкими революционными силами «почвенников», то процесс мог бы пойти по пути реформ — социальная база либералов была недостаточна для гражданской войны. Эсеры также могли бы вступить в диалог с теми, кто находился под влиянием крестьянского мировоззрения, и войти в исторический блок с консерваторами и большевиками.

Но в обществоведении понимание хода исторических процессов резко отстало. Сейчас пишут, что Ленин и Столыпин верно поняли состояние России, но пошли разными путями, следовали разным проектам. Однако оба их проекта были поняты лишь на уровне интуиции, очень большая часть созданного в них *знания* не была использована. А ведь Столыпин (по типу образования и мышления — ученый) вел свою неудавшуюся реформу почти как научный эксперимент. Он проверил важную альтернативу, регулярно «выкладывал» эмпирические результаты, за реформой можно было следить по надежным эмпирическим данным (в отличие от аграрной реформы 90-х годов XX века).

Забегая вперед, скажу, что советское и постсоветское обществоведение еще в меньшей степени освоили урок Столыпина, чем его современники. К столыпинской реформе подошли с позиции политической конъюнктуры. Она была обречена на неудачу по причине непреодолимых объективных ограничений, и это — вывод огромного значения. Но ведь и в нынешней попытке «фермеризации» данный вывод полностью игнорировали. Наше обществоведение в этом важном разделе оказалось *необучающейся* системой. Оно было неспособно к рефлексии, хотя все необходимые данные были налицо.

Академик Л.В. Милов писал, завершая исторический обзор развития сельского хозяйства России (2001): «Общий итог данного обзора можно сформулировать так: практически на всем протяжении своей истории земледельческая Россия была социумом с минимальным совокупным прибавочным продуктом. Поэтому если бы Россия придерживалась так называемого эволюционного пути развития, она никогда не состоялась бы как великая держава... И в новейший период своей истории... в области аграрного производства Россия остается в крайне невыгодной ситуации именно из-за краткости рабочего периода на полях. По той же причине российский крестьянин лишен свободы маневра, компенсировать которую может только мощная концентрация техники и рабочей силы, что, однако, с необходимостью ведет к удорожанию продукции... В значительной мере такое положение сохраняется и поныне. Это объективная закономерность, которую человечество пока не в состоянии преодолеть».

Реформа Столыпина была альтернативой советской аграрной политике: Столыпин разрушал сельскую общину так же, как А.Н. Яковлев мечтал разрушить колхоз. Столыпинская аграрная реформа изображалась прообразом горбачевской. В одной из центральных газет 12 мая 1991 года даже была опубликована статья «Столыпин и Горбачев: две реформы “сверху”».

В 1994 году вышла подготовленная Институтом экономики РАН книга, где говорилось: «В основу преобразования сложившихся в плановой экономике земельных отношений положена фермерская стратегия. При этом в качестве главного аргумента выдвигается положение о том, что фактическая эффективность производства в фермерских хозяйствах выше, чем в колхозах и совхозах». Никаких фактических или логических данных в пользу этого «главного аргумента» не приводилось. Не было и намека на анализ неудачи реформы Столыпина.

Среди прочих выводов из урока Столыпина был один сравнительно простой — о том, что смена хозяйственного уклада требует изменения технологической базы. Стоимость этого изменения бывает очень высока. Россия в начале XX века могла обеспечить средствами для ведения интенсивного хозяйства лишь кучку капиталистических хозяйств помещиков (на производство 20% товарного хлеба), но не более. Остальное — горбом крестьян. В 1910 году в России в работе на полях было задействовано 8 млн деревянных сох, более 3 млн деревянных плугов и 5,5 млн железных плугов. Конкретно, у правительства Столыпина не было достаточно средств, чтобы «оплатить» переход от одного уклада (общинное крестьянское хозяйство) к другому (капиталистическое фермерство) — не было средств, чтобы обеспечить фермера железным плугом, молотилкой и лошадью. В расчетах стоимости такого перехода правительство ошиблось.

Но ведь буквально ту же ошибку мы видим и сегодня — вот что поразительно. Политики и академики даже не задумались, почему колхозы и совхозы вполне обходились 11 тракторами на 1000 га пашни, в то время как среднеевропейская норма для фермеров в 10 раз больше — 110–120 тракторов (а в ФРГ — более 200). Никто не подсчитал, во сколько обошлась бы в России замена колхозов фермерскими хозяйствами, если бы она действительно произошла в полном масштабе. Между тем, только обеспечение тракторами обошлось бы, в ценах 2008 года, в 1,3 трлн долл.⁴¹

Можно говорить о проектах Ленина и Столыпина — замыслы обоих проектов глубоки. Но методологического инструментария для их сис-

---

⁴ Расчет здесь таков. На 134 млн га пашни, которые использовала Россия до реформы, для фермеров надо купить 16 млн тракторов. В 2008 г. средняя цена трактора в России составляла, по данным Росстата, 2018,0 тыс. руб. или 84 тыс. долл. Значит, для приобретения нужного количества тракторов требуется около 1300 млрд долл.

тематической разработки не было. Какие тексты произвела обществоведческая элита России на основании анализа революции 1905 года? Сборник «Вехи» — эмоциональный гуманитарный трактат о ценностях интеллигенции. Книга очень интересная, прочитать ее надо обязательно; но никакого инженерного знания о том, что надо делать, чтобы скорректировать общественные процессы, из нее нельзя получить. Авторы — верхушка либеральной элиты, самая образованная часть общества, люди высокого полета; но никакого знания, нужного для государства или хоть какой-то части общества — власти, управления, оппозиции — они не дали. «Вехи» — сплошное самовыражение! Вещь в культуре нужная, но не заменяющая объективного знания.

Более того, после Февраля 1917 года либералы пришли к власти — и никакого проекта, никакой технологии постановки целей и выработки решений. Полный провал! Они даже не смогли сформулировать программы действий по легитимизации своего режима. Приняли концепцию *непредрешиенчества*. Как можно во время революции говорить: «а мы не будем ничего решать». Никакого пункта национальной повестки дня! Нет даже вопроса о форме власти. Страна была — но не поймешь, какое в ней государство: монархия ликвидирована, но и республика не провозглашена. Если пройти по всем пунктам перечня функций власти — ситуация та же самая. При этом Временное правительство собрало вокруг себя цвет либеральной мысли и значительную часть марксистской интеллигенции.

Те же самые ошибки продолжили делать вожди Белого движения и их советники, включая эсеров. Они не смогли (и даже принципиально отказались) предложить программу сборки страны и народа. Это требовалось населению, и тот, кто предложил бы внятный и приемлемый проект такой сборки, сразу получил бы поддержку. Но если бы Белое движение опиралось на хорошее знание об идущих на «постимперском пространстве» общественных процессах, оно могло бы избежать вхождения в целый ряд фатальных порочных кругов.

На какое знание опирались советская власть и госаппарат? Почему они выдержали Гражданскую войну и вызванные ею бедствия и решили немало важных задач по восстановлению хозяйства, по сборке страны и народа, выполнили ряд больших программ развития? В основном они опирались на то, что в управленческую элиту вошел очень большой контингент *практиков* — людей, которые знали на опыте состояние дел сверху донизу. Цивилизационный проект советской власти приняла и включилась в его осуществление значительная часть старой элиты — генералитет и офицерство, руководители полиции и жандармерии, значительная часть чиновничества и даже министров царского и Временного правительств, Академия наук, промышленники. Их дополнили

практики «снизу» — грамотные рабочие и крестьяне, командиры Красной Армии и студенты. Возникла дееспособная, знающая и увлеченная большим национальным проектом элита.

Опираясь на реальное знание, которым обладала Россия в лице этих работников, стало возможным укрепить новое государство и целый исторический период решать очевидные необходимые задачи, не допустив разрыва непрерывности с системой знания прежнего государства. Эти кадры руководили большими программами и оказались на высоте даже такого вызова, как Великая Отечественная война. Но знание об обществе, которым они пользовались, было прежде всего знание *традиционное*. Оно было сконцентрировано в опыте, сформулировано в наказах и приговорах крестьян 1905–1906 годов. Тысячи этих наказов содержали огромный объем знаний и представлений о благой жизни. Это было выражение *чаяний* подавляющего большинства народа, ценнейший материал для создания новых социальных форм.

Однако применение и развитие этого знания протекали в тяжелой дискуссии и в конфликте с официальным обществоведением, в основу которого тогда был положен исторический материализм. Эти дискуссии нарастали, они вели к расколам, а в крайней форме — и к репрессиям. Дискуссии были важными и интересными, но из-за эмоционального накала в них доминировали ценностные компоненты. Да и социальная цена их была очень велика.

Остается только поражаться, как много удалось сделать при дефиците научного обществоведческого знания. Скажем, без развитой этнологии Советское государство смогло в 1918–1920 годы усмирить этнический национализм окраин и на новой основе воссоздать «империю» в форме СССР. Сейчас в зарубежной антропологии это считается великим достижением.

Опыт и очень интенсивное осмысление практики, жесткие дискуссии позволили избежать многих провалов. Но были и катастрофические ошибки, вызванные нехваткой рационального знания. Одна из них связана с первым этапом коллективизации; это рана, которая кровоточит постоянно. Реализация принятой в конце 1920-х годов доктрины привела к голоду и тяжелому расколу сельского общества. Принятая в исходной доктрине модель кооператива была совершенно неприемлема для традиционного крестьянского мироощущения. Другое дело, что эта ошибка очень быстро была проанализирована и исправлена.

Но после войны, во второй половине XX века становилось все более очевидно, что наличие обществоведения научного типа — это необходимое условие выживания. Без него уже невозможно было успешно управлять урбанизированным индустриальным обществом. Традиционное и неявное знание уже не отвечало сложности задач. Обществен-

ные процессы выходили из-под контроля. Многие проявления недовольства приходилось подавлять, загоня болезненные явления вглубь. Андропов в свое время признал, что «мы не знаем общество, в котором живем»⁵.

В этом признании было предчувствие катастрофы. Ведь это сказал человек, который много лет был председателем КГБ. Власть обслуживала огромная армия обществоведов: только *научных* работников в области исторических, экономических и философских наук в 1985 году было 163 тыс. человек. Гораздо больше таких специалистов с высшим образованием работало в госаппарате, народном хозяйстве и социальной сфере.

Если при этом «мы не знали общества, в котором живем», это значило, что их «наука» *методологически* была неадекватна своему предмету — этому обществу. В результате и высшее руководство страны, и работники госаппарата на всех уровнях, и само общество не имели необходимого научного знания. Познавательные инструменты советского обществоведения *не годились*. Это и привело к катастрофическому провалу.

В чем сегодня видится его причина? Почему ни в Российской империи, ни в СССР не возникла система научного знания об обществе? Разумеется, и раньше, и в советское время у нас было много блестящих мыслителей, которые высказывали блестящие идеи и писали интересные книги, но в науке отдельные таланты и даже их малые группы не могут заменить *системы* — социального сообщества, следующего нормам научности и связанного профессиональными коммуникациями особого типа.

В 1990-е годы ряд аналитиков склонялись к мысли, что слабость советского обществоведения была обусловлена тем методологическим фильтром, которым служил взятый из марксизма исторический материализм с его специфической структурой познавательных средств. О методологическом несоответствии истмата реальности XX века мы будем говорить особо — это большая и важная для нас тема. Она актуальна потому, что хотя сейчас российское постсоветское обществоведение сменило свой идеологический вектор и ориентируется на либеральные (или даже «антимарксистские») ценности, в методологическом плане никакого сдвига не произошло. Те же преподаватели, что и раньше, исходят из тех же постулатов истмата, а идеологическая компонента на логику их рассуждений влияет мало. Оказалось, что несущественно, за что они «болеют» — за труд против капитала или за капитал против

---

⁵ Буквально Ю.В. Андропов сказал в 1983 г. следующее: «Если говорить откровенно, мы еще до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором живем и трудимся, не полностью раскрыли присущие ему закономерности, особенно экономические. Поэтому порой вынуждены действовать, так сказать, эмпирически, весьма нерациональным способом проб и ошибок».

труда. Парадигма задается фундаментальной картиной мира, а в либерализме и в истмате эти картины примерно одинаковы.

Но сейчас, наблюдая состояние обществоведения уже не в 1990-е годы, а в последние 10 лет, мы приходим к выводу, что проблема глубже. Корни ее уходят во вторую половину XIX века, когда русская интеллигенция создавала первые структуры современного обществоведения. Эта же причина обусловила слабость российского обществоведения и в начале XX века, обуславливает ее и сейчас. Она прямо не связана с истматом и вызвана принципиальными различиями в генезисе российского и западного обществоведения.

Вспомним, как шло на Западе становление науки и научного обществоведения и сравним с тем, как этот процесс протекал в России. В Средние века на Западе основной формой общественного сознания была *религиозная*. Рациональная форма знания была сопряжена с религиозными представлениями, в лоне этого мировоззрения и вырабатывались инструменты познания. Возрождение означало большой сдвиг в познавательной деятельности, общественная мысль стала плюралистичной, допускался даже атеизм. Общество и власти стали терпимее относиться даже к черной магии в разных ее вариантах. Важные позиции занял новый тип знания, который назвали *натурфилософией*. Возрождение много сделало для движения (социодинамики) знания, с ним связано распространение книгопечатания.

Но натурфилософия не была наукой. Этот тип знания был тесно связан с *ценностями*, а в мировоззренческом смысле следовал *холизму*, целостному представлению о мире вещей, связанных воедино. Натурфилософии было присуще космическое представление о мире. Наука, родившаяся в XVII веке, была принципиально другим типом познания и порождала иной тип знания. Она отошла от *эссенциализма* натурфилософии, т. е. от поиска *сущности*, таящейся в каждой вещи. Наука, напротив, имела целью выявить в каждом явлении или вещи общую закономерность, превращая конкретный предмет в *модель*. При этом реальное воплощение объекта было несущественно, он был для исследователя лишь носителем знания о том явлении, которое в данный момент было предметом исследования.

С точки зрения обыденного сознания прежнее знание было более продуктивным, оно лучше описывало видимую реальность. Так, физика Аристотеля лучше описывала обыденный мир человека, чем законы механики Галилея — камень действительно падал быстрее, чем перышко. Галилей сделал потрясающий по своей смелости шаг — он абстрагировался от побочных факторов, которые в данный момент его не интересовали, и вместо камня или перышка он видел *материальную точку*, вес и форма которой не были важны. А в реальности вес и форма определя-

ют скорость и траекторию падения: перышко падает медленно, потому что сопротивление воздуха препятствует его падению, а ветер может даже поднять его ввысь.

Наука редуцирует явление до абстрактной элементарной сущности. Знание, которое ищет элементарные явления, отрицает космизм и холизм. И самое главное — это знание, которое освобождается от ценностей. Вещи теряют для ученого свой тайный смысл, свою выраженную в имени сущность, они не связаны воедино невидимыми струнами в божественный Космос.

В этом и был глубокий смысл конфликта Галилея с Церковью. Он требовал разрешения познавать ради *знания*, независимо от его отношения к добру и злу. В религиозном мировоззрении знание и ценности были сцеплены — или ты познаешь во славу Бога, или ты познаешь с темными замыслами. Галилей провозгласил знание как самоценность — *беспристрастное* (объективное) знание. Знать *то, что есть*, независимо от того, *как должно быть*.

Это был разрыв непрерывности в развитии знания. В личном плане он был драматическим. Галилей был глубоко религиозным человеком, личным другом иерархов Ватикана, но ему пришлось предстать перед судом Инквизиции. Другие первопроходцы Научной революции также переживали потрясения при кардинальной перестройке основ своего мировоззрения.

Родоначальник химии Бойль был алхимиком. Алхимия накопила огромное знание о веществах, выработала очень много практических приемов, но это была не наука, а *магия*. Бойль совершил интеллектуальный подвиг, оставив описание обеих систем знания и хода преобразования его личной познавательной структуры.

С наукой возникло новое мировоззрение, новая *картина мира*. Строго говоря, сама *картина* мира возникла потому, что художники Возрождения изобрели *перспективу* и представили человека как субъекта, наблюдающего мир. Раньше человек не отделялся от этой картины, перспективы не было, не было и субъектно-объектных отношений между человеком и миром. Человек был связан с Космосом «невидимыми струнами». Натурфилософия и наука вышли из Возрождения по двум разным траекториям, а мы в школьной истории ошибочно представляли их как последовательные этапы одного пути. Как теперь говорят, наука — это не дочь натурфилософии, а ее сестра.

Инструменты для познания наука брала отовсюду. Например, Католическая церковь создала замечательный, изошренный суд — Инквизицию. Следствие заключалось в допросе под пытками. Была разработана строгая и сложная методология интерпретации криков пытаемого, с точным протоколированием, без всяких фальсификаций — как сред-

ство выяснения истины. Наука многое взяла у Инквизиции при создании экспериментального метода — «допроса Природы под пыткой». М. Фуко писал: «Как математика в Греции родилась из процедур измерения и меры, так и науки о природе, во всяком случае частично, родились из техники допроса в конце Средних веков. Великое эмпирическое познание... имеет, без сомнения, свою операциональную модель в Инквизиции — всеохватывающем изобретении, которое наша стыдливость упрятала в самые тайники нашей памяти».

Но для нас здесь важна не история становления науки, хотя в нее было бы полезно вникнуть, а то, что на Западе обществоведение сразу стало формироваться как *часть науки*. К этому привел ряд обстоятельств.

Во-первых, возникла и была осознана огромная потребность в достоверном знании — Западная Европа втянулась в полосу революционных катаклизмов, старое традиционное знание о сословном обществе быстро теряло свою пригодность. На общественную арену выходил новый человек, новый культурный тип. Соответственно, складывались новое общество, новый тип государства и новый тип хозяйства. Религиозные или моральные трактаты не могли дать адекватного описания этих процессов.

Во-вторых, появился новый *метод познания*, и ученые сразу стали с энтузиазмом применять его и к человеку, и к обществу. И сразу стали создаваться научные, хорошо разработанные модели. Они стали инструментом познания и в то же — время мощным средством воздействия на общественное сознание и процесс легитимации грядущего общественного порядка.

Примером служит Гоббс — уже типичный ученый периода Научной революции, с математическим сознанием. Он разработал модель человека, нового общества и государства. Человек Гоббса — *атом*, свободный самодостаточный индивид, который находится в непрерывном движении и не изменяется при столкновениях с другими индивидами. Гоббс взял то представление об атоме, которое было выведено из интеллектуальной тени именно обществоведами, причем именно в отношении человека, а не материи. Уже потом это понятие перешло в естествознание.

На основе модели человека как атома был развит целый подход к объяснению человека и общества — *методологический индивидуализм*, который и до сих пор применяется в западном обществоведении. Как инструмент познания конкретного общества, модель Гоббса эффективно выполнила свои функции, даже несмотря на то, что аллегория атома в принципе неверна, а Гоббс при выработке образа «естественного человека» использовал ошибочные сведения об индейцах Америки⁶.

---

⁶ Поскольку наблюдать на практике «естественное» общество в Европе было уже нельзя, объектом наблюдения стали индейцы недавно открытой Америки. Их Гоббс

Исходя из этой модели человека, Локк создал учение об обществе. В центре всей конструкции находится ядро — *гражданское общество* (в точном переводе *цивильное*, т. е. цивилизованное). Это «Республика собственников». Оболочка, окружающая это ядро, — *пролетарии*, которые живут в состоянии, *близком к природному*. Они уважают частную собственность и пытаются ее экспроприировать у «богатых». А в «заморских территориях» живут «в состоянии природы» дикари и варвары. Ось, вокруг которой крутится гражданское общество, — частная собственность. Исходным фундаментальным объектом частной собственности является *тело* индивида как основа всех остальных типов частной собственности. Это была эффективная модель, из нее можно было исходить и в идеологии, и в управлении обществом — человек Запада ее принимал.

Адам Смит, исходя из механистической модели мироздания Ньютона, создал теорию *рыночной экономики*. Он буквально перенес ньютоновскую модель в сферу хозяйства, включая метафору «невидимой руки рынка» (у ньютоналинцев «невидимая рука», толкающая тела друг к другу, была метафорой гравитации). Невидимая рука рынка постоянно приводит его в равновесие, когда колебания спроса и предложения разбалансируют систему. Согласно Адаму Смиту, вся эта равновесная машина рынка описывается простыми математическими уравнениями, наподобие законов механики.

Таким образом, на Западе уже в XVII-XVIII веках наука задала методологические основания для обществоведения. Стало довольно строгой нормой не вводить в «научную» часть рассуждений об обществе нравственные ценности, хотя, конечно, прилагать строгие каноны развитой науки к обществоведческим трактатам того времени невозможно — ценности проникают в них «контрабандой». Важно, что был принят определенный вектор, ориентирующий на идеал беспристрастного, объективного знания.

Сам Адам Смит был религиозным моралистом. Он слыл приверженцем философии деизма, согласно которой Бог-часовщик завел пружину мироздания как часового механизма и предопределил ход общественных процессов, которым присуща гармония в той же степени, как и природным процессам. Смит придавал большее значение своему трактату «Теория нравственных чувств», чем «Исследованию о природе и причинах богатства народа», которое и сделало его великим экономистом. Для нас

и взял как стандарт человека «в природном состоянии». Тут была совершена ошибка, которая, впрочем, уже никого не волнует. До появления европейцев индейцы не были кровожадными, не воевали друг с другом и скальпов не снимали. «Естественный» человек, о котором писал Гоббс, возник именно под разрушительным воздействием «цивилизованного» человека — европейцы, очищая территорию, стравливали племена индейцев, продавая им ружье за 18 скальпов.

здесь важно то, что он разделил эти два труда, как принадлежащие к разным сферам знания. Это было признаком *научного* обществоведения.

В России формирование обществоведения пошло по другому пути. До середины XIX века трактаты, излагавшие представления об общественных процессах, создавались в рамках традиционного знания и этики, часто с отсылками к религиозному знанию. В середине XIX века в русской литературе возник особый жанр, получивший название «физиологический очерк» — текст, описывающий какую-то сторону социальной реальности. Этот жанр историки культуры считают предшественником российской социологии — будущего обществоведения.

Изучение этого периода показывает, что обществоведение России вышло из *классической русской литературы*, а не из науки. Соответственно, оно несло в себе присущие русской литературе мировоззренческие черты. Можно сказать, оно было сначала разновидностью литературы и было проникнуто сильным нравственным чувством. С самого начала оно занимало в общественном сознании пристрастную, даже радикальную позицию, выступая на стороне угнетенных и обездоленных. По своим методологическим установкам это обществоведение было несовместимо с беспристрастностью и объективностью, оно сразу утверждало *«то, что должно быть»* — декларировало нравственные идеалы и ценностные нормы.

Герцен писал: «Вся литература времен Николая была оппозиционной литературой, непрекращающимся протестом против правительственного гнета, подавлявшего всяческое человеческое право. ... Слагая песни, она разрушала; смеясь, она подкапывалась». Русская обществоведческая литература была гуманна, нравственна, но именно это и делало ее *ненаучной*. Она пошла по пути *натурфилософии*. Она давала ценное знание, но того типа, в котором знание и ценности тесно связаны и даже переплетены. А наука возникла в ходе *развода* знания и ценностей. Ценности оставлены философии и религии, а наука говорит, *«что есть»*, а не указывает, *«как должно быть»*. Иногда она может предупредить: если будешь поступать так-то и так-то, будет то-то и то-то.

Бэкон сказал: «Знание — сила» ... и *не более того*. Иными словами, знание не позволяет определить, что есть добро, а что зло. Наука дает *объективное* знание, независимо от любви или ненависти исследователя к предмету познания.

Первым отечественным социологическим исследованием в России считают книгу Н. Флеровского (В.В. Берви) «Положение рабочего класса в России: наблюдения и исследования» (1869), в которой автор исследовал условия труда и быта сельскохозяйственного населения России. Маркс, высоко оценивая эту книгу, пишет о ней Энгельсу: «Это самая значительная книга среди всех, появившихся после твоего труда о “По-

ложении рабочего класса [в Англии]”. Прекрасно изображена и семейная жизнь русского крестьянина — с чудовищным избиением насмерть жен, с водкой и любовницами».

Чтобы читать эту книгу, Маркс стал изучать русский язык. Он многократно ссылается на нее как на самый достоверный источник знания «о положении крестьянства и вообще трудящегося класса в этой окутанной мраком стране». Маркс пишет о Флеровском: «Он хорошо схватывает особенности характера каждого народа — “прямодушный калмык”, “поэтический, несмотря на свою грязь, мордвин” (которого он сравнивает с ирландцами), “ловкий, живой эпикуреец-татарин”, “талантливый малоросс” и т. д. Как добропорядочный великоросс он поучает своих соотечественников, каким образом они могли бы превратить ненависть, которую питают к ним все эти племена, в противоположное чувство».

Уже из этих похвал видно, что в книге Флеровского нет беспристрастности, автор излагает свои ценностные предпочтения, давая характеристики «каждого народа» России не без примеси русофобии.

Конечно, поскольку обществоведение связано с изучением людей, в него импортируют ценности — отношение к человеку всегда связано с нравственностью. Но это вторжение ценностей в научное обществоведение стараются ослабить или замаскировать. В российском обществоведении, напротив, методология сознательно базировалась на ценностях. Если эксплуатация — это зло, то автор сразу писал очерк об *угнетенных*, исходя из своих нравственных установок. А если для автора рабочие — это иждивенцы и люмпены, то он начинал пропаганду безработицы, которая закрутит гайки.

В результате, такое обществоведение не давало беспристрастного знания. И это до последнего времени, включая 1990-е годы, было общим явлением, характерным и для правых, и для левых. Научной ценности эти тексты почти не имели и служили лишь свидетельствами колебаний общественного мнения интеллигенции. А инженерного знания, на котором и власть, и оппозиция могли бы строить свои платформы, отвечающие их моральному выбору, не было.

Если вспомнить, и аргументация в таких текстах часто опиралась на апелляцию к авторитетным писателям-классикам. Особенно часто взывали к Достоевскому (во время перестройки то и дело поминалась «слеза младенца»), консерваторы чаще обращались к Толстому. Чехов тоже использовался как идеологический молоток. А ведь он специально предупреждал, что ни в коем случае нельзя верить писателю, который пишет на общественные темы. Писатель не описывает реальное общество, он создает *образ* общества, утверждая ту или иную нравственную идею. В этом образе многие черты деформированы и гипертрофированы

ны — чтобы что-то воспеть или что-то проклясть в общественном явлении или процессе (см. Приложение).

Что мы в результате получили при развитии нашего обществоведения на этой траектории? Мы пришли к такому положению, что Запад, при всех его провалах и кризисах, обеспечил постоянное снабжение государства и общества беспристрастным, *инженерным* обществоведческим знанием. А уж как им пользоваться — это решают «потребители» (политики, администраторы, общественные деятели, предприниматели и обыватели), исходя из своих ценностных представлений.

Пример — западная (почти исключительно американская) советология. Когда знакомишься с ее материалами, испытываешь уважение к качеству знания, которое советологи получали о нас: скрупулезно, ответственно, достоверно. Если заказчик требует: найдите в СССР такую социальную общность, которую можно использовать как таран против советского государства — разворачивается серия больших и глубоких проектов совершенно научного типа. Этнологи начинают комплексные исследования потенциально пригодных этнических обществ, уходя вглубь истории как минимум на два века. Другие исследуют субкультуры российского и советского преступного мира, третьи — научную и гуманитарную интеллигенцию. Работают замечательные специалисты и по Достоевскому, и по Михаилу Булгакову; в Гарвардском университете целыми группами изучают «Собачье сердце», на все лады трактуя образы и Шарикова, и профессора Преображенского.

Изучат социокультурные особенности российских шахтеров в разных условиях с конца XIX века и напишут монографию. А в закрытой аналитической записке скажут: вот идеальный контингент для создания в момент ослабления государства таких-то и таких-то кризисов. Выводы делаются с высокой точностью. И ведь большая часть таких монографий и даже часть этих докладов находились в СССР в спецхране, но наши советские обществоведы не видели в них никакой прикладной ценности и не верили выводам. Не владели методологией, чтобы понимать их смысл.

Так же работают междисциплинарные центры прикладного обществоведения для решения политических проблем в любой части мира. Заказчик ставит задачу: как свергнуть президента Маркоса на Филиппинах? Проектные группы начинают изучать филиппинское общество, его историю, культуру, современные веяния, и выбираются лучшие альтернативы. Устраивают революцию типа «оранжевой» — собираются у ворот воинских и полицейских частей толпы красивых девушек в нарядных платьях, с цветами и улыбками, они бросают цветы солдатам, поют им, лезут на грузовики. И прежде надежные и безжалостные карательные отряды режима отказываются применять силу против таких

демонстрантов. Всеобщее ликование — демократия победила, но надо было установить, что именно такой способ будет эффективен на Филиппинах (а в Южной Африке или Чили — совсем другой). Это блестящие инженерные разработки на основе научного обществоведения. Что могло этому противопоставить советское государство? Нашим специалистам даже расшифровать подобные разработки было трудно, потому что у нас так не работали.

Вспомним недалекую историю. В 1960-е годы СССР переживал очень сложный период. Страна выходила из состояния «мобилизационного социализма». Это очень трудная задача — одна из самых сложных операций. Ее провели очень плохо, заложили в обществе массу «мин». Общество переживало кризис урбанизации — большинство населения за очень короткий срок стало городскими жителями. Люди переезжали в города, резко меняли образ жизни, приспосабливались к другому производству и быту, другому пространству. Массы людей испытывали тяжелый стресс, одновременно происходила смена поклонений. Общество быстро менялось и усложнялось, эти процессы надо было быстро изучать, находить новые социальные формы, чтобы снизить издержки трансформации. Но обществоведение методологически не было готово к решению этих задач, и страна скользила к обширному кризису, который превратился в системный.

Видный социолог Г.С. Батыгин писал: «Советская философская проза в полной мере наследовала пророчески-темный стиль, приближавший ее к поэзии, иногда надрывный, но чаще восторженный. Философом, интеллектуалом по преимуществу считался тот, кто имел дар охватить разумом мироздание и отождествиться с истиной. Как и во времена стоиков, философ должен был быть знатоком всего на свете, в том числе и поэтом. ... В той степени, в какой в публичный дискурс включалась социально-научная рационализированная проза, она также перенимала неистовство поэзии».

«Пророчески-темный стиль» присущ натурфилософии, можно сказать, *социальной алхимии*, а не науке. Такое обществоведение было не в состоянии интеллектуально овладеть созревающим кризисом, проблематизировать реальность и нарабатывать жесткое «инженерное» знание. Попытки противостоять кризису, перераставшему в катастрофу, не были обеспечены социальными технологиями, основанными на знании научного типа.

Обострение кризиса произошло в 1980-е годы, когда к власти пришли люди нового поколения и нового культурного типа. Начали рушиться скрепы, которые соединяли общество в 1970-е годы. Важные структуры советского строя не выдержали, произошел срыв, с которым руководство не справилось и своими действиями усугубило ситуацию.

В советском обществе с 1960-х годов вновь оживился проект, альтернативный советскому, который раньше был подавлен, почти искоренен. Постепенно он осваивался, укреплялся, накапливал силы. В 1980-е годы выкладывались уже готовые доктрины, и в этих условиях люди бросились к обществоведам: объясните, что происходит?

Здесь обнаружилась несостоятельность советского обществоведения, которое не смогло ни объяснить причин социального недомогания, ни предупредить о грядущем кризисе. Эта беспомощность была такой неожиданной, что многие видели в ней злой умысел, даже обман и предательство.

Конечно, был и умысел — против СССР велась холодная война, геополитический противник ставил целью уничтожение СССР и всеми средствами способствовал нашему кризису. Но наш предмет — то общее непонимание происходящих процессов, которое парализовало защитные силы советского государственного и общественного организма. Это непонимание есть прежде всего следствие методологической слабости нашего обществоведения. Оно пользовалось негодными инструментами.

Приложение

«Социологическая литература зародилась в России в начале последней трети прошлого столетия [XIX в.], на памяти автора настоящей книги, который сам принимал в ней участие чуть ли не с первых лет ее существования.

Только в конце шестидесятых годов прошлого века стала у нас распространяться идея о необходимости новой науки, которая должна изучать общественные явления с целью открытия естественных законов этих явлений, по образцу наук, изучающих природу, и вошло в употребление и новое имя этой науки — «социология», данное ей ее инициатором Огюстом Контом, основоположником позитивной философии...

Нужно отметить, что русская социологическая литература возникла в недрах передовой журналистики и только в следующем десятилетии у социологии явились сторонники среди университетских ученых, тоже создавших свои органы для пропаганды новой общественной науки. Первыми русскими писателями по социологии были П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский и С.Н. Южаков... Начав действовать в одни и те же годы (1868–1872), они принялись за разрешение, в сущности, одной и той же проблемы, причем работа их получила критический характер по отношению и к Конту, и к Спенсеру, и к дарвинизму в социологии, и по отношению друг к другу, — между ними возникали и споры, — но это не помешало их выступлениям получить характер некоторой однород-

ности, что дало одному из них, именно, Южакову, возражавшему против выражения «субъективный метод», обозначить все это направление как этико-социологическое...

С этим психологизмом, как изучением мира субъективных переживаний, тесно была связана и этическая ориентация первого направления русской социологии... В середине последнего десятилетия прошлого века этой психологической и этической ориентации была у нас противопоставлена другая, выдвинувшая на первый план не субъективные переживания людей, а объективные условия их существования, т. е. психологии была противопоставлена экономика, «идеализму» — материализм».

Из книги Н.И. Кареева⁷ «Основы русской социологии» (Введение. Перед возникновением социологии в России // СОЦИС, 1995, № 8).

«Проблемы, поднятые в статье В.И. Шамшурина «Гуманитарная социология: новые ориентиры и старые проблемы» (1992, № 2), более чем актуальны... Кажется, автор не сомневается, куда причислить социологию. Его оговорки насчет «социально-гуманитарной мысли», социолога как гуманитария, ученого-гуманитария со всей очевидностью доказывают однозначное причисление социологии к разряду гуманитарных наук. Однако в принятой на Западе классификации к таким относят историю, философию, литературоведение. Напротив, социология, психология и экономика суть науки поведенческие, или социальные. Первые оперируют нестрогими моделями, оценочными суждениями и качественными методами, вторые — формализованными моделями, математическим аппаратом и опираются на количественное, или квантифицированное знание...

В позиции моего визави скрыта подсознательная установка всякого русского человека: наука об обществе есть наука о духовном, знание ценностное и знание о ценностях. Поэтому социология у него гуманитарна по своей изначальной сущности. По своей исторической интенции подобная интерпретация совершенно правильная. Вспомним работы Н. Кареева, М. Михайловского, П. Сорокина и большинства других российских социологов. Может быть, они поражают нас математическими расчетами, формализованными построениями или богатством эмпирического материала, полученного при помощи традиционных, описанных в любом учебнике социологических методов? Ничего подобного. Это чисто гуманитарное знание. Таковы же и работы титанов русской социальной мысли Н. Бердяева и С. Булгакова.

---

⁷ Н.И. Кареев (1850–1931) — историк, философ, социолог, педагог и общественный деятель конца XIX — начала XX века.

Совсем иной характер сочинений М. Вебера, Э. Дюркгейма, Т. Парсонса или Ф. Херцберга. Как бы глубоки ни были философские рассуждения, на первом месте — тщательность методологической прописки темы, возможности количественного измерения явлений. Это — альфа и омега настоящего позитивизма, того самого, который на отечественной почве так и не привился.

Мы не прошли школы позитивизма, суровой методической выучки, дисциплины и культуры научного мышления. Быть может, поэтому мы так приблизительны и поверхностны в своих теоретических суждениях, необязательны в выводах, неточны в расчетах... Значит, и нынешняя советская социология никак не может быть похожа на свой западный аналог, как бы ни учились мы у заграницы, как бы ни списывали с нее кружева...

Конт, а вслед за ним и англо-американская наука создавали социологию на манер точного естествознания. Главное требование — отказ от «ненаблюдаемых» философских понятий. В эмпирических исследованиях советские социологи стремятся во всем следовать подобным критериям. Но если уж быть логичным до конца, то надо было бы еще в 1950-е годы отказаться от марксистской философии как метафизики. Но не отказались. И что же вышло? Философские положения выводят прямо из данных опроса респондентов...

Чем решительнее социология порывает с миром непосредственно наблюдаемых случайностей, тем в большей степени становится наукой. Не совокупность случайностей, а их внутренняя связь с теоретическим целым делает знание истинным. Место непосредственного опыта занимает идеализированный опыт, он позволяет разглядеть стоящие за явлениями математические структуры, которые уже не похожи на простенькие статистические закономерности, получаемые социологом из распределения анкетных данных. Данных, которые не выводят нас за рамки чувственного опыта. Оперировав ими, мы лишь придаем субъективным мнениям подобие научной достоверности.

Наука начинается там, где кончается обыденное и происходит прорыв в мир неочевидного, недоступного простому видению. Вопреки очевидному, Солнце не вращается вокруг Земли. Объективно существующий мир — это тот, что воспринимается нами непосредственно, а объективно мыслимый — это мир, данный нам не в ощущениях, а в научной теории, многократно подтвержденной в экспериментах и исследованиях. Только так рождается знание объективной реальности; только переход от непосредственного к идеализированному опыту вызвал к жизни новое искусство экспериментирования и измерения».

Из статьи: Кравченко А.И. Социология мнений и мнение о социологии // СОЦИС, № 1992, № 3.

Социолог аграрно-сельского сектора В.И. Староверов пишет в работе «Институционализация и концептуально-методологическое развитие российской аграрно-сельской социологии» (в книге «Аграрно-сельская социология: история, концепции, методология». М., 2009):

«Теоретическая социология в России началась с общинно-народнических рефлексий А. Герцена, М. Петрашевского, Н. Чернышевского со товарищи, а прикладная — с упомянутой фундаментальной социологической монографии В. Берви-Флеровского...

Особый интерес представляют социально-психологические и социально-нравственные романы, повести и очерки второй половины XIX века М.Е. Салтыкова-Щедрина. В 70-е годы прошлого столетия руководимый мной сектор социологии социального развития сельского хозяйства и деревни Института социальных исследований АН СССР, используя методы контент-анализа произведений писателя, смог на основе их воссоздать системную картину социального и духовного распада и социально-демографического вырождения русского дворянства, а также начала капиталистического разложения крестьянства...

Г. Успенский собирал материалы для своих социально-экономических очерков, используя, помимо направленных интервью с крестьянами, паспорта социальных обследований поселений. Писатели и земские деятели А. Чехов и Л. Толстой не только приняли участие в качестве переписчиков в первой Всероссийской переписи населения 1898 г., но и сами провели ряд анкетных опросов: один на Сахалине и в калужских, другой — в тульских деревнях...

Социологическое изучение проблем развития советского села начало возрождаться уже в первое десятилетие после войны: сначала в виде просоциологических очерков В. Овечкина, Л. Иванова, Ф. Абрамова и др., затем ... в форме контаминаций в серьезные экономические и исторические исследования...».

В настоящее время в преподавании социологии также нередко делают упор на использование художественной литературы как источника знания о закономерностях. Вот выдержки из статей проректоров двух обществоведческих вузов:

«Художественная литература как зарубежная, так и отечественная, переполнена описаниями межличностных, внутриличностных, личностно-групповых, междугрупповых и массовых конфликтов, что можно и должно использовать в преподавании социологических дисциплин. В произведениях художественной прозы содержатся значимые

обобщения, явно недооцениваемые конфликтологами. Речь идет о повестях и романах Федора Михайловича Достоевского... По нашему мнению, он не только психолог, но предшественник особой отрасли социального знания, которая ныне называется *конфликтологией*, изучает закономерности противодействий социальных субъектов».

Растов Ю.Е., Трофимова Р.А. Конфликтологические идеи Ф.М. Достоевского в учебном процессе // СОЦИС, 2009, № 8.

«В условиях модернизации методов обучения социологов возрастает использование образов *художественной литературы*, ее презентации в различных формах учебных занятий по социологическим дисциплинам.

Возрастает значение обучения и воспитания социологов с использованием отечественной художественной литературы, в особенности той, что затрагивает корневые проблемы социально-исторического, духовно-культурного развития российского общества, жизни русского народа, составляющего более 80% населения страны.

Во второй половине XX века в нашей стране специфику жизненных сил и пространства жизни человека в художественной форме наиболее глубоко и лично, и социально акцентировано, по нашему мнению, выразили *«деревенщики»*, в том числе *В.М. Шукшин*. Его творчество стало одним из наиболее мощных ресурсов постижения модели нашей истории и культуры, перспектив будущего русских людей, их государственности. Вот почему, как представляется, для рассмотрения ключевых тем базовых учебных курсов современной российской социологии *могут использоваться фактически все художественные произведения В.М. Шукшина*.

Типичная, традиционная практика использования шукшинских произведений, особенно рассказов, была связана с *социологией села*... Тем самым была продолжена традиция русской художественной литературы и обществознания XIX века, связанная с осмыслением народного характера и национальной судьбы, уровень которого был задан А.С. Пушкиным, продолжен Н. В. Гоголем, Ф.М. Достоевским, Л.Н. Толстым.

Что касается *социологии села*, то она имеет реальную, уникальную возможность использовать произведения «деревенской прозы», в том числе творчество В.М. Шукшина, для анализа новых социальных отношений в еще сохранившейся российской деревне, образа жизни людей, социального расслоения сельских жителей рубежа XX–XXI веков в сопоставлении с тем, что было в нашем сельском пространстве во второй половине минувшего столетия.

Хотелось бы отметить также значение творчества В.М. Шукшина в преподавании *политической социологии*. Так, в его романе «Я пришел

дать вам волю» вновь выдвигается проблема исторической судьбы народа, его роли в истории государства Российского».

Григорьев С.И. Произведения В.М. Шукшина в преподавании социологических дисциплин // СОЦИС, 2009, № 10.

Из выступления Ю.Н. Давыдова на «круглом столе» на тему «История социологии и история социальной мысли: общее и особенное»:

«Мы, конечно, не хотели бы, чтобы сказанное здесь было понято так, будто социология XIX века, не случайно получившая название классической, вообще не имеет никакого отношения к науке. Нет, она вполне научна. Но ее научность далеко не так абсолютна, чтобы давать ей право третировать все предшествующее ей социологическое знание как “до-“, а то и вовсе “ненаучное”. Ее научность столь же относительна, сколь относительна и научность всех иных разновидностей социальной теории, получивших свое научное достоинство от соответствующих типов науки, в культурно-исторических рамках которых они возникали, развивались и, наконец, исчерпывали свой научный потенциал, разделяя судьбу соответствующей формы “научности”.

Позаимствовав свои важнейшие теоретико-методологические установки, определившие ее мыслительный горизонт, т. е., кроме всего прочего, очертившие пределы исследовательской мысли, у классического естествознания XVII-XVIII веков, классическая социология прошлого столетия достигла многого в смысле как внутренней, так и внешней “институционализации” социально-научного знания. Именно ей мы обязаны резкой, полемически заостренной постановкой вопроса, который не был тематизирован специально в рамках иных типов социально-научного знания, но который теснейшим образом связан с тем, что мы сейчас обсуждаем. Это был вопрос о решительном разграничении (как мы нынче убеждаемся, к сожалению, гораздо более решительном, чем следовало бы) тогдашней социологической науки и социально ориентированного знания вообще, которое и является предметом истории социальной мысли. Иначе говоря, вопрос о демаркации знания, полученного в горизонте парадигмы (вернее, “метaparадигмы”) классической формы “научности”, с одной стороны, и знания, полученного в рамках иных — вненаучных — форм сознания: философского и нравственно-религиозного, политико-правового и “практически-художественного” — с другой.

И вот тут-то и возникал вопрос, заглушенный громогласными притязаниями социологии прошлого века на свою уникальность, каковую сами же ее “отцы-основатели” связывали именно с научностью, будучи убежденными в том, что существует лишь один-единственный тип научного знания (который так убедительно явило миру естествознание

Нового времени, и основополагающие принципы которого были “распространены”, наконец, на понимание общества, обеспечив обществу тот же научный статус, какой уже прочно обеспечили себе науки о природе). А можно ли считать это убеждение таким уж неоспоримым? И нельзя ли допустить возможность, по крайней мере, двух различных типов научности? Особенно, после того, как сами же естествоиспытатели стали говорить о двух одинаково научных типах естествознания — “классическом” и “неклассическом”.

Ну а поскольку “двоица”, согласно пифагорейцам, это уже начало “множества”, то нельзя ли поставить тот же вопрос в более общем виде, говоря о принципиально возможном существовании различных типов “научности” и не уточняя при этом их число? И если можно, то нельзя ли поставить вопрос о существовании таковых и в истории теоретической социологии? Причем не только для различения двух типов социологического знания, один из которых доминировал в прошлом, а другой упорно пробивал себе дорогу в нынешнем веке, но и для того чтобы идентифицировать разные типы социально-научного знания, сосуществовавшие друг с другом или сменявшие друг друга до Нового времени».

СОЦИС, 1996, № 11.

Лекция 3

Типы знания, подавленного научным рационализмом

Главный тезис прошлой лекции сводился к тому, что несостоятельность российского (прежде — советского) обществоведения была вызвана прежде всего слабостью *научной* компоненты знания в этой сфере.

Уточним. Слово «*научное*» в приложении к обществоведению — это краткое метафорическое определение. Слишком сильно объект исследования в обществоведении отличается от объектов исследования в «жесткой» науке. Строго говоря, речь идет о компоненте обществоведения, в которой рассуждения, наблюдения и «эксперименты» ведутся *рационально*, согласно *некоторым нормам научного метода*.

Слабость научной компоненты объяснялась историческими условиями развития нашего обществоведения по типу натурфилософии — исходя из холистического и нравственного видения общественных проблем, которое было присуще русской классической литературе и немецкой классической философии. Такое развитие привело к тому, что методологически очень слабым оказалась та компонента знания об обществе, которая в сложном индустриальном обществе стала играть роль ядра всей системы знания в обществоведении.

Система знания обладает большим разнообразием. Поэтому уже в момент зарождения современной науки как нового мощного способа познания и организации знаний встал вопрос об отношении научного знания к иным его формам. Вопрос этот стоял в обеих плоскостях: является ли знание, не отвечающее критериям научности, полезным ресурсом для самой науки? должна ли наука, как источник знания, мирно сосуществовать с ненаучным знанием — или ее миссия заключается в их вытеснении на обочину массового сознания как представлений, неадекватных реальности?

Дебаты по первому вопросу начались на первом же этапе Научной революции. Декарт был сторонником максимально полной и строгой формализации научного знания, отсеивая все, что не поддается кодификации и доказательству. Другие видели в этом требовании формализации ограничение научного метода.

Впервые эту мысль достаточно полно развернул Лейбниц в своей полемике с Декартом, который считал, что каждый шаг в дедукции требует хотя бы сжатого доказательства. В действительности Евклид иногда отказывался от доказательства. Если бы он откладывал разработку теорем и проблем до тех пор, пока все аксиомы и постулаты не будут доказаны, то геометрии не было бы еще и сегодня. Поэтому отказ от доказательства, отсрочка осуществления наиболее строгих требований — это условие возможности прогресса в познании.

Это значит, что научное ядро знания не может существовать без обширной периферии, состоящей из правдоподобных допущений, которые принимаются на веру на основании интуиции и опыта. Обществоведение нуждается в такой периферии гораздо больше, чем такая строгая наука, как геометрия.

Мне довелось много лет работать бок о бок с замечательным ученым и мыслителем Т.А. Айзатулиным (1939–2002). Он был мощным генератором идей, глубоко продумывал их и быстро пробегал в уме множество ситуаций, с перебором множества факторов. Он — действительный автор многих плодотворных концепций в химии, океанологии и экологии, а после 1990 года — в обществоведении. Но он так строго относился к своим аргументам и выводам, что сопровождал свои умозаключения огромным числом оговорок и уточнений, которые постоянно дополнял.

Поэтому его тексты, отвечающие канонам научности, было очень трудно читать. Каждое утверждение сопровождалось отступлением, которое начиналось со слов: «Если только не...» — и далее следовал целый трактат о влиянии какого-то нового фактора. Многие (если не большинство) идеи Т.А. Айзатулина выходили в свет и принимались обществом в *переложении* коллег, которые заменяли строгие оговорки и уточнения художественными метафорами или общими утверждениями. Они создавали «ненаучное» обрамление научных идей и, таким образом, помогали им пробиться в жизнь. И он, и его коллеги выполняли разные, но необходимые части работы.

Этот опыт показал мне, как важна целостная система знания, обладающая разнообразием когнитивных инструментов. В истории науки тенденция к установлению доминирующего положения научного знания и дискриминации других элементов всей системы вызвала глубокий конфликт. На защиту такой целостной системы выступил еще Гете, попытавшийся совместить холизм натурфилософии с аналитической силой ньютоновской науки. Он ратовал за *полноту сознания*, которая требуется, чтобы познать сущность вещей и явлений. Гейзенберг писал: «Гете опасался естественнонаучной абстракции и отшатывался от ее беспредельности потому, что ощущал, как ему казалось, присутствие

в ней демонических сил и не хотел подвергаться связанной с этим опасности. Он персонифицировал эти силы в образе Мефистофеля».

Гете считал важным источником знания *чувственное* восприятие деятельности, сопряженное с художественным восприятием. Он писал, что при каждом внимательном взгляде на мир мы уже теоретизируем. По словам Гейзенберга, он «был убежден, что отвлечение от чувственной реальности мира, вступление в эту беспредельную сферу абстракции должно принести с собой гораздо больше дурного, чем доброго».

Гете в этом конфликте потерпел поражение, и научная абстракция на целый исторический период стала доминировать, как метод, в системе знания. Гейзенберг признает: «Мир, определенный ньютоновской наукой, мир, которого Гете надеялся избежать, стал нашей действительностью, и понимание того, что партнер Фауста тоже приложил к этому руку, только усугубляет наши трудности. Но приходится, как всегда, мириться с этим... К тому же мы еще далеко не достигли конца этого пути».

В настоящий момент, тем более в сфере обществоведения, мы на этом пути достигли распутия. Позиция постмодернизма несравненно радикальнее, нежели у Гете, и надо готовиться к тяжелым интеллектуальным дебатам. При этом постмодернизм оказывает особо сильное влияние именно на познавательный процесс именно в обществоведении, гораздо сильнее, чем в «жесткой» науке.

XX век преподавал уроки и породил надежды. Гейзенберг сказал: «Дьявол, с которым Фауст заключил опасный союз, не окончательно овладел нашим миром». Современная аналитическая философия, в общем, пришла к выводу, что «никаких резких и однозначных границ между наукой и вненаучными формами духовной деятельности просто не существует».

Проблема взаимодействия научного и вненаучного знания (и метода) гораздо лучше изучена в «жесткой» науке, чем в обществоведении, но основные идеи и выводы имеют достаточно общий характер. Поэтому мы изложим эту проблему, привлекая наглядный материал, накопленный в истории и методологии науки. Аналогии с теми ситуациями, которые возникают в обществоведении, достаточно ясны.

Научное знание и этика

Сейчас в России, вслед за Западом, взят курс на создание «общества знания». В общепринятом кратком определении понятия «общество знания» подчеркивается формулировка Д. Белла, согласно которой признак этого общества — «решающее значение кодифицированного теоретического знания для осуществления технологических инноваций». Поскольку понятие «технологическая инновация» включает в себя и социальные технологии, это определение равноценно утверждению, что

теоретическое знание имеет «решающее значение» для жизни этого общества.

Соответственно, все другие формы знания занимают в этом обществе подчиненное положение и контролируются теоретическим знанием. Оно становится высшим арбитром, легитимирующим все стороны жизни общества. Выходит, идет сдвиг к обществу «знания, а не совести» — в нем отдается приоритет *эффективности* (силе), которую обеспечивает знание. Это — ситуация мировоззренческого выбора, откат к временам Научной революции и ревизия всего проекта Просвещения. Ведь суть Научной революции XVII века и состояла в *освобождении знания* от этических ценностей, которые тогда формулировались в основном на языке религиозных представлений. Вебер писал: «В прошлом основными формирующими жизненное поведение элементами повсюду выступали магические и религиозные идеи и коренившиеся в них этические представления о долге».

Тенденция к подавлению рациональным знанием тех форм сознания, которые оперируют этическими ценностями, породила глубокий конфликт и на Западе, и в обществах, которые испытывали *модернизацию*. Как писал Вебер, «несомненной фундаментальной особенностью капиталистического частного хозяйства является то, что оно рационализировано на основе строгого *расчета*, планомерно и трезво направлено на реализацию поставленной перед ним цели». Запад стал осознавать себя исключительно через идеи и формы научного и технического происхождения. Антропологи видели в этом признак нарастающего кризиса индустриальной («техноморфной») цивилизации.

Господство «инструментального разума» в общественном сознании западного общества в послевоенные годы вызывало все более острую критику. Примером ее служит известный труд 1947 года «Диалектика просвещения» Т. Адорно и М. Хоркхаймера. По их мнению, те формы, которые приняла рационализация сознания, влекли к утрате обществом способности к разумному обоснованию целей. «Дух расчетливости», на который указал Вебер, подавлял различие моральных ценностей.

Невозможность «уловить» ценности научным методом — едва ли не важнейший вывод философии науки. При этом ученые активно привлекаются всеми политическими силами для поддержки именно *ценностных* суждений. Перестройка в СССР дала для этого красноречивые свидетельства, и примером служит деятельность А.Д. Сахарова как идеолога. Конфликт в когнитивной сфере породил и социальный кризис в интеллигенции, вплоть до распада профессиональных сообществ.

Конрад Лоренц писал: «Ценности не могут быть выражены в количественных терминах естественных наук. Одна из наихудших аберраций современного человечества заключается во всеобщей уверенности, будто то, что нельзя измерить количественно и не может быть выражено

на языке «точных» естественных наук, *не существует в реальности*; так отрицается характер реальной сущности того, что включает в себя ценности, и это отрицает общество, которое, как прекрасно сказал Хорст Штерн, *знает цену всего и не знает ценности ничего*».

Конфликт между научным знанием и этическими ценностями носит фундаментальный характер и потому является постоянным предметом обществоведения. Виднейшие философы рационализма подчеркивают, что научное знание никак не может иметь «решающего значения» для жизни общества. Оно занимает в этой жизни свое очень важное, но ограниченное место.

Продолжая мысль Канта и Шопенгауэра, Витгенштейн писал: «Мы чувствуем, что даже если даны ответы на все возможные научные вопросы, то наши жизненные проблемы еще даже и не затронуты».

Речь вовсе не идет о том, чтобы поддержать попытки «реванша этики», вытеснить рациональное мышление из пространства его приложения. Проблема в том, что в любом обществоведческом исследовании или анализе ценностные и научные (автономные от ценностей) категории и критерии являются необходимыми инструментами познания, но лежат в разных плоскостях. Нельзя ни устранить одну из этих частей когнитивной структуры, но нельзя их и смешивать в одном мыслительном акте.

М. Вебер писал об опасности для социальных наук смешения инструментов этики и научной методологии: «Для последней все дело только в том, что значимость моральных императивов в качестве нормы, с одной стороны, и значимость истины в установлении эмпирических фактов — с другой, находятся в гетерогенных плоскостях; если не понимать этого и пытаться объединить эти две сферы, будет нанесен урон одной из них».

Но развитие этого конфликта привело к тому, что рационализм «репрессирует» другие виды сознания, деформируя всю систему интеллектуального и духовного освоения реальности. П. Фейерабенд пишет: «Либеральные интеллектуалы являются также “рационалистами”, рассматривая рационализм (который для них совпадает с наукой) не как некоторую концепцию среди множества других, а как базис общества. Следовательно, защищаемая ими свобода допускается лишь при условиях, которые сами исключены из сферы свободы. Свобода обеспечена лишь тем, кто принял сторону рационалистской (т. е. научной) идеологии».

Надо обратить внимание на очень важное уточнение К. Лоренца: установка рационализма *совершенно законна в научном исследовании*. Ее разрушительное воздействие на оснащение ума сказывается именно тогда, когда ум «выходит за стены научной лаборатории» — когда речь идет об осмыслении реальных, целостных проблем жизни. Эти проблемы не являются ценностно нейтральными и не укладываются

в формализуемые модели, предлагаемые «кодифицированным теоретическим знанием». Подход к жизненным проблемам с чисто научным мышлением может иметь катастрофические последствия.

В. Гейзенберг подчеркивает важную мысль: нигилизм, т. е. резкое снижение статуса этических ценностей, может привести не только к рассыпанию общества, беспорядочному броуновскому движению потерявших ориентиры людей. Результатом может быть и *соединение* масс общей волей, направленной на безумные цели. Ценностный хаос преобразуется «странными» аттракторами в патологический порядок.

Гейзенберг пишет: «Характерной чертой любого нигилистического направления является отсутствие твердой общей основы, которая направляла бы деятельность личности. В жизни отдельного человека это проявляется в том, что человек теряет инстинктивное чувство правильного и ложного, иллюзорного и реального. В жизни народов это приводит к странным явлениям, когда огромные силы, собранные для достижения определенной цели, неожиданно изменяют свое направление и в своем разрушительном действии приводят к результатам, совершенно противоположным поставленной цели. При этом люди бывают настолько ослеплены ненавистью, что они с цинизмом наблюдают за всем этим, равнодушно пожимая плечами. Такое изменение воззрений людей, по-видимому, некоторым образом *связано с развитием научного мышления*».

Часто стараются затушевать принципиальный характер проблемы, концентрируя внимание на *приложениях* науки в виде *технологий*. Как пишет физик и философ П. Ходгсон, «может возникнуть оппозиция к науке... вследствие неумения различить собственно научное знание как таковое, которое всегда есть добро, от его приложений, которые не всегда осуществляются в согласии с высшими человеческими ценностями».

Тут нельзя не вспомнить саркастическую реплику Ницше: «Где древо познания — там всегда рай», — так вещают и старейшие, и новейшие змеи».

Такое стереотипное разделение науки и техники неверно в принципе. Связь *техне* и *эпистеме* очень глубока и неразрывна, различить, что из них первично, а что — приложение, не всегда возможно, да это и существенно. Наука и сама по себе есть *техника*.

Но положение и в обыденном смысле невозможно спасти таким уходом в сторону технологии. Все больше и больше фактов говорят о том, что и *знание как таковое* не всегда есть добро, поэтому мораль накладывает все более жесткие ограничения на научный *эксперимент*. Он с самого начала был назван «допросом Природы под пыткой» — т. к. же можно претендовать на свободу такой операции от моральных норм?

Сейчас, например, никто не станет настаивать на ценностной нейтральности чисто научных экспериментов на человеке, нанося-

щих ему вред. Между тем, в 90-х годах XIX века хирурги пересаживали кусочки удаленной раковой опухоли в здоровую грудь пациентки и с интересом наблюдали, как возникает новая опухоль. И другие ученые заявляли в дебатах на международных научных конгрессах, что, хотя неэтично делать такие операции без согласия находившихся под наркозом пациентов, столь же неэтично игнорировать полученные ценные результаты.

В 1993 году в европейской прессе широко обсуждались извинения, которые президент Клинтон принес жертвам экспериментов по радиоактивному облучению, проводившихся в США с 1940-го по 1970-е годы. Он не призывал к перестройке своей «империи зла», а извинился за своих предшественников и предложил финансовую помощь тем пострадавшим, кому еще можно помочь. Из *тысяч* пострадавших были выделены жертвы девяти экспериментов; приведем некоторые из них:

- беременным женщинам (числом 820) в клинике университета Вандербильта в 1940-е годы сделали инъекции радиоактивного железа; в те же годы в клинике университета Рочестера шести пациентам был введен радиоактивный уран;
- в 1946–47 годах в трех клиниках 18 человекам были сделаны инъекции радиоактивного плутония; в 1948 году в Калифорнийском университете одному человеку ввели радиоактивный цирконий; в 1942–46 годы в трех университетах 29 пациентов были объектом радиоактивного облучения всего тела;
- в клиниках Массачусетса вплоть до середины 1960-х годов сотням умственно отсталых детей давали в экспериментальных целях радиоактивный йод; в 1956–1957 годы в лабораториях ВВС вводился радиоактивный йод–120 испытуемым — индейцам и эскимосам;
- с 1950 года по 1970 год в университете Цинциннати и других центрах полному облучению организма были подвергнуты сотни пациентов; с 1963 года по 1973 год у 131 заключенного в тюрьмах штатов Орегон и Вашингтон облучению были подвергнуты половые органы. Опыты проводились без согласия испытуемых¹.

---

¹ После этих заявлений Клинтона вспыхнул целый ряд скандалов уже совсем недавнего времени, например, в связи с многолетними испытаниями на заключенных заражения их холерой, тифом, гриппом, дизентерией и малярией. Из-за протестов эксперименты перенесли в Лахор (Пакистан). Профессор Дэвид Нелин, специалист по комарам, заявил прессе: «Для изучения переноса инфекционных болезней насекомыми мы использовали за скромное вознаграждение многих бедных жителей деревень близ Лахора». В лабораторном журнале Нелина за 1989 г. значатся опыты над 325 пакистанцами. При этом после их заражения комарами им не предоставили никакой медицинской помощи. На стр. 272–286 научного отчета подробно описан эксперимент по заражению самок комаров вирусом энцефалита. В Лахоре был установлен инкубатор с производительностью 20 тыс. таких комаров в день.

Более того, не только *эксперименты*, представляющие собой вторжение в объект, вызывающие его существенное изменение, но даже и *наблюдения* и *измерения* далеко не всегда являются ценностно нейтральными. Ибо неотъемлемой частью «общества знания» является *сообщение* информации, превращение ее в отчуждаемое от автора знание. Исследователь, подобрав упавший с пиджака волос, определяет и обнаружит генетический профиль человека. Налицо лишь появление некоторого нового *знания* о данном объекте, но оно может резко изменить жизнь человека (например, страховая компания не желает иметь с ним дела из-за повышенного риска преждевременной смерти; даже если результат сообщается лишь самому человеку, он небезобиден — прогноз воздействует на состояние человека).

Чем больше человечество втягивается в «информационное общество», тем большее значение для жизни каждого приобретает *информация* — просто знание, до его приложения. Поэтому ни *свобода познания*, ни *свобода сообщений* вовсе не могут считаться абсолютным («естественным») правом. На них всегда и в любом обществе накладывается *цензура*, иначе никакое общество в принципе не может существовать (критерии и формы запретов — другая тема, которой мы здесь не касаемся).

Особой сферой жизни общества, в которой разделение научного знания и этики чревато массовыми страданиями, является *хозяйство*. Политэкономия заявила о себе как о части *естественной науки*, как о сфере познания, свободной от моральных ценностей. Она не претендовала на то, чтобы говорить, что есть добро, что есть зло в экономике; она только непредвзято изучала происходящие процессы и старалась выявить объективные законы, подобные законам естественных наук. Отрицалась даже принадлежность политэкономии к «социальным наукам». Эта установка прочно вошла в мировоззрение западного общества уже в начале XX века. Например, видный социолог из Йельского университета Уильям Самнер писал: «Социальный порядок вытекает из законов природы, аналогичных законам физического порядка».

Этот дуализм западной политэкономии, разделившей знание и этику, в принципе отрицался русскими социальными философами и экономистами. В попытке разделить этику и знание в экономике Вл. Соловьев видел даже *трагедию* политэкономии. Западные основатели политэкономии, разумеется, не отрицали нравственной стороны в действиях людей, но строили теоретическую модель экономики, выводя эти стороны реальности за рамки модели (применяя метод научной абстракции). Они предупреждали, что *их* политэкономия неприложима к хозяйственным системам, в которых отношения между людьми в слишком большой степени выходят за рамки купли-продажи (а такие хозяйственные системы действуют во всех незападных странах).

Только тяжелейший кризис западной экономики в конце 20-х годов прошлого века на время отодвинул в сторону рационалистическую догму экономической науки — произошла «кейнсианская революция». Английский экономист и философ Кейнс не переносил в экономику механические метафоры и, главное, не прилагал метафору атома к человеку. Кейнс отрицал методологический индивидуализм — главную опору классической политэкономии. Он считал атомистическую концепцию неприменимой к экономике, где действуют «органические общности», — они не втискиваются в принципы детерминизма и редукционизма. Более того, Кейнс даже отрицал статус политэкономии как естественной науки, на котором так настаивали его предшественники, начиная с Адама Смита. Он писал: «экономика, которую правильнее было бы называть политической экономией, составляет часть этики».

Кейнс относился к тому типу экономистов, которых называли *реалистами*, — видел мир, не сводя к упрощенным абстракциям (типа человека-атома, рационального индивида, *homo economicus*). Он поставил под сомнение главный аргумент идеологии — апелляцию к естественному порядку вещей, к «природным» законам общественной жизни. Кейнс не только вскрыл методологическую ловушку, заложенную в самом понятии «естественный», но и отверг правомерность распространения этого понятия на общество.

В конце 50-х годов, когда завершилась послевоенная структурная перестройка экономики Запада, начался откат к механистической модели политэкономии. «Консервативная волна» вывела на передний план теоретиков неолиберализма и монетаризма. Давление на кейнсианскую модель и «социальное» государство нарастало. Собственнический индивидуализм все больше доминировал в культуре. Установки неолбералов были во многом более радикальны, чем взгляды Адама Смита. Вновь была подтверждена полная автономия от этических ценностей. М. Фридман декларировал: «Позитивная экономическая теория есть или может быть объективной наукой в том же самом смысле, что и любая естественная наука».

Поразительный всплеск «рационалистического фундаментализма» наблюдался в конце XX века в СССР, элита которого впала в неолберальную утопию. Н. Амосов писал: «Точные науки поглотят психологию и теорию познания, этику и социологию, а следовательно, не останется места для рассуждений о духе, сознании, вселенском Разуме и даже о добре и зле. Все измеримо и управляемо».

Способы и пределы соединения этики и знания — большая философская проблема, выходящая за рамки нашей темы. Радикальное разделение этих двух пространств духовной деятельности человека — специфическое свойство западной культуры Нового времени. Мировоззренческая

база незападных культур, воспринявших европейскую науку, давала возможности соединить этические запреты с научным исследованием так, что заметного ущерба аналитической силе знания это не наносило (примерами может служить и русская, и индийская или японская наука).

Так, Н.Н. Моисеев писал о воздействии сохранившихся в русской культуре элементов «космического мировоззрения» на когнитивные (познавательные) установки ученых: «Такое философское и естественнонаучное представление о единстве Человека и Природы, об их глубочайшей взаимосвязи и взаимозависимости, составляющее суть современного учения о ноосфере, возникло, разумеется, не на пустом месте. Говоря это, я имею в виду то удивительное явление взаимопроникновения естественнонаучной и философской мысли, которое характерно для интеллектуальной жизни России второй половины XIX века. Оно привело, в частности, к формированию умонастроения, которое сейчас называют русским космизмом.

Это явление еще требует осмысления и изучения. Но одно более или менее ясно: мировосприятие большинства русских философов и естественников, при всем их различии во взглядах — от крайних материалистов до идеологов православия — было направлено на отказ от основной парадигмы рационализма, согласно которой человек во Вселенной лишь наблюдатель. Он существует сам по себе, а Вселенная подобна хорошо отлаженному механизму и действует сама по себе, по собственным своим законам. И то, что в ней происходит, не зависит от Человека, от его воли и желаний. Такова была позиция естествознания XIX века. Так вот мне кажется, что уже со времени Сеченова в России стало утверждаться представление о том, что человек есть лишь часть некоей более общей единой системы, с которой он находится в глубокой взаимосвязи».

Неявный диалог с присущим западному обществу субъект-объектным отношением к природе происходил в русской философской мысли с момента переноса европейской науки в Россию. Вл. Соловьев писал в конце XIX века: «Цель труда по отношению к материальной природе не есть пользование ею для добывания вещей и денег, а совершенствование ее самой — оживление в ней мертвого, одухотворение вещественного. Способы этой деятельности не могут быть здесь указаны, они составляют задачу искусства (в широком смысле греческой «техне»). Но прежде всего важно отношение к самому предмету, внутреннее настроение и вытекающее из него направление деятельности. Без любви к природе для нее самой нельзя осуществить нравственную организацию материальной жизни».

Он как будто заранее отвечал Ясперсу, который в 1949 году дал категорическое утверждение: «Техника — это совокупность действий знающего человека, направленных на господство над природой; цель их —

придать жизни человека такой облик, который позволил бы ему снять с себя бремя нужды и обрести нужную ему форму окружающей среды».

Как показала вся история науки, *знание — сила*. А накопление *силы* какой-то социальной группой, организацией или даже личностью не может быть процессом, свободным от моральных ценностей. И чем больше эта сила, тем опаснее ее претензия на автономию. Это противоречие — важная сторона кризиса индустриализма. Уметь с ним «обращаться» — задача обществоведения.

Научное и традиционное знание

Уже в ходе Научной революции ее идеологи отмежевались от *традиции*, от всего корпуса накопленного в ней и выраженного на ее языке знания.

«Никогда не принимать за истинное ничего, что я не познал бы таковым с очевидностью, ... включать в свои суждения только то, что представляется моему уму столь ясно и столь отчетливо, что не дает мне никакого повода подвергать это сомнению», — писал Декарт. В том, что отвергает Декарт, одним из важнейших блоков как раз является знание, записанное в традиции, — оно не познается с очевидностью и не является полностью ясным и отчетливым.

Если по отношению к этическим ценностям Научная революция означала *разделение* («развод» между наукой и религией, в ведении которой и оставались моральные ценности), то традиционное знание *подавлялось* как пережиток. На опасность такого односторонне рационального сознания обращали внимание многие мыслители. Уже Ницше точно подметил, что развитая культура «должна дать человеку двойной мозг, как бы две мозговые камеры: во-первых, чтобы воспринимать науку и, затем, чтобы воспринимать не-науку; они должны лежать рядом, быть отделимыми и замыкаемыми и исключать всякое смешение; это есть требование здоровья».

Подавление традиции стало одним из признаков становления и развития нового общества. Этот процесс и был назван «модерном» — формированием *современного* общества в противовес *традиционному*. Разрыв научного знания с традицией привел к резкому разделению между Западом и незападными (*традиционными*) обществами, а также усилил раскол между модернизированной и традиционной частью общества самого Запада. Либеральный философ Дж. Грей пишет: «В самих западных культурах проект Просвещения необратимым образом вытеснил традиционные формы сознания и самопонимания и теперь уже продолжает вытеснять значительно более древние религиозные и интеллектуальные традиции, полное угасание которых сегодня очевидно»².

² Выдержки из книги Дж. Грея см. в Приложении.

В период становления современного буржуазного общества этот конфликт был неизбежным, ибо именно культура и рациональность традиционного общества являлись главным препятствием для развития капиталистических отношений³. Понятно, что при наступлении капитализма культурные структуры традиционного общества изживались, часто весьма грубым образом. В ходе вестернизации практически везде наблюдалось одно и то же явление: там, где власть получали люди, проникнутые мироощущением евроцентризма, грубо разрушались традиционные культурные нормы и ритуалы, вызывающие отвращение как «архаические пережитки».

Когда Индия стала колонией Англии, английские культуртрегеры насильно внедрили на индийских полях «прогрессивный» стальной отвальный плуг взамен «архаичного» деревянного — и тем самым разрушили легкие лессовые почвы, что стало бедствием для сельского хозяйства Индии. Голод, который ранее в Индии возникал лишь в результате стихийных бедствий, превратился в нормальное социальное явление.

Лоренц писал: «Неспособность испытывать уважение — опасная болезнь нашей цивилизации. Научное мышление, не основанное на достаточно широких познаниях, своего рода половинчатая научная подготовка, ведет, как верно указывал Макс Борн, к потере уважения к наследуемым традициям. Всезнающему педанту кажется невероятным, что в перспективе возделывание земли так, как это делал крестьянин с незапамятных времен, лучше и рациональнее американских агрономических систем, технически совершенных и предназначенных для интенсивной эксплуатации, которые во многих случаях вызвали опустынивание земель в течение немногих поколений».

Сейчас традиционному *крестьянскому* знанию о земледелии посвящена обширная литература, освещающая экономические и экологические принципы трудового крестьянского хозяйства. Одним из крупнейших исследователей этой системы знаний был А.В. Чайнов, труды которого сыграли важную роль в модернизации сельского хозяйства большей части человечества в XX веке (в частности, они послужили важным источником при разработке доктрины развития сельского хозяйства Китая в 1980-е годы).

Следует, однако, кратко остановиться на традиционном *техническом* знании другого допромышленного производства — *ремесленного*.

---

³ Ядром центральной мировоззренческой матрицы традиционного общества Европы было представление о *религиозном братстве*. Вебер пишет на этот счет: «Чем больше космос современного капиталистического хозяйства следовал своим имманентным закономерностям, тем невозможнее оказывалась какая бы то ни было мыслимая связь с этикой религиозного братства. И она становилась все более невозможной, чем рациональнее и тем самым безличнее становился мир капиталистического хозяйства».

Технические достижения древних и средневековых ремесленников исключительно высоки даже по современным критериям. В них поражает соединение технологических, функциональных и эстетических качеств изделий, машин, архитектурных сооружений.

Все это основано не на смекалке и «сноровке», не на «секретах древних», носящих сакрально-мистический характер, а на огромном систематическом запасе кодифицированного знания, которым владели большие сообщества мастеров, учителей, контролеров. Очень многие технологические приемы и операции древних ремесленников сегодня не могут быть воспроизведены, что принято объяснять магическим характером утраченных секретов и рецептов. При этом надо отметить, что ремесленное знание систематизировалось, кодифицировалось и передавалось в среде, которая до XVII века относилась к социальным низам общества и в которой еще не распространилась письменность.

Красноречивым примером служит знание о колокольной бронзе, накопленное и упорядоченное ремесленниками всех частей света. Самым старым письменным источником является глава китайской книги III века до н. э. Бронза — древнейший из известных сплавов, который с IV тысячелетия до н. э. использовался для изготовления предметов самого разного назначения. Этому сплаву посвящено множество исследований, из которых видно, что традиционное ремесленное знание представляет собой хорошо развитую организованную систему, изложенную на ином языке и имеющую иную структуру, нежели научное знание, однако по своей строгости и точности сравнимую с ним.

Когда в XIX веке приступили к изучению греческих статуй, с удивлением обнаружили, что «ничего нового в области композиций для бронзовой скульптуры не произошло». А ведь исторические бронзы по современной классификации относятся к сложным «специальным» (прецизионным) сплавам, в которых составляющие фазы оказывают ярко выраженное влияние на свойства. Современные анализы приводят к выводу, что во многих случаях древние сплавы по чистоте компонентов и свойствам имеют качество, которое сегодня можно превзойти только при использовании специальных технологий.

Но бронза — один из примеров. Сам факт, что множество ремесленников в разных местах находили наилучшие методы создания сложных материалов и устройств, а затем могли в течение веков с высокой точностью воспроизводить эти методы в производстве массы изделий, говорит о высокоразвитой системе сбора, систематизации, хранения и передачи знания и о строгом контроле за его правильным использованием. Создатели современной науки были причастны к этому знанию и многим ему обязаны. Тот факт, что впоследствии оно было оттеснено

на обочину и к нему был утрачен общественный интерес, привело к обеднению всей системы знания в целом.

Сравнительно мало философов и историков техники считали развитие ремесленного знания важным этапом в становлении системы знания Нового времени (к ним относится В.И. Вернадский). Чаще ремесленное знание представляют бессистемным обыденным знанием, основанном на «голом эмпиризме, простых обобщениях, наблюдениях, традициях и рецептах», «пробах наугад, игре случайности», «решениях «на глаз», сноровке, делавшей излишними письменными закрепленными правилами», «случайности эмпирико-практических ухищрений изобретательных ремесленников», «элементарном эмпиризме, не имеющем в себе никаких конструктивных особенностей», примитивной технологии, «не образующей самостоятельного феномена и процесса с имманентными и объективными закономерностями развития». Подборку подобных высказываний видных философов можно продолжить.

Рациональное мышление — достижение всего человечества. Все культуры, включая Запад, выработали свои формы сочетания рационального сознания со своим традиционным знанием. На Западе в Новом времени рационализм в системе знания был объявлен суверенным господином, хотя под этой ритуальной формой скрывался специфический способ сосуществования. Но экспансия Запада в другие культуры создавала угрозу местным, самобытным способам взаимодействия рационального и традиционного знания.

А.Н. Уайтхед в его первой лекции из курса «Наука и современный мир» сказал так: «Современная наука рождена в Европе, но ее дом — весь мир. В течение последних двух веков происходило длительное и искажающее влияние западных обычаев на восточную цивилизацию. Восточные мудрецы до сих пор озадачены тем, чтобы некий регулятивный секрет бытия перенести с Запада на Восток без угрозы бессмысленного разрушения того наследства, которым они справедливо гордятся».

Самир Амин пишет, основываясь на богатом опыте третьего мира: «Современная господствующая культура выражает претензии на то, что основой ее является гуманистический универсализм. Но евроцентризм несет в самом себе разрушение народов и цивилизаций, сопротивляющихся экспансии западной модели. В этом смысле нацизм, будучи далеко не частной абберацией, всегда присутствует в латентной форме. Ибо он — лишь крайнее выражение евроцентристских тезисов. Если и существует тупик, то это тот, в который загоняет современное человечество евроцентризм».

Об этой особенности либерального мышления писал Лоренц в 1966 году: «Молодой “либерал”, достаточно поднаторевший в научно-критическом мышлении, обычно не имеет никакого представления об

органических законах обыденной жизни, выработанных в ходе естественного развития. Он даже не подозревает о том, к каким разрушительным последствиям может повести произвольная модификация норм, даже если она затрагивает кажущуюся второстепенной деталь. Этому молодому человеку не придет в голову выбросить какую-либо деталь из технической системы, автомобиля или телевизора, только потому, что он не знает ее назначения. Но он выносит безапелляционный приговор традиционным нормам социального поведения как пережиткам — нормам как действительно устаревшим, так и жизненно необходимым. ... Подавление традиции может привести к тому, что все культурные нормы социального поведения могут угаснуть, как пламя свечи».

Разве не такое поведение «молодого либерала» мы наблюдали во все годы перестройки и наблюдаем еще и сейчас в России?

Что потеряло при этом научное знание, вытеснив на интеллектуальную обочину знание, записанное на «другом языке»? Это — один из важных и актуальных вопросов и методологии науки, и общей культурологии. Здесь коснемся его вскользь, на паре примеров.

В течение длительного времени, а во многом и сегодня, научное мышление опиралось на *механистический детерминизм* — представление, что мир есть машина, которая действует по законам, поддающимся познанию и выражению на математическом языке. Центральной догмой этого представления была идея *равновесия и стабильности* этой машины, предсказуемости ее поведения через выявление причинно-следственных связей. Эти идеи были положены в основу и многих фундаментальных моделей, которые восприняты культурой Запада и стали «руководством к действию» (например, модель человека как рационального индивида, политэкономическая модель рыночной экономики, в которую Адам Смит буквально перенес ньютоновскую модель мироздания, представив хозяйство как равновесную систему движущихся масс, описываемую простыми математическими уравнениями).

И. Пригожин обращает на это внимание в связи с феноменом неустойчивости: «У термина “неустойчивость” странная судьба. Введенный в широкое употребление совсем недавно, он используется порой с едва скрываемым негативным оттенком, и притом, как правило, для выражения содержания, которое следовало бы исключить из подлинно научного описания реальности. Чтобы проиллюстрировать это на материале физики, рассмотрим элементарный феномен, известный, по-видимому, уже не менее тысячи лет: обычный маятник... Если расположить маятник так, чтобы груз оказался в точке, противоположной самому нижнему положению, то рано или поздно он упадет либо вправо, либо влево, причем достаточно будет очень малой вибрации, чтобы направить его падение в ту, а не в другую сторону. Так вот, верхнее (неустойчивое) по-

ложение маятника практически никогда не находилось в фокусе внимания исследователей, и это несмотря на то, что со времени первых работ по механике движение маятника изучалось с особой тщательностью. Можно сказать, что понятие нестабильности было, в некоем смысле, идеологически запрещено».

Здесь — один из корней конфликта науки с традиционным знанием, ибо последнее изначально представляет мир как борьбу *порядка и хаоса*. Это — сложное представление, альтернативное механистическому детерминизму. Поэтому вплоть до наших дней центральная догма науки Нового времени побуждала научное сообщество третирировать традиционное знание как *антирациональное*.

Издержки такого ограничения, конечно, не ускользали от внимания ученых-мыслителей. Его результатом стала нечувствительность рационального научного сознания к нестабильности, кризисам, хаосу. Сильнее всего это ударило по обществоведению. Переживая тяжелый кризис, мы видим неспособность обществоведения представить его как одну из неизбежных форм бытия — он трактуется как аномалия, которую надо как-то пережить, но которая не поддается нашему разумному контролю. Недаром российские политики уподобляют последнее обострение кризиса «стихийному явлению».

Уайтхед в последней своей книге «Способы мышления» (1938) пишет: «Понятие безусловной стабильности определенных законов природы, а также определенных моральных кодексов представляет собой главную иллюзию, принесшую немало вреда философии». Далее он добавляет: «Нет оснований считать, что порядок более фундаментален, чем беспорядок. Наша задача в развертывании такого общего понятия, в котором нашлось бы место для обоих и которое указывало бы путь для углубления нашего проникновения».

О сокращении познавательных возможностей при разрушении традиций под натиском рационализма Лоренц пишет: «В этом направлении действует установка, совершенно законная в научном исследовании, *не верить ничему, что не может быть доказано*. Поэтому молодежь “научной формации” не доверяет культурной традиции. Борн указывает на опасность такого скептицизма в приложении к культурным традициям. Такой скептицизм опасен потому, что они [традиции] содержат огромный фонд информации, которая не может быть подтверждена научными методами».

Если бы декларируемый картезианской наукой отказ от традиционного знания был бы действительно реализован, это означало бы катастрофический регресс всей мировой цивилизации, включая Запад. Образованные люди, находясь в «поле» всего накопленного человечеством знания, очень часто просто не могут его оценить. Следуя наивному ев-

роцентризму, они преувеличивают значение той научной и технологической революции, которая началась всего четыре века назад (а некоторые вообще мыслят современный фонд знания как созданный за последние полвека). Проникнутый евроцентризмом человек уверен, например, что техника, искусственный мир, в котором он живет, созданы, в основном, в Новое время, цивилизацией Запада. Он видит лишь телевидение, мобильный телефон, Интернет. А хлеб — это для него часть *природы*. Не понимает уже, что для судеб человечества приручение лошади или выведение культурной пшеницы и картофеля были несравненно важнее изобретения атомной бомбы. До какого абсурда мог доходить этот евроцентризм, хорошо видно по той идеологической кампании, которую в России пришлось пережить во время перестройки, в результате «освобождения» молодежи от традиций отцовских поколений.

Лоренц, сам переживший увлечение самоубийственными доктринами, с особой грустью пишет о судьбе именно молодых поколений: «Радикальный отказ от отцовской культуры — даже если он полностью оправдан — может повлечь за собой губительное последствие, сделав презревшего напутствие юношу жертвой самых бессовестных шарлатанов. Я не говорю о том, что юноши, освободившиеся от традиций, обычно охотно прислушиваются к демагогам и воспринимают с полным доверием их косметически украшенные доктринерские формулы».

Эта проблема социологии знания актуальна сегодня в России и других постсоветских республиках. Причина в том, что очень большая часть того знания, на базе которого строились главные матрицы Российской империи и затем СССР, относится к категории *традиционного*. Оно плохо оформлено и часто не было адекватным образом переведено на язык современных теорий западной науки. Самым драматическим образом это проявилось во время реформы 90-х годов, когда шло разрушение структур, принцип действия которых не был вполне понят и был совершенно неизвестен западным экспертам (как, например, принцип устройства советского промышленного предприятия, советской школы или системы теплоснабжения).

Об этом с горечью сказал, как ни странно, либеральный философ Грей: «Приоритет культурной традиции в политической жизни — вот истина, которую забыли или постарались забыть все те, кто думает, будто бывшие коммунистические страны должны или могут следовать некоему западному образцу».

Советский проект и, в значительной мере, практика советского строя представляли собой в течение полувека успешный синтез традиционного и современного рационального знания. Мировоззренческой основой советского строя был, по выражению Вебера, *общинный крестьянский коммунизм* (Лев Толстой — зеркало русской революции). К этому

движению после 1905 года примкнула, а затем и возглавила его партия большевиков. Она и привнесла в рабоче-крестьянское движение программу марксизма, корнями уходящую в Просвещение. Возникла сложная духовная и интеллектуальная конструкция, в которой общинный коммунизм, консервативный по своей природе, был совмещен с идеей развития и научно-технического прогресса.

В целом, обществоведение опирается на традиционное знание не в меньшей степени, чем технические науки, но количественные оценки здесь мало что дают. Наука в принципе не может «оторваться» от традиционного знания. Именно длительный опыт жизни в обществе, формализованный в традиционном знании — обычаях, преданиях, праве, сентенциях и пословицах, — является для обществоведа мотиватором и источником его гипотез, задает «повестку дня» его размышлений и проектов. Возьмем ли мы труды Вебера, Лоренца или Чаянова, их основной материал представляет собой обработанное и «онаученное» традиционное знание. Объем «научно организованных» наблюдений за общественной жизнью ничтожен по сравнению с тысячелетними непрерывными наблюдениями и размышлениями всего человечества.

Важные рассуждения Вебера о протестантской этике опираются на рассказы сельских хозяев, три века с удивлением наблюдавших за различным поведением жнецов-католиков и жнецов-протестантов, которым повышали плату за морген сжатой пшеницы. Эти рассказы — «публикации» вдумчивых исследователей, работающих в сфере традиционного знания обществоведения.

Приложение

Из книги Дж. Грея «Поминки по Просвещению», М.: Праксис. 2003:

«В матрицах рыночных институтов заключены особые для каждого общества культурные традиции, без поддержки со стороны которых система законов, очерчивающих границы этих институтов, была бы фикцией. Такие культурные традиции исторически чрезвычайно разнообразны: в англосаксонских культурах они преимущественно индивидуалистические, в Восточной Азии — коллективистские или ориентированные на нормы большой семьи и т. д. Идея какой-то особой или универсальной связи между успешно функционирующими рыночными институтами и индивидуалистической культурной традицией является историческим мифом, элементом фольклора, созданного неоконсерваторами, прежде всего американскими, а не результатом сколько-нибудь тщательного исторического или социологического исследования.

Более того, у мыслителей шотландского Просвещения, таких как Адам Смит и Адам Фергюсон, сделавших на основе исторического опыта собственной страны вывод о существовании подобной связи, такой результат исследований вызвал тревогу по поводу дальнейшей судьбы рыночных институтов, поскольку, как и более поздние мыслители, например, Йозеф Шумпетер, они опасались, что индивидуализм растратит тот культурный капитал, из которого рыночные институты в течение многих поколений черпали средства своего обновления. Опыт подсказывает нам, что подобный страх перед саморазрушительными эффектами рыночных институтов, когда они основаны на индивидуалистических культурных традициях, далеко не беспочвенен...

Рыночные институты вполне законно и неизбежно отличаются друг от друга в соответствии с различиями между национальными культурами тех народов, которые их практикуют. Единой или идеальнотипической модели рыночных институтов не существует, а вместо этого есть разнообразие исторических форм, каждая из которых коренится в плодотворной почве культуры, присущей определенной общности. В наши дни такой культурой является культура народа, или нации, или семьи подобных народов. Рыночные институты, не отражающие национальную культуру или не соответствующие ей, не могут быть ни легитимными, ни стабильными: они либо видоизменяются, либо будут отвергнутыми теми народами, которым они навязаны» [с. 113–114].

«Альтернативная [либерализму] философская антропология... считает человечество родом, природа которого только частично детерминирована и который поэтому неизбежно является самоопределяющимся и способным к самопреобразованию, и проявляет особую, ему одному свойственную, творческую способность к созиданию не только разнообразных, но и обычно неповторимых идентичностей. Задачей же либеральной теории, на мой взгляд, является не тщетное сопротивление этому данному историческим процессом опровержению универалистской антропологии, лежавшей в основе просветительской философии истории, но попытка примирить требования либерального образа жизни с тем обстоятельством, что идентичность человека и его включенность в систему социальных связей принадлежит сфере *особенного*, а не *всеобщего* — иначе говоря, следует переосмыслить либерализм, увидев в нем самом особую форму общественной жизни» [с. 134].

«Позитивисты полагали, что все общества постепенно отбросят традиционную приверженность сверхъестественным силам из-за потребности в рациональных, научных и экспериментальных методах мышления, предполагаемых современной индустриальной экономикой.

Согласно старому доброму убеждению, широко распространенному в XIX веке, произойдет постепенная конвергенция ценностей на основе “наших ценностей, либеральных”.

Всемирно-исторический провал проекта Просвещения, выразившийся в политическом отношении в крахе и разрушении в конце XX века порожденных этим проектом светских, рационалистических и универсалистских политических движений — и либеральных, и марксистских — и преобладание в политической жизни этнических, националистских и фундаменталистских сил наводят на мысль об ошибочности философской антропологии, на которой зиждился проект Просвещения. В этой философской антропологии различие культур рассматривалось как эфемерная, и даже эпифеноменальная случайность в человеческой жизни и истории. Опровержение данной точки зрения историческим опытом представляет собой явление, исследование которого традиционное либеральное мышление, считающее различие культур формой атавизма или субъективного предпочтения, предназначенного принадлежать сфере частной жизни, сочло слишком опасным. С альтернативной точки зрения, которую я хочу развить, предрасположенность к различиям между культурами — изначальное свойство рода человеческого; человеческая идентичность плюралистична и разнообразна по своей природе — как многочисленны и разнообразны естественные языки» [с. 133].

«Человеческие существа, какими мы их видим, являются не единичными представителями человеческого рода, а принадлежат к определенным культурам. Именно из этих культур они черпают свою идентичность, определенность, которая не есть определенность человеческого рода вообще, а нечто, обусловленное конкретным, не выбираемым ими наследием истории и языка... Сам смысл жизни человека постигается посредством знания, носителем которого выступает местное сообщество, поэтому величайшей бедой, что только может выпасть на долю общности, было бы обесценивание традиционных верований — мифов, ритуалов, легенд и всего прочего, наделяющего смыслом жизни ее членов, — в ходе слишком стремительных или огульных культурных преобразований» [с. 207–208].

Лекция 4

Научное знание и здравый смысл

К традиционному знанию примыкает особый тип знания, которое вырабатывается *обыденным сознанием*. Оно «записано» на естественном бытовом языке, хранится обычно в виде расхожих выражений и штампов, умозаключения делаются в виде коротких цепочек с упрощенной логикой. Это знание систематизируется и совершенствуется в рамках *здорового смысла*, более развитой и строгой части обыденного сознания.

Обобщая опыт и закрепляя его в традиционных суждениях, здравый смысл консервативен. Он не настроен на выработку блестящих, оригинальных решений, но надежно предохраняет против *наихудших* решений. Этот консерватизм и осмотрительность и ставятся в вину здоровому смыслу.

Действительно, здравый смысл может подавлять дух новаторства, он слишком *уважает историю*. Уайтхед под таким углом зрения сравнивает древних египтян и греков. В культуре Египта было очень велико почтение к истории и очень развит здравый смысл. По мнению Уайтхеда, именно из-за этого «им не удалось обобщить свои геометрические познания, и потому они упустили шанс стать основателями современной цивилизации. Избыток здравого смысла имеет свои недостатки. Греки со своими туманными обобщениями всегда оставались детьми, что оказалось весьма кстати для современного мира. Панический страх заблуждений означает смерть для прогресса, а любовь к истине — его гарантию».

Возрождение, приняв за идеал этот «греческий» тип мышления (в противовес «египетскому»), принижало значение консервативного сознания и здравого смысла. Интеллектуалы Возрождения первыми провозгласили ценность *неопределенности* и отвергли «цензуру» опыта и традиции.

Однако нетрудно видеть, что в рамках здравого смысла добывается, систематизируется и распространяется самый большой массив знания, которым пользуется человечество. Этот массив вступает в непрерывное взаимодействие с другими массивами знания и перекрывается с ними. При этом наблюдаются и синергический, кооперативный эффект, и конфликты.

Знание, вырабатываемое здравым смыслом, находится в сложных отношениях с *научным знанием*. В реальной жизни люди не имеют времени, чтобы делать сложные многоступенчатые умозаключения по большинству вопросов. Они пользуются *здравым смыслом*. Это — инструмент рационального сознания, который, однако, действует иначе, нежели *научная* рациональность. Он служит главным подспорьем логическим рассуждениям и умозаключениям.

Но с момента Научной революции в среде высокообразованных людей здравый смысл стал цениться невысоко — куда ниже, чем развитые в науке приемы теоретического знания. При обсуждении когнитивной структуры «общества знания» здравый смысл, как правило, вообще не упоминается. На деле речь идет об интеллектуальном инструменте, никак не менее важном, чем научное мышление. Более того, само научное знание становится социально значимой силой только при наличии массовой поддержки здравого смысла.

Теоретическое научное знание может привести к блестящему, наилучшему решению, но часто ведет к полному провалу — если из-за недостатка средств (информации, времени и пр.) человек привлек негодную для *данного случая* теорию. Поэтому в реальности оба массива знания и оба способа добывать его дополняют друг друга. И когда научное мышление стало теснить и принижать здравый смысл, в его защиту выступили философы разных направлений (например, такие как А. Бергсон и А. Грамши).

И все же доминирующей линией в онаученной части культуры Нового времени было третирование здравого смысла не просто как упрощенного способа познания, но и как источника *ложного* знания. Как пишет З. Бауман, «для Спинозы единственное знание, достойное этого имени, есть знание твердое, абсолютное... Спиноза разделял идеи на четкие категории (не оставляя места для “среднего случая”) — такие, которые образуют знание, и ложные. Последним безоговорочно отказывалось в какой-либо ценности, и они характеризовались чисто отрицательно — через отсутствие знания».

По мнению Баумана, ведущие философы и ученые-мыслители эпохи становления современной науки были едины в этом мнении. Он пишет, опираясь на рассуждения Декарта: «Долг философии, который Кант взялся установить, состоял в “разрушении иллюзий, берущих свое начало в ложных понятиях, какие бы заветные надежды и ценные ожидания ни были разрушены их объяснением”. В такой философии “мнения совершенно недопустимы”... Декарт бы охотно с этим согласился: “Человек, который ставит целью развитие своих знаний выше обыденного уровня, должен стыдиться использования в качестве повода для сомнений форм речи, придуманных простонародьем”.

И интуиция, и дедукция, систематически развернутые философом, «есть наиболее твердые пути знания, и ум не должен допускать других. Все другое должно быть отвергнуто как чреватое ошибками и опасностями... Мы отвергаем все подобное чисто вероятное знание и полагаем себе правилом доверять лишь тому, что вполне известно и не может быть поставлено под сомнение»...

Все это вместе очерчивает то, что Ричард Рорти назвал «основополагающей философией», обвинив Канта, Декарта и Локка в том, что они совместно навязали эту модель последующим двум столетиям философской истории».

В новом обществоведении, которое формировалось в парадигме Научной революции, здравый смысл отрицался как *антипод* рационального сознания идеального индивида, как продукт местных условий, предопределяющих групповую идентичность той или иной «общины». Рационализм Научной революции следовал идеалу универсализма и видел в особенностях местных культур фильтр, отделяющий здравый смысл от достоверного знания.

Бауман продолжает: «Во-первых, социология взяла на себя критику здравого смысла. Во-вторых, она взялась за конструирование схем социальной жизни, относительно которых можно было бы эффективно выявлять отклонения, недозволенные формы поведения и все такое, что с системной точки зрения выступало как проявление социального беспорядка».

В когнитивном плане обществоведение, как философия общества, и обществоведение, как инструмент власти, совпадали в своем отрицании здравого смысла как низового массового знания «о себе».

«Их задачи, — писал Бауман, — совпадали в том, что касается осуждения, отрицания и лишения легитимности всего “чисто опытного” — спонтанных, самодельных, автономных проявлений человеческого сознания и самосознания. Они неотвратимо вели к отрицанию человеческой способности достичь адекватного знания о себе самом (или, скорее, они квалифицировали всякое знание о себе, в силу самого факта, что это знание о себе, как неадекватное). Так же, как Церковь должна была относиться к своей пастве как к сборищу грешников, модернистские социальные науки должны были относиться к своим объектам как к невеждам».

Если на первом этапе институционализации науки ее идеологи делали упор на *общедоступности* научного знания, то по мере роста престижа и социального статуса ученых стали высказываться совершенно противоположные утверждения. Так, Джон Гершель¹ писал вначале: «Наука

¹ Джон Фредерик Вильям Гершель (1792–1871) — известный английский астроном, физик и методолог науки.

есть знание *всех*, расположенное в таком порядке и по такому методу, которые делают это знание доступным для каждого». В более поздних работах он, напротив, подчеркивает, что здравый смысл не совпадает с научным знанием, и научное мышление требует отказа от многих мыслительных привычек здравого смысла.

Исходя из этих представлений модерна, резко отрицательную позицию по отношению к здравому смыслу занял Маркс. В системе общественного сознания обыденное сознание у него определено предстает как *ложное*. В программном труде Маркса, написанном совместно с Энгельсом («Немецкая идеология»), сказано: «Люди до сих пор всегда создавали себе ложные представления о себе самих, о том, что они есть или чем они должны быть. Согласно своим представлениям о боге, о том, что является образцом человека, и т. д. они строили свои отношения. Порождения их головы стали господствовать над ними. Они, творцы, склонились перед своими творениями. Освободим же их от иллюзий, идей, догматов, от воображаемых существ, под игом которых они изнывают. Поднимем восстание против этого господства мыслей».

Таким образом, программа Маркса декларирована как *«восстание против господства мыслей»*, порожденных обыденным сознанием. Согласно представлениям Маркса, знание, порожденное в рамках здравого смысла, не обладало способностью к развитию — оно лишь следовало за материальным бытием как его отражение. Фактически отрицался сам статус здравого смысла как принадлежащего к системе *знания*. Представления здравого смысла якобы не могли меняться под воздействием их собственного развития как знания, путем анализа причинно-следственных связей, приложения меры и логики.

Эти установки модерна в отношении здравого смысла были приняты и провозвестниками постмодернизма. Для них здравый смысл был носителем устойчивых мировоззренческих позиций («истин»), коллективно принятых и оформленных традицией. Это было несовместимо с идеей неопределенности бытия, ситуативности его оценок. Философ-экзистенциалист Л. Шестов в своей работе «Апофеоз беспочвенности» прямо заявляет, что «человек волен так же часто менять свое “мировоззрение”, как ботинки или перчатки». Для него неприемлемо то соединение *знания и понимания*, которого ищет здравый смысл, он считает эти категории несовместимыми. Он — принципиальный сторонник «производства неопределенности» и потому противник принятых суждений: «Во всем, на каждом шагу, при случае и без всякого случая, основательно и неосновательно следует осмеивать наиболее принятые суждения и высказывать парадоксы. А там — видно будет».

Напротив, в среде левой интеллигенции, близкой к народникам и левым кадетам, здравый смысл признавался как источник знания, ко-

торый был одним из корней современной науки. В.И. Вернадский писал в 1888 году: «Масса народная обладает известной возможностью вырабатывать известные знания, понимать явления — она, как целое и живое, обладает своей сильной и чудной поэзией, своими законами, обычаями и своими знаниями... Этой работой достигается известное общественное знание, выражающееся в иных законах, иных обычаях, в иных идеалах... Я вижу, как из работы отдельных лиц, опирающихся и исходящих постоянно из познанного массами, выработалось огромное, подавляющее здание науки».

На первых этапах советского строя обществоведение, во многом еще «стихийное», в большой мере опиралось на здравый смысл и традиционное знание. Однако, начиная с 1960-х годов, в советском обществоведении стало превалировать отношение к здравому смыслу, следующее установкам западных идеологов позитивной науки и Маркса.

М.К. Мамардашвили подчеркивает, что даже рационализированное, но не «уполномоченное», сознание человека не обладает способностью «ясного сознания его положения» и его связи с действительностью. Он пишет: «Как постоянно показывает Маркс, основная зависимость и “точка роста” рационализированных косвенных образований в культуре состоят в том, что именно превращенное сознание, стихийно порожденное общественным устройством, разрабатывается — уже *a posteriori* и специально — идеологическими уполномоченными господствующего при этом устройстве класса. Оно является мыслительным материалом и духовным горизонтом особого идеологического сословия, которое и создает официальную, а тем самым и господствующую в обществе идеологию класса».

На практике эта установка усилила пренебрежение общественным мнением как всего лишь проявлением «ложного сознания». Опираясь на эти положения, «идеологические уполномоченные» истмата во время перестройки стали принципиально отвергать рациональные доводы, исходящие из повседневного опыта людей. Авторы канонического учебника исторического материализма В.Ж. Келле и М.Я. Ковальзон писали: «Поверхностные, основанные на здравом смысле высказывания обладают немалой притягательной силой, ибо создают видимость соответствия непосредственной действительности, реальным интересам сегодняшней практики. Научные же истины всегда парадоксальны, если к ним подходить с меркой повседневного опыта. Особенно опасны так называемые “рациональные доводы”, исходящие из такого опыта, скажем, попытки обосновать хозяйственное использование Байкала, поворот на юг северных рек, строительство огромных ирригационных систем и т. п.».

При этом невозможно было и слова сказать об абсурдности их доводов: из каких парадоксальных научных истин следует, что недопустимо «хозяйственное использование Байкала» или «строительство огромных

ирригационных систем»? Ведь это просто глупость! Да и рождались все эти большие проекты именно в научно-исследовательских институтах (прежде всего в Академии наук СССР), а философски обосновывали их профессора исторического материализма.

В результате, все точки зрения, которые вырабатывались вне установленной иерархии власти, игнорировались — более или менее демонстративно. После ликвидации советских общественных норм это пренебрежение стало не просто демонстративным, но и нарочито наглым.

В условиях кризиса, когда рушатся догмы и стереотипы, подрываются нормы строго логического мышления и происходит хаотизация общественного сознания, здравый смысл с его консерватизмом и простыми однозначными понятиями начинает играть исключительно важную стабилизирующую роль. Он становится одной из главных линий обороны против наступающей *беспочвенности*.

Такой период мы переживаем сейчас и в России.

Художественное знание

Очень коротко скажем о знании, систематизированном и «записанном» в художественных образах. Оно действует на духовный мир человека в плоскости, соединяющей воображение, эмоциональную сферу и рациональное мышление.

На исходе Средневековья художественное знание соединяли с зарождающейся наукой глубокие связи. В Средние века в число математических наук в университетах наряду с арифметикой, геометрией и астрономией входила *музыка*. Лютня была «и излюбленным инструментом певцов, и инструментом ученых, отвечавшим требованиям точных математических расчетов, с помощью которых постигалась природа музыкального звука». Мерой для оценки расчетов была *эстетическая* категория — красота мелодических созвучий. Из сочетаний звуков делались теоретические выводы.

Плодотворным для открытия научного метода был спор о строении музыки, в котором принял активное участие отец Галилео Галилея, музыкант и композитор Винченцо Галилей. Во второй половине XIV века вышел трактат Николая Орема «О соизмеримости и несоизмеримости движений неба». В нем автор изложил проблему в форме сна, в котором он просит Аполлона разрешить его сомнения. Аполлон поручил Музам и Наукам высказать свои соображения. Вопрос стоял принципиально — автор вложил в уста Гермеса такие слова: «Ведать музыку — не что иное как знать порядок всех вещей».

Арифметика считала, что все движения неба *соизмеримы*, Геометрия возражала. Автор трактата принадлежал к течению, которое отстаивало

мнение, что иррациональная пропорция «изгнана из движений неба, производящих мелодические созвучия». Теоретики нового течения считали, что права Геометрия, так что присутствие иррациональных пропорций в звуках (диссонанса) придает музыке особую яркость и красоту.

Этот трактат положил начало спору, который длился полтора века и в ходе которого было высказано много методологически важных для науки идей. Этот спор, в который через отца был вовлечен Галилео, как считают историки, существенно повлиял на становление его как методолога. Для нас важно то, что музыка, ставшая важной частью культуры и общественной жизни, оказалась тесно связана с научным мышлением и научным типом обсуждения расчетов и выводов. Так научное знание становилось частью культуры².

Совершенно необходимым элементом всей системы знания является знание, с древних времен накопленное в особой отрасли «духовного производства» — литературе. В принципе, с самого зарождения систематизированного знания и рефлексии над ним (философии) литературный текст был способом фиксации и передачи этого знания, а создание такого текста — важным этапом познавательного процесса. Эта сторона литературного творчества не утратила своего значения и в современной науке.

Так, историки науки отмечают глубинную связь литературного метода Достоевского с методологией науки, причем постклассической³. Эйнштейн писал: «Достоевский дает мне больше, чем любой другой мыслитель, больше, чем Гаусс». Художественные модели Достоевского были рационалистическими, их сквозной темой было противоречивое развитие мысли. Метод же построения модели был экспериментальным. Он помещал своих героев в обстановку критического эксперимента (*experimentum crucis*). Историки говорят, что Достоевский осуществил синтез научного и художественного методов. Более того, художественные экспериментальные модели Достоевского обладают вполне научной строгостью, так что И.П. Павлов сказал: «Его слово, его ощущения — факт». Действительно, отложившиеся в литературе слова и ощущение

---

² Связь науки с музыкой была очень устойчива. Знаменитый английский астроном Исаак Гершель (1738–1822) был музыкантом (играл на гобое, потом на органе). Интерес к теории музыки привел его к математике, затем к оптике и астрономии.

³ Истмат зародился в культуре, имеющей истоком механическую картину мира Ньютона, потому-то все его метафоры и аллегории механистичны, как движение поршня в паровой машине. Как говорят, эта картина мира покоится на «физике бытия». Иная картина мира стала складываться в XX в., в ней были учтены те «аномалии», которые исключались из механической картины — необратимости, нелинейности, флуктуации и цепные процессы, самоорганизация. Это — «физика становления». Главный ее интерес направлен на процессы перехода, изменения, катастроф. В художественном творчестве Достоевский был провозвестником этой новой картины мира.

ния — важная часть *реальности* общества, и создание этой реальности сопряжено с порождением и движением особого знания.

У Достоевского этот синтез выражен необычайно ярко, «модельно», но он присутствует и в творчестве многих других писателей и поэтов, во множестве вариаций. Можно даже сказать, что уже в позднее Средневековье этот синтез стал необходимым качеством художественного произведения, которое было культурной предпосылкой для возникновения в XVI веке того, что мы называем современным научным методом.

Методология *мысленного эксперимента* была, можно сказать, выработана в ходе становления литературы, порожденной книгопечатанием. Эта литература привела к возникновению нового типа чтения как *диалога* читателя с текстом, и в процессе этого диалога воображение строило пространство мысленного эксперимента.

Эйнштейн сказал по этому поводу: «Воображение важнее знания, ибо знание ограничено, воображение же охватывает все на свете, стимулирует прогресс... Строго говоря, воображение — это реальный фактор в научном исследовании».

Воображение играет главную роль в художественном восприятии мира. Но в то же время это и способность человека, необходимая для *мыслительного* постижения реальности. В уме мы оперируем теми образами реальности, которые нам производит наше воображение. Уже Аристотель писал, что когда ум осознает какую-то вещь, он должен построить ее в воображении. Исходя из этих «образов вещей» мы вырабатываем и нашу линию поведения. Таким образом, значительная часть запаса знания, исходя из которого действует человек, создана при участии воображения и записана в художественных образах.

Магия живописи основана на том, что мы видим пейзаж, изображенный на картине, не так, как мы увидели бы его в натуре. Мы знаем, что картина — это всего лишь реальный холст, немного красок на нем и деревянная рама. Это — устройство, которое помогает нам создать иной, воображаемый мир, прекраснее реального. Мир, воображаемый с помощью картины, может быть усложненным — в нем самом может быть и картина, и зеркало. Вехой в формировании современной западной цивилизации с ее разделением субъекта и объекта, была картина Веласкеса «Менины»: на ней художник, пишущий картину, отражается в зеркале.

Очень важное для рационального знания понятие «картина мира» возникло благодаря живописи Возрождения. Тогда была изобретена перспектива, и человек впервые увидел мир как *картину*, как бы находясь *вне его*. Это ощущение способствовало важному мировоззренческому сдвигу — разделению Человека и Природы как субъекта и объекта.

На пути соединения знания и художественного образа совершенно особое место занимает изобретение *карты* — важная веха в развитии культуры. Карта как способ «свертывания» и соединения разнородной информации обладает не просто огромной, почти мистической эффективностью. Она обладает не вполне еще объясненным свойством — «вступать в диалог» с человеком. Карта — инструмент творчества, так же, как картина талантливого художника, которую зритель «додумывает», дополняет своим знанием и чувством, становясь соавтором художника. Она мобилизует пласты неявного знания работающего с нею человека.

В то же время карта мобилизует подсознание. Как мутное и потрепавшееся волшебное зеркало, карта открывает все новые и новые черты образа по мере того, как в нее вглядывается человек. Ведь карта — не отражение видимой реальности, как, например, кадр аэрофотосъемки. Это визуальное выражение *представления* о реальности, переработанного соответственно той или иной теории.

Огромный массив знания записан в образах *драматургии*. Театральная сцена обладает колдовской силой — это как окно в воображаемый мир. Поэтому театр по своему воздействию на сознание занимает совершенно исключительное место. Можно сказать, что театр стоит у истоков современной европейской цивилизации, это был инструмент «превращения племени в общество». В отличие от шизофреника нормальный человек отдает себе отчет в том, что образы его воображения не есть реальность. Именно потому они и приобретают для человека особый глубокий смысл — они как бы выявляют сущность вещей и событий. Эти образы «реальнее» фактов, они — сверхреальность. Когда человек вживается в них, с ним может произойти озарение — ему кажется, что он проникает в суть вещей. Если же озарение оказывается коллективным, возникает сильный массовый порыв, по своей силе сравнимый или превышающий действие рационального знания.

В своем учении о театре Аристотель утверждает, что очищающее действие трагедии происходит именно в воображении — через взаимодействие эффектов страха и сострадания⁴. Для достижения этих эффектов необходимо, чтобы создаваемый перед зрителем мир был условным (художественным), *надреальным*. Если бы он был совершенно похож на реальность, в пределе — сливался бы со сценами страданий, которые людям доводится видеть в обыденной жизни, то эффект ограничивался бы обычными чувствами конкретного страха или сострадания.

В театре, как и в неподвижной картине, воображаемый мир может быть усложнен. Таким образом, театр становится лабораторией для

---

⁴ Аристотель ввел понятие «катарсис» (очищение) — вызываемое трагедией в театре потрясение, которое снимает отчуждение между отдельным зрителем как личностью и другими людьми, всем родом человеческим.

проведения мысленных экспериментов. Гамлет, манипулируя воображением, заставил раскрыться мать и Клавдия, попросив актеров сыграть пьесу, изображающую цареубийство, — а зрители видели в Англии XVI века этот *двойной театр*. Так эти зрители становились современными европейцами.

В «информационном обществе» возникли новые технологические средства, позволяющие охватить интенсивным воздействием спектакля миллионы людей одновременно. Возникли и организации, способные ставить невероятные ранее по масштабам политические спектакли — и в виде массовых действий и зрелищ, и в виде кровавых провокаций. Появились новые виды искусства, сильно действующие на психику (например, *перформанс*, превращение куска обыденной реальности в спектакль).

Все это вместе означало переход в новую эру — *постмодерн*, с совершенно новыми, непривычными этическими и эстетическими нормами, новыми концепциями общественного сознания. Постмодернизм — это радикальный отказ от норм Просвещения, от классической логики, от рационализма и понятия рациональности вообще. Это стиль, в котором «все дозволено», «апофеоз беспочвенности». Здесь нет понятия истины, а есть лишь суждения, конструирующие любое множество реальностей.

Речь идет о важном сдвиге в культуре, о сознательном стирании грани между жизнью и спектаклем, о придании самой жизни черт карнавала, условности и зыбкости. Сегодня эти культурологические открытия делают социальной технологией. Этот переход накладывается на более широкий фон *антимодерна* — отрицания норм рационального сознания, норм Просвещения. Это постоянные разрывы непрерывности. Действия с огромным «перебором», которых никак не ожидаешь. Художественными средствами создается культурный шок, который эффективно используется в политике, исходя из научного знания об обществе в этом аномальном состоянии. Можно вспомнить танковый расстрел Дома Советов в 1993 году или атаку на небоскребы в Нью-Йорке в 2001 году.

Одним из тех, кто заложил основы нового *обществоведения*, включающего художественное воображение в систему знания, был Грамши. Недаром его имя называют в одном ряду с именами М. Бахтина в культурологии, М. Фуко и других новаторов — в философии. Грамши — один из первых философов, которые почувствовали новую научную картину мира и перенесли ее главный дух в науку об обществе.

В российском обществоведении идеологическая сила художественных образов не была верно оценена (точнее, сами обществоведы мыслили как художники и не замечали проблемы). Россия стала читающей страной, и уже с середины XIX века возникло глубокое противоречие — русский человек читал художественную книгу, как текст Откровения.

Это был кризис модернизации, отраженный в культуре, — люди верили книге и принимали художественные модели реальности за достоверное знание.

Художественное восприятие настолько сильно и ярко, что часто отделяется от рационального мышления, а иногда подавляет и здравый смысл. Вспомним горькое предположение В.В. Розанова: «Приказ № 1, превративший одиннадцатью строками одиннадцатимиллионную русскую армию в труху и сор, не подействовал бы на нее и даже не был бы вовсе понят ею, если бы уже 3/4 века к нему не подготавливала вся русская литература... Собственно, никакого сомнения, что Россию убила литература».

А как было искажено литературой восприятие истории России уже в XX веке! Прочитав в школе «Муму», школьники создают в своем воображении страшный и тотальный образ крепостного права. Надо было бы дать в том же учебнике маленькую справку: ведь число крепостных среди крестьян в России лишь на короткий срок достигло половины, а уже в 1830 году составляло лишь 37%. Право продавать крестьян без земли было дано помещикам лишь в 1767 году и отменено уже в 1802 году. Мы же в массе своей думали, что помещики направо и налево распродавали крестьян, да еще старались разделить мужа и жену. Но это же были случаи исключительные!

Обществоведение не вносило корректив в сообщения художественной литературы, даже не задумывалось об этой обязанности. Здесь тоже важное отличие от западного обществоведения. Ну, изобразил какой-нибудь Стендаль тупого офицера — не придет же из-за этого французам в голову возненавидеть офицерство и армию. А русский читатель из условного мира художественных образов выхватит Скалозуба и переносит его на землю, замещает им реального офицера. А уж если прочтет «После бала», то возненавидит всех полковников.

В.В. Розанов упрекнул русскую литературу за *безответственность*. Но писатели XIX века еще не знали взрывной силы слова в русской культуре. Вспомним подготовку к войне в Чечне в 1994 году. Как тогда раскручивали Приставкина с его повестью. Ей требовали верить — ведь он так видел мир своими детскими глазами, ведь он сам видел слезинку чеченского ребенка! Как быстро сняли по ней фильм — надо было взрастить Дудаева. Когда уже бомбили Чечню, Приставкин хвастался в западной прессе: «Мой фильм “Ночевала тучка золотая” Дудаев смотрел, сидя один в зале, — и по щекам его текли слезы». Приставкин — солдат холодной войны, писал он не детские воспоминания, а создавал из полуправды ложный образ, который читатель еще многократно дополнил своим воображением. Цель была: от слезинки ребенка — через слезинку Дудаева — к кровавым слезам целых народов.

Мы могли убедиться, что модели общественных явлений, представленные в художественных образах, составляют очень большую часть аргументации и рассуждений в обществоведении. Роман Достоевского «Бесы», книжка Бунина «Окаянные дни», фантастика Оруэлла или М. Булгакова во время перестройки давались идеологами прямо как научные труды, излагающие хорошо установленные истины.

Опыт последних тридцати лет обязывает нас достоверно, инженерному, встроить художественное знание в систему социодинамики всех видов знания, необходимых как для понимания, так и для воздействия на общественные процессы.

Неявное знание

Хотя наука с самого начала декларировала свой абсолютно рациональный характер и полную формализуемость всех своих утверждений (т. е. возможность однозначно и ясно их выразить), любой мало-мальски знакомый с научной практикой человек знает, что это миф. Это справедливо для всех наук и для обществоведения. Рациональное и формализуемое знание составляет лишь видимую часть айсберга тех «культурных ресурсов», которыми пользуется ученый. Интуиция, верования, метафоры и искусство играют в его работе огромную роль, одинаково важную как в мыслительном процессе, так и в процедурах эксперимента или наблюдения.

Гений органического синтеза Р.Б. Вудворд планировал парадоксальные пути получения невероятно сложных соединений, так что рациональное объяснение его схем находилось лишь потом, после успешного завершения работы. Эмилю Фишеру непонятным образом удавалось кристаллизовать (и, значит, очищать) такие соединения углеводов, которые «не хотели» кристаллизоваться ни в одной другой лаборатории мира, так что среди химиков ходили легенды о магических свойствах бороды Фишера, служившей затравкой кристаллизации.

Великий русский ученый М.С. Цвет, создатель хроматографии (одного из важнейших методов современной химии и биологии), изготавливал хроматографические колонки, эффективность которых и сегодня достигается с трудом, хотя за 100 лет развития хроматографии разработаны сильные теоретические и расчетные методы. Он «чувствовал», как вещества передвигаются по колонке, «знал», что в ней происходит. Его методические формулировки были поразительно верными, но всего изложить он не сумел. Через полвека немецкий химик и историк науки писал: «Обладея творческим воображением, Цвет 40 лет назад создал поразительно ясное представление о тех основных процессах, на которых основана современная хроматография».

Описаны попытки ряда лабораторий воспроизвести удачную разработку лазера на углекислом газе. Оказалось, что ученые, создавшие работающую установку, не могли точно описать в публикациях или даже объяснить коллегам свои действия. Точные копии их установки не работали. Лишь в ходе длительных личных контактов удавалось передать неявное, *неформализуемое* знание. С этим сталкивался любой исследователь-практик.

Важным источником неявного и даже неформализуемого знания в науке является «мышечное мышление», развитое у многих ученых, — способность *ощущать* себя объектом исследования. Так, Эйнштейн говорил, что старается «почувствовать», как ощущает себя луч света, пронизывающий пространство. Уже затем, на основании этих мышечных ощущений он искал способ формализовать систему в физических понятиях (это нередкое в любой творческой работе явление называют «сначала нахожу, потом ищу»). Этот тип знания, не поддающийся строгому изложению, плохо изучен; однако очень многие ученые подчеркивают его большое значение. О нем они чаще всего рассказывают только своим близким друзьям.

В одном очерке по истории науки (А. Кестлера) сказано: «Есть популярное представление, согласно которому ученые приходят к открытию, размышляя в строгих, рациональных, точных терминах. Многочисленные свидетельства указывают, что ничего подобного не происходит. Приведу один пример: В 1945 году в Америке Жак Адамар организовал в национальном масштабе опрос выдающихся математиков по поводу их методов работы. Результаты показали, что все они, за исключением двух, не мыслят ни в словесных выражениях, ни в алгебраических символах, но ссылаются на визуальный, смутный, расплывчатый образ.

Эйнштейн был среди тех, кто ответил на анкету так: “Слова языка, написанные или произнесенные, кажется, не играют никакой роли в механизме мышления, который полагается на более или менее ясные визуальные образы и некоторые образы мускульного типа. Мне кажется, то, что вы называете полным сознанием, есть ограниченный в пределах случай, который никогда не может быть законченным до конца, что сознание — это узкое явление”».

Для обозначения и осмысления явлений ученые «дома», в своей лаборатории, пользуются нестрогой терминологией из вненаучной практики, понятиями, основанными на здравом смысле. Уже отсюда вытекает возможность расхождения во мнениях ученых, принадлежащих к разным группам.

Особым типом неявного знания может считаться та совокупность «не вполне научных» представлений и верований, которую некоторые историки и философы науки называют *научной идеологией*. Этот тип

связанного с наукой знания не является иррациональным, но он и не вполне рационально-научный. Обычно он распознается именно как научная идеология лишь задним числом, а на первых порах кажется плохо формализованной научной концепцией (типичным примером научной идеологии считают *атомизм*, давший впоследствии начало ряду строгих научных направлений). Как говорят, главное в научной идеологии состоит не в том, что она открыто высказывает, а в том, что она *замалчивает*.

Что же происходит, когда ученому приходится выступать в качестве эксперта по проблеме, запас «явного» знания о которой недостаточен? Он не только может, но и обязан использовать весь доступный для него запас *неявного* знания. Но поскольку это знание неформализуемо, ход его рассуждений не может быть подвергнут рациональному независимому контролю. Строго говоря, эти рассуждения не соответствуют критериям научности, согласно которым исследование должно быть проведено так, чтобы давать возможность воспроизвести его другим, независимым от автора ученым.

Это — одно из противоречий, присущих творческой деятельности. В уже цитированном очерке сказано: «По свидетельству тех оригинальных мыслителей, которые взяли на себя заботы проследить за своими методами работы, *вербализованное мышление и сознание в целом играет только подчиненную роль в короткой, решающей фазе творческого акта* как такового. Их фактически единодушное подчеркивание спонтанности интуиции и предчувствий бессознательного происхождения, которые они затрудняются объяснить, показывают нам, что роль строго рациональных и словесных процессов в научном открытии была широко переоценена, начиная с эпохи Просвещения. В творческом процессе всегда существует довольно значительный элемент иррационального, не только в искусстве (где мы готовы признать его), но и в точных науках тоже.

Ученый, который, столкнувшись с трудной проблемой, отступает от точного вербализованного мышления к смутному образу, казалось, следует совету Вудворта: «Мы должны часто стараться не говорить, чтобы ясно мыслить». Язык может стать преградой между мыслителем и реальностью: творчество часто начинается тогда, когда кончается язык, т. е. когда его субъект отступает к дословесному уровню умственной активности».

В обществоведении нередко приходится сознательно сохранять в состоянии *неявного* и то знание, которое вполне можно было бы сделать явным и формализованным. Было отмечено, что существование общества в принципе невозможно без наличия некоторых зон неопределенности — *пространства незнания*. Вторжение науки в эти зоны чревато резким нарушением установившихся в социальном порядке равновесий.

С этим связано, например, беспокойство начавшимся внедрением техники раннего определения пола будущего ребенка, которое в некоторых культурах приводит к заметному сокращению численности новорожденных девочек (по последним данным, это становится угрожающей проблемой для Китая).

Вот красноречивая иллюстрация, которую дает социолог Я. Эзраи: «Любопытный пример политического табу в области демографической статистики представляет Ливан, политическая система которого основана на деликатном равновесии между христианским и мусульманским населением. Здесь в течение десятилетий откладывалось проведение переписи населения, поскольку обнаружение с научной достоверностью образа социальной реальности, несовместимого с фикцией равновесия между религиозными сектами, могло бы иметь разрушительные последствия для политической системы».

Трагический опыт Ливана показывает, что это *нежелание знать* отнюдь не было абсурдным. К каким результатам привела даже краткосрочная попытка реализации безумной доктрины *полной гласности* («прозрачности»), которую мы видели у себя в стране в конце 80-х годов XX века.

Приложение

Приведем несколько замечаний Анри Бергсона о здравом смысле. В 1895 году он говорил перед студентами — победителями университетского конкурса:

«Повседневная жизнь требует от каждого из нас решений столь же ясных, сколь быстрых. Всякий значимый поступок завершает собою длинную цепочку доводов и условий, а затем раскрывается в своих следствиях, ставящих нас в такую же зависимость от него, в какой находился он от нас. Однако обычно он не признает ни колебаний, ни промедлений; нужно принять решение, поняв целое и не учитывая всех деталей. Тогда-то мы и взываем к здравому смыслу, чтобы устранить сомнения и преодолеть преграду. Итак, возможно, что здравый смысл в практической жизни — то же, что гений в науках и искусстве...

Сближаясь с инстинктом быстротой решений и непосредственностью природы, здравый смысл противостоит ему разнообразием методов, гибкостью формы и тем ревнивым надзором, который он над нами устанавливает, оберегая нас от интеллектуального автоматизма. Он сходен с наукой своими поисками реального и упорством в стремлении не отступать от фактов, но отличен от нее родом истины, которой добивается; ибо он направлен не к универсальной истине, как наука, но к истине сегодняшнего дня...

Я вижу в здравом смысле внутреннюю энергию интеллекта, который постоянно одолевает себя, устранив уже готовые идеи и освобождая место новым, и с неослабевающим вниманием следует реальности. Я вижу в нем также интеллектуальный свет от морального горения, верность идей, сформированных чувством справедливости, наконец, выпрямленный характером дух... Посмотрите, как решает он великие философские проблемы, и вы увидите, что его решение социально полезно, оно проясняет формулировку сути вопроса и благоприятствует действию. Кажется, что в спекулятивной области здравый смысл вызывает к воле, а в практической — к разуму».

А. Бергсон. Здравый смысл и классическое образование. — «Вопросы философии». 1990. № 1.

Антонио Грамши причислял здравый смысл к разновидности рационального мышления. Он писал в «Тюремных тетрадах»:

«В чем же именно заключается ценность того, что принято называть “обыденным сознанием” или “здравым смыслом”? Не только в том, что обыденное сознание, пусть даже не признавая того открыто, пользуется принципом причинности, но и в гораздо более ограниченном по своему значению факте — в том, что обыденное сознание в ряде суждений устанавливает ясную, простую и доступную причину, не позволяя никаким метафизическим, псевдоглубокомысленным, псевдоученым и т. д. ухищрениям и премудростям совлечь себя с пути. “Обыденное сознание” не могли не превозносить в XVII и XVIII веках, когда люди стали восставать против принципа авторитета, представленного Библией и Аристотелем; в самом деле, люди открыли, что в «обыденном сознании» имеется известная доза “экспериментализма” и непосредственного, пусть даже эмпирического и ограниченного, наблюдения действительности. В этом и поныне продолжают видеть ценность обыденного сознания, хотя положение изменилось и реальная ценность сегодняшнего “обыденного сознания” значительно снизилась».

А. Грамши. Тюремные тетради. Часть I. М.: Изд-во политической литературы. 1991. С. 48.

Лев Шестов требует освобождения от всяких «догм», от устоявшихся обыденных («анонимных») представлений. Для него неприемлемо то соединение знания и понимания, которого ищет здравый смысл, он считает эти категории несовместимыми:

«Стремление *понять* людей, жизнь и мир мешает нам *узнать* все это. Ибо *познать* и *понять* — два понятия, имеющие не только неодинаковое, но прямо противоположное значение, хотя их часто употребляют как равнозначные, чуть ли не как синонимы. Мы считаем, что по-

няли какое-нибудь новое явление, когда включили его в связь прочих, прежде известных. И т. к. все наши умственные стремления сводятся к тому, чтобы понять мир, то мы отказываемся познавать многое, что не укладывается на плоскости современного мировоззрения. ... А потому перестанем огорчаться разногласиями наших суждений и пожелаем, чтоб в будущем их было как можно больше. Истины нет — остается предположить, что она в переменчивых человеческих вкусах».

Л. Шестов. Апофеоз беспочвенности. Опыт адогматического мышления. — Л.: Издательство Ленинградского университета, 1991. С. 174.

Лекция 5

Научное и религиозное знание

Взаимоотношение научного знания и религии — чрезвычайно сложный и актуальный вопрос для постсоветской России. Отвлечемся от идеологических и политических соображений и рассмотрим ту часть проблемы, которая относится к сфере знания.

В становлении современного западного общества изначально возник конфликт между типом знания, сложившимся в ходе Научной революции, и знанием *религиозным*. Этот конфликт имел корни в несоизмеримости между *знанием* и *верой* как фундаментальными структурами духовного мира человека. Однако в ходе Научной революции он усложнился и расширился до столкновения и двух типов *знания*, причем оба типа вовлечены в жизнь общества — в сфере этики, идеологии, политической практики. Когнитивный конфликт приобрел политическое измерение и периодами принимал исключительно острые формы, особенно в моменты революций и глубоких реформ.

Тот факт, что религия, вырастая из веры, в то же время создает стройную и сложную систему *знания*, в обществоведении замалчивался, и противоречия между наукой и религией сводились к конфликту между знанием и верой или, огрубляя, к конфликту веры в Бога и атеизмом.

Религиозное знание, подобно научному, имеет сложную развивающуюся структуру. В ходе этого развития выработался особый *язык*, адекватный предмету знания, непохожий ни на обыденный, ни другие специализированные языки — со своим словарем, грамматикой, стилем, со специальными метафорами и понятиями, со своими проблемами перевода на национальные языки.

Европейская культура подошла к моменту Научной революции, будучи уже воспитанной в языковой среде христианства. В. Гейзенберг¹ писал: «Религиозные образы и символы являются специфическим языком, позволяющим как-то говорить о той угадываемой за феноменами взаимосвязи мирового целого, без которой мы не могли бы выработать никакой этики и никакой шкалы ценностей. Этот язык в принципе за-

---

¹ Вернер Карл Гейзенберг (1901–1976) — немецкий физик-теоретик, один из создателей квантовой механики.

меним, как всякий другой... Однако мы от рождения окружены вполне определенной языковой средой. Она более родственна языку поэзии, чем озабоченному своей точностью языку естественной науки».

Религиозное знание стоит на особой системе *постулатов* и *догм*, а также на развитой *логике*, которая позволяет, исходя из постулатов и догм, делать умозаключения, привлекая доводы из реальной жизни. Эти умозрительные выводы являются следствием *теоретизирования* — деятельности в сфере знания, в которой вера остается «за скобками», будучи включенной в постулаты. Насколько сложна эта логика и применяемая в рассуждениях мера, видно из того, как часто приходилось созывать совещания и соборы, чтобы обсудить расхождения и согласовать выводы.

Результатом религиозного теоретизирования и согласования выводов становится целостная и достаточно непротиворечивая *картина мира*, которая наполняет смыслом жизнь верующих и консолидирует общество, легитимируя его жизнеустройство и задавая нравственные нормы и основания для права. Частью религиозного знания является *универсум символов*, который упорядочивает историю народа и страны, связывает прошлое, настоящее и будущее. Он служит опорой для коллективной исторической памяти, соединяет поколения и обеспечивает вечную жизнь народу. Через него люди ощущают связь с предками и потомками, что помогает человеку принять мысль о своей личной смерти. Мир символов и предание как часть религиозного знания мобилизуют воображение людей и художественное творчество, которое порождает свою систему знания, выраженного на особом языке.

Разумеется, религиозное знание, постулаты которого основаны на вере, во многом отличается от того, которое вырабатывает опытная наука, но это не лишает его признаков *знания*. Оно создавалось, воспринимая многие интеллектуальные инструменты и средства рационального мышления (понятия, логику, меру и пр.) из более ранних систем знания, например, античной философии и математики. В свою очередь, христианская схоластика и религиозная философия внесли важный вклад в методы работы с понятиями и другими абстрактными объектами, что способствовало становлению научного знания.

Сведение религиозного знания исключительно к вере вульгаризировало проблему отношений религии и науки в целях идеологической и мировоззренческой борьбы. Континуум знания заключен между двумя пределами — наукой и религией. Гейзенберг приводит суждение физика В. Паули «о двух пограничных представлениях, которые оказались исключительно плодотворными в истории человеческой мысли, хотя ни одному из них ничего в реальной действительности не соответствует. Один предел — это представление об объективном мире, закономерно развертывающемся в пространстве и времени независимо от какого бы

то ни было наблюдающего субъекта; на картину такого мира ориентируется новоевропейское естествознание. Другой предел — представление о субъекте, мистически сливающимся с мировым целым настолько, что ему не противостоит уже никакой объект, никакой объективный мир вещей... Где-то посередине между этими двумя пограничными представлениями движется наша мысль; наш долг выдерживать напряжение, исходящее от этих противоположностей».

Сама наука в течение длительного «инкубационного периода» питалась плодами знания, развиваемого в лоне религии и на ее интеллектуальной основе. Она *возникла и выросла* на почве христианства. Иначе и быть не могло в религиозноцентричном мире Европы Средневековья. Возрождение означало кризис религиозного сознания, возврат к язычеству и астрологии, культам Венеры и Марса, поклонению Гермесу Трисмегисту, интересу к восточным культам и т. д. В ответ на этот кризис религиозные искания были направлены и на укрепление рационального сознания, став, таким образом, частью Научной революции. Оформился союз науки и христианства, который тогда был спасительным для судеб европейской культуры. Опытное исследование мира как воплощения божественного плана было главным мотивом в деятельности творцов науки.

«Антирелигиозная пропаганда» позитивистов игнорировала тот важнейший факт, что именно развитое религиозное знание стало фундаментом для *рационализации* мировоззрения. Внутренняя логика развития основных религиозных идей и была логикой рационализации, что показал М. Вебер. Как говорят, независимо от внутренних задач религии, «картины мира, которые создаются в ходе логического саморазвития основополагающих религиозных идей, воспринимаются *мирянами* как *системы координат*, позволяющих определять основные направления их жизнедеятельности, ее важнейшие цели».

Более того, во многих великих открытиях Научной революции религиозное знание непосредственно играло инструментальную роль для ученых. Так, религиозная ортодоксия помогала Копернику в его научных изысканиях. Острое чувство единства мира, присущее Ньютону, имело религиозные корни. Более того, он в течение десяти лет вел глубокие богословские исследования, а в 1674 году даже уведомил секретаря Королевского общества Г. Ольденбурга, что намерен прекратить занятия математикой и оптикой, целиком посвятив себя изучению Священного писания. На этом основании он даже просил исключить его из числа пайщиков Общества². Особое значение Ньютон придавал изучению книги Пророка Даниила и Апокалипсиса св. Иоанна и считал, что без знания этих книг всякие занятия наукой становятся бессмысленными.

² Этого не произошло, поскольку король дал специальное разрешение Ньютону стать членом Тринити-колледжа, не принимая духовного сана.

Речь здесь идет не о вере в Бога, а именно о той системе знания, которая была создана исходя из постулатов этой веры.

Поучительна такая история. В 1691 году умер великий ученый и философ Роберт Бойль, соединивший глубокое понимание двух альтернативных типов знания — натурфилософии и науки. Его не покидала мысль о необходимости *доказательно* сокрушить доводы сторонников атеизма. По его мнению, спасти ценности христианской религии могла только наука, основанная на наблюдении, эксперименте и математическом расчете. Бойль оставил завещание, по которому ежегодно на сумму в 50 фунтов стерлингов должны были быть прочитаны восемь проповедей об основах христианства. Первым проповедником для чтений 1692 года был назначен капеллан Ричард Бентли (позже он в течение 42 лет был главой Тринити-колледжа в Кембридже).

Темой проповедей Бентли выбрал «Опровержение атеизма» и решил построить доказательство на основе анализа системы мира. Он стал изучать «Начала» Ньютона, но у него возник ряд вопросов, которые не смогли разъяснить знакомые математики. И он обратился к самому Ньютону. Тот отнесся к просьбе исключительно серьезно и написал Бентли четыре письма с размышлениями о строении Вселенной, которое, как он выразился в первом письме, «по моему убеждению вряд ли можно объяснить лишь естественными причинами, и поэтому я вынужден приписать подобные превращения плану и промыслу некоего агента, наделенного способностью мыслить».

Эти тексты Ньютона — важный научный трактат, созданный в рамках решения чисто богословской задачи в структуре религиозного знания. Рассуждения Ньютона тщательны, осторожны и логичны, в них нет несовместимости между научной и религиозной рациональностями. Надо к тому же добавить, что проповеди Бентли имели потрясающий успех и нанесли сильный удар по позициям атеистов. И в то же время их подготовка означала важный шаг в развитии науки.

Академик В.И. Вернадский, крупнейший философ-естествоиспытатель, так высказался в 1920-е годы относительно этой темы: «И философская мысль, и религиозное творчество, общественная жизнь и создание искусства теснейшими и неразрывными узами связаны с научным мировоззрением. Вглядываясь и вдумываясь в ту сложную мозаику, какую представляет научное мировоззрение нашего времени, трудно решить, что из него должно быть поставлено в счет чуждым научной мысли областям человеческой личности и что является чистым плодом научного мышления».

Другими словами, формирование научного метода было бы немислимо без Платона и Аристотеля, всей античной греческой философии, которая закладывала основы *теологии*. Почти четыре века разрабатывали схоласты методы рассуждений, которыми затем воспользовалась наука.

Они поставили перед собой задачу дать теоретическое «рациональное» обоснование религиозного мировоззрения. Но для этого, отталкиваясь от религиозной догмы, они вынуждены были действовать в сфере логики, создавая структуру *теории*. Более того, именно схоласты создали особый канал коммуникации через *цитирование* и *ссылки*, который был целиком взят на вооружение наукой и вошел в ядро информационной системы современного научного знания.

Методология *научного эксперимента* («допроса Природы под пыткой») сложилась на основе доктрины поиска истины Инквизиции. М. Фуко пишет, что структура познавательного процесса экспериментальной науки сложилась под сильным влиянием процесса дознания в средневековом суде: «Как математика в Греции родилась из процедур измерения и меры, так и науки о природе, во всяком случае частично, родились из техники допроса в конце Средних веков. Великое эмпирическое познание... имеет, без сомнения, свою операциональную модель в Инквизиции — всеохватывающем изобретении, которое наша стыдливость упрятала в самые тайники нашей памяти».

Более того, именно методологические исследования Инквизиции привели к прорыву в становлении европейского рационализма. На процессе 1610 года в испанском городе Логроньо (Риоха) молодой инквизитор иезуит Алонсо де Салазар, получивший юридическое образование в университете Саламанки, убедительно доказал, что *ведьм и демонов не существует*. И сделал он это согласно строгим нормам позитивного научного метода, намного опередив в этом свое время. Салазара поддержали архиепископ Толедо Великий инквизитор Бернардо де Сандоваль, а затем и Высший совет Инквизиции.

В своих рассуждениях инквизиторы исходили из тех же принципов, что впоследствии применил Декарт, — они шли от *метода*. Признание существования ведьм и колдунов создавало такую неопределенность для следствия и невозможность надежных доказательств для суда, что весь изоциренный юридический процесс Инквизиции терял смысл. Спасение Инквизиции как беспристрастного церковного суда потребовало «очистить» мир от демонов.

Это решение кардинально изменило весь интеллектуальный климат в католических странах, а затем и состояние общества в целом — ведь «колдуны и ведьмы» составляли подавляющее большинство жертв Инквизиции. В результате, именно в католических странах по решению Инквизиции прекратилась «охота на ведьм» — *на целое столетие* раньше, чем в тех частях Европы, где победила Реформация.

Важнейшая для научного рационализма компонента протестантской этики — рациональный расчет (*calculating spirit*) — сложилась именно в пространстве религиозного знания богословов Реформации, а не

в дебатах собственно о вере. Возрождение и Реформацию, из которых и выросла Научная революция, можно считать интенсивной всеобщей дискуссией в сфере знания, проблематика которого была поставлена в религиозном контексте.

Тесное переплетение научного и религиозного знания и стоящих за ними мотивов предопределило болезненность «развода» между этими расходящимися системами. Классическим случаем стал длительный суд Инквизиции над Галилеем, хорошо изученный, хотя и породивший много идеологических спекуляций. В нем отразилась сложность и рискованность переходного процесса при становлении нового типа знания, автономного от этических (тогда в религиозной оболочке) ценностей — знания как *самостоятельной* ценности.

Гейзенберг в докладе «Естественнонаучная и религиозная истина» (1973) обсуждает неизбежность противоречия и конфликтов между наукой и религией как двух *необходимых* сфер знания. Он разбирает когнитивную структуру процесса Церкви против Галилея, отвлекаясь от частных ошибок и преувеличений с обеих сторон — в контексте, близком к нашей проблематике, — и указывает, что «конфликт между естественными науками и господствующим мировоззрением разыгрывается еще и в наше время».

Согласно его выводу, речь в подобных конфликтах «идет не о выяснении истины, а о конфликте между духовной формой общества, которая, по определению, должна быть чем-то устойчивым, и постоянно расширяющейся и обновляющейся, т. е. динамичной структурой научного опыта и научной мысли. Даже общество, возникшее в ходе великих революционных переворотов, стремится к консолидации, к фиксации идейного содержания, призванного служить долговечной основой нового сообщества. Полная шаткость всех критериев оказалась бы в конечном счете невыносимой. А наука стремится к росту. Даже если основой мировоззрения станет естествознание или какая-либо другая наука — попытку подобного рода представляет собой диалектический материализм, — это по необходимости будет наука прошлых десятилетий или веков, и ее фиксация на языке идеологии опять-таки создаст предпосылку для позднейшего конфликта».

Мы оставляем в стороне тот факт, что в XVIII веке «развод» между наукой и религией был осложнен соперничеством между научным обществом и клиром за место высшей инстанции, легитимирующей социальный и политический порядок.

Отношение к религии и Церкви (конкретно, к *христианству*) во французском Просвещении выражено лозунгом Вольтера «Раздавите гадину!». Судя по терминологии, речь шла об идейной войне на уничтожение. По словам Вольтера, христианство основано на переплете-

нии «самых пошлых обманов, сочиненных подлейшей сволочью». Эта установка устойчива, генетическая связь разных течений Просвещения прослеживается в течение двух веков (например, метафора религии как *опиума* была использована до Маркса Вольтером, Руссо, Кантом, Б. Бауэром и Фейербахом).

Мы не будем вдаваться в перипетии этой войны, наш предмет — взаимоотношение науки и религии как *систем знания*. Сложность этого взаимоотношения (и слабость религии в конфликте с Просвещением) заключается в том, что религиозное знание сцеплено с религиозным *переживанием*, которое иррационально и потому не может устоять в споре, который навязан на языке рациональной логики.

На эту трудность указывал Вебер и предупреждал, что религиозное переживание «отличается абсолютной некоммуникабельностью; оно носит *специфический* характер и выступает в качестве *знания*, хотя и не может быть адекватно выражено посредством нашего языкового и понятийного аппарата... Любое религиозное переживание теряет свое значение по мере того, как делается попытка дать ему *рациональную* формулировку, и тем больше, чем лучше удается формулировать его в понятиях. В этом коренится причина трагических конфликтов всего рационального богословия».

Антирелигиозная программа европейских революций оказала влияние и на революционное движение в России. Поскольку здесь над умами интеллигенции долгое время господствовал *марксизм*, а позднее он же был положен в основу официальной идеологии, остается актуальным представление о религии именно в марксизме. Религия — один из главных *предметов* всего учения Маркса, а обсуждение религии — один из главных его *методов*, даже инструментов. Маркс утверждал как постулат: «Критика религии — предпосылка всякой другой критики». Если учесть, что все составные части марксизма проникнуты именно *критическим* пафосом, то можно сказать, что «критика религии — предпосылка всего учения Маркса».

Маркс пишет о религии вообще: «Религия стала выражением *отделения* человека от той *общности*, к которой он принадлежит, от себя самого и других людей, — чем и была *первоначально*. Она является всего только абстрактным исповеданием особой превратности, *частной прихоти*, произвола».

Это представление религии ошибочно. Религия не является «абстрактным исповеданием *частной прихоти*» и «чисто индивидуальным делом», не отделяет человека от общности, а совсем наоборот — *соединяет* его с нею. Как показал Э. Дюркгейм, самоосознание этнической общности проявляется в создании религиозного символа, олицетворяющего дух этой общности. На самых разных стадиях это были *тотемы* —

представленная в образах растений или животных вечная сила рода, она же бог. Думая о себе, о своей общности и ее выражении в тотеме, изучая ее структуру, первобытные люди упорядочивали и классифицировали явления и вещи природного мира по принципу их *родства*.

В социологическом плане соединяющую роль религии подчеркивает Грамши. Он пишет в «Тюремных тетрадах»: «Сила религий, и в особенности сила католической церкви, состояла и состоит в том, что они остро чувствуют необходимость объединения всей “религиозной” массы на основе единого учения и стремятся не дать интеллектуально более высоким слоям оторваться от низших. Римская церковь всегда настойчивее всех боролась против “официального” образования двух религий: религии “интеллигенции” и религии “простых душ”. ... Выделяются организационные способности духовенства в сфере культуры, а также абстрактно рациональное и правильное отношение, которое Церковь сумела установить в своей области между интеллигенцией и “простым народом”».

В этом плане подавление религии в советский период нанесло большой ущерб связности общества. Дело дошло к 80-м годам XX века до явного противостояния интеллигенции массе «простых людей».

Отвергая *активную* связывающую людей роль религиозного знания, Маркс представляет религию как производную от материальных отношений, которые и представляют собой «историю», «вовсе не нуждаясь в существовании какой-либо политической или религиозной нелепости, которая еще сверх того соединяла бы людей». Это противоречит историческому опыту, который указывает на роль религии не только как средства господства («вертикальные» связи), но и как силы, связывающей людей в «горизонтальные» общности (этноты). М. Вебер специально подчеркивает: «Религиозные идеи *не* могут быть просто *дедуцированы* из экономики. Они в *свою очередь*, и это совершенно бесспорно, являются важными пластическими элементами “национального характера”, полностью сохраняющими автономность своей внутренней закономерности и свою значимость в качестве движущей силы».

Именно в религии возникли *коллективные представления*. Они не выводятся из личного опыта, а вырабатываются в совместных размышлениях и становятся первой в истории человека формой *общественного* сознания. Религиозное мышление *социоцентрично*. Именно поэтому первобытные религиозные представления и играют ключевую роль в этногенезе — даже самая примитивная религия является символическим выражением социальной реальности, посредством нее люди осмысливают свое общество как нечто большее, чем они сами.

В рамках религиозных представлений вырабатываются специфические для каждого этноса культурные нормы и запреты, а также и по-

нения о нарушении запретов (концепция *греховности*). Все это и связывает людей в этническую общность. Ведь именно присущие каждой такой общности моральные (шире — культурные) ценности и придают им определенность, выражают ее идентичность, неповторимый стиль.

Маркс и Энгельс считают религиозную составляющую общественно-го сознания его *низшим* типом, даже относят его к категории животного «сознания». В «Немецкой идеологии» сказано: «...Осознание природы, которая первоначально противостоит людям как совершенно чуждая, всемогущая и неприступная сила, к которой люди относятся совершенно по-животному и власти которой они подчиняются, как скот; следовательно, это — чисто животное осознание природы (обожествление природы)».

Обожествление как специфическая операция человеческого сознания трактуется Марксом и Энгельсом как «чисто животное осознание». Эта метафора — оценочная характеристика, не научная, а идеологическая. Так же, как и утверждение, будто первобытный человек подчиняется власти природы, «как скот». Появление проблесков сознания у первобытного человека было разрывом непрерывности, *озарением*. Обожествление, которое именно *не* «есть всего лишь осознание ближайшей чувственно воспринимаемой среды», представляет собой скачкообразный переход от животного состояния к человеческому.

Хотя отношение к мироощущению первобытного человека как «скотскому» марксисты считают проявлением «материалистического понимания истории», оно является как раз *внеисторическим*. Это — биологизация человеческого общества, перенесение на него эволюционистских представлений, развитых Дарвином для животного мира.

Энгельс пишет: «Религия возникла в самые первобытные времена из самых невежественных, темных, первобытных представлений людей о своей собственной и об окружающей их внешней природе». Для такого утверждения нет оснований. Наоборот, духовный и интеллектуальный подвиг первобытного человека, сразу создавшего в своем воображении сложный религиозный образ мироздания, следовало бы поставить выше подвига Вольтера — как окультуривание растений или приручение лошади следует поставить выше создания атомной бомбы.

Получив возможность «коллективно мыслить» с помощью религиозного языка, ритмов, искусства и ритуалов, человек сделал огромное открытие для *познания* мира, равноценное открытию науки, — он разделил видимый реальный мир и невидимый «потусторонний». Оба они составляли неделимый Космос, оба были необходимы для понимания целого, для превращения хаоса в упорядоченную систему символов, делающих мир *домом* человека. Причем эта функция религиозного сознания не теряет своего значения от самого зарождения человека до наших

дней — об этом говорит М. Вебер в своем труде «Протестантская этика и дух капитализма». Обожествление природы не преследовало никаких «скотских» целей, это был творческий процесс, отвечающий духовным потребностям. Сложность и интеллектуальное качество мысленных построений «примитивных» людей при создании ими божественной картины мира поражают ученых, ведущих полевые исследования.

Антрополог А. Леруа-Гуран сказал: «Мышление африканца или древнего галла совершенно эквивалентно с моим мышлением». Ценные сведения дали и проведенные в 60–70-е годы XX века полевые исследования в племенах Западной Африки. За многие годы изучения этнологом М. Гриолем племени догонов старейшины и жрецы изложили ему принятые у них религиозные представления о мире. Это была настолько сложная и изощренная система знания, что возникли даже подозрения в мистификации.

А К. Леви-Стросс считал, что средневековая (и даже в некоторой степени современная) наука продолжала использовать принципы тотемической классификации. Он также указывал, что мифологическое мышление древних основано на тех же интеллектуальных операциях, что и наука («неолитический человек был наследником долгой научной традиции»). Первобытный человек оперирует множеством абстрактных понятий, применяет к явлениям природы сложную классификацию, включающую сотни видов.

Как пишет В.А. Чаликова³, в современной западной традиции принято «научное представление о религии как об уникальном мировоззрении и мироощущении, возникшем в нескольких местах Земли приблизительно в одно и то же время и сменившем предрелигиозные воззрения, обозначаемые обычно понятием “магия”... Авторитетнейшая на Западе формула Макса Вебера указывает не на структурный, а на функциональный признак религии как уникального исторического явления. Этот признак — рационализация человеческих отношений к божественному, т. е. приведение этих отношений в систему, освобождение их от всего случайного».

Таким образом, уже в ранних религиозных представлениях формировались эффективные *системы знания* о мире и человеке. А развитые мировые религии уже выполняли сложнейшую функцию *рационализации* мировоззрения. Хотя религиозное сознание вобрало в себя очень много структур мифологического сознания, возникновение религии — не продукт «эволюции» мифологии, а скачок в развитии знания, разрыв непрерывности. Он аналогичен тому скачку, который означала Научная революция XVII века. Религия вовсе не «выросла» из предрелигиозных воззрений, как и наука не выросла из натурфилософии Возрождения. И функцией религии, вопреки представлениям

³ В.А. Чаликова (1935–1991) — советский ученый-литературовед, философ и социолог, ведущий специалист по утопической мысли.

Маркса и Энгельса, является вовсе не утверждение невежественных представлений, а *рационализация* человеческого отношения к божественному. В религии осуществляется разделение сакрального и профанного (земного) времени. Это — введение *истории* в жизнь человека.

Здесь снова надо вернуться к мысли Маркса о том, что религия является продуктом производственных отношений: «Религия, семья, государство, право, мораль, наука, искусство и т. д. суть лишь особые виды производства и подчиняются его всеобщему закону». Более того, по мнению Маркса, религия не оказывает активного влияния и на становление человека как личности. В разных вариантах он повторяет тезис: «не религия создает человека, а человек создает религию». Это положение — одно из оснований всей его философии. Он пишет: «Основа иррелигиозной критики такова: *человек создает религию*, религия же не создает человека».

В рамках нашей темы это положение принять нельзя. Религия есть *первая* форма общественного сознания, которая господствовала в течение тысячелетий. Как же она могла не «создавать человека»? Реальный человек всегда погружен в национальную культуру, развитие которой во многом предопределено религией. Русский человек «создан православием» как араб-мусульманин «создан» исламом. В зависимости от того, как изменялось религиозное ядро народа, предопределялся ход его истории на века. Раскол на суннитов и шиитов в раннем исламе до сих пор во многом предопределяет состояние арабского мира.

В Европе глубокая религиозная революция (Реформация) привела к изменению системы знания, определяющей мировоззрение и культуру в целом, — представлений о человеке, об обществе и государстве, о собственности и хозяйстве. Это повлияло и на то, что мы метафорически называем «национальным характером» народов, которые перешли из католицизма в протестантскую веру (а также и тех, кто сохранил свою веру в жесткой Контрреформации, — например, испанцев).

Наконец, близкая для нас история — становление русского народа. Во всей системе факторов, которые определили ход этого процесса, православие сыграло ключевую роль. В тесной взаимосвязи наполнялись смыслом два важнейших для собирания народа понятия — *русской земли* и *христианской веры*. На этой основе строилась система знаний о России и русском народе, которая эффективно выполняла свои функции в течение шести веков и не утратила своей роли и сегодня. Кризисы этой системы сразу сказывались на состоянии народа и государства: мы знаем, как глубоко повлиял на ход истории России раскол Русской православной церкви в XVII веке.

Исключительно важно для народов, наций и государств знание об их *пространстве* («родной земле», территории). Это знание формиро-

валось в сфере религиозной картины мира. Европейец Средневековья сочетал в своей системе *локальное* пространство, от которого почти не удалялся на расстояние более 25 миль (в город на ярмарку, в церковь, в замок феодала), и широкое пространство христианского мира, в одной из столиц которого обитал его король. Между Центром и деревней нет маршрутов, нет путешествий; пространственная картина мира воссоздается через библейские сюжеты.

Движение русских землепроходцев связывают с «островным богословием» православия, с поиском «Преображения», при котором земное странствие связано с теозисом (обожествлением мира). Так было с движением на Север — как говорят, идея Преображения была для русских «центральным символом-иконой исторического освоения просторов полуночных стран». Еще в большей степени этот мотив был важен в освоении Америки, которая находилась «за морями и океанами» и понималась как «остров Спасения».

Реформация произвела десакрализацию пространства, и на новом месте, в Америке, переселенцы-протестанты стали строить города, создавая совершенно другое пространство, нежели в античном или средневековом городе, — пространство, подвластное человеку, точно измеримое, прямоугольное. Это замечательно видно из сравнения планов Москвы и Нью-Йорка. За ними — две разные системы знания, имеющие религиозные корни.

Другое измерение пространства связано с космогоническими представлениями. Это как бы взгляд «с неба». В этой системе земное (социальное) пространство отражает строение Космоса. Устройство города красноречиво говорит о мировоззрении народа. Например, христианский город представляет микрокосм с центром, в котором находится храм, соединяющий его с небом. А. Леруа-Гуран помещает в своей книге план Москвы как города, отражающего облик всего мира. Вплоть до XX века в ментальной карте русских важную роль играл географический образ «Византия» (и центр ее — Царьград, Константинополь). В нем выражалось *цивилизационное* чувство русских, их принадлежность к православной цивилизации.

Различные национальные системы землевладения и землепользования и соответствующие правовые установления опираются на разные системы знания, и далеко не всегда люди при этом помнят, что эти системы корнями уходят в религиозные представления о земле. В «Структурной антропологии» К. Леви-Стросс⁴ посвящает много места этому важному явлению, поныне порождающему и войны, и даже геноцид.

⁴ Клод Леву-Стросс (1908–2009) — французский этнограф, социолог и культуролог, создатель школы структурализма в этнологии.

Он пишет: «Когда, например, беднейшие индейские общины в Соединенных Штатах, едва насчитывающие несколько десятков семей, бунтуют против планов экспроприации, которая сопровождается компенсацией в сотни тысяч, а то и миллионы долларов, то это, по заявлениям самих заинтересованных в сделке деятелей, происходит потому, что жалкий клочок земли понимается ими как “мать”, от которой нельзя ни избавляться, ни выгодно менять... Это знала в прошлом и наша цивилизация, и это иногда выходит на поверхность в моменты кризисов или сомнений, но в обществах, называемых “примитивными”, это представляет собой очень прочно установленную систему верований и практики».

Можно продолжать перечисление тех сторон общественного бытия, которые питаются знанием, порожденным в религиозных системах. Многие типы светского знания восприняли у религии и сохранили развитые в религиозном знании методологические подходы к умозрению и обоснованию. Выдающимся достижением русской общественной мысли было совмещение марксизма и общинного крестьянского коммунизма в одном учении. Ортодоксальные марксисты (меньшевики) не могли этого принять как абсурдное соединение несовместимых концепций. Но именно этот проект победил в революции; его познавательный и творческий потенциал был гораздо выше, чем у всех «чистых» проектов. Однако продолжение этого проекта было сопряжено с большими трудностями, требовало изощренной и творческой идеологической работы, адаптации обоих «заветов», подавления тех, кто пытался разобраться в «истоках». В конце концов эта конструкция не выдержала внутреннего напряжения, и в период мировоззренческого кризиса советского общества, начиная с 60-х годов XX века, стала деградировать. Основной удар в 1980-е годы ей был нанесен как раз ортодоксальными антисоветскими марксистами, которые убедительно показали антагонизм «Ветхого» и «Советского» марксизма. Они следовали требованиям «научности», не понимая структуры того знания, которое хотели «очистить».

Религиозные философы и отцы Церкви выработали важные разделы знания, необходимого для *государственной власти и политики*. Это — срез обществоведения, знание о людях, их сообществах и способах убеждения и внушения с целью добиться согласия с властью, укрепить или подорвать ее авторитет. Речь идет о *знании*, причем сложном и развивающемся, хотя исходными постулатами для него служат символы *веры*.

Как пример можно назвать ключевую для власти функцию создания *образа будущего*, представления о благой жизни. Это сложная задача социального проектирования, соединяющая способы исторического анализа (рефлексии), изучения настоящего и предвидения возможных

вариантов будущего. Для решения этой задачи необходим поток сообщений особого типа — *Откровения*.

Грамши подчеркивает *созидательную* силу марксистского догматизма: «То, что механистическая концепция являлась своеобразной религией подчиненных, явствует из анализа развития христианской религии, которая в известный исторический период и в определенных исторических условиях была и продолжает оставаться “необходимостью”, необходимой разновидностью воли народных масс, определенной формой рациональности мира и жизни и дала главные кадры для реальной практической деятельности».

Здесь важна не только общая оценка христианской религии с точки зрения ее «земной» организующей роли, но и подчеркнута ее значение как «формы *рациональности* мира и жизни», т. е. как системы знания, которая готовила «главные кадры для реальной практической деятельности». Более того, и в 30-е годы XX века эту роль христианской религии Грамши считает «необходимой».

Сказанного достаточно, чтобы понять, насколько обедняются когнитивные ресурсы обществоведения, в котором один тип знания (научный) подавляет или загоняет на обочину знание религиозное. Такой болезненный опыт российское общество получило в советский период, когда под давлением официальной идеологии каналы циркуляции религиозного знания были заблокированы.

Критика религии Маркса и Энгельса была антиобщинной и антигосударственной, в русской революции она сразу стала враждебной «народному православию» и тому общинному крестьянскому коммунизму, которые и были мировоззренческой основой советского проекта. В православии искали крестьяне и понятийный аппарат, чтобы сформулировать свои социальные притязания, и проект благой жизни. Марксистская критика религии разрушала этот аппарат, дискредитируя те инструменты знания, которыми владели крестьяне (да и большинство рабочих России).

Маркс пишет: «На социальных принципах христианства лежит печать пронырливости и ханжества, пролетариат же — революционер».

Обе части этого утверждения не подтверждаются ни исторически, ни логически. Никакой печати пронырливости на социальных принципах христианства найти нельзя — достаточно прочитать Евангелие. В чем пронырливость Томаса Мюнцера и всей крестьянской войны в Германии, которая шла под знаменем «истинного христианства»? В чем пронырливость русских крестьян, революция которых вызревала под влиянием «народного православия»? Разве утверждение «Земля — Божья!» является выражением ханжества? Пронырливости нельзя найти и в «Христианском социализме» С. Булгакова, как и вообще в его тру-

дах, где он обсуждает социальные принципы христианства. Нет «печати пронырливости» в теологии освобождения в Латинской Америке или кооперативном движении испанских католиков при Франко.

Все революции, окрашенные христианством, всегда имели *социальное* и даже общечеловеческое измерение, а вот классовая борьба западного пролетариата в большинстве случаев сводилась к борьбе за более выгодные условия продажи рабочей силы, что с гораздо большим основанием можно назвать пронырливостью, — но нам это и в голову не придет.

Большие революции решают главные проблемы бытия, а потому и не могут не быть движениями *религиозными*. Вот Великая французская революция, идейно подготовленная Просвещением и Научной революцией. В ней произошел творческий синтез научного и религиозного знания. А. Де Токвиль писал: «Французская революция является политической революцией, употребившей приемы и, в известном отношении, принявшей вид революции религиозной... Она сама стала чем-то вроде новой религии, не имевшей ни Бога, ни культа, ни загробной жизни, но тем не менее наводнившей землю своими солдатами, своими апостолами и мучениками».

Русская революция, с точки зрения социолога, также является революцией *религиозной*. Коммунистическое учение того времени в России в огромной степени принадлежало к категории *религиозного знания*, но эту его сторону приходилось подавлять и репрессировать, следуя установкам марксизма. Революционный подъем породил необычный культурный тип — *русского рабочего* начала XX века. Он был *культурным типом*, в котором православие и просвещение, слитые в нашей классической культуре, соединились с идеалом *действия*. Революционное движение русского рабочего и стоявшего за ним общинного крестьянина было «православной Реформацией» России.

Великим еретиком и богостроителем был М. Горький, которого считают одним из основателей советского общества. Религиозными мыслителями были многие деятели, принявшие участие в создании культуры, собиравшей советский народ, — Брюсов и Есенин, Клюев и Андрей Платонов, Вернадский и Циолковский. В своей статье о религиозных исканиях Горького израильский историк (эмигрант из СССР) М. Агурский пишет, ссылаясь на исследования русского мессианизма, что «религиозные корни большевизма как народного движения уходят в полное отрицание значительной частью русского народа существующего мира как мира неправды и в мечту о создании нового «обоженного» мира».

Советский проект (представление о *благой жизни*) выработывался, а Советский Союз — строился людьми, которые находились в состоянии *религиозного подъема*. В разных формах многие мыслители Запада,

современники русской революции высказывали важное утверждение: Запад того времени был безрелигиозен, Советская Россия — глубоко религиозна. Дж. Кейнс, работавший в 20-е годы в России, писал: «Ленинизм — странная комбинация двух вещей, которые европейцы на протяжении нескольких столетий помещают в разных уголках своей души, — религии и бизнеса». Позже немецкий историк В. Шубарт в книге «Европа и душа Востока» писал: «Дефицит религиозности даже в религиозных системах — признак современной Европы. Религиозность в материалистической системе — признак советской России».

В результате конфликта между официальной идеологией советского государства и той системы знания, которая была адекватна его мировоззренческой основе, возникла раздвоенность, во многом предопределившая «незнание общества, в котором живем» и кризис государственности 1980-х годов.

Таким образом, в ходе революционного процесса в России существовал глубокий скрытый конфликт между марксизмом и мировоззренческими установками русского революционного народа. Но помимо этого возникло и продолжалось в течение всего советского периода противостояние между марксизмом и верующей частью населения России. Это проложило важную линию раскола в советском обществе, которая была использована во время перестройки. Значительная часть верующих советских людей ощущали себя «отделенными от государства» (а для какой-то части граждан это происходило и буквально — вследствие запрета верующим на пребывание в рядах единственной правящей партии).

В первой половине XX века наши марксисты «с научным мышлением», а в конце XX века — их наследники, ставшие «либералами», приложили огромные усилия, чтобы разрушить культурное ядро общества. В первом случае объектом разрушения была религиозная компонента этого ядра. Это причиняло людям массовые страдания.

Грамши подчеркивает, что религию надо понимать и в светском смысле — «как единство между верой, мировоззрением и соответствующей ему нормой поведения». Если так, то речь идет об очень важном механизме воспроизводства общества, а вовсе не только об «опиуме для народа». Но даже если принять метафору «опиума», которая носила у Маркса негативный смысл, — разве в реальной жизни людям не требуется *болеутоляющее*, каковым во времена Маркса и был опиум?

Одной из важнейших проблем бытия является присущее человеку осознание своей смертности. Именно религиозное знание о духовном мире человека выработало способ примирить человека с этой мыслью. Из самой метафоры «опиума» следует, что утолять боли людей в сложном обществе невозможно с помощью пустых слов. Для этого требуется огромное знание и человека, и «опиума». Это знание, накопленное

и многократно очищенное за тысячелетия религиозного окормления людей, представляет собой огромную ценность во всей системе знания.

Не будет преувеличением сказать, что выполняющее эту свою необходимую людям целительную роль духовенство обладает более эффективным и тонким знанием, чем говорящие на языке рациональных понятий пропагандисты или даже психологи. И хотя в некоторые критические моменты религиозное знание отказывает, его победителем в духовной сфере бывает вовсе не наука, а какой-то суррогат религии, хотя он и маскировался под науку.

Совместный путь, пройденный наукой и религией в Новое время, полон конфликтов. Эти конфликты имеют место сегодня и будут продолжаться в будущем, выполняя конструктивную роль как источник творческих сомнений и размышлений.

Но сегодня, в преддверии глубокой трансформации структур индустриальной цивилизации, надо преодолеть устаревшие догмы и отбросить оружие старых конфликтов. Надо задуматься в важное предупреждение Гейзенберга: «Естествознание стремится придать своим понятиям объективное значение. Наоборот, религиозный язык призван как раз избежать раскола мира на объективную и субъективную стороны; в самом деле, кто может утверждать, что объективная сторона более реальна, чем субъективная? Нам не пристало поэтому перепутывать между собой эти два языка, мы обязаны мыслить тоньше, чем было принято до сих пор».

Разрабатывая большой проект строительства постсоветской России, необходимо учесть прошлые ошибки и вовлекать в это строительство все системы знания, в которых реально мыслят социальные группы и субкультуры, и прежде всего самая массовая категория — «человек из народа». Знание, сформированное в системе религиозной когнитивной структуры, должно занять в рациональности российского «общества знания» подобающее место.

Лекция 6

Сдвиг от реалистического сознания к аутистическому

Мы говорили в первой лекции, что в 80-е годы в советском, а потом в российском обществоведении возникла странная патология — утрата *чувства ответственности*. Причиной этого был сдвиг к особому типу мышления — *аутистическому*.

Учение об *аутизме* (от греческого слова *аутос* — сам) создал в начале XX века швейцарский психиатр Э. Блейлер (см. Приложение). Аутизм — болезненное состояние психики, при котором человек концентрируется на своей внутренней жизни, активно уходит от внешнего мира. В тяжелых случаях вся жизнь человека полностью сводится к его грезам, но обычно это проявляется в большей или меньшей степени, так что человек остается в общем нормальным. Для нас важен коллективный аутизм, искусственно вызываемый средствами культуры и закрепленный кризисом. Это происходит при резком усилении в структуре сознания *воображения*, создающего радужные фантастические образы, способные увлечь даже скептически настроенных людей.

Это — вообще широко распространенное нарушение норм рационального мышления. Шопенгауэр в «Афоризмах житейской мудрости» пишет: «Путеводной звездой нашей деятельности должны быть не образы фантазии, а ясно усвоенные понятия. Обычно бывает обратное. При ближайшем исследовании мы убеждаемся, что в конце концов решающий голос во всех наших делах принадлежит не понятиям, не рассуждению, а именно воображению, облакающему в красивый образ то, что желало бы нам навязать».

Цель реалистического мышления — создать *правильные* представления о действительности, цель аутистического мышления — создать *приятные* представления и вытеснить неприятные, преградить доступ всякой информации, связанной с неудовольствием (крайний случай — грезы наяву).

Двум типам мышления соответствуют два типа решения проблем и удовлетворения потребностей. Реалистическое мышление побуждает к действию и разумному выбору лучшего варианта, с учетом всех до-

ступных познанию «за» и «против». Тот, кто находится во власти аутистического мышления, избегает действия и не желает слышать трезвых рассуждений. Он пережевывает свои приятные фантазии.

Аутистическое мышление — не «бредовый хаос», не случайное нагромождение фантазий. Оно связно, но *тенденциозно*, в нем всегда доминирует тот или иной образ, а все, что ему противоречит — подавляется. В норме оба типа мышления взаимодействуют, и в то же время находятся в конфликте. И если каким-то способом удастся отключить или подавить реалистическое мышление, то аутистическое мышление доделывает за него работу, тормозя здравый смысл и получая абсолютный перевес. Это в мягкой форме отражено в солдатской песне: «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить».

Главное в аутистическом мышлении то, что оно, обостряя до предела какое-либо стремление, нисколько не считается с действительностью. Вот простой пример того, как авторитетные экономисты усиливали в массовом сознании аутистическую компоненту. Летом 1991 года несколько научных групп провели расчет последствий «либерализации цен», которую позже, в январе 1992 года, осуществило правительство Гайдара. Расчет проводился по нескольким вариантам, но общий вывод дал надежное предсказание, которое полностью сбылось в январе. Результаты расчетов были сведены в докладе Госкомцен СССР; доклад этот в печать допущен не был, но специалисты были с ним ознакомлены «для служебного пользования».

Одновременно с ознакомлением специалистов в массовую печать дали заключения «ведущих экономистов», которые успокаивали людей. Так, популярный «Огонек» опубликовал такой прогноз авторитетного тогда экономиста Л. Пияшевой: «Если все цены на все мясо сделать свободными, то оно будет стоить, я полагаю, 4–5 руб. за кг, но появится на всех прилавках и во всех районах. Масло будет стоить также рублей пять, яйца — не выше полутора. Молоко будет парным, без химии, во всех молочных, в течение дня и по полтиннику» — и т. д. по всему спектру товаров.

Казалось бы, ни один здравомыслящий человек не должен был поверить этому «прогнозу». Но сознание людей было уже настолько увлечено приятными фантазиями перестройки, что читатели «Огонька» действительно верили Л. Пияшевой. И даже сама жестокая реальность либерализации цен, при которой мясо быстро поднялось в цене до 20 тыс. (!) руб., эту веру не сильно поколебала. Л. Пияшева уже после 1992 года стала доктором экономических наук и признанным «экспертом» в области российской экономики.

Большинство рассуждений Л. Пияшевой было отмечено печатью глупости. Подумайте: молоко *парное (!)* в течение всего дня в москов-

ском магазине. Но это не главное. Они были *неразумны* — вот чего не замечали и коллеги, и читатели. Множество людей не блещут умом, но они разумны. Опираясь на здравый смысл, опыт и советы других разумных людей, они приходят к верному, в главном, выводу.

Вспомним более фундаментальный тезис, выдвинутый академиком-экономистом А.Н. Яковлевым в августе 1988 года: «Нужен поистине тектонический сдвиг в сторону производства предметов потребления. Решение этой проблемы может быть только парадоксальным: провести масштабную переориентацию экономики в пользу потребителя... Мы можем это сделать, наша экономика, культура, образование, все общество давно уже вышли на необходимый исходный уровень».

Этот тезис поддержала элита сообщества экономистов, а ведь простейшие выкладки показали бы его неразумный характер. Человек с реалистическим сознанием спросил бы себя: каково назначение экономики? И ответил бы: создать надежное производство *основных условий жизнеобеспечения*, а затем уже наращивать производство «приятных» вещей. Такие приоритеты диктует здравый смысл.

Каково было состояние жизнеобеспечения в 1988 году? В производстве стройматериалов («для жилищ») и энергии («для тепла») в СССР не только не было избыточных мощностей, но надвигался острейший голод. Да и вся инфраструктура страны (дороги, теплосети, водопроводы) требовала срочного расширения и модернизации, а значит, больших металлоинвестиций.

Лозунг А.Н. Яковлева, который прямо взывал к аутистическому мышлению, обосновывал начавшееся разрушение народного хозяйства. Он претворился в резком сокращении капиталовложений. Была остановлена наполовину выполненная Энергетическая программа, которая надежно выводила СССР на уровень самых развитых стран по энергооснащенности.

С конца 2000 года в РФ стала нарастать волна аварий и отказов в теплоснабжении. Это привело в замешательство и верховную власть, и министров — как будто они не знали, что Россия — холодная страна. Вице-губернатор Санкт-Петербурга А. Смирнов высказал в 2003 году замечательную вещь: «Если говорить в общем, то в последний год проблему ЖКХ только научились правильно понимать. Но этой проблемой по-настоящему пока ни граждане, ни власти еще не начали заниматься».

Это чудовищное признание. Чего можно было *не понять* в «проблеме ЖКХ»? Реальность была досконально известна, при Правительстве работала большая группа технических экспертов, они писали четкие доклады и концепции, в стране был целый ряд НИИ, КБ, фирм, вузов. Точные прогнозы делались, начиная с весны 1991 года. Что же это за власть, сплошь набранная из числа экономистов и юристов, которая только

«в последний год проблему ЖКХ научилась правильно понимать», а заниматься этой проблемой и не начала? На что эта власть и ее экономисты надеялись?

Социологи и культурологи восточноевропейских стран более внимательно, чем в России, изучали это явление. В чем-то оно проявилось в Польше и Чехии ярче, чем в России, в чем-то наоборот. Но в основном было много общего, и его проявление описывают так: «Преобладало мнение, что рано или поздно ситуация исправится автоматически как “естественное вознаграждение за принесенные народом жертвы”. Сам протест выражался языком “морального сюрреализма”... Марксизм-ленинизм и построенный на его основе соцреализм превратились в социалистический гуманизм и базирующийся на нем “социдеализм”... Господствовало ощущение преддверия новых грандиозных перемен, атмосфера нарастающего праздника».

Именно так и шло дело. Возьмем приятный «образ будущего». Элита нашего обществоведения всерьез поверила в утопию возвращения в «наш общий европейский дом». Думаю, сам Горбачев не мог ожидать такого эффекта от своего нелепого обещания. Ведь на Западе никто и никогда не давал оснований считать, будто русских или чувашей в этот «дом» приглашают. Эта фантазия «братания с Западом» не согласовывалась ни с какими реальными признаками; сейчас даже трудно представить себе, что в 1989–1990 годы множество профессоров и академиков в нее верили.

Моя знакомая испанская журналистка, хорошо знающая русский язык, получила работу в международном информационном агентстве и в 90-е годы объехала Россию и страны СНГ, беря интервью у губернаторов и президентов. Когда она уезжала из России, я спросил ее о впечатлениях. Больше всего ее поразила одна вещь: буквально все до одного «региональные и национальные лидеры» спрашивали ее с обидой: «Почему Запад нам не помогает? Когда хлынут западные инвестиции?».

Она не могла понять, откуда взялась эта иллюзия и спрашивала меня: «Сергей, ты ведь помнишь, что никто на Западе никогда не обещал ничего подобного?». Да, никто и никогда. Более того, были ясные предупреждения, что надежд мы питать не должны: *Рим предателям не платит!* В 1990–1992 годы я не раз слышал эту фразу в кулуарах всяких круглых столов, иногда весьма высокого ранга: *Roma no paga traidores.*

Как мыслилось наше «возвращение в цивилизацию»? Какой-то образ будущего, пусть туманный, ведь должен же был витать в воображении наших интеллектуалов, когда они призывали людей ломать наше «неправильное» народное хозяйство? Как они представляли себе то «место», куда мы должны были плюхнуться на ковре-самолете реформ?

Эти вопросы задавать бесполезно — в тот момент эти интеллектуалы не думали. Они грезили наяву, их сознание было сдвинуто в розо-

вый туман. В таком состоянии у людей и возникает сладкое чувство *безответственности*, а за их спиной работает армия хватких молодых людей, готовя законы о приватизации. Впав в аутистическое сознание, наша обществоведческая элита проявила поразительный, доходящий до наивности нарциссизм. Они, банкроты каких мир не видал, до сих пор охотно дают интервью, позируют фотографам для журналов, гордятся своими «идеями», руководят университетами и научными институтами. Это действительно патология, которая требует серьезного изучения.

Типично аутистическим мышлением были проникнуты выступления академика А.Д. Сахарова. Он стал не просто кумиром, но и в существенной мере законодателем в постановке вопросов и способе рассуждений. Но прочитайте сегодня его главные манифесты — потрясающий отход от реализма. Вот его меморандум 1968 года, с которым он обратился в Политбюро ЦК КПСС (как пророчески сказано в предисловии, это «веха нашего самосознания»). Советы даются не только Брежневу с Косыгиным, но и всем президентам и монархам (выдержки даны в Приложении).

Господство аутистического мышления при глубоком расщеплении логики («шизофренизация сознания») породило небывалый в истории проект разрушения народного хозяйства своей собственной страны под условным названием *реформа*. В ней сразу же придавалось гипертрофированное значение распределению в ущерб производству. Это и есть крайний аутизм в хозяйственной сфере: распределять (а тем более, прихватывая себе побольше) — легко и приятно, производить — трудно и хлопотно. И стали фантазировать о *распределении*, подавляя всякое *производство*. Здесь речь идет уже даже не о мышлении, а целом аутистическом мироощущении.

Вспомним: первый удар по хозяйству реформа нанесла в 1991–1994 годы, когда за три года промышленное производство сократилось в 2,5 раза. Около 12 млн человек были тогда выброшены из промышленного производства в торговлю — пошли в «челноки», расплозились по ларькам, рынкам, торговали носками около метро. В 1994 году соратник Гайдара, член Президентского Совета, руководитель Аналитического центра Администрации Президента РФ по социально-экономической политике П.С. Филиппов дал большое интервью.

Филиппова спрашивают, какова же причина этого кризиса. Он отвечает: «В нашей экономике узкое место — это торговля: у нас в три раза меньше торговых площадей, чем, например, в Японии. Нам здесь еще работать и работать. Хотите хорошо жить — займитесь торговлей. Это общественно-полезная деятельность. И так будет до тех пор, пока будет существовать дефицит торговых площадей, а, еще вернее, мы испытываем дефицит коммерсантов».

Не поверишь, пока своими глазами не прочтешь такое.

Взять такие символы, как *рынок* или *демократия*. У массы людей идеологи создали самые превратные, внутренне противоречивые представления об этих понятиях, совершенно несовместимые ни с реальностью тех обществ, откуда они были взяты, ни с нашей реальностью. Почему же они привились на нашей почве, разрушив всякую связную общественную мысль? Потому, что сначала людей смогли загнать в такой мыслительный коридор, в котором структуры аутистического мышления господствуют над здравым смыслом. И люди строят в своем воображении фантастические образы и рынка, и демократии.

Людей убедили, что для преодоления накатывающей катастрофы нужны были не усилия ума, души и тела, а несколько магических слов, которые бы вызвали из исторического небытия мистические силы, разом дающие большие блага для настоящего и будущего. Причем блага, просто отнятые у других современников.

Одной из самых нелепых фантазий было возрождение сословных притязаний. Откуда ни возьмись, Москва наполнилась дворянами, потомками графов и князей. Возникли конкурирующие дворянские собрания, начались поиски родословных, возня из-за поместий — и все это под флагом демократии. Прорабы перестройки первым делом старались растравить сословное чувство в самой интеллигенции — поток пошлых похвал в ее адрес заполнил страницы и эфир. Академик Д.С. Лихачев льстит интеллектуалам: «Естественно, их роль в обществе можно определить как ведущую. Это соответствует месту интеллигенции, которое она должна по праву занимать. Испокон веков на Руси интеллигенция была эталоном нравственности, духовности, культуры».

Кукушка хвалит петуха. Какие «испокон веков», какая Русь? Интеллигенция, как культурный тип, появилась в XIX веке как продукт разложения сословного общества. И никогда она не была «эталонем нравственности», ибо ее главной отличительной чертой была *больная* совесть и нравственные *метания*. Разве могут метания и непрерывная «смена вех» быть эталоном? Чему может научиться юноша у Родиона Раскольниковца или чеховского Иванова?

Массовый сдвиг от реалистического мышления к аутистическому заметить было не просто даже тем, кто этим сдвигом не был затронут. Аутистическое мышление заменяет реальность моделью, но эта модель по-своему логична и даже респектабельна. Она напоминает построения ученого, и для интеллигенции она привлекательнее, чем реалистичное, охватывающее неприятные стороны действительности, мышление «кухарки».

Мы больше говорим об интеллигенции (шире — «элите») потому, что здесь вырабатываются нормы, образцы и стереотипы мышления,

которые через образование и СМИ внедряются и в массовое сознание. Но главную проблему составляет именно массовый характер сдвига к аутистическому сознанию (некоторые авторы называют его *магическим*, в оппозиции *реалистическому*; наполнение этих понятий совпадает с изложенным выше).

В одном исследовании (2006 г.) сказано так: «В настоящее время около 90% наших респондентов (результаты репрезентативных опросов в Красноярском крае) — носители **магического** сознания. При этом нет оснований полагать, что в массовом сознании/бессознательном других регионов России происходят принципиально иные процессы. А именно этот тип сознания/бессознательного на культурно-информационном уровне социума мотивировал социальное поведение как отечественной “элиты”, так и народных масс, которое вылилось не только в распад великой державы, но и возгорание многих “горячих точек”»¹.

Какие процессы в сознании элиты нашего обществоведения позволили вытеснить реалистическое мышление? Эта проблема требует исследований. На поверхности же видны такие явления.

Важный контрольный механизм за реалистичностью и связностью умозаключений, который был отключен начиная с 1980-х годов, — *диалогичность* рассуждений. Мышление — процесс общественный, коллективный. Высказывая какое-то суждение, идею, мы запускаем мыслительный процесс в тех, кто получил наше сообщение, и возникает кооперативная система, умножающая потенциал нашего сознания. Элементарный акт мышления всегда связан с диалогом, с оппозицией утверждений. Когда логическая цепь развивается в ходе диалога, хотя бы внутреннего, то несоизмеримость понятий и несвязность рассуждения быстро выявляются и участниками процесса совместно производится «починка» логики.

В результате потрясений перестройки, сознание гуманитарной интеллигенции, в результате действия неизвестных нам механизмов, утратило диалогичность. Мы наблюдали регулярный отказ представителей власти из числа обществоведов давать ответ оппонентам на их вопросы. Это делалось с помощью молчания или идеологических штампов (вроде «мы это уже проходили»). Поражали метафоры реформы, которые

---

¹ Автор этой работы В.Г. Немировский скептически оценивает возможность разработки консолидирующей идеологии, способной восстановить баланс реалистического и аутистического мышления. Он пишет («СОЦИС», 2006, № 2): «Ценности, которые содержатся на разных уровнях массового сознания/бессознательного, не дают никаких оснований ожидать, что такая идеология появится в обозримом будущем. Напротив, в нем возрастает **магичность** ... в ущерб **реалистичности**. Выражаясь языком психоанализа, в массовом сознании/бессознательном нашего народа продолжает доминировать и, более того, усиливается, танатофилия — стремление к смерти».

блокировали диалог. Например, сторонники радикального перехода к «рынку» внушали: «Пропасть нельзя перепрыгнуть в два прыжка!» — и сами аплодировали этому идиотскому сравнению. Никто не мог спросить: а зачем вообще нам прыгать в пропасть? Разве где-нибудь кто-то так делает, кроме самоубийц? Предложения не прыгать вообще, а построить мост, отвергались с возмущением.

Другой экономист тоже выразился художественно: «Нельзя быть немножко беременной!». Мол, надо сразу сломать хозяйство и перейти к «рынку». И опять — аплодисменты. Что за бред? При чем здесь беременность? Никакого сходства с экономикой она не имеет, проблему выбора, перед которой мы стояли, эта аллегория не разъясняет — зачем непрерывно твердили эту глупость?

«Коней на переправе не меняют!» — и никто не смеет возразить. Какие кони, какая переправа? Почему доктора наук стали так падки на глупейшие, бессмысленные метафоры? Но они высказывались, как непререкаемая мудрость.

Отход от диалогичности выражается и в том, что из печати исчез жанр совместных рассуждений. Никто не развивает и не опровергает высказанной другим человеком мысли. Даже неконтролируемый поток сознания интеллектуальной элиты приобрел характер изречения истин, которые она как бы черпает из пространства, по наитию. Рассуждения заменены высказываниями, носящими оттенок фанатизма.

Гуманитарная элита на какое-то время утратила навык делать умозаключения. Всякая попытка каким-то образом заставить этих людей вникнуть в суть вопроса, обсудить его и прийти к выводу, воспринимается очень болезненно — им тягостна и ненавистна эта работа, она их пугает. Их мысль и чувство ищут любую лазейку, чтобы при первой же заминке вырваться из коридора, который ведет к необходимости сделать ответственное умозаключение.

Второе сложное и непредвиденное явление — отход гуманитарной интеллигенции от *материалистического* мировоззрения. Это произошло в 1960–1970-е годы незаметно — официальная философия этого не заметила, ее методологические инструменты для этого были непригодны.

Отказавшись от этикетки исторического материализма, постсоветская гуманитарная интеллигенция внедряла в сознание людей ту же самую структуру мышления, что и раньше. На деле получалось гораздо хуже, чем раньше. Профессора, превратившиеся в «либералов», при отходе от истмата вовсе не выплеснули с грязной водой ребенка. Они выплеснули *только* ребенка, а грязной водой продолжают промывать мозги студентам. И грязь этой воды, при отсутствии материализма истмата, порождает чудовищную мыслительную конструкцию. Можно назвать ее *механистический идеализм*.

Утрата материалистического фундамента при анализе действительности и отказ от диалектического принципа особенно сказываются при трактовке нынешнего положения в России — оно ведь представляет собой именно клубок *противоречий*. Мы живем в сложном обществе, в котором сосуществуют и взаимодействуют разные общности, разделенные по классовым, национальным, культурным и другим признакам. Идеалы и интересы, соединяющие людей в эти группы, различны. Во многих случаях противоречия дозревают до стадии антагонизма.

Сверхзадача государства — гарантировать существование и развитие страны (народа) с сохранением ее пространственно-культурной идентичности. Чтобы этого достичь, нужно согласовать интересы разных групп — причем наиболее «дешевым» способом из всех доступных. Лучше всего, конечно, осуществлять конструктивное разрешение противоречий, творческий синтез, ведущий к развитию. Если для этого нет культурных и материальных ресурсов, политики ищут компромисс — противоречие смягчается, «замораживается» до лучших времен. Если и это не удастся, собираются силы, чтобы подавить несогласных. При этом неприятные последствия откладываются на будущее. На какое будущее — зависит от остроты кризиса и масштаба времени, которым оперируют политики.

Достижение гражданского согласия и прочного мира — идеал. Это удается редко, и приходится довольствоваться гражданским *перемирием*. Переговоры о его продлении — ежедневный труд политиков и их экспертов. Как сказано в учебнике, по которому учатся в западных университетах, «демократия есть холодная гражданская война богатых против бедных, ведущаяся государством». Эта формула для нас не годится: нам все время повторяют, что не было и нет в России ни демократии, ни гражданского общества. Но что-то ведь есть! Об этом бы и надо нам говорить, следуя нормам рационального мышления.

Тут первый камень преткновения всего нашего обществоведения — либерального досоветского, марксистского советского и нынешнего антисоветского. Оно просто *не видело* факты и процессы, о которых не написано в западных учебниках. А если и видело, не имело слов, чтобы их объяснить или хотя бы описать.

Когда в конце 80-х годов начали уничтожать советскую финансовую и плановую системы, «не зная, что это такое», дело нельзя было свести к проискам агентов влияния и теневых корыстных сил (хотя и происки, и корысть имели место). Правительство подавало в Верховный Совет нашептанные «консультантами» законопроекты; народные депутаты из лучших побуждений голосовали за них, а им аплодировали делегаты съезда КПСС. Политики, размахивая скальпелем, производили со странной убийственными операциями — то тут кольнут, то там разрежут. И все

приговаривая: «Эх, не знаем мы общества, в котором живем, не учились мы анатомии». Вот и катимся мы сегодня в инвалидной коляске, мычим и куда-то тянемся образовавшейся после неудачной операции культей...

В 2005 году на совещании преподавателей обществоведения вузов Центрального округа зав. кафедрой политологии объясняла, какие полезные курсы читаются студентам — «их учат, как надо жить в гражданском обществе». Ее спросили: зачем же учат именно этому, если у нас как раз гражданского общества и нет? Почему не учить тому, что реально существует? Она удивилась вопросу, хотя и признала, что да, далеко нам до гражданского общества. Почему же она удивилась? Потому что произошла деградация структур рационального мышления — его аутистическая компонента вытеснила реалистическую.

Одним из следствий этого стало убеждение, что «*неправильное — не существует*». Гражданское общество — правильное, но его у нас нет. Значит, ничего нет! Не о чем думать и нечему тут учить. Вспомните, например, как стоял вопрос о характере советской правовой системы. Советское государство? Неправовое! Не было у нас права, и все тут. Точно так же, уверовав в нормы цивилизованного Запада, стали отрицать само существование в СССР многих сторон жизни. Настолько эта мысль овладела интеллигентными умами, что на телевидении эlegantная дама жаловалась на то, что «в Советском Союзе не было секса».

Таким образом, от незнания той реальности, в которой мы живем, обществоведение России перешло к отрицанию самого существования реальности, которая не согласуется с «тем, что должно быть». Ясно, что нынешний кризис в России порожден противоречиями, не находящими конструктивного разрешения. Но политики и обществоведы категорически отказываются от выявления и обнародования главных противоречий. Они предпочитают видеть кризис не как результат столкновения социальных интересов, а как следствие действий каких-то стихийных сил, ошибок или даже недобросовестности отдельных личностей в правящей верхушке.

При этом исчезает сама задача согласования интересов, поиска компромисса или подавления каких-то участников конфликта — государство устраняется от явного выполнения своей основной функции, переводит ее в разряд теневой деятельности. Для прикрытия создается внесоциальный метафорический образ «общего врага» — кризиса, разрухи и т. п.

Таким врагом-призраком стала *бедность*, с которой надо вести общенародную борьбу. Эта доктрина — признак расщепления сознания. Ведь бедность половины населения в нынешней России — это не наследие прошлого. Она есть следствие *обеднения* и буквально «создана»

в ходе реформы. Известны социальные механизмы, посредством которых она создавалась, и политические решения, которые запустили эти механизмы. В этом суть экономической реформы, и если эта суть не меняется, то она непрерывно *воспроизводит* бедность. Поэтому «борьба с бедностью» несовместима с «неизменностью курса реформ».

Очевидно, что создать огромные состояния и целый слой богатых людей в условиях глубокого спада производства можно только посредством изъятия у большинства населения значительной доли получаемых им в прошлом благ, что и стало причиной обеднения. Это служит объективным основанием социального конфликта — независимо от степени его осознания участниками. Надо отдавать себе в этом отчет и реалистично оценить варианты действий. Но никаких признаков готовности к этому не возникло. Лучше грезить наяву.

Этот идеализм, вытеснивший реалистичное мышление, представляет собой общую проблему. Сейчас, когда лево-патриотическая оппозиция практически исключена из публичной политики, этот изъян в ее доктринах в глаза не бросается; а когда оппозиция имела достаточно мест в Госдуме для законотворческих инициатив, этот идеализм был виден. Конечно, левая оппозиция заявляет, что она привержена идее социальной справедливости. Но само по себе это пустой идеологический призрак, то же самое говорит и Ходорковский. Никто себя не назовет несправедливым и безнравственным. Важна расшифровка — обозначение противоречий. Но аутистическое сознание их отвергает.

Одним из крайних проявлений аутистического сознания властной элиты и официального обществоведения был отказ видеть и обсуждать *отрицательные* последствия реформы — для страны, для хозяйства, для населения². В большой мере этот отказ был недобросовестным, но довольно быстро он вошел в привычку, и этих отрицательных результатов реформаторы стали не видеть вполне искренне. Это стало тяжелым поражением рационального сознания и фактором углубления кризиса.

Вдумаемся в такое умозаключение академика Т.И. Заславской, сделанное ею в важном докладе (1995 г.): «Что касается экономических интересов и поведения массовых социальных групп, то проведенная приватизация пока не оказала на них существенного влияния... Прямую

---

² Это свойство сознания проявляется и в оппозиционной интеллигенции. Она, зарабатывая свои проекты, также не желает видеть их разрушительного воздействия для жизнеустройства части сложившегося за двадцать лет общества. На митингах еще можно сбросить эту часть населения в «черный ящик», объявив их ворами или даже врагами народа; но для рассуждений в нормах обществоведения это неприемлемо. Мы здесь подробно об этом не говорим потому, что масштаб проектной деятельности в оппозиции сейчас очень мал, и в общественное сознание эти рассуждения почти не проникают. Но в беспристрастных обществоведческих исследованиях эту сторону дела надо будет иметь в виду.

зависимость заработка от личных усилий видят лишь 7% работников, остальные считают главными путями к успеху использование родственных и социальных связей, спекуляцию, мошенничество и т. д.».

Итак, 93% работников не могут жить, как жили до приватизации, за счет честного труда. Они теперь вынуждены искать сомнительные, часто преступные источники дохода («спекуляция, мошенничество и т. д.»). Но социолог утверждает, что *приватизация не повлияла на экономическое поведение*. Где же логика? Ведь из того, что сказала Т.И. Заславская, прямо вытекает, что приватизация повлияла на экономическое поведение подавляющего большинства граждан самым кардинальным образом. Это утверждение — плод аутистического сознания. Татьяна Ивановна видит только *приятные* изменения, а если влияние приватизации «на экономических интересы и поведение массовых социальных групп» ей неприятно, то она этого влияния просто не видит и потому о нем не говорит.

Вот красноречивый пример. В декабре 2002 года, когда уже пошла волна отказов, отключений и аварий в теплоснабжении, была устроена большая акция «народный телефон» — В.В. Путин в прямом эфире отвечал на телефонные звонки граждан. Среди полусотни вопросов, на которые успел ответить Президент, был и вопрос о ЖКХ. В ответ, в частности, было сказано: «Вы совершенно правы в том, что реальных сдвигов не видно. Действительно, мы очень много и часто говорим о необходимости проведения реформы в сфере жилищно-коммунального хозяйства, а сдвигов пока нет, и реформа вроде бы не идет».

Итак, Президент считал, что *реальных сдвигов не видно*. Но реальные сдвиги налицо: динамика аварий и отказов теплоснабжения стала выражаться геометрической прогрессией. В 1990 году было три аварии на 100 км теплосетей, в 1995 году — 15 аварий, а в 2000 году — 200 аварий. Это фундаментальный сдвиг, изменение качественного состояния системы. Людей волнуют прежде всего именно сдвиги к худшему, а Президент отбрасывает саму мысль, что такие сдвиги бывают в действительности. Раз того улучшения, которое обязано было иметь место при реформе, не наступает, значит, «реальных сдвигов не видно».

Он говорит: «Реформа вроде бы не идет». Как это не идет? Разве не реформой является расчленение единой государственной отрасли с ее министерством на огромное множество мелких акционированных фирм? Разве не реформой является обязательная передача объектов ЖКХ, принадлежавших промышленным предприятиям (например, котельных и даже ТЭЦ), в муниципальную собственность? Разве это не радикальная реформа — ликвидация государственных стандартов в одной из крупнейших отраслей? Свидетельства глубокого реформирования ЖКХ перед глазами у людей. Но Президент отмечает саму мысль,

что реформа может иметь неблагоприятные последствия. Нет, реформа является благом по *определению*, и если люди никакого блага не наблюдают, значит «реформа вроде бы не идет».

Рассуждения Президента взяты нами как пример потому, что они делаются всенародно, и выводы формулируются четко. Они вполне отражают господствующий в элите тип сознания, его рассуждения созвучны мыслям большого числа граждан. Ведь та зажиточная часть населения, которая смогла за последние годы купить квартиры в новых, построенных «при рынке» домах, искренне не понимает, что все эти дома присоединены к старым, проложенным в 1970–1980-е годы теплосетям. Новых теплосетей в годы реформы почти не прокладывалось. Поэтому свеженький вид «элитных» домов и итальянская сантехника в квартирах — это всего лишь косметическая надстройка над невидимой сетью подземных коммуникаций, которая однажды одновременно откажет подавать тепло и воду и в дома бедняков, и в дома богатых.

В результате реформы целый ряд больших систем жизнеобеспечения деградировал вплоть до «уровня национального бедствия». Но «разработчики доктрины» реформы всего этого «не замечают». Выше уже цитировался П.С. Филиппов, вот еще фрагмент из того интервью:

«Вопрос: А как Вам кажется, можем ли мы рассчитывать на “мягкую” трансформацию общественных форм? Без каких-либо серьезных социальных потрясений?

Ответ: А разве у нас они есть?

В: Ну, как же — все-таки октябрьские события имели место?

О: Да ничего там страшного не было...

В: Тогда я спрашиваю Вас, как обычный средний человек: можете ли Вы сказать, когда в стране все образуется?

О: А что это значит — образуется, на сколько градусов? И сейчас все образовано. У нас что — трамваи не ходят?

В: Ну, хорошо. Тогда договорим, все-таки, о группах в обществе, имеющих отношение к собственности и власти. Если проще, какая из этих групп сейчас сильнее: чиновники, директора, предприниматели?

О: Да мы все — чиновники. Просто есть чиновники, ориентированные на реформы, — их мало, считанные единицы. А большинство, вся чиновничья структура живет за счет распределения... Да я их всех к стенке поставлю с великим удовольствием».

Конечно, интервьюер из Института социологии РАН не нажимал на важного собеседника и не ставил вопросов в четкой форме, ходя вокруг да около. Но даже эти вопросы хорошо осветили тип мышления П.С. Филиппова: нет в России социальных потрясений и быть не может. Трамваи-то ходят! А что очень многое уже «не ходит», он не замечает. Хотя в искренности такого аутизма можно усомниться.

Тяжелые последствия реформы для здоровья населения, для благосостояния большинства, для психологического состояния людей, для состояния преступности очевидны и имеют массивный, фундаментальный характер. Кажется невозможным их не видеть. Но «архитекторы», заложившие все эти последствия в планы реформ, если их вскользь и упомянут, не видят их причины в своих программах. Скорее объяснят их негодными качествами народа.

Так, А.Н. Яковлев журит «младореформаторов»: «Конечно, такого сильного расслоения допускать было нельзя. Надо все-таки немножко знать психологию русского человека. Мы всегда завидовали соседу, у которого хотя бы чуть-чуть больше, чем у нас. Ну а если уж больше на целого барана, то это уж, конечно, жулик. Такая психология у нас сформировалась давным-давно — от бедности, от нищенства...

Но ведь наряду с действительно страдающими людьми очень много спекуляций. Мы ведь все-таки страна жалобщиков. Нас советская власть приучила к жалобам. Мы их миллионами писали. По разному поводу. Доносы и жалобы. Ну кому в Америке придет в голову написать жалобу, что он плохо живет? Никому. При чем тут власть? При чем тут правительство?».

Вот, значит, почему нельзя было допускать такого сильного социального расслоения и такого массового обеднения. Не потому, что это приводит к массовым страданиям и подрывает хозяйство, а потому, что русский человек очень подлый и завистливый, не то что в Америке. Опасно, мол, с таким народом так неосторожно обращаться.

Рассмотрим подробнее пару примеров того, как аутистическое мышление порождает целые программы экономического поведения.

Приятная жизнь взаймы. В России произошел поворот к «жизни в долг», к большим заимствованиям на всех уровнях — от обывателя и корпорации до государства. С точки зрения здравого смысла, этот поворот был ничем не оправдан и отдает не просто аутизмом, а и безумием. В 1990-е годы реформаторы и без того высосали из всех систем народного хозяйства и из карманов населения колоссальные денежные средства. Была прекращена война в Афганистане и прекращена гонка вооружений, которые, как перед этим говорилось, стоили нашей экономике чуть ли не 80% ресурсов. В 1989 году были прекращены капиталовложения в долгосрочные программы (например, энергетическую), а затем и вообще — инвестиции в промышленность, транспорт и сельское хозяйство. В 1992 году были конфискованы сбережения населения, хранящиеся в Сбербанке в сумме более 400 млрд долл. Была резко снижена реальная зарплата и пенсии. Был продан золотой запас страны.

Казалось бы, получив такие деньги Правительство не только не нуждалось в займах, но и само могло кредитовать какую угодно страну.

Нет, жить в долг было именно голубой мечтой. Видный «прораб перестройки» экономист Н.П. Шмелев уже в 1988 году стал настойчиво пропагандировать жизнь в кредит: он предлагал сделать большие внешние заимствования, а отдавать долги государственной собственностью. Все равно, мол, она ничья.

Шмелев писал: «По-видимому, мы могли бы занять на мировых кредитных рынках в ближайшие годы несколько десятков миллиардов долларов и при этом остаться платежеспособными... Эти долгосрочные кредиты могли бы быть также (при должных усилиях с нашей стороны) в будущем превращены в акции и облигации совместных предприятий».

Через год берут интервью у Н. Шмелева, спрашивают: «Николай Петрович, с вашим именем связывают также предложение по получению многомиллиардных кредитов на Западе, которые можно покрывать за счет... новых кредитов».

Тот отвечает: «После мощной волны шахтерских забастовок ситуация переменялась. Не исключено, что частный банковский мир переведет нас в категорию политически ненадежных заемщиков, так что на солидные займы рассчитывать нам не придется... [Можно взять] под залог нашего золотого запаса, основательно, кстати, пощипанного. Зачем мы его храним? На случай войны? Но если разразится ядерная война, нам уже ничего не нужно будет».

Как вам нравится эта логика? Зачем, в натуре, мы что-то храним? А если война? Давайте уж лучше сегодня пропьем! Любое появление Н. Шмелева на трибуне встречалось аплодисментами — он и депутатом стал, и академиком РАН. Никто не желал знать условий, на каких брались займы, никого нельзя было уговорить подсчитать в уме скорость нарастания процентов и прикинуть, какими «облигациями» мы сможем расплатиться за эту колоссальную финансовую аферу мирового масштаба. Между тем, долги, которые стала делать команда Ельцина, сразу превратились в типичные долги «зависимого» типа. Это видно по всем параметрам и условиям этих займов.

И ведь прошло 20 лет, но и следов рефлексии в отношении того поворота не видно. Да и не только рефлексии нет, но и нынешним положением с внешним долгом никто не интересуется. Рост заимствований не сопровождался разработкой сколько-нибудь реальных долгосрочных стратегий использования и погашения задолженности.

После 2000 года идею жить в кредит наконец-то внедрили в массовое сознание. По сравнению с 2000 годом, в 2007 году сумма заемных средств, взятых населением в банках, выросла в 73 раза — с 44,7 до 3242,1 млрд руб. К ноябрю 2008 года кредиты банков физическим лицам составили 4,1 трлн руб. Для бесконтрольной выдачи кредитов банки брали в долг деньги за рубежом под заклад акций. Когда биржи рухнули — акции обе-

сценились, отдавать долги было нечем, и государство спасало банки за счет населения. При этом банки продолжали вовсю брать долги за границей: на 1 января 2010 года внешний долг России составил 471 млрд долл., в том числе государственный долг — 36 млрд. Нисколько не сократили они и выдачу кредитов физическим лицам. Это видно из рис. 1.

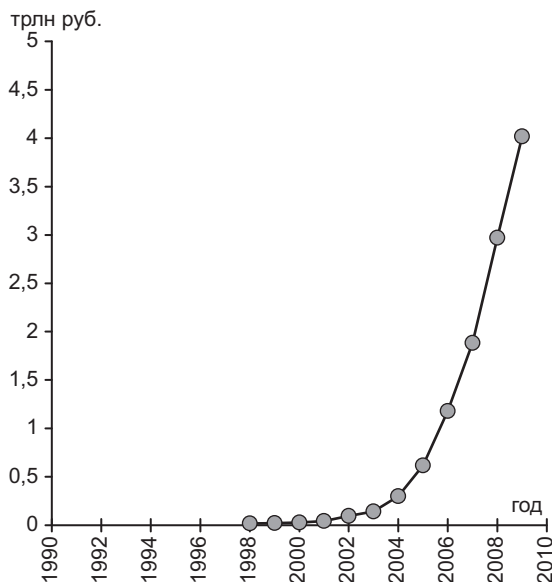

Рис. 1. Кредиты физическим лицам в России

Аутистическое сознание и проект «Народный счетчик». Зимой 2002/2003 годов стало очевидно, что мы вошли в тяжелейший кризис теплоснабжения — до предела изношены котельные и теплосети. Однако власти в голову не приходит и сама мысль, что для стабилизации дел в теплоснабжении необходимы действия в *материально-технической сфере*. Нет, власти уповают на магические действия в *сфере обращения*. 22 мая 2003 года в Минэнерго РФ начало работу Общероссийское совещание по проблемам совершенствования систем теплоснабжения в России. Как сказано в прессе, «выступивший на совещании заместитель министра энергетики России И. Леонов подчеркнул, что для решения накопившихся проблем в теплоснабжении... необходимо, в первую очередь, совершенствование организационной, нормативной и правовой базы, разработка новых подходов к тарифному регулированию, управлению спросом и развитию рыночных отношений, осуществление технического перевооружения отрасли».

Министры впали в иллюзию, будто трудные и дорогие усилия по замене изношенных теплотрасс можно заменить какими-то чудодейственными решениями в сфере надстройки — правовой, административной, даже идеологической. Это — крайняя степень аутистического сознания и гипостазирования. Воздействие на реальные сущности пытаются заменить манипуляциями со словами и понятиями.

Это — выверт истории, болезнь нашей культуры. Цепь исторических обстоятельств привела к тому, что на рубеже веков в России к власти пришла часть элиты с мышлением шамана. Произошел чудовищный откат от рационального сознания и расчетливости к мышлению, которое называется *пралогическим*. Люди с таким мышлением, хотя и бывают очень хитрыми и ловкими, не могут составить в уме цепочки причинно-следственных связей и произвести простейшие расчеты — они не могут ориентироваться в реальном пространстве.

Как одно из главных направлений в преодолении кризиса теплоснабжения, власти и ее экономисты несколько лет рассматривали установку в квартирах *счетчиков тепла*. Мол, все беды происходят оттого, что люди платят за тепло на уравнительной основе. РИА «РосБизнесКонсалтинг» сообщило о заседании Правительства, на котором М. Касьянов указал на «необходимость активнее внедрять счетчики расхода тепла и воды. Как считает премьер, последний шаг способствовал бы большей точности расчетов за соответствующие услуги ЖКХ. В течение двух месяцев соответствующие ведомства должны представить свои предложения по поручению премьера».

Это решение объясняют нелепыми аргументами — установка счетчиков, якобы, сократит потери энергии и денег. Вот, например, сообщение из Томской области: «Губернатор В. Кресс в традиционном ежегодном послании Государственной думе Томской области объявил о начале крупномасштабной программы “Народный счетчик” — установки счетчиков потребления тепла во все жилые дома Томска».

«Поставьте в своих квартирах счетчики — сказал В. Кресс. — Я на собственном опыте убедился, что за тепло мне выставляют счет в 2 раза больше, чем я его потребил на самом деле. Фактическое потребление горячей и холодной воды по счетчику получается в 1,5–2 раза ниже, чем по нормативу».

Не будем говорить здесь о том, что ни технически, ни экономически установить во всех квартирах счетчики тепла невозможно. Не может быть речи даже о том, чтобы снабдить такими счетчиками многоквартирные жилые дома, а не то что отдельные квартиры. Губернатор к тому же путает счетчик горячей воды со счетчиком тепла. Одно дело измерить объем вылитой из трубы воды, и совсем другое — измерить количество тепла, излученного батареями отопления. Технически эта задача еще не

решена, приборы очень несовершенны и дороги. В рекламном проспекте фирмы, устанавливающей счетчики тепла на жилые здания, сказано, что «стоимость комплекса работ составляет от 50 до 70 тыс. руб.» (на жилой дом). В принципе, большой разницы между домом и квартирой в измерении потребленного тепла нет. Допустим, люди этих технических деталей не знают. Мы говорим не об этом, а о мышлении губернатора и Правительства.

Даже если признать, что счетчик полезен и доступен, его установка означает улучшение в сфере *распределения*, она никак не влияет на сферу *производства и транспорта* тепла. Счетчик, установленный в квартире, не укрепляет изношенную трубу или насос в котельной. Речь идет о том, что горячая вода вытекает из прохудившихся труб где-то вне дома, и при нынешней уравнивательной системе оплаты ущерб от этих потерь раскладывается на всех граждан поровну (хотя и собранных таким образом денег не хватает для ремонта труб).

При помощи счетчика губернатор В. Кресс убедился, что он якобы имеет право не платить городу половину от того, что платит сегодня. Оказывается, не вся горячая вода, за которую он платил, доходила до его квартиры! Он призывает и других граждан в этом убедиться — и не платить за тепло даже ту плату, что с них требует «Томскэнерго». Да здравствуют права покупателя! Каков будет результат, если граждане последуют не здравому смыслу, а призывам губернатора?

Результат очевиден заранее. Понятно, что центр тяжести кризиса лежит в сфере производства и транспорта тепла, и здесь всем ясно, что надо делать — надо заменять трубы. Что произойдет, если внимание власти будет переключено на установку счетчиков, т. е. на сферу распределения, на «рыночную» часть системы? Люди потратятся на счетчики, а потом, тыкая в них пальцем, откажутся платить за вытекшую из худых труб воду.

Предприятие «Томскэнерго», которое и сегодня не может справиться с ситуацией и не имеет денег на ремонт теплосетей, получив по счетчикам только половину нынешней суммы, будет объявлено банкротом и ликвидировано. Будут уволены и те ремонтники, что сегодня устраняют аварии, и момент наступления катастрофы резко приблизится.

И В. Кресс с его сэкономенными рублями останется зимой в нетопленной квартире. Он не хочет оплачивать работу изношенной системы, которая по пути к его квартире теряет часть горячей воды. А другой, неизношенной системы нынешняя власть создать не в состоянии. Не тот тип хозяйства! И на месте предприятия «Томскэнерго», которое уничтожит губернатор и его последователи своими счетчиками, никакого другого предприятия с новенькими трубами не появится!

И это установка Правительства! На коллегии Госстроя его глава Н. Кошман заявил: «Жители должны платить только за то, что полу-

чают, а если теплосеть должна нести тепло, то это ее ответственность». Итак, государство отказывается приводить в порядок теплоснабжение как *целое*, как систему, но и жителям предлагается не поддерживать это целое, а платить только за полученный продукт, для чего и будут установлены счетчики (стоимость которых, кстати, всего на порядок меньше стоимости ремонта труб). Съев желуди, не думай о дубе!

Чтобы не видеть этих простых вещей, надо иметь особое мышление. В том-то и трагедия, что это мышление овладело довольно широкой прослойкой нашей либеральной интеллигенции. Вот срочная программа, которую в 2003 году обнародовал Г. Явлинский: «Единственный выход из положения — немедленное начало реальных структурных реформ в ЖКХ. Ключевыми мероприятиями реформ должны стать: освобождение от налогов частных предприятий, занимающихся эксплуатацией и ремонтом жилого фонда и инженерных коммуникаций; снижение на 50% тарифов на коммунальные услуги для товариществ собственников жилья и других форм коллективного домовладения; снижение на 3 года на 75% тарифов на коммунальные услуги для граждан, установивших счетчики».

Какой отход от здравого смысла! Налоги, тарифы, кондоминиумы... Как будто, если снизить тарифы тем, кто установит счетчики, свищи в теплотрассах зарастут сами собой.

И вот, как результат «мотивации и экономического стимулирования» со стороны Правительства, усилия российской промышленности направлены не на улучшение труб, котлов и насосов, а на конструирование и производство счетчиков. В официальной «*Концепции развития теплоснабжения в России*» (Минэнерго) сказано: «В последние 5–6 лет в России наблюдается большой интерес к разработке, производству и установке приборов учета. За этот период внесено в Госреестр средств измерений свыше 200 наименований теплосчетчиков и счетчиков горячей воды и пара для систем теплоснабжения и налажен их выпуск».

Свыше 200 наименований счетчиков! Наконец-то удалось хоть где-то создать конкурентную среду. А выпуск технических средств для *производства и транспорта* тепла, в отличие от выпуска технических средств для сферы распределения, в ходе реформы парализован.

Грезы об инновационном развитии. С 2007 года власть опять, после пятилетнего перерыва, несколько раз ставила вопрос о «переходе России на путь инновационного развития»³. Политики говорили о проблеме колоссального масштаба — смене «пути развития» страны; но гово-

---

³ Первая кампания по разработке доктрины такого перехода была проведена в 2001 г., но вскоре была свернута из-за быстрого роста цен на энергоносители. Тратить нефть на собственное развитие стало невыгодно.

рили походя, не додумав ни одного тезиса. Рассуждения об инновациях и модернизации приобрели характер типичных грез наяву.

Очевидно, что сегодня инновационное развитие вместо сырьевого — императив для России, узкий коридор, чтобы вылезти из болота кризиса. Но этот тип развития и нынешняя хозяйственная и культурная система — вещи несовместные. Сейчас даже вообразить невозможно в России кабинета, где бы ежедневно собирались «у карты и ящика с песком» два десятка «генералов науки и промышленности», которые готовили бы планы операций по такому «переходу». Нет таких генералов и экспертов, нет такого «ящика с песком». Проблема обсуждается на уровне афоризмов и «импровизаций на тему». Русская Силиконовая долина!..

Подумайте: в 2008 году вузы России выпустили 26 тыс. специалистов по всем естественнонаучным и физико-математическим специальностям и 746 тыс. специалистов по гуманитарно-социальным специальностям, экономике и управлению. Тонкий слой потенциальных молодых ученых (часть которых к тому же изымается западными вербовщиками) просто поглощен морем «офисной интеллигенции». Какое тут может быть инновационное развитие! Дух творчества, новаторства и напряженного беззаветного труда убивается самим воздухом наших мегаполисов и супермаркетов. Россия — страна гламура...

Ставка на инновационное развитие несовместима с деиндустриализацией, которая *реально* происходит в России. И никто из верховной власти не заявлял о намерении повернуть этот вектор реального развития, «курс реформ неизменен!». Да и в идеологии никаких изменений не происходит. Доктрину деиндустриализации, заявленную с самого начала реформы, развивает академик РАН Н.П. Шмелев. Он исходил (в 1995 г.) из иррациональной веры в *постиндустриализм*: «Если, по существующим оценкам, через 20 лет в наиболее развитой части мира в чисто материальном производстве будет занято не более 5% трудоспособного населения (2–3% в традиционной промышленности и 1–1,5% в сельском хозяйстве) — значит, это и наша перспектива».

Давайте вчитаемся в каждое из этих утверждений. Откуда взялся нелепый постулат, согласно которому к 2015 году «в наиболее развитой части мира в материальном производстве будет занято не более 5%»? Это полностью противоречит всему тому знанию, которое к середине 90-х годов было накоплено о постиндустриальном обществе Запада.

Было показано, что это вовсе не «деиндустриализованное» общество, а общество *гипериндустриальное*. Именно благодаря ускоренному развитию своей *отечественной* промышленности страны Запада смогли *территориально* (!) переместить ее трудоемкую, энергоемкую и «грязную» часть в зарубежные предприятия или отделения своих транснаци-

ональных корпораций. Но и там производство, использующее дешевую рабочую силу, остается частью той же самой отечественной промышленности Запада. Поэтому реализуемая в России деиндустриализация никак не обеспечит нам ту же «перспективу», что и Западу.

Аутистическая утопия «постиндустриализации», которая, якобы, позволит человечеству обходиться без материального производства (промышленности и сельского хозяйства), культивировалась не только в сознании прорабов перестройки и не только в 1990-е годы. Она была унаследована и нынешней властью России.

Ей, например, был подвержен Г. Греф — министр по делам экономического развития России. В апреле 2004 года он представил свой образ будущего на научной конференции, которую живо обсуждала пресса. Вот выдержка из доклада Грефа: «Призвание России состоит в том, чтобы стать в первую очередь не руками, а мозгами мировой экономики!» — таков был первый тезис министра. Впрочем, он сам тут же его и опроверг: «Этого нельзя сделать ни за десять, ни за пять лет, но мы должны последовательно идти в эту сторону».

Попробуйте понять, что это за цель поставлена перед Россией — «стать не руками, а мозгами мировой экономики»... Как эта цель может быть структурирована в программах, заданиях, финансовой и кадровой политике? Что значит «идти в эту сторону», причем последовательно?

Затем последовал странный вывод: «Могу поспорить, что через 200–250 лет промышленный сектор будет свернут за ненадобностью так же, как во всем мире уменьшается сектор сельского хозяйства».

И это говорится в стране, которая всего два поколения назад могла провести самую форсированную в истории индустриализацию, выполнить точно по графику программы типа атомной и ракетно-космической! Каково было слушать эти целеполагающие рассуждения людям с реалистическим мышлением, тем более тем, которые участвовали в больших инновационных программах как специалисты?

Продуктом аутистического сознания является и ставшая общепризнанной в «верхах» установка, что Россия якобы уже преодолела кризис и находится на пути к процветанию. В президентском Послании 2007 года В.В. Путин сказал: «Россия полностью преодолела длительный спад производства».

Встает вопрос: какими показателями пользуется власть? Может быть, власть не может называть вещи своими именами и ставить задачи, измеримые размеру этих вещей? Тогда что ей мешает? Невозможность эта определена самим масштабом и динамикой кризиса или желанием массового сознания слышать только приятные сообщения? Но если так, то в обоих случаях цели должны ставиться совсем другие и совсем по-другому.

Если верить Росстату, объем промышленного производства в России к концу 2006 года лишь на 3% превысил уровень 1980 года. В дореформенном 1990 году промышленное производство РСФСР было почти на треть больше, чем в РФ 2006 года, и нам еще очень далеко до того, чтобы этот спад преодолеть — мы пока лишь слегка оживили старые парализованные мощности. А производство машиностроения в 1990 году было на 46%, т. е. почти в полтора раза больше, чем в 2006 году. Мы уж не говорим о том, что спад в 2008–2009 годы был более резким, чем даже в 1992–1993 годы.

С сельским хозяйством дело обстоит еще хуже — нам еще очень далеко до уровня 1980 года, и мы к нему приближаемся медленно, ежегодные приросты малы. Провал колоссальный, ряд отраслей почти утрачены. Нужна мобилизационная *восстановительная* программа. Но способна ли верховная власть ее предложить при таком состоянии мышления?

***

Переходя на суконный язык, можно сказать, что в ходе реформы из разума влиятельной части общества был вынут какой-то «чип», ответственный за реалистичное сознание. В результате, на поразительно долгий срок в обществе была подавлена способность мыслить в категориях *интереса*, способность прикидывать в уме, что нам выгодно, а что невыгодно. Взамен этого взвырвало воспаленное *моральное* чувство. На нем и основали те хваткие люди, что таскали узлы с нашим добром, небывалую политическую постройку, в которой был разыгран спектакль под названием «*Битва ценностей*».

Постройка эта была временной, но самым хватким этого времени вполне хватило. Тут, как никогда, уместна метафора В.В. Розанова: «Со скрежетом опустился занавес. Спектакль кончился, пора надевать шубы и идти домой. Оглянулись, а ни шуб, ни домов не оказалось».

В нашем случае дело не так плохо. Шуб, правда, не оказалось, дом опустел и покосился, но ногами мы уже почувствовали землю. Теперь от нас зависит, сможем ли мы опрокинуть политический балаган, который очаровал нас схваткой «Призрака коммунизма с Призраком капитализма». Если вернемся к здравому смыслу и вновь начнем говорить на языке интересов, то и друг друга пойдем, и ценности вновь обретут жизнь.

Приложение

Создатель учения об аутизме Э. Блейлер пишет:

«Реалистическое мышление работает не с одной только прирожденной способностью (“интеллект”), но и с помощью функций, которые приобретены путем опыта и упражнения. Как показывает практика,

такие функции могут быть гораздо легче нарушены, нежели те, которые заложены в организме. Совершенно иначе обстоит дело с механизмами, которыми пользуется аутизм. Они являются врожденными. Аффекты, стремления оказывают с самого начала на нашу душевную жизнь такое же воздействие, какое управляет и аутистическим мышлением...

Нас не должно удивлять, что аутизм пользуется первым попавшимся материалом мыслей, даже ошибочным, что он постоянно оперирует с недостаточно продуманными понятиями и ставит на место одного понятия другое, имеющее при объективном рассмотрении лишь второстепенные общие компоненты с первым, так что идеи выражаются в самых рискованных символах...

Поразительно также, насколько аутизм может игнорировать временные соотношения. Он перемешивает бесцеремонно настоящее, прошедшее и будущее. В нем живут еще стремления, ликвидированные для сознания десятки лет тому назад; воспоминания, которые давно уже стали недоступны реалистическому мышлению, используются им как недавние, может быть, им даже отдается предпочтение, т. к. они меньше наталкиваются на противоречие с актуальностью... Само собой разумеется, что аутизм, который изображает наши желания осуществленными, должен приводить к конфликтам с окружающей средой...

[Аутизм] отнюдь не пренебрегает понятиями и связями, которые даны опытом, но он пользуется ими лишь постольку, поскольку они не противоречат его цели, т. е. изображению неосуществленных желаний как осуществленных; то, что ему не подходит, он игнорирует или отбрасывает».

Э. Блейлер. Аутистическое мышление. — В кн. «Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления». М.: Изд-во МГУ, 1981).

Из статьи А.Д. Сахарова «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» («Вопросы философии». 1990, № 2).

«Сейчас “белые: граждане США не проявляют желаний пойти на минимальные жертвы для ликвидации неравноправного экономического и культурного положения “черных” граждан США, составляющих многим более 10% населения. Но необходимо так изменить психологию граждан США, чтобы они добровольно и бескорыстно, во имя одних только высших и отдаленных целей, во имя сохранения цивилизации и гуманности на нашей планете поддержали свое правительство и общемировые усилия в изменении экономики, техники и уровня жизни миллионов людей (что, конечно, потребует серьезного снижения темпов экономического развития в США).

По мнению Сахарова, необходим своеобразный налог на развитые страны в сумме порядка 20% их национального дохода на протяжении примерно пятнадцати лет».

А вот «плановое задание» А.Д. Сахарова для СССР и США на три с лишним пятилетки (кстати, как раз на время перестройки):

«СССР и США, преодолев разобщенность, решают проблему спасения более “бедной” половины земного шара. Осуществляется упомянутый выше 20%-ный налог на национальный доход развитых стран. Строятся гигантские фабрики минеральных удобрений и системы орошения, работающие на атомной энергии, колоссально возрастает использование моря, обучаются национальные кадры, проводится индустриализация. Строятся гигантские предприятия по производству синтетических аминокислот и микробиологическому синтезу белков, жиров и углеводов. Одновременно происходит разоружение (1972–1990 годы)».

Интересно, что наши экологи, борцы с системами орошения и «гигантскими предприятиями», ухитрялись одновременно боготворить А.Д. Сахарова, который велел строить «гигантские системы орошения, работающие на атомной энергии».

Лекция 7

Деградация рациональности в обществоведении. Гипостазирование

Цель курса — выявить главные повреждения методологического аппарата российского обществоведения и предложить план его ремонта. Для этого надо иметь в виду всю систему знания, на которой стоит обществоведение, и всю систему познавательных средств, которыми оно пользуется, — его когнитивную структуру. Однако наша центральная тема — состояние ядра этой структуры, рационального знания и его методологической основы.

Проявлений «порчи» рационального сознания множество. Значит, надо выбрать главные типы, чтобы можно было относить каждый новый случай к какому-то классу, находить в нем общие черты с совокупностью подобных сбоев в мышлении. Проблема классификации, однако, непроста, поскольку любое *умозаключение* представляет собой довольно сложную систему. В случае ее деформации в рассуждении обычно возникает сразу несколько ошибок, так что один и тот же заметный случай может быть отнесен к разным классам нарушений. Возьмем самые распространенные случаи нарушений, которые будем иллюстрировать известными примерами.

Один из старейших подходов к предмету изучения — методологический эссенциализм (от лат. *essentia* — сущность). Это «сущностный» подход, он имеет своей целью открытие истинной «природы вещей».

Древние философы Греции считали, что заключенную в вещи сущность (первопричину) выражает Слово, *имя* вещи. Были и разногласия — например, Пифагор учил, что сущность вещи выражена в *числе*. Он верил, что число не может лгать, и в этом его преимущество перед словом. Мы и сегодня придаем большое значение изначальному смыслу слов, которые обозначают какое-то явление. Нам кажется, что наши предки, давая имя этому явлению, знали его истинную сущность, а потом она скрылась под ненужными наслоениями. Раскопки смыслов, «археология знания» — важная и увлекательная сторона интеллектуальной

деятельности в любой области. Кто-то скажет, что слово «персона» (*persona* — «чтобы звучало») обозначало в греческом театре маску с рупором, чтобы усиливать звук; и на какой-то момент нам кажется, что мы поняли сущность современного слова персона. — Вон оно что! Маска, значит...

Научная революция стала разделять *слова* и *вещи*, заменять сущность абстрактным понятием (например, «материальной точкой» вместо реальной вещи, *тела*). Для ученого вещь уже не обладала скрытой сущностью, для каждого взгляда она стала носителем какой-то одной «сущности» из множества. Какова сущность кирпича? Для геометрии одна, для археолога — другая, для материаловеда — третья, для экономиста или механика — своя. И так для всех, кто задумался о кирпиче или кому кирпич упал на голову.

Но эссенциализм сохранился по сей день, потому что он побуждает к нахождению познавательных метафор и чувственных представлений, стимулирующих поиск моделей явления. Даже если они неправильны, они позволяют формулировать вопросы.

Вот первая теория в химии — теория флогистона. Ее создатели считали, что в горючих веществах есть скрытая сущность — флогистон (на русском языке — теплород). Это невесомая субстанция, при ее извержении из вещи образуется тепло. Теория побудила искать эту эссенцию, вести опыты, и так пришли к верной теории окисления, согласно которой тепло образуется не при выделении флогистона, а при соединении кислорода с горючим веществом. С этой правильной теории и началась современная химия¹.

Вот трудовая теория *стоимости*, давшая начало политэкономии и развитая Марксом. Согласно этой теории, товаром является вещь, содержащая невидимую и неизмеримую сущность — стоимость. Это *нематериальная субстанция*, она образуется при переносе на материал в процессе наемного труда стоимости рабочей силы как товара. А обнаруживается стоимость при продаже вещи на рынке. Продавцы и покупатели ее как-то определяют, сами не зная, как, и потому могут обменивать пшеницу на сюртуки.

Эта модель купли-продажи стимулировала исследование капиталистического способа производства, хотя многое в ней не вязалось с реальностью. Тяжелые последствия вызывало превращение таких моделей и метафор в догматическую веру и приложение к тем случаям, которых такая модель не предусматривала (например, к социалистическому хозяйству).

---

¹ Заметим, что теория флогистона наглядна и принимается здравым смыслом. Еще недавно школьники 5–6 класса (до изучения химии), когда их спрашивали, что такое огонь, отвечали, что из топлива «вырывается что-то зверское».

Вот чрезвычайно актуальный для нас случай — *этнология*. Те этнологи, которые остаются приверженцами эссенциализма, доходят до буквального овеществления этничности, считая ее материальной субстанцией, включенной в структуры генетического аппарата человека. Этничность понимается как вещь, как скрытая где-то в глубинах человеческого организма материальная эссенция (скрытая сущность). Условно говорят, что она находится в *крови*, а в Средние века говорили *плоть*.

Эссенциализм породил склонность к широко распространенному виду деформации сознания — *гипостазированию*. Это и есть конкретная тема данной лекции.

В словаре читаем: «*Гипостазирование* (греч. *hypostasis* — сущность, субстанция) — присущее идеализму приписывание абстрактным понятиям самостоятельного существования. В другом смысле — возведение в ранг самостоятельно существующего объекта (субстанции) того, что в действительности является лишь свойством, отношением чего-либо».

Дефекты мышления ведут к заблуждениям. Здесь дефект вызван тем, что понятие, полезный инструмент, который мы используем для мысленной «обработки» какой-то одной из множества сторон явления, мы принимаем за скрытую сущность этого явления, которая нам объясняет все его стороны. Фантом, привидение вещи мы принимаем за реальность. Тень становится хозяином.

Осознание образованными людьми этого дефекта их мышления затрудняется кажущимся парадоксом: именно крайне рационалистический тип мышления, давшего человеку главный метод науки, — оперирование словами и концепциями — при выходе за стены лаборатории может послужить средством разрушения рациональности. Современный экономист Л. фон Мизес предупреждал: «Склонность к гипостазированию, т. е. к приписыванию реального содержания выстроенным в уме концепциям — худший враг логического мышления».

Когда пробегаешь в уме историю перестройки и реформ, поражает эта склонность изобретать абстрактные, туманные термины, а затем создавать в воображении образ некоего явления и уже его считать реальностью и даже порой чем-то жизненно важным. Эти размытые образы становятся дороги человеку, их совокупность образует для него целый живой мир, в котором он легко и, главное, бездумно ориентируется. Образы эти не опираются на хорошо разработанные понятия, а обозначаются словом, которое приобретает магическую силу. Будучи на деле бессодержательными, такие слова как будто обладают большой объяснительной способностью.

Например, во время перестройки интеллигенцию увлек совершенно схоластический спор о том, являлся ли советский строй социализмом

или нет. Как о чем-то реально существующем и однозначно понимаемом спорили, что из себя представляет советский строй: мобилизационный социализм? казарменный социализм? феодальный социализм? Сказал «казарменный социализм» — и вроде все понятно. Академик Т.И. Заславская уже под занавес перестройки в важном докладе озадачила аудиторию: «Возникает вопрос, какой тип общества был действительно создан в СССР, как он соотносится с марксистской теорией?»

Страну уже затягивало дымом, а глава социологической науки погрузилась в тонкости дефиниции и марксистской теории, смысл которой даже закоренелые начетчики помнили очень смутно.

А вот как трактует природу «реального социализма» профессор МГУ А.В. Бузгалин (уже после 1991 года): «В сжатом виде суть прежней системы может быть выражена категорией “мутантного социализма” (под ним понимается тупиковый в историческом смысле слова вариант общественной системы...)».

Магия слов велика, и А.В. Бузгалин считает, что создал целую теоретическую категорию, объясняющую гибель советского строя. На деле взятая им из биологии ругательная метафора «мутант» бессодержательна и ничего не объясняет. Мутация есть изменение в генетическом аппарате организма под воздействием факторов внешней среды. Если такое изменение наследуется и благоприятствует выживанию потомства, то эта полезная мутация оказывается важным механизмом эволюции. Если, как это делает А.В. Бузгалин, уподоблять общественный строй биологическому виду, то любое социальное жизнеустройство оказывается «мутантным» и иным быть не может.

С другой стороны, метафора противоречит смыслу самого понятия. Мутация есть изменение чего-то, что уже было как основа («дикий вид»). Если бы в мире где-то когда-то существовала социально-экономическая формация, которую было принято считать *правильным социализмом*, а потом под воздействием Сталина в СССР из нее возник казарменный социализм, искаживший этот исходный образец, то его еще можно было бы считать мутантом. Но в действительности никакого исходного социализма, от которого путем мутации произошел советский строй, не существовало. И эту метафору профессор МГУ переносит из публикации в публикацию уже двадцать лет. В его сознании расплывчатое понятие «правильного социализма» превратилось в реальную сущность.

Нас всех подстерегает эта опасность. Мы склонны забывать, что *понятие* — это инструмент, отсекающий от реального явления множество черт. Запас знания (в том числе неявного) позволяет быстро «разворачивать» в уме богатое содержание явления, но очень часто этого не делают — впадают в гипостазирование.

Рассмотрим эту слабость на содержательных примерах.

В начале реформы в слово-заклинание превратилось такое туманное понятие, как «рынок». Одни видят в нем доброго ангела, а другие — почти всесильное исчадие ада. А попробуй спроси, что каждый под этим понимает — ничего определенного не скажут. Но готовы воевать ради этого призрака или против него. Дж. Гэлбрейт, один из виднейших современных экономистов, сказал о планах российских реформаторов *перейти к рынку*: «Говорящие — а многие говорят об этом бойко и даже не задумываясь — о возвращении к свободному рынку времен Смита не правы настолько, что их точка зрения может быть сочтена психическим отклонением клинического характера. Это то явление, которого у нас на Западе нет, которое мы не стали бы терпеть и которое не могло бы выжить».

Психическое отклонение клинического характера — вот как воспринимался замысел реформы в России видными западными специалистами, не имеющими причин молчать! Сложное явление, положенное в основу хозяйства западной цивилизации, представили пустым, бессмысленным штампом!

При выработке доктрины реформ ведущие экономисты и социологи игнорировали одну из главных проблем, поставленных еще Адамом Смитом, — угрозы, которые несет с собой рынок. С самых первых шагов становления современного капитализма была выдвинута задача не допустить «перетекания рыночной экономики в рыночное общество». А в России, наоборот, сразу занялись организацией такого «перетекания». Какой провал в мышлении!

Западные философы, начиная с Гоббса, были озабочены тем, чтобы государство-Левиафан ограничило свободу рынка и корыстолюбие торговцев, угрожающее разрушить общество; а в России поднимали наверх теневиков и воров, чтобы они сломали государственные механизмы. Один из зачинателей институциональной политической экономии Аллен Кайе пишет: «Если бы не было Государства-Провидения, относительный социальный мир был бы сметен рыночной логикой абсолютно и незамедлительно». А российские академики были ослеплены утопическим образом рынка-спасителя. Гипостазирование, господа!

Г.Х. Попов запустил в обиход, как нечто существующее, туманный термин — «административно-командная система». Если вдуматься, смысла никакого, но словечко было подхвачено, даже получило аббревиатуру — АКС. И стали его употреблять, как будто оно что-то объясняет. Как будто это нечто уникальное, созданное в СССР.

На деле любая общественная система имеет свой административно-командный «срез», и иначе просто быть не может. И армия, и церковь, и хор имени Свешникова — все имеют свою административно-командную

ипостась, *наряду с другими*. Антисоветские идеологи, глубокомысленно вещавшие: АКС, АКС... — намекали, что в «цивилизованных» странах, конечно, никакой АКС быть не может, там действуют только экономические рычаги. Но ведь это попросту глупо: любой банк, любая корпорация, не говоря уж о государственных ведомствах, действуют внутри себя как иерархически построенная «административно-командная система», причем с контролем несравненно более жестким, чем это было в СССР. АКС — плод самого примитивного, даже позорного гипостазирования.

Слова «административная система» приобрели такую магическую силу, что достаточно было прилепить этот ярлык к какой-то стороне реальности, и о ней можно было говорить самые нелепые вещи. Вот, Н.П. Шмелев утверждал в 1989 году: «Фундаментальный принцип всей нашей административной системы — распределять! Эту систему мы должны решительно сломать». Назвать распределение, одну из множества функций административных систем, *принципом* и даже фундаментальным, — глупость.

Но даже если так преувеличивается значение функции распределения, почему же эту систему надо сломать, причем решительно? Разве в обществе нет необходимости *распределять*? И ломать надо любую систему распределения или только «нашу»? Надо ли сломать госбюджет и финансирование Института Европы РАН, где Н.П. Шмелев служит директором? В настоящий момент плевки в сторону «администрации» прекратились, все просят им чего-нибудь «распределить». Административная система стала бесконтрольной — вплоть до самодурства — и ничего.

Ключевое слово перестройки — «*дефицит*». Оно означает *нехватку*. И, в то же время, обществоведы уверяли, что в брежневский период «мы задыхались от дефицита», а реформа устранила дефицит и наступило изобилие. Но пусть бы интеллектуал объяснил сам себе, как может образоваться изобилие при спаде производства. Много производили молока — был дефицит; снизили производство вдвое — наступило изобилие. Это же выпадение из рациональности!

Вот что означает понятие *дефицит* в его жестком значении: в 1985 году в РСФСР в среднем на душу населения было потреблено 23,2 кг рыбы и рыбопродуктов, а в 1997 году в Российской Федерации — 9,3 кг. Возник дефицит рыбы на обеденных столах граждан как *продукта питания* — при ее изобилии на прилавках как *знак ложного изобилия*. Люди, которые приветствуют такое положение, впадают в глубокое гипостазирование.

О том, что население получило через три года проведения реформы, хотя бы в питании, свидетельствует «Государственный доклад

о состоянии здоровья населения Российской Федерации в 1992 году»: «Существенное ухудшение качества питания в 1992 году произошло в основном за счет снижения потребления продуктов животного происхождения. Отмечается **вынужденная ломка сложившегося в прежние годы рациона питания** (выделено мною — С. К-М.), уменьшается потребление белковых продуктов и ценных углеводов, что неизбежно сказывается на здоровье населения России и в первую очередь беременных, кормящих матерей и детей. В 1992 году более половины обследованных женщин потребляли белка менее 0,75 г на кг массы тела — ниже безопасного уровня потребления для взрослого населения, принятого ВОЗ».

Это — официальное признание в том, что реформа сломала сложившийся при советском укладе благополучный рацион питания и что возник, как сказано в госдокладе, «*всеобщий дефицит*» питания, ранее немыслимый.

Профессор из Петербурга С.А. Дятлов пишет в 1997 году: «Долги по невыплаченной зарплате и пенсиям в два с лишним раза превышают товарные запасы. Оборотные фонды предприятий на 80–90% обеспечиваются кредитами коммерческих банков. Можно говорить о том, что экономика России в ее нынешнем виде — это не только долговая экономика, но и *экономика хронического дефицита*, скрытого высоким уровнем цен и искусственным сжатием платежеспособного спроса».

Этот профессор не впадал в гипостазирование. А вот академик Т.И. Заславская впадала. В конце 1995 года на международном форуме «Россия в поисках будущего» она делала главный, программный доклад. Она говорила о дефиците, якобы преодоленном благодаря повышению цен: «Это — крупное социальное достижение... Но за насыщение потребительского рынка людям пришлось заплатить обесцениванием сбережений и резким падением реальных доходов. Сейчас средний доход российской семьи в три раза ниже уровня, позволяющего, согласно общественному мнению, жить нормально».

Такова логика ведущего социолога России! Люди погрузились в бедность, они *не могут покупать прежний набор продуктов*, что и стало «преодолением дефицита», — и это называют «крупным социальным достижением»!

А вспомним, с какой страстью реформаторы уповали, как на манну небесную, на *инвестиции* в нашу экономику. Слова «инвестиции» и «инвестор» были наполнены магическим, спасительным смыслом. Надежды на инвестиции культивировались даже в отношении тех сфер, куда их не было никакой надежды заманить.

В конце 2005 года Президент назвал сельское хозяйство России «инвестиционно привлекательной» отраслью. Когда было объявлено об

«инвестиционной привлекательности», кредиторская задолженность в отрасли превышала дебиторскую на 109 млрд руб. Между тем, вся прибыль организаций отрасли (сальдированный результат, т. е. прибыль минус убыток) составила в 2005 году 27,5 млрд руб. Как можно считать «инвестиционно привлекательной» отрасль, в которой долги в 4 раза превышают всю годовую прибыль?

В ЖКХ, из которого были изъяты амортизационные отчисления за 15 лет, главные надежды реформаторы тоже возлагали на «частных инвесторов». Известно, каких инвестиций требовала отрасль только для того, чтобы остановить сползание к катастрофе — 5 трлн руб. в 2003 году (по оценкам Госстроя). Всем также известно, что население не имело возможности заплатить за услуги ЖКХ такую цену, чтобы обеспечить инвесторам приемлемую для них прибыль.

В экономическом обзоре 2004 года была дана такая справка: «По подсчетам российских экономистов, издержки производства сопоставимой конечной продукции, *продаваемой на мировом рынке за 100 долл.*, составляют (долл.): в Великобритании — 121,5; в Германии — 110; в США — 93; в Японии — 89,5; в России и Казахстане — 253. В новых индустриальных странах Юго-Восточной Азии этот показатель составляет около 60 долларов... Приведенные данные дают недвусмысленный ответ на вопрос, почему инвесторы идут в страны Юго-Восточной Азии и неохотно вкладывают капитал в экономику России и Казахстана».

И, тем не менее, «российские экономисты», которые делали эти подсчеты, и политики, которых они обслуживали, непрерывно убеждали граждан, что вот сейчас они прилетят — иностранные инвесторы!

Важным объектом гипостазирования стало понятие *частной инициативы*, как будто в ней кроется какая-то неведомая сила, как у «невидимой руки рынка». В.В. Путин однажды заявил: «Очевидно, что мотором экономического роста является частная инициатива — как российского, так и зарубежного бизнеса, работающего на российской территории».

Почему же это «очевидно»? Как раз наоборот. Это не очевидность, а идеологический постулат либеральной доктрины времен Адама Смита, который давно опровергнут историческим опытом. «Мотором экономического роста», начиная с цивилизаций Тигра и Евфрата с их каналами и дамбами, являются большие организации людей, способные разрешать противоречия интересов, координировать усилия и мобилизовать ресурсы в масштабах, недоступных для частной инициативы. Наиболее высокие темпы и качество экономического роста были достигнуты в СССР в 30-е годы, во время Отечественной войны и в ходе восстановительной программы.

Это — общепризнанный в мировой экономической науке факт. Сегодня мы видим экономический рост Китая, «мотором» которого явля-

ется инициатива государства, плану и нормам которого охотно подчиняются частные инвесторы и предприниматели. Другой, более ранний пример — экономический рост Японии и стран Юго-Восточной Азии. И в этих случаях мотором была не «частная» инициатива, а большие государственные программы развития, в которых с высокой степенью координации соединялись предприятия разных типов и даже разные уклады.

Недавно в Японии опубликован многотомный обзор японской программы экономического развития, начиная со Второй мировой войны. В нем говорится: «Япония отклонила неолиберальные доктрины своих американских советников, избрав вместо этого форму индустриальной политики, отводившую преобладающую роль государству». Примерно то же самое пишет Дж. Стиглиц об «уроках восточно-азиатского чуда», где «правительство взяло на себя основную ответственность за осуществление экономического роста», отбросив «религию» рынка.

Возьмем экономику США, светоч и маяк наших либеральных реформаторов. Из большого кризиса 30-х годов эта экономика вылезла благодаря вмешательству государства («Новый курс»), а главное — благодаря введению принципов административно-командной экономики времен войны. После окончания войны все были уверены, что США снова сползут в депрессию, если вернуться к примату частной инициативы.

Н. Хомский разбирает большую государственную программу создания новых технологий и их передачи в частный сектор. «Масштабы программы, — пишет Хомский, — быстро расширялись в период правления администрации Рейгана, которая вышла за все мыслимые рамки, нарушая принципы рынка... При Рейгане главная исследовательская структура Пентагона, ДАРПА, активно занималась внедрением в различных областях новых технологий... Это Управление занималось также учреждением внедренческих компаний. При Рейгане и Буше ДАРПА стало основной рыночной силой в передаче новых технологий нарождающимся отраслям промышленности. Администрация Рейгана в два раза увеличила защитные барьеры; она побила все послевоенные рекорды в области протекционизма».

Хомский описывает, как глава Федеральной резервной системы А. Гринспен в 1998 году выступал перед редакторами американских газет: «Он страстно говорил о чудодейственных свойствах рынка... Он привел несколько примеров: Интернет, компьютеры, информационные технологии, лазеры, спутники, транзисторы. Любопытный список: в нем приведены классические примеры творческого потенциала и производственных возможностей государственного сектора экономики.

Что касается Интернета, эта система в течение 30 лет разрабатывалась, развивалась и финансировалась главным образом в рамках госсектора,

в основном Пентагоном, затем Национальным научным фондом: это относится к большей части аппаратных средств, программного обеспечения, новаторских идей, технологий и т. д. Только в последние два года она была передана таким людям, как Билл Гейтс». (См. также Приложение).

Объектом гипостазирования стали понятия *свобода* и *демократия*. Этим абстрактным понятиям придавали значение реальных сущностей — и ради них ломали устойчивые, необходимые для жизни установления и отношения. Перестройка и началась с того, что были разрушены всякие разумные очертания самого понятия «демократия». Из истории мы знали, что такое античная демократия — у нее были вполне конкретные признаки. Затем, на протяжении веков, в разных странах и культурах существовало множество политических режимов и общественных институтов, которые обладали теми или иными признаками демократических отношений. Знали мы и о буржуазной демократии западного общества — специфической политической системе со своими институтами.

И вдруг в сознание стали накачивать образ некой *абсолютной* демократии вне времени и пространства, которую мы должны немедленно внедрить у себя в стране, ломая прежнее жизнеустройство. Этот образ стал такой святыней, что нельзя было не только высказать что-то против него, но даже усомниться, задать вопрос. Идеологи избегали давать этому понятию связанное определение, хотя согласия относительно смысла этого слова в нашем обществе не было, а значит, его употребление как общеизвестного и однозначно понимаемого термина нарушало нормы рациональности.

Использование слова «демократия» зачастую было абсурдным. Например, когда надо было ликвидировать союзный центр, Г.Х. Попов утверждал, что демократическому движению присущ экстремизм, что нелепо. Обычным выражением стало тогда «радикальные демократы» — сочетание несовместимых качеств. Пожалуй, верхом абсурда было введение в оборот термина *демоисламисты* — им обозначалось движение антисоветской интеллигенции в Таджикистане, которая, разжигая гражданскую войну, использовала лозунги ислама.

Выступая в 1990 году в МГУ, А.Н. Яковлев поучал студентов: «До сих пор во многих сидит или раб, или маленький городской, полицмейстер, этаким маленьким сталин. Я не знаю, вот вы, молодые ребята, не ловите себя на мысли: думаешь вроде бы демократически, радикально, но вдруг конкретный вопрос — и начинаются внутренние распри. Сразу вторгаются какие-то сторонние морально-психологические факторы, возникают какие-то неуловимые помехи».

Это заявление чудовищно — в демократическом сознании, дескать, не должно быть никаких тормозов, на него не должны влиять никакие

«морально-психологические факторы». Это — утопия освобождения разума от совести. Устранение из сознания запретов нравственности ради того, чтобы «думать демократически, радикально», разрушает *рациональность*, ибо при устранении этики повисает в пустоте и логика — эта «полиция нравов интеллигенции».

В 1990 году журнал «Вопросы философии» организовал круглый стол по проблеме свободы, где выступили целый ряд видных интеллектуалов. Читаешь и не верится, что они говорили всерьез — так это не вязалось с реальностью и логикой. Какие идолы бродили в их сознании!

Вот выступает доктор юридических наук из Института государства и права АН СССР Л.С. Мамут: «Свободу уместно рассматривать как такое социальное пространство для жизнедеятельности субъекта, в котором отсутствует внеэкономическое принуждение... Свобода никогда не может перестать быть высшей ценностью для человека. Она неделима. Всякий раз, когда ставится под вопрос та или иная свобода (не о преступниках, естественно, разговор), тем самым ставится под вопрос свобода вообще. Эта истина известна уже давно».

Уже первая фраза лишена смысла, ибо не может существовать «социального пространства для жизнедеятельности субъекта, в котором отсутствует внеэкономическое принуждение». Человек возник как существо социальное, обладающее *культурой*, а культура и есть *ограничение* свобод. Эта истина известна уже давно. Экономика (а не «натуральное хозяйство») — недавно возникший способ ведения хозяйства, и до него *все виды принуждения* были внеэкономическими. Может, и свобода возникла вместе с рыночной экономикой?

Примечательна сделанная оговорка: «не о преступниках, естественно, разговор». Она лишает смысла все рассуждение, ибо преступники возникают именно потому, что в пространстве присутствует внеэкономическое принуждение в виде законов. Человек становится преступником не потому, что совершил *невыгодное* действие. Он *преступил* закон, за которым стоит внеэкономическая сила.

Мысль, будто «свобода никогда не может перестать быть высшей ценностью для человека», очевидно неразумна, тем более в устах юриста. Человечество пережило тысячи лет прямых несвобод типа рабства, и они были общепризнанной нормой. И сейчас массы людей жертвуют свободой ради иных ценностей — и благородных, и низменных.

Наконец, тезис о том, что «свобода неделима», просто нелеп. В любом обществе в любой исторический момент существует система неразрывно связанных «свобод и запретов», и система эта очень подвижна. Иными словами, свобода — система множества «делимых» свобод, и в ходе развития общества то одна, то иная свобода ставятся под вопрос, а затем и подавляются, давая место новым свободам.

Другой оратор, философ Э.Я. Баталов, тоже подтверждает неделимость и абсолютный характер свободы: «Нет свободы американской, китайской, русской или французской. Свобода едина по природе и сути... Или она есть как сущность, или же ее нет совсем».

Какой тоталитарный, манихейский эссенциализм! Если следовать этой логике, то или свобода есть, и она есть *вся целиком*, так что и говорить не о чем, — «или же ее нет совсем», так что тоже говорить не о чем. Несуразно и утверждение, будто «свобода едина по природе и сути», независимо от места и времени. Представление о свободе есть продукт культуры, «по природе и сути» этот продукт изменяется со временем, иногда очень быстро даже в лоне одной культуры, не говоря уж о разных обществах.

Возьмите любой класс свобод, и сразу видны различия в их толковании в разных культурах. Вот, например, *свобода слова*. Гоголь говорит: «Обращаться со словом нужно честно.... Опасно шутить писателю со словом. Слово гнило да не исходит из уст ваших!».

Здесь свобода слова ограничена ответственностью.

А вот формула, которую дал Андре Жид (вслед за Эрнестом Ренадом): «Чтобы иметь возможность свободно мыслить, надо иметь гарантию, что написанное не будет иметь последствий».

Можно ли после этого сказать, что «нет свободы русской или французской»? Нет, это было бы глупо.

Бердяев пишет: «В русском народе поистине есть свобода духа, которая дается лишь тому, кто не слишком поглощен жадной земной прибылью и земного благоустройства... Россия — страна бытовой свободы, неведомой народам Запада, закрепощенным мещанскими нормами. Только в России нет давящей власти буржуазных условностей... Россия — страна бесконечной свободы и духовных далей, страна странников, скитальцев и искателей».

Допустим, он слегка приукрасил, сидя на Западе. Но что пишут сами французы о своей «бытовой свободе»? Вот, например, под каким надзором они жили при своих царях. В конце XVII века каждый француз старше семи лет мог потребить в год 7 фунтов соли — но только для варки пищи. На другие цели использовать соль запрещалось — для этого на особом складе надо было покупать другую соль, получать на нее справку и при первом требовании предъявлять ее соляным инспекторам. Если приставы находили, что какой-то крестьянин засолил на зиму сало или свинину солью из положенных 7 фунтов, мясо конфисковалось, а на хозяина налагался огромный штраф в 300 ливров. И эти приставы постоянно шныряли по домам, открывали бочонки с солониной и измеряли крепость рассола, пробовали соль в солонке и арестовывали хозяев. Надо думать, отвязаться от них без мзды было непросто. До такого правового государства в России до сих пор не доросли.

В общем, свобода обладает большим разнообразием и по-разному воплощается в разное время в разных культурах. Более того, разные воплощения свободы даже в одном месте и в один и тот же момент могут находиться в противоречии, причем нередко неразрешимом, трагическом.

Надо заметить, что рассуждения наших элитарных философов и юристов о свободе удивительно наивны. Что за утопию они себе придумали! Ведь свобода невозможна без ограничения свободы, без запретов. Конрад Лоренц писал: «Функция всех структур — сохранять форму и служить опорой — требует, по определению, в известной мере пожертвовать свободой. Можно привести такой пример: червяк может согнуть свое тело в любом месте, где пожелает, в то время как мы, люди, можем совершать движения только в суставах. Но мы можем выпрямиться, встав на ноги — а червяк не может».

Нас и впрямь приглашали стать червяками!

А вот мысль либерального американского философа К. Лэша: «Ядро любой культуры стоит на ее “запретах” (“глубоко впечатавшихся вето, выгравленных в превосходных и правдивых символах”). Вот почему имеет смысл описывать нынешние Соединенные Штаты как “общество без культуры”. Это общество, в котором нет ничего святого и, стало быть, нет ничего недозволенного».

За двадцать пять лет положение несколько не улучшилось. Наоборот, гипостазирование вошло в привычку, стало новой нормой мышления. Эта норма воспринята политиками вплоть до верховной власти. Конечно, над выступлениями политиков такого уровня трудится целая рать советников и экспертов, но нас интересует само явление, а не авторство этих умозаключений.

Вот В.В. Путин во многих своих заявлениях отстаивает ценность *экономической свободы*. Понятие это туманное, философское, но в его речах в бытность Президента им обозначается чуть ли не главная наша цель. Вот что говорится в Послании Федеральному собранию 2003 года: «Необходимо извлечь уроки из нашего опыта и признать, что ключевая роль государства в экономике — это, без всяких сомнений, защита экономической свободы».

Почему же такая странная роль государства утверждается «без всяких сомнений»? Тезис этот именно *сомнительный*. Что это за священный идол — экономическая свобода? Спросите любого человека на улице: в чем «ключевая роль государства в экономике»? Почти каждый скажет в ответ как раз противоположное: в установлении порядка и контроля за ним. Даже либералы любят повторять свой афоризм: «государство — *ночной сторож*». Да разве дело сторожа — «защита свободы»? Совсем наоборот, его ключевая роль — защита *порядка*, ограничение свободы

жуликов. Мы же воочию видим, чем на практике обернулась «экономическая свобода».

А если шире, то ключевая роль государства в экономике — так организовать производство и распределение материальных благ, чтобы была обеспечена безопасность страны, народа и личности, а также воспроизводство физически и духовно здорового населения. Ради этого государство обязано ограничивать «экономическую свободу» рамками общественного договора, выраженного в законах. Причем в законах, опирающихся на господствующие в данной культуре нравственные нормы, а не противоречащих им.

Придавая экономической свободе статус одной из главных сущностей, В.В. Путин исходит из такого постулата: «Сегодня, в современном мире, государство в первую очередь должно обеспечить права и свободы своих граждан, без этого вообще ничего невозможно сделать».

Это — типичный либеральный штамп. Нужно жесткое определение, *какие* права и свободы имеются в виду, *для кого* эти права и свободы. После некоторого предела «экономическая свобода» означает лишь право на жизнь *сильного* — того, кто победил в конкуренции. Такая свобода несовместима с правом на жизнь «всех», рынок удовлетворяет только *платежеспособный* спрос. Те, кто не могут заплатить за хлеб и тепло, — вне экономики, права на жизнь для них не существует, они могут лишь просить о благотворительности как милости.

Случаем крайнего гипостазирования был призыв перейти к «*нормальной*» экономике. Никто даже не спросил: а каковы критерии «нормального»? Туманно объясняли: это, мол, рынок, конкуренция...

Представление о западном капитализме как некоей установленной Провидением *норме*, как *правильной* (нормальной) хозяйственной системе — следствие невежества нашей интеллигенции, воспринявшей этот стереотип из обществоведческих теорий, проникнутых евроцентризмом. Нет никакой «нормальной» экономики, каждая национальная экономика самобытна, это часть уникальной культуры, которая складывается исторически, а не по привезенному из заморских стран учебнику. Какой позор, что наша интеллигенция пошла за этим блуждающим огоньком!

Английский либеральный философ Дж. Грей пишет: «Рыночные институты вполне законно и неизбежно отличаются друг от друга в соответствии с различиями между национальными культурами тех народов, которые их практикуют. Единой или идеально-типической модели рыночных институтов не существует, а вместо этого есть разнообразие исторических форм, каждая из которых коренится в плодотворной почве культуры, присущей определенной общности. В наши дни такой культурой является культура народа, или нации, или семьи подобных

народов. Рыночные институты, не отражающие национальную культуру или не соответствующие ей, не могут быть ни легитимными, ни стабильными: они либо видоизменяются, либо будут отвергнутыми теми народами, которым они навязаны».

Вот мы и сидим с нашей реформой в таком болоте, залезть в которое развитой стране, казалось бы, просто невозможно.

Подобным поразительным случаем гипостазирования было придание статуса магической сущности *конкуренции*. Она раньше понималась как форма «войны всех против всех» в рыночной экономике западного типа. Иногда она бывала полезной, чтобы взбодрить экономику, чаще вредной, т. к. подрывала координацию и сотрудничество разных элементов хозяйства. В какой-то момент в России конкуренция стала «наше все».

В одном из документов Правительства можно было прочесть: «В настоящее время принята трехлетняя Программа социально-экономического развития Российской Федерации на 2003–2005 годы. Она предусматривает прежде всего повышение конкурентоспособности России. Усилившиеся в конце прошлого века тенденции к глобализации значительно обострили проблему конкурентоспособности страны. В отсутствие значимых межстрановых барьеров для перемещения капитала, рабочей силы, технологий, информации первостепенное значение для России приобретает проблема поддержания национальной конкурентоспособности в борьбе за привлечение мировых экономических ресурсов, а также за удержание собственных».

Что за небывалый манифест! Почему «прежде всего повышение конкурентоспособности», а не улучшение здоровья народа, не искоренение социальных болезней типа туберкулеза, не ликвидация бездомности, не восстановление тракторного парка сельского хозяйства — независимо от «конкурентоспособности» этих мер? И с чего вдруг Правительство решило, что теперь исчезли «значимые межстрановые барьеры для перемещения капитала, рабочей силы, технологий, информации»? Это утверждение просто нелепо — попробуйте «переместиться» в США, даже если экономический барьер в виде авиабилета для вас не является значимым. Кроме того, выходит, что государство отказывается выполнять функцию «удержания собственных экономических ресурсов» теми средствами, которыми все государства пользуются испокон веку (т. е. административными) и возлагает эту задачу на конкурентоспособность? А если Российская Федерация еще 50 лет будет проигрывать в конкуренции на рынке — значит, тащи из нее ресурсы все кому не лень? Зачем тогда вообще нужно такое государство?

В Послании Федеральному собранию 2003 года В.В. Путин сказал: «Быстрый и устойчивый рост может быть только тогда, когда произво-

дится конкурентоспособная продукция. Конкурентоспособным должно быть у нас все — товары и услуги, технологии и идеи, бизнес и само государство, частные компании и государственные институты, предприниматели и государственные служащие, студенты, профессора, наука и культура».

Что за странная идея: конкуренция должна быть тотальной. Поистине «война всех против всех»! Даже студенты обязаны друг с другом бороться. То, что культура Запада считает своей болезнью и чуть ли не проклятием, в России в XXI веке возводится в культ. Какое идолопоклонство! Ведь большая часть человеческих отношений никак не может строиться на основе конкуренции, а строится прежде всего на *соединении* усилий и сотрудничестве — и государство, и семья, и наука, и культура. И откуда вообще это странное условие? Разве конкуренция была условием «быстрого и устойчивого роста», например, в СССР в 1930–1960-е годы?

В телефонном разговоре с народом 18 декабря 2003 года В.В. Путин добавил: «Сегодня так же, как и всегда в мире, происходит достаточно жесткая конкурентная борьба... Мы должны быть конкурентоспособными — от гражданина до государства».

Это представление о мире антиисторично. Конкурентной борьбы вовсе не было «всегда в мире», она возникла вместе с капитализмом, и это очень недавнее «изобретение». А до этого десятки тысяч лет человек жил в общине и вел натуральное хозяйство. Сама мысль о «борьбе» на рынке повергла бы его в изумление. И сегодня еще большинство населения Земли вовсе не мыслит жизнь как арену экономической борьбы с ближними.

А что значит «конкурентоспособное государство»? С кем и за что оно конкурирует? Как это себе представляет Президент? Допустим, государство Франции конкурентоспособнее государства Российская Федерация — оно что, забирает к себе наш народ и мы становимся французами? В либеральной доктрине и так много странностей, но зачем же их доводить до абсурда.

И каковы критерии конкурентоспособности гражданина, на каком рынке ее измеряют? Вот, я — гражданин России и никому на мировом рынке не нужен, только на российском. Я абсолютно неконкурентоспособен — как лапти, которые плели себе русские крестьяне. Лапти эти были неконкурентоспособны *абсолютно*, но они были необходимы для жизни половины населения России. Думаю, что я тоже чем-то полезен России, и плевать мне на то, как меня оценит рынок в США или Бангладеш.

В Послании Федеральному собранию 2004 года В.В. Путин вновь обращается к теме конкуренции и говорит, что мы «должны опережать другие страны и в темпах роста, и в качестве товаров и услуг, и в уровне

образования, науки, культуры. Это — вопрос нашего экономического выживания».

Как это понять? Как вообще возможно такое условие? Что значит, например, опередить США «и в качестве товаров и услуг, и в уровне науки»? Как известно, все это США обеспечили себе прежде всего благодаря авианосцам и морской пехоте, что и обходится им сейчас почти в 800 млрд долл. годового военного бюджета. А в России в военный бюджет в 20 раз меньше. Зачем же нам лезть на ринг тягаться с США в этой «конкуренции»?

И почему, если мы проиграем США по числу нобелевских лауреатов или качеству услуг ночных клубов, мы «экономически не выживем»? Это более чем странное утверждение. Мы не выживем как раз в том случае, если примем эту жизненную философию, убедимся, что переплюнуть США «в качестве товаров и услуг» не можем, хором крикнем «Так жить нельзя!» — и вколем себе сверхдозу наркотиков.

В ноябре 2000 года Президент В.В. Путин, выступая перед студентами Новосибирского государственного университета, сказал: «Для того, чтобы интегрироваться в мировое экономическое пространство, необходимо «открыть границы». При этом части российских производителей станет неуютно под давлением более качественной и дешевой зарубежной продукции». Далее он добавил, что идти по этому пути необходимо — иначе «мы все вымерем, как динозавры» («Вечерний Новосибирск», 17 ноября 2000 г.).

Здесь продуктом гипостазирования стала идея *открытости*. Начнем с последней мысли — что без качественной и дешевой зарубежной продукции «мы все вымерем, как динозавры». Разве динозавры вымерли оттого, что не могли купить дешевых японских видеомагнитофонов или итальянских колготок? Нет, они вымерли от *холода*. Если перенести эту аналогию на нынешнюю Россию, то значительной части ее населения реально грозит опасность вымереть, причем именно как динозаврам — от массовых отказов централизованного теплоснабжения при невозможности быстро создать альтернативные системы отопления жилищ.

Ни динозавры, ни народ России из-за отсутствия иностранных товаров вымереть не могут. Метафора относительно динозавров грубо искажает реальность и сбивает людей с толку. Уж если на то пошло, то именно конкурентоспособные американцы без «качественной и дешевой зарубежной продукции» вымрут очень быстро и буквально как динозавры (вернее сказать, не вымрут, а разумно перейдут к плановой экономике). Именно поэтому они и воюют в Ираке и щелкают зубами на Иран. США абсурдно расточительны в энергопотреблении: они сейчас тратят в год только нефти 1 млрд тонн. На производство одной пищевой калории их фермеры тратят 10 калорий минерального топлива, в то время как смысл

сельского хозяйства — в превращении в пищу бесплатной солнечной энергии. Как странно — ставить нам в пример их экономику!

Похоже, что «открытость» вошла в обойму магических сущностей. Совсем недавно, в апреле 2010 года, В.В. Путин сказал: «Ведь большая открытость национального рынка гарантирует от стагнации». Почему? Каким образом? Это противоречит и логике, и историческому опыту. Китай пережил более чем вековую стагнацию именно после того, как Англия посредством «опиумных войн» вынудила его открыть свой национальный рынок. Режим Ельцина погрузил в кризис и обрек Россию на длительную стагнацию, когда открыл национальный рынок, а потом «сдал» его иностранному торговому капиталу. А пример полностью открытой Африки разве не подтверждает того же?

Одна из разновидностей гипостазирования — придание приоритетного характера понятиям второстепенным (например, *рентабельности*). Здесь отказывает чувство меры. Вот, в связи с отказами и авариями теплоснабжения в январе 2003 года М. Касьянов (тогда премьер-министр) сделал заявление, немыслимое с точки зрения здравого смысла. Пресса сообщила: «За десять лет реформ предприятия ЖКХ так и не сумели решить главную проблему — выйти на рентабельную работу. “Сейчас состояние дел в реформировании ЖКХ является неудовлетворительным”, — считает Михаил Касьянов».

Надо вдуматься в эти слова. Выходит, все эти десять лет «реформаторы» считали, что главная задача жилищно-коммунального хозяйства — вовсе не обеспечение жителей сносными условиями обитания в их жилищах (в том числе отоплением). Нет, главная их задача — *рентабельность*. Таких откровений не выдавал даже Гайдар. Но ведь это — совершенно ложная установка. В жизни общества есть множество сторон, которые не могут и не должны быть рентабельными! И если эти стороны общественной жизни не подкрепляются какими-то нерыночными средствами, то общество несет ущерб, многократно превышающий «экономии». Теплоснабжение в России — *система государственной безопасности*, а вовсе не источник ренты. Премьер-министр не знает элементарных вещей о России, он берет понятия из совершенно иной хозяйственной системы и возводит их в ранг главной сущности.

В декабре 2002 года виднейший российский теплоэнергетик С.А. Чистович так оценил ситуацию: «Можно сказать, что на первом месте сейчас находится даже не проблема энергосбережения, а проблема энергетической безопасности России. Важно, как минимум, не допустить разрушения энергетического хозяйства страны. Износ оборудования, проблемы с поставкой энергоресурсов таковы, что целые поселки и города могут остаться без отопления и электроэнергии. А это приводит к тяжелейшим социальным и политическим последствиям. Весь мир наблюдал это

на примере зимы в Приморье. К сожалению, есть основания полагать, что ситуация будет еще хуже».

Эти примеры можно продолжать, проходя по всему понятийному ряду языка реформ. И это положение усугубляется. Можно пройти по утверждениям, сделанным в Отчете Правительства перед Государственной думой в 2010 году, — то же самое. Как говорится, весь дискурс пропитан гипостазированием. А ведь Отчет готовился в экономическом и социальном блоках Правительства, над ним работали лучшие силы отечественного обществоведения. Такова методологическая система, в которой действуют министерства.

Вот, в Отчете сказано: «Будут внесены принципиальные изменения в идеологию разработки и использования бюджета. В рамках госпрограмм будут сконцентрированы все средства... Это будут программы по образцу государственной программы развития сельского хозяйства».

Из чего исходит такое странное упование на «госпрограммы»? Почему вдруг возникла такая вера в их могущество, что решено произвести «принципиальные изменения в идеологии разработки и использования бюджета»? Ведь программное финансирование применяется в России уже лет двести, но никогда — ни царям, ни генсекам — в голову не приходило «сконцентрировать в рамках госпрограмм все средства». Это невозможно! Никакая программа не может быть выполнена без постоянной институциональной поддержки учреждений и организаций.

Программы — это действия по изменению систем, но они всегда являются надстройкой стабильной системы. А эта стабильная системы требует значительных средств для ее содержания (воспроизводства), которые поступают в виде разного типа институциональных ассигнований. И почему за образец взята государственная программа развития сельского хозяйства? Разве она официально признана успешной? О ее результатах практически ничего не известно.

Такой же бестелесной сущностью стали непрерывно поминаемые «технологические инновации» (о «модернизации» пока ничего сказать нельзя, о ней говорят как-то неуверенно). Вот, в Отчете Правительства (2010 г.) Госдуме сказано: «Посткризисное развитие экономики мы связываем, прежде всего, с технологическим обновлением. ... Прямо скажем, пока серьезного эффекта, к сожалению, не ощущаем».

От Правительства как раз ожидали объяснения в Отчете того факта, что «пока серьезного эффекта не ощущаем».

Разговор о «технологическом обновлении» идет с 2001 года. Вопрос к Правительству: почему на это «обновление» возлагаются такие надежды? От каких реальных мер Правительство ожидало ощутить «серьезный эффект»? Ведь научно-техническая политика устранена в России сознательно и кардинально, а научная система практически демонтиро-

вана. Это был конкретный и политически оформленный исторический выбор, о его пересмотре и речи нет. Чубайс в нанотехнологиях и Вексельберг в Силиконовой долине — это и есть символическое выражение доктрины инновационного развития. Ожидать эффекта — это все равно, что ожидать чуда.

Трудно поверить, но склонность к гипостазированию стала уже общей нормой, укорененной в подсознании. Это — национальная проблема нынешней России. Любая, самая разумная инициатива и руководства, и его интеллектуальной бригады обществоведов теряет смысл просто потому, что умозаключения разорваны понятиями, подразумевающими не систему отношений, ресурсов, структур, а некоторую магическую сущность, которая должна решить поставленную проблему сама собой. Это или экономическая свобода, или конкуренция и открытость, или инвестиции и инновации и т. д.

Приложение 1

Революция или реформа?

«В научной литературе представлены, по меньшей мере, три разных представления о сути этого процесса [посткоммунистических перемен].

Согласно **первому**, в начале 1990-х годов в России произошла новая Великая революция. Соответственно, те противоречия и трудности, с которыми сталкивается наше общество в последние годы, объясняются общими особенностями всех постреволюционных периодов. В рамках **второго** представления, исходящего из более широкой исторической перспективы, реформы 1990-х годов рассматриваются как завершение антисоциалистического *переворота*, начатого Сталиным еще в конце 1920-х годов, а ныне доведенного до логического конца. **Третье** представление заключается в том, что в 1989–1990 годы в СССР назревала демократическая революция, направленная против власти номенклатуры, но она в силу разных причин не состоялась, и революционный подъем сменился реформами “сверху” в интересах той же бывшей номенклатуры...

Действительно ли Россия пережила революцию и, если «да», то *когда и какую*? Какие социальные *силы* противостояли друг другу в революционной борьбе? Кто *победил* в ней и кто *проиграл*? Какие новые силы пришли к власти и в чьих интересах ее использовали?

Сторонники *революционной концепции* утверждают, что в начале 1990-х годов в России произошла буржуазная либерально-демократическая революция, направленная против авторитарно-бюрократиче-

ского режима, тормозившего модернизацию общества. Лидеры демократов во главе с Ельциным и Гайдаром отстранили от власти КПСС, демократизировали политическую систему, ликвидировали многие направления деятельности КГБ, осуществили приватизацию государственной собственности и постарались создать условия для развития конкурентного рынка.

По мнению В.А. Мау — наиболее яркого представителя этой группы ученых, — рассматриваемые нами события в России обладали рядом характерных для революций особенностей. К ним относятся:

- 1) системный характер, *глубина и радикальность* изменения институтов собственности и власти;
- 2) обусловленность преобразований преимущественно *внутренними противоречиями* данного общества, в силу чего вместе с разрушением государства обрушились и казавшиеся незыблемыми ценности;
- 3) слабость *политической власти* и отсутствие общественного согласия по базовым проблемам, целям и ценностям;
- 4) *неспособность* власти консолидировать общество для «мирного» осуществления системных преобразований, резкое усиление стихийности социальных процессов.

Цитируя высказывание Робеспьера «*конституцией революции является соотношение социальных сил*», В.А. Мау подчеркивает, что перераспределение собственности, составлявшее фокус российских преобразований, также носило *силовой* характер. По мнению Е.Г. Ясина, «по своему значению, по глубине ломки социальных отношений, пронизавших все слои общества, [новая — Т.З.] революция была для России более существенна и несравненно более плодотворна, чем Октябрьская 1917 года». Е.Т. Гайдар и В.А. Мау называют эту революцию Великой, потому что она, во-первых, реализовалась в условиях резкого ослабления государства, утраты им власти над экономикой и, во-вторых, прошла «*весь цикл, все фазы*». Современный процесс преимущественно стихийных социально-экономических преобразований в рамках этой концепции трактуется как *естественное последствие революции*.

Т.И. Заславская. *О социальном механизме посткоммунистических преобразований в России // СОЦИС, 2002, № 8.*

В.В. Путин в «телефонном разговоре с народом» 18 декабря 2003 года сказал: «Когда страна начинала приватизацию, когда страна перешла к рынку, мы исходили из того, что новый собственник будет гораздо более эффективным. На самом деле — так оно и есть: везде в мире частный собственник всегда более эффективный, чем государство».

Это придание частной собственности статуса магической сущности не отвечает реальности. Профессор экономического факультета МГУ

В.М. Кульков писал в 1997 году: «В ходе приватизации упорно внушалась мысль о заведомой неэффективности государственной собственности. Между тем, анализ функционирования предприятий по четырем крупнейшим странам Западной Европы (в середине 80-х годов) показывает, что соотношение показателей производительности труда в государственном и частном секторах было в пользу первого: в ФРГ оно составило 1,34, во Франции — 1,30, в Италии — 1,21, в Великобритании — 1,91, в среднем по четырем странам — 1,44».

В.М. Кульков. Формирование смешанной экономики в России: есть ли шансы? — Шансы российской экономики. 1997. Вып. 2.

В ходе приватизации промышленных предприятий в Польше западные экономисты вели сравнительный анализ в «переходной» экономике. Российский экономист Р.Т. Зяблук пишет о его результатах: «Проекты по сравнению эффективности государственных и частных предприятий были проведены после и в ходе приватизации промышленности в Польше. В исследовании Лондонской экономической школы не удалось прийти ни к какому выводу. В исследовании МВФ был сделан вывод о более высокой эффективности государственных предприятий».

Р.Т. Зяблук. Потенциал развития экономики России. — Шансы российской экономики. 1997. Вып. 2.

Вера в магические сущности была особенно сильна в годы перестройки и в начале 1990-х годов. Вот выдержка из статьи социолога:

«Как известно, в сознании широких слоев общества первые перестроечные годы рисовались как нечто такое, что должно дать быстрый и ощутимый позитивный результат во многих областях жизни и прежде всего самых насущных. На формирование именно такого образа реформ была направлена деятельность мощного тогда аппарата и средств массовой информации. Естественно, что это нашло отклик и породило достаточно высокий уровень ожиданий.

По мере перестройки, наряду с ростом экспектаций, происходит политизация массового сознания, все большее число людей оказывается включенным в сферу политики (по крайней мере, на уровне обсуждения политических вопросов). В 1988 году начинается политическая реформа, открывающая в принципе путь альтернативным выборам. Параллельно с этим нарастает разрыв между первоначальными ожиданиями и ухудшением положения дел в реальности (прежде всего в сфере материального благосостояния). Это в свою очередь приводит к явлениям фрустрационного порядка, с одной стороны, и к радикализации массовых настроений — с другой. Так, например, по данным ВЦИОМ, в январе

1990 года в РФ 53% опрошенных выступали за радикальные реформы, в то время как 30% респондентов предпочли постепенные реформы...

На уровне массового сознания необходимую рациональную нишу заняли всякого рода трансформации “каргоистского культа”, т. е. мифа, который сопутствует в традиционном обществе ожиданиям экономического роста. Подобный феномен достаточно подробно описан исследователями процессов *модернизации* в странах “третьего мира”. Ими, в частности, отмечается, что “*развитие* представляет собой не только цель рациональных действий в экономике, политике, социальной сфере. Оно еще и, весьма глубоко, сфокусировано на надеждах и ожиданиях избавления (освобождения, спасения). В известном смысле *развитие* является религиозной категорией. Даже для живущих в наиболее ненадежных, маргинальных условиях феномен развития является не только средством улучшения материального благосостояния. По крайней мере, это видение (мечты, грезы) освобождающей трансформации”.

Таким образом, политическая апатия населения в постперестроечный период (к середине 1992 года) определяется, среди прочего, рассогласованием надежд на быстрые результаты развития, с одной стороны, и ощущением резкого углубления кризиса, а во многих случаях очевидного регресса, в том числе в самых насущных областях социального бытия — с другой».

М.М. Назаров. *Об особенностях политического сознания в постперестроечный период* // СОЦИС, 1993, № 8.

Приложение 2

Разберем подробнее важный случай соединения аутистического мышления со склонностью к гипостазированию. Он стал причиной сбоев в рациональности, который перерастает в угрозу для государственности России. Это явление возникло в ходе большой кампании перестройки, ставящей целью представить Советское государство как *преступное*. Эта кампания опиралась на опасение, что монополия государства на легитимное насилие может быть использована какой-то частью «силовых структур» или их отдельных представителей в преступных целях — с нанесением вреда обществу, населению и государству в целом. Такое опасение всегда присутствует в общественном сознании.

Этот риск существует, и в норме государство всегда принимает меры, чтобы свести его к минимуму, и меры эти всегда кажутся недостаточными. Преувеличение этого риска и нагнетание страха перед «преступным насилием власти» — одно из важнейших средств подрыва легитимности

государства. Но эта кампания велась во время перестройки с такой интенсивностью, что повредила важные структуры рационального мышления и государственных служащих, и высшего эшелона управления, и значительной части общества. Это дает себя знать и сегодня.

В конце ноября 2009 года министр внутренних дел Р.Г. Нургалиев сделал очень важное (хотя, видимо, неудачное по форме) заявление. СМИ передали его так:

«Глава МВД напомнил россиянам о праве дать отпор милиционеру.

Министр внутренних дел Рашид Нургалиев напомнил, что любой гражданин России, который не является преступником и который ничего не нарушил, может дать сдачи милиционеру, напавшему на него без причины, сообщает “Интерфакс”. Об этом он заявил на встрече с курсантами Московского университета МВД РФ, которая прошла на базе ОМОН в Подмоскowie.

По словам Нургалиева, такие действия будут расцениваться как самооборона. “Мы все равны, а гражданин равен вдвойне”, — отметил министр. Нургалиев также подчеркнул, что если милиционер напал на законопослушного гражданина, то он сам является преступником в форме. По словам министра, такого человека “надо изолировать и посадить”».

Подчеркнем, что свое заявление министр сделал явно под давлением «общественного мнения». В сообщении прессы уточняется: «Неправомерные действия сотрудников милиции в последнее время вызывают все больше критики как со стороны депутатов Госдумы и правозащитников, так и со стороны обычных граждан. В среду, 25 ноября, член генсовета партии “Единая Россия” Андрей Макаров даже предложил ликвидировать МВД, т. к. реформировать или модернизировать эту структуру, по его мнению, невозможно».

На это заявление министра был немедленно (4 декабря) получен ответ гражданского общества: «Житель Перми нанес черепно-мозговые травмы двум сотрудникам милиции, выкрикивая, что глава МВД РФ Рашид Нургалиев “разрешил бить милиционеров”».

Пресса уточнила: «Сначала нетрезвый 24-летний пермяк избил своего брата. Потерпевший вызвал домой наряд милиции. Когда милиционеры прибыли в квартиру, дебошир набросился на них, оправдывая свое поведение словами Нургалиева. После этого сотрудникам правоохранительных органов потребовалась госпитализация. Против пермяка возбуждено дело по статьям УК 318 («Применение насилия в отношении представителя власти») и 319 («Оскорбление представителя власти»). Ему грозит до пяти лет лишения свободы».

Весь этот инцидент был представлен как курьез, и дело было замято. Между тем, он дает нам ценный учебный материал. Он ни в коей мере

не бросает тень на профессиональную деятельность Р.Г. Нурғалиева как министра, речь идет о явлениях в сфере общественного сознания.

Вспомним, как создавалось в «новом мышлении» понятие о преемственных действиях власти и как оно гипостазировалось, обретая облик самостоятельной и почти осязаемой *сущности*.

Важным срезом перестройки был подрыв авторитета и самосознания армии и правоохранительных органов СССР как систем, обеспечивающих безопасность государства и общественного строя. Были спровоцированы (с участием преступного мира и западных спецслужб) очаги насилия под этническими лозунгами. Одновременно «демократические силы» срывали выполнение государством своей обязанности пресекать и предотвращать такие конфликты — поднялся вопль: «Нельзя применять силу против своего народа!».

А.А. Собчак в свое время писал: «За десятилетия сталинизма глубоко укоренились в нашем общественном сознании антигуманные представления о безусловном приоритете ложно понимаемых государственных интересов над общечеловеческими ценностями... Необходим общий законодательный запрет на использование армии для разрешения внутриполитических, этнических и территориальных конфликтов и столкновений».

Во время вспышек насилия в Ферганской долине, Сумгаите, Нагорном Карабахе армия и правоохранительные органы сначала делали попытки пресечь действия провокаторов и преступников — и тут же из Москвы поступала команда отступить. Насилие вспыхивало с удвоенной силой, а государство, не выполнив своей обязанности — подавить очаг насилия, теряло авторитет. При этом в Москве проводились демонстрации против «преступных действий военщины».

Одной из крупных провокаций против государства и армии стали события в Тбилиси 9 апреля 1989 года, их расследование депутатской комиссией под председательством А.А. Собчака и обсуждение его доклада на I Съезде народных депутатов. Этой теме посвящена большая документальная и аналитическая литература, здесь мы выделим лишь один вопрос. В ходе этой операции и была сформулирована концепция *преступных приказов* и преступных действий военнослужащих, которые выполняют эти приказы. К созданию этой концепции были привлечены очень большие политические силы, действия которых в нормальной ситуации следовало бы считать противозаконными. Например, СМИ широко транслировали «доклад Собчака», но не было опубликовано заключение Главной военной прокуратуры, которая проводила расследование тех событий по своей линии.

Так, «комиссия Собчака» сделала ложные выводы о том, что причиной смерти погибших при разгоне митинга людей были ранения, на-

несенные саперными лопатками, и воздействие отравляющих веществ. Следствие опровергло эти выводы на основании экспертизы внутренних органов и одежды погибших. В проведении экспертизы участвовали эксперты ООН.

Не было ни ранений саперными лопатками, ни воздействия ОВ. 18 человек погибли в давке, один «погиб от сильного удара о плоский предмет. Этот боевик-каратист намеревался в прыжке обеими ногами пробить цепь солдат. Но цепь расступилась и нападавший упал, получив смертельное ранение головы». Доклад следствия не был доведен до сведения общественности, и до сих пор источником массовой информации остается «доклад Собчака».

После событий в Тбилиси началось интенсивное внушение приоритета демократических идеалов перед воинской дисциплиной, велась идеологическая кампания, внедряющая мысль, что солдат не должен выполнять приказы, идущие вразрез с «общечеловеческими ценностями». Использовалась технология разрушения армии, испытанная еще в феврале 1917 года и ставшая тогда одним из условий возникновения Гражданской войны.

Эта кампания достигла максимума во время событий августа 1991 года в Москве. Тогда в Москве было объявлено чрезвычайное положение, и был учрежден временный орган, взявший на себя полноту власти — ГКЧП. В город были введены армейские части, но на третий день выведены, а члены ГКЧП арестованы. Судя по всему, речь идет о крупномасштабной провокации, результатом которой стала ликвидация СССР и передача власти в России группе Ельцина.

Здесь для нас важна одна сторона дела — подрыв монополии государства на насилие. Всякое насилие человека в форме государственных силовых структур было объявлено преступным и, как следствие, подорвана монополия государства на насилие — неминуемо началась криминализация насилия, стирание грани между насилием легитимным и преступным.

В ночь на 21 августа 1991 года произошел символический эпизод. В транспортном туннеле на пересечении Калининского проспекта (ныне улица Новый Арбат) и Садового кольца (улица Чайковского) погибли три молодых москвича: Дмитрий Комарь, Владимир Усов и Илья Кричевский.

Фактическая сторона дела такова. По Садовому кольцу двигался военный патруль в составе роты на боевых машинах пехоты (БМП), который, кстати, направлялся именно для охраны «Белого дома». На въезде в туннель колонну БМП ждала преграда — поперек дороги были выставлены пустые троллейбусы. Бронетехника обошла их справа, но при выезде из туннеля баррикада из троллейбусов полностью преграждала

путь. Прочно была заблокирована теперь и дорога назад. На БМП стали бросать бутылки с зажигательной смесью. Несколько человек запрыгнули на БМП, чтобы закрыть брезентом смотровые щели. Все это и привело к трагедии. Двое москвичей были задавлены, один погиб от ricochetной пули, когда экипаж стал стрелять в воздух.

В заключении следственной группы прокуратуры как Москвы, так и Российской Федерации, которая также расследовала происшествие, говорилось: «Когда колонна БМП, вышедшая на патрулирование, встретила на своем пути баррикады и подверглась нападению гражданских лиц, это расценивалось военнослужащими как попытка захвата боевой техники, оружия и боеприпасов. Когда же были подожжены блокированные в туннеле боевые машины с находившимися в них боекомплектами снарядов и патронов, а жизнь военнослужащих подверглась непосредственной опасности, применение ими оружия являлось способом защиты, соответствующим характеру и степени опасности нападения».

Таким образом, было совершено нападение на военнослужащих Советской Армии, находящихся при исполнении служебных обязанностей и действовавших в соответствии с законами СССР. Согласно следствию, не было состава преступления и в действиях других военнослужащих, причастных к инциденту: командира Таманской дивизии генерал-майора В. Марченкова, командира полка полковника А. Налетова, командира батальона капитана С. Суровикина. Такова юридическая сторона дела.

Однако *преступниками* были названы именно военнослужащие, а совершившие на них нападение лица объявлены *героями*. И М.С. Горбачев издал Указ о присвоении трем погибшим москвичам звания Героя Советского Союза!

Идея «не подчиняться преступным приказам» и «оказывать сопротивление преступной власти» стала общепринятой догмой, и государство рухнуло. Именно здесь — истоки странного заявления Р.Г. Нургалиева. Провал в рациональном мышлении общества и офицерства, целенаправленно созданный двадцать лет назад, оказался незакрытым.

Этот угрожающий провал не закрыт, прежде всего, из-за политической трусости. Чтобы его засыпать, надо честно пересмотреть всю эту операцию перестройки, включая абсурдные награды тем, кто погиб, поджигая армейские БМП перед телекамерами иностранных агентств. Это надо было сделать, пусть даже устроив пышные перезахоронения этих «героев демократии», пусть даже рядом с убиенным царем. Это было бы символическим действием другого типа, не так сильно подрывающим государственность. Да, это мученики августовской революции, положившие свои жизни на ее алтарь. Но как можно присваивать им высшую награду государства, которое они уничтожили?

Аналогичным событием, положившим начало Февральской революции, был такой эпизод. 27 февраля 1917 года учебная команда лейб-гвардии Волынского полка отказалась выйти для пресечения «беспорядков». Начальника команды, штабс-капитана, солдаты выгнали из казармы, а фельдфебель Кирпичников выстрелом в спину убил уходящего офицера. Этому было придано символическое значение: командующий Петроградским военным округом генерал-лейтенант Л.Г. Корнилов лично наградил Кирпичникова *Георгиевским крестом* — наградой, которой удостаивали только за личное геройство. Это награждение нанесло тяжелый удар по армии.

Но вернемся в 1990-е годы. В результате постоянных повторений все так привыкли к понятию «преступные приказы», что стали воспринимать его как целостную и почти очевидную *сущность*. Сказал эти магические слова — и ситуация сразу становится ясной, нет необходимости ее исследовать, выявлять разные связи и отношения, из которых она соткана, встраивать ее в контекст.

Р.Г. Нургалиев призвал к самообороне гражданина против «человека в милицейской форме» в таких случаях: «Если этот гражданин не преступник, которого задерживают. Если человек идет и ничего не нарушает».

Министр исходил из предположения, что в такой ситуации преступность действий милиционера (неважно, действует ли он по своей инициативе или выполняя преступный приказ) выявляется как *очевидная сущность*. Это — редкостный случай гипостазирования с риском тяжелых последствий. Сложнейшая проблема обязанности государства применять насилие, не допуская утраты монополии на это право и в то же время минимизируя злонамеренное использование этой монополии, представлена в карикатурном виде — путем предложения просто эту монополию *отменить*. Если ты считаешь, что милиционер приближается к тебе с преступными намерениями, бей его первым! Если ты считаешь, что экипаж БМП выполняет преступный приказ — подожги эту БМП!

Эта проблема встала с появлением современных армии и полиции и современного права. В России уже Петр I ввел положение, что исполнению подлежит лишь приказ «пристойный и полезный государству». Дисциплинарный устав Красной Армии 1919 года предписывал подчиненному не исполнять явно преступный приказ и немедленно докладывать об этом по команде. Этому же требовало Положение о службе в Рабоче-Крестьянской милиции 1925 года.

Этот принцип принят и в законодательстве западных стран. И везде он являлся и является *декларативным*. Потому что наряду с ним в уставах и законах утверждается *обязательность* приказа для подчиненного. Так, в Российской Федерации обязательность приказа для военнотру-

жащих определяется федеральными законами — «О воинской обязанности и военной службе», «О статусе военнослужащих», Законом РФ «О милиции» (ныне — ФЗ «О полиции»). Таким образом, здесь возникает известная в философии проблема *несоизмеримости ценностей*. Она не имеет простых решений (в частности, и такого, которое предложил Р.Г. Нургалиев).

Разработка этой проблемы была подстегнута работой Международного военного трибунала в Нюрнберге. Там было принято, что в случае выполнения преступного приказа наказанию подлежит и начальник, отдавший приказ, и его исполнитель. Позже были введены два уточнения.

1. Приказ является законным, если он отдан лицу, обязанному его выполнить, в рамках компетенции, с соблюдением надлежащей формы.
2. Приказ является законным, если он не противоречит действующим нормативным актам и носит обязательный характер (т. е. в случае его невыполнения подчиненный несет ответственность — дисциплинарную, административную или уголовную).

Понятно, что проблема этим не решается: даже когда приказ отдан компетентным лицом с соблюдением формы, его исполнение не исключает ответственности, если *очевиден* его преступный характер. Закон гласит: «Лицо, которое совершает правонарушение, выполняя официальный приказ, отданный компетентными властями, не подлежит уголовной ответственности, ... если только подчиненный добросовестно не предполагал незаконность этого приказа, и он выполнил его».

Но оценка законности отданного приказа — сложный процесс, он зависит от возможности получить и обдумать необходимую для такой оценки информацию, от юридической подготовки исполнителя, его способности правильно истолковать приказ в свете действующих законов. Поэтому в законодательстве большинства стран принято ключевое требование, согласно которому незаконность приказа должна быть *явной*. При этом незаконность приказа должны осознавать оба — и начальник, и исполнитель. Это и есть признак *заведомости*.

В реальной практике наличие всех условий заведомости — вещь очень редкая. Поэтому разъяснения этой статьи законов скудны и руководствоваться ими бесполезно. Говорится, что «преступным является, например, приказ о казни мирных жителей». Но даже и в этих случаях очевидность не является абсолютной — различие между мирным жителем и боевиком во многих типах вооруженных конфликтов проблематично.

Таким образом, ни законы, ни уставы не могут дать формального ответа на вопрос, что является приоритетом — приказ или необходимость соблюдать закон. Преступность или законность действия «чело-

века в форме» не являются *сущностями*, которые участники коллизии видят одинаково, как нечто данное объективно. Это каждый раз есть явление, «сотканное» из множества условий и отношений. Как правило, достаточно подробный и, тем более, юридический анализ ситуаций проводится по *завершении* событий, а в момент получения и исполнения приказа такой возможности нет.

Даже новый строевой устав Вооруженных сил РФ, введенный в действие 1 июня 2006 года, оставляет нерешенным вопрос об ответственности за исполнение преступных приказов. Один из разработчиков устава генерал-майор Александр Моисеенко сделал такое заявление: «Приоритет отдается приказам, и ответственность за преступные приказы должен нести только командир. Подчиненный обязан исполнить приказ, а если он считает его незаконным, то имеет право после его выполнения обжаловать действия командира в суде».

Это — единственно возможный способ разрешения несоизмеримости ценностей и противоречия между необходимостью выполнять приказы и невозможностью, в большинстве случаев, моментально оценить его законность. Эта оценка переносится в более адекватные для нее условия. Тем самым снижается социальная цена ошибки, которую вполне может совершить представитель власти, по сравнению с ошибкой индивида.

Для нашей проблемы типичной коллизией может быть нападение сотрудника милиции на гражданина, совершенное в более или менее грубой форме. Оно может быть немотивированным («преступным»), а может иметь целью задержание подозреваемого в совершении преступления. Строго говоря, совершая задержание, в том числе с применением насилия, сотрудник милиции всегда исходит из *презумпции невиновности*. Высокая вероятность ошибки заложена в «программу» действий этой части правоохранительной системы. Задержали по ошибке — и выпустили.

Если ошибся и допустил грубость сотрудник милиции, на него может и должно быть наложено дисциплинарное взыскание, а в случае превышения полномочий — и возбуждено уголовное дело. Если же индивид, ссылаясь на совет министра, «окажет сопротивление» и уйдет от разбирательства, то на свободе, возможно, останется именно преступник.

Следовательно, в момент конфликта между представителем власти и гражданином право оценки законности действий абсолютно и однозначно отдается именно представителю власти. Законопослушный гражданин обязан подчиниться и *не сопротивляться* — это и есть монополия государства на насилие. Мы не рассматриваем ситуацию, в которой граждане ведут *борьбу* с властью, которую считают несправедливой.

В этом пункте Р.Г. Нургалиев совершил методологическую ошибку, которая является результатом многолетнего гипостазирования концепции преступной власти и преступных приказов. Ошибочная установка широко распространена в сознании населения, военнослужащих и, как видим, даже в высшем эшелоне власти. Это создает риск возникновения тяжелых конфликтов, снижает дееспособность вооруженных сил и укрепляет мотивацию к девиантному и преступному поведению. Это — *угроза* для России.

Склонность к гипостазированию несколько не изжита. Нас эта опасность подстерегает постоянно. Используя понятие, обозначающее явление, мы часто забываем, что *понятие* — инструмент, отсекающий от реального содержания явления множество черт. Неявное знание и здравый смысл позволяют быстро «разворачивать» в уме это содержание, но очень часто этого не делают — впадают в гипостазирование.

Лекция 8

Утрата способности к рефлексии

Важным «срезом» рационального сознания является способность *предвидеть* состояние и поведение важных для нас систем и окружающей среды. Это предвидение опирается на анализ предыдущих состояний и их изменения, включая анализ собственного понимания этих состояний, собственных решений и действий. Это анализ прошлого с целью понять настоящее. Для его проведения необходим навык *рефлексии* — «обращения назад».

Рефлексивное отношение к бытию, способность регулярно «оглядываться назад», как оглядывается в зеркало заднего вида водитель, — важное качество той рациональности, нормы которой выработало Просвещение. Это вовсе не самопроизвольно возникшее умение, это часть определенной методологии мышления. Эту методологию можно освоить и развивать, а можно и утратить.

Эффективным бывает такое проектирование, в котором мы критически осваиваем уроки прошлого, учитываем все непреодолимые ограничения, зоны неустранимой неопределенности. Ясно, что помимо памяти для проектирования требуются навыки реалистического мышления. Аутистическое сознание порождает не проект, а «грезы наяву». Устремленное в будущее, оно приводит к нелепым ситуациям, примеры которых нынешняя российская реальность дает достаточно. Вот, весной 2004 года все депутаты от «партии власти» с энтузиазмом поддержали законопроект о запрещении шествий и демонстраций вблизи административных зданий. И инстанции, в недрах которых готовился закон, и депутаты посчитали, что шествия в нынешней обстановке в России могут быть только плохими, оппозиционными. Значит — запретить!

Но какой конфуз: буквально в тот же день выступил Патриарх Московский и всея Руси и заявил, что на 24 июня Православная церковь запланировала крестный ход на Красной площади, который должен пройти от храма Христа Спасителя до соборов самого Кремля. Но это — типичное шествие общественной организации, оно оказывается вне закона, православные должны двигаться «в специально отведенные места». Через несколько дней после принятия закона, 9 мая, ветераны

ВОВ собирались торжественно пройти через Александровский сад, чтобы возложить венок к Вечному огню. Тоже, оказалось, нельзя — близко к административному зданию. Пришлось самому Президенту России поправить собственных депутатов. А ведь если бы покопались в памяти, то вспомнили бы о праздниках, во время которых неизбежны шествия именно около «административных зданий».

Именно рефлексия дает возможность поступательного движения в познании реальности — в каждый момент настоящего мы должны иметь в виду тот прошлый запас знания, который приращиваем сейчас. Эту новую частицу знания мы встраиваем в изменяющуюся структуру того знания, которым обладали вчера, год или десять лет назад. Рефлексия — это непрерывное обновление знания. Понятно, что это требует воли и мужества — сзади всегда ошибки, за которые грызет совесть («тянет ко дну боль и грусть, прежних ошибок груз»).

В условиях кризиса, когда динамика всех процессов резко изменяется и возникают разрывы непрерывности, в том числе в нашем сознании, рефлексивный аспект мышления приобретает критическое значение. Задержка с анализом предыдущих состояний и решений нередко становится фатальной, поскольку система проходит «точку возврата», и движение процесса по плохой траектории становится необратимым. Самые фундаментальные процессы во время кризиса становятся резко нелинейными и протекают в виде череды сломов и переходов — мы же часто исходим из привычных линейных представлений.

Если говорить об общественном сознании, то для нашей коллективной рефлексии необходима коллективная *память*. Конечно, память — лишь склад, запас идей и образов. Этот запас необходим для рефлексии, но далеко не достаточен. Рефлексия — активная деятельность по анализу этого запаса, по переосмыслению каждой хранящейся на этом складе ценности в соответствии с последующим опытом. Но разрушение памяти не просто лишает рефлексии необходимого материала, оно рассыпает пространство общего разговора, в ходе которого и происходит осмысление прошлого.

Память является одной из главных сил, скрепляющих людей (население) в народ. Если ее удастся разрушить, народ превращается в «человеческую пыль», в скопище индивидов, которые в одиночку, каждый по-своему, вспоминает прошлое, думает о настоящем и пытается предугадать будущее. Разъединенные люди утрачивают и навыки логических рассуждений, поскольку такие рассуждения нуждаются в диалоге, в *опозиции* утверждений.

Мир разъединенных людей сужается до тех пределов, которые они могут достать рукой, «здесь и сейчас». Это подавляет многие стороны рационального сознания — например, ответственность за ход истори-

ческого процесса, — независимо от масштаба той части бытия, за которую готов отвечать конкретный человек.

Утратив связь с коллективной памятью, оставшись со своей индивидуальной шкатулкой, полной обрывков личных воспоминаний и обид, такие люди уже не живут в нашем совместном, общем прошлом, не испытывают общих страданий от настоящего и не болеют общей тревогой за будущее.

Общество, в котором слишком большое число граждан подобным образом «приватизируют» свою память и теряют способность к рефлексии, становится беззащитным. Ущербное сознание не принимает многих вещей, которые старики понимают с полуслова. Люди не могут договориться даже со своими сверстниками о том, что происходит сегодня, — ведь настоящее вырастает из прошлого, а прошлого они в общих, единых для всего поколения понятиях выразить не могут — они его «не помнят».

В таком обществе с подорванной общей исторической памятью не возникает «мнения народного» и не может сложиться понятного для всех разумного проекта преодоления разрухи. Людей в таком состоянии («пути не помнят своего») легко водить за нос, и не раз в истории целые народы при таком поражении сознания становились легкой добычей проходимцев. В такое положение попали и мы.

В России после 1992 года произошло разрушение или глубокая деградация инструментов рефлексивного мышления. К этому были предпосылки. В 1960–1970-е годы, как раз когда в жизнь входило большое послевоенное поколение, в СССР произошла быстрая смена всего образа жизни — большинство стало жить в городах. Темпы промышленного развития были таковы, что переход этот (урбанизация) произошел с головокружительной скоростью — более 40% городов СССР возникли после 1945 года.

В любом обществе урбанизация переживается очень болезненно, потому что разрушается прежний механизм передачи от поколения к поколению коллективного исторического знания. Деревня — это непрерывное личное общение старых и малых. Предания передаются из уст в уста.

Город людей изолирует, здесь надо было создавать новые средства для поддержания общей исторической памяти. Поначалу этот поиск шел — люди часто собирались большими компаниями, «вспоминали»; на сохранение памяти работали и школа, и кино, и телевидение. Советское общество относилось к категории «традиционных» обществ, и руководство страны старшего поколения понимало, как важна общая память для сохранения народа.

Но в 1980-е годы произошел резкий слом. К руководству пришло новое поколение номенклатуры, из «западников». Большая часть интел-

лигенции тоже повернулась лицом к Западу и стала тяготиться нашим «неправильным» прошлым. «Перестройка» так ведь и замышлялась — как стирание нашей коллективной исторической памяти, замена нашего культурного ядра, возвращение на «столбовую дорогу цивилизации».

Уже у российских западников начала XX века наблюдалось выпадение рефлексивного аспекта из их рассуждений об обществе. Н. Бердяев писал, метафорически обозначая словами «азиатская душа» тип мышления, неспособного к рефлексии: «Именно крайнее русское западничество и есть явление азиатской души. Можно даже высказать такой парадокс: славянофилы... были первыми русскими европейцами, т. к. они пытались мыслить по-европейски самостоятельно, а не подражать западной мысли, как подражают дети... А вот и обратная сторона парадокса: западники оставались азиатами, их сознание было детское, они относились к европейской культуре так, как могли относиться только люди, совершенно чуждые ей».

Методы воздействия на коллективную память, отработанные на Западе, показали поразительную эффективность. Западный «средний класс» — это, как говорится, новая историческая общность людей. Ее замечательное свойство состоит в том, что она *не рефлексивирует* (хотя, конечно, рефлексивирует, но по очень сокращенной программе). Удивительно, как этого сумело добиться господствующее меньшинство. Надо ему отключить какой-то блок памяти в сознании обывателей — и его просто «стирают», как из памяти компьютера.

Например, во время холодной войны в США всего за 20 лет сумели полностью вытравить память о Второй мировой войне, так что американские студенты при опросах в массе своей отвечали, что в той войне США и Германия вместе сражались против русских. А немцев и итальянцев убедили, что они, как истинные европейцы, всегда (*генетически*) были привержены к демократии. Они, конечно, смутно помнят о Гитлере и Муссолини, но память их разорвана, и они не помнят «состояния самих себя» в тот период. И Гитлер у них был, и демократами они всегда были...

Но то, что сделали с нами, не имеет аналогов. Нашу память растаскивали 15 лет подряд с утра до ночи — и пресса, и телевидение, и кино, и поэты с певцами, и учебники Сороса. Одинаково сильный удар был нанесен по трем главным блокам коллективной памяти — исторической, среднесрочной (XX век) и актуальной (перестройка и реформа). Историю XX века «реформировали» так, что ни в какой антиутопии не придумать подобного. Интеллигенция буквально влюбилась в Столыпина, который своей неудавшейся «реформой на крови» и своими провокациями озлобил крестьянство и все общество так, что довел дело до большой революции. А дети крестьян поют про поручика Голицына

и корнета Оболенского, про хруст французской булки — и при этом уверены, что если бы не большевики, то они все были бы помещиками.

Отключение «блока рефлексии» в сознании советской интеллигенции, а потом и в массовом сознании, в конце 1980-х годов было глобальным и поразительным по своей моментальности — как будто кто-то сверху щелкнул каким-то выключателем. Тогда стало правилом хорошего тона духовно отмежеваться от революции и исторического выбора 1917–1920 годов. Все приличные люди стали оплакивать «Россию, которую мы потеряли», и кинулись целовать — кто туфлю Сахарова, кто рукав Солженицына. Все как будто забыли, что главные идеологические тексты Сахарова отражают типичное кредо западника-социалиста (даже почти еврокоммуниста) с очень большой долей русофобии. Забыли и то, что Солженицын тоже сформировался как марксист-западник, и, как рассказывал В.В. Кожин, первоначальным названием его будущей эпопеи «Красное колесо» было — «Люби революцию».

Конечно, можно и нужно время от времени менять вехи, разбивать скрижали и сбрасывать в овраг прежних идолов. Но при этом надо помнить, когда и почему ты это сделал. А у нас получилось так, что в сознании образованного слоя после каждой новой вехи весь предыдущий путь в памяти стирается, и вместо реалистичной картины этого пути, с его счастливыми и трагическими моментами, кто-то вставляет простенький кадр из мультфильма про Микки-Мауса. Соответственно, обрывается провал и в видении предстоящего пути — сюда вставляется реклама типа «Ням, ням, ням, ням, покупайте микоян!».

Время, когда российское общество после перебора всех наличных проектов качнулось к советскому проекту (1905–1920 гг.), — сравнительно недавнее, до него в 1980-е годы было рукой подать. В то время жили наши деды и даже отцы тех, кто действовал в перестройке. В 1980-е годы интеллигенция от того выбора отшатнулась? Такое бывает — на новом перекрестке, в новых условиях влиятельная часть общества предпочитает пойти по другому пути. Ну так разберись с прежним выбором, покопайся в себе и определи, что тебе сегодня в нем не по душе. Только так можно понять, куда тебе хочется направиться с нынешнего перекрестка. Эту совершенно необходимую в рациональном мышлении рефлексию заменили тем, что просто стали лить грязь на исторический выбор начала XX века.

В бурное время конца перестройки и начала 1990-х годов этот момент остался без внимания, а сейчас стоит о нем напомнить. Тогда сам выбор советского проекта поминали неодобрительно практически все «организованные политические силы», весь «союз красных и белых», не говоря уж о «демократах». Даже КПРФ объявляла себя «партией Жукова и Гагарина» — выковыривала из истории приятные образы как изюм

из булки. Я, по службе считаясь «аналитиком», общался тогда с представителями всех этих «сил». И в беседах, иногда очень доверительных (особенно в командировках, за рюмкой или стаканом), я пытался навести разговор на такую тему. Вот, вы отвергаете именно сам выбор советского пути развития. Условия выбора известны, расстановка и баланс сил — тоже. Все альтернативные проекты (Столыпина, кадетов, Колчака с мировой закулисой) были также известны и испытаны. Сейчас, с уровня вашего знания, скажите, с кем бы вы в тот момент были?

И никто из тех, с кем я смог лично или через тексты «поговорить» — ни реформаторы из группы Гайдара (из ЦЭМИ АН СССР), ни Шафаревич, ни Зюганов, ни Зорькин — ни разу не сказали и даже не намекнули, какую позицию они заняли бы в критические моменты после февраля 1917 года в *реальном* спектре политических сил. Вы отвергаете проект большевиков как якобы худший из реально возможных? Хорошо. Принимаем даже, что большинство народа фатально ошиблось, поддержав большевиков, — бывает. Скажите, с кем были бы *вы лично*. Вот это было бы по-честному, поскольку тогда ваша критика того выбора была бы сопряжена с личной ответственностью.

Пусть бы И.Р. Шафаревич сказал, что он в 1919 году был бы сподвижником генерала Шкуро или громил бы города и местечки вместе с батькой Махно. Пусть бы он сказал, что это был бы лучший выбор, чем собирать Россию под красным флагом, что лучше было бы ему потом скитаться по эмиграции, чем заниматься математикой в Академии наук СССР. Ведь реально других проектов уже не было, пути Столыпина и буржуазных либералов уже были «исхожены до конца», Керенский уже написал о себе: «ушел один, отринутый народом». Так присоединитесь в вашей рефлексии хоть к нему, вас все-таки будет тогда двое!

Нет, все молчат! Шафаревич даже возмутился — это, мол, нелепый вопрос. С какой стати он будет продумывать тот выбор, если он тогда не жил? Его отрицание рефлексии как способа познания реальности и предпосылки предвидения оказалось принципиальным, он его обдумал. Но это уже радикальный постмодернизм, мало кто до него дозрел. Все обычно задумывались — это по лицам было видно.

Думаю, каждый вспоминал следующий критический момент — поворот к сталинизму в конце 1920-х годов, к восстановлению державы, что означало отказ от идеи мировой революции. Пусть бы Зорькин сказал, что он в тот момент был бы с Троцким или Бухариным — вот реальный выбор, другого не было. В начале перестройки пытались представить Бухарина лучшей альтернативой, чем сталинизм. Но вышли из печати его труды, и эта попытка лопнула, как мыльный пузырь, ее потом предпочли забыть. Ну, так признайте: да, полвека предреволюционной работы тогдашних познеров и новодворских, Временное правительство

тогдашних бурбулисов и чубайсов толкнули Россию на такой путь, что в конце 1920-х годов сталинизм, при всех его видимых уже тогда ужасах, оказался лучшим выбором — и подавляющая масса народа сделала именно этот выбор.

Ведь это и есть фундаментальная проблема для интеллигенции. Как же можно от нее уходить? Почему в критические моменты истории, когда речь идет об утрате национальной независимости, ее спасением приходится заниматься людям с диктаторскими наклонностями, действующим с избыточной жестокостью? И как добиться того, чтобы в следующих поколениях потомки, возмущившись жестокостями, вместе с образом диктатора не сдали бы и саму независимость? Нет, об этой проблеме культуры не хотели и слушать.

А когда утвердился Сталин — оставалось десять лет до войны, и эти десять лет Россия прожила «бытом военного времени». Но ведь об этом — никто ни слова. Что такое «быт военного времени»? Это тоталитаризм. А значит, и жертвы, в том числе невинные, тоталитарной машины. Эта жертвенность принимается теми, кто воюет за страну, но ее ненавидят те, кто в этой стране есть «пятая колонна». Разве не так стоит вопрос? Так давайте честно определять свою позицию. Этим-то и трудна рефлексия.

Вот, тотальная коллективизация — зачем? Чтобы решить срочную проблему хлеба, т. к. промышленность не поспевала кормить город через товарообмен. Коллективизация — чтобы изымать средства у села для индустриализации, чтобы перейти к многопольному севообороту, механизировать поле и обеспечить заводы массой рабочих. Это проблемы, которые нельзя было отложить, не отказавшись от проекта в целом; и лишних денег для смягчения шока не было. Нефть и газ у России появились только через сорок лет — благодаря той же коллективизации.

Коллективизация — трагическая глава советской истории. Так пусть Бабурин скажет, как бы он в тот момент решал эту проблему, окажись на месте Сталина. Что предлагают вместо коллективизации — хотя бы теперь, с высоты опыта 70–80 прошедших лет? Шафаревич на это отвечает, что надо было «сосредоточить все силы на поиске другого пути». Но за 70 лет размышлений можно было бы этот другой путь ретроспективно найти, в главных его чертах. Так давайте, укажите. Не указывают, «потому что они тогда не жили». Это и есть утрата способности к рефлексии.

Поразительно, насколько разумнее и даже бережнее отнеслись к нашей истории чужие люди. В нескольких американских лабораториях рассчитали шансы на успех продолжения НЭПа без коллективизации. Эти расчеты сделали уже с помощью современных методов математического моделирования и с надежно известными данными обо всех важных сто-

ронах реальности после 1930 года. Ученые ввели в модель данные о земельном фонде, рабочей силе и численности тяглового скота в сельском хозяйстве СССР, учли реальные погодные условия 1928–1940 годов и составили прогноз урожайности и возможности увеличения поголовья тяглового скота. Эти расчеты изложены в книге Г. Хантера и Я. Штирмера «Советская экономическая политика в 1928–1940 гг.» («Faulty Foundations. Soviet Economic Policies. 1928–1940». Princeton, 1992, 339 p.). Она обсуждалась в 1993 году на семинаре в Институте российской истории РАН («Отечественная история», 1995, № 6).

При этом американские историки в своих моделях исходили из нереального, *невыполнимого* допущения, что СССР мог бы в эти годы *не проводить индустриализацию*. Более того, ученые абстрагировались даже от проблемы выживания в грядущей войне и фактора времени, отпущенного историей на то, чтобы к ней подготовиться. Но и при таком допущении оказывается, что без коллективизации переход села к травопольным севооборотам и интенсивному хозяйству оказался бы невозможен. Причем главным ограничением была невозможность достаточного прироста поголовья *лошадей* (мы об этом факторе раньше вообще не думали). Для расчета этого поголовья американские историки-экономисты составили самую детальную модель с учетом всех условий России, на основе тенденций с 1882 года по 1928 год. При оптимистических, признанных завышенными прогнозах урожайности получалось, что без коллективизации можно было бы получить примерно на 10% больше зерна, чем было реально получено в СССР. Но этот прирост был бы с лихвой истрачен на корм лошадям.

Взвешивая историю не на фальшивых весах, нельзя не признать, что советский строй смог провести страну раненную, но полную жизни, через самые тяжелые периоды. Представьте, что мы входим в ту войну или послевоенную разруху не с ВКП (б), а во главе с нынешней политической и предпринимательской элитой — «Единой Россией» и олигархами; не с Жуковым и Молотовым, а с Грачевым и Козыревым; не с солидарными карточками, а с либерализацией цен. Но ведь чтобы все это сопоставить, надо «прокатать в уме» прошлое и представить себя самого в эти критические моменты, понять свое восприятие той реальности. Только тогда ты сможешь почувствовать, осмыслить настоящее и освоить будущее. Нужна рефлексия — а ее нет!

Мы уже двадцать лет слышим непрерывный хор на манер греческого: «Сорок миллионов расстрелянных! Нет, шестьдесят три миллиона!». Разве не поразительно: после обнаружения точных и подвергнутых перекрестной проверке архивных данных о репрессиях, в университетах США в курсах истории приводятся именно эти достоверные данные, а в Российской Федерации продолжается фальсификация сравнительно

недавней истории. В этой какофонии люди вынуждены «все забыть», чтобы не быть в невыносимом постоянном конфликте с тем, что они слышат. Их память отупела, как под наркозом. И они равнодушно воспринимают любую галиматью.

Раздутый хладнокровными идеологами образ репрессий имел многоцелевое назначение. Одной из целей было разрушение *чувства государственности* — причем не только советской, а вообще любой. Это преследовало и политические, и чисто уголовные цели — отращивание к государству было необходимо хотя бы на момент приватизации почти всей государственной собственности.

Частью этой кампании стало категорическое отрицание главного инструмента государства — *насилия*. Кстати, сейчас мы видим, что отращивание к государственному насилию распространялось именно на собственное государство, а насилие, например, властей США вызывает у нашей прогрессивной публики уважение. В советской же истории насилие представляется преступным даже в самые критические периоды, когда государственные органы были вынуждены решать срочные и чрезвычайные задачи ради спасения множества жизней граждан. Представить себя и свое поведение в такие моменты современные интеллигенты неспособны.

М.М. Пришвин, живший в деревне, пишет в дневнике в 1919 году, в разгар Гражданской войны: «Представителя свободы коммуниста Алексея Спиридоновича я спросил:

— Как вы можете сажать людей в холодный амбар?

— Это необходимость, — ответил он, — и вы, и всякий посадит, если ему нужно будет собрать с наших крестьян чрезвычайный налог. Сами виноваты плательщики: он приходит, плачет, на коленки становится, уверяя, что у него нет ничего. Его сажают в холодный амбар, и через час он кричит из амбара: «Выпускайте, я заплачу!». Раз, два — и пошла практика, и так повсеместно по всей Советской России начался холодный амбар. И вы сделаете то же самое, если встанете перед государственной задачей собрать чрезвычайный налог».

Крестьянин Алексей Спиридонович это понимал и мог толково объяснить писателю-либералу Пришвину. А в конце XX века этого не понимал ни либерал-интеллигент, ни квалифицированный рабочий, который перенимал способы мышления у этого интеллигента.

Поражает, насколько умнее и мудрее был даже совсем молодой Пушкин — а ведь все мы его вроде бы учили. В «Капитанской дочке» он пишет, под именем Гринева, об изменениях, произошедших в течение жизни одного поколения (в связи с тем, что капитан Миронов в крепости собирался пытать башкирина из «бунтовщиков»): «Пытка в старину так была укоренена в обычаях судопроизводства, что благодетельный указ,

уничтоживший оную, долго оставался безо всякого действия... Даже и ныне случается мне слышать старых судей, жалеющих об уничтожении варварского обычая. В наше же время никто не сомневался в необходимости пытки, ни судья, ни подсудимые».

Да, Петр Гринев начала XIX века уже считал пытку «варварским обычаем», но он прекрасно помнит и честно признает, что в 1774 году он не сомневался в ее необходимости. Можно ли из-за этого проклинать молодого Гринева и уничтожать все жизнеустройство Гринева зрелого? Это возможно только в состоянии деградации рационального сознания и способности к рефлексии.

Утрата этой способности приводит к утрате ориентиров и для адекватного восприятия современности. Ведь наша либеральная интеллигенция, занявшая в важных вопросах нынешнего кризиса проамериканскую позицию, начисто забыла свой собственный гнев по отношению к государственному насилию в своей стране (точнее, к воображаемому образу насилия). На наших глазах интеллектуальная элита США склоняется к признанию *пытки* как приемлемого для демократического общества инструмента — и это в XXI веке! И никакого возмущения в среде российской интеллигенции. Им можно!

Вот сообщение американской прессы: «Алан Дершовитц (Alan Dershowitz), светило Гарварда, поощрительно относится к пыткам (запрещенным Конституцией США) в отношении террористов. В интервью он сказал: “Сразу хочу уточнить, что мое предложение вытекает из внутреннего отвращения к пыткам: это тайное и нелегальное явление, которое, к сожалению, существует и которое, будучи не в состоянии искоренить, я бы хотел поставить на службу закону и демократии... Перед бомбой, оснащенной часовым механизмом и готовой взорваться — т. е. террористом, располагающим информацией, которая может спасти жизни тысячам невинных людей, — любая настоящая демократия может и должна сделать что-нибудь, чтобы предотвратить взрыв...»

Моя цель — узаконить пытку, чтобы иметь возможность контролировать и останавливать ее. Сегодня пытка тайно и нелегально практикуется на всей планете, включая демократические страны, подписавшие международный договор о ее упразднении. ЦРУ по всему миру пустило леденящий душу учебник с самыми жестокими методами “вымогания информации”, а комиссары полиции, от Калифорнии до Флориды, ежедневно применяют пытки за закрытыми дверями. Я считаю, что намного лучше было бы ввести ее в рамки закона, сделав видимой и прозрачной, т. е. демократичной... Кроме того, я предлагаю ввести “несмертельную” пытку, как, например, разряды тока или иглы под ногти, которые вызовут невыносимую боль, не подвергая опасности жизнь индивида”».

Повлияло ли это признание «светила Гарварда» на ненависть российских демократов к НКВД? Нет, нисколько. Вызвало ли оно ненависть к ЦРУ, ФБР и политической системе США? Нет, нисколько. Перед нами случай расщепления сознания и утраты способности к рефлексии.

Но для нашего нынешнего состояния, видимо, самым губительным было разрушение краткосрочной, *оперативной* памяти — памяти о тех идеях, словах и делах, которые прямо влияют на нашу жизнь, наши решения и наше поведение именно сегодня. Все понимают, что положение страны очень тяжелое — накапливаются угрозы и тают ресурсы. «Рост ВВП», благодатные нефтяные цены и нежность к нам со стороны Джорджа Буша или Барака Обамы уже мало кого утешают. Но ведь и связно обсудить хотя бы между собой пути выхода из кризиса люди не могут! Они уже не помнят, как мы в эту яму свалились, кто нас в нее вел и какими доводами соблазнял. Мы уже забыли, где верх, а где низ, как надо жить человеку, а как не надо. Ведь мы стали непохожи на самих себя — мы забыли, кто мы и откуда!

Невозможно вылезти из ямы, если подорвана способность к рефлексии — способность оглянуться назад и обдумать прежние шаги, найти ошибки и извлечь из них уроки. Рыба заплывает в кошельковый невод, а выплыть обратно не может, хотя выход открыт — она не помнит пути, по которому заплывала. Мы сегодня живем в специально устроенном аномальном состоянии, мы — общество без рефлексии. В таком состоянии общество нежизнеспособно. Оно может выздороветь или распаться, но оно не может долго так существовать. И сама собой болезнь не пройдет, нужна целенаправленная «починка инструментов».

В марте 2004 года большая передача на телевидении была посвящена 15-летию начала забастовок шахтеров Кузбасса, которые нанесли тяжелейший удар по советскому строю. В передаче была показана хроника того времени, участвовали губернатор Кемеровской области А.Г. Тулеев, сами шахтеры, руководители забастовочных комитетов. Последние говорили, что те забастовки были «самым счастливым временем в их жизни». В этом было что-то ненормальное. Опубликованы подробные исследования тех событий, да и невооруженным глазом видно, что тогда шахтеры стали пешкой в политической игре московской номенклатуры и местного начальства шахт.

Шахтеры получали в СССР самую высокую зарплату по сравнению с рабочими того же квалификационного уровня других профессий. И в то же время они знали, что почти все шахты нерентабельны и получают большие дотации. В этих условиях требовать «смены общественного строя» и перевода угольной промышленности на рыночные принципы было очевидной глупостью, с точки зрения шкурных интересов самих шахтеров. «Рынок» означал для них безработицу, а на уцелевших шах-

тах — сокращение в несколько раз зарплаты горняков и капиталовложений в технологию и охрану труда.

На телеэкране в той передаче мы видим шахтеров 1989 года — веселых, сытых, уверенных в себе. Они — *гегемон*. Ельцин перед ними заискивает, они его хлопают по плечу. Через несколько лет те же шахтеры, исхудавшие и понурые, говорят, что «они теперь стали быдлом». Ну так вспомните, как это получилось! Это же результат ваших собственных решений. Чего вы ждали, добиваясь отмены государственных дотаций вашим шахтам? Как вы представляли себе действия собственников шахт после их приватизации?

Налицо фатальная ошибка большого числа людей, в том числе инженеров — людей с высшим образованием. Каков был ход их мысли, когда они требовали «предоставления шахтам полной экономической самостоятельности»? Ведь по рыночной цене уголь большинства шахт никто не купил бы. Поразительно, что точно такая попытка была сделана при введении НЭПа на шахтах Донбасса в 1921 году, и пока власти смогли восстановить «зависимость» шахт от государства, часть шахтеров умерли с голоду — но этого они не учли, потому что способностью к рефлексии не обладали.

Инженеры, непосредственно руководившие забастовками, не считают себя провокаторами, гордятся собой, а шахтеры не выдвигают к ним претензий. И все говорят о тяжелейших социальных последствиях, к которым привели их собственные действия. Никакой мысли об ошибке — и это после всего, что они пережили. Понятно, что и телевидение постаралось определенным образом «слепить» передачу... но ведь не дети выступали перед телекамерами, могли бы хоть слово вставить, хоть намекнуть.

Нарушение норм рациональности при утрате памяти и способности к рефлексии — большая общенациональная проблема, она сама должна стать предметом усиленной рефлексии, а затем и специальной культурной, образовательной и организационной программы. Пока что признаков осознания этой проблемы не видно. Приведу недавний и хорошо известный пример.

В 2002 году в РФ собрали 86 млн тонн зерна. 12 октября 2002 года В.В. Путин (тогда Президент РФ) заявил, что в России достигнут *рекордный урожай*. Он сказал буквально следующее: «В последние годы, несмотря на плохую погоду, удалось добиться таких результатов, *которых не было в советское время*».

Как можно было произнести такое? Реальные данные Госкомстата РФ о производстве зерна (в весе после доработки) публикуются регулярно и общедоступны. Они таковы: в 1970 году в РСФСР было собрано 107 млн тонн зерна; в 1973 году — 121,5; в 1976 году — 119; в 1978 году —

127,4; в 1990 году — 116,7; в 1992 году — 107 тонн. Мы видим, что 24 года назад было собрано зерна в *полтора раза больше*, чем в «рекордный» 2002 год. То есть представления В.В. Путина о зерновом хозяйстве России ошибочны фундаментально, а не в нюансах. Более того, урожай 1992 года, т. е. урожай *уже времен реформы*, был больше «рекорда» почти на треть. Урожай менее 100 млн тонн в последние 20 лет в РСФСР вообще был редкостью. Даже в *среднем* за пятилетку в 1986–1990 годы зерна собирали 104,3 млн тонн в год.

Понятно, что заявления Президента страны, касающиеся экономических вопросов, готовятся и редактируются экспертами-экономистами, которые подвизаются при Правительстве и Администрации Президента. Трудно заподозрить их в том, что они хотели «подставить» своего работодателя — они сами были уже неспособны встроить свои количественные измерения во временной контекст. Но ведь это свойственно экономистам как сообществу в целом. И нелепая байка про «рекорд» потом кочевала по СМИ без какой бы то ни было реакции и коррекции в течение двух лет.

Более того, когда в декабре того же 2002 года я изложил этот казус в выступлении на конференции на экономическом факультете МГУ и привел данные Госкомстата о производстве зерна на территории РФ, по аудитории прокатился гул недоверия, и несколько человек с мест закричали, что приведенные мною данные касаются *всего СССР*. Таким образом, многие экономисты, собравшиеся в «лучшем вузе страны», не только не знали, как сказалась реформа на зерновом хозяйстве России, но и не помнили, что с 1976 года по 1985 год в СССР собиралось в *среднем* по 193 млн тонн зерна в год, а рекордные урожаи доходили до 215 млн тонн. А ведь речь о хлебе страны.

Конечно, экономистам не обязательно помнить точные цифры, не составляет никакого труда посмотреть их в справочнике. Дело в том, что у экономистов утрачен навык мысленно встраивать сообщение с количественной мерой во временной контекст. Ведь утверждение, будто 2002 год стал рекордным для территории РФ за всю ее историю, не является тривиальным. Как можно, называя какое-то достижение рекордом, не взглянуть назад и не поинтересоваться, какими были достижения в прошлые годы? Тем более что уж экономисты-то должны быть наслышаны о том кризисе, который переживало сельское хозяйство страны в начале десятилетия. Как могла такая сенсация не вызвать интереса и сомнения? Ведь действительно рекордный урожай в тех условиях был бы поистине чудом и должен был бы стать объектом пристального внимания во всем мире.

Наконец, мы видим полное отсутствие рефлексии в той части интеллигенции, которая приняла активное участие в экологическом движении

в годы перестройки. Они добились своего — и получили резкое *ухудшение* положения. Нельзя же оставить такой факт без анализа, это естественно для специалистов научного и технического профиля!

Возьмем одну из главных проблем экологии — использование природных ресурсов. Да, СССР, проводя форсированную индустриализацию, допускал «перерасход» природных ресурсов. Но ведь после слома советской системы мы наблюдаем просто хищническое отношение частных фирм к природным ресурсам. Где же протесты интеллигенции?

Как сообщалось в газете «Коммерсантъ» (17.06.2004), средняя проектная величина коэффициента извлечения нефти (КИН) в Российской Федерации снижается, и в 2004 году она составляла около 35%, т. е. после окончания разработки месторождений в земле остается 65% нефти. Заместитель генерального директора ВНИИНефть С. Жданов так комментировал этот факт: «В последнее время деятельность нефтяных компаний направлена на интенсивный отбор нефти с минимальными затратами. Вместе с тем, в нарушение лицензионных соглашений некоторые природопользователи преждевременно закрывают обводненные или низкодебитные скважины. Выборочное извлечение наиболее продуктивных запасов ведет к уменьшению КИН и безвозвратной потере части запасов нефти».

Так объясните, экологи, свой ход мысли, когда вы требовали перехода к рыночному принципу природопользования!

Резко ухудшилась защита лесов от пожаров, что привело к росту и числа пожаров, и площадей сгоревших лесов. Ценный «учебный материал» дали лесные пожары лета 2010 года. Ведь государство и общество с огромным трудом справились с бедой, для преодоления которой уже были выработаны надежные и эффективные способы. И дело не только за властью, общество и само находится в том же состоянии безответственности и беспамятства. Люди живут сегодняшним днем — завтра эти пожары забудутся, и никто не извлечет урока. Не будет никакой рефлексии, люди согласятся с внушаемым им мифологизированным представлением об этих явлениях.

Засуха и пожары позволяют говорить о потере государственным управлением и его экспертами системной памяти. Стерта память историческая — о том, как решались проблемы пожаров на протяжении русской истории, какую роль играли реформы в лесопользовании и охране лесов. Но забыты и современные пожары — например, пожары торфяников 1972 года. Тот пожар дал достаточно полную техническую и управленческую информацию об этом явлении, о тех мерах, которые необходимо предпринимать для предотвращения пожара или быстрой блокады его распространения. Даже испытанные тогда системы сборных мобильных трубопроводов, показавшие свою эффективность

и с тех пор усовершенствованные, в 2010 году были с опозданием и в гораздо меньшем масштабе введены в действие. В 1972-м через такие трубы на места возгорания было вылито 5,5 млн кубометров воды. Летом 2010 года каждый день сообщались цифры: при тушении пожара вылило — то 290 кубометров воды, то 500... Задействовано два самолета, три вертолета... Очевидно, что введенные в действие силы и ресурсы были несоизмеримы с угрозой.

Дальше — больше. Даже если оправдать короткую память о советском опыте развалом страны, масштабными переменами и т. д., то должна была бы остаться хотя бы память о событиях 2002 года. Тогда также имели место природные пожары, хотя и меньшие по объему, но сходные по типу. Уроков вынесено не было. Осенью 2002 года было принято решение обводнить торфяники (не будем сейчас обсуждать его правомерность или ошибочность). В 2003 году эти работы были начаты, а в 2004-ом — заброшены, причем без каких-либо распоряжений, без отчетов о выполнении либо объяснений причин принятия решения прекратить выполнение программы. О ней попросту забыли.

Без памяти нет и предвидения. Не было никакого предвидения и относительно того, что произойдет после внедрения нового Лесного кодекса. Почему, вводя этот Кодекс, власти не задумались о том, что произойдет, если перестать ухаживать за противопожарными лесными просеками? Что произойдет, когда будет ликвидирован институт лесников, которые были способны сразу гасить возгорание при его обнаружении, не доводя до катастрофического разрастания очага лесного пожара?

Как в обществе, так и во власти утрачена способность встраивать явление в контекст. Вину за пожары возложили на аномальную жару и торфяники, в то время как в ряде регионов России и в Белоруссии при похожих условиях — аналогичной жаре и тех же торфяных болотах — никаких пожаров не возникало. А все дело в том, что власти этих регионов, даже в рамках рыночной системы, сохранили разумные методы лесного хозяйствования. Кроме того, у всех перед глазами примеры Швеции и Финляндии, где также имеются очень большие торфяники, а масштабы их осушения и разработки торфа намного больше российских. И никаких пожаров.

Дело вовсе не в злонамеренном игнорировании нашей, российской реальности. Это было бы все же полбеда. По многим признакам, эта недееспособность — следствие утраты важных блоков рационального сознания.

Давайте для начала вспомним тот прошедший незамеченным факт, что реформаторы первым делом ликвидировали главные инструменты рефлексии и коллективной памяти, которые выработала наша культура. К их числу относится, например, регулярный гласный отчет по понят-

ной и весьма строгой форме — чтобы докладчику трудно было вилить. Прошел год — и отчитывается руководитель, каждый в рамках своей ответственности, а все слушают и вспоминают. Даже если он где-то приврет или приукрасит, сама форма отчета заставит людей вспомнить предшествующий отчет и сравнить. И этот отчет кладется в библиотеку, как летопись наших дел. А главное — к нему в любой момент можно обратиться, чтобы «освежить» память.

Мы, конечно, не очень-то любили производственные совещания, на которых отчитывался директор, а также профсобрания с отчетом профкома, сессии Верховного Совета с правительственным отчетом Косыгина, например. Мы к ним тогда привыкли и не замечали, что это была *привычка вспоминать и обдумывать пройденное* — за год, за пятилетку. И вот, эту обязанность вспоминать и обдумывать отменили. Возьмите сегодня любой отчетный доклад того же Косыгина — и сравните его с речами и интервью российских глав правительства — Гайдара, Черномырдина, Касьянова... Поверьте, это все равно, что сравнивать рассуждения Ньютона с пляской шамана! Это такой откат России в культуре памяти и культуре мышления, что за одно это спросится на Страшном суде с нашей интеллигенции: это куда же вы привели русский народ?

Если и есть современные отчеты, составляемые Правительством по установленной международными организациями форме, то они остаются практически недоступными для общества. Хорошо, если какой-нибудь министр спустит по иерархии на пару дней в институт почитать официальный «Доклад о состоянии здоровья населения РФ». В 1993 году его выпустили тиражом 300 экз., а сейчас и тираж не обозначают. Разве не надо знать гражданину, что произошло за годы реформы со здоровьем населения его страны?

А ведь граждане, и даже специалисты, утратили доступ к совсем уж элементарному инструменту коллективной памяти — *статистическим ежегодникам*. В советское время ежегодник «Народное хозяйство СССР» издавался массовым тиражом, содержал ясные и очень информативные показатели с длинными временными рядами и стоил 3 рубля. Я, например, покупал его, будучи студентом, далеким от экономической науки, — и видел за цифрами историю, победы и беды России. Теперь вряд ли кто-нибудь из сегодняшних профессионалов купит ежегодник — скудное по содержанию издание ценой более тысячи рублей¹. Сделаны недоступными простейшие контрольные инструменты рефлексии

---

¹ Совсем недавно я позвонил в Комитет по статистике СНГ, хотел приобрести у них диск с показателями всех стран Содружества, выпущенный в 2005 г. к 15-й годовщине СНГ (я даже надеялся получить этот старый диск даром или за символическую цену). Но мне сказали, что его стоимость — 9 тыс. руб. И это за CD-ROM, красная цена которому — 100 руб.!

(отчетные доклады, контрольные цифры и др.), идет быстрая деградация хранилищ материальных носителей памяти (архивов и библиотек). Восстановление даже этих элементарных условий для полноценного рефлексивного мышления уже стало сложной задачей.

Не имея ни ясно изложенных программ, ни отложившихся, как летописи, отчетов, ни доступной статистики, люди и не могут оценить ни пройденного пути, ни дела нынешних руководителей. Катимся в яму, а где наши правители нас обманули или в чем ошиблись — указать не можем. Ведь это исторический феномен, который будущие историки вряд ли смогут понять: Ельцина второй раз выбрали Президентом страны! Хотя уже имелись все основания обвинить его во многих бедах и злоупотреблениях — но все это к моменту выборов люди «забыли»! Пусть выборы были нечисты, это дела не меняет, слишком много русских людей за него голосовало.

А как можно без памяти о пройденном рассуждать о каких-то программах! Прочитайте сегодня какой-нибудь проект директив к пятилетнему плану, зачитанный Косыгиным, и, скажем, «программу Грефа». Так отключение памяти отключает и гражданское чувство: ведь перед нашим носом пять лет размахивали этой «программой Грефа», и мы, махнув рукой, ничему не веря, ее принимали. А потом и программа эта куда-то исчезает — и о ней никто не вспоминает.

Сами политики как личности для нас несущественны. Но только вспоминая и обдумывая их слова и реальные дела, восстанавливая в уме пройденный за 20 лет путь, мы сможем связать концы с концами, натренируем свои придушенные способности выстроить в уме временной ряд событий, чтобы заглянуть немного вперед. Необходимо *вспоминать* — что было, что обещалось, что делалось и к чему пришли.

В чем трудность восстановления навыков рефлексии? В том, что причины их поражения фундаментальны и находятся в синергическом (кооперативном) взаимодействии. Соединились и усиливают друг друга политические и мировоззренческие факторы, которые отличают режим переходного периода после 1988 года. Этот режим возник, действовал и сохранялся через погружение общества в состояние перехода «порядок — хаос». Подрыв механизмов и изживание самой «культуры рефлексии» были условием существования этого режима.

Кризис — это вышедшая из рамок порядка борьба интересов, разрушающая структуры сложных общественных систем. Одним из результатов этой борьбы является деформация или глубокое поражение структур мышления. Здесь особенно наглядно видно появление «странных аттракторов», посредством которых мышление загоняется в весьма стабильные новые структуры, задающие ход мысли, неадекватный реальности. Это состояние само становится источником опасности

для существования систем общества и фактором углубления кризиса вплоть до создания системы порочных кругов («исторической ловушки»). Хотя внимание обычно привлекают необъяснимые ошибки в решениях органов власти и управления, основанием для таких ошибок является повреждение инструментов мышления у широких категорий специалистов, связанных с подготовкой решений, а также у широких масс населения как той культурной среды, в которой зарождаются и созревают идеи.

За последние 20 лет произошло повреждение структур мышления значительной части работников управления и органов власти, а также их интеллектуальной службы — гуманитарной интеллигенции и обществоведения. Из этой среды новые («странные») нормы и приемы мышления диффундируют в массы людей с более низким уровнем образования. Результатом стала общая неспособность рационально оценивать опасности, прогнозировать риски и осуществлять контроль над чрезвычайными событиями и процессами. Более того, неадекватные умозаключения сами становятся источниками опасности и порождают саморазрушение систем.

Мы обычно сводим все дело к коррупции и некомпетентности, но еще большая беда состоит в том, что власти делают ошибку за ошибкой — и никаких признаков рефлексии и «обучаемости».

Лекция 9

Системный характер методологического регресса в обществоведении

На прошлых лекциях мы говорили о *частях* когнитивной структуры обществоведения, в которых произошли особенно глубокие деформации или нарушения целостности. Как правило, такие сбои в одной части системы нарушают «работу» других элементов или разрывают связи между ними. Рассмотрим на нескольких примерах такие обширные повреждения всей познавательной системы. Именно совокупности срывов и отказов одновременно в понятиях, логике, мере и приводят к ошибкам в суждениях, оценках, выводах, за которыми следуют неверные решения или установки. Это — одно из важных общих условий возникновения и углубления системного кризиса российского общества.

Кризис порожден реформой, начатой в 1988 году и переведенной в фазу катастрофического слома жизнеустройства после ликвидации СССР в конце 1991 года. Строго говоря, мы применяем слово «реформа» условно, из соображений политкорректности. Под реформой понимают осторожное изменение элементов и связей системы (экономической, социальной и др.) без создания необратимости и давая после каждого шага время для адаптации и социальным структурам, и обывателям. Чаще всего при реформах стараются создавать новые структуры «рядом» со старыми, которые демонтируются по мере обретения работоспособности новыми институтами и учреждениями.

Преобразования, начатые в 1992 году, были столь радикальными («шоковыми»), что их было бы правильнее называть *революционными*. В обиход даже вошло иррациональное выражение «реформа посредством слома». Открыто ставилась цель сделать изменения *необратимыми*. Да и сами идеологи реформы любили называть ее революцией — правда, используя это слово как обозначение не катастрофы, а великого блага. Впрочем, популярный тогда Н.П. Шмелев уточнил, что речь идет о революции разрушительной: «Революция сверху отнюдь не легче революции снизу. Успех ее, как и всякой революции, зависит прежде всего от

стойкости, решительности революционных сил, их способности сломать сопротивление отживших свое общественных настроений и структур».

В.А. Мау и Е.Г. Ясин также считали, что в 1991 году в СССР произошла революция. Ясин даже писал: «По своему значению, по глубине ломки социальных отношений, пронизавших все слои общества, [августовская] революция была для России более существенна и несравненно более плодотворна, чем Октябрьская 1917 года».

Но не будем спорить о терминах, все привыкли к слову *реформа* — так и будем называть то, что произошло. В любом случае та общность, которая была движущей силой изменений (будь то реформа или революция), несла ответственность за выполнение функции *предвидения*. Значительная часть усилий за выполнение этой функции ложилась на обществоведение. Обществоведы, особенно экономисты, стали эту роль выполнять с видом жрецов, обладающих тайным знанием. Интеллигенция от их речей впадала в эйфорию.

Литературовед В.Я. Лакшин (тогда главный редактор журнала «Иностранная литература») так писал в 1992 году о «поражительном успехе экономистов»: «На заре перестройки читали ученых-социологов, аграрников и т. п., начиная со Шмелева, Лациса, Лисичкина, Селюнина и т. д. От них общество ждало, что ему раскроют глаза на то, как жить людям, как “обустроить” жизнь в стране. Была иллюзия, что ученые не ошибутся и не соврнут, потому что экономика — точная наука, подобно математике. Экономисты были популярны, как эстрадные звезды, как Валерий Леонтьев или Алла Пугачева. Помню, как Н. Шмелева приветствовал на читательской конференции зал: чуть ли не вставали, засыпали цветами. Был триумф, колоссальный кредит доверия».

Обществоведение доверия не оправдало. Оно оказалось совершенно несостоятельным в выполнении функции предвидения. Эту несостоятельность уже «на заре перестройки» можно было спокойно выявить на материале высказываний и текстов того же Н.П. Шмелева.

Способность *предвидеть* состояние и поведение важных для нас систем и окружающей среды — важный «срез» рационального сознания. Способность строить образ будущего в сознании (*воображение*) — свойство разумного человека. Прежде чем сделать шаг, человек представляет себе его последствия. В обществоведении для этого выработаны специальные мыслительные операции.

Шопенгауэр в «Афоризмах житейской мудрости» так определяет эту обязанность: «Прежде чем браться за выполнение какого-либо намерения, надо несколько раз хорошенько его обдумать и даже после того, как все нами уже подробно рассмотрено, следует принять в расчет несовершенство людского познания, из-за коего всегда возможно наступление обстоятельств, исследовать и предвидеть которых мы не смогли, — об-

стоятельств, способных опрокинуть все наши расчеты. Такое размышление непременно прибавит весу на сторону отрицания и скажет нам, что не следует, без необходимости, трогать ничего важного, нарушать существующий покой».

Если не считать, что реформаторы следовали тайному сатанинскому замыслу, то придется констатировать их поразительную безответственность и профессиональную несостоятельность. Они не смогли «несколько раз хорошенько обдумать» свое намерение.

В январе 1994 года, когда разразился небывалый в истории индустриальных обществ кризис, академик А.Г. Аганбегян так объяснил его причины в интервью Институту социологии РАН: «Надо прямо сказать, что рыночная система — это очень жестокая система по отношению к человеку. Система с очень многими негативными процессами. Рыночной системе свойственна инфляция, рыночной системе обязательно свойственна безработица. С рынком связано банкротство, с рынком связан кризис перепроизводства, рецессия, которую, скажем, сейчас переживает Европа, с рынком связана дифференциация — разделение общества на бедных и богатых... Дифференциация у нас, конечно, к сожалению, уже сейчас, ну, не к сожалению — это неизбежно, — у нас уже сейчас растет, и будет дальше резко расти».

Этот руководитель экономической науки был главным и самым авторитетным пропагандистом рыночной реформы. Но тогда он не говорил ничего даже отдаленно похожего на это заявление. И никто из его коллег-экономистов, академиков и профессоров не сделал ему никакого упрека — по сей день.

Более того, когда в результате приватизации возникла совершенно новая социокультурная общность «новых собственников», официальное обществоведение стало выступать в роли их службы «интеллектуальной поддержки». Оно оставило свою профессиональную обязанность добывать беспристрастное знание об обществе, определяя вектор идеалов и интересов всех социальных групп, и прилепилось к «элите». А в качестве активных идеологов стали выступать сами новые собственники («предприниматели»)!

Но это противоречит выводам даже самих теоретиков рыночной экономики. Адам Смит заканчивает первый том своей главной книги «Богатство народов» таким предостережением: «Всякое предложение нового закона, исходящее от этого разряда людей, должно быть встречено с крайним недоверием и может быть принято только после подробного и самого тщательного исследования, произведенного не только со всевозможной добросовестностью, но и с самою недоверчивою внимательностью. Ибо предложение это исходит от класса людей, интерес которых никогда не может совпадать совершенно с интересами всего

нароdonаселения, и состоит только в том, чтобы провести общество и даже обременить его, что уже неоднократно и удавалось им делать при каждом удобном случае».

В культуре советского и тем более постсоветского общества была ярко выраженная недоверчивость к крупному капиталу. Как же можно было возводить его в ранг носителя истинности и нравственности! Это сразу вызвало раскол в обществе. И от русских философов начала XX века, и от советских историков, и от западных либеральных мыслителей эти академики и профессора *знали*, что никакая реформа не может увенчаться успехом, если она не принимается культурой данного общества. Знали — но вдруг как будто забыли! Но ведь их специально предупреждали, в том числе с самого Запада.

Видный современный философ либерализма Дж. Грей писал о таком откате к «пещерному» либерализму: «Реальная опасность палеолиберальной мысли и политики во всем многообразии их форм заключается в непонимании их адептами того обстоятельства, что рыночные институты живы и прочно стоят на земле только до тех пор, пока они встроены в контекст культуры обществ, чьи потребности они призваны удовлетворять». В другом месте он говорит о конкретной программе неолиберальных реформ, навязываемой МВФ: «Она утопична в своем игнорировании или отрицании той истины, что рыночные институты стабильны тогда и только тогда, когда они укоренены в совокупности культурных форм, ограничивающих и наполняющих смыслом их деятельность».

«Непонимание» наших адептов рынка и политиков можно объяснить только тяжелым приступом гипостазирования вкупе с аутизмом. Иначе надо квалифицировать это как должностное преступление. Наши реформаторы и их экспертное сообщество впали в крайнее состояние — *грезы наяву*. Исходя из социального запроса этой «элиты» и фабрикуются нынешней политологией и футурологией приятные образы будущего. «Программа Грефа», удвоение ВВП, национальные проекты, «Россия 2020» — все это продукты аутистического сознания. Эти приятные образы будущего декларируются, затем вытесняются следующим приятным намерением, потом благополучно забываются. Между тем, для власти особенно важно предвидеть не розовые образы, а угрозы и риски. Созревают угрозы, но их не желают видеть и слышать. Будущее идет к нам шагами Каменного гостя.

Проектирование будущего, определение общего вектора развития и конкретное целеполагание, осуществляемые властью и объясняемые обществу экспертами, требуют постановки и осмысления *фундаментальных* вопросов бытия. Власть формулирует их как проблемы «национальной повестки дня», как череду «перекрестков судьбы», акту-

альных исторических выборов, давая и обоснование своего выбора той или иной альтернативы. На разных уровнях общества эта повестка дня обсуждается в ходе «каждодневного плебисцита», обмена информацией через сложившуюся в обществе систему каналов. Здесь активное участие обществоведения необходимо — мы непрерывно видим авторитетных обществоведов на экране, слышим их по радио, читаем в прессе.

Снижение качества решений и их трактовки выразилось в настоящем уходе власти и ее экспертов от постановки и осмысления фундаментальных вопросов. Это было неожиданно видеть у образованных людей, наделенных властными полномочиями. Для них как будто и не существовало неясных вопросов, не было никакой возможности поставить их на обсуждение.

Можно даже сказать шире. Современный кризис России «замечателен» тем, что между властью и обществом как будто заключен негласный договор: не ставить не только фундаментальных, но и вообще трудных вопросов, уже не говоря о том, чтобы отвечать на них. Депутаты не задают таких вопросов Правительству, избиратели — депутатам, читатели — газете, газета — академикам и т. д.

Уже М.С. Горбачев принципиально отверг целеполагание как одну из главных функций государства. Он с самого начала заявил: «Нередко приходится сталкиваться с вопросом: а чего же мы хотим достигнуть в результате перестройки, к чему прийти? На этот вопрос вряд ли можно дать детальный, педантичный ответ». Никто и не просил у него педантичного ответа, спрашивали об общей цели, о векторе движения страны в *переходный* период.

Здесь возникает проблема, в которую мы углубляться не будем, но обозначим. Отказ от явного целеполагания может быть избран как тактический прием по разным причинам. Первая — желание уйти от ответственности (или смягчить эту ответственность) при провале авантюрной программы. Если авторы программы видят ее дефекты, создающие высокий риск провала, то цель не объявляется, а после провала говорится, что «мы этого и хотели» — с идеологическим оправданием того, что реально «получилось». Если в руках сохраняется контроль над СМИ (и организованной «оппозицией»), то катастрофу всегда можно представить как следствие «тоталитарного прошлого», «отсталости народа» и пр. Вторая причина — принятие властью целей, настолько противоречащих интересам подавляющего большинства населения («страны» как целого), что их было невозможно огласить вплоть до надежного достижения необратимости.

Какая из двух причин является исходной, выяснить в ходе событий трудно. Часто эти причины совмещаются: начав авантюрную программу и заведя страну в тупик, власть может пойти с повинной не к собствен-

ному народу, а к правителям геополитического противника и «сдать» страну. У нас сейчас, говорят, «переходный период», власть нас ведет куда-то. Первая обязанность ведущего — объяснить людям, куда идем, какое болото у нас на пути, по каким кочкам или мосткам будем переправляться. Наша власть и ее интерпретаторы молчат. А если говорят, то так, что каждое слово порождает недоумение. Речь стала не средством *объяснения* (от слова «ясно»), а средством *сокрытия* целей и намерений. Недаром при власти кормится целая рать толкователей («политологов»).

В самом начале, когда власть стала уходить от фундаментальных вопросов, это выражалось в отказе от определения категорий и их места в иерархии. Это приводило к смешению ранга проблем, о которых идет речь. Причем, как правило, это смешение имело не случайный, а направленный характер — оно толкало сознание к *принижению* ранга проблем, представлению их как простого, хорошо освоенного явления, не сопряженного ни с каким риском для страны. Соответственно, ликвидация или изменение существующих структур представлялись как чисто технические решения.

И школьная реформа, и смена типа высшего образования, и реформа пенсионного обеспечения или ЖКХ — все это проблемы *исторического выбора*. Все они меняют сам тип жизнеустройства народа. Они должны обсуждаться как *политические* проблемы. А в Государственной думе постоянно слышатся призывы «уйти от политики». В дебатах Госдумы все законопроекты представлены как очевидно полезные, так что речь может идти только о «поправках». Если сделано «200 поправок», значит Госдума поработала на славу. А на деле даже понять невозможно, о чем там спорят.

Экспертам, которые в *принципе* отвергают предлагаемое Правительством решение, вообще в Госдуме трибуны не дают. С начала реформы мы раз за разом сталкиваемся с новыми явлениями и проблемами, которые требуют ответственного осмысления совместно государством и обществом. Этого нет. Не наметив цели движения, власть вместо определения стратегического курса захлебывается в ситуативных решениях.

Изменение структур, символов или понятий, которые имеют цивилизационное значение, выдают за несущественные шаги в сфере «технической целесообразности». Говорили, например, о замене слова «милиция» на «полицию». Мелочь? Нет, смена *символа*. Вот, объявили награду за голову Басаева — противный нашей культуре метод. Чего добились? Где очередь за этими долларами? Зачем было тащить в Россию эту грязную технологию?

Дальше — больше. Генеральный прокурор предложил брать в заложники родственников террористов! Телевидение сразу об этом рас-

трубило и даже ввело в обиход термин «контрзаложники». Понимают ли философы, социологи и юристы, которые готовили это предложение, что это значит в России? Ну, соберут по деревням и рынкам десятка три женщин и детей, привезут на место захвата заложников — а дальше что? Расстреливать их по очереди?

Целая рать экспертов, которая снабжает государственную власть России идеологическими метафорами, афоризмами и формулами, не может встроить их в реальный контекст и как будто просто не может *додумать* их. Многие из этих странных понятий и афоризмов работают *против государства* — не из-за злого умысла их авторов, а просто из-за неадекватности, которая травмирует общество.

Некоторое время в СМИ и на разных уровнях власти делалось ставшее почти официальным утверждение, будто «*террористы не имеют национальности*». Понятно, что оно вызвало замешательство: куда же у них делась национальность? Каким образом они от нее избавились? Это заявление было тем более странным, что вся российская и мировая пресса была полна выражениями типа «палестинские террористы» («баскские», «чеченские» и пр.). Какой эксперт предложил эту формулу, какие доводы при этом приводились, почему образованные люди на высоких постах ее приняли?

Предельно странной была и сама трактовка терроризма, которую давали российские политики. И это притом, что явление терроризма приобрело фундаментальное значение, оно интенсивно изучается, и вклад России в знание о нем весьма велик. На одном всемирном конгрессе в сентябре 2003 года В.В. Путин заявил, что террор — это «подавление политических противников насильственными средствами» (это он якобы нашел в «отечественных и иностранных словарях»). Это определение терроризма вызвало удивление, ибо оно «позволяет считать террористами Кутузова, Матросова и вообще всех участников обеих отечественных войн».

Ухудшение языка — важный признак и в то же время фактор регресса в мышлении. Видный социолог П. Бурдьё писал: «Социальный мир есть место борьбы за слова, которые обязаны своим весом — подчас своим насилием — факту, что слова в значительной мере делают вещи, и что изменить слова и, более обобщенно, представления ... значит уже изменить вещи. Политика — это, в основном, дело слов».

К терроризму без достаточных оснований причисляют многие болезненные явления, порожденные кризисом. Неверные понятия искажают смысл явлений, а значит ведут к ошибочному пониманию проблем и к неэффективным решениям.

Вот, в 2008 году была проведена акция боевиков в Нальчике, крупном городе, столице региона, центре сосредоточения федеральных во-

енных сил на Северном Кавказе. Ясно, что это признак качественного изменения ситуации. Это — не Чечня, где войну двадцать лет готовили западные спецслужбы с целью разжечь разрушающий СССР пожар. Что же произошло в Кабардино-Балкарии? Власть после событий в Нальчике хранила полное молчание, а выступления должностных лиц среднего уровня многих просто возмутили. Эти события опять пристегнули к «международному терроризму».

Где тут терроризм? Террористы вселяют страх в население, чтобы шантажировать государство, а здесь вооруженные группы открыто штурмовали здания силовых структур, цитадель государственности. Речь идет о *мятеж-войне*, новом типе войн, возникшем в конце XX века. Это явление для России очень опасно, но по своей природе и структуре оно никак не сводится к терроризму — зачем же вводить в заблуждение и себя, и общество?

Но самое тревожное состоит в том, что стратегические установки власти находились в противоречии с теми причинами событий, которые вслух изложили руководители силовых структур самой Кабардино-Балкарии. Они сказали, что вооруженное подполье в их республике возникло вследствие целого ряда причин:

- из-за массовой безработицы, выбросившей из общества целые поколения молодежи;
- из-за произвола властей, который озлобил большую часть населения;
- из-за резкого снижения образовательного уровня и даже грамотности молодежи, что делает ее беззащитной против влияния упрощенных радикальных идеологий с религиозной окраской.

Это здравые суждения, и большинство примерно так и представляло себе причины, просто наконец-то это сказали вслух. Но ведь все эти причины — прямой результат реформ. А *неизменность курса* этих реформ утверждается всеми структурами нынешней власти — Президентом, Правительством, Госдумой при диктате «Единой России». Какковы же перспективы? Если противоречия, породившие мятеж, быстро не разрешаются, он будет тлеть долго — даже если исходные причины отпали сами собой.

Такая деградация системы понятий, целей, средств, индикаторов и критериев продолжает быть присущей многим воздействиям, которые власть пытается оказать на государственную, хозяйственную или социальную сферу. Это движение без компаса и карты грозит многими бедами.

То, как произошел этот провал в рациональности, должно стать предметом специальных исследований, это необычный феномен в истории культуры. В мемуарах разработчиков доктрины реформ сейчас являются ценные в этом отношении признания. Мы уже приводили вы-

держки из лекции С. Кордонского о том, что авторы доктрины реформ принципиально не учитывали российскую реальность. Они будто бы сознательно, как при медитации, сдвинулись к аутистическому мышлению. Сам он гордится своим вкладом в эту доктрину. А кем он работал в 2005 году, когда делал свои откровения? Референтом Президента В.В. Путина, в его Администрации. Работал — и продолжал те же самые реформы, что планировал «со своими приятелями Петей Авеном и Егором Гайдаром».

Присутствовавший на лекции Глеб Павловский, который занимался разработкой реформ в плане политики, добавляет: «Лет 15 назад, при начале нашего общественного движения, имела место неформальная конвенция. Конвенция о том, что знания о реальности не важны для какого бы то ни было политического или общественного действия. Действительно, эта конвенция состоялась, и реформаторы действовали внутри нее, как часть ее. С моей точки зрения, утверждения докладчика можно интерпретировать так, что собственно реформаторы были людьми, которые согласились действовать, не имея никаких представлений о реальности, но при наличии инструментов для преобразования, изменения того, что есть, особенно в направлении своих мечтательных предположений. Эти люди делали то, что они делали, и погрузили остальных в ситуацию выживания».

Можно ли сообщество людей, принимающих такие «неформальные конвенции», считать профессиональным сообществом? Нет, они нарушили самые элементарные когнитивные и социальные нормы такого сообщества — а ведь они входили и входят сегодня в элиту официального обществоведения России.

Павловский продолжает уже о нынешних политиках у власти: «Они уклоняются и развивают очень изошренные технологии, в том числе исследовательские, политические, научные, общественные технологии вытеснения любого реального знания... Это... питает энергетикой наш политический и государственный процесс — уход от знания реальности, отказ, агрессивное сопротивление знанию чего бы то ни было о стране, в которой мы живем».

И эти иррациональные суждения слушает, раскрыв рот, элитарная аудитория. Не существует «исследовательских научных технологий вытеснения реального знания»! Такие технологии — *антипод науки*, они лежат в сфере манипуляции сознанием. И Павловский, который тогда считался «придворным политологом», говорит об этих делах свысока, как посвященный.

Старое утверждение, гласящее, что «искусство управлять является разумным при условии, что оно соблюдает природу того, что управляется», считается настолько очевидным, что Фуко называет его *пошло-*

стью. Но ведь правители России и их эксперты, начиная с Горбачева, принципиально не признавали этого условия. Они открыто провозгласили, что будут управлять государством и обществом России, *вопреки* их природе, ломая и переделывая их устои. Они даже бравировали тем, что эту природу не знают и презирают.

Безусловно, здесь наблюдается провал в этике. Мы не будем заниматься морализаторством, для нас важен факт отрыва рационального сознания от этических норм, который, как уже говорилось, в обществоведении недопустим.

Журналист-международник А. Бовин, бывший помощником Генерального секретаря ЦК КПСС, в книге-манифесте «Иного не дано» (1988) высказал, как комплимент перестройке, распространенную в то время мысль: «Беспорны некоторые методологические характеристики нового политического мышления, которые с очевидностью выявляют его тождественность с научным мышлением».

Но для мышления государственного деятеля *«тождественность с научным мышлением»* звучит как страшное обвинение. Научное мышление автономно по отношению к этическим ценностям, оно ищет *истину*, ответ на вопрос «что есть в действительности?» и не способно ответить на вопрос «как должно быть?». Напротив, мышление политика должно быть неразрывно связано с проблемой выбора между добром и злом. Он, в отличие от ученого-естественника, исходит из знания о *человеке* и чисто *человеческих* проблемах. Это такой объект, к которому нельзя (да и невозможно) подходить, отбросив этические ценности. Без них нельзя получить достоверное знание о предмете.

Однако *этический нигилизм*, игнорирование тех ограничений, которые «записаны» на языке нравственных ценностей, был сознательной установкой реформаторов. Это надо считать принципиальным дефектом той когнитивной структуры, на основе которой производилось целеполагание реформ. Н.П. Шмелев писал: «Мы обязаны внедрить во все сферы общественной жизни понимание того, что все, что экономически неэффективно, — безнравственно и, наоборот, что эффективно — то нравственно».

Здесь вывернуто наизнанку соподчинение фундаментальных категорий — *эффективности* и *нравственности*. Это радикальный разрыв с традиционной шкалой ценностей, в которой «совесть — выше выгоды». Власть декларировала построение правового общества, но подобными декларациями легитимировала криминальный порядок. Но это — побочный эффект, и мы говорим не о власти, а о когнитивной системе обществоведения, виднейшим представителем которого является академик Н.П. Шмелев.

Главное в его программных высказываниях состоит в продвижении в России идеологической концепции, которая создается как средство

господства проектировщиками Нового мирового порядка. Речь идет о важном культурном сдвиге в ходе нынешнего общего кризиса индустриального общества — целенаправленном снижении роли ценностной компоненты в массовом сознании.

А.С. Панарин писал в книге «Искушение глобализмом»: «Современный опыт американизации мира свидетельствует ... о том, что олигархия прямо претендует на теократические функции, вынося беспалляционные суждения в области морали, культуры и веры. При этом авторитарный олигархический дискурс, касающийся высших измерений человеческого бытия, обретает характер “беззастенчивой игры на понижение”, развенчания и осквернения святынь».

Что же касается практики реформ, то отсутствие этической компоненты в программах больших реформ выхолащивает их смысл, лишает легитимности. Постановка цели реформы всегда предваряется манифестами, выражающими этическое кредо ее интеллектуальных авторов. Они обязаны сказать людям, «что есть добро» в их программе и что есть *меньшее зло* по сравнению с альтернативными программами.

Сами по себе политические или экономические инструменты или механизмы (демократия, рынок и пр.) не могут оправдывать слом жизнеустройства и массовые страдания людей. Современный капитализм и буржуазное общество смогли быть построены потому, что им предшествовало построение новой нравственной матрицы — *протестантской этики*. Она предложила людям новый способ *служения Богу*, инструментом которого, в частности, была *нажива*. Именно в частности, как один из инструментов, а не как идеальная цель. Новое представление о добре и связанный с ним новый тип знания, порожденные Реформацией, легитимировали новое жизнеустройство, оправдали массовые страдания в период «дикого» капитализма.

Ничего похожего не имело места в российской реформе. За первые десять лет перестройки и реформы обществоведение много сделало, чтобы вообще устранить из мировоззренческой матрицы общества сами понятия греха и нравственности, заменив их критерием экономической эффективности. Реформа не просто не сформировала чего-то похожего на протестантскую этику, она сформировала ее *антипод* — этику социального хищника и расхитителя средств производства и жизнеобеспечения общества.

Уже на первых этапах реформы власть проявила столь безжалостное отношение к населению, что даже академик Г.А. Арбатов посчитал нужным отмежеваться от правительства реформаторов: «Меня поражает безжалостность этой группы экономистов из правительства, даже жестокость, которой они бравируют, а иногда и кокетничают, выдавая ее за решительность, а может быть, пытаясь понравиться МВФ».

Согласно наблюдениям А. Тойнби, элита способна одухотворять большинство, лишь покуда она одухотворена сама. Ее *человечность в отношении большинства* служит залогом и одновременно показателем ее одухотворяющей силы. С утратой этой человечности элита, по выражению Тойнби, лишается санкции подвластных ей масс. Именно это национальное несчастье случилось за последние десятилетия в России.

Время от времени с декларациями выступают деятели — интеллектуальные авторитеты перестройки и реформы. Вот, например, недавние откровения «прораба перестройки», многолетнего декана экономического факультета МГУ, бывшего мэра Москвы, сегодня ректора Международного университета — Г.Х. Попова. Он пишет: «Обозначу сугубо тезисно главные проблемы. Их мы обсуждали в Международном союзе экономистов, и они, надеюсь, будут полезны всем, в том числе участникам встречи двадцати ведущих стран мира...»

Необходимо изъять из национальной компетенции и передать под международный контроль ядерное оружие, ядерную энергетику и всю ракетно-космическую технику. Нужна передача под глобальный контроль всего человечества всех богатств недр нашей планеты. Прежде всего — запасы углеводородного сырья.

Должны быть установлены жесткие предельные нормативы рождаемости с учетом уровня производительности и размеров накопленного каждой страной богатства. Пора выйти из тупика, на который указывал еще Мальтус: нельзя, чтобы быстрее всех плодились нищие».

Это — манифест о полном разрыве с той шкалой этических ценностей, которой следует подавляющее большинство населения России. Г.Х. Попов — представитель высшего слоя элиты российского обществоведения. Его статус и престиж несколько не поколеблены в этой элите такими рассуждениями, а ведь они носят не политический, а экзистенциальный характер. Они касаются фундаментальных вопросов бытия.

Мы говорили о нарушении норм рациональности в рассуждениях ведущих обществоведов, которые пропагандировали безработицу. Но в этих рассуждениях важна и этическая сторона. О безработице, которая во всем мире считается социальным злом и сопряжена с массовыми страданиями, Н.П. Шмелев в 1987 году писал так: «Не будем закрывать глаза и на экономический вред от нашей паразитической уверенности в гарантированной работе. То, что разболтанностью, пьянством, бракодельством мы во многом обязаны чрезмерно полной занятости, сегодня, кажется, ясно всем. Надо бесстрашно и по-деловому обсудить, что нам может дать сравнительно небольшая резервная армия труда, не оставляемая, конечно, государством полностью на произвол судьбы... Реальная опасность потерять работу, перейти на временное пособие или быть

обязанным трудиться там, куда пошлют, — очень неплохое лекарство от лени, пьянства, безответственности».

Это «освобождение» от этических ограничений и сделало возможным в постсоветском обществе, бывшем поначалу «обществом среднего класса», небывалое обеднение большинства населения и возникновение огромного *социального дна*.

Говоря в одной из прошлых лекций о *мере*, мы особо отметили утрату способности различать векторные и скалярные величины. Введение этого навыка в рациональное мышление стало важной вехой в развитии научного метода и резко усилило познавательные возможности человека. К различению векторных и скалярных величин, которое игнорировала власть, тесно примыкает другое важное условие рациональных умозаключений — различение *цели и ограничений*. Здесь произошел тяжелый методологический провал — из рассмотрения была почти полностью устранена категория ограничений.

В процессе целеполагания мы выделяем какую-то конкретную цель. Поскольку разные цели конкурируют, мы, оперируя с подвластными нам *переменными* (например, ресурсами), стремимся не беспредельно увеличить или уменьшить какой-то показатель, а достичь его *оптимальной* (или близкой к ней) величины.

Но, определяя цель, всегда надо иметь в виду то «пространство допустимого», в рамках которого можно изменять переменные ради достижения конкретной цели. Это пространство задано *ограничениями* — запретами высшего порядка, которые нельзя нарушать. Иными словами, разумная постановка задачи звучит так: увеличивать (или уменьшать) такой-то показатель в сторону оптимума *при выполнении таких-то ограничений*.

Без последнего условия задача не имеет смысла. Ограничения-запреты есть категория *более фундаментальная*, нежели категория цели. Анализ «пределов» (непреодолимых в данный момент ограничений) и размышление над ними — одна из важных сторон *критического* рационального мышления. Она связана с самой идеей прогресса, развития. Ведь развитие — это и есть нахождение способов преодоления ограничений посредством создания новых «средств», новых систем и даже новой среды.

Уход, начиная с момента перестройки, от размышлений об ограничениях, в рамках которых развивалось советское общество, привел к тому, что попытка преодолеть эти реальные, но неосмысленные ограничения в годы реформы обернулись крахом. Сохранение этой особенности мышления в российской общественной науке — одна из важных *угроз для России*.

Чтобы убедиться в этом, достаточно пройти по структуре двух больших «проектов будущего», принятие которых к исполнению могло произойти только при глубокой деградации структуры знания и отклю-

чении целого ряда «контрольных механизмов» рациональности (в том числе категории ограничений, критериев и норм целеполагания).

Первый проект — перестройка национально-государственного устройства СССР и России, второй — перестройка народного хозяйства. Сам способ обоснования решений в этих проектах есть следствие синергического соединения гипостазирования, аутистического мышления, мифотворчества и подрыва меры.

Вообще, если кто-то рассуждает о цели как высшей ценности, не указывая на ограничения, то его слова можно принять лишь как поэтическую метафору или как отступление от норм рационального мышления. Когда, например, говорят, что «конституционный порядок в Чечне должен быть установлен любой ценой», то в этом, скорее всего, смешаны обе эти причины. Как это «любой ценой»? Есть же цена неприемлемая — например, гибель всего человечества.

Если мы вспомним весь перечень частных целей, поставленных в реформе, то убедимся, что ограничения не упоминались вообще или затрагивались в очень расплывчатой, ни к чему не обязывающей форме (вроде обещания Горбачева «конечно же, не допустить безработицы» или обещания Ельцина «лечь на рельсы»).

Целеполагание — процесс динамический. Меняются обстоятельства, возникают препятствия, надо их обходить, надо корректировать курс, *исправлять ошибки*. Для этого требуется рефлексия — изучение прошлых шагов и нашего собственного отношения к ним.

Вот типичная формула рассуждения на примере сравнительно простой (методологически) проблемы — социального положения пенсионеров. Вчитаемся: «В тяжелые годы реформ многие, а если сказать по-честному — подавляющее большинство — пенсионеров фактически оказались за чертой бедности... Мы не вправе повторять ошибок прошлого и должны предпринять все усилия для гарантии достойной жизни пенсионеров в будущем».

«Мы не вправе повторять ошибок прошлого»... Но почему же мы этих ошибок *не называем*? Раз не называем — значит никакой защиты от повторения подобных ошибок не создаем.

А вот отношение к «ошибкам прошлого», которые во многом предопределили судьбу России. После трагедии в Беслане В.В. Путин сказал, что население России пожинает плоды «распада огромного и великого государства» (СССР). Но СССР не «распался» сам собой, а был *уничтожен* вследствие действий или бездействия верховной власти СССР и РСФСР. Но разве эти действия и бездействие стали предметом беспристрастного анализа? Разве те старые «ошибки» не повторяются? После Беслана от верховной власти требовалось выявить причины катастрофы и начать общественный диалог о коррекции курса.

Выработка и реализация всей доктрины по изменению государственного устройства России представляет собой поразительный факт в истории культуры именно тем, что властные структуры, прямо ответственные за *целеполагание*, не только не выполнили своих функций, но как будто о них и не подозревали. В государственную систему вносились катастрофические изменения, однако ни в одном документе не было сказано в рациональных понятиях — *зачем?*

Что предполагалось получить в результате этих изменений? Зачем принимались декларации о суверенитете с иррациональными статьями вроде того, что «все интеллектуальные ресурсы на территории республики принадлежат народу этой республики»? Зачем принимался «закон о репрессированных народах», который заведомо должен был стать детонатором межэтнических конфликтов на Кавказе?

Это — крупные, «судьбоносные» решения. Но такая методология принятия решений установилась на всех уровнях. Как только началась реформа 90-х годов, государственные органы стали ликвидировать множество структур, которые посчитали излишними. В каждом случае, исходя из общепринятых норм принятия решений, требовалось сделать прогноз последствий предлагаемого изменения. Но этот раздел был просто исключен из структуры процесса. Сейчас мы видим вал последствий тех цепных реакций, которые были порождены в 90-е годы и подкреплялись решениями следующего десятилетия.

Примером служит катастрофа в Кармадонском ущелье (Северная Осетия) в сентябре 2002 года. Там при сходе пульсирующего ледника погибли более 130 человек. Гляциолог из Института географии РАН рассказывает: «После схода ледника в 1969 году по заказу Совмина Северной Осетии на Колку отправили экспедицию из сотрудников Института географии РАН. Несколько лет в 70-х годах специалисты-гляциологи изучали ледник и его поведение. В частности, был вычислен объем ледника, его критическая масса... Как только масса превышает эту отметку, ледник не выдерживает своего веса и сходит вниз». Но в начале реформы эти научные наблюдения были свернуты, ледник был оставлен без присмотра. В дальнейшем в ходе реформы наблюдения за ледниками в России прекратились практически повсеместно. Из-за копеечной экономии была ликвидирована структура, которую «выращивали» сотню лет, и в результате понесли ущерб, несравнимый с экономией.

Так же и с лесными пожарами 2010 года. Вот сообщение прессы: «Своими соображениями делится бывший министр лесного хозяйства СССР академик Александр Исаев. Проработав много лет директором Института леса и древесины Сибирского отделения РАН, в 1991 году он возглавил Центр по проблемам экологии и продуктивности лесов РАН.

Он говорит: “Нынешняя трагедия случилась из-за потери управления лесами. Да, крупные лесные пожары случаются раз в 20 лет, но раньше к ним система готовилась. Сейчас не составляет труда проследить из космоса любое возгорание. Главное — предупредить либо потушить его в день появления. Почему целые области вспыхнули — люди погибли, дома сгорели, население — в страхе и панике? Пожары случились потому, что лесная служба оказалась недееспособной. Разрушительный процесс начался в 2000-м после ликвидации федеральной лесной службы. В 2007 году в России наступила эпоха непрозрачной приватизации. Новое лесное законодательство отобрало леса у государства и передало в частную собственность...

70 тысяч лесников — охрана, существовавшая в России более 200 лет, Лесным кодексом распущена. Леса оказались брошенными на произвол судьбы. Но людям, из-за жары двинувшимся в лес, не до этих проблем... Лесники защищали лес, делали посадки, боролись с браконьерами. Они как хозяева несли ответственность перед государством за устойчивое лесопользование”». (В пепелище лесов сгинул труд праотцов // Газета «Президент». 19 августа 2010 г.).

Опыт разрушения структур многое говорит о типе сознания. Мы наблюдали реорганизацию всей пожарной службы — ее включили в МЧС. По многим документам и материалам можно сделать вывод, что эта перетряска снизила дееспособность пожарной службы. Но никакого обсуждения этой проблемы ни в государственной, ни в общественной сфере нет. Структура лесовоспроизводства ликвидирована, как и система пожарной авиации. Пожарные вертолеты и самолеты продавали за рубеж — в Испанию, Португалию. Там они тушат пожары, у нас же этой техники почти не осталось.

Идеологическое сопровождение пожаров только усугубило проблему. Власть приняла порожденные фантазией российских «рыночников» догмы, которые они назвали «либеральными». Какая клевета на либерализм — никогда он не советовал таких глупостей! Государство в России ушло из многих систем, являющихся объектом *госбезопасности*. При чем здесь рынок и конкуренция? Любое государство обязано обеспечить безопасность, а о прибыли должны думать торгаши и предприниматели — в их ограниченной нише.

Лес — источник опасности и угроз. И государство обязано было охранять его именно с этой позиции, а не как источник экономической выгоды. Вследствие этого пренебрежения и подмены функций и случилась катастрофа. Ситуация с пожарами вскрыла провалы в сознании общества, но это побудило государство и общество не к самоанализу и рефлексии, а к идеологизации событий. Распространялись смехотворные объяснения — «большевики начали осушать болота

и добывать торф — и вот, пожалуйста, пожары». Это позор для нашей культуры!

Надо подчеркнуть, что общественный строй и политическая система формируются не только государственной властью, но и обществом. За последние двадцать лет они рука об руку превращали Россию в сцену политического театра, за кулисами которого скрыта социальная и политическая реальность. Активисты «гражданского общества» вдруг начинают почти революцию, чтобы пресечь строительство дороги через Химкинский лес. И это отвлекает внимание населения от Лесного кодекса, который ставит под угрозу все леса России.

Определить вектор, задаваемый важным решением, — значило бы снизить риск тяжелых срывов общественного процесса, и в принципе, уже в среднесрочной перспективе, это отвечало бы интересам подавляющего большинства населения, в том числе и самих реформаторов. На это власть не пошла, предпочтя «набрать очки» обещанием улучшения «всего, наращиванием «скалярных благ». Потеря навыка видеть фундаментальную разницу между векторными и скалярными величинами привела к глубокой деформации понятийного аппарата и нечувствительности даже к очень крупным ошибкам.

Утрата способности к предвидению будущего развития как движения по разным возможным векторам превращает целеполагание в *магическое действие*. Это сразу ликвидирует все барьеры, которые защищали общество и государство от господства аутистического мышления. Отодвигается в сторону рациональный расчет, начинаются «грезы наяву». Эти идеологизированные грезы стали сначала необходимым ритуальным довеском к целеполаганию, а потом и заменили само целеполагание.

Особая проблема и даже национальная беда России заключается в том, что реформа сформировала (отобрала) «элиту», совершенно неспособную ни к рефлексии, ни к предвидению. Она проникнута сознанием временщика, живет и мыслит в «вечном настоящем». Эта аномалия стала даже предметом социологических исследований (см. Приложение). Но для нашей темы важно отметить, что интеллектуальное ядро этой «элиты» составляет «гуманитарная интеллигенция» — люди с экономическим, юридическим и т. п. образованием. Согласно исследованию «высокостатусных групп» (1993 г.), высшее образование имели 97% (ученые степени — 21%), причем 30% по специальностям экономика и гуманитарные науки, а 9% получили «партийное образование», т. е. тоже в сфере общественных наук.

Невозможно ставить цель на будущее, не подведя итога прошлому как результату предыдущих решений. Но верно и обратное: если дается радикальная оценка состоянию, из которого выходит система, нельзя

уклониться от *целеполагания*, т. е. от изменения того вектора (курса), который привел к какому-то срыву.

Эта связка разорвана и в логике анализа общественных процессов, и в дискурсе российской власти. Вчитаемся в такие слова Послания В.В. Путина 2007 года: «Есть и те, кто... хотел бы вернуть недавнее прошлое. Одни — для того, чтобы, как раньше, безнаказанно разворовывать общенациональные богатства, грабить людей и государство. Другие — чтобы лишить нашу страну экономической и политической самостоятельности».

Тут мы встречаем небывалое по выразительности определение недавнего прошлого («правления Ельцина»). Это была политическая и социальная патология, когда одни безнаказанно грабили людей и государство, а другие лишали нашу страну экономической и политической самостоятельности. Но как можно сказать такие слова и даже не намекнуть, какие конкретно социальные группы и общности грабили людей и государство, какие политические группировки лишали страну независимости и, если попросту, когда состоится над ключевыми фигурами нормальный суд, согласно Уголовному кодексу Российской Федерации.

Утрата «чувства вектора», т. е. понимания фундаментальной важности выбора *направления* по сравнению со скалярными параметрами движения (*быстрее, экономичнее* и т. п.), привела к потере способности разумно выбирать *критерии*. Верный критерий — обязательное условие выбора такого варианта решения, которое отвечает интересам более высокого уровня.

Например, по отношению к политикам и чиновникам едва ли не главной похвалой стало — *компетентный!* Разве это может быть критерием? Компетентность — скалярная величина, это способность хорошо делать порученное дело, а уж какое это дело (вектор), в чьих оно интересах — совсем другой вопрос.

Больше скажу: если дело нам во вред, то желательно, чтобы исполнитель его был некомпетентным. Если, например, меня преследует убийца, я бы предпочел, чтобы это был косорукий балбес, а не профессионал. Так что признак компетентности надо брать со знаком «плюс» только после того, как мы убедились, что политик будет действовать на пользу именно нам, а не тем, кто потрошит наши карманы и высасывает кровь. Вообще, на вопрос о том, кому можно верить в власть, вряд ли есть лучший ответ, чем дал Сталин: «Тому, кто очень сильно любит свой народ». Это фундаментальный показатель, а все остальное — вторично, менее важно, будет подправлено и дополнено помощниками.

Отсутствие формализованного изложения проблем, цели, задач и средств их решения перед тем, как предпринять действия, кардинально изменяющие судьбу целых народов, было столь важным отказом всей

методологической основы познания общественных процессов и проектирования будущего, что без анализа причин такого срыва никаких шансов на эффективное строительство новой системы нет.

Приложение

Исследование элиты (1996)

«Основная, или нулевая гипотеза [исследования] состоит в том, что программирующая функция осуществляется элитой неэффективно.

Правомерно выдвинуть и контргипотезу: определенная группа российской элиты очень квалифицированно осуществляет программирование и практическое руководство страной, а тот хаос, который наблюдается в жизни России, — хаос запланированный, он нужен этой группе для достижения своих стратегических целей, например, овладения большими "кусками" государственной собственности. Разумеется, проверка такой гипотезы выходит за рамки настоящего исследования, однако вряд ли можно ожидать, что эта гипотеза имеет под собой реальное основание... Можно, напротив, предполагать, что как раз состояние элиты и предопределяло возникновение таких катастроф...

Представления элиты о настоящем и будущем России нечетки, аморфны, плохо структурированы. У элиты нет многомерного представления о социальной ситуации, обычно ее члены «замкнуты» на одной сфере жизни или одной проблеме, которые связаны или с их профессиональной деятельностью, или с их текущим интересом.

В настоящем России элита чаще всего выделяет те явления и проблемы, которые лежат на поверхности, выражены в событиях, и не обращает внимания на причины событий, коренные проблемы российской современности. Поскольку элита не глубоко проникает в настоящее, она имеет весьма схематичное представление и о будущем. Будущее представлено в сознании как воплощение какой-то идеи, схемы. Кроме того, это будущее очень похоже на настоящее, по крайней мере в том, что оно основано на идее. Главное — найти идею и воплотить ее. Организация жизни во всей сложности, по-видимому, не является главным, по мнению элиты...

Образ будущего не только не ясен, но и не четок, лишен красок и не привлекателен. Катастрофическое и неясное будущее — вот гипотетическое представление о сознании элиты. Можно предположить, что качество рефлексии значительной части элиты не лучше качества ее представлений о настоящем и будущем».

Бабаева Л.В., Таршиц Е.Я., Резниченко Л.А. Элита России: о настоящем и будущем страны // СОЦИС, 1996, № 4.

«Лидеры бизнеса: взгляд в будущее»

Парадоксальный результат нашего исследования состоит в том, что бизнесмены не готовы к построению моделей. Лишь 20% респондентов были согласны обсуждать возможные модели развития, экономической и политической ситуации в России на ближайшие 10–15 лет. Лидеры отечественного бизнеса избегали конечных суждений по этому поводу...

Таким образом, предрасположенность его лидеров жить и действовать в ситуации “здесь и сейчас”, с одной стороны, и неопределенность существования российского бизнеса — с другой, обусловили психологический отказ от построения моделей будущего России у большинства наших респондентов...

Около половины респондентов-бизнесменов настаивали на естественности и необратимости происходящих перемен в России. “Этот процесс, — считает Д. Сухиненко, президент РИНАКО, — революционный. Но мы наблюдаем и трансформацию. Я думаю, окончание этого процесса увидят наши дети... Благодаря происходящим изменениям все только лучше жить стали. Ненависть пропала. Ненависть к жизни. У всех людей появился смысл в жизни, просто человеческий смысл. Это не только деньги. Просто каждый может заниматься тем, чем он хочет, ни перед кем не отчитываясь. Я считаю, что Россия — самая свободная страна. Есть люди, которые не могут жить на свободе. Как после рабовладельческого строя — вырвались на свободу и не знают, что делать”...

Более 60% лидеров бизнеса, несмотря на деятельностный “психологический тип”, настаивали на необходимости *естественных* моделей развития общества без усиленного вмешательства государства. “Социализм, который мы пытались строить, — отмечает М. Массарский, — был искусственной системой с очень малым числом внутренних степеней свободы. Он требовал слишком большой энергии управления, с чем государство объективно не могло справиться. Цивилизованный мир живет в системе отношений, основанной на двух базовых принципах: частной собственности и конкуренции. Все остальное — вторично... Сегодня в России мы вернулись на стадию капитализма. Я использую этот термин от слова «капитал» (когда капитализируется труд, интеллект, личностный потенциал). И в этом смысле сейчас — эпоха возрождения, эпоха индивидуализма, эпоха ставки на личность и раскованную личность, в частности”.

“Почему мы должны всем управлять, — присоединяется к М. Массарскому П. Зрелов. — Если мы будем больше ориентироваться на естественные процессы в обществе и поддерживать наиболее эффективные из них, мы двинемся вперед более значительными темпами”».

Бабаева Л.В., Чирикова А.Е. Бизнес-элита России: образ мировоззрения и типы поведения // СОЦИС, 1995, № 4.

Лекция 10

Мера. Часть первая

Овладение числом и мерой — одно из важнейших завоеваний человека. Согласно мифу, Прометей был наказан Зевсом именно за то, что он передал человеку огонь и число, чем сделал его почти равным богам.

В числе, как и в слове, заложены множественные смыслы. Порой кажется, что это — исключительно холодные, рассудочные, рациональные смыслы. Но это не так. Изначально числа были нагружены глубоким мистическим и религиозным содержанием. Не будем уж углубляться в «число зверя» и вообще в каббалистику. Мистический смысл числа и счета укоренен не только в иудейской и христианской культуре, это — общее явление. Пастух хоть в пустыне, хоть в тундре, никогда не сказал бы, сколько у него овец или оленей, хотя знал их всех «в лицо».

Число, как и слово, было изначально связано с *вещью*. Последователи религиозной секты Пифагора считали, что в числе выражена сущность, природа вещи. Через число только и может быть понят мир. Философ и богослов XV века Николай Кузанский сказал: «Там, где терпит неудачу язык математики, человеческий дух ничего уже не сможет понять и узнать».

Для нашей темы важно, что число, в отличие от слова, обладает авторитетом *точности* и *беспристрастности*. Сила «языка чисел» в том, что он кажется максимально достоверным, он не может лгать (особенно если человек спрячется за моделью и компьютером). Это снимает с тех, кто оперирует числами, множество ограничений, дает им такую свободу, с которой не сравнится никакая «свобода слова». Поэтому число часто служит инструментом манипуляции. В обществоведении это проявляется очень наглядно.

Умение мысленно оперировать с числами и величинами — интеллектуальное умение, которое осваивается с трудом и развивается на протяжении жизни человека. У людей с разным типом и уровнем образования и опыта, разной культуры, понимание сути чисел и умение правильно обращаться с ними сильно различаются. Эта неоднозначность отношения к внешне одному и тому же инструменту мышления усложняет применение этого инструмента к изучению и объяснению общественных явлений. Когда экономисты или политики оперируют с числами, очень часто теряешься в догадках: они жулики или невежды?

Умение считать — явление сравнительно новое. Человек Возрождения, за исключением очень небольшого круга людей, не умел считать. Мера в традиционном обществе была очень неточной и нестандартной. Аршин, да локоть, да сажень. А расстояние подалее измерялось в выражениях типа «часа два ходу» или «три дня пути на телеге». Пространство измерялось приблизительно.

Такова же была мера *времени*, второй фундаментальной категории бытия. В Средние века в Европе продолжительность часа менялась в зависимости от времени года, от длины светового дня. Единицы времени были образными («моргнуть глазом», «время выдоить корову», «время чтобы сварился рис» и т. д.).

Вступление Запада в Новое время называют «*прыжком из мира приблизительности в царство точности*». Со времен Декарта для Запада характерна, как говорят философы, «одержимость пространством», которая выражается в склонности к «математическому методу» мышления. Огромные изменения произошли в измерении *пространства и времени*. Одним из первых шагов современного общества было создание точных часов и деление времени на точные равные отрезки, часы стали символом мироздания. Создание метрической системы было большим проектом Великой французской революции.

Индустриальное общество одержимо *количеством*, мерой, его иногда называют «царством количества». Свойственные другим («ненаучным») типам знания приблизительные и качественные оценки были репрессированы, представлены как признак отсталости. Макс Вебер особо отмечает ту роль, которую «дух счета» сыграл в изменении западной культуры. Он пишет, что пуританизм «преобразовал эту *расчетливость* (“дух счета”, *calculating spirit*), в самом деле являющуюся важным компонентом капитализма, из средства ведения хозяйства в принцип всего жизненного поведения».

Рынок стал метафорой всего жизнеустройства. Общественные отношения во всех сферах жизни уподобились эквивалентному обмену товарами. Товарная форма, приравнивающая разные сущности к общему эквиваленту, есть количественная категория, устраняющая качественное своеобразие вещей.

Применение расчета (калькуляции) стало одним из четырех главных правил рационального рассуждения. Было быстро осознано влияние на мысли людей количественной меры, *числа*, заменяющего *качества*, наполненные трудно контролируемым смыслом. Новый «язык точности» стал средством господства. Мишель Фуко, который взялся за «раскопки смыслов», создавших современный Запад, утверждал: «”язык точности” (язык чисел) совершенно необходим для “господства посредством идеологии”».

Утопия замены качеств (*ценностей*) их количественным суррогатом (*ценой*), казалось, снимала проблему выбора, заменяя ее проблемой подсчета, что и является смыслом *технократии*. Лейбниц писал: «В тот момент, когда будет формализован весь язык, прекратятся всякие несогласия; антагонисты усядутся за столом один напротив другого и скажут: *подсчитаем!*».

Хайдеггер считает основополагающим для западной культуры тезис Макса Планка о бытии: «Действительно то, что измеримо». Смысл бытия есть, таким образом, измеримость, с помощью которой имеется в виду не столько установить “количество”, сколько в конечном счете лишь служить освоению и покорению сущего как предмета».

Эта культурная проблема осознается на Западе и считается фундаментальной. Американский философ Х. Сколимовски писал: «Для того чтобы изменить господствующий количественный настрой нашей цивилизации, требуется радикальная перемена нашего способа понимания, наших институтов, нашего сознания. Количественная цивилизация, которая получила развитие на Западе, является одновременно и великим достижением человеческого ума — поскольку природа и ее творения не подсчитывают, — и великим заблуждением — ибо мы стремимся свести все качественное к легко подсчитываемым физическим количествам».

Но это — история Запада. В России «дух расчетливости» распространяется медленно и с трудом. Советский период был скачком в освоении количественного мышления — в этом плане модернизация общества шла очень быстро. Но во время перестройки сдвиг к аутистическому сознанию и «приступ гипостазирования» в мышлении интеллигенции привел к необычной интеллектуальной патологии — утрате *расчетливости*, которая была важным признаком современного общества, отличающим его от общества традиционного. Произошла архаизация сознания слоя образованных людей.

В этом подрыве одного из важнейших инструментов рационального мышления особую роль сыграли те сообщества интеллигенции, которые интенсивно использовали число и меру для подтверждения своих идеологически нагруженных тезисов — прежде всего экономисты и социологи. Конечно, важную подготовительную работу произвела и та часть интеллигенции, которая в своей идеологической работе применяла числа в качестве художественных образов.

Но все же, *экономические* выкладки оказывали на общественное сознание наибольшее воздействие. Это происходило и потому, что они прилагались непрерывно к очень широкому спектру житейских ситуаций, и потому, что выглядели более нейтральными, чем цифры историков и социологов, и не мобилизовали психологическую защиту человека.

Назову главные провалы в этой части рационального мышления.

Чувство меры. Важнейшее свойство расчетливости, даваемое образованием и опытом, — умение быстро прикинуть в уме *порядок* величин и сделать «усилительный анализ», т. е. прикинуть, в какую сторону ты скорее всего при этом ошибаешься. Когда расчетливость подорвана, сознание людей не отвергает самых абсурдных количественных утверждений, они действуют на него магически. Человек теряет *чутье* на ложные количественные данные.

Разрушение у человека способности «взвешивать» явления, утрата *чувства меры* заключаются не в том, что человек снижает точность, «меряет на глазок»; он теряет саму *систему координат*, в которую мы помещаем реальность, чтобы ориентироваться в ней и делать более или менее правильные выводы.

Разрушительное проявление этой утраты меры выражается афоризмом «Сжег дом, чтобы изжарить себе яичницу». Это можно было видеть весьма наглядно. В 1993 году в западной прессе была опубликована статья советника Ельцина, директора Центра этнополитических исследований Эмиля Паина «Ждет ли Россию судьба СССР?». Он пишет: «Когда большинство в Москве и Ленинграде проголосовало против сохранения Советского Союза на референдуме 1991 года, оно выступало не против единства страны, а против политического режима, который был в тот момент. Считалось невозможным ликвидировать коммунизм, не разрушив империю».

Взвесим цель и средства. Что за «коммунизм» надо было ликвидировать — коммунизм Сталина? Мао Цзе Дуна? Нет — коммунизм М.С. Горбачева и А.Н. Яковлева. А они не тянули даже на звание социал-демократов, они декларировали себя неолибералами во многих отношениях правее Тэтчер. От коммунизма у них осталось пустое название, которое они и так бы через пару лет сменили. Стоило ли их удаление из Кремля тех страданий, что означало для миллионов граждан расчлененные страны?

Вот типичное умозаключение из книги, вышедшей в издательстве «Наука» (!): «Четверть миллиарда — 250 миллионов потеряло население нашего Отечества в XX веке. Почти 60 миллионов из них — в ГУЛАГе».

Ни редакторы издательства, ни читатели не ахнули при виде этих величин. Что значит «250 миллионов потеряло Отечество в XX веке»? Эти люди умерли? А сколько человек в норме умирают за сто лет из 250 млн населения? Авторы подталкивают к мысли, будто 250 млн человек стали *жертвами* репрессий; для этого протягивается нить к ГУЛАГу. Но ГУЛАГ существовал 30 лет, число заключенных в лагерях лишь в отдельные годы превышало 1 млн человек, смертность в лагерях составляла в среднем 3% в год. — Как Отечество могло там «потерять 60 миллионов»? Например,

с 1 января 1934 года по 31 декабря 1947 года в лагерях ГУЛАГа умерли 963 766 заключенных, и основное число смертей пришлось на годы войны. Эти данные перепроверены и признаны американскими историками, но порядок их каждый мог прикинуть в уме.

В 1990 году был устроен так называемый «сероводородный бум» — нагнетались нелепые страхи в отношении Черного моря, которое якобы вот-вот выбросит из себя огромное облако сероводорода. Например, «Литературная газета» писала: «Что будет, если, не дай Бог, у черноморских берегов случится новое землетрясение? Вновь морские пожары? Или одна вспышка, один грандиозный факел? Сероводород горюч и ядовит... в небе окажутся сотни тысяч тонн серной кислоты».

Читатели, почти все с высшим образованием, это *принимали*. У них была разрушена способность взвешивать величины. Максимальная концентрация сероводорода в воде Черного моря составляет 13 мг на литр, что в 1000 раз меньше, чем необходимо, чтобы он вообще мог выделиться из воды в виде газа. В тысячу раз! Поэтому ни о каком воспламенении, опустошении побережья и сожжении морских лайнеров не могло быть и речи. Но миллионы образованных людей не почувствовали несурезицы.

Контекст. Число, служащее показателем состояния системы, всегда встроено в более или менее широкий контекст, который и насыщает это число смыслом. Обеднение контекста видоизменяет «структуру» смысла, а после некоторого предела может и совершенно исказить ее. *Изъятие из реального контекста* приняло столь широкий характер, что нанесло сильный удар по всей культуре «количественного мышления».

В 1994 году член Президентского совета доктор экономических наук Отто Лацис дал интервью академическому журналу. Он сказал: «Еще в начале перестройки в нашей с Гайдаром статье в журнале “Коммунист” мы писали, что за 1975–1985 годы в отечественное сельское хозяйство была вложена сумма, эквивалентная четверти триллиона долларов США. Это неслыханные средства, но они дали нулевой прирост чистой продукции сельского хозяйства за десять лет».

Итак, вложения 250 млрд долл. за десять лет, т. е. 25 млрд в год, названы «неслыханными средствами». Что же тут «неслыханного»? Годовые вложения в сельское хозяйство страны масштаба СССР в размере 25 млрд долл. — сумма не просто рядовая, но очень и очень небольшая. О. Лацис обязан был бы сказать, сколько, по его оценкам, *следовало бы* ежегодно вкладывать в сельское хозяйство¹. Может быть, беда была как раз в том, что вкладывали недостаточно?

¹ Мы отвлекаемся от того факта, что О. Лацис ввел читателей в заблуждение словами о «нулевом приросте чистой продукции сельского хозяйства за десять лет». Условная величина «чистой продукции» при планируемых ценах ничего не говорит о *продук-*

Он обязан был встроить свою «неслыханную» величину и в реальный международный контекст. Например, упомянуть, что в 1986 году только государственные бюджетные дотации сельскому хозяйству составили в США 74 млрд долл. По меркам Западной Европы, величина госбюджетных дотаций в СССР должна была бы составить 613 млрд долл.!

А.Н. Яковлев, говоря о «тотальной люмпенизации общества», которое надо «депаразитировать», приводил такой довод: «Тьма убыточных предприятий, колхозов и совхозов, работники которых сами себя не кормят, следовательно, паразитируют на других».

Вот мера академика-экономиста: убыточных предприятий, колхозов и совхозов в СССР — *тьма*. И это притом, что было прекрасно известно и общее число предприятий и колхозов, и число убыточных, так что вполне можно было назвать и абсолютное, и относительное число убыточных, а не прибегать к метафоре «тьма».

Реальные величины таковы. В 1989 году в СССР было 24720 колхозов. Они дали 21 млрд руб. *прибыли*. Убыточных на всю страну насчитывалось 275 колхозов (1% от общего числа колхозов), и все их *убытки* в сумме составили 49 млн руб. — 0,2% от прибыли колхозной системы. В целом рентабельность колхозов составила 38,7%.

Как видим, величина убытков несоизмерима с размерами прибыли. Колхозы и совхозы вовсе не «висели камнем на шее государства» — напротив: в отличие от Запада, наше село всегда субсидировало город. Аргумент А.Н. Яковлева, основанный на количественной мере, был ложным, но этого сообщество обществоведов не замечало.

Так же обстояло дело и с промышленными предприятиями. Когда в 1991 году начали внушать мысль о богатом смысле приватизации, говорилось: «Необходимо приватизировать промышленность, ибо государство не может содержать убыточные предприятия, из-за которых у нас огромный дефицит бюджета».

Реальность же такова: за весь 1990 год убытки нерентабельных промышленных предприятий СССР составили в сумме 2,5 млрд руб., а валовой национальный продукт, произведенный всей совокупностью промышленных предприятий, — 320 млрд руб.! Убытки части системы составляют менее 1% произведенной ею добавленной стоимости — и такую систему предлагают ликвидировать, аргументируя ее «нерентабельностью». Кстати, в 1991 году, когда был принят закон о приватизации, убыток от всех нерентабельных промышленных предприятий составил менее 1% от дефицита госбюджета, который взметнулся до 1 трлн руб.

ции. Объем продукции сельского хозяйства в пятилетке 1981–1985 гг., по сравнению с пятилеткой 1971–1975 гг., в *постоянных ценах* вырос на 14,2%, что является существенным ростом.

В Отчете Правительства за 2009 год перед Государственной думой (6 апреля 2010 г.) В.В. Путин сказал: «Введено в эксплуатацию 3 тыс. километров федеральных и региональных автомобильных дорог, на 700 километров больше, чем в 2008 году. В царские времена, в 1903–1904 годах, сделали Транссиб, и больше ведь ничего нет фактически. Вот мы с вами впервые сделаем первую автомобильную дорогу, которая будет связывать Европейскую часть и Дальний Восток. Это большое событие».

Число «3 тыс. километров федеральных и региональных автомобильных дорог» ничего не говорит даже депутатам. Много это или мало? Такие величины надо помещать в какую-то систему координат со стандартами сравнения. Например, сообщить, что в 1990 году было введено в строй 12,8 тыс. км дорог такой категории, а вместе с дорогами с твердым покрытием местного значения — 41 тыс. км. Сейчас дорог местного значения вообще не строят.

Умолчание. Одна из грубых деформаций контекста — умолчание о величинах, которые служат реперными точками, стандартами для сравнений и оценки измеряемых величин. Хороший учебный материал дает «миф о тракторах».

Вот, А.С. Ципко пишет в серьезной академической книге: «Мы буквально наводнили страну тракторами и комбайнами». Тезис «наводнили страну тракторами» обязывает применить *расчет*. «Наводнили» — это сколько? Во сколько раз больше, чем в Западной Европе, где рачительные фермеры «не наводнили»? Никакой меры Ципко не вводит.

«Парадигмальное» значение для мифа о тракторах приобрело утверждение официального руководителя тогдашней экономической науки академика А.Г. Аганбегяна о том, что в сельском хозяйстве СССР имеется в *два-три раза больше* тракторов, чем необходимо.

Дословно он пишет: «Результат [абсурда плановой системы] — разрыв между производством и социальными потребностями. Очень показательен пример с тракторами. СССР производит в 4,8 раза больше тракторов, чем США, хотя отстает от них в производстве сельскохозяйственной продукции. Необходимы ли эти трактора? Эти трактора не нужны сельскому хозяйству, и если бы их покупали за свои деньги и рационально использовали, хватило бы в два или три раза меньше машин».

Это утверждение произвело столь сильное впечатление на мировое сообщество экономистов, что не раз цитировалось на Западе не только в прессе, но и в серьезных монографиях.

Задав меру, содержащую в себе оценку состояния («*эти трактора не нужны сельскому хозяйству... хватило бы в два или три раза меньше машин*»), академик устранил систему координат, в которой его мера могла бы иметь смысл. А у экономистов, читавших это высказывание академика, не возникало желания встроить данную им меру в реальный

контекст и задать себе вопрос: «Причем здесь *производство* тракторов в США? Сколько тракторов следует считать необходимым именно для СССР? Сколько тракторов имеется в ФРГ, в Италии, в Польше?».

Разве не удивительно было слышать, что советским колхозникам хватило *бы в три раза меньше* тракторов, чем то число, что они имели? Когда же наша промышленность успела так перенасытить село тракторами? Неужели на Западе фермеры имели в три раза меньше тракторов, чем советские колхозники? В действительности, в тот момент (1988 г.) в сельском хозяйстве СССР тракторов на гектар пашни было в *16,5 раза меньше, чем в ФРГ*. Искажение меры столь велико, что возникает совершенно ложное представление реальности. Приведем данные из самых обычных справочников (табл. 1).

Таблица 1

Число тракторов на 1000 га пашни, шт.

Страна	1980 г.	1988 г.
СССР	11,6	12,2
Польша	45	77
Италия	113	144
ФРГ	200	201
Япония	343	476

Сообщество экономистов без всяких сомнений приняло ложное утверждение одного из своих лидеров и, насколько известно, до сих пор никак на него не отреагировало.

Исключение из меры стандартов сравнения стало внедряться как норма в суждения экономистов и социологов в конце 80-х годов. Тогда это еще шокировало большую часть специалистов, даже далеких от предмета суждений, просто «из методических соображений». К настоящему моменту это искажение меры стало привычным, превратилось в часть современной гуманитарной культуры.

Вот, в Отчете Правительства за 2009 год В.В. Путин сообщил: «Уважаемые депутаты, уверен, что вы помните, как год назад в этом зале остро звучал вопрос о проблемах сельского хозяйства. В 2009 году объемом помощи селу из бюджетов всех уровней составил порядка 300 млрд рублей».

Что значит «объем помощи селу из бюджетов»? Это субсидии. Много это или мало — 300 млрд рублей? Какие «проблемы сельского хозяйства» эта помощь позволила решить? Ведь Отчет Правительства — это не бухгалтерский отчет. Сумму в 300 млрд руб. надо встроить в систему координат с определенной шкалой, например, сообщив о помощи государства сельскому хозяйству в дореформенный советский период

и в рыночной экономике США и ЕС. Иначе эта сумма ни о чем не говорит.

А, например, график динамики инвестиций в сельское хозяйство РСФСР и РФ (рис. 2) позволяет взвесить величины.

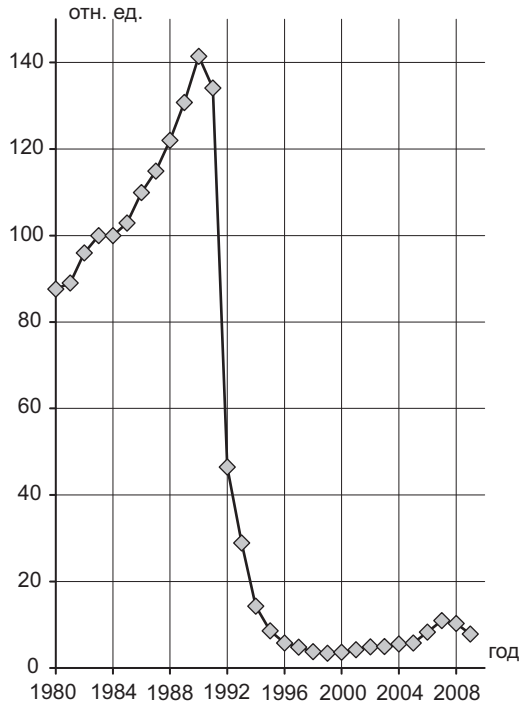

Рис. 2. Индексы инвестиций в основной капитал сельского хозяйства РСФСР и РФ (в сопоставимых ценах, 1984 г. = 100)

Необоснованный выбор индикаторов. Для использования количественной меры в каком-то суждении нужны *показатели* (*индикаторы*), характеризующие какую-то сторону явления. Что это такое? Это, очевидно, измеримая величина — *параметр* интересующего нас явления. Но любому явлению присуще множество параметров, разные его стороны можно измерять и так, и эдак. Взять простой кирпич. У него огромное число измеримых величин — размеры, вес, твердость, состав, цена, теплопроводность и т. д. Какой же параметр может служить в качестве индикатора? Тот, который надежно связан с интересующей нас величиной, которую трудно измерить *непосредственно* (это *латентная* величина).

Вот, в рубке на корабле стоит прибор эхолот. Он измеряет время между подачей звукового импульса и возвращением к кораблю его эха,

отраженного от морского дна. Это время само по себе никого не интересует, штурману надо знать *глубину* — расстояние от киля до дна. Глубина — это латентная величина, измерить которую трудно. А скорость звука в воде хорошо известна, по времени возвращения эха глубину можно вычислить по простой формуле с достаточной точностью. Это время — показатель (индикатор) глубины, т. е. расстояния от корабля до дна. Если бы мы не знали, с какой скоростью проходит в воде звук и его отраженное эхо, мы измерить глубину не смогли бы.

Таким образом, сама по себе внешняя, легко измеряемая величина (*параметр*) чаще всего мало что говорит нам об изучаемом явлении. Параметр становится *показателем* только в том случае, если у нас есть теория или эмпирически найденное правило, которое связывает параметр с интересующей нас латентной величиной. Если связь неизвестна, никаким индикатором параметр не является.

В практических руководствах даже подчеркивается, что если исследователь выдает параметр за показатель, не сообщая *явно*, какую латентную величину он стремится охарактеризовать, и не излагая теорию (или хотя бы гипотезу), которая связывает параметр с латентной величиной, то он нарушает нормы логики. В этом случае рекомендуется не доверять выводам этого исследователя, хотя они случайно и могут оказаться правильными. Принимать такой параметр за показатель нельзя.

Конечно, в некоторых случаях теория или эмпирическое правило стали настолько общеизвестными, что их уже не оговаривают отдельно. Благодаря многократному повторению измерений мы верим, что такая теория существует. И мы уверены, что если спросим у эксперта, он нам ее представит.

Многие люди дома измеряют себе и своим близким артериальное кровяное давление, и им уже не важна теория, объясняющая связь между показанием стрелки на шкале манометра и состоянием организма. Они видят стрелку на числе 180 — и сразу принимают таблетку и вызывают врача. Но вот, к примеру, крестьянин из штата Кашмир, который ничего не слышал ни об артериальном давлении, ни о ртутном столбе, никакого вывода из данных такого измерения сделать не сможет. Никаким показателем для него число 180 не является. И врач, измеряющий ему давление, вряд ли будет ему это число объяснять или даже называть.

Вот пара типичных задач обществоведения, в которых количественные показатели применяются для оценки сложных величин, прямо не измеряемых числом.

Важный показатель состояния страны — связность ее *пространств* (географического, экономического, культурного и пр.). Можно высказать правдоподобное предположение, что связность страны укрепляется, если население разных регионов живет в условиях общей, сходной

в своих главных чертах, материальной культуры. И в Российской империи, и в СССР предпринимались усилия для сокращения различий между регионами по этому показателю. Одним из принципов советской социальной политики было постепенное выравнивание регионов по главным показателям благосостояния.

В 90-е годы в ходе реформы резко усилилось расслоение регионов России по доходам населения. В 1990 году максимальная разница в среднедушевом доходе между регионами РСФСР составляла 3,53 раза. В 1995 году она выросла до 15,6 раза, а в 2006 году составила 10,2 раза. Этот сравнительно легко измеряемый параметр служит полезным индикатором связности страны.

Еще один важный показатель — связующая сила национальной информационно-коммуникационной системы. Говорят, что современные нации «создали печатный станок» — прежде всего это центральные газеты, позволяющие одновременно на всей территории страны давать людям пакет важной для всех информации. Реформа ликвидировала эту «скелетную» систему, был сразу резко сокращен доступ основной массы населения к газете — разовый тираж газет на душу населения сократился в России в 7 раз. Телевидение и Интернет по ряду причин заменить печатный текст в этой функции не могут. Простой параметр — тираж газет на душу населения — служит полезным индикатором.

Важным фактором жизнеспособности страны служит также мотивация населения на приложение личных усилий по *сохранению* (защите) страны. Примем это как гипотезу. Опыт показывает, что эта мотивация может упасть почти до нуля (что наблюдалось в Риме периода упадка, в Византии, в Российской империи в 1917 году и в СССР в 1991 году). Как измерить силу этого фактора? Индикатором может служить отношение к службе в армии. Еще в 1988–1989 годы армия была институтом, который пользовался очень высоким доверием граждан (70–80%). Но уже в 1993 году от службы уклонились 80% юношей призывного возраста, укомплектованность армии и флота упала до 53%. В осенний призыв 1994 года Сухопутные войска получили только 9% необходимого числа призывников. Для обществоведения это веский показатель неблагополучия.

Но в России за последние двадцать лет произошла тяжелая деградация культуры применения количественной меры для характеристики общественных явлений, процессов, проектов. Всякая связь между измерением и латентной величиной очень часто оказывается утраченной, да о ней и не вспоминают. Общей нормой стала подмена показателя параметром без изложения теории соотношения между ними и даже без определения той скрытой величины, которую хотят выразить при помощи параметра. Это определение чаще всего заменяется намеками и инсинуациями: мол, сами понимаете...

Нарушения в логике при использовании меры столь вопиющи, что трудно даже предположить, что в этих нарушениях первично — обусловленная политическим интересом недобросовестность или интеллектуальная безответственность. Важно, что и то, и другое ведет к деградации рациональности.

Например, в кругах гуманитарной интеллигенции общепринятым было (и остается!) мнение, что советская система уже потому абсурдна, что в СССР имелось избыточное количество вооружения. 60 тыс. танков! Сами понимаете... Попытки выяснить, как из этого параметра выводится оценка латентной величины «качество советской системы», всегда отвергались сходу. А ведь даже на первый взгляд видно, что если этот параметр и является индикатором *чего-то*, то связь эта очень непростая, ее еще искать и искать. Ну, 60 тыс. танков — по одному танку на 5 тыс. человек или на 400 кв. км. Много это или мало? Сходу не скажешь, требуются дополнительные данные и логические умозаключения. Но само это требование отвергалось начисто.

Добиться, каким критерием пользуется человек, уверенный в своей оценке, практически никогда не удавалось. Но ведь из *чего-то* должен исходить разумный человек, отличая добро и зло. 60 тыс. танков — плохо, а сколько хорошо? Сама категория критерия едва ли не большинству кажется ненужной, надуманной. Попытки военных объяснить, исходя из каких критериев велось советское военное планирование, никакого интереса не вызывали и не вызывают.

Давайте все же вспомним эти объяснения. Генерал-полковник А. Данилевич, бывший заместитель начальника Генерального штаба и один из военачальников, отвечавших за военное планирование, писал в журнале «Проблемы прогнозирования» (1996 г., № 2): *«Спрашивают, зачем нам было нужно почти 64 тыс. танков. Мы исходили из того, какой может быть новая война, рассчитывали возможный объем потерь, которые оказались бы несравнимыми с потерями во Второй мировой войне. Сравнивали потенциалы восполнения потерь: с одной стороны — США и НАТО, с другой — СССР и ОВД. Оказывалось, что американцы во время войны могли бы не только восполнять потери, но и наращивать состав вооруженных сил. К концу первого года войны они имели бы возможность выпускать вдвое больше танков. Наша же промышленность, как показывают расчеты возможных потерь (вычислялись с помощью ЭВМ, проверялись на полигонах), не только не могла бы наращивать состав вооружения, но была бы не в состоянии даже поддерживать существовавший уровень. И через год войны соотношение составило бы 1:5 не в нашу пользу. При краткосрочной войне мы успели бы решить задачи, стоящие перед нами. А если долгосрочная война? Мы же не хотели повторения ситуации 1941 года. Как можно было выйти из сложившегося*

положения? Создавая повышенные запасы вооружения, т. е. такие, которые превосходили бы их количество, требуемое в начале войны, и позволяли бы в ходе ее продолжать снабжать ими армию в необходимых размерах».

Это объяснение на случай войны. Однако бронетанковые силы служили и фактором сдерживания, были средством предотвращения войны. А. Данилевич поясняет: «Американцы считали, что благодаря танкам мы способны пройти всю Европу до Ла-Манша за десять дней, и это сдерживало их».

На мой взгляд, оба эти суждения разумны. Возможно, они ошибочны, но эта ошибка отнюдь не очевидна. Чтобы ее выявить, требуется привлечь дополнительные фактические данные и логические аргументы. Но ведь никто этих данных не привлекал и на дефекты в логике военных не указывал. Параметр «60 тыс. танков» использовали как художественный образ, т. е. совершили подлог (причем большинство — бессознательно).

Особенно плохо обстоит дело в использовании таких социальных показателей, как уровни потребления и уровни доходов, ибо они связаны с выражаемыми через них скрытыми (латентными) величинами резко нелинейно. Нас же интересуют именно скрытые величины, а индикаторы, показатели — это лишь их видимое выражение, доступное измерению. В России произошел разрыв между измеряемыми и скрытыми величинами, а значит эти измеряемые величины перестали быть показателями чего бы то ни было. Но ими продолжают пользоваться и эксперты, и Правительство, и оппозиция. Уровень жизни снизился на 42%! Нет, всего на 37%! Какая неграмотность (если это, конечно, искренне).

Социальные показатели содержат в себе «неделимости». Одна из «неделимостей» — та «витальная корзина», тот физиологический минимум, который объективно необходим человеку в данном обществе, чтобы выжить и сохранить свой облик человека. Это — тот ноль, тот порог, выше которого только и начинается *благосостояние*, а на уровне нуля есть лишь *состояние*, без «блага». И сравнивать доходы нужно после вычитания этой «неделимости». Можно сравнивать только то, что «выше порога».

Это общий закон: если в сравниваемых величинах скрыты «неделимости», то при приближении одной из величин к размеру этой «неделимости» валовой показатель искажает реальность совершенно неприемлемо. «Зона критической точки», область возле порога, граница — совершенно особенная часть любого пространства, особый тип бытия. Доходы богатого человека и человека, находящегося на грани нищеты, — сущности различной природы, они количественному сравнению не поддаются (точнее, это формальное сравнение ни о чем не говорит).

Именно таковы сравнительные показатели социального расслоения, которые используют социологи («показатель Джини», децильный фондовый и др.). Говорят: ах, какая беда! согласно этим показателям, в России произошло социальное расслоение, более значительное, чем в США. А на деле никакого сравнения с США и быть не может, потому что в России возникла несоизмеримость между частями общества — социальная аномалия. Если проводить сравнение корректно — после *вычитания* физиологического минимума, — то в России фондовый децильный коэффициент будет равен не 15, как утверждает Правительство, и не 23, как утверждают ученые РАН, и даже не 36, как утверждают американские ученые, ведущие в России мониторинг, — он будет измеряться тысячами! Ибо превышение доходов над физиологическим минимумом у самых бедных десяти процентов российских граждан приближается к нулю.

Небольшое снижение в уровне потребления семьи, чьи доходы в 10 раз превышают физиологический минимум, и семьи, которая находится на этом минимальном уровне потребления, — совершенно несравнимые вещи. Это все равно что сравнить снижение на один метр летящего высоко в небе самолета и утопающего человека, который захлебывается в озере. Состояние социальной сферы в России таково, что очень большая часть населения находится именно на абсолютном минимуме потребления, и всякая «эластичность» в снижении их доходов утрачена — для многих это означает не «ухудшение благосостояния», а физическую гибель.

Культура поиска индикаторов и установления их взаимосвязи с параметрами была подорвана во время перестройки столь грубо, что и до сих пор не видно признаков ее восстановления.

Число как художественный образ. Магическая сила внушения, которой обладает число, такова, что если человек воспринял какое-либо абсурдное количественное утверждение, его очень трудно вытеснить логическими аргументами. Свое очарование число распространяет и на текст, который его сопровождает. Поэтому часто манипуляторы сознанием вставляют в текст бессмысленные или даже противоречащие тексту цифры — и все равно остаются в выигрыше, ибо на сознание воздействует сам *вид* числа.

Очень часто числом характеризуют расплывчатые, не поддающиеся измерению величины, причем нередко с высокой точностью. Академик Т.И. Заславская, агитируя за экономическую реформу, утверждала, что в СССР число тех, кто трудится в полную силу, в экономически слабых хозяйствах было 17%, а в сильных — 32%. И эти числа всерьез повторялись в академических журналах (чем не пример утраты обществоведами научной рациональности?). Понятие «трудиться в полную силу»

в принципе неопределимо, это не более чем метафора — однако оно «измеряется» авторитетным социологом с точностью *до 1 процента! 17 процентов! 32 процентов!*

Этот прием взят из арсенала рекламы, которая все же выглядит скромнее в своих претензиях и дает свои оценки с точностью до 10%: «С новыми “памперсами” попки стали на 40% здоровее» или «С новым шампунем “Шаума” волосы стали на 30% сильнее».

Использование числа с целью просто ошарашить читателя и подавить его способность к критическому восприятию, доходит до гротеска. Н. Шмелев и В. Попов в программной книге «На переломе: перестройка экономики в СССР» (1989) пишут: «Сейчас примерно два из каждых трех вывезенных кубометров древесины не идут в дело — они остаются в лесу, гниют, пылают в кострах, ложатся на дно сплавных рек... С каждого кубометра древесины мы получаем продукции в 5–6 раз меньше, чем США».

Вникнем в тезис о том, что из бревна в СССР выходило в 5–6 раз меньше продукции, чем в США (хотя стоит задуматься об утверждении, что в СССР два из каждых трех *вывезенных из леса* кубометров древесины... *остаются в лесу*). Можно ли представить себе такое? Ведь это противоречит здравому смыслу.

Читающая публика приняла эту версию относительно «5–6 раз», а ведь должна была встрепенуться, если бы имела чувство меры. «Как могло случиться, чтобы при переработке пропало 80% от привезенного из леса бревна? Возможно ли это?» — вот что должно было не давать покоя. Но никакого беспокойства эти нелепые количественные данные не вызывали. Н.П. Шмелев стал депутатом Верховного Совета СССР, потом академиком РАН.

Если мы заглянем в справочник, то увидим такую сводку (табл. 2).

Таблица 2

**Выход изделий из древесины в СССР и США, 1986 г.
(в расчете на 1000 куб. м вывезенной древесины)**

Вид изделий	СССР	США
Деловая древесина, плотных куб. м	786	790
Пиломатериалы, куб. м	281	197
Клееная фанера, куб. м	6,2	37,9
Древесностружечные плиты, куб. м	17,4	18,8
Древесноволокнистые плиты, кв. м	1602	1590
Древесная масса, т	5,6	10,3
Целлюлоза, т	23,0	96,5

Где здесь эти «в 5–6 раз меньше продукции»? Отходов при переработке бревна в деловую древесину в США было 21%, а в СССР — 21,4%. Вот и вся разница. Как именно использовать продукцию первого передела — *деловую древесину*, зависит уже от хозяйственной целесообразности. Строишь дома из пиломатериалов — производишь их больше, строишь из фанеры — выпускаешь больше фанеры. Много тратишь бумаги на упаковку — перерабатываешь древесину на целлюлозу.

Замечательно, что это нелепое утверждение об исчезновении 80% массы срубленных деревьев ведущие экономисты России повторяют уже более 20 лет — и при этом не задумаются. Вот, академик А.Г. Аганбегян в программной статье «Финансы для модернизации» (февраль 2010 г.) пишет: «В настоящее время на тысячу кубов заготавливаемой древесины Россия производит конечной продукции в три раза меньше, чем США и Канада, и в 5 раз меньше, чем Финляндия и Швеция».

Злоупотребление числом как художественным образом вошло в норму и, можно сказать, стало частью культуры нынешнего обществоведения.

В Отчете Правительства за 2009 год перед Госдумой В.В. Путин сказал: «Потребность в высокотехнологичной медицинской помощи сейчас удовлетворяется на 60%, хотя еще несколько лет назад такие услуги были доступны только каждому десятому гражданину нашей страны».

Откуда эти величины? «Потребность в высокотехнологичной медицинской помощи» — сложное и плохо формализованное понятие. Оно обозначает явление, описание которого размыто. Измерение его в строгом смысле слова невозможно, оно может быть выражено рангами — «больше-меньше» или «лучше-хуже». И вот, без всяких ссылок на методологию и методики объявляется точный результат — 60%. Значит, 40% потребности остались неудовлетворенными. В каких документах и в какой форме фиксируется потребность в медицинской помощи, которую медицинское учреждение не удовлетворяет по причине ее «недоступности»? Скорее всего, нет таких документов и нет таких измерителей.

В отчете Правительства не сказано также, каким образом удалось «за несколько лет» поднять «удовлетворение потребности» с 10 до 60%? Откуда взялись в России все эти «высокие медицинские технологии» — оборудование, материалы, квалифицированные специалисты? Как могло общество всего этого не заметить? Ведь на субъективном уровне не ощущается такого резкого улучшения здравоохранения. Напротив, нарастает ощущение прогрессирующего неблагополучия в массовом здравоохранении из-за его бюрократизации, нехватки средств и снижения квалификации и мотивации персонала. Чиновники из Минздрава, которые готовили этот параграф Отчета, не ощущают грубой деформации *меры*. Под влиянием «нового обществоведения» они утратили важный элемент культуры.

Ложный образ реальности часто возникает при использовании «средних» показателей, когда система очень гетерогенна. Известно, что средним числом можно пользоваться, только если нет большого разрыва в показателях между разными частями целого — иначе будет как в больничной палате: один умер и уже холодный, а другой хрипит в жару и лихорадке, но средняя температура — нормальная. Это школьное правило было, как будто, забыто.

Вот, политики и обществоведы в конце 1990-х годов утверждали, будто потребление продуктов питания в стране упало в результате реформы на 30%. Если быть точными, то в 1999 году потребление мяса и мясопродуктов в среднем по Российской Федерации составило 57,5% по отношению к 1990 году. В среднем потребление продуктов питания упало на 42,5%. Но ведь этот спад не распределился равномерно по всем слоям населения — он сосредоточился почти исключительно в той половине народа, которая обеднела в наибольшей степени. Значит, в этой половине потребление мяса упало на 60–80%! А власти и СМИ делали вид, что не понимают этой простой вещи.

Искаженный образ возникает и вследствие недобросовестного употребления *относительных* чисел без указания *абсолютных* величин, поскольку рост относительного показателя от малых величин (базы) создает ложное впечатление. Например, спад производства тракторов в 1992 году составил 17%, и рост их производства в 2000 году был 17%. Телевидение представило это чуть ли не как восстановление производства. Ура, идет «компенсация спада»: на 17% упало, на 17% приросло. Но в 1992 году спад в 17% означал потерю в 41 тыс. тракторов, а в 2000 году увеличение производства на 17% означало прирост в 3,9 тыс. тракторов — в *абсолютном* выражении на порядок меньше спада.

Лекция 11

Мера. Часть вторая

Деформация меры при операции с качествами. Учебный пример: безработица. Утрата духа расчетливости приводит не просто к ложным количественным оценкам. Дух расчетливости включает в себя умение «взвешивать» качества, т. е. выводит обществоведческий анализ за рамки простых математических действий. В любой реальной проблеме исследователь общества имеет дело с *несоизмеримыми* величинами, обладающими разными качествами. Это касается и ценностей, и интересов, и условий деятельности людей.

Умение совмещать в одной модели несоизмеримые элементы — совершенно необходимое в обществоведении условие. Провал советского обществоведения во многом и был предопределен неспособностью «взвесить» все элементы системы; господствующая в то время группа обществоведов просто объявляла какую-то одну ценность высшим приоритетом («общечеловеческой ценностью») и пренебрегала альтернативными ценностями.

Так, например, ценность *свободы* ставилась неизмеримо выше ценности *равенства*, ценность *эффективности* ставилась выше ценности *справедливости* и т. д. В результате, в моделях, положенных в основание доктрины реформ, возникла острая некогерентность. Справедливость как ограничение для социальной инженерии была отброшена, но вместе с этим рухнула и эффективность.

Хороший учебный материал дает трактовка *права на труд*. Во время реформы видные обществоведы (Н.П. Шмелев, С.С. Шаталин) стали пропагандировать *безработицу*.

Т.И. Заславская писала в одной из статей (1989 г.): «По оценкам специалистов, доля избыточных (т. е. фактически ненужных) работников составляет около 15%, освобождение же от них позволяет поднять производительность труда на 20–25%. ... Лишняя рабочая сила не только не приносит хозяйству пользы, но и наносит ему прямой вред... По оценкам экспертов, общая численность работников, которым предстоит увольнение с занимаемых ныне мест, составит 15–16 млн человек, т. е. громадную армию... Система, при которой люди, увольняемые со своих предприятий, испытывали бы некоторые трудности с нахождением но-

вой работы, ... ставила бы работников в более жесткие экономические и социальные условия, требовала от них более качественного труда».

Таким образом, по словам Т.И. Заславской, «освобождение» от 15% «ненужных работников» поднимет производительность труда на 20%. Значит, объем производства при этом возрастает на 2%. И из-за этого ничтожного прироста социолог предлагает превратить 15–16 млн человек в безработных! Обществовед не справился с «взвешиванием» несоизмеримых ценностей, в результате выгода оказалась несоизмеримо меньше неизбежных потерь. Академик, насытив свой текст бессмысленными числами, даже не удосужилась посчитать результат. А кто удосужился?

Н.П. Шмелев разрушает в этой проблеме меру, придавая количественному аргументу *тотальный* характер. Он пишет в 1995 году: «Сегодня в нашей промышленности 1/3 рабочей силы является излишней по нашим же техническим нормам, а в ряде отраслей, городов и районов все занятые — излишни абсолютно».

Как это понимать? Что значит «в этой отрасли все занятые — излишни абсолютно»? Что это за отрасль? И таких отраслей в России не одна, а целый ряд. А что значит «в городе N все занятые — излишни абсолютно»? Что это за города и районы? И все это публикуется в журнале Российской академии наук! Если редакция (и, видимо, образованные читатели) таких перлов не замечают, значит этот алгоритм умозаключений прочно вошел в сознание!

Искажение структуры объекта и ошибки измерения. Применение числа требует ответственности. Число должно быть сопряжено с измеряемой величиной явными отношениями. Если неверно видится структура объекта, то выбор какой-то измеримой величины в качестве индикатора может привести к грубой ошибке. При этом нарушением меры является даже применение числа с избыточной точностью, которой не может дать измерительный инструмент (например, указать вес мешка картошки с точностью до грамма значит обнаружить свою низкую квалификацию в измерении). В российском обществоведении произошло резкое падение этой квалификации.

К такой деградации расчетливости ведет склонность сравнивать величины по какому-то одному внешнему признаку, не делая в уме структурного анализа объектов сравнения. Если бы человек в уме строил профиль существенных признаков, то он взвесил бы в уме всю их совокупность.

Вспомним фильм Э. Рязанова «Ирония судьбы». Оба его героя — врач и учительница — соглашаются в том, что зарплата у них меньше, чем того заслуживает их профессия. При этом они не учитывают, что оба только что получили бесплатно квартиры в хороших домах. Известно,

в каком доме около метро «Юго-Западная» в Москве снимался фильм, вот и возьмем нынешнюю рыночную цену этой квартиры — 300 тыс. долл., что эквивалентно зарплате нынешней учительницы за 50 лет. Нет, такую добавку к зарплате ни учительница, ни врач «застойного времени» не замечают. Они не замечают, что на ту «маленькую» зарплату они могли запросто летать на самолете, брать такси и т. д. Они неспособны все это *взвесить*.

Когда расчетливость подорвана, сознание людей не отвергает самых абсурдных количественных утверждений, они действуют на него магически.

Заявления политиков по общественным проблемам готовятся их экспертами — экономистами, социологами, историками. Мера, применяемая в политических выступлениях, говорит о культуре измерения в высшем эшелоне российского обществоведения. Типичным нарушением этой меры стал разрыв между приводимыми величинами и структурой объекта, к которому эта мера прилагается. И готовящие доклад эксперты, и зачитывающий доклад политик «не чувствуют» объекта, не соотносят его реальные величины с теми величинами, которые они называют.

Вот, в Отчете Правительства перед Госдумой за 2009 год сказано: «Сегодня более 30% всех лечебных учреждений страны находятся в аварийном или требующем капитального ремонта состоянии. И это несмотря на все то, что уже было сделано в рамках национального проекта. Многие поликлиники и больницы не имеют достаточного оборудования для оказания медпомощи в соответствии с современными требованиями. Поэтому в течение двух ближайших лет мы выделим около 300 млрд руб. на приведение всей сети здравоохранения страны в порядок».

Понятно, что 300 млрд руб. — это сумма, которую Правительство посчитало возможным выделить на то, чтобы разрешить самые критические угрозы, возникшие из-за износа основных фондов. Но зачем говорить, что эти средства даны «на приведение всей сети здравоохранения страны в порядок»? Эксперты, которые готовили этот абзац для Отчета, похоже, не представляют себе образа этой «сети» и ее масштаба (мы отмечаем предположение об их недобросовестности). Они не представляют и величины нормальных затрат на воспроизводство этой «сети» (на строительство и капитальный ремонт зданий и сооружений, на содержание и обновление приборов и оборудования).

В России около 50 тыс. больниц, поликлиник и других лечебных учреждений. Их надо было бы оценить по элементам, но для краткости возьмем в целом. Как сказано, 30% зданий (т. е. около 16 тыс.) надо сносить или, какие можно, капитально ремонтировать. Приборный парк надо закупать практически полностью, он изношен физически и мо-

рально до предела. И на все это выделяется 300 млрд руб. — это в среднем по 6 млн руб. на одну больницу или поликлинику. В Москве это стоимость однокомнатной квартиры без полов, электропроводки и сантехники. Можно ли на эти деньги привести в порядок здание и оборудование *больницы*? Так зачем создавать иллюзии?! Гораздо важнее помочь обществу осознать суровую действительность, преодоление которой потребует от государства и населения больших, даже самоотверженных усилий.

Векторные величины и деформация меры. Предметом обществоведения являются общественные процессы, т. е., изменения систем общества во времени. Описание стабильного состояния — это всегда абстракция, поскольку эти состояния в реальности всегда представляют собой динамическое равновесие, при котором противоположно направленные процессы компенсируют друг друга. Например, «стабильная численность населения» — это состояние, при котором в единицу времени рождается столько же людей, сколько умирает. Но рождаемость и смертность — процессы очень разные, подчиняются они разным воздействиям, равновесие между ними формальное, их надо изучать и учитывать независимо один от другого.

Грубо говоря, все процессы в обществе можно разделить на два класса — процессы *развития* и *деградации*. *Стабилизация* — достижение динамического равновесия между ними. Обычно слово «стабилизация» используется, чтобы обозначить достижение равновесия при выходе из «плохого» состояния, в котором преобладала деградация (например, смертность превышала рождаемость). Но, строго говоря, стабилизация может быть и моментом кризиса, когда удается затормозить спад или компенсировать его ростом.

Из этого следует, что обществоведение по большей части оперирует с величинами *векторными*, которые характеризуются как нейтральным числом, так и *направлением*. Состояние в точке, без указания направления изменений этого состояния, описывается *скалярной* величиной. Человек, знающий реальное состояние, для удобства оперирует скалярными величинами, но имеет в виду вектор. В культуре меры в российском обществоведении произошел тяжелый срыв — в массовом масштабе утрачен навык различать векторные и скалярные величины. Это проявляется прежде всего в заявлениях политиков, но материалы для этих заявлений готовятся экспертами («высшей квалификации»). Эти же эксперты обучают нынешних студентов.

Поясним проблему на примерах.

В сентябре 2005 года В.В. Путин сказал: «Проводимый курс обеспечил макроэкономическую стабильность». Это утверждение повторялось буквально до того дня (в октябре 2008 г.), когда обрушилась российская

биржа. Стало очевидно, что *проводимый курс не обеспечил макроэкономическую стабильность*, о чем и писали после 2000 года многие российские специалисты (например, указывая на опасный рост необеспеченных кредитов). Вектор происходивших в хозяйстве процессов был определен неверно, хотя скалярные величины (доходы от нефти) внушали оптимизм.

Важной темой политических деклараций после 2004 года стали *программы развития*. Развитие — вектор, это процесс созидания новых структур, укрепляющих страну и улучшающих главные показатели ее бытия. Лейтмотивом многих выступлений (в частности, посланий Президента) служила формула: «Следует принять долгосрочную программу развития...», — а дальше обозначалась какая-то сфера (дороги, судостроение и пр.).

Каждый раз эта вводная фраза противоречила реальности, ибо вслед за ней речь шла о *деградации* или *разрушении* этой сферы или отрасли. Иными словами, реальность описывалась векторной величиной, направленной *противоположно* развитию. Если так, то и цели программы должны были соответствовать совсем иному процессу, нежели *развитие*. Какой смысл принимать программу развития, если продолжает действовать механизм разрушения? Прежде надо выполнить программу по остановке и демонтажу этого механизма.

Более того, программа развития, как правило, и вырастает из программы борьбы против сил разрушения. Вдумаемся в слова Президента, который в очередном Послании (2007 г.) жалуется на Правительство: «Я уже несколько лет говорю о необходимости развития морских портов. В то же время, ситуация практически не улучшается... Правительство, как будто специально, никаких мер не предпринимает».

И так по всему кругу вопросов. «Существенным фактором... должно стать развитие речных перевозок». Нет! Развитие было с 1970 года по 1990 год — объем речных перевозок вырос тогда в три раза. А за 1990-е годы произошел спад в 6 раз, и никакого подъема не наблюдается. И созданный в 1990-е годы механизм по уничтожению водного транспорта никуда не делся! Его надо демонтировать, чтобы стало возможным вновь *развивать* речной транспорт.

Такая же нечувствительность к вектору наблюдается в отношении процессов, идущих в социальной сфере. В Послании 2007 года сказано: «Разрыв между доходами граждан *еще* недопустимо большой» [выделено мною — С. К.-М.].

Слово «еще» искажает реальность. Оно соответствует процессу *сокращения* разрыва между доходами, а вектор реального процесса противоположен. В действительности же после 2000 года этот разрыв *увеличивается*, а не уменьшается. Если Послание Президента имело целью дать

верную картину динамики распределения доходов в России, то фраза должна была бы звучать примерно так: «Разрыв между доходами граждан уже недопустимо большой, но *еще* не достиг показателей Конго».

Неверные определения вектору процессов давались и во время нынешнего обострения кризиса. В разгар кризиса В.В. Путин заявил на заседании Совета ЕврАзЭС (12 декабря 2008 г.): «В последнее время мы, конечно, сталкиваемся с замедлением роста объемов экономики».

На деле речь шла не о *замедлении роста*, а о *спаде*, о *сокращении объемов производства*. Это противоположно направленный вектор! В ряде важнейших отраслей спад уже был катастрофическим. Так, в ноябре 2008 года производство минеральных удобрений составило 48,4% по отношению к ноябрю 2007 года, а производство грузовых автомобилей — 41,9%.

Такова же трактовка **приоритетного национального проекта «Развитие АПК», который выполнялся в 2006–2007 годы. Первое** направление этого проекта — «Ускоренное развитие животноводства», на его реализацию в течение двух лет выделялось 6,63 млрд руб. В конце 2007 года Минсельхоз заявил, что все задачи проекта выполнены. Но о каком «ускоренном развитии животноводства» можно говорить, если только за 2004 год число голов крупного рогатого скота в России убавилось на 1,95 млн голов, а посредством лизинга в «национальном проекте» было получено за два года 105 тыс. голов молодняка крупного рогатого скота.

В 2006 году министр А.В. Гордеев сказал: «В 2005 году в целом по России **численность** крупного рогатого скота к уровню 2004 года **уменьшилась более чем на 1,5 млн голов**, в том числе **коров — на 722 тыс. голов**. Таким образом, мы катастрофически **теряем базу производства продукции животноводства**».

Потеря базы производства — процесс катастрофический, направленный противоположно вектору развития. Если мы взглянем на график динамики поголовья (рис. 3), то увидим, что национальный проект лишь на два года стабилизировал его — слегка затормозил, но не остановил, процесс деградации.

В целом распад навыков использования инструментов количественной меры сам сложился в систему. Элементов и связей в этой системе много, мы всю ее не можем описать в одной лекции — она заслуживает целого курса. Кратко отметим здесь еще один важный провал в количественном восприятии процессов, изменений параметров во времени. Речь идет о потере чувствительности к *критическим точкам*. Уже в школе нам объясняют, что эффективным средством представить ход процесса служат временные ряды. Самый простой и наглядный способ их изображения — графики функций в декартовой системе координат, где по оси абсцисс отложено время. Человеку, привыкшему к такому

представлению, достаточно взглянуть на график, чтобы увидеть моменты главных событий, предопределивших ход процесса. Форма кривой, ее наклон, перегибы, спады и подъемы очень информативны, в них — история изучаемой системы.

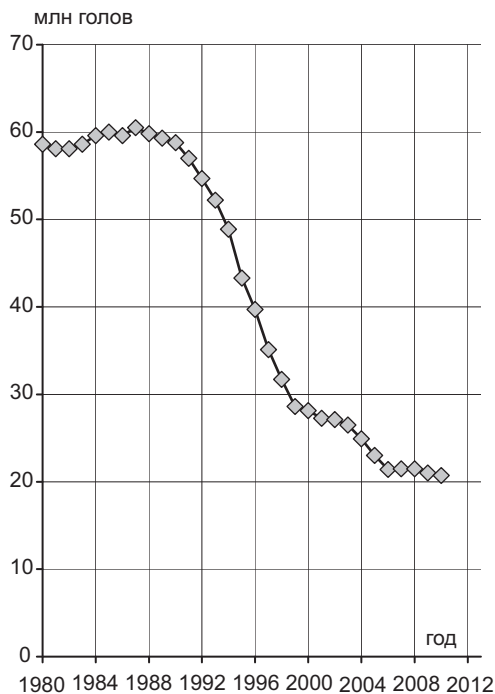

Рис. 3. Поголовье крупного рогатого скота в России в хозяйствах всех категорий (на 1 января)

Во время реформы этот данный в средней школе навык был как будто стерт из сознания российских обществоведов. Это странное явление — практически полная потеря такой важной составной части языка, необходимого для мышления и общения. Вот, Правительство представляет Госдуме отчет за год. Казалось бы, надо показать на экране график, показывающий судьбу какой-то важной системы, и объяснить решения, которые привели к характерным изменениям. Но нет, доклад составлен в уклончивых, размытых понятиях, часто изобилует метафорами.

В апреле 2009 года, в разгар кризиса, В.В. Путин сказал: «Последние годы, благодаря инвестициям и внедрению инноваций, возможности реального сектора страны самым серьезным образом выросли. Наша задача — сохранить и развить накопленный промышленный и технологический потенциал».

Какие инвестиции и инновации? Инвестиции после 2000 года шли в основном в торговлю и добычу нефти и газа, а не в «реальный сектор страны». Вот доли инвестиций по секторам хозяйства для 2006 года:

- добыча топливно-энергетических полезных ископаемых — 13,3%;
- операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг – 17%;
- производство машин и оборудования — 1%.

А главное, размеры инвестиций были очень и очень скромными. Их не хватало даже для содержания «накопленного промышленного и технологического потенциала» — этот потенциал продолжал деградировать.

А если бы на экране появился график динамики численности промышленно-производственного персонала (рабочих и ИТР) в промышленности России (рис. 4) или динамики инвестиций (рис. 5), то разговор стал бы конкретным.

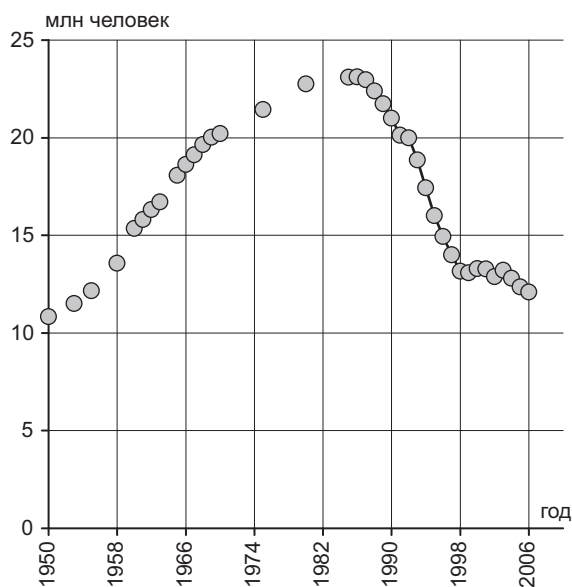

Рис. 4. Численность промышленно-производственного персонала в России

Разберем кратко случай действительно аномальный — появление на графике показателя важного процесса необычной критической точки, которую можно объяснить только негласным изменением критериев учета. Речь идет о жилищном фонде, той части техносферы, прогрессирующей износ которой угрожает «шкурным» интересам подавляющего большинства населения России. Процесс этот идет безостановочно, причем с ускорением, и нет никаких надежд на то, что он вдруг сам со-

бой остановится и повернет вспять. Но все смотрят на это равнодушно и не пытаются составить разумное представление о ситуации. Власть даже не делает успокаивающих заявлений, пусть и ложных. В них нет необходимости, ибо в обществе не проявляется беспокойство.

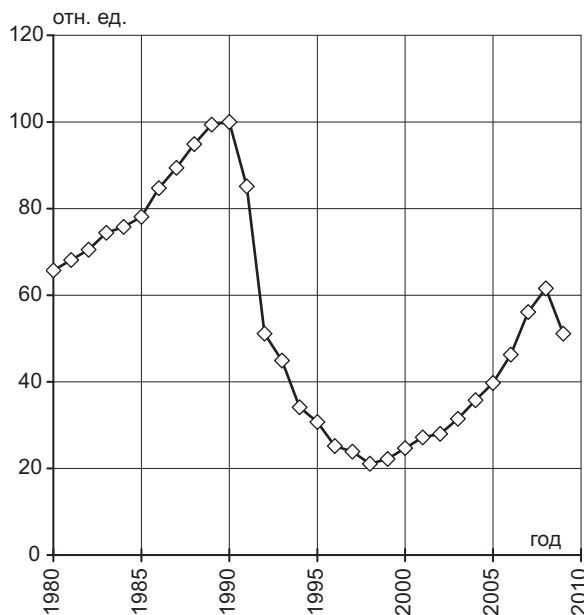

Рис. 5. Индекс капиталовложений в основные фонды (1990 г.= 100)

Суть аномалии в следующем. По данным Госкомстата, в Российской Федерации на конец 2001 года было 90 млн кв. м аварийного и ветхого жилья или 3,1% всего жилфонда Российской Федерации. Запомним эту величину. После этого Госкомстат не публиковал этого показателя, но о динамике старения сообщалось в документах и заявлениях официальных лиц. Так, председатель Госстроя России Н. Кошман 8 апреля 2003 года сообщил прессе, что в 2002 году «в состояние ветхого и аварийного жилья перешло 22 миллиона квадратных метров».

9–11 февраля 2004 года Госстрой России, Министерство жилищного строительства и городского развития США и Всемирный банк провели в Дубне международный семинар, на котором выступали зам. Премьер-министра Российской Федерации В. Яковлев, председатель Госстроя Н. Кошман, зам. министра экономики А. Дворкович. Главный доклад сделал зам. председателя Госстроя В. Пономарев. Все это официальные лица очень высокого ранга. В пресс-релизе семинара сказано, что «ветхий и аварийный фонд ежегодно растет на 40%».

Простой подсчет показывает, что если скорость старения после 2001 года принципиально не изменилась, то к концу 2006 года категория ветхого и аварийного жилья должна была бы составить около 400–500 млн кв. м или 14–16% всего жилфонда Российской Федерации. При этом надо отметить, что масштабы сноса ветхих домов очень велики. Счетная палата отмечает в 2005 году: «Ликвидировано за указанный период [2002–2004 гг.] ветхого и аварийного жилищного фонда 630,4 тыс. кв. м при плане 2406,0 тыс. кв. м, выполнение составило 26,2%». За три года снесено ветхого жилья 0,63 млн кв. м — величина пренебрежимо малая.

Площадь ветхого и аварийного жилья 400–500 млн кв. м — величина *правдоподобная*, хотя наверняка неточная, поскольку мы можем сделать лишь грубую прикидку. Вот косвенные доводы на этот счет. Говорится, например, что в Москве ситуация лучше, чем в других местах. В мэрии Москвы в 2006 году сообщили корреспонденту «RBC daily»: «В ветхом состоянии у нас находится 28 млн кв. м жилья при общем размере жилого фонда 200 млн кв. м».

Итак, в Москве ветхое жилье составляет 14% жилищного фонда, а, согласно «Российской газете» от 2 марта 2007 г., «количество ветхих и аварийных домов в Дагестане составляет 26% жилищного фонда». Таков диапазон на начало 2007 года: от 14 до 26% жилищного фонда — ветхие и аварийные строения.

Однако в феврале 2006 года министр регионального развития РФ В. Яковлев сообщил: «Сегодня в стране насчитывается более 93 млн кв. м ветхого и аварийного жилья». 5 октября 2006 года зам. министра регионального развития РФ Ю. Тыртышов сообщает: «Доля ветхого и аварийного жилья в России достигла 3,2% от общего объема жилищного фонда, что составляет 93,2 млн кв. м».

Более того, 15 июня 2007 года на заседании Государственной думы председатель Комитета по промышленности, строительству и наукоемким технологиям М.Л. Шакум признал: «Статистика показывает, что за последние 5 лет количество аварийного жилья увеличилось ровно вдвое. Это по данным статистической отчетности. Это совершенно точно. Поэтому данные представляются мне вполне корректными. И на основании этих данных, а мы пользуемся данными статистики и другими пользоваться не можем...».

Вот официальная таблица 6.4.2, заимствованная из Статистического ежегодника Российской Федерации издания 2009 года (в лекции — табл. 3). Из нее видно, что площадь аварийного жилья увеличилась за 5 лет (2003–2007 гг.) не вдвое, а на 32,2%. Какой же статистикой пользуется М.Л. Шакум? Видимо, *реальной!* Той, которой пользуются региональные власти, имеющие дело непосредственно с населением.

Из упомянутой таблицы 6.42 Статистического ежегодника РФ за 2008 год видно, что с 1995 года по 2001 год доля ветхого и аварийного жилья увеличилась в 2,2 раза. В последующие годы ветшание как физический процесс не прекратилось и не замедлилось — объемы капитального ремонта не увеличились, снос ветхих зданий был незначительным. Почему же вдруг «остановился» износ? Это могло произойти только в результате изменения методики учета — ветхие дома стали считать «молодыми».

Таблица 3

6.42. Ветхий и аварийный жилищный фонд
(на конец года, общая площадь жилых помещений)

	1990	1995	2000	2001	2002	2003	2005	2006	2007	2008
Ветхий и аварийный жилищный фонд, млн м ²	32,2	37,7	65,6	87,9	87,4	91,6	94,6	95,9	99,1	99,5
Доля ветхого и аварийного жилищного фонда в общей площади, %	1,3	1,4	2,4	3,1	3,1	3,2	3,2	3,2	3,2	3,2

Это признак беды! Министры и их заместители, депутаты и председатели комитетов Госдумы приводят несовместимые величины — и никакой реакции! Общество получает сообщения, в которых концы не сходятся с концами — и никто этого не замечает! Общество утратило чувствительность к количественной мере самых актуальных явлений, в том числе таящих в себе большую угрозу.

Остановимся на этой аномалии: сведения о величине ветхого и аварийного жилищного фонда России, приводимые разными источниками, *несоизмеримы*. Более того, одни и те же люди в разной обстановке называют разные величины. Резкие и никак не объясненные изменения в динамике величин, которые присутствуют в данных Госкомстата, не вызывают вопросов и удивления даже у контролирующих органов.

Вот Отчет Счетной палаты о ходе программы переселения граждан из ветхого и аварийного жилья. В нем сказано: «По состоянию на 1 января 2000 года суммарная площадь ветхого и аварийного жилья в Российской Федерации составляла 49,78 млн кв. м (1,8% в общем объеме жилищного фонда России), в том числе аварийный жилищный фонд — 8,24 млн кв. м)».

В приведенной здесь же таблице Госкомстата мы видим, что после 1999 года начался резкий рост объема ветхого и аварийного жилья — 50 млн кв. м в 2000 году и 90 млн — в конце 2001 года. Этот рост имеет

свои объяснения, которые не раз приводило руководство Госстроя Российской Федерации. Но после 2001 года, вплоть до настоящего времени практически никакого прироста этого объема как будто не происходит. Как аудиторы Счетной палаты могли не заметить этого странного явления? Как мог за эти годы остановиться процесс ветшания старых домов?

Напрашивается такое объяснение. Резкое изменение динамики старения жилищного фонда, в котором пороговой точкой стал 1999 год, побудило Правительство пересмотреть критерии отнесения жилых домов к категории ветхих и аварийных. Это было оформлено Постановлением Правительства РФ от 4 сентября 2003 года № 552 «Об утверждении Положения о порядке признания жилых домов (жилых помещений) непригодными для проживания».

Во исполнение указанного Постановления Правительства Госстрой России принял постановление от 20 февраля 2004 года № 10 «Об утверждении критериев и технических условий отнесения жилых домов (жилых помещений) к категории ветхих или аварийных». Постановление Госстроя гласит: «...2. Не применять на территории Российской Федерации Приказ Министерства жилищно-коммунального хозяйства РСФСР от 5.11. 1985 № 529 «Об утверждении Положения по оценке непригодности жилых домов и жилых помещений государственного и общественного жилищного фонда для постоянного проживания». Счетная палата вскользь делает странное замечание: «Минюстом России письмом от 23 апреля 2004 года № 07/4174-ЮД отказано в государственной регистрации данного постановления».

Согласно этим новым критериям, ветшание жилищного фонда резко замедлилось (с 40 до 2% в год). Поразительно и то, что практические работники местных властей (например, правительства Москвы) продолжают пользоваться старыми критериями и сообщают соответствующие им величины прессе. Это совершенно неприемлемое в государстве положение не вызывает никакой реакции ни у экспертов, ни в администрации — хотя график динамики старения жилищного фонда России наглядно демонстрирует волюнтаристское негласное изменение критерия учета (рис. 6). Новая система учета фальсифицирует реальность. Но от реальности не скрыться, только ударит она отвернувшееся от нее государство и общество намного сильнее.

Несоизмеримость. Неспособность почувствовать *несоизмеримость* величин (например, масштаб проблемы и средств для ее решения) стала общей бедой обществоведения. Очень часто и политики, и их эксперты-обществоведы говорят о насущной проблеме и о намерении ее разрешить, и называют выделенные для этого средства, приводящие людей в недоумение. Как можно не видеть, что эти средства не могут оказать на развитие проблемы какое-либо воздействие?

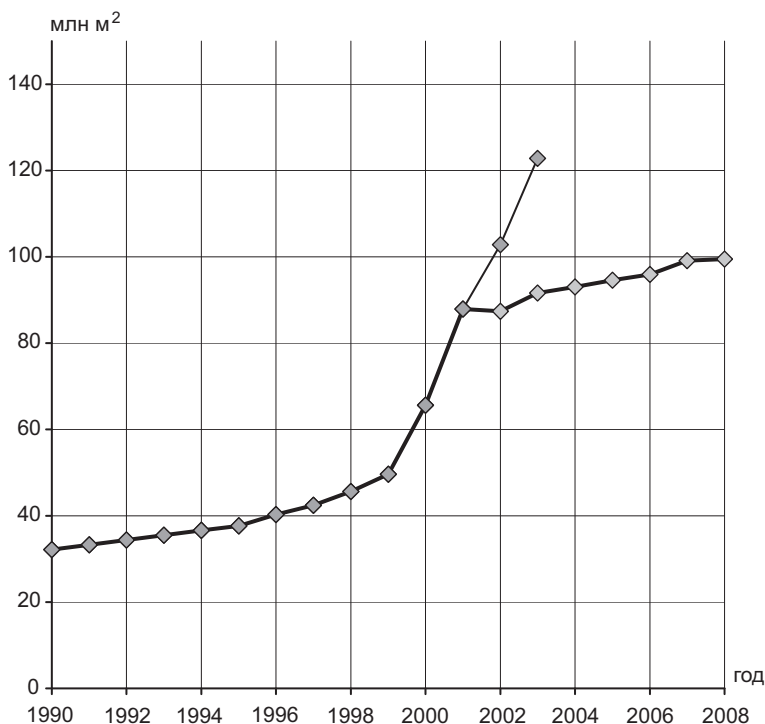

Рис. 6. Ветхий и аварийный жилищный фонд в РФ
(данные за 2002–2003 гг., обозначенные тонкой линией, взяты из интервью должностных лиц)

Так, например, существенной общественной проблемой остается возвращение населению их сбережений в государственном Сбербанке, которые они потеряли в 1992 году при либерализации цен. Правительство обещало свой долг погасить. В телефонном диалоге с народом 18 декабря 2003 года Президенту В.В. Путину был задан вопрос: «Каковы сроки погашения и механизмы?».

Вот как ответил на это В.В. Путин: «Общий объем долга перед населением — я хочу обратить на это ваше внимание — 11,5 триллиона рублей... Теперь хочу обратить ваше внимание на темпы и объемы этих выплат... В 2003 году — 20 миллиардов, а в 2004 мы запланировали 25 миллиардов рублей».

Итак, долг составляет 11,5 трлн руб. (это, по курсу того момента, 450 млрд долл.). В.В. Путин сообщает, что в 2003 году государство вернет гражданам 20 млрд руб. Прямо о сроках погашения долга, что и является сутью вопроса, В.В. Путин не говорит. Но нетрудно применить арифметику и увидеть, что в 2003 году Правительство вернет населению

1/575 часть от суммы долга. Это значит, что возвращение долга в ритме 2003 года рассчитано на 575 лет! Ввиду такой несоизмеримости величин следовало как-то объясниться, но, похоже, никто этой несоизмеримости не заметил — ни эксперты, которые готовили ответы, ни телезрители, ни сам В.В. Путин.

Со временем этот дефект нисколько не устраняется. Вот пример. Сейчас для большинства населения России главной проблемой является не *приобретение* жилья, а его *содержание* (можно даже сказать, *удержание*). Население с большим трудом выдерживает оплату жилищно-коммунальных *услуг*, но это мелочь по сравнению с деградацией *основных фондов ЖКХ* — зданий и инфраструктуры. Это *неумолимый* фактор, нужны большие ресурсы и чрезвычайные усилия для восстановления ЖКХ. Но решением власти стало переложить эти расходы на плечи населения.

Вот суждение В.В. Путина (в сокращении): «Новый Жилищный кодекс возложил полную ответственность за содержание жилых домов на собственников. Однако эта нагрузка для подавляющего большинства граждан оказалась абсолютно неподъемной. Из 3 млрд кв. метров жилищного фонда России более половины нуждается в ремонте. Сегодня объем аварийного жилья — более 11 млн кв. м. Вопрос, который вообще не терпит никакого отлагательства, — расселение аварийного жилья. Невнимание государства к этим проблемам считаю аморальным. Правительство в 2007 году запланировало на расселение ветхого и аварийного жилья всего 1 млрд рублей».

В качестве доводов В.В. Путин приводит величины, которые несоизмеримы между собой. Структурируем его рассуждение.

- Государство обязано расселить людей из аварийных домов (забудем о *ветхих*).
- Для этого требуется построить 11 млн кв. м жилья.
- Денег, выделенных государством для этой цели на 2007 год, достаточно, чтобы построить примерно 20 тыс. кв. м.
- Это составляет 0,2% от требуемой для расселения площади.

Вывод: если бы старение жилищного фонда с 2007 года чудесным образом прекратилось, граждане из аварийных жилищ были бы расселены, при сохранении нынешних темпов расселения, за 500 лет.

Президент констатирует, что население *не может* оплатить ремонт жилищного фонда («эта нагрузка для подавляющего большинства граждан оказалась абсолютно неподъемной»). Как же у Президента поднялась рука подписать закон, возлагающий на население обязанность оплатить ремонт? Ведь количественные данные, которыми оперирует власть, не позволяли такой закон принимать.

Реформа ЖКХ — одна из ключевых составляющих перестройки всего жизнеустройства России. В разработку и проведение этой реформы

вовлечены большие силы обществоведения (прежде всего, экономики и социологии). И с самого начала возникла аномальная несоизмеримость количественных параметров этой реформы.

Рассмотрим лишь один из разделов — *капитальный ремонт*.

В России в норме ежегодно должен проводиться капитальный ремонт 4–5% жилищного фонда. Однако в течение последних пятнадцати лет ремонтируется около 0,2% городского жилищного фонда в год — в 20–25 раз меньше необходимого. Накопленное отставание огромно, и теперь оплатить ремонт не под силу ни государству, ни населению. Деградация жилищного фонда стала массивным неумолимым процессом, который не удастся затормозить. Россия стоит перед угрозой стать *цивилизацией трущоб*.

Государство, которое было собственником и управляющим жилищного фонда, от обязанности отремонтировать дома шаг за шагом уходит. Кто же реально возьмет на себя эту работу? Во сколько обошлось бы гражданам капитально отремонтировать их дом? В октябре 2007 года Ассоциация строителей России и Союз инженеров-сметчиков разработали нормативы стоимости капитального ремонта многоквартирных жилых домов по всем регионам России в прогнозных ценах 2008 года. Согласно этим нормативам, средняя стоимость капитального ремонта по России составила в 2008 году **19,5 тыс. руб. за 1 кв. м**.

Это правдоподобная величина — за жизненный цикл рядового дома надо сделать два капитальных ремонта, и они вместе с затратами на снос обходятся примерно столько же, сколько стоила постройка. На жителя Российской Федерации в среднем приходится по 20 кв. м общей площади квартиры. Значит, на семью из четырех человек — 80 кв. м. Эта семья, если действительно возложить на нее расходы, должна будет заплатить за капитальный ремонт 1,6 млн руб. При средней зарплате в 15 тыс. руб. это означает, что глава семьи должен заплатить за ремонт *весь свой заработок за 8 лет*. Это нереально, что и зафиксировал В.В. Путин.

Несоизмеримость проблемы и средств для ее решения — общее явление всей России. Это видно из отчетов регионов о проведении капитального ремонта. В 2007 году в России, по официальной справке, более 300 млн кв. м нуждалось в капитальном ремонте *неотложно*. В Послании 2007 года В.В. Путин сказал о выделении 150 млрд руб. на капитальный ремонт жилищного фонда — на 5 лет. Сколько жилья можно отремонтировать за 2008 год на 30 млрд руб.? Если верить расценкам, 1,5 млн кв. м жилья. А только в *неотложном* ремонте нуждается 300 млн кв. м. Значит, выделение средств, о котором в Послании говорится как о решении проблемы, эквивалентно 0,5% усилий, которые государство обязано предпринять срочно, в аварийном порядке. А если же брать проблему в полной мере «отложенного» ремонта, то это 0,02%. Для

примера, стоимость «отложенного» капитального ремонта жилищного фонда Петербурга уже в 2007 году составляла семь годовых бюджетов города — около 275 млрд руб.

Прошло три года, и ничего не изменилось. В Отчете Правительства за 2009 год сказано: «За 2008–2009 годы Фонд реформирования ЖКХ вложил 166 млрд рублей в капитальный ремонт многоквартирных домов и расселение аварийного фонда. Отремонтированы дома, в которых проживает — конечно, это была крупномасштабная работа, да она и продолжается — 11 млн 300 тыс. человек».

Утверждается, что на 166 млрд руб. сделан капитальный ремонт многоквартирных домов, в которых проживают 11 млн 300 тыс. человек. В среднем по России на одного человека приходится около 20 кв. м жилья. Значит, сделан капитальный ремонт жилищного фонда площадью 226 млн кв м. Выходит, стоимость ремонта 1 кв м составила 735 руб. Между тем, согласно опубликованной официальной смете капитального ремонта на 2008 год, цена ремонта 1 кв. м^в в среднем по России составляла 19,5 тыс. руб. Это в 26,5 раза больше того, что затратил Фонд реформирования ЖКХ.

Даже если предположить, что кроме Фонда реформирования ЖКХ примерно такую же сумму в ремонт вложили региональные бюджеты (о чем в Отчете, впрочем, не сказано), все равно величина вложенных средств и реальная стоимость ремонта *несоизмеримы* между собой.

В Отчете уточняется: «В этом [2010] году на программы Фонда будет направлено 85 млрд рублей. Это позволит провести капитальный ремонт в 26 тысячах многоквартирных домов площадью 60 млн кв. метров и переселить из аварийного жилья еще несколько десятков тысяч человек».

Иными словами, и в 2010 году стоимость капитального ремонта оказывается менее 1 тыс. руб. за 1 кв. м (поскольку на 85 млрд руб. предполагается часть жителей аварийных домов, не поддающихся ремонту, расселить в новые квартиры). На 1 тыс. руб. трудно сделать и косметический ремонт 1 кв. м жилья, а капитальный ремонт включает в себя ремонт несущих конструкций, замену кровли и инженерных коммуникаций. Правительство никак не объясняет этого несоответствия, а депутаты слушают отчет и не просят никаких объяснений.

То же самое происходило с отчетом о выполнении национального проекта «Развитие АПК». В отчете Минсельхоза говорилось, например: «По состоянию на 9 ноября 2007 года, в целом по Российской Федерации в эксплуатации находится 518,7 тыс. тракторов, 138,2 тыс. зерноуборочных и 32,9 тыс. кормоуборочных комбайнов. На условиях лизинговых поставок хозяйства Российской Федерации через ОАО «Росагролизинг», с начала текущего года, получили 1974 трактора, 32 зерноуборочных, 28 кормоуборочных комбайнов».

За 2007 год «Росагролизинг» поставил хозяйствам 32 зерноуборочных комбайна. И никаких комментариев к этой величине, которая представляется одним из итогов *национального проекта!* Встроим эту величину в реальный контекст. За 2007 год в сельскохозяйственных организациях России выведено из эксплуатации по причине полного износа 12 тыс. зерноуборочных комбайнов. А благодаря приоритетному национальному проекту возмещено 32 штуки — 0,26% выбытия.

За 2007 год выбыло из строя 40 тыс. тракторов, а «Росагролизинг» поставил 2 тыс. Идет быстрая деградация материально-технической базы АПК, и на темп этой деградации национальный проект «Развитие АПК» повлиял в ничтожной степени. «Росагролизинг» в 2007 году поставил 32 зерноуборочных комбайна, а в обычном порядке на рынке хозяйства купили 6,3 тыс. (а в 2005 году — 4,4 тыс.) комбайнов.

Мало того, субсидии на аренду или покупку техники не могли повлиять на опережающий рост цен на сельскохозяйственные машины. В 2004 году средняя цена трактора при приобретении его хозяйством была равна цене (причем цене производителя!) 202 тонн пшеницы, а в 2008 году — 395 тонн. А молока требовалось продать в эти годы для покупки одного трактора, соответственно, 113 и 183 тонн.

Мы переживаем кризис всей системы средств познания, объяснения и доказательства, которые применяются при выработке хозяйственных решений. Масштабы деформации таковы, что на деле надо констатировать распад сообщества управленцев и их экспертов. Разумеется, все они — умные и образованные люди, но распад системы познавательных навыков и правил привел к регрессу в качестве рассуждений и решений.

Лекция 12

Мифы общественного сознания. Часть первая

Обществоведение — сфера знания, в которой сильна мифотворческая составляющая. Это вызвано тем, что обществоведение гораздо сильнее, чем «жесткая» наука, связано с идеологией. Слово «мифотворчество» несет оценочную нагрузку, но для нас важнее разобраться в этом явлении беспристрастно.

Миф — обобщенное представление о действительности, сочетающее и нравственные, и эстетические установки, соединяющее реальность с мистикой. То есть это всегда представление в значительной мере иллюзорное, но в силу своей этической и художественной привлекательности оказывающее большое воздействие на сознание и играющее в сознании важную роль.

Культура создается из опыта предыдущих поколений («переживаний мертвого прошлого»), которые сохраняются и отбираются памятью, а затем по-новому понимаются в современной действительности. В этом процессе мифы являются механизмами организации и «кристаллизации» этого опыта в ярких и многозначных символах и образах. Говорят: мифы — «машины культуры». Это одно из созданных культурой устройств, которые служат как «способ конструирования человека из природного, биологического материала». Такую функцию мифы выполняли изначально. Но если выработать мифы целенаправленно, а затем вводить их в массовое сознание через средства массовой коммуникации, то и сегодня можно «конструировать» человека с заданными свойствами.

Рациональное мышление — лишь один из способов мысленного постижения мира. К тому же это способ, выработанный сравнительно недавно и освоенный еще в малой степени. Часто нам лишь кажется, что мы мыслим рационально, а на деле всего лишь «рационализируем», т. е. прикрываем рациональными доводами наши установки и решения, к которым приходим вовсе не логическим путем, а исходя из традиций, эмоций, предрассудков и т. д. По словам крупного американского исследователя мифов Мирчи Элиаде, «мифологическое мышление может

оставить позади свои прежние формы, может адаптироваться к новым культурным модам. Но оно не может исчезнуть окончательно».

В отличие от рациональных логических построений, а тем более от научных теорий, миф мобилизует художественное чувство и воображение, он доступен каждому. И у современного, даже научно образованного человека представления о мире носят во многом мифологический характер, хотя мы сами этого не осознаем. Меняются лишь формы мифа и его культурный инструментарий. Более того, появление СМИ и массовой культуры даже усилило мифологическое восприятие общественной реальности (а в последнее время и Природы — например, в виде экологических мифов). Недаром уже в середине XX века говорили о наступлении эры «нового племенного человека».

Сила мифа заключается в том, что он дает целостное и устойчивое, связывающее поколения, почти «вневременное» видение реальности. В нем сглажены противоречия, мир приведен в порядок, что придает человеку уверенность в том, что главные вопросы бытия поддаются решению — как они решены в мифе.

Исследователь роли мифов в массовом сознании Р. Барт говорил: «Мир поступает в область языка как *диалектическое* соотношение действий и поступков людей — на выходе же из мифа он предстает как *гармоническая* картина сущностей. ... Функция мифа — удалять реальность, вещи в нем буквально обескровливаются, постоянно истекая бесследно улетающей реальностью».

Таким образом, миф, упрощая реальность и давая человеку *иллюзию понимания*, освобождает от страха перед неопределенностью: «Миф есть рассказ, в который умещаются любые конкретные события. Тогда они понятны и не представляют собой проблемы... Миф есть организация такого мира, в котором, что бы ни случилось, как раз все понятно и имело смысл».

Способность мифа упростить реальность и свести существующие в ней противоречия к формуле борьбы Добра и Зла очень востребована во время общественных катастроф, слома устойчивого жизнеустройства, что происходит в период революций и войн. В такие времена начинают действовать простые формулы и решения, предписанные мифом. Устраняя из реальности зоны хаоса, показывая человеку его место в борьбе, миф освобождает людей от страха перед реальностью, помогает пережить психологические травмы и потрясения. В такие времена люди нуждаются в мифе, тянутся к нему. Поведение человека, захваченного мифом, становится более *программируемым и предсказуемым*.

Политический миф деформирует и «упорядочивает» хаос политической реальности. Он ее *интерпретирует*. Что бы ни случилось в мире, миф имеет в своей структуре полочку, на которую можно поместить

произошедшее событие так, чтобы оно не топорщилось и не тяготило своей необъяснимостью. Иногда миф есть способ заместить в сознании невыносимый достоверный образ страшной действительности условным образом, с которым можно «ужиться». Часто под воздействие такого мифа поддаются и профессионалы.

Эффективность мифа во многом определяется тем, что он экономит усилия. Свойством мифа является его *креативная способность* — он задает человеку матрицу, которую тот сам, творчески, наполняет конкретным содержанием. Есть сравнительно небольшое число выработанных многовековой практикой схем мифа («универсальных конструкций»), довольно хорошо изученных в XX веке. Выбрав подходящую схему, ее можно наполнить конкретным содержанием, в зависимости от задачи манипулятора, и подтолкнуть людей к тому, чтобы они воспринимали проблему в заданной схеме, — а они уж сами «дорисуют» мифологическую картину, дополняя заданную схему красочными деталями.

Задавая человеку мыслительную конструкцию, миф «запускает» ход мысли, в котором образы, вопросы и ответы порождаются самим человеком. Понятно, что если в массовом сознании заложена матрица какого-то крупного мифа, то идеологу нет необходимости сообщать целостную программу, ему достаточно лишь подсказать некоторые штрихи, намекнуть, подтолкнуть сознание к этому мифу. А дальше будет работать его матрица, люди сами «додумаются» до заданного вывода. Миф о льготах номенклатуры и приходе героя-избавителя, который будет бороться с этим злом, заставлял людей видеть в Ельцине именно такого героя вопреки очевидной реальности.

Сила мифа определяется и тем, что он подавляет критическое мышление — человек, мыслящий согласно структуре мифа, *верит*. Но нельзя верить «наполовину», и человек закрывает глаза на то, что некоторые важные следствия мифа противоречат реальности. Он, например, отождествляет реального политика с его мифическим героическим образом. Мифы, несущие в себе важную иррациональную компоненту, становятся частью традиции и играют важную роль как в легитимации, так и подрыве легитимности общественного строя государства.

Структура мифа и характер его восприятия общественным сознанием хорошо изучены, что позволило создать целую индустрию, фабрикующую и внедряющую мифы с целью управления поведением. Конструируя политический миф, политтехнологи создают как образ «сил Добра», так и их противника, «империи Зла». Так, Советский Союз в пропаганде США времен Рейгана был представлен не просто как геополитический и идеологический противник, а как воплощение Зла, как враг человечества, которому должна быть объявлена священная война. Против СССР был объявлен «крестовый поход», в пропаганде которо-

го активно участвовал сам Папа Римский. Холодная война на ее последнем этапе приобрела черты религиозной войны с державой, якобы поправшей нормы христианства. В обращении же к тем, кто исповедовал иудаизм, СССР уподоблялся «Египту», из которого евреи должны совершить «Исход».

Такие мифы, конечно, редко становятся частью долговременной традиции, входящей в ядро культуры (подобно мифам Древней Греции или былинам об Илье Муромце). Однако в текучей мозаичной массовой культуре они могут занимать большое место, а главное, они решают конкретные политические задачи. Один из основоположников современной науки о пропаганде Г. Лассуэлл дает такое определение: «Политический миф — это комплекс идей, которые массы готовы рассматривать в качестве истинных независимо от того, истинны они или ложны в действительности». Проблема ложности или истинности при этом исключается.

Вот пример маленького, конъюнктурного политического мифа. С конца 80-х годов в течение десяти лет в сознание нагнетался миф, будто Ленин в строительстве советского государства опирался на «чернь», на отсталое мышление. Редкий демократический политик или журналист не помянул тогда Ленина, который якобы заявил, что «кухарка может и должна управлять государством». Возникла даже привычная метафора «ленинской кухарки».

В действительности В.И. Ленин писал в известной работе «Удержат ли большевики государственную власть» (т. 34, с. 315): «Мы не утописты. Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством. В этом мы согласны и с кадетами, и с Брешковской, и с Церетели».

Таким образом, Ленин говорил совершенно противоположное тому, что ему приписывала буквально вся демократическая пресса и во что поверила почти вся интеллигенция. Более того, он специально заостряет проблему, чтобы показать, насколько огрубляют ее либералы и меньшевики. Для него кажется очевидным, что любая кухарка *не способна* [находясь в состоянии кухарки] управлять государством (верить в это, по словам Ленина, было бы утопией). О том, что кухарка *должна* управлять государством, у него нет и речи. Это — пример того, как простой миф, который легко проверить, внедряется в сознание большой массы образованных людей¹.

¹ Кстати, во время перестройки идеологи никогда не цитировали и продолжение мысли Ленина, мысли именно демократической. Он продолжал, после согласия с кадетами и др.: «Но мы отличаемся от этих граждан тем, что требуем немедленного разрыва с тем предрассудком, будто управлять государством, нести будничную, ежедневную работу управления в состоянии только богатые или из богатых семей взятые чиновники».

Во время перестройки в культурный обиход было введено много цитат Ленина, вырванных из контекста. Из них составлялись целые пьесы (М. Шатрова), которые шли даже на сцене МХАТа. Широко поминался афоризм «нет человека — нет проблемы», приписанный Сталину (он был сочинен и введен в оборот А. Рыбаковым).

Немецкий философ Э. Кассирер в работе «Техника современных политических мифов» говорит о целенаправленном создании мифов. Приведем пространную выдержку из этой работы:

«Миф всегда трактовался как результат бессознательной деятельности и как продукт свободной игры воображения. Но здесь миф создается в соответствии с планом. Новые политические мифы не возникают спонтанно, они не являются диким плодом необузданного воображения. Напротив, они представляют собой искусственные творения, созданные умелыми и ловкими “мастерами”. Нашему XX веку — великой эпохе технической цивилизации — суждено было создать и новую технику мифа, поскольку мифы могут создаваться точно так же и в соответствии с теми же правилами, как и любое другое современное оружие, будь то пулеметы или самолеты. Это новый момент, имеющий принципиальное значение. Он изменит всю нашу социальную жизнь.

Методы подавления и принуждения всегда использовались в политической жизни. Но в большинстве случаев эти методы ориентировались на “материальные” результаты. Даже наиболее суровые деспотические режимы удовлетворялись лишь навязыванием человеку определенных правил действия. Они не интересовались чувствами и мыслями людей... Современные политические мифы действуют совсем по-другому. Они не начинают с того, что санкционируют или запрещают какие-то действия. Они сначала изменяют людей, чтобы потом иметь возможность регулировать и контролировать их деяния. Политические мифы действуют так же, как змея, парализующая кролика перед тем, как атаковать его. Люди становятся жертвами мифов без серьезного сопротивления. Они побеждены и покорены еще до того, как оказываются способными осознать, что же на самом деле произошло...

Наши современные политики прекрасно знают, что большими массами людей гораздо легче управлять силой воображения, нежели грубой физической силой. И они мастерски используют это знание. Политик стал чем-то вроде публичного предсказателя будущего. Пророчество стало неотъемлемым элементом в новой технике социального управления.

Миф сам по себе неуязвим. Он нечувствителен к рациональным аргументам, его нельзя отрицать с помощью силлогизмов... Понять миф — означает не только понять его слабости и уязвимые места, но и осознать его силу. Нам всем было свойственно недооценивать ее. Когда мы впервые услышали о политических мифах, то нашли их столь аб-

сурдными и нелепыми, столь фантастическими и смехотворными, что не могли принять их всерьез. Теперь нам всем стало ясно, что это было величайшим заблуждением. Мы не имеем права повторять такую ошибку дважды. Необходимо тщательно изучать происхождение, структуру, технику и методы политических мифов. Мы обязаны видеть лицо противника, чтобы знать, как победить его».

Особенно важны для политических целей *черные мифы*. Они поддерживаются в общественном сознании для того, чтобы в нужный момент оживить их и провести кампанию пропаганды. Черный миф, с которым удается в массовом сознании связать противников (они, мол, — инквизиторы, фашисты, сталинисты, мафиози и т. д.), сразу заставляет отшатнуться от них колеблющихся. Противники, на которых удалось наклеить ярлык черной метафоры, вынуждены тратить много сил на то, чтобы сорвать ярлык: «Да что вы, какой же я сталинист! Я тоже за демократию и за реформы!». Если такой политик не имеет доступа к телевидению, сделать это практически невозможно.

Нередко после периода бесплодных попыток тактику меняют: «Да, я — сталинист!». При этом требуется убедить людей, что этого не надо бояться, что образ Сталина злонамеренно мифологизирован, что в действительности быть сталинистом означает то-то и то-то. Но это — трудноразрешимая задача, поскольку миф потому и живуч, что опирается на взаимодействие сознания и подсознания, на сочетание обрывков достоверной или правдоподобной информации с иррациональной верой в Зло, подкрепленной сильными художественными средствами. В результате, партия (движение, народ, страна или даже просто идея), которая решила принять на себя груз черного мифа, оказывается локализованной, окруженной зоной отчуждения. Чтобы преодолеть этот барьер, требуется общее крупное потрясение, ставящее под сомнение всю систему мифов и верований.

Большие исторические черные мифы создаются авторитетными интеллектуалами и художниками и поддерживаются усилиями правящих кругов для того, чтобы сохранять культурную гегемонию этих правящих кругов. Эти мифы оправдывают тот разрыв с прошлым, который и привел к установлению существующего порядка. Для истории России в Новое время и для ее отношений с Европой очень важен, например, черный миф об Иване Грозном. Из этого мифа до сих пор и в среде нашей интеллигенции, и на Западе выводится якобы «генетически» присущий России тип кровавой и жестокой деспотии.

Важен и черный миф о *черносотенцах*, созданный в начале XX века и с тех пор регулярно обновляемый. Из этого исторического мифа, который уже укоренен в сознании, выводят два «дочерних» современных мифа: о «русском фашизме» и «русском антисемитизме». Оба они — ис-

ключительно сильные средства раскола общества и очернения политических противников внутри страны. В то же время это сильное средство политического давления и в международных делах: страна или политический режим, которые в общественном мнении Запада представлены как носители фашизма или антисемитизма, сразу оказываются резко ослабленными на всех переговорах и во всех конфликтах (это видно на примере Ирака).

Общий тезис этого мифа, в котором сходятся многие и «правые», и «левые», гласит, что черносотенство — движение расистское, которое стало предшественником фашизма. Так, например, можно прочесть, что черносотенство — «расистский национализм протонацистского толка, вышедший на поверхность политической жизни России в самом начале XX века». И далее: «Не вызывает сомнения, что русское черносотенство удобрило почву, вскормившую гитлеризм».

Это — одна из крупных акций по фальсификации истории. Но для нас важнее актуальные мифы периода современного кризиса.

Мифотворчество в период реформ

Перестройка стала открытой фазой дезинтеграции, почти разрушения целостной системы знания, необходимой и достаточной для выработки разумных решений в управлении общественными процессами. При этом возник *когнитивный диссонанс*, который выразился в двух происходящих совместно, но несовместимых процессах. С одной стороны, доминирующая часть обществоведов декларировала приверженность к крайнему *рационализму* (в варианте *сциентизма*), а с другой стороны — практиковала крайнее *мифотворчество*, т. е. сдвиг к алогичному мифологическому сознанию.

В базовый миф о государственности, созданный в период перестройки, входит целый свод *антигосударственных* мифов. Одним из них был миф об «административно-командной системе», о невероятно раздутой бюрократии СССР. Советское государство было представлено монстром — в противовес якобы «маленькому» либеральному государству. На деле именно либеральное государство («Левиафан») должно быть предельно бюрократизировано, это известно фактически и понятно логически, изложено в западной же политической философии. Ведь либерализм (экономическая свобода) по *определению* порождает множество функций, которых просто не было в советском (шире — традиционном) государстве. Например, США вынуждены держать огромную налоговую службу, которой вообще не было в СССР. Колоссальное число государственных служащих занимаются в рыночной экономике распределением всевозможных субсидий и дотаций, пропуская через

себя огромный поток документов, которые нуждаются в перекрестной проверке.

Советская бюрократическая система была поразительно простой и малой по численности. Очень большая часть функций управления выполнялась на «молекулярном» уровне в сети общественных организаций (например, партийных). Огромное количество норм содержалось в обычном праве, авторитет которого поддерживался идеократическим государством.

Всего работников *номенклатуры управленческого персонала* (без аппарата общественных и кооперативных организаций) насчитывалось во всем СССР 14,5 млн человек (1985 г.). Из них 12,5 млн составляли управленческий персонал предприятий и организаций, которые действовали в сфере *народного хозяйства*. Так, например, в это число входили главные специалисты (0,9 млн человек), мастера (2,1 млн человек), счетно-бухгалтерский персонал (1,8 млн человек), инженеры, техники, архитекторы, механики, агрономы и ветврачи (2,1 млн человек) и т. д. Таким образом, численность *чиновников*, в строгом смысле слова, была очень невелика — 2 млн человек.

Что мы могли наблюдать после того, как советский тип государства был ликвидирован? Чиновничий аппарат и бюрократизация в РФ фантастически превысили то, чем возмущались в СССР. Наша гуманитарная интеллигенция не знает этого (или не хочет знать) из-за утраты способности к рефлексии — и миф не поколеблен. Тот факт, что постсоветское обществоведение не только не объясняет, но и активно уводит общественное внимание от патологической бюрократизации современной России как важного социального явления, говорит о глубоком кризисе сообщества обществоведов.

Проявлений этого мифотворчества во время кризиса было множество; здесь мы кратко рассмотрим лишь несколько типичных мифов, созданных как аргумент в пользу демонтажа советской системы хозяйства. Одним из основных, можно сказать, *системообразующим* мифом стало утверждение, будто советская экономика накануне перестройки находилась в состоянии смертельного кризиса. Разберем этот миф подробнее, тем более что он остается вполне актуальным.

Невозможно представить себе, чтобы масса образованных людей в 1989–1991 годы одобрила глубокую, катастрофическую реорганизацию всего народного хозяйства страны совсем без всяких аргументов. Однако аномалия в разработке и восприятии программы реформ, несомненно, имела место — аргументы реформаторов противоречили фактам и здравому смыслу. Элита экономистов, которая разрабатывала доктрину реформ, сдвинулась от рационального к мифологическому сознанию. О политических мотивах не говорим, это другая сторона проблемы.

Кредо реформаторов в 1980-е годы сводилось к следующему: «Советская система хозяйства улучшению не подлежит. Она должна быть срочно ликвидирована путем слома, поскольку неотвратимо катится к катастрофе, коллапсу».

В таком явном виде эта формула стала высказываться лишь после 1991 года, до этого в нее бы просто не поверили — настолько это не вязалось с тем, что мы видели вокруг себя в 1970–1980-е годы. Однако после 1991 года уверенность, что советская экономика с начала 1980-х годов катилась к катастрофе, стала превращаться в непререкаемую догму. В западной социальной философии этому явлению даже был присвоен термин — «ретроспективный детерминизм». Неизбежность, предсказанная задним числом!

А.Н. Яковлев в 2001 году оправдывался (и тоже задним числом): «Если взять статистику, какова была обстановка перед перестройкой, — мы же стояли перед катастрофой. Прежде всего экономической. Она непременно случилась бы через год-два»².

21 апреля 2004 года подобные откровения высказал в ходе публичной лекции член одной из трех групп «теоретиков реформы» В. Найшуль: «Реформа — это всегда какой-то умственный продукт, и реформы 90-х годов, по крайней мере, в их экономической части — это умственный продукт группы, членом которой я был.

В конце 1970-х годов не только наша группа, но и еще несколько толковых человек в Госплане знали, что страна находится в смертельном экономическом кризисе... Точка, в которой чувствуются все проблемы плановой экономики, — это Госплан. Госплан лихорадило, лихорадило не как организацию, а как схему работы — Госплан все время пересчитывал собственные планы. Итак, в конце 1970-х годов в Госплане ощущалось, что система находится в кризисе, из которого у нее, по всей видимости, нет выхода...

Выход был в децентрализации. Децентрализация — все с этим соглашались, но дальше надо было додумать. Может быть, потому что мы были математиками, людьми со свободной головой для логического анализа, ясно было, что отсюда следуют свободные цены. Если у нас свободные цены, то возникает вопрос о собственности... Мы получаем, что необходима частная собственность, а необходимость частной собственности предполагает приватизацию».

---

² Заметим, что это утверждение А.Н. Яковлева, если его принимать всерьез, говорит о лживости горбачевской бригады реформаторов. В 1988 г. Яковлев публично заявлял прямо противоположное тому, что сказал в 2001 г., а именно: «Нужен поистине тектонический сдвиг в сторону производства предметов потребления... Мы можем это сделать, **наша экономика, культура, образование, все общество давно уже вышли на необходимый исходный уровень**» (выделено мною — С. К-М.). Но, скорее всего, никаких признаков катастрофы Яковлев не видел.

Разберем аргументы Найшуля.

— «Несколько толковых человек» считают, что «страна находится в смертельном экономическом кризисе».

Это мнение нетривиальное, однако видимых симптомов смертельной болезни Найшуль не называет. Рациональных доводов нет, хотя они необходимы, ибо множество других толковых людей вовсе не считали, что «страна находится в смертельном экономическом кризисе». Общепринятые показатели (динамика капиталовложений, рост производства, потребления и даже производительности труда) не предвещали не только смерти, но даже и тяжелого кризиса. Попробуйте сегодня найти тексты тех лет, в которых была бы внятно обоснована неминуемая гибель советской экономики.

— «Госплан лихорадило». Причем лихорадило не как организацию, а как схему работы (?). Это заключалось в том, что «Госплан все время пересчитывал собственные планы».

Ну и что? В факте пересчета планов не видно признаков гибели. В меняющемся мире всегда приходится «пересчитывать собственные планы», и было бы странно, если бы Госплан этого не делал. Конечно, если прежние методы планирования не отвечали сложности объекта, можно предположить, что возникли симптомы *кризиса метода*, который разрешается посредством создания нового инструментария. Как из этого следует, что «по всей видимости, нет выхода»? Никак не следует, это просто глупое утверждение. И уж никак из сказанного не следует, что «эта система не выживает». Скорее всего, Найшуль придумал это задним числом — почитайте сегодня все статьи этих теоретиков, относящиеся к концу 70-х годов (включая статьи редактора журнала «Коммунист» Е. Гайдара).

— Допустим, «несколько толковых человек» прозрели признак кризиса. Что делают в таком случае разумные люди? Ставят диагноз, составляют перечень альтернативных подходов к лечению, вырабатывают критерии выбора лучшего варианта и доказывают его преимущества. Но Найшуль пропускает все необходимые стадии работы и изрекает: «Выход в децентрализации!». Почему, откуда это следует? Ниоткуда, никакой логики в этом нет.

Что понимает Найшуль под «децентрализацией»? Вовсе не сокращение плановых воздействий на периферийную часть хозяйства с сосредоточением усилий планирования на ядре экономики (ключевых отраслях и предприятий). Напротив, по его понятиям децентрализация — это уничтожение именно *ядра* экономической системы, а затем и *приватизация*. Это не реформа, а революционное уничтожение системы. Сначала без всяких оснований утверждают, что человеку грозит смертельная болезнь, а потом на этом основании его убивают.

А.Д. Сахаров, который в среде демократической интеллигенции считался «очень толковым человеком», писал в 1987 году: «Нет никаких шансов, что гонка вооружений может истощить советские материальные и интеллектуальные резервы и СССР политически и экономически развалится — весь исторический опыт свидетельствует об обратном».

Допустим, А.Д. Сахаров был неискушен в экономике. Но отсутствие кризиса было зафиксировано не только в докладах ЦРУ, опубликованных позже, но и в открытых работах американских экономистов. М. Элман и В. Конторович, специализирующиеся на анализе советского хозяйства, во вступительной статье к книге «Дезинтеграция советской экономической системы» (1992) пишут: «В начале 80-х годов как по мировым стандартам, так и в сравнении с советским прошлым дела... были не столь уж плохи». Этот вывод они подтверждают фактами.

Ухудшаться дела стали именно под воздействием изменений. Никакого экономического кризиса в советском хозяйстве не было до тех пор, пока не была начата реформа, означавшая отход от принципов плановой экономики. С 1987 года экономика СССР шаг за шагом переставала быть советской. Здесь мы в эту историю вдаваться не будем, нас интересует миф как явление методологии.

В 1990–1991 годы, когда был запущен этот миф, я лично делал попытки выяснить у его приверженцев, каковы *эмпирические индикаторы* и *критерии*, которые позволяют им сделать такой важный вывод. Думаю, такие попытки предпринимали и многие другие люди. Но разумных и вообще связанных ответов на этот вопрос не было. В лучшем случае мне по-дружески говорили: «Брось! Какие тебе еще индикаторы! Ты, что ли, сам не видишь?». Я искренне отвечал, что именно не вижу, хотя налицо ряд признаков кризиса иного рода. Но мне не верили — люди охотно приняли миф, который освобождал от необходимости задуматься о «кризисах иного рода». Поэтому и сомнений не возникало, и никаких эмпирических подтверждений никто не искал и разговаривать на эту тему не желал.

Тогда это вызывало тревогу: что происходит с людьми? Но круговорот событий не оставил времени, чтобы заняться методологической проблемой. Однако она носит фундаментальный характер, и если в ней не разобраться, российское общество так и останется слепым, без рациональных инструментов оценки состояния народного хозяйства. Тогда слишком большая часть общества, особенно интеллигенции и, что еще важнее, правящего слоя, искренне поверили в миф. Но это недопустимо! Если слепой ведет слепого — оба упадут в яму.

На конференции в Давосе (январь 2009 г.) В.В. Путин высказался против усиления роли государства в экономике и так сослался на опыт СССР: «В Советском Союзе в прошлом веке роль государства была до-

ведена до абсолюта. Что, в конце концов, привело к тотальной неконкурентоспособности нашей экономики, мы за это дорого заплатили. Этот урок нам дорого обошелся».

Это — клише, которым оправдывает свой провал Горбачев. Что значит «роль государства была доведена до абсолюта»? Как это измерено? Во многих отношениях роль государства замечалась гражданами до перестройки гораздо меньше, чем сегодня — все системы и институты работали «как бы сами собой». А сейчас месяца не проходит, чтобы государство не огорошило нас какой-нибудь странной инициативой или программой. То лампочки накаливания запретить, то милицию назвать полицией... А чего стоит идея «построить русскую Силиконовую долину».

И что значит «тотальная неконкурентоспособность нашей экономики»? Эта формула вызывает недоумение. Неужели советники В.В. Путина не рассказали ему, что в Советском Союзе была плановая экономика, т. е. нечто вроде натурального хозяйства в масштабе страны? Этот тип экономики предназначен не для извлечения прибыли на рынке, а для удовлетворения потребностей страны и народа. Другими словами, конкуренция на мировом рынке не играет в этой экономике существенной роли, а значит категория конкурентоспособности, присущая рыночной экономике, к советскому хозяйству просто неприменима.

В качестве абстракции можно представить себе, как бы выглядели многие продукты советской экономики на гипотетическом свободном рынке. Оказывается, они были бы в высшей степени конкурентоспособны. Возьмем хотя бы автомат Калашникова, ракетно-ядерное оружие, космическую технику, нефть и газ, электрическую энергию, алюминий и минеральные удобрения, услуги транспорта. Не будем вспоминать о Великой Отечественной войне, которая была именно абсолютным экзаменом для только-только поднимающейся советской экономики (сравните ее мысленно с нынешней экономикой Вексельберга и Дерипаски в условиях аналогичной войны). Но мы помним, какая драка поднялась между теневыми и преступными кликами за то, чтобы урвать куски советской «неконкурентоспособной» экономики при ее дележе в 90-е годы. Надо спросить Абрамовича, доволен ли он своим куском, не подвел ли он его в конкуренции на мировом рынке?

В Отчете Правительства перед Государственной думой 6 апреля 2010 года В.В. Путин так сказал о советской экономике: «Действительно, мы многого добились в советское время, и я далеко не отношусь к категории людей, которые все охаивают. ... Но факт остается фактом... Ну развалилась экономика, неэффективны эти методы управления экономикой!».

Несомненно, В.В. Путин верит в то, что советская экономика *развалилась*. Но ведь он, глава Правительства страны, которая унаследовала

системы советской экономики и буквально *живет* с этого наследства, должен исследовать этот необычный феномен. Что значит «экономика развалилась»? Каковы эмпирические проявления этого процесса? Каковы его симптомы, позволяющие предвидеть зарождение этой странной аномалии?

Эти наши рассуждения посвящены одному узкому вопросу — эмпирической проверке тезиса о «смертельном» кризисе советской экономики, из-за которого она, как было сказано, «развалилась». Причин развала СССР, достоинств и недостатков его хозяйства и социальной системы мы не касаемся — это другая тема, о ней особый разговор. Здесь речь идет о том, что включенный в образ мира миф, поддержанный СМИ, может стать «вирусом», разрушающим программы рационального мышления. Это проблема методологии.

Вспомним заявление А.Н. Яковлева о том, что, согласно статистике хозяйства перед перестройкой, «мы стояли перед экономической катастрофой». Это заявление академика от экономики нельзя принимать как рациональное. Скорее всего, он статистику не смотрел, он мыслил в структуре мифа. Но сегодня каждый может обратиться к статистике и самостоятельно сделать рациональные умозаключения. Непредвзятый человек убедится, что главные экономические показатели середины 80-х годов никакой катастрофы не предвещали. Первые признаки кризиса обнаруживаются в 1990 году. В табл. 4 показаны массивные, базовые показатели, определяющие устойчивость экономической основы страны. Никто в этих показателях не сомневался и не сомневается.

Таблица 4

**Основные экономические показатели СССР за 1980–1990 гг.
(данные ЦСУ СССР)**

	1980	1985	1986	1987	1988	1990
Валовой национальный продукт (в фактически действовавших ценах), млрд руб.	619	777	799	825	875	943
Производственные основные фонды всех отраслей народного хозяйства (в сопоставимых ценах 1973 г.), млрд руб.	1150	1569	1651	1731	1809	1902
Продукция промышленности (в сопоставимых ценах 1982 г.), млрд руб.	679	811	846	879	913	928
Продукция сельского хозяйства (в сопоставимых ценах 1983 г.), млрд руб.	188	209	220	219	222	225
Ввод в действие жилых домов, млн кв. м	105	113	120	131	132	129
Мощность электростанций, млн кВт	267	315	322	332	339	341

Но таблица дает грубую, разрозненную картину — «мало точек». Приведем ряд показателей в динамике — натуральные величины или индексы их роста и падения.

Вот первый график — динамика рождаемости в РСФСР, выраженная суммарным коэффициентом рождаемости (рис. 7). Он показывает, сколько детей в среднем родила бы одна женщина за весь детородный период своей жизни, если бы сохранился постоянным уровень рождаемости данного года. В преддверии экономической катастрофы этот коэффициент, как правило, падает — рождаемость сокращается из-за предчувствия трудных времен. До 1988 годов этот показатель возрстал и достиг значения 2,2. Для городской страны это хороший показатель. Резкое его падение, переросшее в 1990-е годы в демографическую катастрофу, наблюдается с начала реформы — с 1988 года. Эта демографическая катастрофа адекватна кризису, который поразил хозяйство, социальную сферу и культуру.

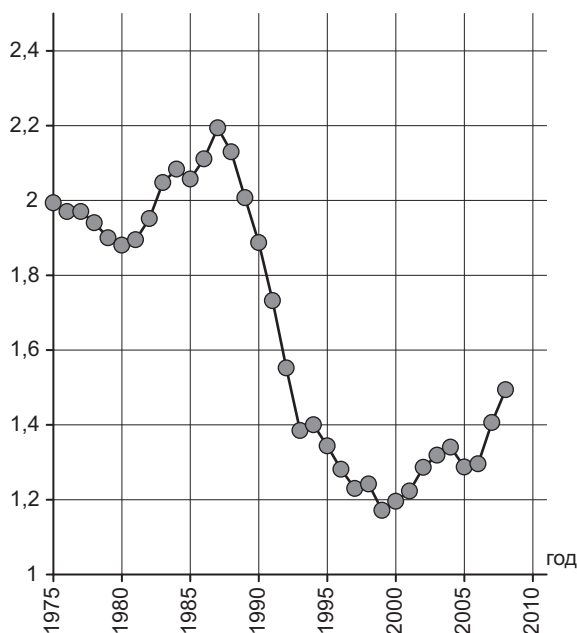

Рис. 7. Суммарный коэффициент рождаемости в России

Примечание: поскольку в этом показателе важны небольшие изменения, шкала растянута и начинается не с нуля, а с единицы

Признаков кризиса *накануне перестройки* этот показатель не обнаруживает.

Вплоть до 1988 года увеличивался и другой важный показатель — ожидаемая продолжительность жизни при рождении. Он также стал снижаться с началом реформы (рис. 8).

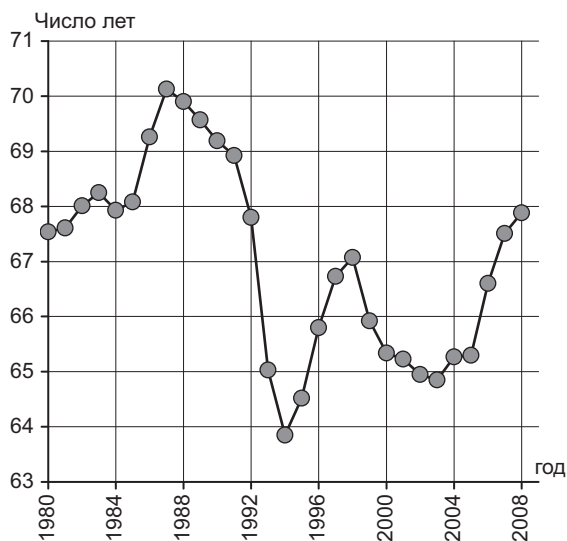

Рис. 8. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в СССР

Примечание: шкала растянута и начинается не с нуля, а с 63

График на рис. 9 представляет динамику объема капиталовложений (инвестиций) в народное хозяйство СССР в сопоставимых ценах. Из графика видно, каков масштаб того хозяйства, которое было создано за 1960–1988 годы. Очень многие этого просто не представляли себе, живя «внутри» того времени.

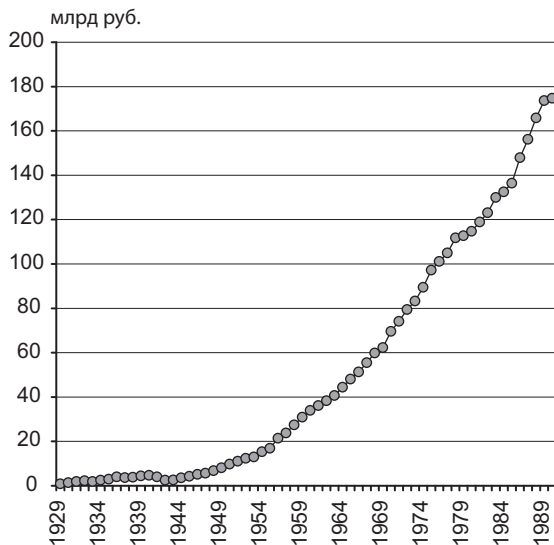

Рис. 9. Объем капитальных вложений по народному хозяйству СССР (в сопоставимых ценах на 1 июля 1955 г.)

Но для нас здесь важнее не величина экономики, а *вектор* процессов. При первых признаках кризиса форма кривой должна была бы резко измениться. Поскольку экономический эффект от инвестиций отложен на довольно длительный срок, при первых признаках кризиса средства для его смягчения всегда изымаются именно из инвестиций. Они могут «потерпеть», а цепной процесс кризиса надо блокировать в ранней стадии (это наглядно продемонстрировал и кризис в России, начиная с 1991 года). Динамика инвестиций в СССР не обнаруживает никаких признаков кризиса, тем более катастрофы.

На рис. 10 показана динамика трех показателей с 1940 года по 1990 год — индексов *инвестиций*, *национального дохода* и *розничного товарооборота* относительно уровня 1940 года. Вместе они характеризуют процессы расширенного воспроизводства хозяйства, производства средств для жизнеобеспечения и развития, а также динамику потребления домашних хозяйств (населения).

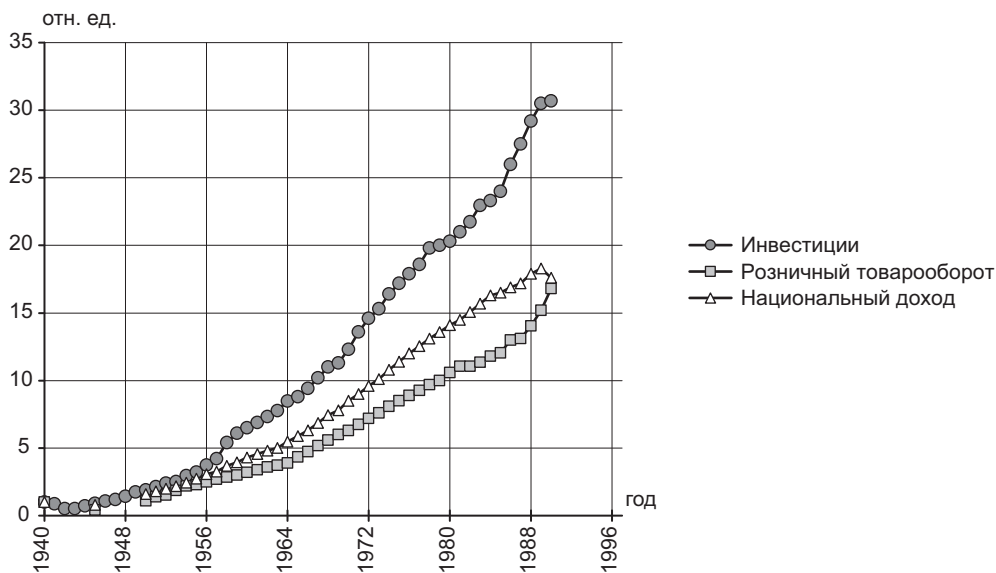

Рис. 10. Индексы инвестиций, национального дохода и розничного товарооборота в СССР (1940 г. = 1)

На графике видно, что после восстановительного периода, с 1956 года, неукоснительно выполнялся принцип плановой экономики: рост капиталовложений превышал рост объема производства, а последний — рост объема потребления. Между этими тремя величинами поддерживался баланс, определяемый Госпланом. Этот баланс, который обеспечивал

устойчивое развитие всей системы, нарушился в 1989–1990 годы — тогда произошел ускоренный рост *потребления* при одновременном быстром спаде *производства*. Рост инвестиций остановился в 1990 году, после чего произошел глубокий длительный спад — уже в экономике Российской Федерации.

Динамика указанных трех показателей в советский период (вплоть до реформ конца 1980-х годов) не обнаруживает никаких признаков кризиса. Невозможно представить себе, чтобы «экономика развалилась», никак не повлияв на систему таких фундаментальных показателей. Если бы случился такой разрыв между этими показателями и экономикой, это должно было бы стать предметом изумления и срочных исследований мировой экономической науки. Но наука молчит — скорее всего, ученые знают, что речь идет о политическом мифе, а в политику они не хотят лезть (тем более что многие из них сами участвовали и участвуют в пропаганде этого мифа).

Итак, динамика инвестиций, производства и потребления признаков кризиса «накануне перестройки» не проявила. Напротив, при кризисе 1990-х годов, который якобы пришлось организовать Е. Гайдару, чтобы спасти страну от катастрофы, мы наблюдаем резкое нарушение равновесия между инвестициями, производством и потреблением. Это нарушение привело к «проеданию» инвестиционных ресурсов и основных фондов, а значит — к блокированию развития (рис. 11).

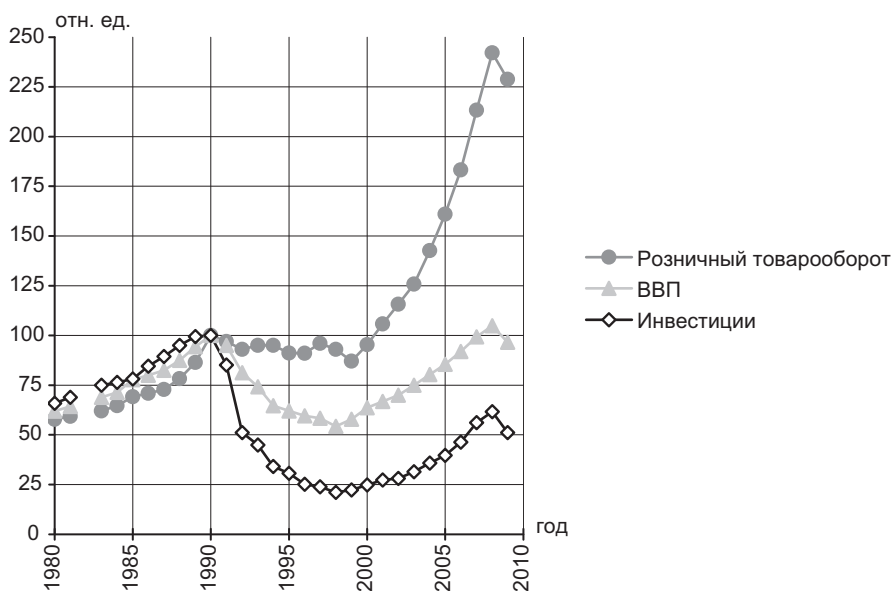

Рис. 11. Индекс ВВП, капиталовложений в основные фонды и розничного товарооборота в России (1990 г. = 100)

На рис. 12 показана динамика валового объема промышленного и сельскохозяйственного производства СССР, начиная с 1950 года, а также произведенного национального дохода (показателя, который употреблялся в статистике СССР до 1988 года по аналогии с ВВП). Мы видим неуклонное развитие промышленности без каких бы то ни было признаков кризиса — вплоть до 1990 года.

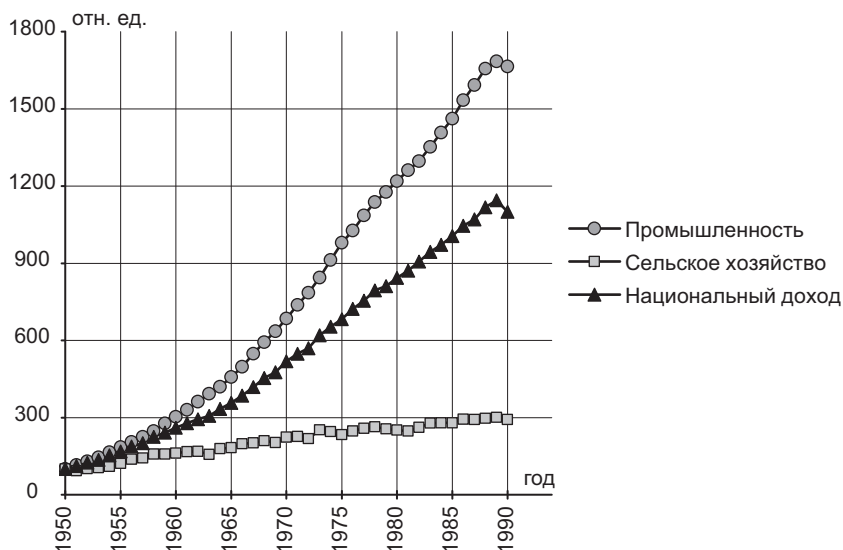

Рис. 12. Индексы производства национального дохода, валовой продукции промышленности и сельского хозяйства в СССР (1950 г. = 100)

Сельское хозяйство гораздо сложнее поддается интенсификации, но и здесь колебания показателя связаны с неустойчивостью природных условий, а не с гипотетическим кризисом — о катастрофе и речи нет. За 33 года объем сельскохозяйственного производства вырос в *три раза*. Это очень неплохо, если учесть, что только за 1990–1998 годы объем сельскохозяйственного производства в России снизился в *два раза*, а за последующие 11 лет вышел только на уровень 1980 года. За двадцать лет реформ показатель упал на 25%.

Национальный доход, валовая продукция и капиталовложения — расчетные агрегированные показатели. Некоторые люди им не доверяют, хотя большие искажения в них внести непросто, т. к. все они взаимосвязаны и фальсификация легко обнаруживается. Но все же, приведем несколько *натурных* показателей, на динамике которых катастрофический кризис должен был бы сказаться *неизбежно*.

Вот один из важных для СССР и России показателей — добыча нефти и природного газа. На рис. 13 и рис. 14 приведена динамика добычи

нефти и природного газа (до 1990 г. в СССР, а затем — в СНГ, куда вошли все нефте- и газодобывающие республики).

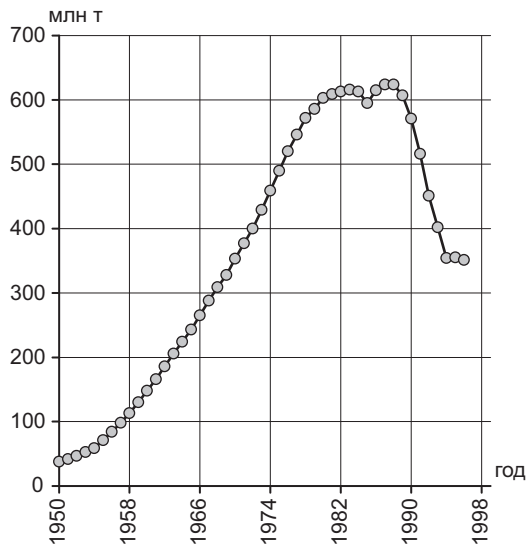

Рис. 13. Добыча нефти (включая газовый конденсат) в СССР и СНГ (во всех нефтедобывающих республиках СССР)

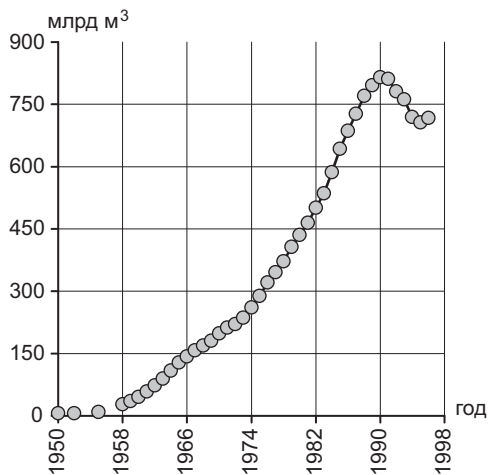

Рис. 14. Добыча газа в СССР и СНГ (во всех газодобывающих республиках СССР)

Из последних рисунков можно сделать важные выводы, которые в годы перестройки и реформы были вытеснены из общественного сознания мифами, но которые необходимы, чтобы трезво оценивать процессы в хозяйственной сфере.

Первый вывод состоит в том, что современный нефтегазовый комплекс СССР и Российской Федерации *не унаследован* от Российской империи и даже от первых советских пятилеток. Он почти полностью создан за исторически кратчайший срок — в 1960–1980-е годы.

Одно это надежно показывает, что в период «накануне перестройки» никакого катастрофического кризиса в экономике СССР не было, ибо создание производственного комплекса такого масштаба (разведка и обустройство месторождений, создание обеспечивающих производств, строительство магистральных нефте — и газопроводов, распределительных и перерабатывающих систем) было делом *всего народного хозяйства*. Можем ли мы представить себе подобный научно-технический, инвестиционный и строительный проект такого масштаба в 1990-е годы или в «эпоху Путина»?

Второй вывод — отсутствие признаков кризиса в самой динамике *добычи нефти*, за исключением *стабилизации* добычи в 1984–1985 годы как реакции на начавшееся падение мировых цен на нефть. Но стабилизация — это не «распад экономики». Если бы в целом народное хозяйство СССР приближалось к коллапсу, внутреннее потребление нефти, а значит и ее добыча, были бы резко снижены.

Третий вывод заключается в том, что начало реального кризиса есть именно следствие реформ, что стало очевидным с 1991 года. Этого кризиса невозможно было не видеть, но никакой связи с советской экономикой он уже не имеет. Он порожден политической катастрофой, которая ударила по хозяйству.

То же самое можно сказать и о другой системообразующей отрасли советской и российской экономики — производстве *электрической энергии*. Его динамика представлена на рис. 15. Она также не содержит никаких признаков кризиса в дореформенный период и обнаруживает явный резкий спад в 1991 году.

Важным индикатором состояния экономики служит и производство *цемента* как важнейшего условия для строительства (рис. 16). В его динамике наблюдаются небольшие колебания в 1979–1983 годы, но признаком тяжелого кризиса они служить никак не могут. И здесь кризисом надо считать резкий глубокий спад производства, начиная с 1990 года.

Что такое настоящий кризис, хорошо видно из динамики производства тракторов — массовой машины, обеспечить которой народное хозяйство такой страны, как СССР, может только отечественное производство. Его динамика представлена на рис. 17.

Можно было бы привести множество других показателей производства ключевых для всего хозяйства материалов и изделий — стали и удобрений, тканей и молока и пр. Все они имеют динамику производства, сходную с приведенными выше. Небольшие (два-три года) задерж-

ки роста связаны с технологическим перевооружением или с управленческими реорганизациями, но не могут служить симптомами общего кризиса.

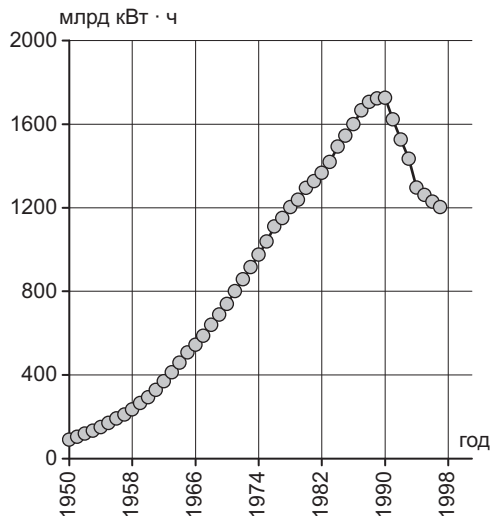

Рис. 15. Производство электроэнергии в СССР и СНГ

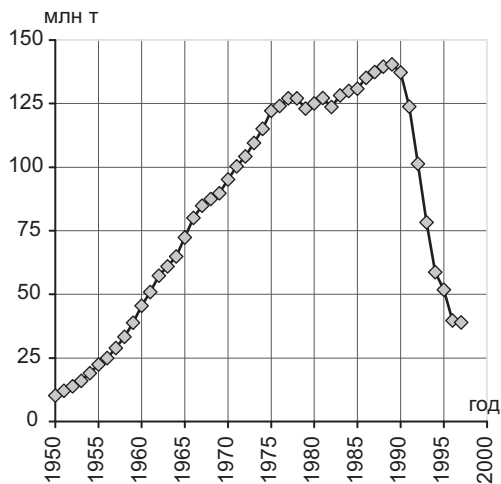

Рис. 16. Производство цемента в СССР и СНГ³

³ Латвия, Литва и Эстония в 1990 г. производили 3,5% от объема производства цемента в СССР. При составлении графика производства цемента в СНГ мы этой величиной пренебрегаем.

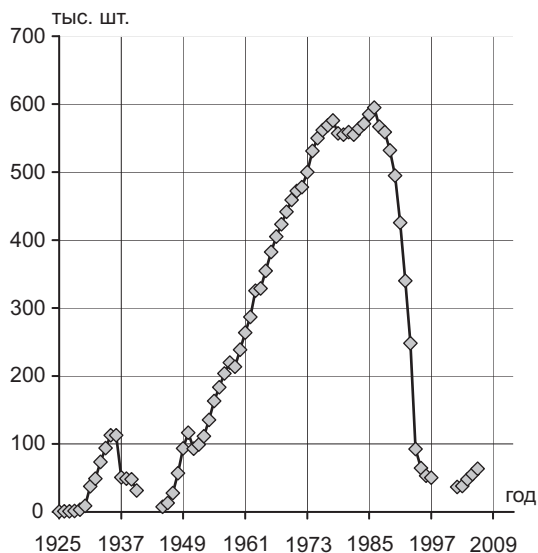

Рис. 17. Производство тракторов в СССР и СНГ (в 2003–2006 гг. без Казахстана и Узбекистана, которые в 1997 г. дали около 4 тыс. тракторов, а после 2000 г. производство было практически прекращено)

Здесь надо рассмотреть важную побочную ветвь обсуждаемого мифа. Она стала жить собственной жизнью и приобрела актуальность в последнее время, уже в связи с нынешним финансовым кризисом. Суть ее — в утверждении, будто «экономика СССР развалилась» потому, что она жила за счет экспорта нефти. Этот вторичный миф воспринят с таким доверием, что остается только поражаться. Более того, он даже углубляется в историю.

Вот, Президент Д.А. Медведев недавно сделал заявление общего порядка: «Двадцать лет бурных преобразований так и не избавили нашу страну от унижительной сырьевой зависимости».

Он представляет дело так, будто все двадцать лет реформ Россия шаг за шагом преодолевала «сырьевую зависимость», характерную для советского хозяйства, но до конца так и не преодолела. Это — неверное определение вектора процесса. В действительности нынешнее «примитивное сырьевое хозяйство» — не наследие прошлого, а именно *продукт реформы*, результат *деиндустриализации* советского хозяйства.

Взглянем на «унижительную сырьевую зависимость» в целом. В ежегоднике «Народное хозяйство РСФСР в 1990 году» на стр. 32 есть таблица — «Вывоз продукции из РСФСР по отраслям народного хозяйства в 1989 году (в фактически действовавших ценах)».

Суммируя продукцию отраслей перерабатывающей промышленности и транспортные услуги, получаем, что доля продуктов высокого уровня переработки в вывозе продуктов из РСФСР составляла 77%. Из них «машиностроение и металлообработка» — 34,7%, доля «добывающих» (сырьевых) отраслей — 23%. Это — максимум, со всеми допущениями в пользу «сырья».

Возьмем теперь «Российский статистический ежегодник. 2007». На стр. 756 имеется таблица — «Товарная структура экспорта Российской Федерации (в фактически действовавших ценах)». В 2006 году «минеральные продукты, древесина и сырье» составили 70% экспорта Российской Федерации, а «машины, оборудование и транспортные средства» — 5,8%.

Но дело даже не в доле сырья в экспорте, а в зависимости всего хозяйства от экспорта (и, таким образом, от экспорта сырья). Сравним два образа — величину экспорта и стоимость годового объема продукта промышленности (сравнение с ВВП не годится, т. к. в СССР он не вычислялся из-за больших отличий от капиталистической экономики).

В 1986 году продукция промышленности в СССР составила 836 млрд руб., а экспорт — 68,3 млрд руб., в том числе в капиталистические страны — 13,1 млрд руб. То есть экспорт на мировой рынок был равен в стоимостном выражении 1,6% от продукта промышленности. Экономика СЭВ была кооперирована с СССР, и экспорт в его страны — другая статья. Но даже если суммировать, то весь экспорт составил 8,2% продукта промышленности.

В 2008 году продукция промышленности РФ составила 14,6 трлн руб., а экспорт — 471 млрд долл. или примерно 14 трлн руб. А 70% экспорта — сырье. Именно за последние двадцать лет Российская Федерация стала «сырьевым гигантом», а РСФСР была *индустриальной* страной. Мы живем потому, что государство политическими средствами удерживает цены внутри страны на более низком уровне, чем на внешнем рынке, а сырье там сейчас дорогое.

Российская экономика не может использовать отечественное сырье для своего развития и для того, чтобы обеспечить рабочими местами свое население — собственникам выгоднее продать сырье за границу. Взять хотя бы нефть. Ведь «на нефтяную иглу» сел не СССР, а именно Российская Федерация, причем как следует она села на эту иглу уже после ухода Ельцина. Сравните долю нефти, идущей на экспорт, в советский период и после победы реформы над советским хозяйством. В 1990 году из РСФСР на экспорт было отправлено 19,2% добытой сырой нефти, в 2005 году из Российской Федерации — 46% (а вместе с нефтепродуктами экспорт 2007 года в страны дальнего зарубежья составил 326 млн т или 70% добытой нефти).

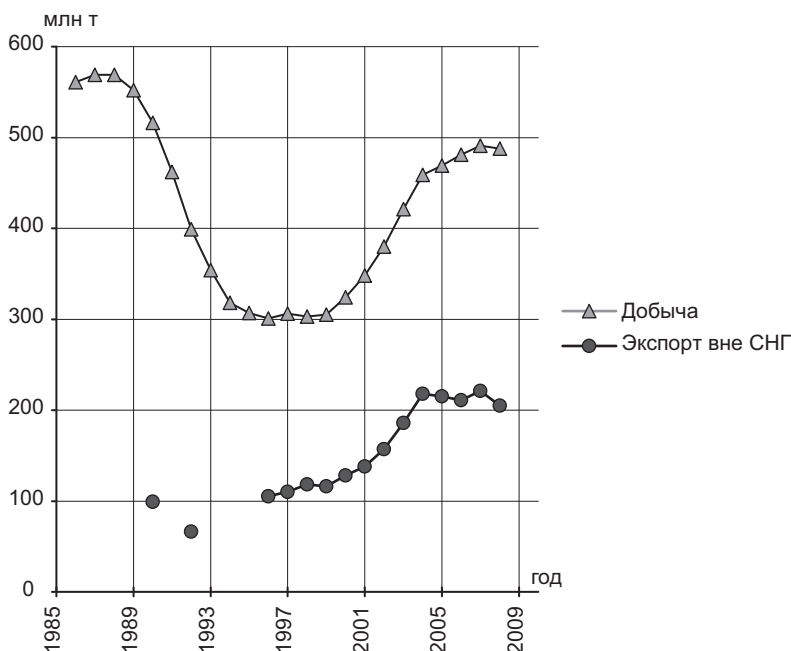

Рис. 18. Добыча нефти в Российской Федерации и экспорт в страны дальнего зарубежья

Вернемся к тезису о том, что в СССР «экономика развалилась» из-за того, что США «обрушили цены на нефть». Выдвигая такой тезис, любой экономист, историк или политик должен был бы сказать, какой *вес* имел экспорт нефти в жизнеобеспечении страны и что конкретно изменилось в массивных элементах хозяйства из-за снижения цен. Например, должен был бы сообщить, какова была доля экспорта нефти в ВВП или в национальном доходе СССР. Эти данные можно получить в любом статистическом ежегоднике.

Вот, на первый взгляд, поразительный факт: такие заявления делают образованные люди, но при этом они даже не думают об обязанности аргументировать их конкретными данными. А сидящие в зале, не менее образованные люди, и не пытаются спросить у докладчиков этих данных. Это и свидетельствует о том, что перед нами собрание, мыслящее в структуре мифа. Таких собраний лучше избегать; пытаться вернуть его в структуры рационального мышления обычно бесполезно, зато отношения с людьми испортить легко.

Вот выступление Андрея Ильича Фурсова на круглом столе, проведенном Фондом исторической перспективы. На «нефтяном мифе» он строит объяснение чуть ли не всей мировой истории в послевоенный период. Вчитаемся в выдержку из этого доклада:

«Начало этому было положено в середине 1950-х, когда египетский лидер Гамаль Абдель Насер убедил Хрущева, что нужно рушить, ломать об колено реакционные арабские режимы и необходимо поэтому выбрасывать по дешевке нефть в огромных количествах. Но режимов сломали всего два, это Ирак и Ливия. Зато цены на нефть обрушили очень сильно. И в результате, например, немецко-японское чудо очень тесно связано с советским обрушением цен на нефть в 1950–1960-х годах... Это стало результатом того, что Советский Союз решил крушить реакционные арабские режимы. Дальше мы подсели на нефтяную иглу, и началась мутация нашей ВПКовской модели в нечто другое, что и закончилось в конце 1980-х годов крушением Советского Союза... К 1986 году, когда США обрушили цены на нефть, было проедено советское прошлое».

Можно фантазировать о том, как Насер убедил Хрущева, что нужно ломать об колено арабские режимы — никто этого проверить не может, а версия любопытная. Но чтобы СССР в 1950-е годы мог «выбрасывать по дешевке нефть в огромных количествах», это вне рационального дискурса. А.И. Фурсову стоило взять с полки справочник и посмотреть, сколько нефти добывалось в то десятилетие в СССР.

В 1950 году мировая добыча нефти составила 525 млн т, а добыча в СССР 38 млн т — 7% от мировой добычи. При такой добыче СССР мог «выбросить» на внешний рынок не более 3–4 млн т, а это величина для мирового рынка ничтожная. Смешно говорить о том, чтобы она могла «обрушить цены». В 1960 году на экспорт было отправлено 17,8 млн т, что составило 12% добычи, и 2/3 экспорта было направлено в страны социалистического лагеря. А мировая добыча нефти составила уже 1 млрд тонн.

Печально, что историки не знают, когда произошло становление современного нефтедобывающего комплекса в СССР. Но даже в 1980 году, когда нефтедобыча в СССР подошла к своему максимуму, экспорт из СССР минерального топлива и аналогичных ему товаров составлял лишь 5,4% всего мирового экспорта. Не могли ни Хрущев, ни даже Брежнев обрушить цены на мировом рынке. Ну можно ли после этого считать историю наукой? Такие экстравагантные гипотезы преподносятся как очевидный факт, не требующий объяснения. Вдумайтесь: «Режимов сломали всего два, это Ирак и Ливия. Зато цены на нефть обрушили очень сильно. И в результате немецко-японское чудо очень тесно связано с советским обрушением цен на нефть в 1950–1960-х годах!»

Теперь о том, будто «мы подсели на нефтяную иглу, что и закончилось в конце 1980-х годов крушением Советского Союза». Таково состояние российского обществоведения: известный историк в 2010 году делает заявление, якобы раскрывающее причину краха СССР, и не приводит никакой меры, чтобы оценить «вес» этой причины! И такая структура

рассуждения принимается сообществом без возражений. Это симптом тяжелого интеллектуального срыва.

А ведь речь идет об общем состоянии. Интеллектуальная команда самого Президента России мыслит в структуре того же самого мифа. В разных выражениях представители верховной власти повторяют утверждение, будто советское хозяйство имело «экспортно-сырьевой» характер, отчего теперь страдает Российская Федерация. Этот тезис лишает и государство, и общество возможности разобраться в актуальных процессах — искажены мера и критерии.

А.И. Фурсов, строя свою концепцию на очень зыбких основаниях, не посмотрел даже простых обзоров нефтяного рынка, иначе бы он привел конкретные данные. Ну хотя бы на обзоры историков можно было бы сослаться. Вот, например, на конференции историков в МГУ в 2002 году был заслушан доклад М.В. Славкиной «Развитие нефтегазового комплекса СССР в 1960–1980-е гг.: большие победы и упущенные возможности». Не будем говорить о выводах докладчика, они в струе «мэйн-стрима», возьмем фактическую справку.

Она гласит: «По данным официальной статистики, экспорт нефти и нефтепродуктов вырос с 75,7 млн т в 1965 г. до 193,5 млн т в 1985 г. При этом экспорт в долларовую зону, по нашим оценкам, составил соответственно 36,6 и 80,7 млн т... Зная среднемировые цены, мы можем дать приблизительную оценку доходов СССР от экспорта углеводородного сырья в долларовую зону. По произведенным нами математическим расчетам, эта цифра, составлявшая в 1965 г. порядка 0,67 млрд долл., увеличилась к 1985 г. в 19,2 раза и составила 12,84 млрд долл.»

Здесь надо заметить, что речь идет не только о сырой нефти, но и продуктах переработки, а это уже не сырье и такая продукция имеет большую добавленную стоимость. Но главное — доход. Накануне «обрушения цен» доход от экспорта нефти и нефтепродуктов в долларовую зону принес СССР доход, равный 46 долл. на душу населения в год. И это называется «сесть на нефтяную иглу»! Даже в потере чувства меры надо знать меру.

А вот Российская Федерация в 2008 году. Экспорт нефти и нефтепродуктов составил 241 млрд долл. или 1697 долл. на душу населения (не будем уж говорить, как этот доход был разделен среди населения). Это в 37 раз больше, чем доход на душу населения в СССР. Это уже реально — «сесть на нефтяную иглу». Здесь обрушение цен топит все хозяйство, а в СССР оно означало сокращение дохода с 46 долл. в год до 30. Это в масштабах экономики была малозаметная флуктуация.

Кстати, надо сказать, что СССР пользовался очень высокими ценами на нефть довольно короткий срок — с 1979 года по 1985 год. А потом цены вернулись к стабильным, но тоже весьма высоким уровням — около 20 долл. за баррель (после 4,6 долл. в 1973 году).

Стоило бы посмотреть обзор, сделанный не историком, а специалистами по нефтяному рынку М.М. Судо и Э.Р. Казанковой, — «Энергетические ресурсы. Нефть и природный газ. Век уходящий», опубликованный в ежегоднике «Россия в окружающем мире. 1998». Здесь сказано: «В 1971–1975 гг. было экспортировано 250 млн т нефти. В период с 1975 до конца 1980-х годов СССР ежегодно экспортировал 100–115 млн т нефти... На соцстраны приходилось 65% всего экспорта нефти и нефтепродуктов, на развитые капстраны — 33%, 2% — на развивающиеся страны». Экспорт «в развитые капстраны» около 30 млн т нефти в год не порождает крупного риска, который могут создать колебания цены со снижением на треть.

Представим наглядно величину зависимости советской экономики от экспорта в целом и от экспорта нефти в частности (рис. 19). На рисунке показана динамика всего экспорта и величины ВВП (валового национального продукта — показателя, который был введен в 1988 году и ретроспективно рассчитан до 1985 года и для 1980 года — отдельно).

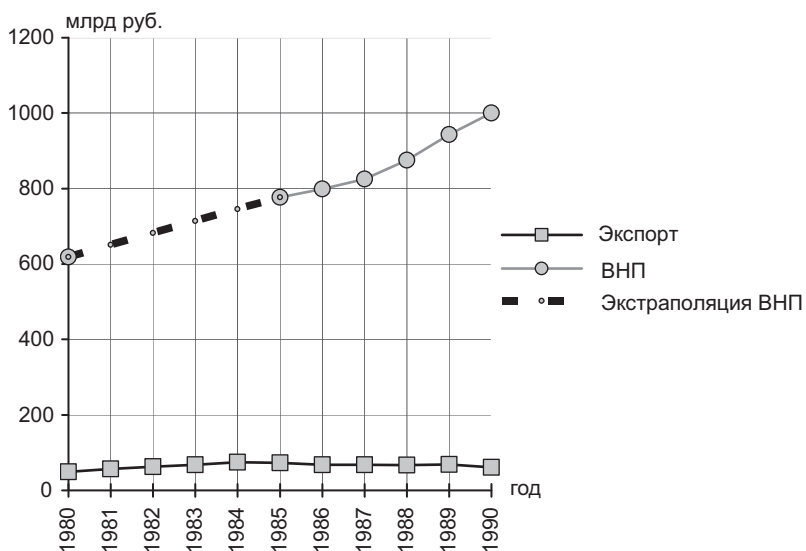

Рис. 19. Динамика ВВП и экспорта СССР в действующих ценах

Из рисунка видно, что доля экспорта в ВВП СССР вообще была очень невелика, за что его хозяйство и критиковали как «автаркическое», недостаточно «открытое» и мало зависящее от внешнего рынка. Колебание цен на нефть не могло сказаться на состоянии экономики в целом, поскольку вес экспорта нефти в экономике был совсем небольшим. В 1989 году, когда была объявлена реформа, ВВП СССР составил

943 млрд руб., а весь экспорт — 68,1 млрд руб. или 7,2% ВВП. В тот год было экспортировано 127 млн т сырой нефти, из них 27,2 млн т — за свободно конвертируемую валюту.

Поскольку две трети экспорта направлялись в социалистические страны по долгосрочным соглашениям, экспорт энергоносителей за конвертируемую валюту составлял около 1% от ВВП СССР. Могло ли «обрушение» цен на нефть привести к краху экономику «индустриально-сырьевого гиганта» СССР!

Трудно себе представить, как множество образованных людей объясняют сами себе механизм происходящей в экономике СССР катастрофы из-за снижения цен на товар, который продается в столь небольших количествах. Ведь с 1980 года по 1988 год экспорт, при всех колебаниях цен на нефть, надежно оплачивал импорт с положительным сальдо в 3–7 млрд руб. — чего еще надо? При этом внутри страны стабильно росли инвестиции и уровень потребления материальных благ населением. Как тезис об автаркии советской экономики совмещается в одной голове с тезисом об «унизительной сырьевой зависимости»? Ведь это два взаимоисключающих суждения.

А.И. Фурсов рисует страшную картину классовой войны, которая якобы вспыхнула в СССР из-за снижения цен на нефть на Лондонской бирже: «Когда рухнули цены на нефть, встал вопрос: кто кого — номенклатура или средний класс? Номенклатура могла затянуть пояса потуже и вернуться на уровень потребления начала — середины 1960-х годов... [Однако] номенклатура, с помощью иностранного капитала и криминалитета (великая криминальная революция 1988–1998 годов) сломала хребет советскому среднему классу... В ситуации, когда рухнули цены на нефть, средний класс оказался единственным источником, который можно было пустить под ножи и ограбить».

Что это? Почему? Зачем пояса потуже? Ведь ничего не изменилось вплоть до реформы — тот же шашлык, тот же коньяк и отдых в Крыму. Что можно было отнять у советского инженера или врача, если «пустить их под ножи»? Зачем ломать хребет среднему классу, если он и был социальной базой перестройки! Кто устраивал овации и забрасывал цветами ораторов от номенклатуры — Горбачева и Яковлева, Заславскую и Аганбегяна, Шмелева и Юрия Афанасьева? Именно этот «средний класс». На средний класс не нужен нож!

Что за чертовщина, однако, мерещится нашим интеллектуалам! Какие художественные образы творит мифологическое сознание.

Если начертить график динамики только экспорта и импорта в более крупном масштабе, то будет видно, что падение цен действительно привело после 1984 года к некоторому снижению экспорта и, соответственно, импорта. Но это было снижение *до уровня 1983 года*, существенной

роли оно в судьбе экономики сыграть не могло. Настоящий спад произошел в 1990 году, и это уже было и следствием, и фактором углубления кризиса, поскольку из-за одновременного спада внутреннего производства и хаоса в таможенной сфере пришлось острый недостаток товаров широкого потребления компенсировать импортом за счет золотовалютных резервов.

К сожалению, при доступности информации, позволяющей строить наглядные графики динамики многих эмпирических показателей, ряд экономистов продолжают культивировать мифы, мешающие разобраться в структуре нашего кризиса.

Из этой истории мифотворчества следует тяжелый вывод. Из сознания политиков и экономистов вытеснена *методологическая* компонента. В восприятии идущих в народном хозяйстве процессов рациональные оценки заменены идеологическими. Образованные люди выслушивают важнейшие, чреватые необратимыми последствиями утверждения политиков, но не требуют и не ожидают рациональной аргументации этих утверждений. Они принимают или отвергают их в зависимости от политических установок момента, а принятые оценки становятся у них стереотипами мышления. В годы перестройки поверили Горбачеву и Яковлеву, и в сознании запечатлен устойчивый штамп: СССР рухнул из-за смертельного экономического кризиса 1970–1980-х годов. За двадцать лет все эти люди, обладай они минимальной способностью к рефлексии, могли убедиться в ложности этого мифа, но не пожелали этого сделать. Навыки критического анализа и рефлексии в отношении экономических процессов утрачены.

На следующей лекции рассмотрим два-три дополняющих мифа.

Лекция 13

Мифы общественного сознания. Часть вторая

Одним из инструментов мифотворчества при подготовке реформы 1990-х годов был тезис об *избыточном производстве ресурсов как дефекте плановой экономики*. Вслед за атаками на какую-то «избыточную» отрасль (производства стали, тракторов, энергии и т. п.) принимались политические решения по подрыву этих отраслей (прекращению инвестиций, «реорганизации», а затем и приватизации).

Частое повторение мифа об избыточности ресурсов в хозяйстве, которое якобы «работает *на себя, а не на человека*», сделало его привычным, хотя в нем нарушены и логика, и мера. В пропаганде этих мифов приняли участие интеллектуалы из, казалось бы, разных и даже враждующих политических лагерей.

Так, видные обществоведы проявили непонятную агрессивность и даже ненависть к *энергетике*. Вот «Меморандум в защиту природы» (1988), подписанный деятелями науки и культуры, в котором предпринята атака на Энергетическую программу СССР: «*Вся многолетняя деятельность Минэнерго завела наше энергетическое хозяйство в тупик... Большая часть добываемого топлива расходуется на технологические нужды, и прежде всего на выработку электроэнергии. Более трех четвертей производимой в стране электроэнергии используется на производственные нужды в промышленности, сельском хозяйстве и транспорте. Это означает, что энергетические ресурсы в основном используются для производства опять же энергетических ресурсов и сырья с крупномасштабным разрушением природной среды.*

Именно этот абсурдный принцип развития нашей энергетики заложен в Энергетической программе СССР и ныне осуществляется. Никто за все это не понес ответственности».

Иррациональный тип мышления, породившего этот документ перестройки, виден уже из того, что затраты энергии «на производственные нужды в промышленности, сельском хозяйстве и транспорте» считаются *бесполезными для человека* (они почему-то рассматриваются как

«опять же производство энергетических ресурсов»). И ведь поставлено 13 подписей под документом, из них 6 принадлежали докторам разных наук.

Рассмотрим подробнее два схожих по структуре мифа.

Миф об избытке стали

Интенсивной атаке была подвергнута установка советской промышленной политики на развитие металлургии. Железо — «фундамент цивилизации», важнейший из всех видов сырья, сыгравший революционную роль в развитии культуры. Объем производства стали в мире непрерывно растет и в 2007 году составил 1,35 млрд т, что намного опередило прогнозы конца 80-х годов. Но еще более важным показателем, нежели годовое производство стали, является накопленный в стране *металлический фонд*.

С.Г. Струмилин писал в 1975 году: «Современная мировая материальная культура строится на этой базе, достигающей 5,5 млрд т накопленного металлического фонда».

Инвентаризация металлического фонда СССР проводилась в 1926–1928, 1938–1940, 1954–1955 годы. По материалам всесоюзных переписей основных фондов всех отраслей народного хозяйства, проведенных в 1962 году и 1972 году, вышла книга Л.Л. Зусмана «Металлический фонд СССР» (1975). Тогда был изучен кругооборот металла в СССР и проведены расчеты металлического фонда, необходимого для решения главных социальных задач страны. Исходя из них и была составлена программа развития черной металлургии.

Каков же был металлический фонд Российской империи, а затем СССР? В 1911 году он был равен 35 млн т. Прирастать начал только с 1924 года и достиг в 1932 году 55–60 млн т. В 1937 году в СССР было 90–95 млн т металла, а к началу 1941 года — 118–124 млн т.

В конце 60-х годов СССР обогнал США по *приросту* металлического фонда и начал догонять по абсолютной величине. В 1973 году металлический фонд СССР достиг 1 млрд т. Таким образом, металлический фонд на душу населения СССР вырос с 300 кг в 1920 году до 3700 кг на 1 января 1972 года.

С этой базы и началось выполнение программы, которую во время перестройки экономисты — советники Горбачева — высмеивали как абсурдную, сравнивая СССР и США.

Каков же был металлический фонд США? В 1920 году он в 12 раз превышал фонд СССР! В 1960-е годы СССР вошел с металлическим фондом, в три раза меньшим, чем у США. Динамика преодоления разрыва в объеме металлического фонда СССР и США представлена на рис. 20.

В 1970 году металлический фонд США составлял 1639 млн т (8 т на душу населения) и в два раза превышал фонд СССР¹.

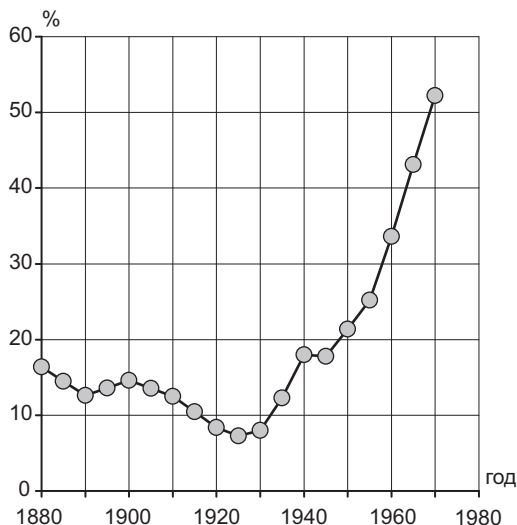

Рис. 20. Динамика металлического фонда Российской империи и СССР относительно металлического фонда США

Но и в 1975 году разрыв все еще был велик. Плановые задания на 1970-е годы предполагали, что к 1980 году СССР приблизится к размерам того металлического фонда, которым США располагал в 1970 году. К 1990 году разрыв можно было сократить еще больше, но этот процесс был сорван вследствие принятия новой экономической доктрины во время перестройки.

Тем не менее, за советское время удалось обеспечить Россию металлом на уровне развитых промышленных стран — сегодня на каждого жителя Российской Федерации приходится металлический фонд в размере 10 т, в то время как критерием отнесения страны к числу промышленно развитых является наличие металлического фонда в размере 8–9 т на душу. И рывок был сделан именно в ходе реализации той программы, которая была опорочена в 1989–1991 годы.

Книга Л.Л. Зусмана передает состояние страшного голода на металл, который испытывали все отрасли народного хозяйства (возможно, за исключением оборонной промышленности). Дефицит металла приводил к большим социальным и экономическим перегрузкам, прежде всего, ограничивая возможности *строительства* (на здания и сооружения

¹ Речь идет только о металле, находящемся на территории США, хотя к нему следовало бы приплюсовать металлический фонд, которым располагают предприятия американских корпораций в других странах — прежде всего в Латинской Америке.

приходится половина металлического фонда страны). Каким аутистическим сознанием надо было обладать обществоведам времен перестройки, чтобы возмущаться тем, что квартиры в СССР тесноваты — и в *то же время* призывать к сокращению производства стали! (В 1993 году А. Чубайс в предвыборной полемике призывал вообще загасить все домы в России).

Следует учесть, что в СССР для экономического освоения больших пространств требовались гораздо более крупные *металлоинвестиции* в сооружения, чем в США. Металлический фонд железнодорожного транспорта в США был вдвое больше, чем в СССР, хотя грузооборот советских железных дорог превышал американский более чем в два раза. Но это требовало избыточных усилий персонала.

Количество металла в автомобильном парке США в 1971 году было в 15 раз больше, чем в СССР. Запчастей у нас всегда не хватало — прежде всего потому, что СССР мог вложить в запчасти (в расчете на единицу массы металла в машинах) в два раза меньше металла, чем США. В СССР было мало хороших автомобильных дорог, что объясняли тупостью плановой системы. При этом экономисты перестройки умалчивали, что в автодороги США за 40 лет (до 1970 года) было уложено 50 млн т стали, а в СССР — всего 1,7 млн т, включая металл, пошедший на строительство мостов и путепроводов.

К огромному перерасходу средств вела в СССР нехватка трубопроводов (и промысловых, и распределительных), вызванная прежде всего дефицитом стали. Если бы программу развития металлургии сорвали на десять лет раньше, Россия сегодня осталась бы без металла, нефти и газа. А значит — без хлеба, жилья и тепла.

Когда хозяйство работает при дефиците какого-то важного ресурса, это создает множество узких мест и приводит к перерасходу *всех* ресурсов. Острая нехватка металла в СССР прежде всего приводила к *перерасходу самого металла* — возникал порочный круг. Перерасход был вызван повышенными удельными нагрузками на металл при эксплуатации металлических изделий. Это видно на примере эксплуатации и железнодорожных рельсов, и тракторов, и большинства других машин.

Имея достаточно металла, американцы могли себе позволить *не возвращать* использованную сталь на вторичную переработку, если это было экономически невыгодно. Безвозвратные потери металла за срок его службы составляли в США 43–45%, а в СССР — 12–15%. С точки зрения экологии, советский тип использования металла был более перспективен, нежели американский, но экономическая эффективность страдала.

Из этого видно, что антиметаллургическая кампания, развязанная в конце 1980-х годов ведущими обществоведами, исходила из *ложных*

посылок и содержала фундаментальные методологические ошибки. Результат известен. Накопленный в советское время металлический фонд России тает. Сокращение производства стали в 1991 году приняло обвальный характер: к 1998 году *более чем в два раза* — с 94,1 млн т до 43,6 млн т (рис. 21). Металлоинвестиции как в строительство, так и в машиностроение, сократились в РФ за годы реформы в четыре раза. В 1990-е годы Россия получала конечной металлопродукции разного рода в среднем 50 кг на душу населения, в то время как средняя норма на Западе превышала 300 кг. В 2006 году в стране осталось по 190 кг произведенного металла на душу населения, но десятилетний спад металлоинвестиций будет компенсирован не скоро.

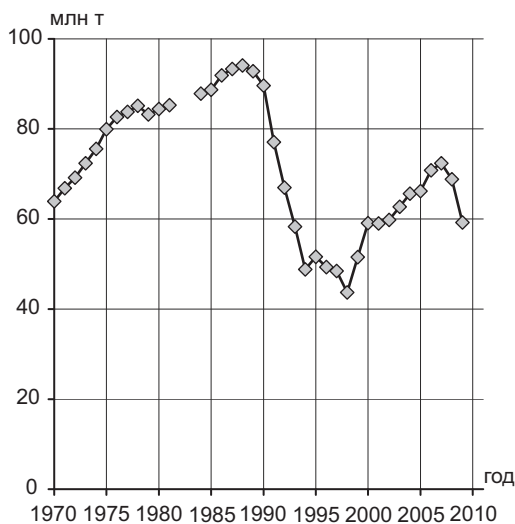

Рис. 21. Производство стали в РСФСР и РФ

В России резко возросли безвозвратные потери металла. Инвентаризация металлического фонда страны не проводится. Железный фундамент нашей цивилизации подточен. Черный миф об «избытке стали» был важным фактором в развитии глубокого кризиса металлургии. По состоянию на 2001 год, свыше нормативного срока использовалось 88,5% доменных печей и 86% прокатных станков. За 1990-е годы произошло резкое технологическое отставание от мирового уровня. Парадокс в том, что именно в 1990-е годы спрос на металл на мировом рынке начал быстро расти, и отрасль стала рентабельной (в 2006 году она достигла в России 34,5%). Металл стал одной из важных статей экспорта. Реформа не успела «добить» металлургию, и после 2000 года в нее начали делать инвестиции и обновлять основные фонды.

Здесь мы говорим не об экономике и не о технологии, а о тех методологических установках, с которыми обществоведы подходили к оценке промышленной политики в области металлургии. Хорошим учебным материалом может служить книга Н. Шмелева и В. Попова «На переломе: перестройка экономики в СССР» (1989). Авторы — влиятельные экономисты, профессор Н.П. Шмелев (сейчас академик РАН) к тому же работал в Отделе пропаганды ЦК КПСС и был депутатом Верховного Совета СССР. Рецензенты книги — академик С.С. Шаталин и член-корр. АН СССР Н.Я. Петраков.

Примечателен сам тип изложения, который применили в этой книге экономисты: мысли изобилуют объединением настолько разнородных понятий и явлений, что в каждом тезисе возникает большая неопределенность, необычная для людей, связанных с научной деятельностью. Это синкретический язык мифа.

Крайне размыта мера, которую прилагают авторы к тому или иному явлению, хотя вполне доступны точные достоверные данные. Вот, авторы пишут об СССР: «Мы производим и потребляем, например, в 1,5–2 раза больше стали и цемента, чем США, но по выпуску изделий из них отстаем в 2 и более раза».

Рассмотрим это утверждение. Прежде всего, в один ряд в нем ставятся две категории разной природы — «производим» и «потребляем» — и большинство читателей сразу оказывается в ловушке. Например, многие страны потребляют сталь, не производя ее ни грамма. В открытой экономике США очень велик импорт и стали, и металлоемких изделий; а в СССР экспорт намного превышал импорт. Как же можно было об этом не сказать?

За 1981–1988 годы, т. е. за тот период, на изучении которого в основном и базировались авторы книги, США импортировали 134,8 млн т стали, что составляет (за вычетом экспорта) прибавку к металлическому фонду, равную 121,6 млн т. В 90-е годы импорт стали в США превысил 30 млн т в год (например, в 1998 году он составил 37,7 млн т). Это огромные величины.

При той степени интеграции, какой достиг к концу 80-х годов мировой капиталистический рынок, сравнивать производство чего бы то ни было в СССР с какой-то одной страной (скажем, США) вообще абсурдно. Например, в России добывается сейчас по 14 кг поваренной соли на душу населения в год (кстати, вдвое меньше, чем в РСФСР). А в США — по 160 кг, в Австралии — по 470 кг, а съедают соли на душу населения не намного больше, чем в России. Значит ли это, что надо равняться на США или Австралию? Или, наоборот, снизить добычу соли до уровня Японии (11 кг)?

Почему в качестве примера для СССР в производстве стали были взяты США? Почему было не сказать здесь же, что в 1990 году СССР про-

извел стали на душу населения в 1,7 раза меньше, чем Япония, и почти в 2 раза меньше, чем Чехословакия? Авторы-экономисты использовали цифры некорректно (или недобросовестно).

Иными словами, сравнение производства стали в СССР и США, *даже если бы оно было проведено корректно*, не могло служить никаким аргументом для оценки промышленной политики СССР. Но сравнение к тому же было проведено еще и с грубыми ошибками. Вывод: если все рассуждение построено по канонам мифологии, то к приводимым количественным аргументам надо отнестись с большой осторожностью. Мера здесь служит художественным средством.

В книге утверждается, что СССР с его плановой системой производит избыточную сталь (160 млн т), в то время как эффективно регулируемая рынком экономика США разумно производит небольшое количество (70–80 млн т). Как же обстояло дело в действительности?

Только за два десятилетия, с 1951 года по 1970 год, США произвели 1946 млн т стали — почти 2 млрд тонн! Иными словами, они в течение двадцати лет стабильно держали средний уровень производства в 100 млн т стали в год. За это же время в СССР было произведено 1406 млн т стали — на 540 млн т меньше, чем в США. Накопленное же в течение всего XX века преимущество США над СССР в количестве произведенной стали было огромно. Что же делают экономисты, чтобы убедить граждан в избыточности производства стали в СССР? Они сравнивают пик нашего производства с временным спадом в США.

Да, в начале 80-х годов на какое-то время США снизили свое производство стали (причем компенсировали это снижение резким увеличением импорта). Самой низкой точкой был 1982 год, когда в США произвели 67,7 млн т. — тогда *всего за один год производство стали в США упало почти вдвое*. После этого производство начало расти. Да, бывали в США такие резкие колебания. — Ну и что? Почему это должно было повлиять на производство стали в СССР? Сравнение объемов производства стали в СССР и США в момент перестройки, как аргумент для развала отечественной черной металлургии, *неосновательно*.

Звучали призывы сократить производство стали по примеру США — и в то же время говорилось об остром «голоде» на металл во многих отраслях хозяйства СССР. Это признак когнитивного диссонанса — видеть голод, но создавать миф об избытке и даже верить этому мифу. Нет и симптомов преодоления этой болезни. Выступая в Новосибирском государственном университете 1 декабря 2003 года, академик А.Г. Аганбегян сказал о производстве стали в СССР: «Если столько продукции не нужно, то и выплавлять 146 млн т стали (когда Америка выплавляла всего 70 млн т) бессмысленно — с падением платежеспособного спроса производство стали сократилось в 3 раза».

Значит, совершенно ложное утверждение можно повторять в одном из ведущих университетов страны даже через 15 лет после начала катастрофического кризиса, созданного с опорой на это утверждение.

Иррациональны и рассуждения о *потреблении* стали. При том соединении категорий производства и потребления, к которому прибегли авторы книги, читателям внушается ложная мысль фундаментального, общего значения — будто *потребление* стали, скажем, в 1985 году, равно *производству* стали в этом же году (даже если отвлечься от импорта и экспорта).

Металл — ресурс исключительно долгоживущий, срок его эксплуатации составляет около ста лет: за год теряется всего 0,5% металлического фонда от коррозии и 0,4–0,5% — от истирания. Отслуживший свой срок в изделиях металл возвращается на переплавку, а оттуда — опять в изделия. Поэтому ставить знак равенства между производством стали в таком-то году и ее потреблением — бессмыслица.

В 1985 году мы потребляли сталь, сваренную из всего чугуна, выплавленного в Российской империи и СССР — за вычетом безвозвратных потерь. Чтобы сравнить действительное потребление стали в СССР и США, авторы должны были бы сообщить величину *металлического фонда* СССР и США — количество стали, «работающей» в зданиях, сооружениях, машинах двух стран. Сказать об СССР, что «мы потребляли стали вдвое больше, чем США» — ложное утверждение, но ни авторы, ни рецензенты, ни большая часть интеллигенции этого не увидела. Вот где главный симптом кризиса обществоведения того времени.

В экономической науке уже с середины XIX века четко различались понятия «поток» ресурсов и «фонд» или «запас» ресурсов (*stock*). Годовое производство стали — это *прирост* запаса, часть «потока», а «потребляем» мы *весь* действующий в хозяйстве металл. Точно так же, как живем мы в домах, построенных за многие десятилетия, а не только за последний год. Может ли экономист не различать две категории — *жилищный фонд в 1990 году* и *ввод в действие жилья в том же 1990 году*?

Обратим теперь внимание на меру: «мы производим и потребляем стали в 1,5–2 раза больше, чем США». Число оказывает на читателя магическое воздействие. Но давайте сбросим с себя очарование цифрой и вникнем в суть.

Бросается в глаза широкий *диапазон* количественного показателя. Почему такой разброс — верхний предел на треть больше нижнего? Что-что, но статистика производства и потребления стали ведется в цивилизованных странах более века, а регулярно проводившаяся в СССР инвентаризация металлического фонда даже удивляет своей дотошностью. Все строчки в переписи металла даются с точностью до сотых долей процента, и это реальная точность. То же и в других странах. В США

учет этих показателей ведут несколько независимых друг от друга организаций, да к тому же за металлическим фондом США тщательно следят их партнеры и конкуренты — например, Японская федерация черной металлургии. Изучение металлического фонда промышленных держав — одна из главных задач экономической разведки. Почему же у Н.П. Шмелева такая неопределенность? Только потому, что определенная мера заставляет использовать определенные *понятия*, а в этом случае вся конструкция мифа сразу обрушилась бы.

Уберем из утверждения Н.П. Шмелева нюансы и напишем суть: «В СССР стали производили вдвое больше, чем в США, а стальных изделий производили вдвое меньше, чем в США». Вывод: советская промышленность была *черной дырой*, в которой пропадала сталь, поэтому следует сократить производство стали до уровня США. Рассмотрим сначала логику вывода.

Предположим заведомо невозможное: в силу каких-то причин из болванки стали в СССР действительно производили в четыре раза меньше тех же изделий, что из такой же болванки в США. Например, из болванки весом 500 т в США делали четыре танка, а в СССР — один. Можно ли сказать, что раз мы получаем из одной и той же болванки в четыре раза меньше танков, чем в США, следует уменьшить производство стали и давать на наш танковый завод лишь четвертушку той болванки? Нет, это было бы несусветной глупостью. Из четвертушки болванки мы как раз получили бы не танк, а его четвертушку. Чтобы получить из болванки сначала два, а потом и четыре танка, был только один путь — улучшать инструменты и квалификацию работников — и тогда уже, по мере этого улучшения, урезать количество стали, даваемое заводу. Как мы знаем, реформа в СССР и России свелась не к улучшению технологии, а к сокращению производства металла.

Теперь о достоверности суммарной оценки — о том, что *потребление* стали у нас якобы было вдвое выше, чем в США, а *производство изделий* из нее — вдвое меньше. Как такое можно сказать? Только нарушив правила логики. Как говорилось, металлический фонд был почти вдвое меньше, чем в США. Это и было наше *потребление стали*. Что же касается «изделий», то утверждение авторов не имеет смысла, ибо сталь и не может потребляться иначе как в виде изделий — рельсов, балок, листа и т. д. Все утверждение иррационально, независимо от того, какая его часть ошибочна. Две части не стыкуются между собой.

Если же авторы считают, что в СССР много стали превращалось в отходы при изготовлении изделий, то они ошибаются (не будем предполагать здесь сознательной лжи). Вес металлоизделий, полученных из металла, — один из важных показателей, которые обязательно учитываются статистикой, тем более при инвентаризации металлического фон-

да. Этот показатель приводится даже в обычных статистических ежегодниках. Легко узнать, что выход изделий из единицы металла в СССР был *выше*, чем в США. Это происходило именно вследствие *нехватки* металла в СССР, из-за которой у нас металлический лом собирали для нового оборота почти полностью, а в США — только то, что было экономически выгодно.

В 1970–1980 годы в СССР при изготовлении изделий из черных металлов образовывалось отходов объемом в 22% от потребленного металла, а в 1985–1990 годы — 21%. Следовательно, чтобы в США смогли произвести из тонны стали в четыре раза больше металлоизделий, чем в СССР, американские фабриканты должны были бы суметь из одной тонны стали произвести как минимум 3,2 т металлоизделий. Таким образом, искажение реальности в количественной мере, допущенное авторами-экономистами, граничит с абсурдом.

Н. Шмелев впадает в утопию и считает первой по значимости причиной гипотетического перерасхода металла в СССР нехватку пластмасс: «В машиностроении доля неметаллических конструкционных материалов составляет у нас всего 1–2%, тогда как в США — 15–20% (в Японии к 2000 году эта доля должна составить около 50%)». Такое поклонение чудодейственным технологиям и материалам, которое сродни низкопоклонству, иногда охватывает экономистов. Можно ли себе представить, чтобы наполовину из пластмассы были построены самые тяжелые машины — экскаваторы и башенные краны, корабли и турбины? Академик Ю.В. Яременко так говорил об этой иррациональной вере в пластмассы: «Находились люди, которые писали книги о том, что можно делать станки целиком из пластмасс, включая даже станину. Появление безголовых, но агрессивных технократов — это важный и отчасти трагический момент нашей истории».

Далее авторы вводят еще одну абсурдную меру: «На ту же единицу национального дохода у нас уходит в 2,4 раза больше металла, чем в США». Здесь вводится неопределимая категория: что значит «*та же единица* национального дохода»? Чему равна эта единица в США и СССР? Понятия эти в хозяйстве СССР и США очень различны, они не имеют смысла, если не объясняется, как одно пересчитывается в другое. В 1989 году читатель понимал под национальным доходом продукт *реальной экономики* — произведенные товары и услуги, а не движение денег и ценных бумаг. Да, расход металла на одну проданную на бирже акцию невелик. И из-за этого в СССР надо было сократить производство стали?

Сами же Н. Шмелев и В. Попов пишут, что объем промышленной продукции СССР составлял 80% от американского, а продукция сельского хозяйства — 85%. Металлический фонд в СССР был намного меньше, чем в США. Каким же образом «на ту же» единицу национального

дохода у нас могло уходить в 2,4 раза больше металла? Металлоемкость продукции в СССР была заведомо ниже, чем в США — *намного* меньше у нас было сооружений и машин, а это главный фактор металлоемкости производства.

Проще сравнить металлоемкость единицы национального дохода в тех отраслях хозяйства, где имеется однозначно понимаемая абсолютная единица измерения продукта. Например, при сравнении единицы услуг, произведенных на транспорте, есть единица измерения — *тонно-километр перевозок*; она одинакова и в США, и в СССР, и в Африке. В книге Л.Л. Зусмана читаем: «Использование 1/5 металлического фонда США, содержащейся в железнодорожном транспорте, в 3 раза менее интенсивное, чем в СССР, вызывается в большой мере особенностями капиталистической экономики и приводит к избытку массы металлического фонда железнодорожного транспорта США примерно на 120–150 млн т».

Здесь все ясно: известна масса металла, заключенная в рельсах и мостах, в подвижном составе, известен объем перевозок и т. д. Металлоемкость одного тонно-километра перевозок на железнодорожном транспорте в СССР в три раза меньше, чем в США. Известны и причины этой разницы, которые здесь нет места обсуждать. Если уж называть цифру для всего хозяйства, то требовалось представить подобный расчет металлоемкости по отраслям.

Развернутая во время перестройки кампания по дискредитации советской черной металлургии важна для изучения как представительный пример деградации всей когнитивной структуры рассуждений в обществоведении. Положенный в основание доктрины реформы миф привел к фундаментальным ошибкам. Этот миф не преодолен до сих пор и является важным фактором в развитии кризиса современной России.

Миф об ирригации и мелиорации

В 2010 году лето принесло нам природное бедствие — жару и засуху. Это — тяжелое испытание, оно регулярно (примерно каждые 25 лет) посещает Россию. И экзамену подвергается прежде всего общество: как оно готовится к этому бедствию и как на него отвечает.

Жара и засуха — неотъемлемая часть той природной среды, в которой судьба определила нам жить. Мы обязаны к этой беде быть готовы и переживать ее сообща. Для этого мы имеем разум, опыт, науку и народное хозяйство. Уже 25 лет во всех этих защитных средствах происходят изменения. Вот и посмотрим, каков их результат и какие выводы можно сделать.

Первый несомненный факт таков: примерно пять поколений нашего народа, жившие в советское время, выстроили для России *националь-*

ную систему защиты от засухи. Это строительство было большим делом, ради которого те поколения отказывались от большой доли личного потребления. Они создали большую техническую и социальную систему, соответствующую природным и ресурсным условиям России, и эта система была эффективной.

Второй, столь же несомненный факт: в последние четверть века эту систему осмеяли, оклеветали — и *разрушили*. Это прошло почти незаметно, потому что было поистине общим делом: кто-то уничтожал, кто-то этому аплодировал, остальные наблюдали с апатией. И вот, когда это дело практически завершено, в Россию приходят жара и засуха. И оказывается, что систему защиты, которую наши нынешние поколения получили в наследство и уничтожили, *ничем не заменили*. Ничего лучшего или примерно такого же не построили!

Такие вещи даром не проходят. Надо обсудить корни наших ошибочных установок — и начать восстановление или новое строительство. Другого разумного способа не видно.

Упорядочим картину. Разум, опыт и наука уже в XIX веке определили, что жару и засуху как фактор нашего климата можно смягчить лишь изменяя «*микrokлимат*» в зонах, где дуют суховеи и случаются засушливые годы. Это достигается созданием локальных экосистем из пашни, луга, леса и воды. Для этого надо принимать лесо — и водоохранные меры: лес порождает родники и ручьи и защищает поля от суховеев, а местные источники воды позволяют поля орошать. Более крупные, региональные программы заключаются в строительстве каналов, водохранилищ и оросительных систем, в мелиорации земель.

В деревнях и поместьях издавна устраивали пруды, сажали лес — в размерах, которые позволяла самоорганизация. Все более важным становилось и организующее слово государства. После засухи и голода 1921 года вышло постановление за подписью Ленина «О борьбе с засухой» — об особом статусе лесов, имеющих водоохранное и защитное значение, об укреплении оврагов, снегозадержании и пр. Говорилось о развитии мелиорации и орошения. Сил и средств тогда было очень мало, но этим постановлением задавался *вектор*, и он в советской системе значил много — под него готовились кадры и строилась социальная организация (от деревенских коллективов до Госплана). Силы, средства и опыт организации добавились уже после войны.

Крупномасштабная программа была принята Постановлением Совмина СССР и ЦК ВКП (б) от 20 октября 1948 года «О плане полезащитных лесонасаждений, внедрения травопольных севооборотов, строительства прудов и водоемов для обеспечения высоких устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах Европейской части СССР». Это называлось «Сталинский план преобразования природы», он выте-

кал из трудов почвоведов и аграриев — В.В. Докучаева, П.А. Костычева и других.

Созданный для разработки программы институт («Агролеспроект») проектировал систему лесополос. Первая из них (более тысячи километров) пролегла от Урала до Каспийского моря. Общая протяженность крупных государственных полейзащитных полос превышала 5 300 км. В этих полосах было посажено 2,3 млн га леса.

Позже началась более масштабная программа лесопосадок. В РСФСР только за 15 лет (1965–1980) было посажено 12,4 млн га леса (рис. 22). Вглядитесь в этот рисунок: что произошло с началом реформы в 1989 году? Лесовосстановительные работы стали сворачивать! За 10 лет посадка и посеы лесов сократились в три раза. Это — не результат стихийного бедствия, это следствие политического решения, как и продолжение сокращения лесовосстановительных работ после 2000 года, когда на Россию пролился дождь нефтедолларов.

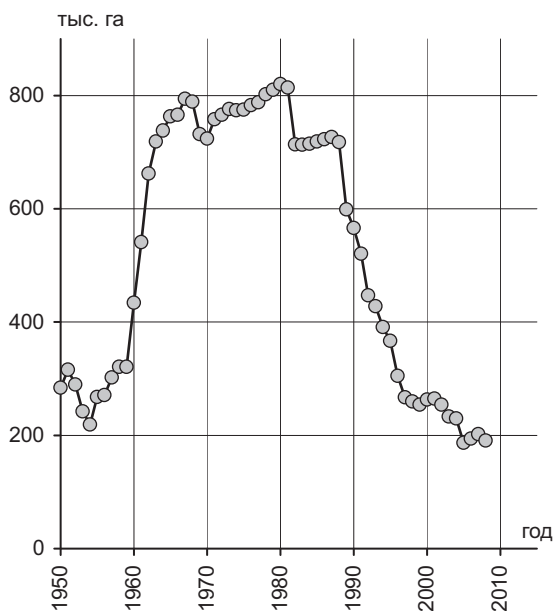

Рис. 22. Посадка и посев леса в России

Пока что просвета не видно — гибель лесонасаждений в России стала намного превышать объем посадок. В 2000 году погибло в три раза больше насаждений, чем было посажено в этот год, в 2005 году — в пять раз больше.

Посадка леса на месте его промышленных вырубок, пусть в небольших масштабах, но все же продолжается. А поддержание полейзащитных

лесных полос в России почти прекратилось. В 1980-е годы в лесополосах еще проводилась посадка леса в размере 30 тыс. га в год, после 1995 года она колебалась на уровне около 2 тыс. га, а в 2007 году составила 0,3 тыс. га. Лесополосы зарастают кустарником и теряют свои защитные свойства. А главное, они стали бесхозными и вырубаются. *Генеральный директор института «Росгипролес» М.Б. Войцеховский пишет о судьбе лесополос: «До 2006 года они входили в структуру Минсельхоза, а затем были статусно ликвидированы. Оказавшись ничьими, лесополосы стали интенсивно вырубаться под коттеджную застройку или с целью получения древесины».*

Вернемся к началу послевоенной программы. Одновременно с устройством системы поlezащитных лесонасаждений была начата большая программа по созданию оросительных систем. В СССР было создано около 4 тыс. водохранилищ, вмещающих 1200 куб. км воды. Они позволили улучшить окружающую среду, создать большую систему водных путей, урегулировать сток множества рек, получать большое количество дешевой электроэнергии, использовать накопленную воду для орошения полей и садов. В 1960 году площадь орошаемых земель составляла в РСФСР 1,3 млн га, в 1970 году — 2 млн га, а к 1980 году выросла до 5 млн га. В 1990 году был достигнут максимум — 6,2 млн га орошаемых земель. При этом степень использования оборудованных для орошения земель в 1980-е годы составляла 95% (рис. 23).

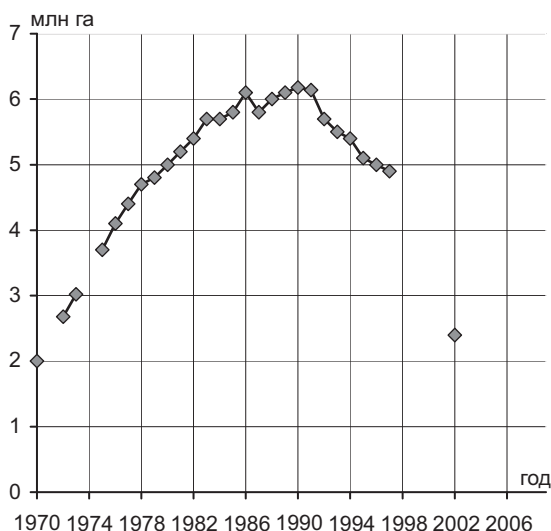

Рис. 23. Площадь орошаемых земель в РСФСР и РФ

Как эта программа оценивалась той общественной группой, которая стала доминировать в годы перестройки? Эта программа и «демократическим», и «патриотическим» крылом элиты была представлена как коллективный враг народа. Началась идеологическая подготовка к ликвидации ирригационной системы России. Многие академики и профессора утверждали, что строительство в СССР водохранилищ и стоящих на них ГЭС было следствием абсурдности плановой экономики и нанесло огромный ущерб России. Само слово «мелиорация» было превращено в 1980-е годы в пугало.

А.Д. Сахаров в «Предвыборной платформе» (1989) выдвигал такое требование: «Немедленное прекращение финансирования Министерства водного хозяйства и его ликвидация или перевод на полный хозрасчет». И это не глас вопиющего в пустыне! Это говорит человек, бывший безусловным авторитетом в среде гуманитарной и научно-технической интеллигенции!²

Академик А.Л. Яншин, председатель Научного совета по проблемам биосферы АН СССР, писал: «Имена покровителей министерства [Минводхоза] мы узнаем лишь в будущем, но делало оно свое темное дело вполне сознательно и агрессивно».

Н.П. Шмелев, депутат Верховного Совета, ответственный работник ЦК КПСС, ныне академик, пишет в программной книге «На переломе: перестройка экономики в СССР» (1989): «Рукотворные моря, возникшие на месте прежних поселений, полей и пастбищ, поглотили миллионы гектаров плодороднейших земель».

Шмелеву рукоплескали, хотя, чтобы увидеть нелепость этого утверждения, достаточно было протянуть руку и взять справочник. При строительстве водохранилищ в СССР было затоплено 0,8 млн га пашни из имевшихся 227 млн га — 0,35% всей пашни. Водоохранилища не «поглотили миллионы гектаров плодороднейших земель», а позволили оросить 7 млн га засушливых земель.

---

² В 1968 г. А.Д. Сахаров написал брошюру «Размышления о прогрессе, мирном существовании и интеллектуальной свободе», в которой, среди прочего, давал такое плановое задание для СССР и США на три с лишним пятилетки (кстати, как раз на время перестройки): «СССР и США, преодолев разобщенность, решают проблему спасения более “бедной” половины земного шара. Осуществляется упомянутый выше 20%-ный налог на национальный доход развитых стран. Строятся гигантские фабрики минеральных удобрений и системы орошения, работающие на атомной энергии, колоссально возрастает использование моря, обучаются национальные кадры, проводится индустриализация. Строятся гигантские предприятия по производству синтетических аминокислот и микробиологическому синтезу белков, жиров и углеводов. Одновременно происходит разоружение (1972–1990 годы)». Интересно, что наши экологи, борцы с «системами орошения», ухитрились одновременно боготворить А.Д. Сахарова, который велел строить «гигантские системы орошения, работающие на атомной энергии».

Нетрудно было узнать и такие сведения: на тот момент в США было 702 больших водохранилища (объемом более 100 млн куб. м), а в России — 104. Больших плотин (высотой более 15 м) было в 2000 году: в Китае — 24 119, США — 6 389, Канаде — 820, Турции — 427 и в России — 62. Отставание России в использовании водохозяйственного потенциала рек колоссально; но общество легко приняло ложь о том, что водное хозяйство приобрело у нас безумные масштабы.

В 1970-е годы в РСФСР были построены крупные оросительные системы. Если за 1961–1970 годы было введено 0,55 млн га орошаемых земель, то за пятилетку 1971–1975 годов — 2,4 млн га, за 1976–1980 годы — 1,74 млн га. Но и в течение 1980-х годов еще вводились в действие крупные площади орошаемых земель, несмотря на активную идеологическую кампанию против мелиорации, начатую в 1985 году. В 1981–1985 годы ввели 1,4 млн га, а в 1986–1990 годы — 0,97 млн га. За 1985–1990 годы ввод в действие орошаемых земель сократился в РСФСР в три раза, а затем упал почти до нуля. За пятилетку (1992–1996 годы) ввели 0,057 млн га, а за 2004–2008 годы — 0,005 млн га (рис. 24).

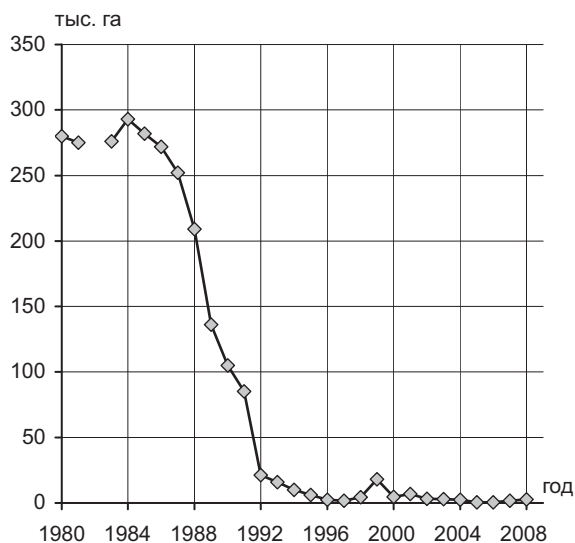

Рис. 24. Ввод в действие орошаемых земель в России

Эти данные говорят и о том, что прекратились также работы по ремонту и реконструкции имевшихся ирригационных сооружений, поскольку уже в 80-е годы ввод в действие орошаемых земель в значительной части был следствием реконструкции.

Итак, защитой России от засухи (и в большой степени от жары) была созданная в 1960–1970-е годы большая система ирригации и лесопосадок, ко-

торая позволяла подать в сельское хозяйство засушливых районов большое количество свежей воды для орошения и хозяйственных нужд. В 1984 году российские села получили для этих нужд 27 куб. км воды. С 1985 года расширение и модернизация этой системы были прекращены, а сама система стала разрушаться и выводиться из строя. В результате, снабжение сельского хозяйства водой стало снижаться и с 2004 года колеблется на уровне около 8 куб. км — в 3,4 раза меньше, чем в 1984 году (рис. 25).

Мы не затрагиваем здесь тему лесных пожаров, хотя она тесно связана с проблемой водоснабжения и орошения. Проблема лесных пожаров все же лежит в стороне от той мифологии, которой обосновывалась ликвидация систем орошения сельскохозяйственных угодий.

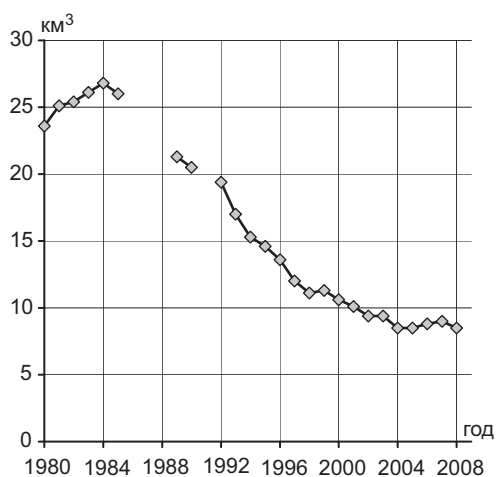

Рис. 25. Использование свежей воды на орошение и сельскохозяйственное водоснабжение в России

После 1997 года Росстат перестал публиковать данные о площади орошаемых земель. Имеющиеся официальные данные приведены на рис. 23. Точка 2002 года проставлена на основании приказа Минсельхоза РФ от 29.04.2003 № 721 «Об итогах работы водохозяйственных организаций по мелиорации земель и сельскохозяйственному водоснабжению в 2002 году», в котором сказано: «В 2002 году осуществлены поливы сельскохозяйственных культур на площади 2,42 млн га». Номинально часть старых орошаемых площадей продолжает считаться орошаемыми, но в действительности половина их не поливается совсем, а для другой половины воды недостаточно.

В упомянутом приказе сказано: «Значительные площади орошаемых земель не поливались. В 2002 году субъектами Российской Федерации

было запланировано проведение поливов только на 63% от предусмотренной к использованию площади орошаемых земель».

Другим показателем деградации ирригационного хозяйства России служит динамика парка поливных и дождевальных машин. Большая часть орошаемых земель не требует обильного (промывочного) полива, их орошают с помощью машин. Парк этих машин за годы реформы сократился почти в 15 раз и продолжает неуклонно сокращаться (рис. 26). Этот парк интенсивно формировался во второй половине 1970-х годов, а в 1980-е годы для его поддержания производились стабильные поставки около 8 тыс. машин ежегодно. В 2009 году на всю Российскую Федерацию было приобретено 55 дождевальных машин и установок (а списано 305). Российские поля оказались беззащитными перед засухой.

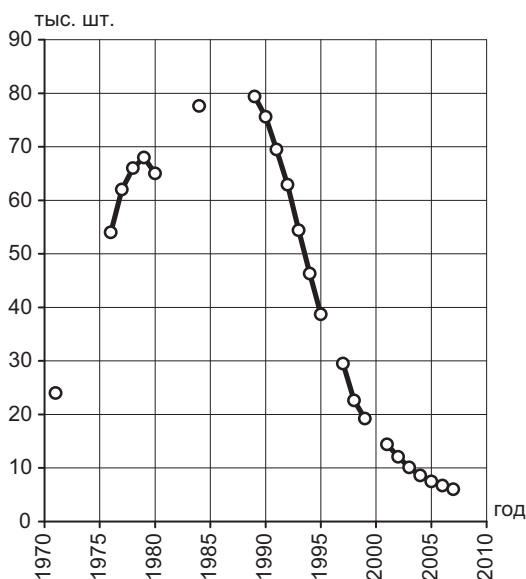

Рис. 26. Парк дождевальных и поливных машин и установок в сельскохозяйственных предприятиях России

Орошение — энергоемкая технологическая операция. Глубину и темп деградации этой технологии в России можно характеризовать сокращением потребления электроэнергии на производственные цели в сельском хозяйстве России в четыре раза. Конечно, этот показатель говорит об общей технологической деградации сельского хозяйства, но разрушение культуры ирригации — важная сторона той революции регресса, которая обрушилась на Россию под флагом реформы.

Надо сказать, что, начиная с древних «гидравлических» цивилизаций, системы орошения становились важной частью всего жизнеустройства

и сельской инфраструктуры. Во многих регионах современной России эти системы выполняли ряд важных функций, о которых не думали, пока все было в порядке. Когда происходит сбой, становится видно, что мы потеряли, бросив эти системы на произвол судьбы.

В конце 2002 года, после наводнений с человеческими жертвами на Северном Кавказе, радиостанции «Эхо Москвы» дал интервью зампре-седателя Госстроя Л. Чернышов. Он так объяснил причины катастрофы: «Проблема в чем? Что длительное время гидротехнические соору-жения, которые создавались “Минводхозом” еще в советские времена, во-первых, утратили свое значение в целевом плане, т. е. все каналы, которые орошали рисовые поля, поливали пустынные степи Ставропо-лья, они не эксплуатировались порядка 10–15 лет. Во-первых, прекра-тило существование ведомство “Минводхоз”, который всегда держал на балансе и в плановом порядке осуществлял эксплуатацию, обновление и т. д. этих объектов. Когда пытались специалисты там открыть задвиж-ки или шабера, все заржавело, невозможно было ничего с ними сделать. Т.е. можно было скомпенсировать удар, который пришелся тогда на ряд населенных пунктов, но это сделать по техническим причинам невоз-можно из-за того, что те объекты, которые сейчас есть и которые не экс-плуатируются, — они ни у кого, по существу, бесхозными являются».

Красноречив тот факт, что в кампании против ирригации ни разу не вставал вопрос о том, как с ней обстоит дело в США. Одно это показывает, что вся эта кампания была лживой — ведь США нам ставили в пример. Площадь орошаемых земель в США в начале 80-х годов была примерно та-кой же, как и в СССР (20 млн га). Благодаря высокому уровню агротехни-ки и интенсивному использованию удобрений эффективность орошения там велика. Так, в 1982 году с орошаемых земель, составлявших 6,1% всей площади, было получено 30% сельскохозяйственной продукции. Иррига-ция — один из важнейших факторов сельского хозяйства США.

Невозможно представить себе, чтобы какая-то группировка начала в США кампанию за ликвидацию национальной ирригационной систе-мы и, тем более, чтобы эта кампания была поддержана интеллигенцией. Но это на наших глазах произошло в России, и пока мы с этим не раз-беремся, ни о каком преодолении кризиса не может быть и речи. Мы бу-дем раз за разом клевать на такие приманки и безропотно повиноваться провокаторам с их дудочками, ведущим нас в болото.

Кампания против мелиорации и ирригации, против строительства водохранилищ, ГЭС и каналов — большая культурная программа, осно-ванная на мифотворчестве. В ней приняли участие крупные силы, видные обществоведы и деятели культуры. Основной смысл, видимо, заключал-ся в подрыве легитимности вообще всех больших научно-технических и социально-экономических программ советского типа. Идеологические

кадры для дискредитации всей водохозяйственной политики СССР готовились заранее и смогли выступить сразу широким фронтом (здесь мы не вдаемся в геополитический аспект прекращения строительства больших ирригационных систем в СССР, в частности, подрыв важных оснований союза РСФСР со среднеазиатскими республиками).

Эта кампания шла под экологическими лозунгами. По проблемам экологии активисты этой кампании высказывались совершенно категорически, и никакой увязки их тезисов с реальностью и здравым смыслом не требовалось. Поражение сознания обнаруживается в том, что объектом издевательств была избрана разумная фраза Мичурина: «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее — наша задача». В этой фразе не к чему придаться. Попробуйте переделать издевательство над нею в положительные утверждения. Таковых можно сделать только два, и оба они нелепы:

- 1) мы можем ждать милостей от природы, брать у нее ничего не надо, она сама даст;
- 2) нам не нужны никакие блага от природы, мы и без них проживем.

Экологическая риторика доходила до отрицания любого акта труда. Ибо труд и есть деятельность по «взятию милостей у природы» — целенаправленная деятельность по преобразованию природы в целях удовлетворения потребностей человека.

По словам социолога О.Н. Яницкого, «экологический протест 1987–1989 гг. стал в СССР первой легальной формой общедемократического протеста и общегражданской солидарности... Экологические конфликты в республиках Прибалтики послужили стимулом к созданию Народных фронтов в защиту перестройки и моральной легитимации их борьбы за экономическую независимость, а затем и выход из СССР... В феврале 1989 г. состоялась первая в СССР массовая (более 300 тыс. участников в 100 городах страны) антиправительственная акция протеста против строительства канала Волга-Чограй».

Замечательно, что после ликвидации СССР экологическое движение было сразу свернуто (как и капиталовложения в природоохранные мероприятия). Начальство нажало на кнопку — и все «экологи» исчезли.

Летом 2010 года в засушливых областях России стали служить молебны. 7 июля «Известия» сообщали: «В Нижегородской области, где установилась аномальная жара, в храмах прихожане и священнослужители молятся о ниспослании дождя. В пресс-службе Нижегородской православной епархии сегодня сообщили, что молебны о дожде проходят ежедневно во всех приходах области».

Власти, видимо, довольны — конфликт исчерпан, люди не думают о восстановлении ирригационных систем, о производстве и поставках дождевальными машинами и доступности электрической энергии. Они мо-

лятся о ниспослании дождя. Если все же начнут роптать, им объяснят, что засуха — стихийное явление. Как-то все само собой получилось: леса поредели и начали гореть, дождевальные машины полопались, насосы перестали качать воду, а задвижки на гидроузлах заржавели. Ничего с этим не поделаешь...

Самое тяжелое в истории этого мифотворчества то, что подобные мифы, противоречащие и знанию, и здравому смыслу, и очевидной реальности, никакому критическому анализу и пересмотру не подвергаются. Они так и остаются как бастион против рациональности.

Стоит вспомнить крупную мистификацию конца 1980-х годов — *сероводородный психоз*. Как известно, особенность Черного моря — наличие «сероводородного слоя». Его обнаружил в конце XIX века русский боцман, понюхав опущенный на глубину канат, от которого слегка пахло тухлыми яйцами. Уровень «сероводородного слоя» колеблется, иногда его граница поднимается до глубины всего в 50 м.

Вдруг газеты пустили слух: по какой-то причине сероводород собирается вырваться из вод Черного моря в атмосферу. «Рабочая трибуна» писала: «Достаточно небольшого землетрясения, чтобы сероводород вышел на поверхность Черного моря и загорелся — и его побережье превратится в пустыню».

Газета «Совершенно секретно» предсказывала страшную катастрофу: «Достаточно совпадения во времени и пространстве... резкого понижения атмосферного давления и вертикального течения. Вскипев, вода насытит воздух ядовитыми парами горючего газа. Куда будет дрейфовать смертоносное облако — одному Богу ведомо. Оно может вызвать жертвы на побережье, может за считанные секунды превратить пассажирский лайнер в «летучий голландец».

Эта же газета пугала мировое сообщество страшной картиной: по Черному морю дрейфует ракетный крейсер «Слава» с мертвой, отравленной сероводородом командой и стоящими на боевом дежурстве ракетами с ядерными боеголовками.

Наконец, сам М.С. Горбачев предупредил мир о грядущем из СССР апокалипсисе. Он заявил с трибуны международного Глобального форума по защите окружающей среды и развитию в целях выживания (каково название форума!): «Верхняя граница сероводородного слоя в Черном море за последние десятилетия поднялась с глубины 200 м до 75 м от поверхности. Еще немного, и через порог Босфора он пойдет в Мраморное, Эгейское и Средиземное море». Это заявление было опубликовано в «Правде».

Ученые — и океанологи, и химики — пытались объяснить политикам, что все это невежественный бред. Были опубликованы в научных журналах хорошо известные данные. Сероводородная аномалия Черно-

го моря изучается сто лет множеством ученых всего мира. Ряд авторитетных ученых, включая академиков (!) обратились в газеты — ни одна из них не взялась опубликовать успокаивающую информацию.

Прозорливо завершает группа океанологов (Т.А. Айзатулин, Д.Я. Фашук и А.В. Леонов) одну из последних посвященных этой проблеме статей в «Журнале Всесоюзного химического общества» (№ 4, 1990):

«Работая во взаимодействии с выдающимися зарубежными исследователями, восемь поколений отечественных ученых накопили огромные знания о сероводородной зоне Черного моря. И все эти знания, накопленные за столетие, оказались невостребованными, ненужными. В самое ответственное время они были подменены мифотворчеством.

Эта подмена — не просто очередное свидетельство кризиса в социальной сфере, к которой принадлежит наука. В силу ряда особенностей это, по нашему мнению, является ярким индикатором социальной катастрофы. Особенности заключаются в том, что на всех уровнях надежное количественное знание об очень конкретном, однозначно измеренном объекте, относительно которого в мировом научном сообществе нет разногласия по существу, подменено опасным по своим последствиям мифом. Это знание легко контролируется с помощью таких общедоступных измерительных средств, как канат и боцманский нос. Информацию о нем легко получить в течение десятка минут — часа обычными информационными каналами или телефонным звонком в любой институт океанологического профиля АН СССР, Гидрометеослужбы или Министерства рыбного хозяйства. И если в отношении такого, вполне определенного знания оказалась возможной подмена мифами, то мы должны ожидать ее обязательно в таких областях противоречивого и неоднозначного знания, как экономика и политика.

Множество кризисов, в которые погружается наше общество, представляет собой болото искусственного происхождения. Утонуть в нем можно только лежа. Дать топографию болота кризиса на нашем участке, показать наличие горизонта, подняв человека с брюха на ноги, — цель настоящего обзора»³.

Как известно, поднять советского человека «с брюха на ноги» в созданном искусственно болоте не удалось.

---

³ После того как цель сероводородного психоза (как части большой программы манипуляции) была достигнута, о сероводороде внезапно все забыли. Но 7 июля 1997 г. столь же внезапно, после многих лет полного молчания, по телевидению вновь прошла передача о сероводородной угрозе. Она оставила далеко позади прогнозы 1989 г. Был обещан взрыв всего сероводорода Черного моря такой мощности, что он, как детонатор, вызовет атомный взрыв урана, залежи которого есть на Кавказе! Таким образом, сероводород увязали с ядерным оружием — символом современной опасности.

Лекция 14

Россия как цивилизация. Часть первая

Мы говорим об обществоведении для России как *целого*. Будем рассматривать разные «срезы» (ипостаси) этого целого — страну, народ, государство...

Самой крупной целостностью будем считать *Россию как цивилизацию*. В большинстве случаев ее размеры будут совпадать у нас с размерами *страны*, но в ряде важных смыслов пространство цивилизации выходит за географические границы Российской Федерации. Пример — такая важнейшая система цивилизации как *русская культура*. Есть и понятие *русский мир* — «русские в рассеянии», все те, кто разбросан по свету, но считают себя во многих смыслах русскими.

Как и большинство понятий официального обществоведения, понятие цивилизации взято из словаря западной общественной мысли. В Новое время, по мере того, как складывались современная западная цивилизация и колониальные империи, в западной общественной мысли возникло различие двух образов жизни человека — *цивилизованного* и *дикого*. В XVIII веке и вошло в обиход (во французском языке) слово «цивилизация». Цивилизацией называли общество, основанное на разуме и справедливости.

С самого возникновения этого понятия еще в античности оно означало оппозицию «цивилизация — природа» и «цивилизация — дикость» (иногда выражаются мягче — *варварство*). В Новое время считалось, что в пределах западной культуры человек живет в *цивильном* (гражданском) обществе, а вне этих пределов — в состоянии «природы». Представление о гражданском (*цивильном*) обществе возникло в так называемой натуралистической школе политической мысли, которая противопоставляла «естественное» общество (*societas naturalis*) «цивилизованному» или гражданскому (*societas civilis*).

Словом «цивилизация» стали обозначать *стадию развития* общества, следующую за дикостью и варварством. Говорят «человеческая цивилизация», понимая ее как результат прогрессивного развития человечества в целом. В начале XIX века, в ходе становления мировой ко-

лониальной системы, возникла «этно-историческая концепция цивилизаций», согласно которой у каждого народа — своя цивилизация. Позже стало развиваться понятие *локальных* цивилизаций.

Но мы не будем углубляться в дискуссию о том, что такое цивилизация. Основные понятия уже вошли в обыденное сознание и трактуются примерно одинаково. Напомним лишь элементарные сведения и наметим те рамки, в которых будет вестись наш разговор. Под Россией как цивилизацией мы понимаем большую и устойчивую (долговременную) систему, собравшую на общей мировоззренческой и социальной матрице большое число культурных и этнических общностей вокруг общего (системообразующего) ядра — русского народа и русской культуры.

Подчеркнем очевидный, но забываемый факт: *цивилизация* — понятие, выработанное в определенных обстоятельствах с определенными целями. К началу XVIII века в Западной Европе сложилось общество, резко отличавшееся от обществ других культурных ареалов — с новой картиной мира и типом сознания, новым представлением о человеке, народах, государстве, собственности. Сложилась энергичная и экспансионистская социальная и культурная система, в которой возникло осознание себя как цивилизации, противостоящей варварству других стран и народов.

В Средние века эти представления выражались на языке религии, теперь для них были выработаны светские понятия — «культура и цивилизация», «нация и государство». Старое понятие «христианский мир», стало малоупотребительным и исчезло из международных договоров. Оно выполняло свои функции, пока свою политическую и культурную объединительную роль играла Священная Римская империя, скрепленная католичеством и латинским языком. После Реформации и религиозных войн понятие «христианский мир» в большой мере утратило свою эффективность. На смену ему почти повсеместно пришло понятие «Европа». Сложился *цивилизационный подход* к взгляду на историю.

Надо заметить, что с самого начала существовал и существует до настоящего времени методологический конфликт между двумя альтернативными представлениями об историческом процессе. Из противопоставления цивилизации и варварства сначала вывели идею о «столбовой дорожке цивилизации» — об истории как прохождении последовательных *стадий* развития. Эта идея легла в основу *евроцентризма* — метаидеологии Запада Нового времени. На этой основе был развит и *формационный* подход, воспринятый российским и советским обществоведением из марксизма. Он предполагал, что существует единый для всего человечества «правильный» путь развития. Впереди всех по этому пути идет Запад, а другие культуры или по каким-то причинам уклоняются от него (как, например, Россия из-за «советского эксперимента»), или отстают.

Представление о человечестве как системе разных культур и цивилизаций отвергало евроцентризм концепции единственного пути развития, исходило из идеи разнообразия форм жизнеустройства и динамики его изменений в разных культурах. О. Шпенглер писал, что идея единой для всего человечества модели развития отражает «необузданное никаким скепсисом тщеславие западноевропейского человека. Этому тщеславию и обязаны мы с давних пор вошедшим в привычку чудовищным оптическим обманом, силою которого история тысячелетий, скажем, китайская и индийская, сморщивается на расстоянии до эпизодических случаев, тогда как приближенные к нам десятилетия, начиная с Лютера и особенно с Наполеона, принимают призрачно-раздутый вид».

А. Тойнби в своем главном труде «Постижение истории» писал: «Тезис об унификации мира на базе западной экономической системы как закономерном итоге единого и непрерывного процесса развития человеческой истории приводит к грубейшим искажениям фактов и поразительному сужению исторического кругозора». Он писал о приверженцах евроцентризма, что они в своем анализе исторического процесса «самовольно назначают себя главными исполнителями реализующегося в мире providенциального плана или — в секулярную эпоху — Прогресса»¹.

Однако конфликт подходов не должен загораживать от нас того факта, что хотя понятие цивилизации сложилось на Западе, другие культуры, вступавшие в контакт с Западом, были вынуждены освоить этот понятийный язык. И самосознание народов, и стратегические решения государственной власти стали исходить из *цивилизационных* представлений о своей стране. Бесплезно сетовать на это и твердить, что *цивилизация* — понятие искусственное и туманное. Все понятия таковы, их принимают или не принимают исходя из целесообразности. Отбираются и укореняются понятия, сообразные многим целям.

Они должны быть полезны как познавательный инструмент, т. е. отражать достаточно определенно, но не окостенело, существенную сторону реальности. Они должны быть поняты и восприняты влиятельными частями общества и служить средством коммуникации, а также

---

¹ Он добавлял, подчеркивая присущий таким «носителям прогресса» социальный и национальный расизм: «В этих условиях “низшие классы”, “колониальные народы”, “туземцы” не шли в счет, хотя по трем последним рубрикам распределялся весь человеческий род, за исключением ничтожного меньшинства». (В подтверждение этой мысли приведем выписку из труда немецкого просветителя Г. Форстера «Руководящая нить будущей истории человечества»: «Чего же стоит изумительное, но безвкусное и неспособное ни на какое движение вперед прилежание азиатских народов при их бессердечной и безнравственной религии, устремленной в мрачную мечтательность, при каменной неподвижности их обычаев и нравов, при их уме, детском и неуклюжем?»).

средством политики и господства. Всеми этими качествами обладало в течение некоторых исторических периодов понятие цивилизации, уходя в тень в другие исторические периоды и меняя свое наполнение соответственно условиям и требованиям времени.

Сложилось так, что игнорировать это понятие, как и другие «навязанные» Западом понятия (например, *нация*), другим странам, вовлеченным в мировую политику, было невыгодно. Таково было и есть положение России. Разумно не убежать от наступления чужих понятий, а понимать их смысл и значение, стараясь влиять на этот смысл, уточняя его в своих национальных интересах. Интерпретация понятий — важный тип власти и влияния.

В настоящий исторический период понятие цивилизации *работает*. Производные от него понятия (как, например, *конфликт цивилизаций* или *диалог цивилизаций*) воспринимаются легко и достаточно определенно — и в то же время обладают достаточной гибкостью, чтобы быть содержательными в разных контекстах. Это видно из того, что в понятиях цивилизационного подхода мыслили и мыслят философы и политики, исповедующие абстрактные *формационные* подходы (включая самого Маркса).

Современная государственная власть вырабатывает доктрину своей политики и принимает стратегические решения, исходя из *цивилизационных* представлений о своей стране. В XX веке было уже невозможно представить себе рациональные действия власти большой страны без того, чтобы определить ее цивилизационную принадлежность и траекторию развития. В переломные моменты именно здесь возникают главные противоречия и конфликты, доходящие до гражданских войн. В таких цивилизационных кризисах активную роль всегда играет государство, переживая при этом внутренние расколы и конфликты.

В России начала XX века западники и славянофилы, монархисты и либералы, большевики и меньшевики, эсеры и анархисты мыслили о стране и ее будущем в понятиях цивилизации. Их программы, направленные, казалось, на разрешение чисто социальных и политических противоречий, на деле представляли собой разные *цивилизационные проекты*. Результатом их сопоставлений, столкновений и синтеза стал *советский проект*. Не употребляя понятийный аппарат цивилизационного подхода (хотя бы неявно), мы упускаем многие стороны реальности и «не знаем общества, в котором живем».

Весь XIX век, а потом и в XX веке в России (СССР) споры шли в основном о проекте *модернизации*, т. е. о развитии во взаимодействии с Западом; но уже у большевиков в картине мироустройства на арену выходят цивилизации Востока. Цивилизационное строительство СССР шло под влиянием концепции *евразийства* — учения, в котором был

систематизирован и «онаучен» длительный опыт формирования и развития Российской империи как *евразийской цивилизации*.

Эти понятия были для нас столь актуальны, что сам цивилизационный подход начал интенсивно разрабатываться именно в России. В нашем курсе мы будем исходить из того, что Россия — одна из больших локальных цивилизаций со всеми необходимыми атрибутами. Она, однако, переживает длительный цивилизационный (системный) кризис. Здесь мы не будем вдаваться в обсуждение понятий цивилизационного подхода.

Для нас важно, что эта система может быть ослаблена, взломана или даже полностью разрушена, что приводит к социальным и культурным бедствиям или кризисам разной тяжести все составляющие цивилизацию народы.

Часть российской интеллигенции, следуя установкам исторического материализма и формационного подхода к истории, отвергает идею, что Россия является самобытной цивилизацией. В дискуссиях с ними часто можно говорить о России как *стране*, не вступая в бесплодный спор, — конкретно для России (особенно в форме Российской империи и СССР) понятие страны и цивилизации по большей части перекрываются. Этого, например, нельзя сказать о Западе, который долгое время был цивилизацией, разделенной на ряд национальных государств, которые даже вели между собой войны.

Учтем также, что цивилизации, будучи большими системами, могут или развиваться, или деградировать. Застой не может быть длительным стационарным состоянием цивилизации. Признаки деградации некоторых структур цивилизации появляются раньше, чем у систем более низкого уровня сложности (например, стран). Так, уже в 70-е годы XX века проявились системные признаки кризиса *индустриализма* как «матрицы» жизнеустройства промышленно развитых стран. Тогда и возникла концепция «третьей волны» цивилизации, постиндустриализма и постмодернизма. Какого-то глубокого кризиса отдельных систем конкретных стран и государств (например, политических и экономических) еще не чувствовалось.

Точно так же, в 1970–1980-е годы и экономика, и военная мощь СССР были на подъеме, но мировоззренческая основа всего советского цивилизационного проекта явно входила в кризис. Его природу было трудно описать в терминах формационного подхода, и приходилось давать ему неадекватные объяснения вроде «крах экономики» или «отсутствие многопартийности».

Угрозы цивилизации выглядят как факторы снижения ее «жизнеспособности». Понятие «жизнеспособность» в отношении цивилизации как продукта культуры (т. е. творчества больших социально и этниче-

ски организованных масс) есть *метафора*. Она предполагает состояние *нежизнеспособности*, которое ведет к *смерти* цивилизации. В реальной истории речь идет не о гибели цивилизаций, а об их глубокой *перестройке* (смене формата). С этой оговоркой и будем применять слово «жизнеспособность».

В обыденное сознание вошел образ *гибели цивилизации*. Так обозначают некоторые исторические события: гибель Древнего Египта или Рима, гибель цивилизаций майя и ацтеков уже на заре Нового времени. Иногда предсказывают и гибель России как цивилизации.

Это надо понимать как художественные образы. В жестких, строгих понятиях эту гибель представить трудно. Ее мы воспринимаем лишь много веков спустя, оглядывая историю в «длинном времени». На деле всегда происходит постепенное смешение культур и населения, которое современниками не воспринимается как гибель цивилизации (точнее, гибель воспринимается как метафора). Древний Рим «погибал» четыре века, а затем переформатировался в Священную Римскую империю с латынью как общим языком церкви, культуры и образования, с философией Аристотеля, римским правом и множеством других унаследованных от Рима ценностей. Византия тоже «погибала» в течение трех веков, а цивилизация ацтеков и до сих пор активно «участвует» в жизни Мексики — достаточно посмотреть настенную живопись Мехико или почитать литературу.

Даже самое страшное нашествие или ядерная война не могут «уничтожить» Россию или ее народ. Но они могут настолько изменить материальные и культурные условия бытия народа России, что произойдет разрыв непрерывности в развитии сложившегося в России жизнеустройства. Это значит, что в короткое по *историческим меркам* время Россия будет так «переформатирована», что наши предки, «взглянув с небес», ее не узнали бы — даже если бы названия городов и имена людей остались прежними. Гибель России — это «стирание» ее центральной мировоззренческой матрицы и ценностной шкалы. Такая катастрофа очень маловероятна, но одновременная деградация многих системообразующих для России структур делает ее в принципе возможной.

Каков эффект буквального понимания метафоры «гибель России»? Он выражается в том, что все двадцать лет тяжелого кризиса внимание общества направлено на конъюнктурные, злободневные проблемы и отвлечено от фундаментальных угроз. Все мы увлечены необходимостью *спасти Россию* от немедленной гибели, и нет времени задуматься о массивных медленных процессах, которые подтачивают ее основания. Срочные решения и действия нужны, но надо взглянуть в ход событий в более продолжительной перспективе, думать о подготовке оборонительных рубежей против угроз, которые еще не подошли вплотную.

Именно в контексте *угроз для России* понятие цивилизации очень актуально. Мир вступает в длительный период «переформатирования» индустриального общества в «постиндустриальное». В этот переходный период возрастает значение *информационно-психологических* войн. В таких войнах одной из главных целей является убедить население противника и мировое общественное мнение в том, что другая воюющая сторона *не является цивилизацией*. Вероятно, в дальнейшем опасность таких атак снизится — если будет размываться и ослабевать понятие цивилизации, но в обозримом будущем эта угроза активна.

По отношению к державе трудно добиться лишения ее статуса цивилизации, и подобные атаки носят чисто агитационный характер. Обычно противник ограничивается тем, что изготавливает и запускает в общественное сознание наукообразную «теорию», согласно которой враждебная держава или является цивилизацией с дефектной мировоззренческой матрицей (типа «ацтеки практиковали человеческие жертвоприношения» или «в глубине души каждого русского пульсирует ментальность раба»), или является всего лишь частью (версией) другой цивилизации, но частью вырожденной, отставшей.

Если это достигается, противник теряет очень большую часть своих *символических ресурсов*. В обычном праве, а сейчас все больше и в формальном международном праве, страна, лишенная статуса цивилизации, практически перестает быть субъектом права. На деле до сих пор действует разработанная еще Локком презумпция естественного права *цивилизованного* государства («гражданского общества») вести войну с *варварской* страной (против тех, кто «не обладает разумом»), захватывать ее территорию, экспроприировать достояние (в уплату за военные расходы) и обращать в рабство ее жителей². Так были легитимированы рабовладение и работорговля в XVI–XIX веках.

Во время колониальных захватов требовалось создание идеологии, выводящей туземных *иных* за рамки принятых в западном обществе представлений о человеке и его правах — для очистки земли от туземцев, работорговли и жестокой эксплуатации. Одновременно, *свои* появлялись круговой порукой солидарности цивилизованного человека. Идеологи хватались за любую теорию, которая могла «рационально» подтвердить представления о «варварах» как *не вполне людях*. Великий французский просветитель Монтескье, вкладывая свои деньги в прибыльную работорговлю, убедительно обосновывал рабство: «Сахар был бы слишком дорог, если бы не использовался труд рабов. Эти рабы — черные с головы до ног, и у них такой приплюснутый нос, что почти

² Эти рассуждения вызвали полемику в последние годы потому, что ими буквально оправдывалась война против Ирака.

невозможно испытывать к ним жалость. Немыслимо, чтобы Бог, существо исключительно умное, вложил бы душу, тем более добрую душу, в совершенно черное тело».

В настоящее время крайней степенью лишения страны статуса цивилизованной является ее квалификация как «страны-изгоя» или, как в случае СССР, «империи зла». Такие кампании достигают успеха в том случае, когда в стране возникает влиятельная общественная группа, воюющая на стороне противника, а в редких удачных случаях, когда такая сила возникает в лоне власти.

Как с этим обстоит дело в постсоветской России?

Цивилизационная идентичность. Проблема цивилизационной идентичности стала для нас чрезвычайно актуальной в последние двадцать лет. Ядром этой проблемы пока что является тема «Россия и Запад». Она была важна для наших предков с момента становления Руси и принятия христианства в X веке, но сейчас она стала остро необходимой нам для осознания того, что с нами происходит, перед какими историческими выборами и вызовами мы оказались и каковы варианты нашего возможного будущего как страны и народа. Эта тема непосредственно вошла в судьбу каждого человека в России и на всем «постсоветском» пространстве.

Причиной этого стали два катастрофических события.

Во-первых, СССР, в формах которого была воплощена Россия на протяжении почти всего XX века, потерпел поражение в холодной войне с Западом. Это во многом предопределило дальнейший ход событий в России. В таком положении для народа любой страны совершенно необходимо понять себя и победителя в их соотношении, в их взаимном отражении «в другом, как в зеркале». Запад, победивший Россию в большой цивилизационной войне, «проник» в нее, овладел ее важнейшими невралгическими центрами и, конечно, оказывает непосредственное влияние на нашу судьбу. И долго еще будет оказывать. Нам надо знать и, по возможности, понимать (и даже чувствовать) Запад, это — условие нашего выживания.

Во-вторых, в конце 80-х годов в России началась реформа, которая ставила целью «возвращение в наш общий европейский дом», т. е. переделку жизнеустройства России по западным образцам. Практически эта реформа представляет собой попытку устроить на российской земле «нечто похожее на Запад», пусть и похуже. Это большая программа имитации западных общественных институтов, типа хозяйства и социальных отношений.

В наших интересах — понять, что собираются устроить на российской земле, куда мы должны «вернуться», по каким шаблонам будут переделывать наш культурный тип. Первые двадцать лет этой реформы

были периодом «бури и натиска», нам было не до того, чтобы вглядываться в себя и изучать Запад — едва успевали уворачиваться. Теперь хаос разрушения несколько упорядочился, и вихри, которые веют над нами, слегка поутихли. А может, мы просто к ним приноровились. Надо оформить наше знание о России и Западе в свете полученных уроков.

На Западе также осознается необходимость этого знания. В 1999 году вышла книга крупного американского историка М. Малиа «Россия глазами Запада» — итог всей его жизни. В рецензии на эту книгу ведущий французский историк России А. Безансон пишет: «Главная цель книги — критический обзор концепций, оценок, интерпретаций, к которым начиная с XVIII столетия прибегали мыслители европейского Запада, рассуждая о России. Таким образом, Россия рассматривается здесь извне, с западной точки зрения. Однако поскольку все эти различные оценки неразрывно связаны с историей того самого Запада, которому они принадлежат, книга Малиа оказывается, в конечном счете, историей не только России, но и всего западного мира».

Цивилизация — категория *сопоставительная*. Мы понимаем ее как систему *отличий* нашей цивилизации от иных цивилизаций, а *схожие* черты (которые, разумеется, составляют большинство черт образа всех культур и народов) воспринимаются как *фон*, о них практически не говорят. Сравнение «Россия — Запад» или «Франция — Англия» в цивилизационном плане ведется как *оппозиция* образов (этот подход и называется *оппозиционизм*), а часто представляется как «конфликт».

В трудах Н.Я. Данилевского были предложены признаки и критерии для выделения и различения «локальных» цивилизаций, введены представления о *культурно-историческом типе* как носителе главных черт той или иной цивилизации. Эти идеи затем, в XX веке, развивались в трудах Шпенглера, Тойнби и Сорокина.

Как же нам взглянуть на систему культур и цивилизаций беспристрастно, «оторвавшись» от тяготения — евроцентристского интеллектуального аппарата? Как увидеть «сверху» Россию и Запад на цивилизационной карте мира как существенно различные целостности (при наличии многих сходных черт)? Проще всего — через сравнение их структур, выявляя принципиальную несхожесть их главных элементов и связей. Тут многое сделано самими западными мыслителями и учеными, в том числе и теми, которые в своих *оценках* оставались на позициях евроцентризма. Для нас здесь не важно, «уважают ли они Россию» или нет. Как они видят ее отличие от Запада — это главное.

Трудов по *систематическому* сравнительному анализу России и Запада пока нет. Но отдельных «мазков» этой картины в литературе можно собрать много. Вот, например, А. Безансон пишет: «Европа как целое — постепенно вызревший плод уникального исторического опыта.

Но можно ли в таком случае сказать, что Россия — часть Европы? Пройдемся по списку главных признаков “европейскости”: средневековая церковь и империя? нет, ничего подобного Россия не знала. Феодализм и рыцарство? нет. Возрождение и Реформация? нет. Таким образом, нет никаких оснований считать Россию частью Европы».

Кажется, это убогий перечень элементов для сравнения. Но важна суть подхода. Прочитав этот перечень, человек задумается. Разве в России не было «средневековой церкви и империи»? Да, в западном понимании не было, потому что и Церковь, и империя России были настолько *иными*, чем на Западе, что вся конструкция оказывалась иной. Мы вспомним, какую роль сыграли в судьбе Европы религиозные ордены — тамплиеры и госпитальеры, францисканцы и иезуиты. Они создавали финансовую систему Запада, всепроникающую инквизицию, всемирную тайную политическую сеть и систему образования элиты.

Не было этого в России, как не было и многолетних внутриимперских войн европейского типа. Столетняя война, Тридцатилетняя война, война Алой и Белой розы — можно себе представить такое в России? Не было походов Карла Великого, превративших Европу в «кладбище народов», не было и Крестовых походов.

Не было в России феодализма и рыцарства, а быстро установилось *самодержавие*. В России было немыслимо, чтобы какой-то рыцарский орден, вроде Ливонского, владел, скажем, половиной Сибири как независимым государством³. Поэтому России и не требовалось «Возрождения» от темного Средневековья, не надо было искать образцов в греческой античности. И такого «национального несчастья», как Реформация, у нас не случилось — православие не породило в России религиозных войн, уносящих до двух третей населения. В этом смысле наш раскол не идет ни в какое сравнение с Реформацией. Не было и костров, на которых в Европе сожгли около миллиона «ведьм».

Не было варфоломеевских ночей, не было алхимии и масонства (если не считать мимолетных увлечений западной элиты). Не было «ого-

---

³ Замечу, что в этом плане мы историю России не изучали и потеряли очень много. Как-то по телевидению показали праздник в одной из школ, посвященный Александру Невскому. Спрашивают подростка: какова цель созданного у вас общества Александра Невского? Тот отвечает: обучаться рыцарской этике и рыцарской чести. Александр Невский всю жизнь положил на борьбу с рыцарством — и вот что говорит его русский потомок. Отсутствие рыцарства как раз и было одним из важных отличий России от Запада. Рыцарство — это закрытые военно-религиозные ордена, где господствовало тоталитарное мышление и рождались антихристианские ереси. Основанием рыцарской этики было «неутоленное вожделение» — мистическая любовь к воображаемой идеальной Даме и непрерывное испытание достоинств рыцаря. Абсолютная дисциплина орденов сделала рыцарей важной ударной силой Запада. Этот образ мысли и дела, эта этика были чужды православию.

раживаний», превративших большинство населения в пролетариев и бродяг. Не было очистки целых континентов от местного населения. Не было работорговли, которая опустошила западную Африку. Не было опиумных войн, поставивших на грань вымирания Китай. Не было русского Наполеона, не было и русского фашизма — колоссального по мощи «припадка» Запада.

А ведь все это — конституирующие элементы становления современного Запада. Много чего *не было* в России, и совокупность всего этого настолько весома, что нежелание видеть принципиальных отличий от Запада трудно принять за искреннюю близорукость. Системное описание того, *чего не было*, еще предстоит, и это большая и важная работа. Здесь мы будем говорить о тех необходимых элементах, которые *есть* и на Западе, и в России, но устроены существенно по-разному.

Картина мира. В той мировоззренческой матрице, на которой собираются цивилизации, центральное место занимает «картина мира». Человек видит мир не как хаотический поток образов, этот поток упорядочен как система понятий и символов. Ту информацию, которая не предусмотрена этой системой, она не пропускает. Картина мира — это фильтр, который отбрасывает незначительное и выделяет важное.

Фундаментальные различия цивилизаций проявляются уже в том, как человек воспринимает *пространство* и *время*. Их восприятие относится не только к рациональной сфере, с ними тесно связано *мироощущение*. В западном обществе мир рационален — он *десакрализован*, лишен святости. Шопенгауэр сравнивал человечество с налетом плесени на одной из планет одного из бесчисленных миров Вселенной.

Эту мысль продолжил Ницше: «В каком-то заброшенном уголке Вселенной, изливающей сияние бесчисленных солнечных систем, существовало однажды небесное тело, на котором разумное животное изобрело познание. Это была самая напыщенная и самая лживая минута “всемирной истории” — но только минута. Через несколько мгновений природа заморозила это небесное тело и разумные животные должны были погибнуть».

Механистическая картина мира дала новое представление о *пространстве*, новое понимание бесконечности. Снятие пространственных ограничений изменило мироощущение людей, породило убежденность в возможности неограниченной экспансии, столь важную для идеологии индустриализма. Человек был выведен за пределы этого мира и противопоставлен ему как исследователь и покоритель. По словам Н.А. Бердяева, «замкнутое небо мира средневекового и мира античного разомкнулось, и открылась бесконечность миров, в которой потерялся человек с его притязаниями быть центром вселенной».

В России видят мир как Космос, упорядоченное целое, с каждой частицей которого человек связан мириадами невидимых нитей, струн. Он не изолирован и не противопоставлен миру, а *отвечает* за него. Русский поэт-философ Державин так определил место человека в Космосе:

Частица целой я вселенной;
Поставлен, мнится мне, в почтенной
Средине естества...
Я связь миров повсюду сущих;
Я крайня степень вещества;
Я средоточие живущих;
Черта начальна божества;
Я телом в прахе истлеваю
Умом громам повелеваю.

Это мироощущение устойчиво. У Вл. Соловьева человек — божий посредник между царством небесным и земным, между духовной и природной средой. П. Флоренский выразился так: «Человек есть сумма мира, сокращенный конспект его; Мир есть раскрытие Человека, проекция его». К.Э. Циолковский говорил, что Земля — колыбель человека, Космос — его дом. Здесь живо космическое чувство и ощущение святости мира, наличие в нем *смысла*. В России не атрофировался *естественный религиозный орган*, и мир не предстает как *профанная* действительность.

Это в равной степени справедливо по отношению к культуре и старой России, и советской, что признают и западные наблюдатели. Немецкий историк В. Шубарт в книге «Европа и душа Востока» (1938) писал: «Дефицит религиозности даже в религиозных системах — признак современной Европы. Религиозность в материалистической системе — признак советской России».

Немецкий богослов Р. Гвардини отмечает угасание *религиозной восприимчивости* в западном обществе. Он поясняет: «Под нею мы разумеем не веру в христианское Откровение или решимость вестисообразную ему жизнь, а непосредственный контакт с религиозным содержанием вещей, когда человека подхватывает тайное мировое течение, — способность, существовавшая во все времена и у всех народов. Но это означает, что человек нового времени не просто утрачивает веру в христианское Откровение; у него начинает атрофироваться *естественный религиозный орган*, и мир предстает ему как *профанная* действительность».

Разумеется, освоение в России навыков рационального научного мышления, массовое образование, модернизация хозяйства и быта вели к ослаблению традиционной религиозности и усилению скептицизма.

Но не было культурных и политических усилий, направленных на искоренение «естественного религиозного органа»⁴.

Антропологическая модель. Главное различие между Западом и Россией как цивилизациями заключается в *представлении о человеке* (ответе на вопрос «*Что есть человек?*»).

Разумеется, модель всегда отличается от своего воплощения в реальной общественной практике — то в одну, то в другую сторону. Она задает принципиальные границы для форм бытия в той или иной цивилизации, определяет вектор устремлений к тому или иному образу благой жизни. А в конкретной исторической ситуации государство и общество постоянно вводят корректирующие поправки.

Западное общество создало свою антропологическую модель, которая включает в себя несколько мифов. Вначале, в эпоху Научной революции и триумфа ньютоновской картины мира, эта модель базировалась на метафоре механического *атома*. Так возникла концепция *индивида*, развитая философами и учеными⁵. Затем был длительный период *биологизации* (социал-дарвинизма, затем генетики), когда люди представлялись животными, борющимися за существование, причем механизмом естественного отбора была *конкуренция*.

В кальвинизме, который дал религиозное оправдание рыночной экономике, люди изначально разделены на *избранных* и *отверженных*. Людей соединяет не любовь и сострадание, а ненависть и стыд. Вебер поясняет, что дарованная избранным милость требовала от них «не снисходительности к грешнику и готовности помочь ближнему...», а ненависти и презрения к нему как к врагу Господню».

У Гоббса «равными являются те, кто в состоянии нанести друг другу одинаковый ущерб во взаимной борьбе». Равенство людей-«атомов» предполагает здесь как идеал не любовь и солидарность, а непрерывную войну: «хотя блага этой жизни могут быть увеличены благодаря взаимной помощи, они достигаются гораздо успешнее подавляя других, чем объединяясь с ними».

В России четкой модели выработано не было, а складывалось принимающее разные формы представление о человеке как *соборной личности*. В русском мироощущении этому представлению соответствовала идея всеединства, выраженная в концепции *мира* — как Космоса, так и общины.

Согласно мироощущению русских, людей связывают любовь к ближнему, *добрые дела*, которые мы делаем другим и можем надеяться, что

⁴ Восприятие пространства и времени обсудим подробнее при сравнении западного и российского общества.

⁵ *Ин-дивид* — это перевод на латынь греческого слова *а-том*, что по-русски означает *неделимый*.

кто-то сделает доброе дело и для нас. Достоевский писал: «Наша нищая неурыдная земля, кроме высшего слоя своего, вся сплошь как один человек. Все восемьдесят миллионов ее населения представляют собою такое духовное единение, какого, конечно, в Европе нет нигде и не может быть...». Здесь дана восторженная оценка русскому типу человеческих отношений. Но для нас важнее не оценка, а фиксация различия представлений об идеальных отношениях людей.

В России разрыва общинных связей и стоящих за ними связей религиозного братства не произошло, несмотря на воздействие капитализма. Российская социальная философия (как православная, так и либеральная, а позже — советская) считала концепцию индивида некорректной, поскольку общество и личность связаны нераздельно и *создают друга друга*. Человек как *соборная личность* есть средоточие множества человеческих связей. Здесь человек всегда включен в солидарные группы (семьи, деревенской и церковной общины, трудового коллектива и пр.).

Некоторые либеральные философы в нынешней России утверждают, что в ходе модернизации Россия изжила общинную культуру и сегодня россияне — более индивидуалисты, чем на Западе. Это — идеологическая установка, которая не подтверждается социологическими исследованиями. Напротив, российское общество смогло пережить социальное бедствие 90-х годов только благодаря низовым («молекулярным») сетям взаимопомощи именно общинного типа.

А.С. Панарин пишет: «[Русский народ] оказывается хранителем *общинного* сознания в эпоху, когда общинность репрессирована политически, экономически и идеологически. В этом смысле народ оказался великим *подпольщиком* современного гражданского общества. ... Современный “цивилизованный Запад” после своей победы над коммунизмом открыл “русское народное подполье”, стоящее за коммунизмом и втайне питавшее его потенциалом скрытой общинности... В тайных нишах народной общинности находил укрытие жизненный мир с его до сих пор скрытыми законами, может быть, в принципе не переводимыми на язык прогрессизма».

Для западной культуры характерна *биологизация* общества (социал-дарвинизм) Обоснование конкуренции «природой человека» развивалось множеством философов. Ф. Ницше писал: «Сама жизнь по существу своему есть присваивание, нанесение вреда, преодоление чуждого и более слабого, угнетение, суровость, насильственное навязывание собственных форм, аннексия и по меньшей мере, по мягкой мере, эксплуатация».

Напротив, русская культура социал-дарвинизм отвергла. В.В. Розанов заметил: «Ницше почтили потому, что он был немец, и притом — страдающий (болезнь). Но если бы *русский* и *от себя* заговорил бы

в духе: “Падающего *еще толкни*”, — его бы назвали мерзавцем и вовсе не стали бы читать».

Н. Бердяев писал в 1946 году о народнике Н. Михайловском: «Он обнаружил очень большую пронизательность, когда обличал реакционный характер натурализма в социологии и восставал против применения дарвиновской идеи борьбы за существование к жизни общества. Немецкий расизм есть натурализм в социологии. Михайловский защищал русскую идею, обличая ложь этого натурализма... Есть два понимания общества: или общество понимается как природа, или общество понимается как дух. Если общество есть природа, то оправдывается насилие сильного над слабым, подбор сильных и приспособленных, воля к могуществу, господство человека над человеком, рабство и неравенство, человек человеку волк. Если общество есть дух, то утверждается высшая ценность человека, права человека, свобода, равенство и братство... Это есть различие между русской и немецкой идеей, между Достоевским и Гегелем, между Л. Толстым и Ницше».

Таким образом, на всех уровнях сознания господствующие в России представления о человеке принципиально отличались от тех, которые сложились в гражданском обществе Запада.

Хозяйство. Одной из составляющих жизнеустройства, которая определяет характер цивилизации, является *хозяйство*. Смена типа народного хозяйства ведет к изменениям во *всех* составляющих цивилизации как системы, это пересборка всех ее элементов и связей.

Уже Аристотель сформулировал основные понятия, на которых базируется видение хозяйства. Одно из них — *экономия* (натуральное хозяйство), что означает «ведение *дома*», материальное обеспечение экоса (дома) или полиса (города). Эта деятельность не обязательно сопряжена с движением денег, ценами рынка и т. д. Другой способ производства и коммерческой деятельности он назвал *хрематистика* (рыночная экономика). Это изначально два совершенно разных типа деятельности. Экономия — это производство и коммерция в целях удовлетворения потребностей. А хрематистика — это такой вид производственной и коммерческой деятельности, который нацелен на накопление богатства вне зависимости от его использования, т. е. накопление, превращенное в высшую цель деятельности. Каждой цивилизации присущи разные конфигурации соотношений и типов взаимодействия между этими двумя «чистыми» типами хозяйства.

Господство рыночной экономики в современном обществе Запада было связано с возникновением совершенно нового отношения к собственности, деньгам, труду и превращению вещи в товар. Содержание всех этих понятий настолько различается в разных культурах, что нередко их представители, даже из числа специалистов, просто не пони-

мают друг друга, хотя формально говорят об одном и том же. То изумление, с которым сегодня Запад смотрит на все происходящее в России, во многом связано с тем, что одним и тем же словом у нас и на Западе обозначаются совершенно разные явления.

Рыночная экономика возникла, когда в товар превратились вещи, которые для традиционного мышления не могли быть товаром: *деньги*, *земля* и *свободный человек* (рабочая сила). Это — глубокий переворот в типе рациональности, в мышлении и даже религии, а отнюдь не только экономике.

Силой, которая скрепляет Запад через хозяйство, является обмен, контракт *купли-продажи*, свободный от этических ценностей и выражаемый количественной мерой *цены*. Общей, всеобъемлющей метафорой общественной жизни становится *рынок*.

Совместная хозяйственная деятельность и общежитие людей могут быть организованы и без *купли-продажи* — она вообще возникла относительно недавно. Существуют разные способы предоставления друг другу и материальных ценностей, и труда (дарение, услуга, предоставление в пользование, совместная работа, прямой продуктообмен и т. д.). Существуют и типы хозяйства, причем весьма сложно организованного, при которых ценности и усилия складываются, а не обмениваются — так, что все участники пользуются созданным сообща целым.

К такому типу относится *семейное* хозяйство, экономически исключительно эффективное (при достижении определенного класса целей). Замена его рыночными отношениями невозможна, т. к. оказывается, что ни у одного члена семьи не хватило бы денег расплатиться по рыночным ценам с другими членами семьи за их вклад.

В России акты обмена по большей части не приобретали характера свободной и эквивалентной *купли-продажи* — рынок регулировал лишь небольшую часть общественных отношений. Был велик вес отношений типа служения, выполнения долга, любви, заботы и принуждения. Общей, всеобъемлющей метафорой общественной жизни становится в таком обществе *семья*.

К этому же типу хозяйства относилось и советское плановое хозяйство. Именно *сложение* ресурсов (посредством плана) без их *купли-продажи* позволило СССР после колоссальных разрушений 1941–1945 годов очень быстро восстановить хозяйство. В 1948 году СССР превзошел довоенный уровень промышленного производства, в 1955 году объем промышленного производства превзошел уровень 1945 года почти в 6 раз, а сельского хозяйства — почти в 3 раза. Можно ли такое представить себе в нынешней рыночной системе Российской Федерации?

Перед кризисом конца 2008 года промышленность только-только выходила на уровень 1990 года, а сельское хозяйство в обозримом будущем

вряд ли этого уровня достигнет. А реформа длится уже 20 лет. Эту разницу надо объяснить. Ведь дело не в мелочах — причины фундаментальны, и речь идет об историческом вызове, от которого не уклониться.

Надо коротко отметить и еще одно принципиальное цивилизационное отличие хозяйства России (и царской, и советской, и нынешней) от западного капитализма. Оно состоит в длительном изъятии Западом огромных ресурсов из колоний, которое было совершенно необходимым условием для возникновения и развития современного Запада. Самый дотошный историк нашего века Ф. Бродель, изучавший потоки ресурсов на Западе, писал: «Капитализм является порождением неравенства в мире; для развития ему необходимо содействие международной экономики... Он во все не смог бы развиваться без услужливой помощи чужого труда».

По данным Броделя, в середине XVIII века Англия только из Индии извлекала ежегодно доход в 2 млн ф. ст., в то время как все инвестиции в Англии оценивались в 6 млн ф. ст. Таким образом, если учесть доход всех обширных колоний Англии, то выйдет, что за их счет делались и практически все инвестиции, и поддерживался уровень жизни англичан, включая образование, культуру, науку, спорт и т. д.

Вдумаемся: *«Капитализм вовсе не мог бы развиваться без услужливой помощи чужого труда»*. В контексте Ф. Броделя слово «развиваться» равноценно понятию «существовать». То есть «услужливая помощь чужого труда» есть условие выживания капитализма. Перед нами столь же очевидный факт: *«Хозяйство Российской империи и Советского Союза могло развиваться без услужливой помощи чужого труда»*. Согласно абсолютному критерию — *выживаемости* — из этого следует вывод: в условиях, когда страна не получает услужливой помощи чужого труда, цивилизационный тип хозяйства России эффективнее капиталистической экономики.

Все мы знаем, что ни СССР, ни нынешняя Россия источников чужого труда не имели, не имеют и, скорее всего, не будут иметь. Место занято! Признание или непризнание цивилизационных особенностей хозяйства России относительно рыночной экономики Запада периодически становится в России предметом острых дебатов. Давление евроцентризма на образованный слой России не раз приводило к тому, что и правящая верхушка, и оппозиционная ей интеллигенция отказывали отечественному хозяйству в самобытности и шли по пути имитации западных структур. Это, как правило, приводило к огромным издержкам или к провалу реформ, к острым идейным и социальным конфликтам.

Общежитие народов. Одной из важных особенностей России как цивилизации является созданный в ней за несколько веков способ совместной жизни множества народов — в одном государстве и на огромной территории.

Россия изначально сложилась как страна многих народов («многонациональная» страна). Ядром, вокруг которого собрались народы России, был русский народ, который и сам в процессе своего становления вобрал в себя множество племен. Их «сплавили» — православие, общая историческая судьба с ее угрозами и войнами, русское государство, язык и культура.

Становлению России как цивилизации в суровых континентальных условиях как раз способствовало сочетание природных и культурных условий многих земель и народов. Оно позволило возникнуть симбиозу укладов (охоты, земледелия и кочевого скотоводства) с интенсивным обменом продуктами, технологиями и культурными достижениями.

Российская империя как государственно-национальная система строилась на иных основаниях, чем большие государства Запада. Каждая большая страна уникальна и неповторима. Одно из творческих открытий России — особый тип общежития народов. В Евразии нашли способ создать на огромном пространстве империю *неколониального* типа. Включая в себя новые народы и их земли, эта империя не превращала их в подданных второго сорта, эксплуатируемых имперской нацией. Устой жизни на вошедших в Россию территориях резко не менялись, они управлялись с помощью местной знати. Правящая элита Российской империи с самого начала складывалась как многонациональная. По переписи 1897 года, только 53% потомственных дворян назвали родным языком русский.

Царское правительство принципиально отказалось от политики планомерной ассимиляции нерусских народов с ликвидацией этнического разнообразия (как это произошло со славянскими племенами в Германии к востоку от Эльбы). Здесь не было этнических чисток (и, тем более, геноцида народов), подобных тем, что проводили англо-саксонские колонисты, очищая для себя Северную Америку. Здесь не создавался «этнический тигель», сплавлявший многонациональные потоки иммигрантов в новую нацию (как в США или Бразилии). Здесь не было и апартеида в самых разных его формах, закрепляющего части общества в разных цивилизационных нишах (мы часто слышали об апартеиде ЮАР, но иммигрантские гетто во Франции — тоже вариант апартеида).

В России не было самого понятия *метрополии*, не было юридически господствующей нации. Окраины империи обладали большими льготами, управление и суды приравнивались к «вековым народным обычаям». Жесткого воздействия на этногенез народов России государство не оказывало.

В результате, в Российской империи возникла очень сложная государственная система с множеством укладов, норм и традиций. В жизни подавляющего большинства населения господствовал общинный

уклад, а по своим принципам жизнеустройства российское общество было *традиционным*, а не гражданским.

Высокая степень равноправия подданных разной национальности, отказ от политики ассимиляции и веротерпимость государства способствовали укреплению и расширению межэтнических связей народов России. У этих народов имелся общий *значимый иной* — русские. Они состояли с нерусскими народами в интенсивных и разнообразных контактах, шло распространение русского языка и русской культуры, что усиливало связи других народов не только с русским ядром, но и между собой. Эти связи уже имели длинную историю и вошли в этнические предания. Не будет преувеличением сказать, что для большинства полиэтнического населения Российской империи совместная жизнь в одном государстве с русскими ощущалась как историческая судьба.

Как же можно определить тип межэтнического общежития, который сложился в России? По всем признакам, в ней складывалась большая *полиэтническая нация*, но нация своеобразная, не соответствующая тем образцам и понятиям, которые были выработаны на Западе. Национально-государственная конструкция, созданная в России, обладала исключительной гибкостью и ценными качествами, которые не раз спасали страну. Но в то же время в ней имелись источники напряжения и хрупкости, был велик потенциал способной к мобилизации этничности (нациестроительство в Европе предполагало ослабление или удушение этничности, часто крайне жестокими методами).

После краха монархии в среде этнических элит стало преобладать стремление к «огосударствлению наций» — начался распад империи, вызванный не отпадением частей, а разрушением центра. Временное правительство, ориентируясь на западную модель либерально-буржуазного государства, разрушало структуры традиционной государственности России. Начался территориальный распад.

В ходе Гражданской войны рассыпанная империя была «пересобрана» на новой социально-политической основе — в форме СССР. В советской системе те принципы «семьи народов», на которых собиралась Россия, были укреплены и дополнены новыми экономическими, политическими и культурными механизмами. Важную роль в сборке страны сыграла *единая общеобразовательная школа*, давшая общий язык и приобщившая всех жителей СССР и к русской культуре, и к общему господствующему типу рациональности. Через русский язык все народы СССР подключились к универсальной мировой культуре и осуществили быструю и мягкую модернизацию.

Согласно переписи 1970 года, 76%, а по переписи 1979 года — уже 81,9% всего населения СССР свободно говорили по-русски или считали русский родным языком (советский народ был связан языком сильнее,

чем нация США, где 14% населения вообще не говорит по-английски). Широкое использование русского языка сочеталось с сохранением языка своей национальности: в 1926 году свой родной язык сохраняли 94,2% населения, в 1970 году — 93,9% и в 1979 году — 93,1%. Это значит, что в СССР сложилась специфическая *билингвистическая национально-русская культура*.

Выросшая из русской культуры советская школа подключила детей и юношество всех народов СССР к *русской классической литературе*. Этого не могло обеспечить социальное устройство царской России. Другим агентом такого собирания стала *Советская армия*, через которую, начиная с 1930-х годов, пропускалась большая часть мужского населения (при этом в армии было принято направлять призывников на службу в отдаленные от их «малой родины» места). Полиэтническими поселениями стали в СССР крупные города, которые превратились в центры интенсивных межнациональных контактов.

Мощное объединяющее воздействие оказывали СМИ, задающие общую, а не разделяющую идеологию и общий тип дискурса (языка, логики, художественных средств и ценностей). С начала 30-х годов советская историческая мифология была нацелена на залечивание национальных ран и обид, накопившихся за время империи и революции, на пропаганду объединяющих ценностей.

Наконец, все этнические общности СССР были вовлечены в единое *народное хозяйство*. Оно изначально создавалось как экономическая система, которая позволила бы всем народам СССР избежать втягивания в капитализм — в начале XX века почти у всех народов России, и прежде всего у русских, было сильно ощущение, что в таком обществе жизнь для них станет невозможна (эти догадки, в общем, оказались пророчивыми).

Насколько эффективной была эта модель национально-государственного устройства, показала Великая Отечественная война, в которой впервые все народы на равных выполняли воинский долг. Подавляющее большинство нерусских народов приняли эту войну как *свою Великую Отечественную*.

***

Структурные отличия мировоззренческих матриц России и Запада определяли в Новое время не только расхождение их цивилизационных траекторий. Они вели и к потребности друг в друге. Несмотря на русофобию Запада, сильна была на Западе и тяга к России. Дж. Кейнс, работавший в 1920-е годы в России, писал (1925): «Ленинизм — странная комбинация двух вещей, которые европейцы на протяжении несколь-

ких столетий помещают в разных уголках своей души, — религии и бизнеса. ... Чувствуется, что здесь — лаборатория жизни».

А Вальтер Шубарт написал в 1938 году: «Никогда еще Европа, даже во времена Рима цезарей, не была так далека от Востока и его души, как ныне в прометеевскую эпоху. Противоположность между Востоком и Западом достигла своего высшего напряжения, но столь же огромно и стремление к его изживанию... Как бы это ни показалось смелым, но с полной определенностью следует сказать: Россия — единственная страна, которая может освободить Европу и ее освободит, т. к. по отношению ко всем жизненным проблемам она занимает позицию, противоположную той, которую заняли все европейские народы».

Лекция 15

Россия как цивилизация. Часть вторая

Последние полтора века российское общество переживает цивилизационный конфликт. Он возник в процессе осознания России как цивилизации и то затихал, то обострялся. Его крайним выражением стала Гражданская война, вызванная столкновением двух альтернативных проектов русской революции. Затем он был «заморожен» историческим вызовом форсированного развития 1930-х годов и Великой Отечественной войной, а потом «ожил» с конца 1950-х годов, пробужденный XX съездом КПСС и «оттепелью». Его развитие в условиях общего мировоззренческого кризиса 1960–1970-х годов завершилось кульминацией перестройки, а затем и продолжившей ее реформы.

Изучение и систематизированное представление этого конфликта — срочная задача обществоведения. Без этого «среза» понимание происходящих в России процессов будет не просто ущербным, но и принципиально неадекватным.

Уже в начале перестройки чувствовалось, что речь идет о фундаментальном конфликте, о выборе двух альтернативных типов жизнеустройства. Дело не сводилось к конфликту идеологическому или формационному («капитализм-социализм»). «Прораб перестройки» Л. Баткин предупреждал: «*Запад*» в конце XX в. — не географическое понятие и даже не понятие *капитализма* (хотя генетически, разумеется, связано именно с ним). Это всеобщее определение того хозяйственного, научно-технического и структурно-демократического уровня, без которого немислимо существование любого истинно современного, очищенного от архаики общества».

Понятие «истинно современного, очищенного от архаики общества» — цивилизационное, оно означает *Запад*. Россия не является «истинно современным, очищенным от архаики» обществом, она не принадлежит к западной цивилизации. Реформы в России стали огромной программой *имитации Запада*. Это была программа замены тех институтов и систем, которые были созданы и построены в собственной культуре, на институты и системы чужой цивилизации, в данном

случае — Запада. Как показала история многих народов, такая «замена» чаще всего оборачивалась уничтожением местной культуры, а нередко и самого народа.

К. Леви-Стросс, изучавший контакты Запада с иными культурами, писал в «Структурной антропологии»: «Трудно представить себе, как одна цивилизация могла бы воспользоваться образом жизни другой, кроме как отказаться быть самой собою. На деле попытки такого переустройства могут повести лишь к двум результатам: либо дезорганизация и крах одной системы — или оригинальный синтез, который ведет, однако, к возникновению третьей системы, не сводимой к двум другим».

Такой синтез мы видели и в России (СССР), и в Японии, и в Китае. Такую дезорганизацию и крах мы видим сегодня в Российской Федерации. Понятно, что радикальная программа переделки России на западный лад приведет к глубокому кризису. Подавляющее большинство населения СССР и в мыслях не имело отказаться от того общественного строя, который назывался советским («реальным») социализмом. Это показали большие исследования 1989–1990 годов. В социалистическом выборе революции и Гражданской войны совместились социальные и цивилизационные мотивы, что придало ему большую силу.

Израильский историк М. Агурский пишет: «После революции, а в особенности во время Гражданской войны, главным врагом большевиков стали не быстро разгромленные силы реакции в России, а мировой капитализм. По существу же речь шла о том, что России противостоял весь Запад... Россия противостояла западной цивилизации».

А.С. Панарин в его последней книге сделал вывод, что и в основе кризиса последних двух десятилетий лежит *цивилизационный* конфликт. Он писал: «Народ по некоторым признакам является природным или стихийным *социалистом*, сквозь века и тысячелетия пронесшим крामольную идею социальной справедливости... А следовательно, и «советская империя» есть не просто империя, а способ мобилизации всех явных и тайных сил, не принявших буржуазную цивилизацию и взбунтовавшихся против нее... Именно совпадение коммунистического этоса советского типа с народным этосом как таковым вызвало величайшую тревогу Запада перед «русским вызовом». Были в прошлом и возможны в будущем и более могущественные в военном отношении и при этом враждебные Западу империи. Но они не вызывали и не вызывают такой тревоги на Западе».

Уже это делало всю доктрину реформы как «возвращения в Запад» совершенно утопической. А. Безансон пишет об этом безвыходном, с его точки зрения, положении: «Есть всего один разумный путь, по которому русским следует идти, — европеизироваться, реформироваться

на западный лад. Однако цель эта кажется почти недостижимой. Если всего богатства ФРГ не хватило на то, чтобы за десять лет поднять до нормального уровня жизнь в Восточной Германии, территория которой не так уж велика, всего богатства мира не хватит на то, чтобы преобразовать Россию».

Это идеологическое суждение А. Безансона интересно для нас именно своей установкой, а с точки зрения рациональности оно противоречит логике. Именно развитие Запада потребовало мобилизации почти «всего богатства мира» (как выразился Леви-Стросс, «Запад построил себя из материала колоний»). Россия тем и отличается от Запада, что для своей модернизации, индустриализации, разгрома Наполеона или Гитлера, выхода в космос и пр. она всегда обходилась своими ресурсами и не грабила полмира. «Преобразовать Россию» в Запад невозможно не потому, что «денег не хватит», а потому, что она *сопротивляется*. Но вернемся к конфликту, нарыв которого вскрылся в перестройке. В предыдущей лекции обсуждалась проблема цивилизационной идентичности России и самоосознания населения. Как же определялись в этих вопросах реформаторы России во время перестройки и после 1991 года?

Среди идеологов антисоветского проекта бытовали три версии.

Первая из них гласила, что Россия не является ни самостоятельной цивилизацией, ни частью иной большой цивилизации, она выпала из мирового цивилизационного развития и осталась в состоянии *варварства*.

Эту мысль проводил А.Н. Яковлев. Он писал: «На Руси никогда не было нормальной, вольной частной собственности... Частная собственность — материя и дух цивилизации... На Руси никогда не было нормальной частной собственности, и поэтому здесь всегда правили люди, а не законы». *Никогда не было...* Значит, речь не о «большевиках».

А.Н. Яковлев представлял реформу как «Реформацию России» — попытку политическими средствами превратить ее в *цивилизованное* общество. Не было никогда в России «материи и духа цивилизации» — а теперь будет! При этом речь здесь уже не идет о выпадении из цивилизации на период советского строя, а именно о том, что «духа цивилизации» здесь не было *никогда*. Ратуя перед выборами в июне 1996 года за Ельцина, А.Н. Яковлев сказал: «Впервые за тысячелетие взялись за демократические преобразования. Ломаются вековые привычки, поползла земная твердь».

В Приложении можно видеть, как в советское время эту версию развивал философ В.М. Межуев.

Вторая версия, которая доминировала в 1990-е годы, состояла в том, что Россия представляет собой цивилизацию, но изначально антигуманную и тоталитарную. Советник Ельцина философ А.И. Ракитов так излагал «особые нормы и стандарты, лежащие в основе российской ци-

визации»: «Ложь, клевета, преступление и т. д. оправданны и нравственны, если они подчинены сверхзадаче государства, т. е. укреплению военного могущества и расширению территории». Он радовался уничтожению СССР: «Самая большая, самая жестокая империя в истории человечества распадается».

А.И. Ракитов подчеркивает, что патологическая жестокость якобы была изначально присущим, *примордиальным* качеством России: «Надо говорить не об отсутствии цивилизации, не о бесправии, не об отсутствии правосознания, не о незаконности репрессивного механизма во времена Грозного, Петра, Николая I или Сталина, но о том, что сами законы были репрессивными, что конституции были античеловечными, что нормы, эталоны, правила и стандарты деятельности фундаментально отличались от своих аналогов в других современных европейских цивилизациях».

В этой версии реформа видится не как переход из варварства в цивилизацию, а как смена типа цивилизации, «вступление в Запад». Один из «прорабов перестройки» И.М. Клямкин утверждал: «Россия может сохраниться, только став частью западной цивилизации, только сменив цивилизационный код».

Третья версия, самая мягкая, сводилась к тому, что Россия была и есть часть Запада. Она лишь слегка отклонилась от «столбовой дороги» из-за советского эксперимента, и теперь надо прилежно учиться у Запада, чтобы наверстать упущенное за 70 лет.

Эта версия была сформулирована уже в 1960-е годы, во время «оттепели». П. Вайль и А. Генис показывают это в книге «60-е. Мир советского человека», где описаны умонастроения «кухонь» интеллигентской богемы, чьим идеологом и пророком стал И. Эренбург (его они уподобляют апостолу Павлу): «Спор об отношении к западному влиянию стал войной за ценности мировой цивилизации. Эренбург страстно доказывал, что русские не хуже и не лучше Запада — просто потому, что русские и есть Запад».

В начале 1990-х годов предлагался ряд вариаций этой идеи. В.И. Мильдон пишет: «Россия не Евразия, она принадлежит Европе и не может служить мостом между Европой и Азией, Евразией была Российская империя, а не Россия».

О логике наши «новые западники» не заботились. Как надо понимать, что Сибирь не Россия, а часть Российской империи? Как это должны понимать якуты: они из России изгоняются и входа на мост в Европу лишаются? Эта статья, а таких было множество, есть идеологическая диверсия. Но какая трибуна была предоставлена для таких статей — академический журнал «Вопросы философии»!

В совокупности все три версии с конца 1980-х годов господствуют в «гуманитарном» дискурсе нынешней России и постоянно подпиты-

ваются заявлениями авторитетных интеллектуалов. Принципиальные дискуссии с ними не допускаются, и основная масса гуманитарной интеллигенции «безмолствует», прямо как народ. В основном после 2000 года идеологи и СМИ развивают вторую и третью версии цивилизационного статуса России. Представление России как варварской страны идет по разряду художественных гипербола. Первая версия, однако, продолжает культивироваться и принимается даже в самых элитарных салонах.

Две другие версии муссируются в академической и широкой прессе и на всяческих семинарах и «круглых столах». Хорошей иллюстрацией служит деятельность в конце 1990-х годов независимого теоретического семинара «Социокультурная методология анализа российского общества» под руководством А.С. Ахиезера. На его заседаниях в Москве собирались видные гуманитарии, в том числе из-за границы. Здесь заслушивались концептуальные доклады о России в понятиях цивилизационного подхода

Вот, на семинаре № 16 (17 декабря 1997 года) был заслушан доклад А.А. Трошина «Теоретические основы деструкции в обществе (на материале истории России XIX века)». Приведем выдержки, из которых складывается образ России как цивилизации:

«До начала XVII века основной формой поведения русских мужчин был гомосексуализм как гендерная норма... В России с XII века по XVI век известны массовые психопатии гомосексуального толка, когда женское население вырезалось полностью. Это особенно характерно для верхнего и среднего Поволжья».

И этот бред благосклонно слушают 27 человек из российского и эмигрантского гуманитарного истеблишмента. Где докладчик взял статистику «гомосексуализма русских мужчин» в XII веке? Ведь еще не было русских мужчин, а были вятичи да кривичи. И уж тем более не было статистики. Кому «известно», что с XII века по XVI век для верхнего и среднего Поволжья было «особенно характерно», что на почве гомосексуализма «женское население вырезалось полностью»?

Тема гомосексуализма проходит в докладе о России красной нитью: «По свидетельству иностранцев, на льду Москвы-реки одновременно горело по несколько сот костров, на которых сжигали гомосексуалистов». Наконец-то хоть один надежный источник указан — «по свидетельству иностранцев». Можно было бы даже дать ссылку на отчет уважаемого иностранца, правда, не о Москве и гомосексуалистах, а о самом европейском в России городе Петербурге и крещении детей: «В праздник Богоявления на льду Невы перед Зимним дворцом строят Иордань, где пьяный поп крестит детей, окуная их в прорубь. Уронив случайно младенца в воду, он говорит родителям: “Другого!”».

Вот еще: «...Русское общество основывалось на наркомании... Н.Н. Реформатский описывает случаи стопроцентного поражения жителей спорыньей».

Что значит «русское общество основывалось на...»? Что значит «стопроцентное поражение жителей спорыньей»? И это — элитарный теоретический семинар «по методологии анализа российского общества»...

Следующий мазок в портрет России: «По мнению специалиста по психопатиям П.И. Якобия, единственного, кто попытался написать антропологическую историю России, каждый год более половины населения было охвачено теми или иными формами массовых психопатий».

Сидят российские и английские профессора, кивают. На неряшливое выражение «специалиста по психопатиям П.И. Якобия» ссылаются, как на научный факт. Да «теми или иными формами массовых психопатий» всегда и везде «охвачено» все население любой страны. Разговор ведется в понятиях неопределимых и о явлениях неизмеримых. Какое убожество в уровне рассуждений!

Вот еще открытие: «Оказывается, что многодетные семьи в русской деревне — это миф. В течение XIX века фактический прирост населения происходил только за счет миграции. Численность коренного населения снижалась за счет того, что при огромной рождаемости детская смертность была еще большей, а также за счет массовых психопатий».

Как можно всерьез принимать такие вещи? Во время похода Наполеона русских было меньше, чем французов. Откуда могло набежать столько людей в «русскую деревню» к концу XIX века? Миграция из Сибири! Это круто. «Многодетные семьи в русской деревне — это миф», хотя уже проводились всероссийские переписи населения. И это слушают, развесив уши, культурологи и социологи. Вот где маразм, а не в «русской деревне».

Докладчик делает экскурс в этнологию: «В XVII веке, когда весь великорусский этнос сменился полностью. Он не исчез биологически, но культурное наследие прервалось».

Что значит «этнос сменился полностью»? Это утверждение просто нелепо. Что значит «культурное наследие прервалось»? Великорусский этнос забыл русский язык? Русские люди забыли, как креститься и куда совать ложку?

Дальше следует социальный срез русской культуры: «Когда кора не работает физиологически, то работает подкорка [у крестьян]. Когда вербальные конструкции не действуют, начинается эмоциональное детерминирование. Почему наша ученая молодежь, студенчество, в особенности физики, так восприимчивы к сектантству? Потому что у них нормальный человеческий функционирующий мозг... Поэтому здесь прямая аналогия: ученые и наши крестьяне».

Не будем придирааться к смыслу, взглянем на логику. У крестьян «кора не работает физиологически». Допустим. У ученых («особенно физиков») — «нормальный человеческий функционирующий мозг». Допустим. Но как получается «поэтому здесь прямая аналогия: ученые и наши крестьяне»?

Кому-то все это покажется постмодернистской клоунадой кружка «играющих в бисер». Но в действительности А.С. Ахиезер с его «теорией России» несколько лет задавал тон в элитарном гуманитарном сообществе, а члены его «кружка» и до сих пор ведут семинары на «цивилизационные» темы.

Мысль об изуверской сущности российской цивилизации и сейчас устойчиво воспроизводится в значительной части гуманитарной элиты (и, следовательно, благосклонно воспринимается остальной ее частью). Поскольку в открытой форме она высказывается уже более двадцати лет, ее надо считать выношенной, продуманной установкой — перестройка и реформа лишь дали ей трибуну. Эта мысль развивается — она теперь прямо основывается на концепции прирожденных (примордиальных) дефектов национального сознания русских, которые не устраняются ни при каких социальных и политических изменениях. Это почти биологическое свойство русского народа.

Нынешняя власть политическими средствами сохраняет за глашатаями этой концепции привилегированную трибуну в СМИ, практически, не давая никакой возможности адекватного ответа оппонентам.

Вот, например, рассуждения писателя Виктора Ерофеева (ведущий программы на канале «Культура» российского телевидения) в статье, написанной по такому поводу: «На минувшей неделе стало известно, что в проекте «Имя России. Исторический выбор–2008» с большим отрывом лидирует Иосиф Сталин».

В. Ерофеев подводит такую идейную базу под это демонстративное голосование: «Любовь половины родины к Сталину — хорошая причина отвернуться от такой страны, поставить на народе крест. Вы голосуете за Сталина? Я развожусь с моей страной! Я плюю народу в лицо и, зная, что эта любовь неизменна, открываю циничное отношение к народу. Я смотрю на него как на быдло, которое можно использовать в моих целях... Сталин — это смердящий чан, булькающий нашими пороками. Нельзя перестать любить Сталина, если Сталин — гарант нашей цельности, опора нашего идиотизма. Только на нашей земле Сталин пустил корни и дал плоды. Его любят за то, что мы сами по себе ничего не можем... Мы не умеем жить. Нам нужен колокольный звон с водкой и плеткой, иначе мы потеряем свою самобытность».

Здесь идеолог того меньшинства, которое, как считается, победило в конфликте с «совком», реагирует на символический жест побежденных. Он выдает декларацию полного отрицания страны, народа, «нашей

земли» и ее самобытности. Это уже не политическая и не социальная борьба, это экзистенциальная несовместимость и нетерпимость. И этому человеку предоставлена постоянная трибуна *государственного телевидения*. Может ли власть не видеть, что вручила инструмент культурного господства поджигателю гражданской войны?

А вот рассуждения на подобную тему идеолога той же команды, но из патриотов, А. Ципко: «Результаты интернет-выборов главного имени России заставляют еще раз и всерьез задуматься о состоянии духа и ценностей современной, во многом новой российской нации, и прежде всего — о состоянии духа тех, кого до 1917 года называли *велико-россами*».

И в этом случае интерес представляет именно трактовка результатов провокационной акции телевидения. А. Ципко пишет: «Вопреки всем прекраснодушным ожиданиям перестройки свобода от коммунизма не дала ни углубления моральных чувств, ни воскрешения духовных сил народа. ... В новой России, как и в старой, дореволюционной, дает о себе знать традиционное для нас равнодушие, безразличие к моральным качествам личности. ... И здесь я задаю себе самый главный, страшный вопрос, на который уже долгие годы сам ищу ответ. Почему мы, русские, такие, почему нам своих не жалко?. Если бы у нас было по-другому, если бы мы любили друг друга, то у нас никогда бы не победили большевики с их идеей классовой ненависти. Это уже писал Антон Деникин... Очевидно, что у русских как у самого многочисленного народа РФ нет до сих пор даже чего-то сравнимого с еврейской заботой о сохранении своего народа... Традиция обожествлять вождей идет от старых, царистских настроений, от чувства раба. Кстати, в моей родной Одессе сталинисты даже во времена Сталина были редкостью, ибо одесситы от рождения ощущают себя свободными людьми».

Как мучает одессита, уже в роддоме ощущавшего себя свободным человеком, «самый главный, страшный вопрос». Ну что это за народ — русские: какую им свободу не давай, нет «ни углубления моральных чувств, ни воскрешения духовных сил». Равнодушны они к моральным качествам личности — любят Сталина, а не Абрамовича. И в «новой России», и в советской, и в «старой дореволюционной» — одна и та же традиционная патология. Все это «от старых, царистских настроений, от чувства раба».

Все это — не импульсивные всплески эмоций обиженных на Россию «просветителей». Это нормальная регулярная идеологическая работа весьма уже уставших людей на жалованьи. Цель ее — размыть у читающей публики и телезрителей уверенность в праве России на существование как самобытной цивилизации. Надо подчеркнуть, что последние примеры относятся к концу 2008 года. И нас не должно удивлять, что

в цивилизационной войне против России в конце XX века объединяются антикоммунисты и люди, «взращенные» КПСС, вроде Горбачева и Яковлева.

То же самое наблюдалось и в начале XX века, с тем отличием, что тогда социалисты и правые буржуазные идеологи были по разные стороны баррикады в социальных вопросах. Как вспоминает меньшевичка Лидия Дан, сестра Мартова, в 90-е годы XIX века для студента было «почти неприличным» не стать марксистом. Особую роль в формировании мировоззрения меньшевистской молодежи сыграли марксистские произведения Г.В. Плеханова. Историк меньшевизма Л. Хеймсон пишет: «В этих работах молодежь, пришедшая в социал-демократию, нашла опору для своего бескомпромиссного отождествления с Западом и для своего не менее бескомпромиссного отвержения любых форм российской самобытности».

На этом пути пришли к «отвержению российской самобытности» и социалист Пилсудский, и марксист Жордания. По этому пути прошли еврокоммунисты Западной Европы, а за ними и советские «коммунисты с человеческим лицом». Корни этого конфликта глубоки, их сегодня надо изучить без гнева и пристрастия. В цивилизационном конфликте каждому придется делать выбор, в некоторых отношениях не менее тяжелый, чем в конфликте социальном.

После 2000 года сама российская власть какое-то время избегала делать декларации о цивилизационном статусе России. Концепция «общечеловеческих ценностей» увяла ввиду ее нелепости на фоне бомбардировок Югославии и глобального международного терроризма. Что-то надо было сказать конкретно о России. И представители власти стали делать взаимоисключающие заявления. В восьмом Послании В.В. Путина Федеральному собранию (2007 г.) был высказан важный тезис: «Мы должны и будем опираться на базовые морально-нравственные ценности, выработанные народом России за более чем тысячелетнюю свою историю».

«Базовые ценности» — это и есть мировоззренческая матрица, на которой собрана цивилизация. Правда, от этого заявления еще было далеко до того, чтобы назвать наши «базовые морально-нравственные ценности» и начать на них «опираться», но шаг был сделан важный. Однако сейчас же последовала коррекция. 8 июня 2007 года в здании Президиума РАН с лекцией о России выступил В.Ю. Сурков, который негласно считался идеологом Администрации Президента. Он начал с такого заявления: «Новый демократический порядок происходит из европейской цивилизации. Но при этом из весьма специфической российской ее версии».

Слово «демократия» в тезисе В.Ю. Суркова — продукт гипостазирования, никакой реальной сущности оно не представляет. Сам он тут же

описывает этот «демократический порядок» следующим образом: «Подменившая легитимную власть олигархия сопровождалась пандемией нищеты, коррупции и заказных убийств, настоящим коммерческим террором, самоистреблением за деньги».

Ключевым в этом тезисе является утверждение о «российской версии европейской цивилизации». Это — отрицание идеи *самобытности* русской культуры и культуры других народов российской цивилизации. Оговорка о специфичности «российской версии» дела не меняет, всякая цивилизация включает в себя разные национальные версии. В структуре Запада специфичны все культуры: испанцы не похожи на англичан, те — на немцев и т. д. Главное, что В.Ю. Сурков заявил и с разными вариациями повторил, что не считает Россию самостоятельной локальной цивилизацией, а рассматривает ее как структурный элемент Запада.

Это — установка радикального российского евроцентризма, отход от позиции западников начала XX века, которые признавали за Россией статус самобытной цивилизации. Из тезиса, что Россия есть версия западной цивилизации, вытекает ряд ошибочных стратегических положений нынешней российской власти. Образ «*России-как-Европы*» порождает глубокий раскол российского общества.

«Не выпасть из Европы, держаться Запада — существенный элемент конструирования России», — пишет В.Ю. Сурков, выделяя свои слова жирным шрифтом. К кому он обращается? Когда мы были «приняты» в Европу, чтобы сегодня беспокоиться, как бы из нее «не выпасть»? В России началась мировая революция крестьянских стран, пытавшихся избежать втягивания их в периферию западного капитализма. Как можно игнорировать этот факт в самой России? Весь XX век Россия вела цивилизационную войну с Западом, сопротивляясь его экспансии, а теперь российская власть собирается «конструировать Россию» как часть Запада! Как же тут не быть системному кризису в России!

В.Ю. Сурков не мог всего этого не знать. Он следует технократической утопии, согласно которой можно с помощью социально-инженерных технологий быстро изменить тип цивилизации. Но эта утопия содержит внутреннее противоречие. Допустим, с середины XX века мировоззрение граждан России столь резко изменилось, что большинство осознают себя принадлежащими к западной культуре. Но это было бы очень необычным явлением, и В.Ю. Сурков, делая свои заявления, должен был бы привести в подтверждение какие-то доводы или хотя бы сказать, что, по его мнению, в русском народе произошла такая трансформация.

Но сказать этого он не мог, потому что представления В.Ю. Суркова проникнуты *эссенциализмом*. Он приписывает культуре неизменную идентичность, основанную на национальном характере: «Воля к свободе

и справедливости вырабатывается и закрепляется как природное свойство национального характера... Культура — это судьба. Нам Бог велел быть русскими, россиянами... Чтобы понять, как будет развиваться демократия в России, какая ее модификация применима здесь на практике, нужно определить архетипические, неотменяемые свойства русской политической культуры...».

Таким образом, цивилизационное самосознание «русских, россиян» В.Ю. Сурков считает «архетипическими, неотменяемыми свойствами», изначально данным «природным свойством национального характера». Так что в его версии россияне с самого начала — люди «европейской культуры» (интересно, с какого века?).

Но мы не будем впадать в эссенциализм и допустим, что цивилизационные предпочтения населения, будучи инерционными, все же могут меняться. Принадлежность народа к той или иной цивилизации выражается множеством объективных признаков, однако необходимым (хотя и не достаточным) условием является *самоосознание* народа. Например, нет смысла считать Японию частью западной цивилизации, если сами японцы так не считают. Однако сдвиг к западным ценностям наблюдается. А что происходит в России?

Надежно установлено, что в начале и в середине XX века подавляющее большинство русских не считали себя принадлежащими к западной цивилизации, в их самосознании Святая Русь была сама по себе, была особой частью человечества. Так же считали и на Западе, в том числе и те мыслители, которые испытывали уважение к России как цивилизации. Они признавали фундаментальное отличие «матушки России» от Запада.

О чем же говорят эмпирические данные в настоящий момент? Они свидетельствуют, что за последние тридцать лет не произошло слома тех устоев русской культуры, для которых пробным камнем был Запад как иная цивилизация, относительно которой люди осознают свою культурную идентичность. В декабре 2006 года Аналитический центр Ю. Левады провел большой опрос на тему «Россия и Запад». На вопрос «Является ли Россия частью западной цивилизации?» положительно ответили 15%. Большинство, 70% опрошенных, выбрали ответ «Россия принадлежит особой ("евразийской" или "православно-славянской") цивилизации, и поэтому западный путь развития ей не подходит». Затруднились ответить 15%.

Таким образом, приписать Россию к западной цивилизации и поныне невозможно, потому что подавляющее большинство ее населения считает себя принадлежащим к особой цивилизации и не подавало заявления на «вступление в Запад». На данный момент проблема «как бы нам не выпасть из Европы» в повестке дня не стоит.

В этом и коренится *суть конфликта*. Власть пытается, опираясь на поддержку 15% населения, вообразивших себя «людьми западной ци-

визации», загнать остальных в чуждую им цивилизацию и насильно сменить их культурное ядро — представления о добре и зле, о прекрасном и безобразном. Власть ведет против большинства населения *цивилизационную войну*, в которой велик риск поражения обеих сторон.

Перейдем к другой стороне этого дела. Чтобы быть членом «европейской семьи народов» надо, чтобы *эта самая семья* тебя признала своим. Тут нельзя заплатить нефтью или деньгами и усесться на свое кресло «согласно купленным билетам». Это не тот театр.

Запад не желает и никогда не желал появления у него такого «родственника», как Россия, — потому и откололся с такой страстью от Византии и стал тем, что мы понимаем как *Запад*. Так что, даже если бы отказ русских от самих себя был заведомым благом, оно нереализуемо просто из-за того железного занавеса, которым отгорожен от нас Запад — гораздо более железного, чем сталинский. И это — независимо от симпатий или антипатий к России.

В 1920-е годы, после возникновения СССР, О. Шпенглер писал: «Я до сих пор умалчивал о России; намеренно, т. к. здесь есть различие не двух народов, но двух миров... Разницу между русским и западным духом необходимо подчеркивать самым решительным образом. Как бы глубоко ни было душевное и, следовательно, религиозное, политическое и хозяйственное противоречие между англичанами, немцами, американцами и французами, но перед русским началом они немедленно смыкаются в один замкнутый мир. Нас обманывает впечатление от некоторых, принявших западную окраску, жителей русских городов. Настоящий русский нам внутренне столь же чужд, как римлянин эпохи царей и китаец времен задолго до Конфуция, если бы они внезапно появились среди нас. Он сам это всегда сознавал, проводя разграничительную черту между «магушкой Россией» и «Европой».

Для нас русская душа — за грязью, музыкой, водкой, смирением и своеобразной грустью — остается чем-то непостижимым... Тем не менее некоторым, быть может, доступно едва выразимое словами впечатление об этой душе. Оно, по крайней мере, не заставляет сомневаться в той неизмеримой пропасти, которая лежит между нами и ими».

Даже Керенский, масон и западник, так начинал в эмиграции в 1942 году свою рукопись «История России»: «С Россией считались в меру ее силы или бессилия. Но никогда равноправным членом в круг народов европейской высшей цивилизации не включали... Нашей музыкой, литературой, искусством увлекались, заражались, но это были каким-то чудом возвращенные экзотические цветы среди бурьяна азиатских степей».

В момент ликвидации СССР (1991 г.) на Западе *очевидно* не считали советскую Россию частью западной цивилизации. Безансон пишет: «Все семьдесят лет коммунистического правления советская Россия была по-

мешана на желании “догнать и перегнать” Запад; кончилось это тем, что она построила “некапиталистическое” государство, что означало, среди прочего, — государство *неевропейское и ультрарусское*.

Итак, на Западе СССР считался государством «неевропейским» и «ультрарусским». Есть ли основания утверждать, что реформы под руководством Ельцина, а затем В.В. Путина, придали России такие цивилизационные черты, которые убедили бы правящую западную элиту, что Россия претерпела фундаментальную мутацию и стала *частью Запада*? Это было бы совершенно невероятным феноменом, и его надо было бы доказывать и доказывать.

Важным моментом в отношениях Запада к России (СССР) стала публикация в «Нью-Йорк Таймс» в апреле 1984 года статьи Милана Кундера «Трагедия Центральной Европы»¹. Это было «послание» Западу перед большой операцией против СССР — «империи зла». Кундера обвинял Запад в том, что тот предал Центральную Европу, отдав ее на растерзание *неевропейским варварам*. При этом, говоря о чуждой цивилизации, Кундера имеет в виду именно Россию, а не СССР, который рассматривается Кундерой как «органичное» воплощение «русских черт».

Вспомним, что писал Кундера в этой статье, с энтузиазмом принятой на Западе: «Воистину, ничто не может быть более чуждым Центральной Европе с ее одержимостью многообразием, чем Россия, одержимая идеей единообразия, стандартизации и централизации... На восточной границе Запада больше, чем где бы то ни было на Земле, Россия воспринимается не как европейская держава, а как обособленная, иная цивилизация».

Кундера — боец холодной войны, статья написана по заказу. Дело в другом: почему она была идеологически эффективной? Потому, что она точно отвечала стереотипам сознания среднего класса Запада: азиаты похитили кусочек Запада, и поход за спасение плененных «братьев меньших» должен быть поддержан каждым благородным человеком.

Даже странно, что сегодня, когда этот вопрос изучен вдоль и поперек, высокое должностное лицо Администрации Президента называет Россию частью Запада. Ведь даже официальный идеолог войны цивилизаций Хантингтон проводит «культурную границу Европы, которая в Европе после холодной войны является также политической и экономической границей Европы и Запада», по линии, «веками отделявшей западнохристианские народы от мусульман и православных». Как это могло ускользнуть от российских идеологов?

Россия выросла как альтернативная Западу христианская цивилизация. Она по главным вопросам бытия постоянно предлагала челове-

---

¹ Статья была тогда же перепечатана в “Die Zeit” и “Le Monde”, а в конце года появилась в английском журнале “Granta” (№ 11, 1984) под более определенным названием, которое Кундера изначально дал тексту: «Похищенный Запад».

ству иные решения, нежели Запад, и стала не просто его конкурентом, но и экзистенциальным, бытийным оппонентом — как бы ни пытались государство и элита России избежать такого положения.

Неопределенное или западническое представление государственной власти о цивилизационной матрице России и упорное нежелание пойти на общественный диалог по этому вопросу и скорректировать свои установки вело и ведет власть к стратегическим ошибкам, которые уже сложились в систему с сильными кооперативными эффектами. Эти ошибки касаются истории и всех сфер жизнеустройства российского общества. Их надо трезво и рационально изучать.

Приложение

Из статьи В.М. Межуева «Национальная культура и современная цивилизация» (В кн. «Освобождение духа». М.: Политиздат. 1991):

«Согласование нашей культурной традиции с тем цивилизационным путем развития общества, на который мы все-таки должны вступить, но пока еще никак вступить не можем, и есть, видимо, та главная проблема, которая сегодня встала перед нами в своем полном объеме и во всей своей сложности... Вхождение в современную цивилизацию остается для нас пока еще только историческим вызовом, ждущим своего ответа...

Современная цивилизация опирается на традиции, идущие, как известно, от европейской средневековой “бюргерской” (городской) культуры с ее цеховой автономией ремесел, торговли, финансов, образования, науки, постепенно отделившейся от традиционной культуры земледельческих обществ с их натуральным хозяйством, патриархальным образом жизни, государственным патернализмом и обособленной духовной жизнью господствующих слоев общества... Что же касается истории нашей страны, то преобладающее значение здесь имели традиции деревенской, крестьянской общинно-патриархальной жизни в сочетании с традициями жизни родовой и земельной аристократии (дворяне и помещики) ...

Становление современной — торгово-промышленной, городской — цивилизации от ее первых шагов и до нашего времени происходило не только в контакте, но и в определенном конфликте с традиционной культурой земледельческого общества — культурой преимущественно крестьянской, или народной».

Из выступления В. Ерофеева на Российско-немецком форуме (Москва, 3 декабря 2008 г.):

«Мне кажется, у нас есть свои «тайные» особенности, которые говорят вот о чем: мы страшно архаический народ. Отсюда и наше счастье,

и все наши беды. Россия — большая африканская деревня. И надо сказать, что умные иностранцы, которые сюда приезжают, достаточно быстро ориентируются, что если смотреть с точки зрения большой африканской деревни — все как раз понятно. Все взаимоотношения, которые выстраиваются в России, — они понятны... Мы — полигон, на котором видны следы человеческой природы, мы, будучи вне истории, полезны для человеческой истории... Строго говоря, за всю историю России мы никогда не давали повода считать нас европейцами. Лишь запредельная политкорректность вкупе с нетерпеливым желанием наконец найти с нами общий язык толкает Европу признать нас своими подданными».

Еще определеннее на том же форуме высказался социолог Л. Гудков: «Тютчев очень точно сформулировал один из центральных комплексов российской идентичности, реально работающих и сегодня. Смысловым фоном для такого суждения оказывается ясное и одновременно крайне болезненное сознание не просто отсталости России или ее варварской, с точки зрения европейцев, патриархально-самодержавной государственной и общественной конституции, но и неосновательность каких-либо надежд на процессы ее цивилизации в обозримом будущем».

И.Гр. Яковенко (ныне профессор Российского государственного гуманитарного университета) дает такое определение России как цивилизации:

«Мы имеем дело с архаической, периферийной цивилизацией, в которой имеет место языческо-христианский синкретизм, причем языческое, как оказывается, доминирует, а христианское является лишь оформлением... Катастрофа не является чисто негативным явлением. Она оказывается фактором мобилизующим, она мобилизует общество и на какие-то мутации, и на какие-то осмысленные изменения, и кроме того, катастрофа позволяет поднять энергетический порог и перейти потенциальный барьер, который закрывает системообразующие структуры общества от случайных изменений. Чем мощнее катастрофа, тем больше шансов на изменение глубинных, традиционных оснований культуры и общества».

На заседании № 16 независимого теоретического семинара «Социокультурная методология анализа российского общества» под руководством А.С. Ахиезера, Москва, 17 декабря 1997 г.

Л. Куликов (на том же семинаре):

«Россия — некая гиперличность, такая же как США, Германия, Индия и т. д. Конечно, очень не хочется, чисто на эмоциональном уровне, принадлежать к цивилизации, у которой нет будущего. Россия — в той форме, в которой она сегодня существует, с ее архаичной культурой — не выживет».

Лекция 16

Типы общества. Часть первая

С самых первых этапов развития познавательной деятельности человека важным интеллектуальным инструментом стала *классификация* объектов. Она позволила внести порядок в хаос, которым было вначале нагромождение вещей и явлений. В чем-то сходные объекты человек объединял в один класс, которому давал обобщающее имя. Это не только резко сокращало число сущностей, которые приходилось держать в уме, но и давало основание для сравнительного анализа вещей — и внутри одного класса, и в сравнении с вещами других классов. Классификация сопряжена также с ошибками — и в соединении, и в разделении, а ошибки тоже стимулируют познавательный процесс.

В обществоведении, как и в любой другой сфере знания, тоже встает проблема классификации и типологии. Прежде всего это относится к самим обществам. Очевидно, что человеческие общества имеют много сходных черт и в то же время обладают важными различиями. На самых ранних стадиях этногенеза человеческие общности спланивались, сравнивая себя с «иными», находя в них отличия, служащие «маркерами» своих и чужих. Девушек отдавали замуж в чужой род, устанавливая с ним отношения свойства; родственные общности соединялись в племя; родственные племена собирались в народ; в народе складывалось общество с усложняющейся структурой. Самосознание народа складывалось в отношениях с другими обществами и под их влиянием. И уже в древности была потребность составить образ этих иных обществ и по каким-то признакам сгруппировать их.

Эта проблема актуальна и сегодня — по тем же причинам, по которым для общества и страны важно определиться со своей цивилизационной идентичностью. Например, мы в России уже двадцать пять лет слышим непрерывные упреки в том, что у нас не сложилось гражданского общества. Что это такое, почему наше общество должно быть гражданским и какое оно сейчас, если не гражданское? Каковы критерии и признаки отнесения к тому или иному типу общества? Какая польза в причислении себя к тому или иному типу?

Если охватить интегрально гуманитарный обществоведческий курс перестройки и 1990-х годов, а позже дискурс «продолжателей» пере-

стройки, то мы увидим, что в нем из множества суждений складывался именно *типологический* образ российского и советского общества. Этот образ критиковался и отрицался, ему был противопоставлен, как идеал, обобщенный образ какого-то другого общества, *правильного*, к которому наше общество должно было «перейти». Условно это называлось «Западом». Л. Баткин верно подчеркивал, что под «Западом» надо было понимать не конкретные страны и культуры, а «всеобщее определение истинно современного, очищенного от архаики общества». Речь шла именно о *типе*. От нашего общества требовали не улучшений той или иной стороны жизнеустройства, а *перескока* от одного типа к другому, подобно тому как электрон перескакивает с одной орбиты на другую, *преображается*, а не переползает.

Таким образом, философия российских реформ базируется на представлении о двух принципиально разных типах обществ. Уже тогда из мозаики желаемых и негативных характерных черт, которые описывали обществоведы и поэты перестройки, можно было составить два образа и понять, чего так страстно желают реформаторы. Это устранило бы много недоразумений и позволило бы в какой-то степени смягчить конфликт, создав рациональные основания для диалога. Но так не получилось, все мы связно выражались на языке формационных понятий, и сторонникам реформ пришлось сдвинуться к «борьбе за капитализм», хотя мало кто из них его желал. Более разумной, но совсем утопической, была концепция «антисоветских коммунистов», которые желали смены типа общества, но с перескоком в правильный марксистский социализм («советский социализм-мутант»).

Сейчас нам было бы полезно упорядочить ту типологию, которая в неявном и сумбурном виде сложилась за годы реформы в общественном сознании. На какой основе предлагается это сделать?

Как мы говорили, в Новое время законодателем в классификации культур, цивилизаций и обществ стал Запад. Другие народы с оговорками, но приняли разработанные на Западе понятия и методологию, критикуя их и дополняя. Россия не стала исключением. Она перенесла на свою почву и европейскую науку, и развитие в проекте Просвещения понятия и методы гуманитарного знания. Российская интеллигенция, и даже широкие слои менее образованных людей, долгое время пользовались классификацией обществ, выработанной в так называемом формационном подходе, в основном в рамках марксизма. Это был один из важных способов упорядочить представления об обществе.

Однако определять тип общества по признаку господствующей в нем социально-экономической формации (феодалное, капиталистическое, социалистическое) явно было недостаточно. Было видно, что Россия, Китай и Англия различны независимо от экономической фор-

мации. Следовательно, требовались и другие основания для классификации, помимо формационных. Они вырабатывались, во многом соответственно политическим задачам. Как уже говорилось, в Новое время в западной общественной мысли возникло различие двух образов жизни человека — *цивилизованного* и *дикого*. В пределах западной культуры человек живет в гражданском (гражданском) обществе, а вне этих пределов — в состоянии «природы». В международной конкуренции и психологической войне эта типология до сих пор действует.

XX век стал временем очень интенсивных и широких этнографических и антропологических исследований. Они привели к идее самого грубого и резкого разделения всего множества обществ на два типа — общество *современное* и общество *традиционное*. Во второй половине XX века это представление приобрело развитую форму. Смысл его таков: современное общество (модерн) возникло в Западной Европе на обломках традиционного общества Средневековья. Те культуры и цивилизации, в которых такой глубокой ломки не произошло, продолжали развиваться в условиях той или иной разновидности традиционного общества.

Возникновение на Западе общества нового типа было культурной мутацией колоссального масштаба. Она произошла в результате череды революций, слившихся в «Великую трансформацию». К. Поланьи, описывая процесс становления современного общества в Западной Европе, отмечал, что речь шла о «*всемирной стройке*», что главные идеи нового порядка были приняты *народом*. Он писал: «Слепая вера в стихийный процесс овладела сознанием масс, а самые “просвещенные” с фанатизмом религиозных сектантов занялись неограниченным и нерегулируемым реформированием общества. Влияние этих процессов на жизнь народов было столь ужасным, что не поддается никакому описанию. В сущности, человеческое общество могло погибнуть, если бы предупредительные контрмеры не ослабили действия этого саморазрушающегося механизма».

Таким образом, современное (гражданское, либеральное) общество изначально понималось как общество, присущее западной цивилизации. Традиционное общество — общество *незападное*. В ходе *модернизации*, т. е. освоения и переноса институтов модерна, традиционные общества приобретают многие черты современного общества, но «привитые» на ствол своей культуры. Например, проводят индустриализацию. Типичным примером является Япония.

Россия — более сложный случай, поскольку она сложилась как цивилизация на основе христианства, находилась с Европой в интенсивных отношениях и раньше других культур предприняла программу глубокой модернизации. Тем не менее и она, будучи до середины XX века

преимущественно крестьянской страной, относилась к категории традиционных обществ. Сейчас, после быстрого послевоенного развития, многие российские обществоведы отрицают характер нашего общества как традиционного. Я считаю, что по главным признакам, гораздо более инерционным, нежели индустриальное хозяйство и городской быт, и советское, и нынешнее общество России продолжали относиться к категории традиционных, а в ходе нынешнего кризиса даже идет откат к архаическим институтам традиционного общества. Далее мы рассмотрим основания для такого утверждения.

Названия «традиционный» и «современный» условны и, думаю, неудачны; первоначальный смысл их уже не отражается выбранными словами. Кроме того, для многих само слово «современный» звучит как положительная оценка, что неприемлемо для научного понятия, которое должно быть беспристрастным. Но раз уж эти названия давно вошли в обиход, лучше не изобретать новых. Делались попытки найти более подходящие термины, но они не увенчались успехом и заглохли.

Современное общество есть продукт индустриальной цивилизации, а традиционное общество корнями уходит в цивилизацию аграрную. Иногда этот признак переносят в наши дни и ошибочно считают, что в промышленно развитых странах везде сложилось современное общество. Это не так, степень промышленного развития не служит существенным признаком. Япония — в высшей степени развитая промышленная страна, но сохранившая самые главные черты традиционного общества. С другой стороны, сельскохозяйственные плантации в Зимбабве — очаги уклада современного общества.

Понятия «современное» и «традиционное» не содержат в себе оценки, она возникает лишь при взгляде через фильтр идеологии. К оценке по критерию «плохой — хороший» эта классификация отношения не имеет, для этого важна совокупность всех данных исторически черт общества. Например, вопреки идеологическим установкам евроцентризма, традиционное общество не является *косным*, застойным. В определенных условиях оно выполняет проекты быстрого и мощного развития с высоким уровнем инновационной активности (это видно на примере России, Японии, сегодня — Китая).

И гражданское общество может быть мерзким, духовно больным и выхолощенным; и традиционное, даже тоталитарное, общество может быть одухотворенным и возвышающим человека. Сам по себе тип общества не предопределяет, будет ли оно в тот или иной исторический момент жестоким или терпимым, деспотическим или свободным.

Современное (гражданское) общество выходцев из Европы в США без всяких моральных проблем триста лет использовало рабство, считаясь при этом идеалом демократии. И в то же время с Запада осыпали

проклятиями «деспотическую Россию» за крепостное право, просуществовавшее очень недолго лишь в центральных областях и лишь в отношении крестьян «имперского» народа. Прадед Пушкина эфиоп Ганнибал был крупным помещиком, и его русские крепостные не видели ничего предосудительного в том, что их барин — негр. А основатель теории гражданского общества английский философ Джон Локк помогал составлять конституции рабовладельческих штатов США и вложил все свои сбережения в работорговлю. Оправдания рабству, которые формулировал Локк, были настолько жесткими и абсолютными, что, как пишут, «оправдание рабству, которое за две тысячи лет до Локка давал Аристотель, кажутся отеческим напутствием».

Макс Вебер, обсуждая доктрину кадетов во время первой русской революции (1906 г.), предупреждал: «Было бы в высшей степени смешным приписывать сегодняшнему высокоразвитому капитализму, как он импортируется теперь в Россию и существует в Америке, ... избирательное сродство с “демократией” или вовсе со “свободой” (в каком бы то ни было смысле слова)».

Заметьте: «В *высшей степени смешным!*». А сегодня в России то и дело напоминают, что демократия — специфическая сущность «европейской культуры».

Поскольку понятия «современное» и «традиционное» обозначают такое сложное явление, как *общество*, невозможно дать им короткое, но исчерпывающее определение. Само определение превращается в описание, почти рассказ, оно раскрывается через содержательные примеры, может дополняться и дополняться. От этого, впрочем, определение не становится менее научным. Все признаки, которые отличают два типа обществ, мы рассмотреть и даже перечислить не сможем. Постараемся нарисовать два образа крупными мазками, не надеясь получить портрет в академической манере, но выявив главное ядро признаков, показать фундаментальную несхожесть общества традиционного и современного.

Образы, о которых идет речь, слеплены усилиями множества ученых самых разных дисциплин и отражены в культуре многих народов. Ведь столкновения современного и традиционного обществ — и в виде колонизации, и в ходе самых разных программ модернизации — как столкновения Запада с «не-Западом» вызывали огромные потрясения. Но начнем с науки.

Много сделали историки, которые работали не в ключе истмата, а использовали так называемый «*цивилизационный* подход» — не подгоняли исторический процесс под объективные законы и не разглядывали жизнь через призму классовой борьбы и смены социально-экономических формаций, а описывали зарождение, развитие и гибель той или иной цивилизации как отдельного целостного организма. Круп-

нейшим современным историком-энциклопедистом такого типа был А. Тойнби.

Сравнительное описание традиционного и современного общества составило целое направление в социальной философии и социологии. М. Вебер объяснял смысл этих понятий через становление современно-го капитализма («духа капитализма») — но не как Маркс, который анализировал ячейку производственных отношений капитализма, а изучая революцию в духовной сфере и культуре. Кстати, Маркс делал очень много сравнений современного капитализма с разными известными в то время традиционными обществами (он давал свои очень пронизательные суждения в основном в виде подстрочных примечаний). Для нас эти сравнения исключительно важны; но советская система образования, излагая истмат, всю эту лирику «опускала». В теоретическое описание нашего общества и даже в экономическую практику включалось как раз то, что, согласно самому марксизму, для нас не годилось.

Крупные философы искали аналогии, чтобы уловить и объяснить разницу двух типов общества. К. Поппер назвал их «открытое общество» и «закрытое общество». Он отрицательно относился к обществу традиционному (закрытому) и сделал меткие замечания. Например, он писал: «Закрытое общество в его лучших образцах можно сравнить с организмом». А далее объяснял, почему гражданское общество не имеет черт организма: «поскольку ничто в организме не соответствует одной из важнейших характеристик открытого общества — конкуренции за статус его членов».

Огромный материал накопили этнографы, изучавшие оставшиеся на Земле «примитивные общества» — племена и народы, образ жизни которых не замаскирован теми волнами модернизации, что претерпели культуры, вовлеченные в бурные мировые процессы. Поскольку подавляющее большинство таких исследований сделано учеными Запада (или получившими образование на Западе), любое наблюдение представляло собой контакт современного и традиционного общества и всегда включало в себя их сравнение. Любой отчет, статья или книга о таких исследованиях представляли нам два образа, с выявлением их различий, часто очень тонких.

К сожалению, нам мало знакомы «обратные» наблюдения, сделанные индейцами, папуасами или аборигенами Австралии над обществом Запада. Такие наблюдения есть, но они редко приобретают характер научных описаний и почти не попадают в доступную нам литературу (даже труды японских и китайских ученых). А то, что попадает, мы почти не читаем. Кто, например, читал «Три народных принципа» Сунь Ят-сена? А ведь этот его труд, заложивший основы для спасения и развития Китая, содержит не просто важнейшие для нас мысли, а почти откровения.

В послевоенные годы сравнительный *антропологический* анализ, т. е. описание человека традиционного и современного общества, стал осознанной исследовательской программой. Она вобрала в себя огромный материал наблюдений и множества частичных открытий. В этой программе приняли участие виднейшие антропологи (К. Леви-Стросс, К. Лоренц, М. Салинс) и психологи (например, Э. Фромм). В их трудах последовательно и кропотливо снимались шоры и фильтры евроцентризма и трудно, по крупицам, строилось знание без идеологической предвзятости (насколько это возможно).

Плодотворным для нашей темы было то направление в анализе культуры, которое начал М.М. Бахтин. Его анализ «культуры смеха» в период Возрождения, когда в Европе сосуществовали традиционное общество и очаги современного общества, дает представление целого среза нашей проблемы. Продолжая это направление, сегодня культурология описывает довольно страшный образ «общества спектакля», создаваемого освобожденным от этики телевидением. Виртуальная реальность спектакля по-разному встраивается в современное и в традиционное общество.

В 60–70-е годы XX века появилось много философских работ, посвященных самым разным сторонам жизни общества — таких, где для лучшего понимания сути Запада проводилось сравнение с обществом традиционным. Это работы о языке и цензуре, о власти, о тюрьмах и больницах, о школе, о скуке и многом другом. Создавались два портрета в стиле импрессионизма, и они становились все отчетливее.

Большой материал дали прагматические исследования японского стиля управления промышленными фирмами. Эти работы были вызваны «японским чудом» и велись в 60-е годы совместно американскими и японскими учеными. Сначала в США было много иллюзий: казалось, стоит только разгадать секрет, обучиться трем-четырем приемам, и можно внедрить японский стиль на американских предприятиях с тем же успехом. Но все оказалось сложнее — речь шла о глубоких различиях культур. «Приемы» управления, эффективные в Японии, на американских служащих часто оказывали совершенно противоположное действие. Поскольку эта проблема изучалась «с обеих сторон» (причем «западная сторона» стремилась чему-то научиться и отбросила гонор), в этих исследованиях реализовался антропологический подход, давший ценное знание и о современном, и о традиционном обществе.

С необычной стороны освещает нашу проблему исследование рабского труда в США, удостоенное Нобелевской премии¹. Экономика, основанная на труде рабов-африканцев, стала большим экспериментом по взаи-

¹ Это новаторская работа в области клиометрии — с математической обработкой больших массивов информации самого разного рода.

модействию традиционного (даже «примитивного») и современного капиталистического общества. Этот эксперимент, связанный с острыми конфликтами, был мифологизирован. Современное исследование вскрыло много неожиданного и даже вызвало в США скандал. Дело в том, что негры-рабы в США сами создавали сложно организованное предприятие плантации. Оно было настолько эффективным, что рабовладельцы-плантаторы благоразумно не вмешивались в организацию труда и быта рабов — управляющими были тоже рабы. Организовавшись по-своему, африканцы были поразительно эффективнее белых фермеров.

Во время уборки хлопка рабов не хватало, и обычно в дополнение к ним нанимали белых сезонных рабочих. У них в среднем выработка была вдвое ниже, чем у рабов (и, что покажется странным для наших обществоведов и новых собственников, у таких белых наемных рабочих и зарплата была *вдвое меньше*, чем у рабов). Как пишут авторы исследования, белые протестанты с их индивидуализмом были неспособны освоить сложную организацию коллективного труда, которая была у негров. В целом же по хозяйству душевая выработка негра-раба была на 40% выше, чем у фермера. Иногда плантаторы отпускали негров-рабов «на оброк» — работать в промышленности (но такое происходило довольно редко, т. к. раб был огромной ценностью). Интересно, что и на заводах труд таких артелей оказывался эффективнее труда белых рабочих. Такая вот история. Это не значит, что в нашей реформе надо двигаться к рабовладельческому строю (хотя такие признаки есть).

Об исследованиях хозяйства русского общинного крестьянства в сравнении с фермерским укладом, который пытался внедрить Столыпин, будем говорить особо.

Помимо науки, над осмыслением нашей проблемы трудились *искусство*. Оно создало другой, еще более обширный запас знания, «записанного» в художественных образах. Некоторые художники приближались к *осознанному* сопоставлению двух типов общества (особенно когда отражали эпизоды столкновения цивилизаций — как, например, в «Войне и мир» Льва Толстого или повестях Лескова, а в японской литературе — в повестях Акутагавы о японских христианах).

Освоение художественного знания — задача, пожалуй, более сложная, поскольку проникновение в чужую культуру намного труднее, чем в научные тексты, следующие, насколько возможно, общим стандартам. Но уж русскую-то литературу мы можем читать и понимать. Поразительное дело: когда перечитываешь Пушкина, Толстого или Шолохова после освоения самых основных понятий о традиционном обществе, Россия открывается перед тобой совсем с иной стороны. Начинаешь у этих художников видеть и понимать новые грани и краски, которых раньше и не замечал.

В целом, два массива знания — *научное* и *художественное* — не противоречат друг другу, а гармонически дополняют. Это само по себе — важный аргумент, подтверждающий верность главных положений научной концепции традиционного общества.

Таковы основные источники хорошо систематизированного, обработанного согласно научным нормам знания о традиционном обществе. Можно назвать это знание материалистическим, ибо оно не включает в себя никаких неуловимых, мистических понятий, не нуждается в обращении к мифам и тайнам загадочной души — русской, китайской и т. д. Все утверждения можно проверить наблюдением и логикой, что и является признаком научного знания.

Разумеется, понятия «современное» и «традиционное» общество есть *абстракции*. В действительности эти модели нигде в чистом виде не встречаются. Любое известное нам самое примитивное общество уже в какой-то мере модернизировано, оно перенимает западные технологии, понятия, общественные институты — прямо или через иные модернизированные культуры. А любое самое лишенное традиций общество Запада (скажем, США) несет в себе какие-то традиционалистские или архаические черты. И не только несет их в себе как пережитки, но и порождает их, культивирует в своем развитии — воспроизводит традиционализм в новых формах.

Например, длительное использование рабского труда африканцев в южных штатах США превратило потомков радикальных протестантов в традиционалистов с аристократическими замашками, так что гражданская война с Севером обладала чертами цивилизационной войны. Городское общество Южной Америки, населенное иммигрантами из Западной Европы, сосуществуя с сельскими индейскими общинами, также обрело многие черты традиционного сословного общества. Парадоксально, но и фундаментализм неолиберальной волны привел к возрождению сословных отношений в лоне буржуазного общества — непримиримого врага традиционализма. Эти явления должны служить нам предостережением против эссенциализма. Постараемся не впадать в гипостазирование понятий «современное общество» и «традиционное общество», и будем считать присущие им свойства неизменной сущностью. Эти понятия — инструмент мышления, пользоваться им надо осмотрительно, учитывая, что объект меняется.

Рассмотрим те главные признаки традиционного и современного обществ, которые составляют ядро, выдающиеся черты двух «портретов». Сравнение двух типов общества по каждому признаку — это отдельная, почти неисчерпаемая тема.

Все эти признаки можно детализировать, множить, доводить до тонких нюансов. Знания о традиционном обществе России (СССР), изучению которого была посвящена *советология*, позволили найти уязвимые

точки в этой сложной и хрупкой конструкции. Потому-то перестройка превратилась в потрясающую по своей эффективности операцию по слову советского общества. А для восстановления России мы сами должны лучше знать ее.

Картина мира. В любом обществе картина мироздания служит для человека той базой, на которой строятся представления об идеальном или допустимом устройстве общества. Самые первые, фундаментальные различия двух типов общества проявляются уже в том, как человек воспринимает пространство и время. В самом фундаменте современного общества лежит идея свободы в ее новых, внеэтических измерениях. Снятие пространственных ограничений изменило мироощущение людей, породило убежденность в возможности неограниченной экспансии, столь важную для идеологии либерализма.

Наука разрушила Космос, представив человеку мир как бесконечный, познаваемый и описываемый на простом математическом языке механизм. Вот красноречивый штрих: более полувека в мире осуществляются две технически сходные исследовательские программы, в которых главный объект называется совершенно разными терминами. В СССР (теперь России) — космос, в США — спарс (пространство). У нас космонавты, там — астронавты.

Создавая свой искусственный мир, человек традиционного общества «встраивает» его в данное природой пространство, не ищет прямых линий и прямых углов и плоскостей. Сакля лепится к скале, улочки старого города извилисты (сравните с планом Нью-Йорка!). Поражают аэроснимки старинных городов, где столкновение с новым пространственным мышлением произошло очень быстро, в период короткого строительного бума конца прошлого века. На конгрессе по истории науки и техники в Испании докладчик показал план Гранады. Средневековый город разрублен, как саблей, наискось, прямым проспектом *Gran Vía*, а в конце его начинаются квадраты кварталов современного города. Хайдеггер описывает два сооружения на Рейне, неподалеку одно от другого. Вот средневековый мост. Он так прилажен к берегам и реке, что кажется частью целого. А вот электростанция. Здесь сама река встроена в нее.

У всех народов и племен существовал миф о *вечном возвращении*, о том, что время приведет его к родному дому, к утраченному раю. Научная революция разрушила этот образ: время стало линейным и необратимым. Это было тяжелое потрясение, из которого родился европейский нигилизм и пессимизм (незнакомый Востоку).

Нам кажется, что идея длящегося, устремленного вперед времени и идея прогресса заложены в нашем мышлении естественным образом. Между тем, это — недавние приобретения культуры. Даже человек Возрождения еще не мыслил жизнь как прогресс, для него идеалы

совершенства, к которым надо стремиться, остались в античности. В сознании господствовала эсхатологическая концепция (сотворение мира — конец света), дополненная понятием циклического времени. Лишь начиная с XVII века утверждаются линейные толкования истории и вера в бесконечный прогресс. Эта вера была провозглашена Лейбницем, но получила особенно широкое распространение лишь в XIX веке, благодаря эволюционной теории.

Когда время «выпрямилось», изменился весь строй жизни человека. Торопливость, экономия времени, постоянная зависимость от часов — признак современного общества, в отличие от того, что мы наблюдаем в любой традиционной культуре. Испытывая ужас перед «утекающим» временем, человек Запада ощущает странное желание жить наперекор времени, побеждать его — например, есть клубнику именно зимой, а кататься на лыжах именно летом, не считаясь с расходами. Это — символический признак успеха. В культуре традиционного общества, напротив, хорошим тоном считается именно ощущать циклическую смену времен года: наслаждаться цветами, плодами, пейзажами сезона.

Характерно преломилось представление о времени в двух знакомых нам социально-философских учениях современности — социал-демократии, получившей распространение на Западе, и коммунизме, который укоренился в традиционных обществах России и Азии.

Маркс, сказав о призраке коммунизма, видел его трансцендентное, «потустороннее» отличие от социализма. Вступление в коммунизм — завершение цикла, в известном смысле конец «этого» света, «возврат» человечества к коммуне. То есть к жизни в общине, в семье людей, где преодолено отчуждение, порожденное собственностью. Социализм же — экономическая формация, где разумно, с большой долей солидарности устроена совместная жизнь людей. Но не как в семье. «Каждому по труду» — принцип не семьи, а весьма справедливого общества.

Рациональный Запад за призраком не погнался, а ограничил себя социал-демократией, чей великий лозунг гласит: «Движение — все, цель — ничто!». Здесь — разное понимание времени. Время коммунистов — циклическое, мессианское. Оно устремлено к некоему идеалу (светлому будущему, Царству свободы — названия могут быть разными, но главное, что есть ожидание идеала как избавления, как возвращения, подобно второму пришествию у христиан). Время социал-демократов — линейное, рациональное: «цель — ничто». Здесь — мир Ньютона, бесконечный и холодный. Можно сказать, что социал-демократов толкает в спину прошлое, а коммунистов притягивает будущее.

Как уже говорилось в лекции о цивилизациях, Космос, в центре которого находился человек, созданный по образу и подобию Бога, обладает святостью (Гегель назвал традиционное общество «культурой с симво-

лами»). Десакрализация мира сделала отношение к нему в современном обществе рациональным. В традиционном обществе человек сохранил «естественный религиозный орган», и ощущает глубокий смысл бытия, хотя бы он и был атеист.

Святость мира и включение в него человека порождают в традиционном обществе единую для всех этику. Современное общество «открыто» в том смысле, что его не ограничивают барьеры, в которых «замкнуто» традиционное общество — ни Бог, ни общая (тоталитарная) этика, ни озоновый слой.

Глубоко различно отношение к земле. Недаром важнейшей проблемой реформы в России стало снятие священного смысла понятия «земля». Идеологи разрушают это понятие как символ, имеющий для народов России религиозное содержание. В дебатах о собственности на землю этот смысл отбрасывается грубо. Подчеркивается, что земля — не более чем средство производства и объект экономики².

Антропологи специально рассматривают смысл Земли в культуре «незападных» народов. Земля — особое измерение Природы, то духовное пространство, в котором происходит встреча с мертвыми. Запрет на продажу земли является абсолютным, экономические расчеты при этом несущественны. Например, индейцев чаще всего приходилось просто уничтожать — выкупить землю не удавалось ни за какие деньги. В 1995 году так были поголовно уничтожены два племени в Южной Америке.

В России эти квазирелигиозные представления уже вытеснены из сознания и перешли в культуру, сохранившись в культурном бессознательном. Продажа земли, особенно иностранцам, до сих пор вызывает тревожное чувство.

Конечно, русские, включившись в промышленное развитие, восприняли научные представления о пространстве и времени, но так, что прежнее мироощущение при этом не было сломано. Научные представления, как инструменты, сосуществуют с космическим чувством.

Представление о человеке. Как уже говорилось, в современном обществе человек — свободный атом, индивид. В России смысл понятия «индивид» широкой публике даже неизвестен. Здесь человек в принципе

---

² В.М. Межуев писал (1991): «Мышление, психология товарного производителя — нечто совсем иное, чем мышление крестьянина, занятого натуральным производством. Одно дело видеть в хлебе — каравай, в корове — Зорьку, в козе — Машку; совсем другое — видеть в них и стоимость, измеряемую денежными знаками. Для крестьянина важно, конечно, чувствовать свою близость к природе, почитать и любить землю как свою «матушку-кормилицу» (о чем с городским умилением пишут наши авторы-«деревенщики»), но с экономической точки зрения важно еще и видеть в земле своеобразный банк, в который вложены деньги, приносящие доход (ренту). И такое меркантильное, прагматическое, расчетливое отношение к земле намного полезнее для той же земли, чем простое чувство естественной сращенности с ней, якобы генетически врожденное каждому крестьянину».

не может быть атомом — он «делим». Он есть личность как средоточие множества человеческих связей. Он «разделен» в других и вбирает их в себя. Здесь человек всегда включен в солидарные структуры (патриархальной семьи, деревенской и церковной общины, трудового коллектива, пусть даже шайки воров). Этот взгляд очень устойчив и доминирует в России в самых разных идеологических воплощениях, что и является *важнейшим* признаком для отнесения ее к традиционному обществу. Современное общество требует разрушения общинных связей и превращения людей в индивидуалистов, которые уже затем соединяются в классы и партии, чтобы вести борьбу за свои интересы.

Ось гражданского общества — частная собственность. Жан-Жак Руссо в «Рассуждениях о происхождении неравенства» (1755) так писал о возникновении гражданского общества: «Первый, кто расчистил участок земли и сказал: “это мое” — стал подлинным основателем гражданского общества»³.

Исходный смысл частной собственности как естественного права — собственность индивида на его *тело*⁴. В традиционном обществе понятие «Я» включает в себя и дух, и тело как неразрывное целое, человек — не вполне собственник тела («люди царевы»). Теперь человек раздвоился. Одна его ипостась — собственник, а другая ипостась — собственность. Возникла совершенно новая, нигде кроме Запада не существующая антропология.

Как и всякая частная собственность, в современном обществе тело становится «средством производства». Э. Фромм, рассматривая человека Запада как новый тип («человек кибернетический»), пишет: «Кибернетический человек достигает такой степени отчуждения, что ощущает свое тело только как инструмент успеха. Его тело должно казаться молодым и здоровым, и он относится к нему с глубоким нарциссизмом, как ценнейшей собственности на рынке личностей».

Глубинное чувство собственности, приложенное прежде к телу, определило иное, нежели в традиционном обществе, отношение к проституции, гомосексуализму, эвтаназии, рынку рабочей силы и другим проблемам «распоряжения» своим телом.

Так, одним из социальных прав как в СССР, так и в некоторых странах при социал-демократических правительствах (например, в Швеции) было право на бесплатное медицинское обслуживание. При внешней

---

³ Он добавил далее, что в основании гражданского общества — непрерывная война, «хищничество богачей, разбой бедняков».

⁴ Основатель «идеологии» Дестют Де Траси писал: «Природа наделила человека неизбежной и неотчуждаемой собственностью, собственностью на свою индивидуальность... “Я” — исключительный собственник тела, им одушевляемого, органов, приводимых им в движение, всех их способностей, всех сил и действий, производимых ими; и никакое другое лицо не может пользоваться этими же самыми орудиями».

схожести этого конкретного права его основания в СССР и в Швеции были различны. Согласно концепции индивида (в Швеции), человек рождается вместе со своими неотчуждаемыми *личными* правами. Но право на охрану его собственности — *социальное* право, его надо закрепить в общественном договоре. Тело — собственность индивида, охрана его здоровья государством — завоеванное борьбой социальное право.

В советском (традиционном) обществе человек — член общины. Его здоровье — национальное достояние. Поэтому здравоохранение рассматривается как обязанность. Оберегать здоровье человека — *обязанность* и государства как распорядителя национальным достоянием, и самого человека. Реформа в России привела к неожиданному эффекту: еще до перехода к платному здравоохранению резко снизилась обращаемость к врачам, несмотря на рост числа заболеваний. Люди почувствовали себя свободными от обязанности беречь свое здоровье как национальное достояние, но еще не осознали свое тело как частную собственность.

Из разных представлений о человеке вытекает и разное отношение ко многим правам — прежде всего к праву на жизнь, на пищу. В традиционном обществе всегда сильна *уравниловка* — право на вне рыночное получение некоторого минимума жизненных благ, принципиально отвергаемое в современном обществе (бедные в нем — *отверженные*).

С первых этапов становления современного общества Запада его социальная философия ищет обоснование *социальному неравенству* (индивидуальное равенство дается неотчуждаемым правом частной собственности на тело человека). Так возник социал-дарвинизм — представление, переносящее принцип борьбы за существование из животного мира в общество людей. Это придает неравенству видимость «естественного» закона.

Отцы политэкономии говорили о «расе рабочих» и считали, что первая задача рынка — через зарплату регулировать численность этой расы. Все теории рынка были предельно жестоки: рынок должен был убивать лишних, как бездушный механизм. Это ясно сказал заведующий первой в истории кафедрой политэкономии Мальтус: «Человек, пришедший в занятый уже мир, если общество не в состоянии воспользоваться его трудом, не имеет ни малейшего права требовать какого бы то ни было пропитания, и в действительности он лишний на земле. Природа повелевает ему удалиться, и не замедлит сама привести в исполнение свой приговор».

Таким образом, право на жизнь дает только *платежеспособность*. Оно не входит в число *естественных* прав, что бы ни говорили «мягкие» либералы. Социолог из США Ч. Томпсон, изучавший связь между расовыми и социальными отношениями, писал: «В Англии, где промышленная революция протекала быстрее, чем в остальной Европе, со-

циальный хаос, порожденный драконовской перестройкой экономики, превратил обнищавших детей в пушечное мясо, которым позже стали африканские негры. Аргументы, которыми в тот момент оправдывали такое обращение с детьми, были абсолютно теми же, которыми впоследствии оправдывали обращение с рабами».

Эти нормы смягчались по мере усиления социальной борьбы, но «чистая модель» не изменилась — проблему перенесли в сферу *благотворительности*. Ф. Бродель писал: «Эта буржуазная жестокость безмерно усилится в конце XVI в. и еще более в XVII в... В XVI в. чужака-нищего лечат или кормят перед тем, как выгнать. В начале XVII в. ему обривают голову. Позднее его бьют кнутом, а в конце века последним словом подавления стала ссылка его в каторжные работы»⁵.

В России дело обстояло иначе, здесь «право на жизнь» всегда было *естественным* правом. Человек, просто потому, что он родился в России и есть один из нас, имеет право на жизнь, а значит, на некоторый минимум благ. И это — не подачка, а право. Поэтому так болезненно и было воспринято вторжение западного капитализма, в результате которого с конца XIX века стали происходить голодные бедствия как социальное, а не стихийное явление. Российское монархическое государство перестало гарантировать *право на жизнь*, что и завершилось революцией.

В советское время уравниловка в России была вытеснена из рационального сознания в коллективное бессознательное. Изменения в идеологии не меняют этого подспудного чувства. Даже в период рыночного энтузиазма общественное мнение было жестко уравнивательным. В октябре 1989 года на вопрос «Считаете ли вы справедливым нынешнее распределение доходов в нашем обществе?» 52,8% ответили «несправедливо», а 44,7% — «не совсем справедливо». Что же считали несправедливым 98% жителей СССР? Недостаточно уравнивательное распределение благ. 84,5% считали, что «государство должно предоставлять больше льгот людям с низкими доходами» и 84,2% считали, что «государство должно гарантировать каждому доход не ниже прожиточного минимума». Это и есть уравнивательная программа.

Надо особо подчеркнуть, что такое понимание права на жизнь вовсе не является порождением советского строя и его идеологии. Напротив, советский строй — порождение этого взгляда. Согласно ему, угрожающая жизни бедность есть зло, несправедливость, которую можно временно терпеть как следствие бедствия, но нельзя принимать как норму жизни.

---

⁵ В 2004 г. Гайдар, ставший приверженцем экономического либерализма, писал: «Либеральное видение мира отвергало право человека на получение общественной помощи. В свободной стране каждый сам выбирает свое будущее, несет ответственность за свои успехи и неудачи».

Лекция 17

Типы общества. Часть вторая

Государство

В соответствии с представлениями о человеке и с теми связями, которые соединяют людей в общество, строится *политический* порядок, определяющий тип государства. Имея как образец идеал семьи, традиционное общество порождает так называемое *патерналистское* государство (от лат. *pater* — отец). Здесь отношения власти и подданных иерархичны и строятся по образу отношений отца и детей. Ясно, что представления о свободе, взаимных правах и обязанностях здесь принципиально иные, нежели в государстве западного общества, роль которого сведена к функции полицейского на рынке (государство — «ночной сторож»).

Российское государство — как в облике империи, так и в образе СССР — было классическим примером государства традиционного общества. Сейчас, в переходный период, государственность Российской Федерации еще не устоялась, в ней много «гибридных» форм. Однако после хаоса 1990-х годов в нем все сильнее проглядывают черты традиционной для России государственности, хотя и в очень деформированном виде.

Через идеологический фильтр евроцентризма такое государство видится неправильным, а часто и необъяснимым. Приходится прибегать к психоанализу, сводя дело к комплексам и психическим отклонениям «тиранов» или мистическим тайнам «русской души». Напротив, в свете теории современного и традиционного обществ история такого государства укладывается в рациональные рассуждения, приводящие к логичным выводам.

В Европе Реформация стала революцией не только в религиозной, но и в политической сфере. Раньше государство обосновывалось, приобретало *авторитет* через божественную Благодать. Монарх был помазанник Божий, а все подданные были, в каком-то смысле, его детьми. Впервые Лютер обосновал превращение патерналистского государства в *классовое*, в котором представителями высшей силы оказываются *богатые*. Богатые стали носителями власти, направленной против *бедных*¹.

¹ Лютер писал: «Наш Господь Бог очень высок, поэтому он нуждается в этих палатах и слугах — богатых и высокого происхождения, поэтому он желает, чтобы они имели богатства и почестей в изобилии и всем внушали страх. Его божественной воле угодно, чтобы мы называли этих служащих ему палачей милостивыми государями».

Государство перестало быть «отцом», а народ перестал быть «семьей». Общество стало ареной классово-войны.

Назвав новое общество «республикой собственников», теоретик гражданского общества Локк так и объяснил суть государства: «Главная и основная цель, ради которой люди объединяются в республики и подчиняются правительствам, — сохранение их собственности» (слово «республика», т. е. «общее дело», изначально применялось к любому государству, в том числе и монархии).

Гражданское общество породило тот тип государства, который Гоббс назвал «Левиафаном» — библейским чудовищем. Только такой наделенный мощью, бесстрашием и авторитетом страж мог ввести в законные рамки конкуренцию — эту войну всех против всех. Его легитимация производится снизу по принципу «один человек — один голос».

Гражданское общество основано на конфронтации с неимущими. Внутреннее единство общества отрицается принципиально, как утрата свободы, как тоталитаризм. В норме государство гражданского общества должно поддерживать условия для конкуренции, а периодически — вести войну и переживать революции.

В фундаментальной «Истории идеологии», по которой учатся в западных университетах, читаем: «Гражданские войны и революции присущи либерализму так же, как наемный труд и зарплата — собственности и капиталу. Демократическое государство — исчерпывающая формула для народа собственников, постоянно охваченного страхом перед экспроприацией... Гражданская война является условием существования либеральной демократии. Через войну утверждается власть государства так же, как “народ” утверждается через революцию, а политическое право — собственностью... Таким образом, эта демократия есть ничто иное, как холодная гражданская война, ведущаяся государством».

Основоположник неолиберализма Ф. фон Хайек писал: «Всенародная солидарность со всеобъемлющим этическим кодексом или с единой системой ценностей, скрыто присутствующей в любом экономическом плане, — вещь неведомая в свободном обществе. Ее придется создавать с нуля». Таким образом, на Западе, по мнению философов неолиберализма, «довели всенародную солидарность до нуля» — а теперь ее придется «создавать с нуля».

Напротив, *единство* общества («народность») всегда является идеалом и заботой государства традиционного общества. Источник его легитимности лежит не в победоносной гражданской войне, а именно в авторитете государя как отца. Единство — главная ценность семьи, поэтому во всех своих ритуалах это государство подчеркивает существование такого единства.

Различие двух типов государства хорошо видно при сравнении процедур голосования в *парламентах* и *Советах*. Голосование — древнейший ритуал любой разновидности демократии — от родовой до современной либеральной. Этот ритуал лишь завершает процесс согласования интересов и выработки решения, приемлемого для всех влиятельных групп.

В парламенте голосование есть ритуал, символизирующий *конкуренцию*, в которой побеждает сильнейший (пусть даже с перевесом в один голос). В Советах (любого вида — от совета старейшин племени до Верховного Совета СССР) голосование есть ритуал *согласия*. Здесь стремятся обеспечить единогласность. Этот смысл ритуала голосования в государстве традиционного типа прекрасно изучен в антропологии и культурологии. В оставшихся кое-где на Земле культурах с племенной демократией существуют даже изоциренные специальные обряды, в ходе которых люди отставляют в сторону обиды и разногласия (танцы, ритуальные инсценировки боя, омовения и пиры). Лишь после этих обрядов приступают к голосованию, которое должно быть единодушным².

Тот же смысл имеют выборы в представительные органы власти. В гражданском обществе выборы — это своеобразный политический рынок, на котором партии «продают» свои программы и получают плату в виде голосов граждан. В свободной конкуренции здесь побеждает сильнейший. Выборы в традиционном обществе, как мы это видели в СССР, являются на деле плебисцитом (с ответом типа «да-нет»). Назначение их — явиться и одобрить общую линию государства.

Поэтому так была важна в СССР *явка* на выборы, хотя мало кто из избирателей вообще заглядывал в бюллетень — он говорил «да» самим фактом голосования неиспорченным бюллетенем. Каждый не принявший участия в выборах означал наличие сильного недовольства. Для либерального государства массовое участие в выборах существенно значения не имеет, правомочный кворум сокращается порой до 1/4 граждан, а в некоторых случаях (как в США) вообще до одного человека (см. Приложение).

Различны и подходы к наделению граждан «голосом». Возникновение нового типа человека — индивидуума (атома) — привело к *атомизации* голоса. Предельным выражением демократии западного типа стал принцип «один человек — один голос». До этого в солидарных коллективах «голос» или часть его отдавались тем, кто считался выразителем разума и воли этого коллектива (например, отцу крестьянской

² Антрополог Леви-Стросс подчеркивал: «Почти во всех абсолютно обществах, называемых «примитивными», немислима сама идея принятия решения большинством голосов, поскольку социальное единство и доброе взаимопонимание считаются более важными, чем любая новация. Поэтому принимаются лишь единодушные решения».

семьи, священнику, старейшинам и т. д.). В любом государстве советского, а не парламентского, типа носителями голоса являются не только граждане, но и коллективы, общности людей.

На ранних этапах становления государства в Советской России даже выборы в Советы проводились в коллективах предприятий или в общинах деревень, так что голос члена коллектива «весил» больше, чем голос изолированного гражданина. Первые выборы в Советы в 1923–1924 годы вызвали переполох в партийном руководстве, т. к. на них явилось всего около 30% избирателей. А причина была в том, что по разумению крестьян (а они составляли 85% населения) идти голосовать должен был только отец — за всю семью. Члены семьи «вручали» свои голоса отцу.

Евроцентризм утверждает существование лишь одной «правильной» формы демократии — *парламентской*. Она основана на представительстве главных социальных групп общества через партии, которые конкурируют на выборах («политическом рынке»). Парламент есть форум, на котором партийные фракции ведут торг, согласовывая интересы представленных ими групп и классов. Равновесие политической системы обеспечивается созданием «сдержек и противовесов» — разделением властей и наличием сильной оппозиции. В зрелом виде эта равновесная система приходит к двум партиям примерно равной силы и весьма близким по своим социальным и политическим программам. Эта система процедурно сложна, так что возникает слой профессиональных политиков («политический класс»), представляющих интересы разных классов и групп в парламенте.

В Советах выразился иной тип демократии, они формировались как органы не классово-партийные, а *общинно-сословные*, в которых многопартийность постепенно вообще исчезла. На уровне государства Советы были новым типом для России, но на уровне самоуправления это был традиционный тип, характерный для аграрной цивилизации, — тип военной, ремесленной и крестьянской демократии доиндустриального общества. Либералы-западники видели в этом архаизацию, даже «азиатизацию» России, возрождение древних форм, лишь прикрытых позднефеодальными и буржуазными наслоениями. В этом нет ничего необычного.

Советы несли в себе идеал *прямой*, а не представительной демократии. В первое время создаваемые на заводах Советы включали в себя *всех* рабочих завода, а в деревне Советом считали *сельский сход*. Советы депутатов, представляющих низовые Советы, для различения называли *совдепами*.

Впоследствии постепенно и с трудом Советы превращались в представительный орган, но при этом они сохранили *соборный* принцип формирования. Депутатами Советов становились не профессиональ-

ные политики, а люди из «гущи жизни» (в идеале — представители всех социальных групп, областей, национальностей). С точки зрения парламентаризма, такой «подбор» состава Советов выглядит нелепостью; но когда корпус депутатов состоит из тех, кто знает все стороны жизни на личном опыте, риск катастрофических решений гораздо меньше.

В отличие от парламента, где победитель в конфликте интересов выявляется быстро, Совет, озабоченный поиском *единства* (консенсуса), подходит к вопросу с разных сторон. Это производит впечатление расплывчатости и медлительности («говорильня»). Для тех, кто после 1989 года мог наблюдать параллельно дебаты в Верховном Совете СССР (или РСФСР) и в каком-нибудь западном парламенте, разница казалась ошеломляющей. Дело в том, что парламент ищет решение, как на конкурентном рынке при купле-продаже. Совет же «ищет *правду*» — лучший баланс всех интересов. Когда «правда найдена», это подтверждается единогласно. Конкретные же решения выработывает орган Совета — исполнительный комитет.

В Советской России поначалу выборы в Советы проводились в коллективах предприятий или в общинах деревень, так что голос члена коллектива «весил» больше, чем голос изолированного гражданина. В дальнейшем возник «коллективный голос» народов и национальностей. Народы получили представительство в государстве не как совокупность индивидов, но как целостность (Совет *национальностей*), а каждый гражданин имел «голос» и как представитель своей национальности, что было даже зафиксировано в личном документе (паспорте).

Риторика Совета с точки зрения парламента кажется абсурдной. Парламентарий, получив мандат от избирателей, далее опирается лишь на свое мнение. Депутат Совета, напротив, подчеркивает, что он — лишь *выразитель воли народа*. Поэтому часто повторяется фраза: «Наши избиратели ждут...» (этот пережиток сохранился в Госдуме даже через много лет после ликвидации Советской власти). В Советах имелась ритуальная, невыполнимая норма — «*наказы избирателей*». Депутат не имел права ставить их под сомнение (хотя ясно, что наказания могли быть взаимно несовместимыми).

Советы были порождены политической культурой народов России и выражали эту культуру. Судить их принципы, процедуры и ритуалы по меркам западного парламента нельзя. На практике Советы выработали систему приемов, которые в условиях *советского* общества были устойчивой и эффективной формой государственности. Как только само это общество дало трещину и стало разрушаться, недееспособными стали и Советы, что в полной мере проявилось уже в 1989–1990 годы.

Каждый инструмент государства эффективен лишь в контексте всей системы в целом. Партия заняла в политической системе особое место,

без учета которого не может быть понят и тип Советского государства. Необходимость в независимом от Советов «скелете» государства диктовалась типом общества. В традиционном обществе государство *сакрализовано*, оно обладает святостью, которая возникает не из сложения голосов граждан, а из благодати («идеи»). В крайнем случае *теократического* государства эта благодать исходит из божественного откровения. Царская Россия не была теократическим государством, но роль Церкви в легитимации власти была велика. Кризис Церкви, религиозные искания в обществе конца XIX века — начала XX века были важным фактором подрыва легитимности монархии.

Наиболее распространенным вариантом государства традиционного общества является государство *идеократическое*. В нем источником благодати является набор идеалов, признаваемых за общепринятые и не подвергаемых проверке через выборы. Советская власть была идеократическим государством; идеалы, придающие власти легитимность, выражались на языке «мечты о правде и справедливости». Авторитет государства опирался на небольшое число священных идей.

Н.А. Бердяев даже писал: «Социалистическое государство не есть секулярное государство, это — сакральное государство... Оно походит на авторитарное теократическое государство... Хранителями мессианской “идеи” пролетариата является особенная иерархия — коммунистическая партия, крайне централизованная и обладающая диктаторской властью».

Эта партия имела иной тип, нежели партии гражданского общества, конкурирующие на «политическом рынке». КПСС была особым «постоянно действующим» *собором*, представляющим все социальные группы и сословия, все национальности и все территориальные единицы. Здесь и происходили согласования интересов, нахождение компромиссов и разрешение или подавление конфликтов — координация всех частей государственной системы. Понятно, что в такой партии не допускалась фракционность, естественная для «классовых» партий.

Советскому государству требовалась авторитетная сила, которая была бы включена во все органы власти и управления и в то же время следовала не местным, а общегосударственным установкам и критериям. Такой силой и была партия, игравшая роль высшего арбитра. Партия, членами которой в разные годы были от 40 до 70% депутатов, соединила Советы в единую государственную систему, связанную как иерархически, так и «по горизонтали». Значение этой связующей роли партии наглядно выявилось в 1990 году, когда эта роль была законодательно изъята из полномочий КПСС.

Все требования многопартийности, «свободной игры политических сил», плюрализма и т. п., которые раздавались с середины 80-х годов,

в действительности ставили вопрос не об «улучшении» Советского государства, а о смене самого *типа государственности*. Последствия такой революции прогнозировались как катастрофа, масштабы которой трудно было даже предсказать. Опыт 1990-х годов в целом подтвердил эти оценки.

Эта конструкция власти необычна с точки зрения либерального демократа, но она выполняет те же объективно присущие государству функции, что и при парламентской демократии. Партия большевиков строилась в соответствии не с формационным, а с *цивилизационным* подходом — и уже на первых этапах стала «орденом меченосцев», а не торговцем на политическом рынке программ и голосов. Это обусловило необычную для парламентских систем эффективность Советского государства в экстремальных условиях индустриализации и войны.

Сравнение структур и процедур государств современного и традиционного общества — очень обширная тема; здесь мы можем коснуться (выборочно) очень немногих точек. Укажем вскользь еще на две-три.

Важные различия видны в применении *средств господства*. Любое государство побуждает людей к поведению, не выходящему за рамки установленных норм. Это осуществляется двумя принципиально разными способами — *принуждением* и *внушением*. Государство традиционного общества действует *открытым* убеждением и принуждением. Государство гражданского общества породило новый тип господства — через *манипуляцию сознанием*.

Манипуляция — способ господства путем духовного воздействия на людей через программирование их поведения. Это воздействие направлено на психические структуры человека, осуществляется скрытно и ставит своей задачей изменение мнений, побуждений и целей людей в нужном власти направлении.

Манипуляция сознанием как средство власти — сложная технология, она возникает только в гражданском обществе, с установлением политического порядка, основанного на представительной демократии. Ведущие американские социологи П. Лазарсфельд и Р. Мертон пишут: «Те, кто контролирует взгляды и убеждения в нашем обществе, прибегают меньше к физическому насилию и больше к массовому внушению. Радиопрограммы и реклама заменяют запугивание и насилие». Власть монарха или ВКП(б) (позже — КПСС) нуждалась в легитимации, но не в манипуляции сознанием. Отношения господства при такой власти были основаны, как пишут антисоветские политологи, на «открытом, без маскировки, императивном воздействии — от насилия и подавления до навязывания, внушения, приказа — с использованием грубого простого принуждения».

Главный признак манипуляции — скрытность воздействия и внушение человеку желаний, противоречащих его главным ценностям

и интересам. Ни религия, ни официальная идеология идеократического общества не только не соответствуют этому признаку — они действуют принципиально иначе. Их обращение к людям не просто не скрывается, оно громогласно. В казармах Красной Армии висел плакат: «Не можешь — поможем. Не умеешь — научим. Не хочешь — заставим». Смысл же манипуляции иной: мы не будем тебя *заставлять*, мы влезем к тебе в душу, в подсознание, и сделаем так, что ты сам *захочешь*.

Человек либеральных взглядов считает, что манипуляция сознанием — более гуманное и приятное средство господства, чем открытое принуждение и императивное внушение — как наркотик приятнее кнута. Это — дело вкуса (например, Ф.М. Достоевский считал, что манипуляция гораздо глубже травмирует душу человека и подавляет его свободу воли, нежели насилие — об этом его «Легенда о Великом Инквизиторе»). Но и на Западе, среди ведущих специалистов, есть такие (хотя их немного), кто считает, что манипуляция сознанием лишает индивидуума свободы в гораздо большей степени, нежели прямое принуждение. Об идеалах и вкусах нет смысла спорить, однако надо уметь различать явления.

Из истории мы знаем, что традиционное общество проявляет исключительную устойчивость в противостоянии некоторым типам угроз или испытаний, и поразительную беспомощность в преодолении других трудностей. Например, западные социологи поражаются тому факту, что в России и других постсоветских республиках общество и государства не рассыпались в 1990-е годы при спаде производства вдвое и снижении средних доходов в 4 раза (а в Таджикистане — в 11 раз). Современное общество такими механизмами солидарности не располагает. С другой стороны, наше общество легко позволило себя обобрать, не оказав никакого сопротивления. Это тоже поражает западных обществоведов.

Традиционное государство «стыдливо» — в этом и его сила, и слабость. Государство гражданского общества в принципе «стыда не имеет», в нем бывают лишь нарушения закона. «Кровавое воскресенье» доконало царизм, а расстрел в Чикаго никакого чувства вины в США не оставил. Хрущев пошел на уличные репрессии в Новочеркасске (в масштабах, по меркам Запада, ничтожных), но это тщательно скрывалось. Это был позор, Хрущев его и не пережил как руководитель. А в 1993 году танки могут расстреливать людей в течение целых суток в центре Москвы с показом по телевидению на весь мир. И понятие греха при обсуждении этой акции вообще было исключено — сдвинувшееся к либерализму общество на время исключило этот элемент из своего духовного арсенала.

Различия отражает сам язык: идеологи либеральной реформы принципиально стали называть правоохранительные органы *силовыми*

структурами. Слово, корнем которого является *право*, было заменено термином, полностью очищенным от всякой этической окраски. *Сила* нейтральна, равнодушна к Добру и Злу, она — орудие. Это — разрыв с традиционным правом, где «человек с ружьем» есть или носитель Добра, или слуга Зла. Программа «десакрализации» государства выполняется с середины 80-х годов, но окончательного успеха не достигла.

В целом, во время перестройки и после нее идеологизированная критика Советского государства была недобросовестной и в методологическом отношении очень низкого качества. Она парализовала возможность вынести из опыта взаимодействия государства и общества в царской и Советской России знание, совершенно необходимое нам сегодня. Выхода из этого состояния пока не видно.

Различие систем права. В традиционном и современном обществах складываются очень различные, поразительно несхожие системы *права*. Право традиционное настолько кажется странным человеку Запада, что он совершенно искренне считает государство традиционного общества «*неправовым*». Напротив, приложение норм права гражданского общества к традиционному (что случалось в периоды «модернизаций») наносит людям и целым народам тяжелые травмы, порой достигая уровня геноцида.

Будучи порождением традиционного общества, Российское государство выработало соответствующую такому обществу систему права. Люди, мыслящие в понятиях евроцентризма, не понимают традиционного права, оно им кажется *бесправием*. В связи с этим возникают конфликты и взаимное непонимание.

Так, слова «правовое государство» житель России воспринимает совсем не так, как на Западе. Там имеется в виду именно либеральное государство, отдающее безусловный приоритет *правам индивида*. В обычном сознании России считается, что правовое государство — это то, которое строго соблюдает установленные и известные всем нормы и всех заставляет их соблюдать. В таком государстве человек может достаточно надежно прогнозировать *последствия* своих действий — он вполне защищен и от преступника, и от внезапного обесценивания своего вклада в банке.

Строго говоря, *неправового* государства не бывает, даже если теократическое или идеократическое право с либеральной точки зрения жестоко или нелогично. Бывают *отклонения* от права, что есть частичная утрата государственности. Это — нестабильное состояние, которое при углублении кризиса ведет или к революции, или к разрушению государства, что выражается в утрате его *монополии на насилие*.

Если монополия сохраняется — государство *правовое*, хотя бы и жестокое. Если в стране легитимировано негосударственное насилие и на-

казание (например, «суд Линча» в США), то можно говорить о состоянии неполной государственности. Если же государство предоставляет оружие и лицензию на насилие неформальным организациям — это государственный терроризм, признак *преступного* государства.

Главное отличие правовых систем двух типов общества — в отношениях между *правом* и *этикой*. В любом обществе система права базируется на господствующей морали, на представлениях о допустимом и запретном; но в современном обществе все это представлено в виде законов и кодексов в несравненно большей степени, чем в традиционных. Причина в том, что западное общество отошло от *единой для всех этики*. Это породило *нигилизм* — безответственность, замаскированную понятием свободы. В традиционном обществе свобода уравновешена множеством этических запретов, поэтому, в частности, оно и выглядит как неправовое — в нем нет острой нужды формализовать запреты в виде законов. В либеральном обществе контроль общей этики заменяется контролем закона.

Можно сказать, несмотря на привычную инерцию восприятия, что так называемое «правовое» общество есть *вынужденное* состояние общества, утратившего именно нравственные регуляторы внутреннего взаимодействия. Философ права Ю.В. Тихонравов писал об этом следующее: «Право есть итог прогресса цивилизации и деградации культуры, оно есть предельная уступка духа реальности... Дух через последовательность кризисов движется по цепочке “религия — мораль — обычай — право”, теряя при этом свою ясность и силу... Когда же ни одно из этих оснований не может эффективно воздействовать на поведение людей, из них выделяется система норм, поддерживаемых реальной властью. Это и есть право».

Резкое расширение масштабов внедрения юридических норм (законов) в ткань человеческих отношений произошло на Западе в Новое время именно потому, что Реформация и атомизирующее воздействие рыночного хозяйства разорвали множество связей, которые действовали в предыдущий период. Законы — очень дорогостоящая и не всегда эффективная замена связей совести и любви. В русском народе до недавнего времени такой крупномасштабной замены просто не требовалось.

В России господствовала установка на *упрощение* законодательства, его сближение с господствующими в обыденном сознании представлениями и традиционной моралью — так, чтобы Закон был понятен человеку и в общем делал бы излишним большое профессиональное сообщество адвокатов. В повестях Гоголя упоминается *зерцало* — трехгранная призма, которая ставилась на видном месте в присутственных местах. На ней были тексты главных законов, для постоянного напоминания их публике. Поначалу на зеркалах выставлялись указы Петра I.

Устройство зеркал было не просто символом правосудия, оно давало ощущение близости, доступности законов. Это ощущение действительно присутствовало в восприятии человеческих отношений и в советское время: очень часто люди, столкнувшись с правовой проблемой, тут же покупали в магазине тоненькую книжку с соответствующим кодексом и вполне в нем разбирались. Более продвинутые покупали книжку по толще — комментарии к кодексу.

Многие считают признаком отсталости *уживчивость* русских, их отвращение к сутяжничеству, к обращению в суд для разбирательства своих конфликтов. Это свойство не прирожденное, оно настойчиво формировалось — и государством, и Церковью, и общиной. Гоголь писал, что любой суд должен быть «двойным»: по-человечески надо оправдать правого и осудить виноватого, а по-Божески осудить и правого, и виноватого. За что? За то, что не сумели примириться. Гоголь ссылается и на Пушкина: «Весьма здраво поступила комендантша в повести Пушкина “Капитанская дочка”, которая, пославши поручика рассудить городского солдата с бабой, подравшихся в бане за деревянную шайку, снабдила его такой инструкцией: “Разбери, кто прав, кто виноват, да обоих и накажи”».

Важным учреждением был в России Совестью суд, который просуществовал почти сто лет (1775–1862 гг.). В этом суде разбирали дело «не по закону, а по совести», что, безусловно, было важным элементом всей системы правовых отношений. Историки отмечают, что высокая степень юридической оформленности человеческих отношений является специфическим качеством культуры Западной Европы. Культ закона возник в Древнем Риме на языческой основе, с ориентацией на «естественные» права человека, не ограниченные христианской моралью. «Юридически» стали прежде всего отношения римлян с их богами — они воспринимались как абстрактные сущности, партнеры по договору.

Римское право оказало сильное влияние и на Католическую церковь, которая придала отношениям человека с Богом юридическую трактовку. Индальгенция — право человека спасти свою душу, совершив определенное количество добрых дел. Это сделка, и человек, выполнив свою часть контракта, был вправе требовать «товар». Если добрых дел не хватало, он мог покрыть недочет, «прикупив» благодати из сокровищницы святых — в буквальном смысле слова.

В России европейское образование элиты не раз приводило к утрате понимания тех представлений о праве, которые были укоренены в массовой культуре народа. Так, в начале XX века дворяне и политики исходили из западных представлений о частной собственности. Требования крестьян о национализации земли выглядели в их глазах преступными посягательствами на чужую собственность. На деле две части русского

народа уже существовали в разных системах права и не понимали друг друга, считая право другой стороны «бесправием». Такое «двоеправие» было признаком кризиса. Как говорят юристы, на Западе сложилась двойственная структура «право — бесправие», в ее рамках мыслил культурный слой России и начала XX века, да и сейчас — в начале XXI века. Но рядом с этим в русской культуре жила и живет более сложная система: «официальное право — обычное право — бесправие». Обычное право для «западника» кажется или бесправием, или полной нелепицей (см. в Приложении рассказ Т. Шанина).

Суть конфликта пытались разъяснить народники, говоря о сохранении в среде крестьянства основ старого обычного права — *трудового*. Оно было давно изжито на Западе и не отражалось в его правовых системах. Право на землю в сознании русских крестьян было тесно связано с *правом на труд*. Оба эти права опирались на православную антропологию — понимание сущности человека и его прав.

Такие общественные явления, которые со временем становятся привычными, лучше понимаются в момент их трансформации, а тем более быстрого, радикального слома. За многие десятилетия нам стало привычным советское право (до которого действовало генетически родственное ему *традиционное право* Российской империи). Для его понимания полезно наблюдать за попытками изменить его по западным образцам, которые предпринимаются сегодня на наших глазах. Многие из этих попыток приводят к драматическим последствиям и углубляют общий кризис во многом просто по незнанию.

Несоответствие между вводимыми новыми («западными») правовыми нормами и обычным правом наблюдается на каждом шагу. Иногда оно приводит именно к бесправию части населения, вплоть до *социального апартеида*. Например, с введением частной собственности была учреждена новая система государственной регистрации недвижимости (строений и земельных участков). Возможность понять ее правила и действовать в соответствии с ними сразу стала фильтром, разделившим население примерно на две равные части — тех, кто получал доступ к легальной недвижимости, и тех, кто этого доступа лишился.

Проведенное в 2003 году исследование привело к такому выводу: «Большей частью населения система государственной регистрации имущественных прав воспринимается либо как совершенно чужая, не имеющая никакого отношения к их жизни, либо как враждебная, способная привести к новым жизненным трудностям. ... Выявленные тенденции ведут к сужению социальной базы этого нового для нашего общества института, соответственно, к снижению его легитимности. Институт, за пределами которого остается более половины населения, не может претендовать на легитимность».

Введение в России регистрации недвижимости «западного типа» нанесло удар вовсе не только по советским привычкам. Вестернизация этой части права не успела произойти и в дореволюционной России. В этом отношении представляет интерес одна из последних повестей Н.С. Лескова, юриста и знатока культуры центральных областей России — «Несмертельный Голован» (1880) (см. Приложение).

Кризис последних десятилетий в России усиливается во многом потому, что в обществе возник и углубляется раскол в понимании справедливости и права, а также обязанностей государства и граждан. Попытка модернизации государства и права вопреки традиционным представлениям и обычаям большинства провалилась. Неудачу власть пытается компенсировать лихорадочным законотворчеством. Масса новых норм и законов растет, они становятся внутренне все более противоречивыми и все более непонятными для граждан, и при этом открывают все новые возможности для коррупции и произвола. Но сойти с этого пути и трезво разобраться с реальностью действующих норм и их восприятием в массовом сознании ни политики, ни их эксперты, видимо, не способны.

Типы хозяйства

Одной из составляющих жизнеустройства, которая сильно различается в традиционном и современном обществах, является *хозяйство*. Исходя из разных условий и разных представлений о Природе, человеке и собственности, обществе и государстве, люди по-разному формировали *хозяйство* — производство и распределение материальных жизненных благ. Уже Аристотель сформулировал основные понятия, на которых базируется видение хозяйства (см. лекцию 14).

Господство рыночной экономики в современном обществе было связано с возникновением нового, необычного с точки зрения традиций отношения к собственности, деньгам, труду и превращению вещи в товар.

Рыночная экономика не является чем-то естественным и универсальным. Это недавняя социальная конструкция, возникшая в специфической культуре Западной Европы. В ходе перестройки в СССР рынок был представлен идеологами просто как механизм информационной обратной связи, стихийно регулирующий производство в соответствии с общественной потребностью через поток товаров и денег. То есть как механизм контроля, альтернативный *плану*. Но противопоставление «рынок — план» несущественно по сравнению с фундаментальным смыслом понятия «рынок» как общей метафоры всего общества в западной цивилизации.

Рынок *продуктов* возник вместе с первым разделением труда и существует сегодня в некапиталистических и даже примитивных обществах. *Рыночная экономика* возникла, когда в товар превратились вещи, которые для традиционного мышления никак не могли быть товаром: *деньги, земля* и *свободный человек* (рабочая сила). Это — глубокий переворот в типе рациональности, в мышлении и даже религии, а отнюдь не только в экономике.

Например, согласно римскому праву было безусловно запрещено обращаться с деньгами как с товаром. Там действовала юридическая догма: «Денег же никто не должен покупать, ибо, учрежденные для пользования всех, они не должны быть товаром». Катон Старший писал: «А предками нашими так принято и так в законах уложено, чтобы вора присуждать ко взысканию вдвое, а ростовщика ко взысканию вчетверо. Поэтому можно судить, насколько ростовщика они считали худшим гражданином против вора». Напротив, современный капитализм не может существовать без финансового капитала, без превращения денег в товар. А в советском хозяйстве деньги товаром не были и не продавались³.

Совместная хозяйственная деятельность и общежитие людей могут быть организованы и без *купли-продажи*, она возникла относительно недавно. Существуют разные способы предоставления друг другу и материальных ценностей, и труда (дарение, услуга, предоставление в пользование, совместная работа, прямой продуктообмен и т. д.). Существуют и типы хозяйства, причем весьма сложно организованного, при которых ценности и усилия складываются, а не обмениваются — так, что все участники пользуются созданным сообща целым.

К этому же типу хозяйства относилось и советское плановое хозяйство.

Советский строй породил тип промышленного предприятия, в котором производство было неразрывно и незаметно переплетено с поддержанием важнейших условий жизни работников, членов их семей и вообще «города» (отсюда понятие «градообразующее предприятие», которое было понятно каждому советскому человеку и которое очень трудно объяснить эксперту из МВФ). Это переплетение, идущее от традиции общинной жизни, настолько прочно вошло в коллективную память и массовое сознание, что казалось естественным. Между тем, Вебер писал о капитализме: «Современная рациональная организация капиталистического предприятия немислима без двух важных компо-

---

³ Движение за «бесплатные» деньги, за беспроцентный кредит, периодически возникают и на Западе, и на Востоке, хотя на Западе они более или менее упорно преследовались. В царской России в начале XX в. были развиты беспроцентные кредитные товарищества и кооперативные банки. Сегодня крупные банки подобного типа действуют в исламских странах.

нентов: без господствующего в современной экономике *отделения предприятия от домашнего хозяйства* и без тесно связанной с этим рациональной *бухгалтерской отчетности*».

На Западе так, а в России — иначе. Во время индустриализации масса общинных крестьян переместилась в промышленность и превратила «родной завод» из предприятия в *центр жизнеустройства* — оно обросло «социальной сферой». Тут и детский сад с пионерлагерем, и больница с санаторием, и клуб, и жилой квартал, обогреваемый паром из заводской ТЭЦ, и даже, на правах цеха, подсобное хозяйство, снабжающее заводскую столовую свежими молоком и овощами. Это — совмещение предприятия с домашним хозяйством.

Наблюдение за попытками в 1990-е годы разорвать это переплетение, отделить производство от создания *условий жизни* позволило увидеть важную вещь. Соединение, кооперация производства с «жизнью» является источником очень большой и не вполне объяснимой экономии. Отопление бросовым теплом, отходящим при производстве электричества на ТЭЦ (теплоэлектроцентрали), — один из примеров.

Становление капитализма как присущего Западу способа хозяйства не было медленным «естественным» процессом. Это был результат череды огромных революций, в ходе которых возникло уникальное сочетание обстоятельств, что позволило распространить на Западную Европу экономический уклад, сложившийся ранее у некоторых народов Северо-Запада Европы (голландцев и англичан, а до этого — фризоров). В становлении хозяйства тоже можно обнаружить и особый уклад, и особый культурный тип, которые образовали «зародыш» ее хозяйственной системы. Для России таким культурным типом был «великорусский пахарь», который создал русскую поземельную общину, а потом и разного рода артели для отхожих промыслов.

В России вести хозяйство можно было, только опираясь на взаимопомощь и общинную солидарность, особенно в чрезвычайных условиях страды. Здесь работа приобретала *литургический* характер. Было не до наживы с индивидуализмом — круговая порука: один за всех, все за одного.

Система хозяйственных связей, соединяющих людей, проникнутых «духом капитализма», настолько отличается от систем других народов, что на обыденном уровне западный «экономический человек» часто бывает уверен, что вне капитализма вообще хозяйства нет. Есть какая-то странная суета, но хозяйством ее назвать никак нельзя. Это можно было слышать в отношении и Советского Союза, и нынешней России. Но это же приходилось слышать и в конце XIX века. А.Н. Энгельгардт в «Письмах из деревни» рассказывает: «Один немец — настоящий немец из Мекленбурга — управитель соседнего имения, говорил мне как-то: “У вас

в России совсем хозяйничать нельзя, потому что у вас нет *порядка*... Хозяйничать в России будет возможно только тогда, когда крестьяне выкупят земли и поделят их, потому что тогда богатые скупают земли, а бедные будут безземельными батраками. Тогда у вас будет порядок и можно будет хозяйничать, а до тех пор нет»».

Уже несовместимость антропологических моделей традиционного и буржуазного обществ порождает фундаментальное различие их хозяйственных систем. В современном обществе индивид — собственник тела, он может уступать его по контракту другому как рабочую силу. Контракт *купли — продажи* свободен от этических ценностей и выражается чисто количественной мерой *цены*. Люди делятся на две категории — *пролетариев* (тех, кто не имеет ничего, кроме своего потомства, — *prole*) и собственников капитала (*пропьятариев*). Труд организован как купля — продажа рабочей силы, хозяйство формируется через акты обмена, посредством которых каждый ищет максимально возможную выгоду за счет приобретения собственности другого за наименьшую цену.

В традиционном обществе люди связаны множеством отношений *зависимости*. Акты обмена между ними по большей части не приобретают характера свободной и эквивалентной купли — продажи (обмена равными стоимостями) — рынок регулирует лишь небольшую часть общественных отношений. Зато велико значение отношений типа служения, выполнения долга, любви, заботы и принуждения. Все это отношения, с точки зрения либерала, несвободные и неподдающиеся рациональному расчету, они в значительной части мотивируются этическими ценностями.

Общество как *семья* или общество как *рынок* — так можно кратко выразить главные метафоры традиционного и современного общества.

В этих двух системах различается мотивация к труду. Красноречивы данные Вебером описания установок людей традиционного и современного общества в рамках одной культуры. Такие ситуации возникали в переходные периоды совместного существования общностей с уже различными мировоззренческими системами, но еще неразличимыми по внешним признакам. Вебер приводит пример различного поведения немцев — католиков и протестантов — в одной и той же сельской местности. Во время страды при повышении сдельной оплаты вдвое жнецы-протестанты работают до упаду, а католики работают полдня и уходят (см. Приложение).

Нас все время пытаются убедить, что «русские не могут хорошо работать». Почему же? Потому, что у них непритязательные потребности (как у немцев-католиков, которых описал Вебер в сравнении с немцами-протестантами). Один эксперт пишет: «Русские ленятся потому, что не умеют жить. Многие компании сталкиваются с тем, что российский персонал, особенно нижнего уровня, не соглашается на повышение зар-

платы, если это потребует более интенсивной работы. Сотрудники готовы смириться с низким уровнем жизни, лишь бы не нарушать свой покой. О том, насколько распространено такое отношение к труду среди россиян, и как с этим бороться, говорят ученые, консультанты и руководители компаний».

Эти пронизательные «эксперты» поразительно невежественны. Такая неприязнительность русских — ценнейший культурный ресурс России, феномен, досконально изученный во многих традиционных обществах несколькими поколениями антропологов. С этим ресурсом русские освоили и сделали частью ноосферы огромную территорию, провели форсированную индустриализацию, создали целостную науку со своим особым стилем и превратили свою страну во вторую в мире сверхдержаву. Вот каковы были их потребности, ради которых они и работали с небывалой интенсивностью и эффективностью.

Вебер приводит поговорку американских пуритан: «Из скота добывают сало, из людей — деньги». И комментирует ее: «[Это] своеобразный идеал “философии скупости” — *кредитоспособный* добропорядочный человек, *долг* которого рассматривать приумножение своего капитала как самоцель. Суть дела заключается в том, что здесь проповедуются не просто правила житейского поведения, а излагается своеобразная “этика”, отступление от которой рассматривается не только как глупость, но и как своего рода нарушение долга».

Тяга к накоплению собственности была в России предосудительной, в этом Макс Вебер видел *главное* препятствие развитию капитализма. В шкале ценностей традиционного общества высоко стоит *достаток*, но порицается *страсть к наживе*. Бердяев отмечает важную особенность: «Русские суждения о собственности и воровстве определяются не отношением к собственности как социальному институту, а отношением к человеку... С этим связана и русская борьба против буржуазности, русское неприятие буржуазного мира... Для России характерно и очень отличает ее от Запада, что у нас не было и не будет значительной и влиятельной буржуазной идеологии».

Отношение массового сознания к стяжательству, которое в России олицетворяет «крупный бизнес», не изменилось за двадцать лет реформ и пропаганды капитализма. Это отношение настолько негативно, что социологи затрудняются с его измерением. Качественный вывод из общероссийского опроса населения «Россияне о крупном бизнесе» (12–13 июля 2003 г.) таков: «Отношение респондентов к крупному бизнесу во многом определяется тем, что опрошенные в большинстве своем по сути отказывают ему в праве на существование».

Насколько необычным было хозяйство России в советское время и как трудно было разобраться в нем западным специалистам, гово-

рит такой факт. Российский эксперт по проблеме военных расходов В.В. Шлыков пишет, ссылаясь на заявления руководства ЦРУ США: «Только на решение сравнительно узкой задачи — определения реальной величины советских военных расходов и их доли в валовом национальном продукте (ВНП) — США, по оценке американских экспертов, затратили с середины 50-х годов до 1991 года от 5 до 10 млрд долл. (в ценах 1990 года), в среднем от 200 до 500 млн долл. в год... Один из руководителей влиятельного Американского Предпринимательского Института Николас Эберштадт заявил на слушаниях в Сенате США 16 июля 1990 года, что “попытка правительства США оценить советскую экономику является, возможно, самым крупным исследовательским проектом из всех, которые когда-либо осуществлялись в социальной области”».

Подумайте только: для правительства США попытка оценить советскую экономику обошлась в миллиарды долларов и стала «возможно, самым крупным исследовательским проектом из всех, которые когда-либо осуществлялись в социальной области»... А наши обществоведы говорят, что Россия является частью западной цивилизации, и существенными особенностями ее хозяйства от западного не отличается.

Выразительны жалобы экономиста Л. Пияшевой на неправильное экономическое поведение российского населения. В интервью, взятом Институтом социологии РАН в 1994 году, она сказала: «Я социализм рассматриваю просто как архаику, как недоразвитость общества, нецивилизованность общества, неразвитость, если в высших категориях там личности, человека. Неразвитый человек, несамостоятельный, неответственный — не берет и не хочет. Ему нужно коллективно, ему нужно, чтобы был над ним царь, либо генсек. Это очень довлеет над сознанием людей, которые здесь живут. И поэтому он ищет как бы, все это называют “третьим” путем, на самом деле никаких третьих путей нет. И социалистического пути, как пути, тоже нет, и XX век это доказал... Какой вариант наиболее реален? На мой взгляд, самый реальный вариант — это попытка стабилизации, т. е. это возврат к принципам социалистического управления экономикой».

В чем смысл этого эмоционального потока слов? В том, что культурной базы для рыночной Реформации в России нет. Здесь можно было бы строить, и вполне успешно, *советский* капитализм (как в Китае строят *китайский* капитализм), а *западный* построить не получится. Другой тип общества! Русскому человеку, несмотря на все потуги реформаторов, «нужно коллективно». И потому он *не берет и не хочет* священной частной собственности. И потому, по разумению Пияшевой, хотя «социалистического пути нет», единственным реальным выходом из кризиса она видит «возврат к принципам социализма».

Очень грубо различие двух типов общества по ряду признаков можно представить следующим образом (табл. 5).

Таблица 5

Сравнительные характеристики традиционного и современного обществ

Признак	Традиционное	Современное
Жизнеустройство	«семья»	«рынок»
Государство	патерналистское	либеральное
Власть	«идеократия»	«демократия»
Картина мира	космизм	механицизм
Человек	соборный	индивид
Хозяйство	«экономия»	«хрематистика»

Юрий Андропов, как мы уже отмечали, в свое время сказал (а Горбачев потом повторил): «Мы не знаем общества, в котором живем». Это было одним из истоков нашего кризиса. Но мы этого не замечаем — ведь общество вокруг нас, как же мы можем его не знать! Гегель подчеркивал, что «знакомое еще не есть познанное». Часто именно то, что кажется нам привычным и само собой разумеющимся, с наибольшим трудом поддается постижению в четких понятиях.

Фатально ли это незнание? Нет, оно не только не фатально, оно уже даже постыдно. Поведение России оказывается совсем не аномальным и даже несколько не странным, а вполне правильным, если глядеть на нее не через очки евроцентризма, а применить хорошо уже разработанное в науке представление о разных типах общества.

Приложение

Буржуазное общество впервые в истории породило государство, которое сознательно сделало *голод* нормальным средством политического господства. К. Поляньи в книге «Великая трансформация», посвященной истории возникновения капитализма, отмечает, что когда в Англии в XVIII веке готовились новые *Законы о бедных*, философ и политик лорд Таунсенд писал:

«Голод приручит самого свирепого зверя, обучит самых порочных людей хорошим манерам и послушанию. Вообще, только голод может уязвить бедных так, чтобы заставить их работать. Законы установили, что надо заставлять их работать. Но закон, устанавливаемый силой, вызывает беспорядки и насилие. В то время как сила порождает злую волю и никогда не побуждает к хорошему или приемлемому услужению,

голод — это не только средство мирного, неслышного и непрерывного давления, но также и самый естественный побудитель к труду и старательности. Раба следует заставлять работать силой, но свободного человека надо предоставлять его собственному решению».

Вот выдержка из старого *дореволюционного* российского учебника по гражданскому праву выдающегося российского юриста:

«Юридическая возможность нищеты и голодной смерти в нашем нынешнем строе составляет вопиющее не только этическое, но и экономическое противоречие. Хозяйственная жизнь всех отдельных единиц при нынешней всеобщей сцепленности условий находится в теснейшей зависимости от правильного функционирования всего общественного организма. Каждый живет и дышит только благодаря наличности известной общественной атмосферы, вне которой никакое существование, никакое богатство немислимы. Бесчисленное количество поколений создавало эту атмосферу; все нынешнее общество в целом поддерживает и развивает ее, и нет возможности выделить и определить ту долю в этой общей работе, которая совершается каждой отдельной единицей. Пусть доли этих единиц неравны, но доли эти есть и они обязывают все общество к тому, чтобы признать по крайней мере право каждого человека на обеспечение известного минимума необходимых средств на тот случай, если он сам по каким бы то ни было причинам окажется не в состоянии себя содержать. Другими словами, за каждым должно быть признано то, что называется правом на существование.

Мы знаем, что в прежнее время забота о выброшенных за борт экономической жизни лицах лежала на тех или других более тесных союзах — роде, общине, цехе и т. д. Но мы знаем также, что ныне все эти союзы оттеснены, а то и вовсе уничтожены государством; это последнее заняло по отношению к индивиду их прежнее властное место; оно претендует на многие, прежде им принадлежавшие права (например, право наследования); естественно поэтому, что оно должно взять на себя и лежавшие прежде на них обязанности. Только при таком условии вступление на место прежних союзов государства будет подлинным прогрессом, подлинным расширением общественной солидарности.

И действительно, как известно, призрение бедных, сирот и т. д. считается одной из государственных забот. Но все это нынешнее призрение построено на идее милости и потому не может не быть недостаточным, унижительным для тех, на кого оно распространяется. Между тем дело идет не о милости, а о долге общества перед своими сочленами: каждый отдельный индивид должен получить право на свое существование...

Признание права на существование окажет, без сомнения, огромное влияние и на всю область экономических отношений: положение

“экономически слабых” станет прочнее и делает их более устойчивыми в борьбе за цену предлагаемого ими труда и за лучшие условия жизни. Защищенные от опасности голодной смерти, они не так легко пойдут в сети хозяйственной эксплуатации.

Конечно, осуществление права на существование представляет громадные трудности, но иного пути нет: растущая этическая невозможность мириться с тем, что рядом с нами наши собратья гибнут от голода, не будет давать нам покоя до тех пор, пока мы не признаем нашей общей солидарности и не возьмем на себя соответственной реальной обязанности».

Н.А. Бердяев в книге «Самопознание (Опыт философской автобиографии)» писал: «У нас совсем не было индивидуализма, характерного для европейской истории и европейского гуманизма, хотя для нас же характерна острая постановка проблемы столкновения личности с мировой гармонией (Белинский, Достоевский). Но коллективизм есть в русском народничестве — левом и правом, в русских религиозных и социальных течениях, в типе русского христианства. Хомяков и славянофилы, Вл. Соловьев, Достоевский, народные социалисты, религиозно-общественные течения XX века, Н. Федоров, В. Розанов, В. Иванов, А. Белый, П. Флоренский — все против индивидуалистической культуры, все ищут культуры коллективной, органической, “соборной”, хотя и по-разному понимаемой».

Профессор Манчестерского университета Теодор Шанин вспоминает: «В свое время я работал над общинным правом России. В 1860-е годы общинное право стало законом, применявшимся в волостных судах. Судили в них по традиции, поскольку общинное право — традиционное право. И когда пошли апелляции в Сенат, то оказалось, что в нем не знали, что делать с этими апелляциями, ибо не вполне представляли, каковы законы общинного права. На места были посланы сотни молодых правоведов, чтобы собрать эти традиционные нормы и затем кодифицировать их. Была собрана масса материалов, и вот вспоминается один интересный документ. Это протокол, который вел один из таких молодых правоведов в волостном суде, слушавшем дело о земельной тяжбе между двумя сторонами. Посоветовавшись, суд объявил: этот прав, этот не прав; этому — две трети спорного участка земли, этому — одну треть. Правовед, конечно, вскинулся: что это такое — если этот прав, то он должен получить всю землю, а другой вообще не имеет права на нее. На что волостные судьи ответили: “Земля — это только земля, а им придется жить в одном селе всю жизнь”. Возможно, эта русская крестьянская мудрость волостных судей важна и для современной России».

М. Вебер пишет: «Одним из технических приемов, при помощи которых современный предприниматель стремится повысить интенсивность труда «своих» рабочих и получить максимум производительности, является *сдельная оплата* труда. Так, например, в сельском хозяйстве наивысшей интенсивности в работе требует уборка урожая, ибо от ее своевременного завершения часто — особенно при неустойчивой погоде — зависит величина прибыли или убытка. Поэтому здесь в определенный период почти повсеместно вводится система сдельной оплаты труда... Однако тут возникают неожиданные затруднения. В ряде случаев повышение расценок влечет за собой не рост, а снижение производительности труда, т. к. рабочие реагируют на повышение заработной платы уменьшением, а не увеличением дневной выработки. Так, например, жнец, который при плате в 1 марку за морген ежедневно жнет 2,5 моргена, зарабатывая таким образом 2,5 марки в день, после повышения платы на 25 пфеннигов за морген стал жать вместо предполагавшихся 3 моргена, что дало бы ему теперь 3,75 марки в день, лишь 2 моргена, получая те же 2,5 марки в день, которыми он, по библейскому выражению, «довольствовался».

Увеличение заработка привлекало его меньше, чем облегчение работы: он не спрашивал: сколько я смогу заработать за день, увеличив до максимума производительность моего труда; вопрос ставился по-иному: сколько мне надо работать для того, чтобы заработать те же 2,5 марки, которые я получал до сих пор и которые удовлетворяли мои *традиционные* потребности? Приведенный пример может служить иллюстрацией того строя мышления, который мы именуем «традиционализмом»: человек «по своей природе» не склонен зарабатывать деньги, все больше и больше денег, он хочет просто жить, жить так, как он привык, и зарабатывать столько, сколько необходимо для такой жизни. Повсюду, где современный капитализм пытался повысить «производительность» труда путем увеличения его интенсивности, он наталкивался на этот лейтмотив докапиталистического отношения к труду, за которым скрывалось необычайно упорное сопротивление; на это сопротивление капитализм продолжает наталкиваться и по сей день, и тем сильнее, чем более отсталыми (с капиталистической точки зрения) являются рабочие, с которыми ему приходится иметь дело».

М. Вебер пишет о духовных причинах сдвига к индивидуализму: «Верой, во имя которой в XVI и XVII вв. в наиболее развитых капиталистических странах — в Нидерландах, Англии, Франции — велась ожесточенная политическая и идеологическая борьба, был *кальвинизм*. Наиболее важным для этого учения догматом считалось обычно (и считается, в общем, по сей день) учение об *избранности* к спасению. ... Это

учение в своей патетической бесчеловечности должно было иметь для поколений, покорившихся его грандиозной последовательности, прежде всего один результат: ощущение неслыханного дотоле внутренне-го *одиночества отдельного индивида*. В решающей для человека эпохи Реформации жизненной проблеме — вечном блаженстве — он был обречен одиноко брести своим путем навстречу от века предначертанной ему судьбе».

Вебер пишет о том, какую роль сыграла Реформация в разрыве традиционных связей даже между близкими людьми: «Общение кальвиниста с его Богом происходило в атмосфере полного духовного одиночества. Каждый, кто хочет ощутить специфическое воздействие этой своеобразной атмосферы, может обратиться к книге Беньяна “Pilgrim's progress” (“Путешествие пилигрима”), получившей едва ли не самое широкое распространение из всех произведений пуританской литературы. В ней описывается, как некий “христианин”, осознав, что он находится в “городе, осужденном на гибель”, услышал голос, призывающий его немедленно совершить паломничество в град небесный. Жена и дети цеплялись за него, но он мчался, зажав уши, не разбирая дороги и восклицая: “Life, eternal life!”. (“Жизнь! Вечная жизнь!”). И только после того, как паломник почувствовал себя в безопасности, у него возникла мысль, что неплохо бы соединиться со своей семьей».

А.Н. Энгельгардт пишет в «Письмах из деревни»: «Я уже говорил в моих письмах, что мы, люди, не привыкшие к крестьянской речи, манере и способу выражения мыслей, мимике, присутствуя при каком-нибудь разделе земли или каким-нибудь расчете между крестьянами, никогда ничего не поймем. Слыша отрывочные, бессвязные восклицания, бесконечные споры с повторением одного какого-нибудь слова, слыша это галдение, по-видимому, бестолковой, кричащей, считающей или измеряющей толпы, подумав, что тут и век не сочтутся, век не придут к какому-нибудь результату. Между тем подождите конца, и вы увидите, что раздел поля произведен математически точно — и мера, и качество почвы, и уклон поля, и расстояние от усадьбы, все принято в расчет, что счет сведен верно и, главное, каждый из присутствующих, заинтересованных в деле людей убежден в верности раздела или счета. Крик, шум, галдение не прекращаются до тех пор, пока есть *хоть один* сомневающийся.

То же самое и при обсуждении миром какого-нибудь вопроса. Нет ни речей, ни дебатов, ни подачи голосов. Кричат, шумят, ругаются — вот подерутся, кажется, галдят самым, по-видимому, бестолковейшим образом. Другой молчит, молчит, а там вдруг ввернет слово — одно только

слово, восклицание, — и этим словом, этим восклицанием перевернет все вверх дном. В конце концов, смотришь, постановлено превосходнейшее решение, и опять-таки, главное, решение единогласное».

Социолог Р. Мерфин пишет: «Порой при анализе местных выборов обнаруживается, что лишь 5% имеющих право голоса пришли голосовать. Это означает, что в итоге таких выборов кандидат может занять государственную должность, собрав лишь 2,5% голосов плюс один голос. На выборах 1990 г. некоторые конгрессмены были избраны менее чем 20% от общего числа имеющих право голоса. А во Флориде, к примеру, избирательный закон допускает, чтобы кандидат, у которого нет оппонента на выборах, был “избран” автоматически, без включения его имени в бюллетень. Именно так два кандидата и прошли в Конгресс в 1990 г., получив ноль голосов».

Кьеркегор пишет: «Страх — это возможность свободы, только такой страх абсолютно воспитывает силой веры, поскольку он пожирает все конечное и обнаруживает всю его обманчивость. Ни один Великий инквизитор не имел под рукой столь ужасных пыток, какие имеет страх, и ни один шпион не умеет столь искусно нападать на подозреваемого как раз в то мгновение, когда тот слабее всего, не умеет столь прельстительно раскладывать ловушки, в которые тот должен попасться, как это умеет страх; и ни один пронизательный судья не понимает, как нужно допрашивать обвиняемого — допрашивать его, как это делает страх, который никогда не отпускает обвиняемого — ни в развлечениях, ни в шуме повседневности, ни в труде, ни днем, ни ночью».

Молодой Лесков, юрист, заехал в родной Орел, где недавно был большой пожар. Его дядюшка, совестной судья, жаловался на то, что «народ очень глуп, что он совершенно не имеет понятий о законе, о собственности и вообще народ *азият*, который может удивить кого угодно своей дикостью» — после пожара люди построили новые дома, но ни у кого нет прав на участки. Лесков поясняет:

«Дело было в том, что, когда отдохнувший от пожаров город стал устраиваться и некоторые люди стали покупать участки в кварталах за церковь Василия Великого, оказалось, что у продавцов не только не было никаких документов, но что и сами эти владельцы и их предки считали всякие документы совершенно лишними. Домик и местишко до этой поры переходили из рук в руки без всякого заявления властям и без всяких даней и пошлин в казну, а все это, говорят, писалось у них в какую-то “китрать”, но “китрать” эта в один из бесчисленных пожаров сгорела, и тот, кто вел ее, — умер; а с тем и все следы их владенных прав

кончились. Правда, что никаких споров по праву владения не было, но все это не имело законной силы, а держалось на том, что если Протасов говорит, что его отец купил домишко от покойного деда Тарасовых, то Тарасовы не оспаривали владенных прав Протасовых».

Лесков излагает разговор его дяди судьи с тремя купцами, которые как раз и пришли удостоверить куплю-продажу участка, на который ни у кого не было никаких документов («и никогда не было»). Это — в крупном городе, в купеческой среде.

Макс Вебер пишет: «Чем больше космос современного капиталистического хозяйства следовал своим имманентным закономерностям, тем невозможнее оказывалась какая бы то ни было мыслимая связь с этикой религиозного братства. И она становилась все более невозможной, чем рациональнее и тем самым безличнее становился мир капиталистического хозяйства».

Вебер приводит высказывание известного протестантского проповедника Джона Уэсли: «Мы обязаны призывать всех христиан к тому, чтобы они наживали столько, сколько можно, и сберегали все, что можно, т. е. стремились к богатству».

М.М. Пришвин записал в дневнике 30 октября 1919 года: «Был митинг, и некоторые наши рабочие прониклись мыслью, что нельзя быть посередине. Я сказал одному, что это легче — быть с теми или другими. “А как же, — сказал он, — быть ни с теми, ни с другими, как?” — «С самим собою”. — “Так это вне общественности!” — ответил таким тоном, что о существовании вне общественности он не хочет ничего и слышать».

Вебер приводит выдержки из канонических текстов кальвинистов. Бейли (1724) советует каждое утро, выходя из дому, представлять себе, что тебя ждет дикая чаща, полная опасностей. Шпангенберг настойчиво напоминает о словах пророка Иереми (17, 5): «Проклят человек, который надеется на человека» (1779).

Вот фундаментальное утверждение кальвинистов (1609 г.): «Хотя и говорят, что Бог послал сына своего для того, чтобы искупить грехи рода человеческого, но не такова была его цель: он хотел спасти от гибели лишь немногих. И я говорю вам, что Бог умер лишь для спасения избранных».

Лекция 18

Русская революция в свете современного кризиса

Мы работаем над созданием методологической основы того «кризисного обществоведения», которое даст нам познавательные (когнитивные) средства для освоения новой реальности, сложившейся в России за последние полвека. Прежнее советское и нынешнее антисоветское обществоведение такими средствами не располагают и достоверного знания об этой реальности не смогли и не могут дать.

Тема этой лекции — краткое изложение объяснительной модели русской (российской) революции начала XX века. Модель, положенная в основу официальной истории — как советской, так и антисоветской, — мифологична и слишком идеологизирована. Она складывалась под давлением политических обстоятельств и была предназначена для решения срочных задач. Сейчас нам необходимо беспристрастное знание.

Знание это должно быть именно отстраненным от идеологических пристрастий, как знание военной разведки, которая занимается не пропагандой, а сбором достоверной информации. Потребность в таком знании определена тем, что за последние двадцать лет пришлось прийти к выводу, что наш нынешний кризис — эпизод этой самой *русской революции*. Она оказалась больше и дольше, чем ожидалось. Сталинизм (тоталитаризм, мобилизационный социализм — как его ни называй) лишь на время заморозил революционный процесс. Хрущев устроил «оттепель», ее попытались снова подморозить во времена Брежнева, но это лишь оттянуло перестройку.

Во времена «тоталитаризма» (морально-политического единства) казалось, что революция осталась позади, в истории, что произошло национальное примирение и антагонистические противоречия изжиты. Эту иллюзию создавало обществоведение через систему образования и СМИ. Во время «оттепели» наша интеллигенция смеялась над странным пророчеством Сталина о том, что «по мере продвижения к социализму нас ждет обострение классово-борьбы». Если отфильтровать марксистскую терминологию и перевести на русский язык, он предупреждал, что в лоне советского общества есть и обладают потенциа-

лом развития силы, которые попытаются сменить общественный строй и завладеть общенародной собственностью. Это и произошло на наших глазах.

Но в 1917 году было ясно, что революция только начинается. Февраль 1917 года был праздником революции. Но то, что главный спор впереди, ощущалось всеми. 3 марта Валерий Брюсов написал стихотворение «В мартовские дни»:

*Приветствую Свободу... Свершился приговор...
Но знаю, не окончен веков упорный спор;
И где-то близко рыщет, прикрыв зрачки, Раздор.*

О Гражданской войне как важном этапе жизненного цикла революции будем говорить в следующих лекциях. В конце XX века мы вошли в другой большой этап, но знать смысл предыдущих этапов и неоконченных споров насущно необходимо.

Начнем с самого понятия *революции*.

Уже во втором тысячелетии до нашей эры политическая власть в обществах древних цивилизаций приобрела черты *государства*. По своему типу государства отвечают типу того общества, которое их порождает. Если мы классифицируем общества по признакам *формации*, то различаем государства рабовладельческие, феодальные, буржуазные и социалистические (хотя понятие формации является абстракцией, и в любом обществе сосуществуют разные социально-экономические уклады).

Если нас интересует форма правления, организация власти, то мы различаем разного типа монархии и республики (парламентскую, президентскую, советскую), и вариации их весьма многообразны. По территориальному и национальному устройству государства могут быть унитарными (едиными), федерациями (союз относительно автономных единиц) или конфедерациями (государственно-правовыми объединениями), а также империями.

Осуществление государственной власти основывается на отношениях *господства*. Под ним понимается такое состояние общества, когда приказания власти встречают повиновение подданных или граждан. Это состояние не может быть обеспечено только средствами *принуждения* (в том числе с помощью насилия), для него необходима *вера* в законность власти. Условием устойчивости власти является ее *легитимность*¹.

---

¹ Легитимность — это уверенность подданных в том, что государь имеет право на власть, что установленный в государстве порядок непреложен как выражение высших ценностей, что он обеспечивает благо и спасение страны и людей. При наличии этой уверенности власть одновременно является *авторитетом*, и государство прочно стоит на силе и согласии. Утрата любой из этих опор — начало краха государства.

Формальная законность (легальность) еще не обеспечивает легитимности. Наоборот, власть, завоевавшая авторитет и ставшая легитимной, тем самым приобретает и законность — она уже не нуждается в формальном обосновании. О «незаконности» власти (например, советской) начинают говорить именно когда она утрачивает авторитет, а до этого такие разговоры показались бы просто странными. Свержение государственной власти с глубокими изменениями в ее структуре и функциях мы называем *революциями*.

Привычное для нашего общества понятие *социальной революции* проникнуто формационными представлениями марксизма. «Философский словарь» (1991) гласит: «Революция — коренной переворот в жизни общества, означающий низвержение отжившего и утверждение нового, прогрессивного общественного строя; форма перехода от одной общественно-экономической формации к другой... “Переход государственной власти из рук одного в руки другого *класса* есть первый, главный, основной признак революции как в строго-научном, так и в практически-политическом значении этого понятия” (Ленин В.И.). Революция — высшая форма борьбы классов».

Выделим главные черты, которые приписывает революциям это определение.

Во-первых, революция представлена как явление всегда *прогрессивное*, ведущее к улучшению жизни общества («низвержение отжившего и утверждение прогрессивного»). Этому определению присущ *прогрессизм*.

Во-вторых, это определение присуще *формационному* подходу к истории. В его поле зрения не попадают все другие «коренные перевороты в жизни общества», которые не вписываются в схему истории как смены общественно-экономических формаций. Этому определению присущ *экономизм*.

В-третьих, революция в этом определении представлена как явление *классовой борьбы*. Из него выпадают все «коренные перевороты в жизни общества», вызванные противоречиями между общностями людей, не подпадающими под понятие класса (сословиями, а также национальными, религиозными, культурными общностями и др.).

Тот факт, что в современных энциклопедиях понятие революции трактуется согласно *теории пролетарской революции*, разработанной Марксом в середине XIX века, сам по себе является замечательным. Ведь понятия представляют собой важнейший инструмент рационального мышления. В данном случае исключительно узкое и ограниченное марксистское понятие служит фильтром, который не позволяет нам увидеть целые типы революций, причем революций реальных, определяющих судьбу народов. Большинство образованных людей, следующих приве-

денному выше определению, не видит даже революций, которые готовятся и происходят у них прямо на глазах, — они считают их не слишком существенными явлениями. Тем более они не могут почувствовать приближения таких революций. Значит, общество теряет саму возможность понять суть того исторического выбора, перед которым оно оказывается в момент революции.

Положение осложняется тем, что за последние двести лет в мире не произошло революций, отвечающих приведенному выше определению. Ему соответствуют только буржуазные революции в Англии XVII века и Франции конца XVIII века. В XX веке классовых революций не было, но зато прошла мировая волна революций в *сословных* обществах «крестьянских» стран, затем волна национально-освободительных революций, а в последние десятилетия — волна постмодернистских «бархатных» революций.

В последние двадцать лет мы наблюдали исторического масштаба революционную трансформацию «обществ советского типа» в СССР и странах Восточной Европы. Организованным движением, которое наиболее последовательно готовило эту революцию, была польская «Солидарность». Однако мотивация этой внешне «буржуазной» революции была совершенно не классовой.

Вот что говорится об основаниях этой мотивации: «*Солидарность* представляла собой “ценностно-ориентированный монолит”, а не сообщество заинтересованных в достижении конкретных целей групп общества. Разделительная линия между противоборствующими силами пролегла не в социальной или классовой плоскости, а в ценностной, т. е. культурной, точнее культурно-политической, или социально-психологической. Фактически общественная функция этого движения свелась к разрушению социалистической системы.

Предпосылки институционального краха этой системы возникли после распада ее ценностной основы. Однако это “Солидарности”, провозглашавшиеся ею идеалы были бесконечно далеки от социокультурной реальности общества либерально-демократического типа, от рыночной экономики, частной собственности, политического плюрализма, западной демократии. “Солидарность” как тип культуры — несмотря на свою антикоммунистическую направленность — тяготела скорее к предшествующему периоду консервативной модернизации с ее неотрадиционалистским заключительным этапом, чем к сменившей его эпохе прагматизма».

Не соответствовала марксистскому определению классов и структура общества социалистических стран Восточной Европы в период подготовки «бархатных» революций. Н. Коровицына пишет: «По наблюдениям польских социологов, именно образование служило детерминантой

идеологического выбора в пользу либерализма в широком его понимании. Высокообразованные отличались от остального населения по своему мировоззрению. Можно даже сказать, что все восточноевропейское общество, пройдя путь соцмодернизации, состояло из двух “классов” — имевших высшее образование и не имевших его. Частные собственники начального этапа рыночных преобразований не представляли из себя социокультурной общности, аналогичной интеллигенции. Более того, как свидетельствуют эмпирические данные, они даже не демонстрировали выраженного предпочтения либеральных ценностей».

Таким образом, хотя тараном, сокрушившим государство «социалистической Польши», были рабочие движения «Солидарность», основную роль в подрыве легитимности политической системы ПНР сыграла участвующая в этом движении польская интеллигенция. Вот к какому выводу пришли польские ученые, изучая эту историю: «Автор и исполнитель программы “Солидарности” — образованный класс. Он сформировался под влиянием национального, политического и культурного канона польского романтизма, культа трагического героя, подчинения политической активности моральным требованиям и приоритета эмоций над рационалистическим типом поведения. Мифологизация политики, сведение ее к этической сфере, подмена политической конкретики абстракциями — результат огромного влияния художественной литературы на формирование политической традиции страны в XIX в. Это влияние сохранилось и даже усилилось во время войн и общественных кризисов XX в. Оно характерно и для 1948–1989 гг., когда литература выполняла роль “невидимого правительства”, а “польским героем” был, по выражению И. Курчевской, ангелоподобный член идеального с моральной точки зрения сообщества, католик, защитник наследия национальной культуры, но не гражданин в представлении западной демократии».

Но и в России смысл классов понимался совсем иначе, нежели в марксизме. По этой причине советские граждане не замечали ошибочности отнесения русских революций к классовым. Н.А. Бердяев в книге «Истоки и смысл русского коммунизма» писал: «Марксизм разложил понятие народа как целостного организма, разложил на классы с противоположными интересами. Но в мифе о пролетариате по-новому восстановился миф о русском народе. Произошло как бы отождествление русского народа с пролетариатом, русского мессианизма с пролетарским мессианизмом».

Столь же далеким от марксизма было и представление о буржуазии. М.М. Пришвин пишет в «Дневниках» (14 сентября 1917 г.): «Без всякого сомнения, это верно, что виновата в разрухе буржуазия, т. е. комплекс “эгоистических побуждений”, но кого считать за буржуазию?. Буржуа-

зией называются в деревне неопределенные группы людей, действующие во имя корыстных побуждений».

Уже из этих примеров видно, что революция может иметь причиной глубокий конфликт в отношении всех фундаментальных принципов жизнеустройства, всех структур цивилизации, а вовсе не только в отношении способа распределения произведенного продукта («прибавочной стоимости»).

В некоторые редкие исторические моменты даже в странах Запада возникают революционные ситуации, в которых перед народом стоит не классовая, а общенациональная задача — предотвратить опасность выталкивания страны на периферию его цивилизационного пространства.

О. Шпенглер пишет о том, как назревала в 20-е годы в Германии социалистическая «консервативная революция» (которая была сорвана другой, *национал-социалистической* революцией фашистов): «Немецкие консерваторы приходят к мысли о неизбежности социализма, поскольку либеральный капитализм означал для них капитуляцию перед Антантой, тем мировым порядком, в котором Германии было уготовано место колонии».

Смысл «консервативной революции» в трактовке О. Шпенглера — переход к прусскому социализму как жизнеустройству, защищающему Германию от угрозы превращения ее в периферийный придаток Антанты. Для достижения этих целей и построения нового жизнеустройства на измененном базисе предполагались соответствующие революционные изменения и в надстройке — государстве, идеологии и пр.

Многие немецкие мыслители первой половины XX века считали, что та революция в Германии, которая вызревала в результате Первой мировой войны, имела в своем основании отношение к *государству*. О. Шпенглер приводит слова видного консерватора И. Пленге о том, что это была «революция собирания и организации всех государственных сил XX века против революции разрушительного освобождения в XVIII веке». Иными словами, это была революция консерваторов против классического либерализма.

О. Шпенглер поясняет: «Центральной мыслью Пленге было то, что война привела к истинной революции, причем революции социалистической. “Социализм есть организация”, он предполагает плановое хозяйство и дисциплину, он кладет конец эпохе индивидуализма». Понятно, что такая революция совершенно противоречит теории Маркса, ибо для марксизма государство — лишь *паразитический нарост* на обществе.

Перескочим 1917 год в России и ленинскую теорию революции, о них мы еще будем говорить подробнее. В 30-е годы XX века, после изучения опыта всех великих революций прошлого, а также русской революции и национал-социалистической революции в Германии (фашизм), роди-

лась принципиально новая теория, согласно которой первым объектом революционного разрушения становилась *надстройка* общества, причем ее наиболее «мягкая» и податливая часть — идеология и установки общественного сознания. Разработка ее связана с именем Антонио Грамши, основателя и теоретика Итальянской компартии.

Грамши создал новую теорию государства и революции — для городского общества. Ключевой раздел труда Грамши — учение о *культурной гегемонии*. Это — часть общей теории революции как слома государства. Изложение ее содержится в «Тюремных тетрадах» — огромном труде, который Грамши написал в тюрьме. Записи были тайно вывезены и через Испанию переправлены в Москву. Труд впервые был опубликован в Италии в 1948–1951 годы, в 1975 году вышло его четырехтомное научное издание с комментариями.

Теория революции Грамши развивается множеством авторов; самым крупным подтверждением ее эффективности считается антиколониальная революция в Индии, доктрину которой разработал Махатма Ганди. По многим признакам можно считать, что учение Грамши лежит и в основе доктрины перестройки в СССР.

В настоящее время на основе учения Грамши пишутся даже учебники. К ним относится, например, книга Дж. Шарпа «От диктатуры к демократии. Концептуальные основы освобождения». Она издана в 1993 году и является учебным пособием для активистов «оранжевых революций». Лежащая в основе этого текста технология управления сознанием масс и идеология экспорта демократии отчетливо проявились в уже произошедших грузинских и украинских событиях.

Важное отличие теории революции Грамши от марксистской и ленинской теорий было и в том, что Грамши преодолел свойственный историческому материализму *прогрессизм*. И Маркс, и Ленин отвергали саму возможность революций *регресса*. Такого рода исторические процессы в их концепциях общественного развития выглядели как *реакция* или контрреволюция. Как видно из учения о гегемонии, любое государство, в том числе прогрессивное, может не справиться с задачей сохранения своей культурной гегемонии, если исторический блок его противников обладает новыми, более эффективными средствами агрессии в культурное ядро общества.

У Грамши перед глазами был опыт фашизма, который применил средства манипуляции сознанием, относящиеся уже к эпохе постмодерна, и подорвал гегемонию буржуазной демократии — совершил революцию регресса. Но теория истмата оказалась не готова к такому повороту событий. Недаром немецкий философ Л. Люкс, изучавший опыт фашизма, писал: «Благодаря работам Маркса, Энгельса, Ленина было гораздо лучше известно об экономических условиях прогрессивного развития, чем о регрессивных силах».

При этом подрыв культурных устоев, которые противостояли соблазнам фашизма, проводился силами интеллигенции, также вовсе не из ее классовых интересов. Л. Люкс замечает: «Именно представители культурной элиты в Европе, а не массы, первыми поставили под сомнение фундаментальные ценности европейской культуры. Не восстание масс, а мятеж интеллектуальной элиты нанес самые тяжелые удары по европейскому гуманизму, писал в 1939 г. Георгий Федотов».

Оптимизм, которым было проникнуто советское мировоззрение, затруднил понимание причин и глубины того мировоззренческого кризиса Запада, из которого вызрела фашистская революция. Л. Люкс пишет по этому поводу: «Коммунисты не поняли европейского пессимизма, они считали его явлением, присущим одной лишь буржуазии... Теоретики Коминтерна закрывали глаза на то, что европейский пролетариат был охвачен пессимизмом почти в такой же мере, как и все другие слои общества. Ошибочная оценка европейского пессимизма большевистской идеологией коренилась как в марксистской, так и в национально-русской традиции».

Опыт фашизма показал ограниченность тех теорий общества, в которых преувеличивалось значение социально-экономических факторов и не учитывалась уязвимость надстройки, общественного сознания. Крупнейший психолог нашего века Юнг, наблюдая за пациентами-немцами, написал уже в 1918 году, задолго до фашизма: «Христианский взгляд на мир утрачивает свой авторитет, и поэтому возрастает опасность того, что “белокурая бестия”, мечущаяся ныне в своей подземной темнице, сможет внезапно вырваться на поверхность с самыми разрушительными последствиями».

Потом он внимательно следил за фашизмом и все же в 1946 году в эпилоге к своим работам об этом массовом психозе («немецкой психопатии») признал: «Германия поставила перед миром огромную и страшную проблему». Он прекрасно знал все «разумные» экономические, политические и пр. объяснения фашизма, но видел, что дело не в реальных «объективных причинах». Загадочным явлением был именно массовый, захвативший большинство немцев психоз, при котором целая разумная и культурная нация, упрятав в концлагеря несогласных, соединилась в проекте, который вел к краху.

Более того, элита советских коммунистов, получившая в 1930-е годы образование, основанное на прогрессистских постулатах Просвещения (в версии исторического материализма), долго не могла поверить, что в Европе может произойти такой сдвиг в сфере сознания. В результате, это не позволило осознать угрозу фашизма в полном объеме.

Это особо подчеркивает Л. Люкс: «После 1917 г. большевики попытались завоевать мир и для идеала русской интеллигенции — всеобщей».

го равенства, и для марксистского идеала — пролетарской революции. Однако оба эти идеала не нашли в “капиталистической Европе” межвоенного периода того отклика, на который рассчитывали коммунисты. Европейские массы, прежде всего в Италии и Германии, оказались втянутыми в движения противоположного характера, рассматривавшие идеал равенства как знак декаданса и утверждавшие непреодолимость неравенства рас и наций.

Восхваление неравенства и иерархического принципа правыми экстремистами было связано, прежде всего у национал-социалистов, с разрушительным стремлением к порабощению или уничтожению тех людей и наций, которые находились на более низкой ступени выстроенной ими иерархии. Вытекавшая отсюда политика уничтожения, проводившаяся правыми экстремистами, и в первую очередь национал-социалистами, довела до абсурда как идею национального эгоизма, так и иерархический принцип».

Иррациональные установки владели умами интеллигенции и рабочих во время «бархатных» революций в странах Восточной Европы. Они ломали структуры надежно развивавшегося общества и расчищали дорогу капитализму, вовсе того не желая. Польские социологи пишут об этом явлении: «Противостояние имело неотрадиционалистский, ценностно-символический характер (“мы и они”), было овеяно ореолом героикоромантическим — религиозным и патриотическим. “Нематериалистическим” был сам феномен “Солидарности”, появившийся и исчезнувший... Он активизировал массы, придав политический смысл чисто моральным категориям, близким и понятным “простому” человеку — таким, как “борьба добра со злом”». . . Широко известно изречение А. Михника: «Мы отлично знаем, чего не хотим, но чего мы хотим, никто из нас точно не знает».

Это вступление сделано, чтобы оправдать рассмотрение русской революции в понятиях, отвергающих теорию Маркса (или «выходящих за рамки» этой теории). Вернемся к началу XX века.

Мы учили, что в феврале 1917 года в России произошла буржуазно-демократическая революция, которая свергла монархию. Эта революция под руководством большевиков переросла в социалистическую пролетарскую революцию. Однако силы «старой России» собрались и летом 1918 года при поддержке империалистов начали контрреволюционную гражданскую войну против советской власти.

Эта картина неверна, не в деталях, а в главном. Не могла Февральская революция «перерасти» в Октябрьскую, поскольку для Февраля и царская Россия, и советская были одинаковыми врагами. Для Февраля обе они были «империями зла».

Возьмем суть. С конца XIX века Россия втягивалась в периферийный капитализм, в ней стали орудовать европейские банки, иностранцам

принадлежала большая часть промышленности. Этому сопротивлялось монархическое государство — строило железные дороги, казенные заводы, университеты, продвигало науку, разрабатывало пятилетние планы. Оно пыталось модернизировать страну — и не справилось с этой задачей. Оно было повязано и сословными интересами, и долгами перед западными банками. Как говорил Вебер, попало в *историческую ловушку* и выбраться из нее уже не могло.

Главным врагом монархического государства была буржуазия, которая требовала западных рыночных порядков и, кстати, демократии — чтобы рабочие могли свободно вести против нее классовую борьбу, в которой заведомо проиграли бы (как это и произошло на Западе). Крестьяне (85% населения России) к требованиям буржуазии относились равнодушно, но их допекли помещики и царские власти, которые помещиков защищали. Рабочие были для крестьян «своими» и по родству, и по образу мыслей и жизни. В 1902 году начались крестьянские восстания из-за земли, в ходе них возникло «межклассовое единство низов» — и произошла революция 1905 года. Только после нее большевики поняли, к чему идет дело, и подняли знамя «союза рабочих и крестьян» — ересь, с точки зрения марксизма. Крестьяне отшатнулись от монархии и повернули к революции из-за столыпинской реформы.

Как же объяснить тот факт, что Маркс и Энгельс с энтузиазмом встретили сообщения о назревании революции в России и находились в тесном контакте с русскими революционерами? Из истории, начиная с революции 1848 года, можно сделать вывод, что внутренне противоречивое отношение Маркса и Энгельса к русской революции сводилось к следующему:

- они поддерживали революцию, не выходящую за рамки буржуазно-либеральных требований, свергающую царизм и уничтожающую Российскую империю; структура классовой базы такой революции для Маркса и Энгельса была несущественна;
- они категорически отвергали рабоче-крестьянскую народную революцию, укрепляющую Россию и открывающую простор для ее модернизации на собственных цивилизационных основаниях, без повторения пройденного Западом пути.

В этом представлении выразилась замечательная прозорливость и интуиция основоположников марксизма. Они увидели и почувствовали главное: в России параллельно назревали *две* революции, в глубине своей не просто различные, но и враждебные друг другу. На первых этапах они могли переплетаться и соединяться в решении общих тактических задач, но их главные, цивилизационные векторы были принципиально различны.

Это представление, на первых этапах смутное, было принято российскими марксистами для определения их отношения к реальному ходу революционного процесса в России. Первым критическим моментом стала революция 1905–1907 годов, которая явно пошла по тому пути, который был отвергнут и осужден Марксом и Энгельсом. Марксисты оказались перед историческим выбором: включиться в эту революцию или остаться верными учению Маркса и противодействовать этой революции («будущему Октябрю»). Фракция большевиков, возглавляемая Лениным, извлекла уроки из первого акта русской революции и примкнула к революционным народным массам. Меньшевики остались с учением Маркса.

В России созрели две не просто разные, а *враждебные* друг другу революции. Одна из них — та, о которой и мечтали Маркс и Энгельс. Это революция западная, имевшая целью ликвидацию монархической государственности и империи, установление демократии западного типа и свободного капиталистического рынка. Буржуазия с помощью Запада возродила российское масонство как межпартийный штаб своей революции (в 1915 году руководителем масонов стал Керенский). Главной партией там были кадеты (либералы-западники), к ним примкнули меньшевики и эсеры.

Другая революция — крестьянская (советская), имевшая целью закрыть Россию от западной демократии и свободного рынка, отобрать бывшую общинную землю у помещиков и не допустить раскрестьянивания. К этой революции примкнули рабочие с их еще крестьянским общинным мировоззрением и образом действия (например, по типу организации в трудовые коллективы и подпольные общины). Такую революцию Маркс и Энгельс считали реакционной, поскольку она прямо была направлена на то, чтобы остановить колесо капиталистического прогресса.

Каждое из этих революционных течений имело двух главных врагов — самодержавие и альтернативную революцию. Конъюнктурно они на короткий период могли быть и союзниками (конкретно, в феврале 1917-го, во время свержения монархии, хотя политической силой в тот момент большевики не располагали).

Обе революции ждали своего момента, он наступил в начале 1917 года. Масоны завладели Госдумой, имели поддержку Антанты, а также генералов и большей части офицерства. Оно к тому времени стало разночинным и либеральным, монархисты-дворяне пали на полях сражений. Крестьяне и рабочие, собранные в 11-миллионную армию, два с половиной года в окопах обдумывали и обсуждали проект будущего. Они уже были по-военному организованы и имели оружие. В массе своей это было поколение, которое в 1905–1907 годы подрост-

ками пережило карательные действия против их деревень и ненавидело царскую власть.

Февральская революция 1917 года завершила долгий процесс разрушения легитимности государства Российской империи. Те культурные силы, которые стремились поддержать традиционные формы Российского государства (славянофилы в конце XIX века, «черносотенцы» после революции 1905 года), были дискредитированы в сознании образованного слоя и оттеснены на обочину. После Февраля кадеты сразу заняли главенствующее положение во Временном правительстве и фактически выработывали его программу. К ним присоединилась большая часть эсеров и меньшевиков. Все они сходились на том, что в России происходит буржуазно-демократическая революция, и любая альтернатива ей, в том числе под знаменем социализма, будет реакционной (контрреволюцией).

Февральская революция была *переворотом в верхах*, проведенным Госдумой и генералами. Но она стала возможной потому, что ее поддержали и банки, скупившие хлеб и организовавшие голод в столицах, и солдаты с рабочими. Порознь ни одной из этих сил не было бы достаточно — во всех революциях требуется участие влиятельной части госаппарата. В данном случае революционными были Государственная дума (включая депутатов-монархистов типа Гучкова и Шульгина), большая часть генералитета, армии и полиции, чиновничества. Была и поддержка правительств государств Антанты.

Либералы-западники, пришедшие к власти, в союзе с марксистами-западниками моментально разрушили государство Российской империи сверху донизу и разогнали саму империю. Как и предполагал Энгельс, «эту революцию начали высшие классы столицы», а управляющей структурой было подконтрольное Западу политическое масонство и верхушка либеральной буржуазии. Эта революция поощрялась Западом. Энгельс в своих трудах лишь выразил то, что правящая верхушка Запада и так прекрасно знала (хотя информационно-психологическая поддержка от марксизма была ей очень кстати).

Ленин писал в марте 1917 года то, что было тогда известно в политических кругах: «Весь ход событий февральско-мартовской революции показывает ясно, что английское и французское посольства с их агентами и “связями”, давно делавшие самые отчаянные усилия, чтобы помешать сепаратным соглашениям и сепаратному миру Николая Второго с Вильгельмом IV, непосредственно организовывали заговор вместе с октябристами и кадетами, вместе с частью генералитета и офицерского состава армии и петербургского гарнизона особенно для *смещения* Николая Романова». Февраль развязал руки революции советской. Уникальность русской революции 1917 года в том, что с первых ее дней в стране стали

формироваться два типа государственности — буржуазно-либеральная республика (Временное правительство) и «самодержавно-народная» советская власть. Это был *единственный в своем роде* опыт; похоже, его не переживал ни один народ в истории. Два типа государственности означали два разных пути, разных жизнеустройства. Они находились на двух разных и расходящихся ветвях цивилизации, и люди в течение довольно долгого времени могли сравнивать оба типа — это исключительно эффективный способ познания.

Столкновения между Временным правительством и Советами начались быстро. И кадеты, и меньшевики ориентировались на Запад и требовали продолжать войну. В ответ 21 апреля в Петрограде прошла демонстрация против этой политики правительства, и она была обстреляна — впервые после Февраля. Как писали, «дух гражданской войны» повеял над городом.

Да, вялотекущая гражданская война началась в момент Февральской революции, когда произошел слом старой государственности. Но это была война не с монархистами — вот что важно понять! Это была война «будущего Октября» с Февралем. Произошло то «превращение войны империалистической в войну гражданскую», о котором говорили большевики. Они это именно *предвидели*, а вовсе не «устроили» — никакой возможности реально влиять на события в феврале 1917 года большевики вообще не имели.

В апреле 1917 года крестьянские волнения охватили 42 из 49 губерний Европейской части России. Эсеры и меньшевики, став во главе Советов, и не предполагали, что под ними поднимается неведомая теориям государственность крестьянской России, для которой монархия стала обузой, а правительство кадетов — недоразумением. Этому движению надо было только дать язык, простую оболочку идеологии. И это дали «Апрельские тезисы» В.И. Ленина. Стихийный процесс продолжения российской государственности от самодержавной монархии к советскому строю, минуя государство либерально-буржуазного типа, обрел организующую его партию (большевиков). Поэтому рядовые консерваторы-монархисты (и даже черносотенцы), да и половина состава царского Генерального штаба, после Февраля пошли именно за большевиками.

Монархия капитулировала без боя. С Февраля в России началась борьба *двух революционных движений*. Более того, на антисоветской стороне главная роль постепенно переходила от либералов к социалистам — меньшевикам и эсерам. И те, и другие были искренними марксистами и социалистами, с ними были Плеханов и Засулич. В это же надо наконец-то вдуматься! Они хотели социализма для России, только социализма по-западному, «правильного». А в России народ был «неправиль-

ный». Если взглянуть на дело со стороны меньшевиков-марксистов, то Октябрь выглядит событием реакционным, *контрреволюционным переворотом*. В этом они были верны букве марксизма, прямо исходили из указаний Маркса и Энгельса. Февральская революция в России произошла согласно теории Маркса, а Октябрьская — вопреки этой теории.

Замечательно это выразил Грамши в статье «Революция против “Капитала”» (5 января 1918 г.): «Это революция против “Капитала” Карла Маркса. “Капитал” Маркса был в России книгой скорее для буржуазии, чем для пролетариата. Он неопровержимо доказывал фатальную необходимость формирования в России буржуазии, наступления эры капитализма и утверждения цивилизации западного типа... Но факты пересилили идеологию. Факты вызвали взрыв, который разнес на куски те схемы, согласно которым история России должна была следовать канонам исторического материализма. Большевики отвергли Маркса. Они доказали делом, своими завоеваниями, что каноны исторического материализма не такие железные, как могло казаться и казалось».

Нестабильное равновесие, возникшее после Октября, сломали прежде всего эсеры. Признав советскую власть, Учредительное собрание блокировало бы войну. А вот если бы большевики сдались Учредительному собранию, война все равно была бы неизбежной. Шанс на выход из тупика давал именно и только советский проект (хотя какие-то его вариации были возможны, но и те были загублены левыми эсерами). Эсеры и объявили Советам гражданскую войну, а подполковник Каппель был их первым командиром (его недавно перезахоронили с воинскими почестями и хоругвями как якобы монархиста).

Большевики ушли от марксизма не только в том, что исходили из иной картины мироустройства, осознали природу капиталистической системы «центр — периферия» и цивилизационный смысл русской революции. Они ушли и от присущего марксизму *механицизма* во взглядах на исторический процесс. Они мыслили уже в понятиях перехода «порядок — хаос — порядок» и верно оценивали значение *момента и движения*. Помимо верной оценки движущих *сил* русской революции, они умело действовали в «точках бифуркации», в моменты неустойчивых равновесий. Октябрьский переворот — высшее достижение социальной синергетики.

Благодаря организующему действию большевиков Советам удалось прийти к власти на волне самой Февральской революции, пока не сложился новый государственный порядок, пока все было на распутье и люди находились в ситуации выбора, но уже угас оптимизм и надежды на то, что Февраль ответит на чаяния подавляющего большинства — крестьян. В этом смысле Октябрьская революция была тесно связана с Февральской и стала шедевром революционной мысли.

Это удалось потому, что в России в отличие от марксистской теории классовой революции была создана теория революции, *предотвращающей* разделение на классы. Для крестьянских стран это была революция *цивилизационная* — она была средством спасения от втягивания страны в периферию западного капитализма. Там в России, где победили силы, стремящиеся стать «частью Запада», они выступали против советской революции, выступая даже и под красным знаменем социализма.

В работе Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма», написанной в 1916 году в Цюрихе и напечатанной в середине 1917 года в Петрограде, развивается представление о судьбе периферийных стран мировой системы, преодолевающее главные догмы марксизма. В дополнение к отходу от марксистских представлений о крестьянстве «Империализм...» стал необходимым и достаточным блоком для выработки учения об антикапиталистической революции «в *одной стране*» — вне зависимости от участия в ней пролетариата развитых капиталистических стран. Таким образом, «Империализм...» является текстом, представляющим ядро *ленинизма* как новой теории революции.

Из приведенных в «Империализме...» данных об изъятии центром капитализма ресурсов периферии следует, что рабочий класс промышленно развитых стран Запада *не является* революционным классом (строго говоря, не является и пролетариатом). Это — важная предпосылка для преодоления присущего марксизму мессианского отношения к промышленному пролетариату и убеждения в том, что лишь мировая пролетарская революция может стать мотором освобождения народов от капиталистической эксплуатации. Преодоление этого постулата было условием для создания ленинской теории революции, а значит, и облегчившим ее практическое исполнение.

Ленин приводит исключительно красноречивые рассуждения идеологов империализма (например, С. Родса) о том, что разрешение социальных проблем в самой метрополии было едва ли не важнейшей целью эксплуатации зависимых стран («Если вы не хотите гражданской войны, вы должны стать империалистами»). Эту проблему Запад успешно решил: его «низшие классы» оказались подкупленными в достаточной мере, чтобы оставаться спокойными, что подтверждается цитатами из текстов как буржуазных экономистов, так и западных социал-демократов. Таким образом, и на практике эксплуатация рабочих была дополнена (а скорее, даже замещена) эксплуатацией народов, а *классовая борьба* заменена *борьбой народов*.

Пожалуй, самой сильной иллюстрацией к этой теме служат приведенные Лениным высказывания самого Энгельса. Так, 7 октября 1858 года (!) Энгельс писал Марксу: «Английский пролетариат фактически все более и более обуржуазивается, так что эта самая буржуаз-

ная из всех наций хочет, по-видимому, довести дело в конце концов до того, чтобы иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат *рядом* с буржуазией. Разумеется, со стороны такой нации, которая эксплуатирует весь мир, это до известной степени правомерно». И это представление Энгельса, сложившееся к 1858 году, вполне устойчиво. 12 сентября 1882 года он пишет Каутскому, что «рабочие преспокойно пользуются вместе с ними [буржуазией] колониальной монополией Англии и ее монополией на всемирном рынке».

Из этого прямо следовала установка большевиков, что уповать на пролетарскую революцию в метрополии капитализма не приходилось, а революция в странах периферийного капитализма, к которым относилась и Россия, неизбежно приобретала не только антикапиталистический, но и национально-освободительный характер борьбы против гнета иностранного капитала. Впоследствии ленинская теория революции получила развитие на опыте подобных революций в других крестьянских странах.

Условием для победоносной советской революции в России было то уникальное сочетание чаяний и интересов общинного крестьянства и молодого рабочего класса, которое выразил Ленин в идее союза рабочих и крестьян. Сравнивая поведение рабочих в разных странах, мы должны были бы прийти к выводу, что революционным, отрицающим буржуазный порядок, был рабочий класс именно там, где он не потерял связь с землей, со своими крестьянскими корнями. Историк крестьянства Э. Вольф пишет: «Революционная активность, очевидно, является результатом не столько роста промышленного пролетариата как такового, сколько расширения промышленной рабочей силы, все еще тесно связанной с деревенской жизнью. Сама попытка среднего и "свободного" крестьянина остаться в рамках традиций делает его революционным».

Ортодоксальные марксисты (Аксельрод, Засулич, Плеханов) считали, что в феврале 1917-го главная задача русской революции, поставленная Марксом и Энгельсом, выполнена. А с реакционной советской революцией надо бороться. Эта часть марксистов стала антиленинцами и заняла антисоветскую позицию — в точном соответствии с теми заветами, которые Маркс и Энгельс сформулировали в 1870–1880 годы.

Это представление о российской реальности было ошибочным. Изучая, начиная с 1904 года, события в России, Вебер приходит к фундаментальному выводу: *«слишком поздно!»*. Успешная буржуазная революция в России была уже невозможна. И дело, по его мнению, не только в том, что в массе крестьянства господствовала идеология «архаического аграрного коммунизма», несовместимого с буржуазно-либеральным

общественным устройством. Сам Запад уже заканчивал буржуазно-демократическую модернизацию и исчерпал свой освободительный потенциал. Буржуазная революция может быть совершена только «юной» буржуазией, но эта юность неповторима. Россия в начале XX века уже не могла быть изолирована от «зрелого» западного капитализма, который утратил свой оптимистический заряд.

Историк-эмигрант А. Кустарев, изучавший «русские штудии» Вебера, пишет: «Такое впечатление, что русские марксисты (особенно Ленин) вполне понимали это обстоятельство и принимали его во внимание в своих политических расчетах, а также в своей зачаточной теории социалистического общества. Их анализ ситуации во многих отношениях напоминает анализ Вебера».

Этот анализ и стал стержнем теории русской революции. Исходя из него и выработывались политические формы советской государственности.

Более того, и Вебер, и Ленин, и консерваторы предвидели, что в брешь, пробитую либеральной революцией, прорвутся как раз силы, движимые общинным коммунизмом. Сам Вебер на основании уроков революции 1905 года писал, что кадеты прокладывали дорогу как раз тем устремлениям, что устраняли их самих с политической арены. Либеральная аграрная реформа, которой требовали кадеты, «по всей вероятности мощно усилит в экономической практике, как и в экономическом сознании масс, архаический, по своей сущности, коммунизм крестьян», — вот вывод Вебера. Таким образом, программа кадетов «должна замедлить развитие западноевропейской индивидуалистической культуры». Так что кадетам, по словам Вебера, ничего не оставалось, кроме как надеяться, что их враг — царское правительство — не допустит реформы, за которую они боролись. Редкостная историческая ситуация, и нам было бы очень полезно разобрать ее сегодня.

Философским основанием Октября был общинный крестьянский коммунизм, в который большевики привнесли марксистскую идею прогресса. Революцию совершили общинные крестьяне (авангардом была их молодая часть в солдатской шинели) и рабочие из крестьян, мобилизованные на заводы во время войны. Они представляли подавляющее большинство русского народа, высокоорганизованное (в общине, армии и трудовом коллективе завода) и находящееся на пике духовного и культурного подъема. По словам Грамши, этот тип русского человека как будто вобрал в себя духовную энергию трудящихся всего мира, накопленную за 300 лет. В нем был огромный потенциал, к нему тянулись трудящиеся всех народов России (да и всего мира).

Этот культурно-исторический тип человека подобрал себе наиболее подходящую из имеющихся партий, «назначил» командиров и даже на-

брал отряды этнических маргиналов для выполнения жестокой работы, без которой не обходятся революции. Именно в свой проект он загнал и отобранных вождей (Ленина, Троцкого, Сталина и пр.). Как сказал об этой истории Брехт, «ведомые ведут ведущих».

Таким было ядро русского народа в первой половине XX века. Судить его по либеральным критериям сытого интеллигента горбачевской формации или шкурным критериями нынешнего «рыночника» — глупо. Вся антисоветская риторика последних двадцати лет — свидетельство глубокого интеллектуального регресса.

Лекция 19

Гражданская война в России. Часть первая

1. В 1918 году Россия была снова, как и после Февраля 1917 года, поставлена перед выбором. Вызовом стали *Гражданская война* и *иностранная интервенция*.

Советское государство прошло через две тотальные войны, когда столкновение с противником было непримиримым. Первой была Гражданская война 1918–1921 годов, сопряженная с военной интервенцией. Вторым испытанием стала Великая Отечественная война.

Война вообще — самое крайнее, острое выражение политики, когда выявляется суть всех институтов государства, политических движений и программ. Гражданская война — *критический* эксперимент (*experimentum crucis*) над государством и обществом, открывающий важное знание — методологическое и практическое. Наша война дала большой запас нового общего знания о человеке, обществе и государстве, а также знания об особенностях российского общества и его культуры во всех ее срезях.

Это знание было очень важным ресурсом для государственного и социального строительства СССР. Однако оно сохранялось и передавалось на языке неявного и обыденного знания тех поколений, которые были участниками и свидетелями Гражданской войны. Оно было плохо оформлено и «записано» в терминах рационального обществоведения (в «учебниках»). Грубо говоря, мы его *не освоили*.

Причин для этого было достаточно. По выходе из Гражданской войны на малочисленную интеллигенцию лег огромный груз срочных и чрезвычайных работ — не было ни свободного времени, ни сил для описания и анализа эмпирического опыта войны. Пока была свежа память о нем, необходимость такой работы и не ощущалась. Не было и научного сообщества, которое занялось бы разработкой методологического аппарата для систематизации огромного массива неявного знания и его кристаллизации в текстах. В условиях идеологического раскола интеллигенции и нарастающего политического конфликта внутри правящей партии и методологические разработки, и анализ эмпирического

материала были сложной и даже опасной работой, сопряженной с неизбежными когнитивными конфликтами, которые легко было перевести в политические.

Но едва ли не главной причиной была очевидная и фундаментальная необходимость *временного забвения* реальности Гражданской войны, пока не затянулись ее раны. Был наложен негласный мораторий на превращение неявного знания в жесткие рациональные тексты. Для строительства и даже просто жизни требовались национальное примирение, а потом и мир. Исходя из этого писались и отбирались тексты, которые давали молодежи смягченный и упрощенный образ войны. Жесткий анализ — это всегда разделение, хотя бы на первой стадии. Он велся на языке неявного знания, и даже в личном общении с «непосвященными» это знание выдавалось очень скупое и осторожно, с видимыми усилиями для его «перевода».

Не вызывает сомнения, что задача примирения воевавших социальных и культурных групп была решена в СССР эффективно и поразительно быстро. Уже в 1920-е годы был преодолен присущий гражданским войнам синдром послевоенной непримиримости, который наблюдался, например, в Мексике, Китае или Испании.

В СССР даже в зонах интенсивных боевых действий, в среде казачества, уже в 1920-е годы стали обычными браки молодых людей, чьи родители принадлежали к разным воюющим сторонам. В Испании, по рассказам самих сельских жителей, даже в 1980-х годах браки молодежи из семей республиканцев и франкистов были редкостью. После завершения войны в 1939 году в деревнях на крышах домов солдат-республиканцев по ночам дежурили посты фалангистов — ожидали их тайного возвращения. В некоторых местностях это продолжалось до 1970-х годов: юные активисты подкарауливали стариков — ветеранов войны, о которой они почти ничего не знали.

Насколько сложна была эта задача примирения, говорит тот раскол, который пережило российское общество в 1990-е годы, когда из политической целесообразности старые раны были раскрыты, и СМИ стали сыпать на эти раны соль. Однако ценой того отказа от анализа и формализации знания о Гражданской войне стал провал в системе знания о нашем обществе, возникший в 1960–1980-е годы, когда с общественной арены сошли поколения, владевшие знанием неявным.

Как показал опыт последних двадцати лет, мы в целом не поняли ни причин, ни выбора, который означала Гражданская война. Официальная советская история «берегла» нас от тяжелых размышлений и кормила успокаивающими мифами. И мы не вынесли из той войны исторического урока, который она в себе заключала. Теперь необходимы «раскопки смыслов». Мы обязаны то утраченное знание восстановить и придать ему

форму учебных пособий — с осторожностью и чувством меры, но учитывая его ценность для понимания нынешнего кризиса. Этот кризис есть эпизод русской революции и ее важного среза — Гражданской войны.

2. Гражданская война — катастрофа более страшная, чем война с внешним врагом. Она раскалывает народ, семьи и даже самую личность человека, она имеет тотальный характер и наносит тяжелые душевные травмы, которые надолго определяют жизнь общества. Поскольку в гражданской войне нет тыла, она разрушает всю ткань хозяйства, все жизнеустройство в целом.

В ходе Гражданской войны в России погибло несколько миллионов человек (количественные оценки различаются — от 9 до 12 млн). Подавляющее большинство погибших потеряли жизнь не от «организованного насилия» — на поле боя или от репрессий, — а от голода, болезней и особенно эпидемий (только от тифа погибли около 5 млн человек), а также от «молекулярных», местных конфликтов, не связанных с целями воюющих сторон. То есть от хаоса, возникшего вследствие краха государства.

Гражданская война повлияла на весь дальнейший ход событий нашей истории. Она довершила разрушение хозяйства, подорванного мировой войной, и отбросила страну в состояние крайней материальной скудости, повлиявшей на все стороны жизни и мышление. Форсированное промышленное развитие («за десять лет то, что другие страны сделали за сто лет»), привело, образно говоря, к переутомлению народа, которое сказывается и сейчас.

Эта война привела к истреблению большей части самых энергичных, активных и образованных людей с обеих сторон линии фронта и надолго предопределила страшный кадровый голод. Это привело, среди прочего, к ужесточению и упрощению системы управления всеми общественными процессами. Тогда говорили «бюрократизация», хотя это слово надо понимать как метафору; речь шла именно об упрощении и огрублении, о замене знаний и навыков простыми инструкциями и запретами.

Перевод в 1918 году всей жизни советского общества на военные рельсы придал ей черты «казарменного» уклада и привел к крайнему огосударствлению, из которого оказалось невозможно выйти за срок, отпущенный историей до новой войны. Это убило значительную часть творчества масс — прежде всего те структуры самоуправления трудящихся, в которых мог раскрыться огромный потенциал российской общинной культуры.

Из Гражданской войны выросли жесткость, суровость и склонность к грубому разрешению противоречий, которые очень дорого обошлись нам и продолжают дорого обходиться и сегодня.

Гражданская война была сложным конфликтом множества сил с разными интересами и идеалами. Мы здесь рассмотрим лишь один конфликт — между *белыми* и *красными*. Это, конечно, сильно упрощенный подход, но с него придется начинать, чтобы не запутаться в слишком сложной системе. Выводы будут огрубленными, но, считаю, в первом приближении верными.

От каких же важных «срезов» Гражданской войны мы отвлечемся?

- Не будем рассматривать прямую военную интервенцию Запада и Японии. Примем ее как фактор «внешней среды», усугубляющий наш внутренний конфликт. Сюда же можно отнести интервенцию Польши, которая вызвала крупномасштабную и тяжелую *межгосударственную* войну.
- Не будем останавливаться на войне Красной армии с силами антисоветских антироссийских националистических движений, которая происходила практически на всех западных окраинах, на Кавказе и в Средней Азии.
- Не будем рассматривать роли движения «зеленых». Это, в основном крестьянское, движение, было *антилиберальным*, т. е. несовместимым с программой Белого движения. Но оно находилось и в оппозиции к программе *модернизации*, лежащей в основе советского проекта. Во многом установками «зеленых» были вдохновлены восстания против Советской власти, происходившие на исходе Гражданской войны (в Кронштадте, Сибири, в Тамбовской губернии и др.).
- Отвлечемся от глубокого конфликта, который возник в самом лагере красных между большевиками-«космополитами» и «почвенниками». Он был вызван важными несовместимыми представлениями о России (а также о ее месте в мире). Главное столкновение произошло позже, в 1930-е годы.

Исключение этих составляющих Гражданской войны из рассмотрения обедняет и огрубляет картину, но не вносит недопустимых искажений в главные выводы относительно того конфликта, который самым прямым и срочным образом определял путь развития России–СССР в XX веке.

Мы кратко осветим такие темы:

- Кто с кем воевал?
- Кто за что воевал?
- Образ действий сторон: цивилизационный проект, целеполагание, создание социальных форм, государственность.
- Совместимость проектов и чаяний главных социальных групп.
- Механизм выращивания ненависти; «агенты войны».
- Роль поколений; война и «сборка» советского народа.

- Война и сборка «матриц» советского строя.
- Почему белые проиграли войну.

3. Наше представление о гражданских войнах сильно деформировано официальным обществоведением. Поэтому мы легко проглатываем ложные утверждения. Вот важное выступление Б.Н. Ельцина по телевидению 14 марта 1991 года: «Не надо опасаться гражданской войны, потому что у нас нет противоречий между социальными слоями». А в ноябре 1993 года, после событий 3–4 октября, он же говорит: 6–7 октября в стране должна была начаться гражданская война, и, дескать, лишь при помощи расстрела Дома Советов ее удалось предотвратить.

И оба эти ошибочные заявления принимаются как убедительные.

Говоря об угрозе войны, обычно упирают на чисто *классовые* причины, говорят о войне за *собственность*. На деле классовые интересы — лишь фон. Страшная гражданская война в США — насколько она была классовой? И почему в нашей Гражданской войне офицерство, выходцы из одного и того же социального слоя, разделилось между красными и белыми ровно пополам?

Босния два десятилетия тому назад — пример искусственного, почти лабораторного разжигания войны без классовых предпосылок. Строго говоря, в истории вообще не было гражданских войн, вызванных «противоположными классовыми интересами трудящихся и эксплуататоров». Воюют не из классового интереса, а «за правду».

Гражданская война в России была порождена *цивилизационным* конфликтом — по вопросу о том, как надо жить людям в России, в чем *правда* и *совесть*. В важной работе «Причины войны и условия мира», опубликованной в 1944 году, П.А. Сорокин пишет: «Гражданские войны возникали от быстрого и коренного изменения высших ценностей в одной части данного общества, тогда как другая либо не принимала перемены, либо двигалась в противоположном направлении. Фактически все гражданские войны в прошлом происходили от резкого несоответствия высших ценностей у революционеров и контрреволюционеров. От гражданских войн Египта и Персии до недавних событий в России и Испании история подтверждает справедливость этого положения».

Начало XX века стало в России временем, когда происходило сравнение двух проектов — *либерального* (в союзе с *социал-демократическим*) и *советского*¹. Созревание этих проектов ускорила Первая мировая война, а после февраля 1917 года сравнение происходило в открытой практике, в сотрудничестве и конфликтах, но, в целом, в более или

---

¹ Отвлечемся от того факта, что большевики назывались социал-демократами, — они с 1905 г. сдвинулись на советскую траекторию.

менее мирных условиях сосуществования Временного правительства и Советов².

Это соревнование Временное правительство и его союзники проиграли вчистую. Легитимности новый порядок и лежавший в его основе проект не получили. Новая государственность по типу либерального Запада не сложилась и в октябре без боя сдала власть Советам. Однако под давлением и при активном участии Запада блок кадетов и эсеров попытался военным путем вернуть власть и продолжить свой проект. С середины 1918 года сравнение обоих проектов происходило в форме гражданской войны. За ней наблюдала вся Россия, и это был второй этап «пробы на зуб». Военное соревнование, как известно, белые также проиграли вчистую. И белый, и красный проект Россия сравнила не в теории, не по книгам, а на опыте. От этой важной стороны дела нас стараются отвлечь, так зафиксируем ее.

Антисоветский историк М.В. Назаров говорит: «При всем уважении к героизму белых воинов следует признать, что политика их правительств была в основном лишь реакцией Февраля на Октябрь — что и привело их к поражению так же, как незадолго до того уже потерпел поражение сам Февраль».

Этот факт мы должны себе объяснить. Белые унаследовали большую часть оставшихся ресурсов государства, имели полную поддержку имущих классов России и большую поддержку Запада (включая военную интервенцию). Поначалу у них был такой огромный перевес над красными, что они овладели практически всей территорией России за исключением маленького пятячка в центре.

Кадеты, социалистические конкуренты большевиков, иностранные специалисты были уверены, что красные не продержатся дольше нескольких недель. М.М. Пришвин, исключительно проницательный наблюдатель, записал в дневнике 15 июня 1917 года о «марксистах, соци-

---

² «Молекулярная» гражданская война за землю и движения сепаратистов на окраинах начались после Февраля, они ускорили доработку и поляризацию двух больших проектов. Начались крестьянские восстания с требованием национализации земли. К осени 1917 г. крестьянскими беспорядками было охвачено 91% уездов России. Для крестьян (и даже для помещиков) национализация земли стала единственным средством прекратить войны на меже при переделе земли явочным порядком. Эта гражданская война началась в России именно летом 1917 г. — из-за нежелания Временного правительства решить земельную проблему. К лету 1918 г. она лишь разгорелась, обретя противостоящие идеологии. Летом 1917 г. крестьяне громили уже в основном не помещичьи усадьбы, а «средняков» — арендаторов. М.М. Пришвин, сам живший своим трудом в маленьком поместье, пишет: «Помещица заперлась в старом доме и думает, что все зло от мужиков, что это они сговорились грабить ее. А “их” нет, они вовсе не сговаривались, они грабят друг друга еще больше. Еще удивительно, как мало они грабят ее сравнительно с грабежом себя».

алистах и пролетариях»: «Мне вас жаль, потому что в самое короткое время вы будете опрокинуты, и след вашего исчезновения не будет светиться огнем трагедии... И я говорю вам последнее слово, и вы это теперь сами должны чувствовать: дни ваши сочтены».

4. Вдохновители Февраля были *западниками*, их идеалом была буржуазная республика с опорой на гражданское общество и рыночную экономику — на то, чего в России не было. М. Вебер отмечал, что критерием господства «духа капитализма» является состояние умов *рабочих*, а не *буржуа*. В то время рабочие сохраняли мироощущение общинных крестьян — главного противника буржуазии в ходе буржуазных революций.

Историк Д.О. Чураков пишет: «Революция 1917 года носила не только социальный, но и специфический национальный характер. Но это национальное содержание революции 1917 г. резко контрастировало с приходом на первые роли в обществе либералов-западников. Что это могло означать для страны, в которой национальная специфика имела столь глубокие и прочные корни? Это означало только одно — рождение одного из самых глубоких социальных конфликтов за всю историю России. И не случайно эта новая власть встречала тем большее сопротивление, чем активнее она пыталась перелицевать “под себя” традиционное российское общество».

Народ России был расколот не по классовому признаку. Показательно разделение офицерства старой армии. В Красной армии служили 70–75 тыс. этих офицеров, т. е. 30% (из них 14 тыс. до этого были в Белой армии). В Белой армии служили около 100 тыс. (40%) офицеров, остальные бывшие офицеры уклонились от участия в военном конфликте. В Красной армии было 639 генералов и офицеров Генерального штаба, в Белой — 750. Из 100 командармов, которые были в Красной армии в 1918–1922 годах, 82 были ранее «царскими» генералами и офицерами. Можно сказать, что цвет российского офицерства разделился между *красными* и *белыми* пополам. При этом офицеры, за редкими исключениями, вовсе не становились на «классовую позицию» большевиков и не вступали в партию. Они выбрали *красных* как выразителей определенного цивилизационного пути, который принципиально расходился с тем, по которому пошли *белые*.

Чистым, почти экспериментальным случаем можно считать политику *меньшевиков*, которые пришли к власти в Грузии. Руководил ими марксист Жордания, в прошлом член ЦК РСДРП (кстати, как и Сталин, исключенный из духовной семинарии). В отличие от меньшевиков в Петрограде, Жордания в Грузии убедил партию не идти на коалицию с буржуазией и взять власть. Сразу была образована Красная гвардия

из рабочих, которая разоружила солдатские Советы, поддерживавшие большевиков (в этих Советах русские были в большинстве).

В феврале 1918 года эта Красная гвардия подавила демонстрацию большевиков в Тифлисе. Внутренняя политика правительства Жордании была *социалистической*. В Грузии была проведена стремительная аграрная реформа — земля помещиков конфискована без выкупа и продана в кредит крестьянам. Затем национализированы рудники и почти вся промышленность (по найму у частных собственников к 1920 году в Грузии работало всего 19% занятых). Была введена монополия на внешнюю торговлю.

Таким образом, возникло типично социалистическое правительство под руководством марксистской партии, которое было непримиримым врагом Октябрьской революции. И это правительство вело войну против большевиков. Как это объясняется? Жордания объяснил это в своей речи 16 января 1920 года: «Наша дорога ведет к Европе, дорога России — к Азии. Я знаю, наши враги скажут, что мы на стороне империализма. Поэтому я должен сказать со всей решительностью: я предпочту империализм Запада фанатикам Востока!».

Другим примером может служить Юзеф Пилсудский, ставший диктатором Польши и начавший, под давлением Антанты, войну против Советской России в 1920 году. Он был революционером и социалистом, поклонником Ф. Энгельса, руководителем Польской социалистической партии. Пилсудский был сослан по тому же делу о подготовке покушения, по которому был казнен брат Ленина Александр Ульянов. В 1895 году Пилсудский написал брошюру «Россия», в которой говорит почти дословно то же самое, что говорили наши демократы спустя сто лет, в начале 90-х годов XX века.

Конечно, делая упор на *цивилизационном* характере Гражданской войны в России, мы ни в коем случае не должны забывать назревшего в обществе социального («классового») конфликта — конфликта, связанного с происходившей в России борьбой экономических *формаций*. Однако противоречия между цивилизационным и формационным планами в нашем рассмотрении не возникает. «Общественно-экономическая формация» и «цивилизация» — различные стороны одного и того же социального организма. Цивилизационные и формационные сдвиги связаны, хотя и не так примитивно, как представлялось в упрощенных схемах формационного подхода: рабство — феодализм — капитализм — социализм (или постиндустриализм).

Вторжение капитализма подорвало старое сословное общество России и его государственность. Те силы, которые не принимали капитализма, но чувствовали необходимость модернизации, шли за красными. Выход из исторического тупика, в который зашла Россия в формаци-

онном конфликте начала XX века, эти силы видели в установлении социалистического советского строя — новой, но не капиталистической формации.

Таким образом, советский строй возникал как новая общественно-экономическая формация и в то же время приобретал важные новые цивилизационные черты, по сравнению с дореволюционной Россией.

Суть Октября как *цивилизационного* выбора отметили многие левые идеологи России и Европы. Лидер эсеров В.М. Чернов считал это воплощением «фантазий народников-максималистов», лидер Бунда М.И. Либер (Гольдман) видел корни стратегии Ленина в славянофильстве, на Западе сторонники Каутского определили большевизм как «*азиатизацию Европы*». Стоит обратить внимание на это настойчивое повторение идеи, будто советский проект и представлявшие его большевики были силой *Азии*, в то время как и либералы-кадеты, и марксисты-меньшевики считали себя силой *Европы*. Они подчеркивали, что их столкновение с большевиками представляет собой *войну цивилизаций*.

Еще более определенно оценили цивилизационный смысл Октябрьской революции западные традиционалисты. Вальтер Шубарт в своей книге 1938 года «Европа и душа Востока» пишет: «Самым судьбоносным результатом войны 1914 года является не поражение Германии, не распад габсбургской монархии, не рост колониального могущества Англии и Франции, а зарождение большевизма, с которым борьба между Азией и Европой вступает в новую фазу... Причем вопрос ставится не в форме: Третий Рейх или Третий Интернационал и не фашизм или большевизм? Дело идет о **мировом историческом столкновении между континентом Европы и континентом России...**

Сегодня Европа чувствует себя под серьезной угрозой русского большевизма. Если бы она пристальнее взгляделась в его облик, она обнаружила бы в нем свои собственные западные идеи, которые большевики лишь увеличили и огрубели до пародии, — идеи атеизма, материализма и прочих сомнительный хлам прометеевской культуры. То, чего Запад боится, — это не самих идей, а тех чуждых и странных сил, которые за ними мрачно и угрожающе вырисовываются, обращая эти идеи против Европы.

Большевистскими властителями тоже руководит настроение противоположения Западу. То, что случилось в 1917 году, отнюдь не создало настроений, враждебных Европе, оно их только вскрыло и усилило. Между стремлениями славянофилов и евразийцев, между лозунгами панславизма и мировой революции разница лишь в методах, но не в цели и не в сути. Что касается мотивов и результатов, то все равно, будут ли призываться к борьбе славяне против немцев или пролетарии против капиталистов. В обоих случаях мы имеем дело с инстинктивной русской попыткой преодолеть Европу часть за частью, а затем и всю».

Гражданская война была неразрывно связана с войной за *независимость* России — против интервенции Запада. Эта интервенция у нынешних поколений недооценивается, и это большая ошибка. Вот формулировка Вальтера Шубарта: «С 1914 года мы вошли в столетие западно-восточной войны». В 1918–1921 годы Запад вел ее в основном руками российских «белых», а потом руками поляков.

5. Условием начала гражданской войны бывает возникновение двух разных типов государственности на территории одной страны, особенно возникновение двух типов армии.

Февральская революция сокрушила одно из главных оснований российской цивилизации — ее государственность, сложившуюся исторически в природных и культурных условиях России. Тот факт, что Временное правительство, ориентируясь на западную модель либерально-буржуазного государства, разрушало структуры традиционной государственности России, был очевиден. Французский историк Ферро, ссылаясь на признания Керенского, отмечает это *уничтожение российской государственности* как одно из *важнейших явлений* Февральской революции.

Напротив, рабочие организации, связанные с Советами, стремились укрепить *государственные* начала в общественной жизни в самых разных их проявлениях. Тогда писали об особом «*государственном инстинкте*» русских рабочих и их «*тяге к организации*». При этом организационная деятельность рабочих комитетов и Советов определенно создавала модель *государственности*, альтернативную той, что пыталось строить Временное правительство.

Уникальность русской революции 1917 года в том, что с первых ее дней, с конца февраля, в стране стали формироваться два типа государственности — буржуазная республика и советская власть, которые находились на двух разных и *расходящихся* ветвях цивилизации. Поначалу особых идеологических различий между двумя типами власти и не было видно. Временное правительство использовало «социалистическую» риторику.

После Февраля власть не могла не развалить армию царской России, как один из главных институтов монархической государственности. Сам ее «культурный генотип» был несовместим с мировоззрением и цивилизационными установками либералов-западников. Критическим событием, положившим начало Февральской революции, был бунт 27 февраля учебной команды лейб-гвардии Волынского полка, которая отказалась выйти для пресечения «беспорядков». Начальника команды, штабс-капитана, солдаты выгнали из казармы, а фельдфебель Кирпичников выстрелом в спину убил уходящего офицера. Этому эпизоду было при-

дано символическое значение: командующий Петроградским военным округом генерал-лейтенант Л.Г. Корнилов лично награждал Кирпичникова Георгиевским крестом — наградой, которой удостаивали только за личное геройство. Одно это событие нанесло тяжелый удар по армии.

Развал армии, ставший предпосылкой Гражданской войны, был произведен либеральным Временным правительством. 16 июля 1917 года Деникин заявил в присутствии Керенского: «Когда повторяют на каждом шагу, что причиной развала армии послужили большевики, я протестую. Это неверно. Армию развалили другие... Развалило армию военное законодательство последних месяцев». Как писал генерал А.М. Зайончковский, автор фундаментального труда о Первой мировой войне, «армия развалилась при деятельной к этому помощи обоих неудачных революционных министров Гучкова и Керенского».

В этом плане особенно красноречивы действия А.И. Гучкова, ставшего военным министром Временного правительства. Он был человеком умным и решительным, близким к армии и имевшим очень высокий авторитет среди офицерства и генералитета. Тем не менее, он, следуя логике процесса, давал распоряжения и приказы, разрушавшие армию (например, за март было уволено около 60% высших офицеров)³.

В целом буржуазно-либеральный проект кадетов обрести легитимность не смог — фактически, ни в какой крупной социальной группе России. Выехав 5 апреля на фронт, военный министр был поражен тем, что генералы подумывали о том, чтобы вступить в партию эсеров. Он писал: «Такая готовность капитулировать перед Советом даже со стороны высших военных, делавших карьеру при царе, парализовала всякую возможность борьбы за укрепление власти Временного правительства».

После распада армии, когда солдаты вернулись по домам с оружием, возникла ситуация, чреватая гражданской войной. Критическим моментом стал мятеж чехословацкого корпуса (25 мая 1918 г.), сформированного осенью 1917 года из военнопленных чехов и словаков для участия в Первой мировой войне (в январе 1918 года он был объявлен автономной частью французской армии).

Это послужило для эсеров сигналом к объявлению войны Советскому государству. В.М. Чернов заявил: «В этих условиях в июне 1918 г. Поволжский областной комитет ПСР [партии социалистов-революционеров]

---

³ Министр финансов и затем министр иностранных дел Временного правительства М.И. Терещенко впоследствии сказал: «Будущие историки, знакомясь с историей нашей революции, действительно с изумлением увидят, что в течение первых ее месяцев, в то время, когда во главе военного ведомства стоял человек, который, вероятно, более всех других штатских людей в России и думал, и мыслил об армии, и желал ей успеха, поставил свою подпись под рядом документов, которые несомненно принесли ей вред».

заклучил с уральским казачьим войском союз для ликвидации большевистской диктатуры и провозглашения власти Учредительного собрания в Поволжье и Приуралье. Центральный комитет ПСР... этот союзный договор утвердил».

Белочехи заняли Самару, и 8 июня эсеры образовали Комитет, который объявил себя верховной властью в России и начал мобилизацию в армию. 30 июня в Омске при участии интервентов было создано Сибирское правительство из меньшевиков, эсеров и кадетов. В ноябре здесь же Колчак был провозглашен Верховным правителем России.

Таким образом, Гражданская война против Советской власти не выросла стихийно, она была начата и даже *объявлена* в результате вполне конкретных решений, принятых вполне конкретными политиками. И начата была эта война *социалистической революционной партией*.

Важно подчеркнуть, что «белые» не имели целью реставрировать Российскую империю в виде монархии. Это была «*война Февраля с Октябрем*» — столкновение двух *революционных* проектов.

Генерал Слащов-Крымский (прообраз генерала Хлудова в пьесе М. Булгакова «Бег») писал, что по своим политическим убеждениям Белая армия была такой: «Мешанина кадетствующих и октябриствующих верхов и меньшевистско-эсерствующих низов... “Боже Царя храни” провозглашали только отдельные тупицы, а масса Добровольческой армии надеялась на “учредилку”, избранную по “четырёххвостке”, так что, по-видимому, эсеровский элемент преобладал». Монархически настроенные офицеры в Белой армии были оттеснены в тень, под надзор контрразведки (в армии Колчака действовала «тайная организация монархистов», а в армии Деникина, согласно его собственным воспоминаниям, монархисты вели «подпольную работу»).

Те белые армии, которые выступили под монархическими знаменами (Южная и Астраханская), уже к осени 1918 года были полностью ликвидированы. В целом же, как отмечал сам Деникин, белое офицерство «политикой и классовой борьбой интересовалось мало. В основной массе своей оно являлось элементом чисто служилым, типичным “интеллигентным пролетариатом”». Во всех созданных белыми правительствах верховодили деятели политического масонства России, которые были непримиримыми врагами монархии и активными организаторами Февральской революции. Противником сильной царской империи был и Запад, который на деле и определял действия белых.

На допросе в чрезвычайной комиссии Временного правительства генерал Л.Г. Корнилов после провала его мятежа сказал: «Я заявлял, что всегда буду стоять за то, что судьбу России и вопрос о форме правления страны должно решать Учредительное собрание... Я заявлял, что никогда не буду поддерживать ни одной политической комбинации, кото-

рая имеет целью восстановление дома Романовых, считал, что эта династия в лице ее последних представителей сыграла роковую роль в жизни страны».

Корнилов сказал, что 26 августа, перед началом попытки переворота, он собрал узкое совещание, на котором был обсужден состав будущей хунты. В списке будущих министров при диктаторе Корнилове мы обнаруживаем, помимо Керенского, Савинкова и его близких соратников, имя основоположника российской социал-демократии, виднейшего марксиста Г.В. Плеханова. В это надо вдуматься, чтобы понять суть противостояния между белыми и красными, между меньшевиками и большевиками.

В 1937 году, к двадцатилетию Белого движения, в Нью-Йорке эмигрантами была выпущена книга «Белая Россия», собрание тезисов о смысле Движения. Генерал С.В. Денисов, сподвижник наиболее консервативного из организаторов движения — П.Н. Краснова, пишет в этой книге: «Все без исключения Вожди, и Старшие и Младшие., приказывали подчиненным содействовать Новому укладу жизни и отнюдь, никогда не призывали к защите Старого строя и не шли против общего течения... На знаменах Белой Идеи было начертано: к Учредительному Собранию, т. е. то же самое, что значилось и на знаменах Февральской революции... Вожди и военачальники не шли против Февральской революции и никогда и никому из своих подчиненных не приказывали идти таковым путем».

Вот генерал-лейтенант А.П. Богаевский, видный деятель Белой армии, дворянин из казаков, ближайший сподвижник Деникина и Врангеля, атаман Войска Донского, один из наиболее консервативных вождей белого движения. Каковы его установки, как он видит российскую государственность? В своем дневнике он так характеризует Россию времен Николая I: «Тяжкой памятью в истории России останутся годы бесчеловечного рабства, жесток был гнет полицейско-жандармского режима». Это — рассуждения типичного либерала. 1 марта 1920 года он пишет: «Сформировано Южнорусское правительство... вместе дружно работают — социалист П.М. Агеев (министр земледелия) и кадет В.Ф. Зеелер (министр внутренних дел) ... Дело стало за Парламентом, как полагается во всех благовоспитанных демократических государствах».

6. Одновременно с Временным правительством возникли Советы. Активный деятель того времени художник А.Н. Бенуа писал в апреле 1917 года: «У нас образовалось само собой, в один день, без всяких предварительных комиссий и заседаний нечто весьма близкое к народному парламенту в образе Совета рабочих и солдатских депутатов».

Советы выросли из крестьянских представлений об идеальной власти. Исследователь русского крестьянства А.В. Чаянов писал: «Развитие государственных форм идет не логическим, а историческим путем. Наш режим есть режим советский, режим крестьянских советов. В крестьянской среде режим этот в своей основе уже существовал задолго до октября 1917 года в системе управления кооперативными организациями».

Становление системы Советов было процессом «молекулярным», хотя имели место и локальные решения. Так произошло в Петрограде, где важную роль сыграли кооператоры. Еще до отречения царя, 25 февраля 1917 года руководители Петроградского союза потребительских обществ провели совещание с членами социал-демократической фракции Государственной думы в помещении кооператоров на Невском проспекте и приняли совместное решение создать Совет рабочих депутатов — по типу Петербургского совета 1905 года. Выборы депутатов должны были организовать кооперативы и заводские кассы взаимопомощи. После этого заседания участники были арестованы и отправлены в тюрьму — всего на несколько дней, до победы Февральской революции.

Верно понять природу Советов нельзя без рассмотрения их нижней основы, системы трудового *самоуправления*, которая сразу же стала складываться на промышленных предприятиях. Ее ячейкой был *фабрично-заводской комитет* (фабзавком)⁴.

В те годы фабзавкомы возникали и в промышленности западных стран, там они выросли из средневековых традиций цеховой организации ремесленников как вид ассоциаций гражданского общества. А в России они исходили из традиций крестьянской общины. Из-за большой убыли рабочих во время Первой мировой войны на фабрики и заводы пришло пополнение из деревни, так что доля «полукрестьян» составляла до 60% рабочей силы. Важно также, что из деревни на заводы теперь пришел середняк, составлявший костяк сельской общины. В 1916 году 60% рабочих-металлистов и 92% строительных рабочих имели в деревне дом и землю. Эти люди обеспечили господство в среде городских рабочих общинного крестьянского мировоззрения и общинной самоорганизации и солидарности. Фабзавкомы в Центральной России было охвачено 87% средних предприятий и 92% крупных.

Фабзавкомы, в организации которых большую роль сыграли Советы, быстро сами стали опорой Советов. Прежде всего именно фабзавкомы финансировали деятельность Советов, перечисляя им специально выделенные с предприятий «штрафные деньги», а также 1% дневного

⁴ Этому посвящена очень важная для нашей темы книга Д.О. Чуракова «Русская революция и рабочее самоуправление» (М., 1998).

заработка рабочих. Именно там, где были наиболее прочны позиции фабзавкомов, возник лозунг «Вся власть Советам!». На заводе Михельсона, например, это требование было принято уже в апреле, а на заводе братьев Бромлей — 1 июня 1917 года. Но главное, фабзавкомы обеспечили Советам массовую и прекрасно организованную социальную базу; причем среди рабочих, охваченных фабзавкомами, Советы рассматривались как безальтернативная форма государственной власти. Важную роль сыграли фабзавкомы в организации рабочей милиции и Красной гвардии.

Фабзавкомы быстро приобрели авторитет и как организация, поддерживающая и сохраняющая производство (вплоть до поиска и закупки сырья и топлива, найма рабочих, создания милиции для охраны материалов, заготовки и распределения продовольствия, налаживания трудовой дисциплины), и как центр жизнеустройства трудового коллектива. В условиях революционной разрухи их деятельность была так очевидно необходима для предприятий, что владельцы в общем шли на сотрудничество (67% фабзавкомов финансировались самими владельцами предприятий).

В августе-сентябре 1917 года при возникновении угрозы остановки производства частыми стали случаи взятия фабзавкомами управления предприятием в свои руки. Когда фабзавком брал на себя руководство фабрикой, отстраняя владельца, обычно принималось постановление: никаких особых выгод из этого рабочим не извлекать. Весь доход после выплаты зарплаты и покрытия расходов на производство поступал в собственность владельцев предприятия. При этом ориентация фабзавкомов была антибуржуазной, но порождена не *классовой ненавистью*, а *ненавистью к классовому разделению*. Именно эта их позиция способствовала завоеванию большевиками большинства в Советах.

Фабзавкомы предлагали владельцам стать «членами трудового коллектива», войти в «артель» — на правах мастера с большей, чем у других, долей дохода (точно так же, как крестьяне в деревне, ведя передел земли, предлагали и помещику взять его трудовую норму и стать членом общины). Из материалов, характеризующих устремления, идеологические установки и практические дела фабзавкомов, следует, что рабочие уже с марта 1917 года считали, что они победили в революции и перед ними открылась возможность устраивать жизнь в соответствии с их представлениями о добре и зле. В постановлениях фабзавкомов, многие из которых написаны эпическим стилем, напоминая крестьянские наказы и приговоры, нет агрессивности, а видна спокойная сила. Рабочие именно предлагали мир и братство и надеялись на эту возможность.

Меньшевики, ориентированные марксизмом на опыт рабочего движения Запада, резко отрицательно отнеслись к фабзавкомам как «па-

триархальным» и «заскорузлым» органам. Они стремились «европеизировать» русское рабочее движение по образцу западных профсоюзов. Поначалу фабзавкомы (в 90% случаев) помогали организовать профсоюзы, но затем стали им сопротивляться. Например, фабзавкомы стремились создать *трудовой коллектив*, включающий в себя всех работников предприятия, — рабочих, инженеров, управленцев и даже самих владельцев. Профсоюзы же разделяли этот коллектив по профессиям, так что на предприятии возникали десятки разных профсоюзов, состоящих всего из трех-четырёх человек.

Часто рабочие считали профсоюзы чужеродным телом в связке фабзавкомы — Советы. Говорилось даже, что «профсоюзы — это детище буржуазии, завкомы — это детище революции». В результате к середине лета 1917 года произошло размежевание: в фабзавкомках преобладали большевики, а в профсоюзах — меньшевики.

Д.О. Чураков пишет: «В реальности, происходившее было во многом не чем иным, как продолжением в новых исторических условиях знакомого по прошлой российской истории противоборства традиционализма и западничества. Соперничество фабзавкомов и профсоюзов как бы иллюстрирует противоборство двух ориентаций революции: стать ли России отныне “социалистическим” вариантом все той же западной цивилизации и на путях государственного капитализма двинуться к своему концу или попытаться с опорой на историческую преемственность показать миру выход из того тупика, в котором он оказался в результате империалистической бойни».

Западнические иллюзии после Февраля начали очень быстро угасать даже в столицах. Разница между «февральской» и «горбачевской» демократией заключается в том, что в 1917 году людей реально поставили перед выбором, и в обществе возник *диалог*. Он шел непрерывно и в разных формах. Дневники М.М. Пришвина (как, кстати, и записки И. Бунина) содержат множество эпизодов. Вот, у Пришвина, запись от 1 марта 1917 года:

«Рыжий политик в очках с рабочим. Рыжий:

— Так было везде, так было во Франции, так было в Англии и... везде, везде.

Рабочий задумчиво:

— А в России не было.

Рыжий на мгновение смущен:

— Да, в России не было. — И потом сразу: — Ну, что же... — и пошел, и пошел, вплоть до Эльзас-Лотарингии».

В целом, Октябрь открыл путь процессу (поначалу стихийному) продолжения российской государственности от самодержавной монархии к советскому строю, минуя государство либерально-буржуазного типа.

М.М. Пришвин записал в дневнике 30 октября 1917 года: «Просто сказать, что попали из огня да в полымя, от царско-церковного кулака к социалистическому, минуя свободу личности». Это — бессильная ругань, но смысл событий в ней ухвачен верно.

М.М. Пришвин, мечтавший о либеральном строе, проклиняет испортивших дело либералов: «Виноваты все интеллигенты: Милюков, Керенский и прочие, за свою вину они и провалились в Октябре, после них утвердилось власть темного русского народа по правилам царского режима. Нового ничего не вышло».

За ворчанием здесь скрывается важная мысль: после Октября *утвердилось власть русского народа*; большевики выступили как реставраторы, даже как контрреволюционеры относительно либералов — именно из-за усилий большевиков *нового ничего не вышло*. Эта власть восстанавливала те принципы жизнеустройства, которые отвечали чаяниям подавляющего большинства людей и лежали на исторической траектории России.

Когда летом 1917 года начались крестьянские волнения, М.М. Пришвин пронизательно записал в дневнике (5 июля), что либеральная революция потерпела крах, Россия пошла по какому-то совершенно иному пути:

«Елецкий погром — это отдаленный раскат грома из Азии, и уже этого удара было довольно, чтобы все новые организации разлетелись, как битые стекла».

Эта свистопляска с побоями — похороны революции.

Дни революции в Петрограде вспоминаются теперь как первые поцелуи единственного, обманувшего в юности счастья».

Пришвин так выразил суть Октября: «горилла поднялась за правду». Но что такое была эта «горилла»? Пришвин стал размышлять, из чего же она возникла. 31 октября он выразил эту правду так. Возник в трамвае спор о правде (о Керенском и Ленине) — до рычания. И кто-то призвал спорщиков: «Товарищи, мы православные!».

Пришвин пишет, что советский строй («горилла») — это соединение невидимого града православных с видимым градом на земле товарищей: «в чистом виде появление гориллы происходит целиком из сложения товарищей и православных».

7. Гражданская война началась с иностранной интервенции в Россию. Этот факт нельзя забывать, а он в официальной истории был приглушен. Англичане высадились в Архангельске и Баку, американцы — в Мурманске и Владивостоке, французы — в Одессе и Севастополе.

Отношение к интервентам было важным фактором в самоопределении населения. Перестроечная картинка и эстрадная песня представляет

белых как корнетов и поручиков, вставших «за веру, Царя и Отечество» и в свободную от боев минуту со слезами на глазах певших «Боже, царя храни!». Эта картинка совершенно не верна; недаром генерал-лейтенант Я.А. Слещов-Крымский, покидая Белую армию, написал статью «Лозунги русского патриотизма на службе Франции».

Приняв от Антанты не только материальную, но и военную помощь живой силой, антисоветская революция лишилась черт патриотического движения и предстала как прозападная сила, ведущая к потере целостности и независимости России. Это во многом предопределило утрату широкой поддержки со стороны населения и поражение Белой армии. М. Назаров в книге «Миссия русской эмиграции» пишет: «Ориентация Белого движения на Антанту заставила многих опасаться, что при победе белых стоявшие за ними иностранные силы подчинят Россию своим интересам». Напротив, Красная армия все больше воспринималась как сила, восстанавливающая государственность и суверенитет России.

Нелепо говорить о патриотизме, который якобы был сосредоточен в буржуазно-помещичьей среде («белый идеал»). В «Окаянных днях» Бунина на каждой странице мы видим одну страсть — ожидание прихода немцев с их порядком и виселицами. А если не немцев, то хоть каких угодно иностранцев — лишь бы поскорее оккупировали Россию. Читаем: «В газетах — о начавшемся наступлении немцев. Все говорят: “Ах, если бы!”... Вчера были у Б. Собралось порядочно народу — и все в один голос: немцы, слава Богу, продвигаются, взяли Смоленск и Бологое... Слухи о каких-то польских легионах, которые тоже будто бы идут спасать нас... Немцы будто бы не идут, как обычно идут на войне, сражаясь, завоеывая, а “просто едут по железной дороге” — занимать Петербург... После вчерашних вечерних известий, что Петербург уже взят немцами, газеты очень разочаровали... В Петербург будто бы вошел немецкий корпус. Завтра декрет о денационализации банков... Видел В.В. Горячо поносил союзников: входят в переговоры с большевиками вместо того, чтобы идти оккупировать Россию» и т. п.

А вот записи Бунина из Одессы:

«Слухи и слухи. Петербург взят финнами... Гинденбург идет не то на Одессу, не то на Москву... Все-то мы ждем помощи от кого-нибудь, от чуда, от природы! Вот теперь ходим ежедневно на Николаевский бульвар: не ушел ли, избави Бог, французский броненосец, который зачем-то маячит на рейде и при котором все-таки как будто легче».

Читаешь все это и вспоминаешь, как наша нынешняя патриотическая оппозиция, представляя белых носителями идеала государственности, поносит Советскую власть, которая в том феврале лихорадочно собирала армию, чтобы дать отпор немцам.

Вот, вполне представительная фигура белого движения — адмирал А.В. Колчак, «кондотьер» Запада, поставленный англичанами и США Верховным правителем России. О русском народе он писал буквально как крайний русофоб времен перестройки: «обезумевший дикий (и лишенный подобия) неспособный выйти из психологии рабов народ». При власти Колчака в Сибири творили над этим народом такие безобразия, что его собственные генералы слали ему по прямому проводу проклятья. Он — «дитя Февраля», ходил на консультации к Плеханову, после Октября патетически пытался вступить рядовым в британскую армию, имел при себе комиссаром международного авантюриста, брата Я.М. Свердлова приемного сына Горького — капитана французского Иностранного легиона масона Зиновия Пешкова.

Биограф А.И. Деникина Д. Лехович определил взгляды лидера белого движения как либерализм и надежды на то, что «кадетская партия сможет привести Россию к конституционной монархии британского типа», так что «идея верности союзникам [Антанте] приобрела характер символа веры».

Вообще, нынешние сторонники Белого движения совершают большую ошибку, отрывая его от иностранной интервенции, — эти два фронта войны против Советской России связаны неразрывно. Без западных поставок вооружения и материалов Белая армия просто не могла бы образоваться. Так что не будем строить иллюзий: сами организаторы Белого движения считали свою роль в Гражданской войне вспомогательной, а единственной возможной «спасительницей России» считали военную силу Антанты.

«Социальная база» Белого движения уповала именно на прямую поддержку Запада, на то, что именно он займется «обустройством» России. Белая армия рассматривалась лишь как передовой отряд крестового похода Запада против Советов. З.Н. Гиппиус записала в дневнике 2 сентября 1919 года: «На Деникина, вероятно, почти никто не надеется, несмотря на его, казалось бы, колоссальные успехи, на все эти Харьковы, Орлы, на Мамонтова и т. д. Слишком мы здесь зрячи, слишком все знаем изнутри, чтобы не видеть, что ни к чему, кроме ухудшения нашего положения, не поведут наши “белые генералы”, старые русские “остатки”, — если они не будут *честно* и *определенно* поддержаны Европой».

Можно даже сузить проблему и поставить вопрос о патриотизме белых так. Когда разгорелся конфликт «красного» и «белого» идеалов, то офицеры русской армии, принявшие активное участие в этом конфликте, разделились почти поровну. Половина пошла в Красную, а половина — в Белую армию. В Красной армии стали служить и ровно половина генералов и офицеров Генерального штаба, цвет армии. Какие же есть основания сегодня считать, что государственным чувством руководство-

вались именно те, кто оказался с «белыми», а не генерал А.А. Брусилов или М.Д. Бонч-Бруевич? Ведь по этому критерию все говорит в пользу именно тех, кто стал служить Советской власти, а не эфемерным масонским «правительствам». В Красную армию царские генералы и офицеры пошли служить почти все не из идеологических, а из патриотических соображений, в партию вступило ничтожно малое их число. Приглашая их к строительству новой армии, советская власть взяла обязательство «не посягать на их политические убеждения».

Давайте прочитаем то воззвание «Ко всем бывшим офицерам, где бы они ни находились», с которым обратилась большая группа бывших генералов русской армии во главе с Брусиловым:

«В этот критический исторический момент нашей народной жизни мы, ваши старые боевые товарищи, обращаемся к вашим чувствам любви и преданности к родине и зываем к вам с настоятельной просьбой забыть все обиды, кто бы и где бы их ни нанес, и добровольно идти с полным самоотвержением и охотой в Красную армию и служить там не за страх, а за совесть, дабы своей честной службой, не жалея жизни, отстоять во что бы то ни стало дорогую нам Россию и не допустить ее расхищения, ибо в последнем случае она безвозвратно может пропасть, и тогда наши потомки будут нас справедливо проклинать и правильно обвинять за то, что мы из-за эгоистических чувств классовой борьбы не использовали своих боевых знаний и опыта, забыли свой родной русский народ и загубили свою матушку Россию».

Отвечая на обвинения «белых» однокашников, бывший начальник штаба верховного главнокомандующего генерал Бонч-Бруевич писал: «Суд истории обрушится не на нас, оставшихся в России и честно исполнявших свой долг, а на тех, кто препятствовал этому, забыв интересы своей Родины и пресмыкаясь перед иностранцами, явными врагами России в ее прошлом и будущем».

Великий князь Александр Михайлович видел безвыходность положения белых, ставших пособниками Запада: «на страже русских национальных интересов стоит не кто иной, как интернационалист Ленин, который в своих постоянных выступлениях не щадил сил, чтобы протестовать против раздела бывшей Российской империи».

Это и есть главное, что пытаются сегодня вытеснить из сознания наши «либералы-западники»: именно большевики в Гражданской войне стояли *«на страже русских национальных интересов»*. А белые — *на страже интересов Запада*. В личном плане это была трагедия множества участников Белого движения. Но глупо сегодня ее повторять, надо же на опыте дедов учиться.

Когда я читаю о Гражданской войне у Шолохова и Платонова, вспоминаю рассказы о ней моих близких и их сверстников, а потом читаю о том

же у нынешних политиков, мне кажется, что речь идет о двух разных народах. Демократы, «белые» патриоты и их идеологические соратники пишут и говорят о каких-то верхушечных делах, интригах и обидах. А в рассказах людей, которые на своем горбу вытягивали нашу жизнь из той катастрофы, — бытие и его тектонические сдвиги и трагедии, строительство великой страны и глубокое религиозное чувство.

8. Как сказано выше, условием гражданской войны и ее развития является возникновение очагов альтернативной государственности. Стратегия создания государственности в Гражданской войне 1918–1921 годов была различной у красных и у белых, что во многом предопределило исход войны.

И Белое, и Красное движения («Февраль и Октябрь») были движениями *революционными*. Во время революции каждая политическая сила, имеющая конструктивный проект и претендующая на то, чтобы стать во главе строительства нового жизнеустройства страны, вынуждена в какой-то момент начать, помимо борьбы со своими противниками, *обуздание* того самого социального движения, что ее подняло. Возможно, это самый болезненный этап в любой революции, здесь — главная проба сил. Обуздать революцию может только *государственная власть*. Таким образом, государственное строительство, ведущееся революционерами, сопряжено с острыми фундаментальными противоречиями, расколами и конфликтами⁵.

Одной из важнейших программ, к которой приступили Советы сразу после Октябрьской революции, было *государственное строительство*. Оно вошло в конфликт с освобожденной энергией революционных масс и с теми институтами, которые она породила и, строго говоря, которые и были инструментом революции.

Прежде всего, Советское государство должно было восстановить монополию на *легитимное насилие*. Это означало необходимость ликвидации всех иррегулярных вооруженных сил партийной окраски. Один из самых красноречивых эпизодов — ликвидация *Красной гвардии*. Об этой операции мы ничего не знаем из официальной истории — она никак не вписывалась в упрощенную модель классовой борьбы и романтический образ революции. В Петрограде Красная гвардия была распущена 17 марта 1918 года, о чем было объявлено во всех районных Советах с предложением всем желающим записываться в Красную армию. Начальник штаба Красной гвардии был арестован.

Это и другие действия по «огосударствлению» революционного общества вызвали, конечно, сопротивление части рабочих даже в центре

---

⁵ С этой точки зрения надо рассматривать и события 1920–1930-х годов в ходе строительства Советского государства после Гражданской войны.

России. Так, наблюдался отток рабочих из Красной армии. Как сообщает Д.О. Чураков, к середине мая почти все рабочие с петроградского завода Речкина, ушедшие в Красную армию, вернулись на завод, т. к. не хотели, чтобы остальные рабочие смотрели на них «как на опричников».

Особенно трудное положение сложилось на Урале, где в Советах были сильны левые большевики и эсеры. Так, в городе Невьянске на большом артиллерийском заводе, где работали 7000 рабочих, 12–17 июня 1918 года произошло восстание. Тогда все отряды рабочих, которыми руководили большевики, отбыли с завода на подавление белочехов, и единственной военной силой остался отряд «автомобилистов», эвакуированный из-под Петрограда. В нем заправляли правые эсеры и меньшевики. К восстанию присоединилась часть рабочих. 8 августа началось и продолжалось три месяца большое Ижевско-Воткинское восстание. После его подавления рабочие части повстанцев влились в сибирские армии белых, где числились среди самых боеспособных частей.

Гражданская война — трагедия, особенно для тех, кто воюет «не на той стороне». У многих таких бойцов происходит психологический надлом, что выражается в жестокостях и зверствах. Это было присуще и ижевско-воткинским повстанцам, и восстаниям 1921 года (например, крестьянскому восстанию в Тамбовской губернии).

Но главная проблема строительства Советского государства в условиях Гражданской войны коренилась в глубокой противоречивости самой принципиальной идеи новой государственности — смысле *Советов*. Лозунг «Вся власть Советам!» отражал крестьянскую идею «земли и воли» и нес в себе большой заряд *анархизма*. Положение осложнялось тем, что, с точки зрения государственного порядка, Советы взяли на себя власть, когда в России во многих системах царил хаос, а другие находились на грани хаоса.

Возникновение множества местных властей, не ограниченных «сверху» ни иерархией монархического порядка, ни законами, буквально рассыпало Россию на мириады «республик». Ведь Советы имея «всю власть», могли сами устанавливать и менять законы. Поэтому и пришлось в форсированном порядке и принимать Конституцию, и создавать регулярную армию, и восстанавливать прокуратуру.

Вот пример местного законотворчества, которое действовало до принятия в июле 1918 года первой Конституции РСФСР. 25 мая 1918 года Елецкий Совет Народных Комиссаров постановил «передать всю полноту революционной власти двум народным диктаторам Ивану Горшкову и Михаилу Бутову, которым отныне вверяется распоряжение жизнью, смертью и достоянием граждан» («Советская газета». Елец. 1918. 28 мая. № 10. С. 1). А 2 июня 1918 года М.М. Пришвин записал в дневнике: «Вчера мужики по вопросу о войне вынесли постановление: “Начинать вой-

ну только в согласии с Москвою и с высшей властью, а Елецкому уезду одному против немцев не выступать»).

Чтобы на основе Советов восстановить *государство*, требовалась обладающая непререкаемым авторитетом сила, которая была бы включена во все Советы и в то же время следовала бы не местным, а общегосударственным установкам и критериям. Такой силой стала *партия*, игравшая роль «хранителя идеи» и высшего арбитра, но не подверженная критике за конкретные ошибки и провалы.

Для советского государственного строительства было характерно абсолютное недопущение *разрывов непрерывности* в наличии власти. Проявившееся в эпоху становления советского строя «чувство государственности» (иногда даже говорят об «инстинкте»), причем на всех, даже низовых уровнях власти, а также сложившаяся доктрина новой государственности — особая глава истории.

В этом — принципиальное отличие политической философии большевиков от представлений их противников, собравшихся в Белом движении. Следуя классическим схемам европейских революций, либералы, меньшевики и эсеры уже в феврале 1917 года приняли принцип *непредрешенчества*, которому следовало и Белое движение. Поэтому и правительство в 1917 году назвало себя Временным, и республика не была учреждена до самой осени, и социальные реформы откладывались: сначала победа в Мировой войне, потом Учредительное собрание, которое и примет доктрину государственного строительства. Это и создало хаос, затягивание которого в условиях Гражданской войны было для обывателя невыносимым.

Правящая коалиция, сложившаяся после февраля 1917-го, а в 1918 году начавшая Гражданскую войну, сходилась на том, что в России происходит буржуазно-демократическая революция, и любая альтернатива ей, в том числе под знаменем социализма, будет реакционной (контрреволюцией). Ожидалось, что и ход событий пойдет по известному коридору буржуазных революций.

Лидер эсеров В.М. Чернов в своих воспоминаниях пишет о кадетах, меньшевиках и эсерах, собравшихся в коалиционном Временном правительстве: «Над всеми над ними тяготела, часто обеспоживая их работу, одна старая и, на мой взгляд, устаревшая догма. Она гласила, что русская революция обречена быть революцией чисто буржуазной и что всякая попытка выйти за эти естественные и неизбежные рамки будет вредной авантюрой... Соглашались на все, только бы не переобременить плеч трудовой социалистической демократии противоестественной ответственностью за власть, которой догма велит оставаться чужой, буржуазной».

Марксизм, как и либерализм, в общем исходили из принципов «науки бытия» (исторический процесс как состояния равновесия), а Ленин

ввел в партийную мысль принципы «*науки становления*» (исторические изменения как неравновесные состояния). Советское руководство исходило, говоря современным языком, из представления общественного процесса как перехода «*порядок — хаос — порядок*» и как большой системы.

В работе А.А. Богданова «Всеобщая организационная наука» (1913–1922) общественные процессы представлялись как изменяющиеся состояния подвижного равновесия, которое прерывается кризисами. В отличие от методологии исторического материализма, этот подход заставлял концентрировать внимание на динамике системы и особенно на моментах неустойчивого равновесия и критических явлениях. Поэтому в период революционных преобразований и присущей им высокой неопределенности ключевые решения руководства партии большевиков были «прозорливыми» — огромное значение придавалось *своевременности* действия.

Ошибочность концепции Временного правительства и Белого движения вытекала также из социологического анализа. Коренное отличие русской революции от буржуазных революций в Западной Европе Вебер видел в том, что к моменту революции в России понятие «*собственность*» утратило свой священный ореол даже для представителей *буржуазии* в либеральном движении. Это понятие не фигурировало среди главных программных требований этого движения (как пишет один исследователь трудов Вебера, «ценность, бывшая мотором буржуазно-демократических революций в Западной Европе, в России ассоциируется с консерватизмом, а в данных политических обстоятельствах даже просто с силами реакции»). Это значило, что буржуазное государство в России не могло «вырасти» снизу, из гражданского общества — его надо было строить в чрезвычайном порядке, а не оставлять на волю Учредительного собрания⁶.

Фактический отказ белых принять на себя бремя власти, а не только «борьбы с красными», лишило их поддержки даже со стороны буржуазных слоев. Хаос был страшнее большевиков. Генерал Бонч-Бруевич писал: «Скорее инстинктом, чем разумом, я тянулся к большевикам, видя в них единственную силу, способную спасти Россию от развала и полного уничтожения».

Эту мысль в разных вариантах выражали представители всех течений, вплоть до реакционных. Н.А. Бердяев писал: «России грозила полная анархия, анархический распад, он был остановлен коммунистической диктатурой, которая нашла лозунги, которым народ согласился подчиниться». В 1930-е годы, оценивая то, что удалось выполнить боль-

---

⁶ К этому выводу пришел Врангель в 1920 г., но он не был поддержан своим бюрократическим аппаратом и помещиками и практически сделать ничего уже не смог.

шевикам, лидер кадетов П.Н. Милюков писал, находясь в эмиграции: «Когда видишь достигнутую цель, лучше понимаешь и значение средств, которые привели к ней... Ведь иначе пришлось бы беспощадно осудить и поведение нашего Петра Великого».

«Черносотенец» Б.В. Никольский признавал, что большевики строили новую российскую государственность, выступая «как орудие исторической неизбежности», причем «с таким нечеловеческим напряжением, которого не выдержать было бы никому из прежних деятелей». Будучи сами близки к этой стихии, большевики не испытывали к ней никакого уважения и «брали быка за рога».

А. Деникин писал, что ни одно из антибольшевистских правительств «не сумело создать гибкий и сильный аппарат, могущий стремительно и быстро наступать, принуждать, действовать. Большевики бесконечно опережали нас в темпе своих действий, в энергии, подвижности и способности принуждать. Мы с нашими старыми приемами, старой психологией, старыми пороками военной и гражданской бюрократии, с петровской табелью о рангах не поспевали за ними...»⁷.

Антисоветский историк Р. Пайпс пишет, что после разгона Учредительного собрания большевиками «массы почували, что после целого года хаоса они получили, наконец, «настоящую» власть. И это утверждение справедливо не только в отношении рабочих и крестьянства, но парадоксальным образом, и в отношении состоятельных и консервативных слоев общества — пресловутых «гиен капитала» и «врагов народа», презиравших и социалистическую интеллигенцию, и уличную толпу даже гораздо больше, чем большевиков».

Многозначительно явление, о котором советская история умалчивала, а зря — это «красный бандитизм». В конце Гражданской войны советская власть вела борьбу, иногда в судебном порядке, а иногда и с использованием вооруженной силы, с *красными*, которые самочинно затягивали боевые действия, когда белые уже склонялись к тому, чтобы разоружиться. В некоторых местностях эта опасность для Советской власти даже считалась главной. Под суд шли, бывало, целые городские парторганизации, нарушившие общую политическую линию.

---

⁷ Для населения важным был и тот факт, что большевики смогли установить в Красной армии более строгую дисциплину, чем в Белой — принцип «непредрежденчества» повлиял даже на армию. В Красной армии была гибкая и разнообразная система воспитания солдат и действовал принцип круговой поруки (общей ответственности подразделения за проступки красноармейца, особенно в отношении населения). Белая армия не имела для этого ни сил, ни идей, ни морального авторитета — дисциплинарные механизмы старой армии перестали действовать, а новые надо было *строить*. М.М. Пришвин, мечтавший о приходе белых, 4 июня 1920 г. записал в дневнике: «Рассказывал вернувшийся пленник белых о бесчинствах, творившихся в армии Деникина, и всех нас охватило чувство радости, что мы просидели у красных».

Как уже говорилось, в ходе Гражданской войны в России погибло очень много людей (с вескими доводами говорят о 12 млн человек). Отчего погибла основная масса? Не от прямых действий организованных политических сил, например, боев и репрессий. За 1918–1922 годы в Красной армии от всех причин погибло 939 755 красноармейцев и командиров. Значительная, если не большая часть их — от тифа. Точных данных о потерях белых нет, но они намного меньше. Значит, подавляющее большинство граждан, ставших жертвами революции (более 9/10) погибло не от «красной» или «белой» пули, а от хаоса, от слома жизнеустройства. Прежде всего, слома государства и хозяйства.

Главными причинами гибели людей в русской революции было лишение их средств к жизни и, как результат, голод, болезни, эпидемии, преступное насилие. Развал государства как силы, охраняющей право и порядок, выпустил на волю демона «молекулярной войны» — взаимостреления банд, групп, соседских дворов без всякой связи с каким-то политическим проектом (но иногда с использованием какого-то знамени как прикрытия, как это бывало, например, у «зеленых»).

Нельзя забывать об особом фронте Гражданской войны, отличном от войны между красными и белыми, — борьбе против «молекулярного» антицивилизационного и антигосударственного движения. Поворот населения к массовой поддержке красных во многом произошел потому, что они, в отличие от белых, показали себя силой, способной не то чтобы победить это движение, а «овладеть» им, придать его хаотической разрушительной силе направление, «вести в берега»⁸. Партия большевиков уже в своей философии резко отличалась от других партий тем, что она открыто и даже жестоко подавляла «гунна» — она единственная была, по выражению М.М. Пришвина, «властью не от мира сего».

Гете сказал: «Нет ничего страшнее деятельного невежества». Но во всех революциях невежество также освобождается от оков (прежде всего от «оков просвещения»). М.М. Пришвин, работая в деревне, записал в дневнике 2 июля 1918 года (вероятно, неточно повторив фразу Гете): «Есть у меня состояние подавленности оттого, что невежество народных масс стало действенным». В провинции стало нарастать ощущение,

---

⁸ Артем Веселый через печать призвал участников Гражданской войны присылать свои описания конкретных эпизодов. Ему пришло множество писем, он собрал огромное количество воспоминаний очевидцев и малую часть из них издал в виде замечательной книги — «Россия кровью умытая». Начинает он книгу символическим эпизодом. Он возвращается в Россию весной 1917 г. с эшеленом солдат-полудезертиров (основания для их возвращения домой были смутными). На остановке один солдат раздобыл курицу, притащил ее к эшелону и собрался жарить. Он не стал возиться, рубить ей голову, а просто откусил ее у живой курицы и выплюнул. Заметив наблюдающего эту сцену Артема Веселого, он подмигнул и расхохотался. С этого события начинается автор большое повествование о Гражданской войне.

что из всех политических сил именно большевики и Советы обладают способностью обуздать «деятельное невежество». Будучи теснее связаны с народными массами, они не нуждались в том, чтобы заискивать перед ними⁹.

Овладеть этим главным потоком революции — народным бунтом, со всеми его великими и страшными сторонами — оказалось для Ленина самой важной и самой трудной задачей, хотя острая и прямая опасность исходила, начиная с середины 1918 года, от белых. Поворот к «обузданию революции» происходит у Ленина буквально сразу после Октября, когда волна революции нарастала. Спасение было в том, чтобы договориться о главном, поддержать выбранную огромным большинством траекторию. Для такого поворота к «обузданию» набирающей силу революции нужна была огромная смелость и понимание именно чаяний народа, а не его «расхожих суждений».

В целом же установка на максимально быстрое восстановление государственности, принятая Советской властью, хотя поначалу и создала очаги рабочих восстаний («гражданской войны среди своих»), стала фактором, подавляющим накал Гражданской войны в целом.

Когда читаешь документы того времени, дневники и наблюдения (в основном со стороны противников Ленина — его соратники дневников не вели), то возникает картина, в которую поначалу отказываешься верить. Получается, что главная заслуга красных состоит в том, что они сумели остановить, *обуздать* революцию и реставрировать Российское государство. Это настолько не вяжется с официальной историей, что вывод кажется невероятным.

---

⁹ М.М. Пришвин, работавший в деревенской школе, писал в дневнике 12 декабря 1918 г.: «Самое тяжкое в деревне для интеллигентного человека, что каким бы ни был он врагом большевиков — все-таки они ему в деревне самые близкие люди. В четверг задумал устроить беседу и пустил всех: ничего не вышло, втяпились мальчишкxхулиганы... Мальчишки разворовали литературу, украли заметки из книжек школы, а когда я выгнал их, то обломками шкафа забаррикадировали снаружи дверь и с криками “Гарнизуйтесь, гарнизуйтесь!” пошли по улице. Вся беда произошла, потому что товарищи коммунисты не пришли, при них бы мальчишки не пикнули».

Лекция 20

Гражданская война в России. Часть вторая

9¹. Исход Гражданской войны, как и ее начало, предопределили объективные, «массивные» факторы, которые даже воспринимались современниками как *стихийные*. Советский проект был в главных своих чертах выработан в сознании крестьянства за время после реформы 1861 года и совершенно определенно изложен во всех его главных срезам в наказах и приговорах 1905–1907 годов. Затем он был дополнен «сознательными рабочими», сохранившими общинное мироощущение, и четко выявился в период между Февралем и Октябрем 1917 года в деятельности Советов и рабочего самоуправления. Научный социализм, развитый в приложении к России интеллигенцией самых разных политических оттенков, привнес в Советский проект идею модернизации и развития.

В этом проекте вполне ясно просматривались главные черты будущего жизнеустройства. В главных чертах оно и было создано в 1920–1940-е годы. За него воевали, его защищали и строили сознательно.

Гражданская война воспринималась поэтому большинством просто-народа как *общее дело*. Об этом кадет Н.А. Гредескул так писал, споря с авторами «Вех», которые считали русскую революцию интеллигентской: «Нет, русское освободительное движение в такой мере было “народным” и даже “всенародным”, что большего в этом отношении и желать не приходится. Оно “проникло” всюду, до последней крестьянской избы, и оно “захватило” всех, решительно всех в России — все его пережили, каждый по-своему, но все с огромной силой. Оно действительно прошло “ураганом”, или, если угодно, “землетрясением” через весь организм России. Наше освободительное движение есть поэтому не что иное, как колоссальная реакция *всего* народного организма на создавшееся для России труднейшее и опаснейшее историческое положение».

Советская власть успешно выполнила едва ли не главную задачу государства — задачу *целесолагания*, собирания общества на основе понятной цели и консолидирующего проекта. Г. Уэллс, назвав Ленина кремлевским мечтателем, в то же время признал, что его партия «была

¹ Продолжение нумерации из лекции 19 (п. 8 см. на с.404)

единственной организацией, которая давала людям единую установку, единый план действий, чувство взаимного доверия... Это было единственно возможное в России идейно сплоченное правительство».

Что же противопоставило этому Белое движение? Бессвязный набор идей, уже опробованных и отвергнутых обществом. И даже эти идеи они вынуждены были выражать исключительно смутно. Иначе и не могло быть — в противном случае вся эта мешанина политических течений, объединенных исключительно принципом «не уступить», просто рассыпалась бы. Попробуйте сегодня, когда опубликовано множество воспоминаний лидеров Белого движения, реконструировать его программу! Поразительно, но это в принципе невозможно.

Вот «Воспоминания террориста» Б. Савинкова, исключительно активного в Гражданской войне руководителя эсеров, человека университетски образованного, писателя. Ради чего он пролил море крови? Полный мрак — ни одного конструктивного утверждения. Ничего, кроме мечты об Учредительном собрании. Но ведь любой здравомыслящий простой человек в России в тот момент задавал себе вопрос: что же ты, Савинков, хочешь сказать в этом Учредительном собрании? Почему же вы, эсеры, отвергли в Учредительном собрании в январе 1918 года декреты Советской власти, которые очевидно были одобрены подавляющим большинством народа?

В 1991 году был издан альманах «Русское прошлое» с документами революции и Белого движения. В своей рецензии на него В. Старцев пишет: «Как собирались “обустроить Россию” в случае своей победы белые? Поскольку у нас об этом толком не знает никто, познакомиться с квалифицированным резюме речей глав белых армий и их программных установок очень полезно. Его подготовил американский ученый Н.П. Полторацкий. Характерно, что, как ни старался он вычленить программу из приказов и речей Деникина, кроме фраз “За свободу и Россию” не обнаружилось ничего».

Но, хотя гласной программы не было, крестьяне и рабочие очень хорошо ее понимали по тем красноречивым фигурам, которые двигались и в боевых порядках Белой армии, и в ее обозе. Почему же белые начали утрачивать завоеванные было территории и отступать перед Красной армией, обутой в лапти? Ответ известен, но его у нас из головы вытеснили при промывании мозгов. Образно говоря, красные победили потому, что крестьяне им *сплели миллион лаптей*. А белым не сплели, и им пришлось просить ботинки и обмотки у англичан.

Белая армия действовала в России как армия *завоевателей*, и ее продвижение сопровождалось восстаниями (по словам историка белых А. Зайцева, издавшего в 1934 году в Париже большую книгу, вслед за белыми шла «волна восставших низов»). По выражению западных историков, в России тогда возникло «межклассовое единство низов», кото-

рые отвергли проект белых. Отвергли в целом, а не по мелочам и не из-за жестокостей и казней.

Фундаментальной причиной разрыва крестьян с белыми была угроза пересмотра, в случае победы белых, того решения земельного вопроса, которое было закреплено Советской властью. Если смотреть на уровне непосредственных причин, можно сказать так. В гражданской войне любая армия снабжается тем, что удастся отнять у крестьян. Главное, что нужно для армии, это люди, лошади, хлеб и фураж. Конечно, крестьяне не отдавали все это своей охотой ни белым, ни красным. Исход войны определялся тем, как много сил приходилось тратить на то, чтобы все это получить. Это и есть важнейший критерий.

Причина победы красных была в том, что белым становилось все труднее и труднее пополнять армию, и в 1920 году численность новобранцев в Белую и Красную армии находилась в соотношении 1:5. Иными словами, красным крестьяне сопротивлялись намного слабее, чем белым. Под конец все силы у белых уходили на борьбу за самообеспечение — и война закончилась.

Но вспомним, как сформировалась *фундаментальная* причина. Масштабным процессом, который породила Февральская революция, была охватившая всю Россию борьба за разрешение земельного вопроса. Т. Шанин пишет: «Главная внутрикрестьянская война, о которой сообщали в 1917 г., была выражением не конфронтации бедных с богатыми, а массовой атакой на “раскольников”, т. е. на тех хозяев, которые бросили свои деревни, чтобы уйти на хутора в годы столыпинской реформы».

С самых первых дней революции крестьянство потребовало издать закон, запрещающий земельные сделки. Это требование было настолько разумно, что помещик и либерал Пришвин записал уже 26 марта: «Что в аграрном нашем вопросе можно сплеча решить, не копаясь в статистике и в аграрной науке всякой, — это чтобы земля, во-первых, не была подножием политической власти земельного класса и, во-вторых, чтобы земля не была предметом спекуляции... Невозможно землю отобрать у частных владельцев, но возможно запретить ее продавать иначе как государству. Причем для мелкого землевладения и среднего можно сделать облегченные налоги, для крупного — такие большие, что продать ее государству будет необходимостью»².

---

² Я привожу много выдержек из дневника писателя М.М. Пришвина, вовлеченного в гущу событий в деревне и в столицах. В начале 1917 г. он работал в Министерстве земледелия в отделе, ответственном за снабжение хлебом, и близко наблюдал развитие Февральской революции. Затем он поехал в деревню как делегат Временного комитета Государственной думы по Орловской губернии, где и провел основное время до Октября и годы Гражданской войны, наблюдая близко развитие взглядов и дела главных социальных действующих сил.

Пойти на это Временное правительство не решилось, поскольку уже в 1916 году половина всех землевладений была заложена, и национализация земли разорила бы банки (которые к тому же почти все были иностранными). Вечером 24 октября Предпарламент небольшим большинством принял резолюцию левых фракций о передаче земли в ведение земельных комитетов — впредь до решения вопроса Учредительным собранием. Ночью, уже 25 октября, эту резолюцию отвезли в Зимний дворец, чтобы потребовать от правительства ее утвердить.

Как пишет лидер меньшевиков Ф. Дан, вручавший резолюцию Керенскому, левые надеялись, что правительство даст согласие, сразу же будут отпечатаны и расклеены по городу афиши, а в провинции разосланы телеграммы о передаче крестьянам всех помещичьих земель и начале переговоров о мире. Но Керенский ответил, что правительство «в посторонних советах не нуждается, будет действовать само и само справится с восстанием». В тот же день, 25 октября, это правительство было без боя смещено. А.Ф. Керенский перед смертью честно написал о себе: «Ушел один, отринутый народом».

Советская власть, как известно, полностью приняла крестьянский наказ о национализации земли, и община стала основным институтом, проводящим землеустройство, — а распределить надо было 150 млн десятин земли, которую получили крестьяне по Декрету о земле. Автоматически были устранены арендные платежи, величина которых составляла огромную сумму — 700 млн золотых рублей. Это сразу улучшило положение основной массы крестьян-середняков, которые были главными арендаторами. Крестьянам списали задолженность в Крестьянский банк в размере 1,4 млрд золотых рублей. И эти шаги вовсе не были тактическими, конъюнктурными. Они вытекали из того нового представления о крестьянстве и русской революции, которое созрело в среде большевиков после 1907 года.

Напротив, в этом вопросе белые, как «дети Февраля», были вынуждены после Октябрьской революции сдвинуться далеко *вправо* от деклараций и намерений Временного правительства (это выразилось уже во время мятежа генерала Корнилова). Следуя принципу *непредрешенчества*, они не выдвигали никакой социальной программы на будущее. Но крестьяне понимали намерения белых по тем «знаковым» фигурам, которые присутствовали в армии и обозе белых: казак с урядником, помещик со священником, биржевик с банкиром. В тот исторический момент они воспринимались крестьянами как символические фигуры угнетения. Это прекрасно видно из всей совокупности наказов и приговоров 1905–1907 годов.

Относительно либерально-буржуазной компоненты Белого дела позиция крестьян была совершенно устойчивой. Капитализм означал хищни-

ческую эксплуатацию крестьянства как «внутренней колонии», и в перспективе — раскрестьянивание и полное обнищание. Эту установку ясно выразил Л.Н. Толстой.

Главную и прямую угрозу, конечно, представляла для крестьян фигура *помещика-реваншиста*. Угроза эта была для многих даже не экономическая, а прямо-таки смертельная — в буквальном смысле слова. Но экономическая угроза была, разумеется, фактором всеобщим и фундаментальным. Пришвин записал в дневнике 27 декабря 1918 года: «Что же такое это земля, которой домогались столько времени? “Земля, земля!” — это вопль о старом, на смену которого не шло новое. Коммунисты — это единственные люди из всех, кто поняли крик “земля!” в полном объеме».

В главном вопросе стратегические установки красных и белых были несовместимы. Позиция нынешних «новых белых» несостоятельна, поскольку они отказываются определенно сказать, принимают ли они доктрину реальных белых в земельном вопросе или их песня про поручика Голицына есть всего лишь романтическая тоска по «хрусту французской булки».

Наступление белых означало для крестьян вовсе не *продолжение* тяжелой дореволюционной жизни, а утрату тех завоеваний, которые они получили в ходе революции и которые закрепила в законе советская власть. И завоевания эти были настолько велики, что хозяйство крестьян не потерпело краха и даже поправлялось в условиях тотальной Гражданской войны — явление в истории беспрецедентное.

Направление изменений видно из сравнения результатов двух сельскохозяйственных переписей: проведенной летом 1917 года Временным правительством и в конце лета 1919 года — Советским правительством в губерниях, на которые распространялась его власть. Главный результат за эти два года — сокращение числа «беспосевных» и безлошадных крестьян, т. е. бедняков. Вектор процесса был очевиден. Второй результат — разделение больших семей благодаря тому, что крестьянам стали доступны (причем бесплатно) лесоматериалы из бывших помещичьих лесов для строительства домов и хозяйственных построек, устройства телег и саней. В результате, в целом значительно обновились жилища и постройки в деревне.

Вследствие резкого снижения товарности сельского хозяйства крестьяне стали сами лучше питаться и смогли увеличить количество скота. Численность лошадей за 1917–1919 годы даже при больших реквизициях снизилась всего на 1,6%. На фоне той катастрофы, которая постигла остальные отрасли народного хозяйства, хозяйство села обнаружило в эти годы поразительную устойчивость; и крестьяне прекрасно понимали, что эта устойчивость обусловлена аграрной политикой советской

власти, т. е. *красных*. Белые, которые с красными воевали, становились врагами крестьян по самым очевидным и фундаментальным причинам.

Разумеется, в руководстве Белого движения это понимали, но сил переломить ситуацию не было — слишком «массивным» и фундаментальным было противоречие. В этом смысле очень важен проект Врангеля, получивший название «левая политика правыми руками». Он был выработан на совещаниях правой антиденикинской оппозиции в феврале-марте 1920 года. Намечалось устранить от власти Деникина и либералов (кадетов) и передать власть монархистам (правым). Они должны были провести «левые» реформы, отдав крестьянам часть помещичьей земли. Епископ Севастопольский Вениамин заявлял на проповеди, что Деникина погубил «либеральный курс». Как «правитель Юга России» Врангель сформировал правительство в основном из сподвижников Столыпина и планировал провести в Крыму и Северной Таврии земельную реформу, укрепив середняков и кулаков за счет крупных поместий. Был издан «приказ о земле», и Врангель потребовал: «Армия должна нести крестьянам землю на штыках — вот психологическое значение приказа».

Этот новый вариант столыпинской реформы был легко блокирован помещиками и связанной с ними местной бюрократией. Да и крестьяне не желали покупать по высокой цене землю в рассрочку на 25 лет, считая это замаскированной формой возвращения земли помещикам. А главное, большинство крестьян не верило, что «одна губерния может одолеть всю Россию». Даже богатые крестьяне предпочитали выжидать. Помещики же стогнали крестьян со своих земель, расправлялись с должниками, и пресечь это Врангель не мог. Для ведения войны пришлось реквизировать у крестьян хлеб и лошадей, насильно мобилизовать в армию. Это превратилось в открытый грабёж деревень и жестокие карательные рейды (в сентябре в селе Михайловке повесили 30 человек — уклоняющихся и тех, кто их прятал). Чины военно-судебного ведомства признавали, что «население местностей, занятых частями крымской армии, рассматривалось как завоеванное в неприятельской стране».

Начались вооруженные восстания, расстрелы заложников. В городах стихийно велась просоветская агитация. Запад обуславливал скудную экономическую помощь проведением наступательных операций на Украине в помощь полякам. Доктрина «левой политики правыми руками» оказалась мертворожденной. Классовый эгоизм помещиков и буржуазии и жажда немедленного реванша пересилили доводы рассудка. Уже в Константинополе Врангель признался: «В Крыму происходила гальванизация тупа. Все, что там делалось, было лишь искусственным поддержанием жизни умирающего организма». Эксперимент Врангеля — важный урок для наших реформаторов.

Таким образом, победа белых, даже если бы им в первые месяцы удалось задуть Советскую власть, означала бы длительную тлеющую, со вспышками, гражданскую войну. Белое движение было отвергнуто крестьянами и рабочими, составлявшими более 90% населения России. А крестьяне в то время и умели, и обладали возможностями для сопротивления длительного и упорного. Рано или поздно, но они «сожрали» бы белых, как за два месяца сожрали Колчака в Сибири без Красной армии. Но до этого Россия была бы обескровлена несравненно больше, чем при организованном устранении белых Красной армией. Даже страшно подумать, в какой хаос погрузились бы обломки России, если бы к власти пришла эта «мешанина кадетствующих и октябриствующих верхов и меньшевистско-эсерствующих низов». Это как если бы полную власть в нынешней России захватила, опираясь на штыки НАТО, мешанина из новодворских, немцовых и лимоновых, но упоенных кровью и приведенных в иступленное состояние.

10. Тип государственности и ее «прочность» определяются по тем программам, которые она способна выработать, объяснить и реализовать в чрезвычайных условиях, преодолевая множество препятствий, в том числе нового типа. Такие программы, помимо того что они разрешали критические срочные проблемы, служат для населения диагностическим инструментом для самоопределения в обстановке высокой неопределенности. Во время Гражданской войны Советское государство на этом фронте «переиграло» белых вчистую. Недаром большие программы того времени в 1980–1990-е годы активно очернялись или замалчивались.

В целом совокупность больших программ создания новых социальных форм, которые были начаты именно в ходе Гражданской войны, — особая важная глава истории России. Ее надо изучать в том числе и в прикладных целях. В этих программах было не просто накоплено огромное знание об обществе и государстве, особенно российском, но и сделано большое число *изобретений*. В ближайший период это знание и эта методология, приводившая к изобретениям, будут необходимы для России — выход из нынешнего цивилизационного кризиса станет возможным только через создание новых социальных форм, через творчество и синтез. Здесь мы коснемся только двух больших программ.

Едва ли не самая поучительная из них — *военный коммунизм*. Он стал отдельным важным этапом в экономической и социальной политике Советского государства, во многом повлиявшим на исход войны. Более того, на время он стал образом жизни мышления — это был особый, чрезвычайный период жизни общества в целом. Поскольку он пришелся на этап становления Советского государства, он не мог не оказать

большого влияния на всю последующую его историю, стал частью той «матрицы», на которой воспроизводился советский строй.

Главные признаки военного коммунизма — перенос центра тяжести экономической политики с *производства* на *распределение*. Это происходит, когда спад производства достигает такого критического уровня, что главным для выживания общества становится распределение того, что имеется в наличии. Поскольку жизненные ресурсы при этом пополняются в малой степени, возникает их резкая нехватка, и при распределении через свободный рынок их цены подскочили бы так высоко, что самые необходимые для жизни блага стали бы недоступны для большей части населения. Поэтому вводится *нерыночное уравнительное распределение*.

На нерыночной основе (возможно, даже с применением насилия) государство отчуждает продукты, особенно продовольствие. Резко сужается денежное обращение в стране. Товары распределяются по карточкам — по фиксированным низким ценам или бесплатно (в Советской России в конце Гражданской войны даже отменялась плата за жилье, пользование электроэнергией, топливом, телеграфом, телефоном, почтой, снабжение населения медикаментами, ширпотребом и т. д.). Государство вводит всеобщую трудовую повинность, а в некоторых отраслях (например, на транспорте) — военное положение, так что все работники считаются мобилизованными.

Все это — общие (*структурные*) признаки военного коммунизма, которые с той или иной конкретно-исторической спецификой проявились во всех известных в истории периодах этого типа. Наиболее яркими (вернее, изученными) примерами служит военный коммунизм — во время Великой Французской революции, в Германии — во время Первой мировой войны, в России — в 1918–1921 годы, в Великобритании — во время Второй мировой войны.

Тот факт, что в обществах с очень разной культурой и совершенно разными господствующими идеологиями в чрезвычайных экономических обстоятельствах возникает очень сходный уклад с уравнительным распределением, говорит о том, что это — единственный способ пережить трудности с минимальными потерями человеческих жизней. Военный коммунизм как особый уклад хозяйства не имеет ничего общего ни с коммунистическим учением, ни, тем более, с марксизмом. Сами слова «военный коммунизм» просто означают, что в период тяжелой разрухи общество (*социум*) обращается в общину (*коммуну*) по типу *военной*.

Серьезный анализ всей проблемы военного коммунизма в его связи с капитализмом и социализмом дан в книге видного теоретика РСДРП(б) А.А. Богданова «Вопросы социализма», вышедшей в 1918 году. Он пока-

зывает, что военный коммунизм есть следствие *регресса* производительных сил и всего социального организма. В мирное время он представлен в армии, как обширной авторитарной потребительской коммуне. Однако во время большого бедствия (типа разрушительной войны) происходит распространение потребительского коммунизма из армии на все общество. Богданов дает именно структурный анализ явления, взяв как объект даже не Россию, а более чистый случай — Германию.

Военный коммунизм, по выражению Богданова, есть «ублюдочный» хозяйственный уклад. При этом социализм «не входит в число его родителей». Это — порождение капитализма и потребительского коммунизма как чрезвычайного режима, не имеющего никакой генетической связи с социализмом, который прежде всего является новым типом сотрудничества в *производстве*.

Твердые цены, запрет на спекуляцию, реквизиции хлеба — издавна известные меры предотвращения голода. В широких масштабах, как единая государственная программа, они были применены в 1793–1794 годы во Франции. Этот опыт был хорошо изучен, из него был сделан ряд важных выводов для экономической теории. В 1928 году на русском языке была издана книга ведущего историка Французской революции А. Матъеза «Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора» — скрупулезное описание французской «продразверстки».

Вот ее уроки. Военный коммунизм во Франции был введен радикальными сторонниками экономического *либерализма*, принципиальными противниками государственного регулирования рынка. Меры были исключительно жесткими. Первым законом предписывалось реквизировать у земледельца лишь излишек урожая. Крестьянину оставляли «семейный запас» (достаточный для пропитания семьи в течение года) и семена для посева.

Позднее Конвент отменил семейный запас и «превратил все продовольственные запасы республики в общую собственность». Проводились обыски домов и квартир, изымалось почти все продовольствие. Единой для всей страны нормы оставляемого жителям хлеба установлено не было, но она везде была очень мала. Например, в округе Шомон эта норма составляла 16 кг на жителя, излишек он должен был сдать на военный склад в течение 5 дней. Реквизиции проводились национальной гвардией и часто сопровождалась боями. Были введены хлебные карточки и смертная казнь за спекуляцию. По словам А. Матъеза, результат был таков: «правительство Робеспьера спасло рабочую Францию от голода».

Богданов указывает и на большую проблему, которая возникает в сфере идеологии: «Военный коммунизм есть все же коммунизм; и его резкое противоречие с обычными формами индивидуального присвое-

ния создает ту атмосферу миража, в которой смутные прообразы социализма принимаются за его осуществление».

Из этого анализа вытекает важное, выходящее за рамки истмата положение: структура военного коммунизма, возникнув в чрезвычайных условиях, после исчезновения породивших ее условий (окончания войны) сама собой не распадается. Выход из военного коммунизма — особая и сложная задача. В России, как писал А.А. Богданов, решить ее будет особенно непросто, поскольку в системе государства очень большую роль играют Советы *солдатских* депутатов, проникнутые мышлением военного коммунизма.

К сожалению, уровень рассмотрения проблемы военного коммунизма в России в 90-е годы был намного ниже, чем в 1918 году. Ниже и уровень интеллектуальной ответственности: ни один автор, критикующий политику военного коммунизма в 1918 году, не сказал, каким образом следовало обеспечить город минимумом хлеба, не прибегая к такой мере.

Известно, что государство царской России было добито нехваткой хлеба в городах в начале 1917 года. Предыстория такова. Когда в 1915 году был нарушен нормальный товарооборот и, несмотря на высокий урожай, «хлеб не пошел на рынок», были установлены твердые цены и начались реквизиции, которые ударили только по крестьянам. 23 сентября 1916 года правительство объявило продразверстку и ввело ее со 2 декабря. К 31 декабря она должна была быть доведена до каждого двора. Количество подлежащего сдаче хлеба составляло 772 млн пудов. Как видим, не имеющие никакого отношения к коммунистам министры царского правительства идут на меру, присущую военному коммунизму.

Объявленная на 1917 год продразверстка провалилась исключительно из-за слабости аппарата царского правительства, саботажа и коррупции чиновников. В феврале М.В. Родзянко подает Николаю II записку, в которой предупреждает о грядущей катастрофе: «Предполагалось разверстать 772 млн пуд. Из них по 23 января было теоретически разверстано: 1) губернскими земствами 643 млн пуд., 2) уездными земствами 228 млн пуд. и, наконец, 3) волостями только 4 млн пуд. Эти цифры свидетельствуют о полном крахе разверстки». Неспособность правительства осуществить продразверстку погубила Российскую империю.

Временное правительство, будучи буржуазным («рыночным»), также вводит хлебную монополию. Закон о ее введении первый министр земледелия Временного правительства кадет А.И. Шингарев подписывает уже 25 марта 1917 года³. Отныне владельцы продовольствия должны были весь хлеб, за вычетом того, что требуется для собственного

³ Германия приняла закон о хлебной монополии еще 25 января 1915 г.

потребления и на хозяйственные нужды, передавать в распоряжение государства. 20 августа 1917 года Министерство земледелия выпустило инструкцию, которая предписывала применять вооруженную силу к тем, кто утаивал хлеб⁴.

16 октября 1917 года министр продовольствия С.Н. Прокопович заявил, что «хлебная монополия, несмотря на удвоение цен, в условиях бестоварья оказывается недействительной и... при данном положении дел для хлебных заготовок придется употреблять военную силу». Таким образом, Временное правительство приходит к выводу о необходимости выполнения введенной еще царским правительством продразверстки уже с помощью *продотрядов* — но также не может провести продразверстку в жизнь из-за беспомощности государственного аппарата. По продразверстке 1917 года было собрано ничтожное количество — 30 млн пудов зерна (0,48 млн тонн или около 1% урожая).

Чрезвычайные продовольственные меры советского правительства вызвали ненависть антисоветской элиты только потому, что были *успешными*. Декретом ВЦИК 9 мая 1918 года в стране была введена *продовольственная диктатура*, наркомупродовольствия были даны чрезвычайные полномочия. Все организации и учреждения обязывались «безоговорочно и немедленно» исполнять все распоряжения наркома, касающиеся продовольственных вопросов. Крестьянам устанавливались нормы душевого потребления: 12 пудов зерна, 1 пуд крупы на год и т. д. Сверх этого весь хлеб считался излишками и подлежал отчуждению.

У Советов была реальная сила в виде рабочих отрядов. Летом и осенью 1918 года Наркомпрод посылал в хлебные районы страны рабочие продотряды. Половина добытого ими зерна поступала предприятию, сформировавшему отряд, половина передавалась Наркомпроду. Был издан декрет, по которому в хлебных местностях 85% стоимости товаров, отпущенных кооперативам, крестьяне должны были оплачивать не деньгами, а натурой. Была также предпринята попытка (30 октября 1918 г.) ввести *продналог*. Из нее ничего не вышло, поскольку вся система сбора налогов рухнула.

В отряды рабочие посылались сначала по очереди. Например, до января 1919 года Петроградский Совет направил 189 отрядов общей численностью 72 тыс. человек. Эти отряды составили затем единую

---

⁴ Вообще, на словах Временное правительство было гораздо более радикальным сторонником военного коммунизма, чем впоследствии большевики. Так, министр труда М.И. Скобелев при вступлении в должность заявил: «Мы должны ввести трудовую повинность для гг. акционеров, банкиров и заводчиков, у которых настроение вялое, вследствие того, что нет стимулов, которые раньше побуждали их работать. Мы должны заставить господ акционеров подчиняться государству, и для них должна быть повинность, трудовая повинность».

Продармию, которая к декабрю 1918 года насчитывала 41 тыс. человек. Продармия была включена в состав войск внутренней охраны Республики (ВОХР).

11 января 1919 года СНК принимает декрет о *продовольственной разверстке*, согласно которому все количество хлеба и фуража, необходимо для удовлетворения государственных потребностей, разверстывалось между производящими хлеб губерниями и дальше — между уездами, волостями, деревнями и дворами (использовался принцип круговой поруки). Эти меры дали определенные результаты. Если в 1917/18 году было заготовлено только 30 млн пудов хлеба, то в 1918/19 году — 110 млн пудов, а в 1919/20 году — 260 млн пудов. Угроза голодной смерти (но не угроза голода) в городах и в армии была устранена. Пайками было обеспечено практически все городское население и часть сельских кустарей (всего 34 млн человек). Впервые система дифференцированных пайков (три категории) была введена в августе 1918 года в Москве и Петрограде. В 1920 году система пайков постепенно была заменена оплатой труда натурой. Пенсиями и пособиями (в натуре, продовольствием) были обеспечены 9 млн семей военнослужащих.

В последние годы чрезвычайные продовольственные меры Советского государства трактовались в прессе крайне недобросовестно, исходя из идеологических целей. Продразверстка — вопрос принципиальный и заслуживает особого разговора. Ведь обеспечить минимальное снабжение города через рынок при быстрой инфляции, разрухе в промышленности и отсутствии товарных запасов, очевидно, было невозможно. Реально покупать хлеб на свободном рынке рабочие не могли.

Введенная советским правительством продразверстка имела сравнительно небольшие масштабы: в 1914/15 году правительственные заготовки составили, например, 302 млн пудов (при наличии еще нормального рынка), а в 1919/20 году — 260 млн пудов. Это *менее половины довоенного экспорта* зерна. Если учесть, что в те годы на экспорт хлеб не отправлялся, а на внутренний рынок поставлялся в малом количестве вследствие паралича транспорта, сама по себе продразверстка для села не была слишком обременительной. Важнее были связанные с ней неизбежные *эксцессы*.

За счет вне рыночного распределения горожане получали от 20 до 50% потребляемого продовольствия (остальное давал «черный рынок»). Но продразверсткой дело не обходилось, реальная история того периода поражает разнообразием и изобретательностью тех подходов, которые пробовали и применяли и государственные органы, и предприятия, и граждане, чтобы организовать распределение жизненно необходимых продуктов и товаров.

В военном коммунизме советской власти господствовали здравый смысл, расчет и общинный прагматизм. Действия белых в отношении

голода, напротив, носили *идеологизированный* характер. Находившееся в Париже Русское политическое совещание, которое провозгласило себя руководящим центром «Белого дела», 4 мая 1919 года выступило с протестом против оказания продовольственной и медицинской помощи бедствующему населению России. Речь идет о плане, предложенном в апреле норвежским ученым Ф. Нансеном. Такие акции подрывали авторитет Белого движения.

Продразверстка, введенная советским правительством, была успешной не из-за жестокости продотрядов. Причина в том, что крестьянство, получившее от советской власти землю и освобожденное от долгов, выкупных и арендных платежей, не пошло на конфликт с властью (хотя, разумеется, реквизициям сопротивлялись, нередко возникали и вооруженные столкновения).

В 1990 году в США вышла большая книга профессора Калифорнийского университета Ларса Ли «Хлеб и власть в России. 1914–1921». Он сравнивает продовольственную политику царского, Временного и советского правительств. По мнению Л.Т. Ли, только большевики смогли создать работоспособный аппарат продовольственного снабжения и тем укрепили свою власть. Более того, вопреки созданному нашими демократами ложному представлению, продразверстка (из которой, а не *вопреки* которой вырос и продналог) укрепила авторитет большевиков и среди крестьян. Крестьяне, пишет Л.Т. Ли, «поняли, что политическая реконструкция [восстановление государства] — это главное, что необходимо для прекращения смутного времени, и что большевики — это единственный серьезный претендент на суверенную власть».

11. Вторая наглядная большая программа, которую сразу стала выполнять советская власть прямо в ходе Гражданской войны — новая сборка народа и территории исторической России. Белое движение, хотя и выступало под лозунгом «единой и неделимой России», этой программы принципиально выполнить не могло и своими действиями, напротив, продолжило демонтаж и народа (нации), и России как империи.

В начале XX века в условиях кризиса, вызванного распадом сословного общества и вторжением капитализма, в России резко ускорились процессы этногенеза. Шел распад той российской нации, которая стала складываться на матрице «самодержавие, православие, народность», но не выдержала напора капитализма. Созревание русской революции направило процесс по новому руслу: горизонтальную солидарность большинства населения стали укреплять социальные угрозы и новый образ *враждебного инога* — того привилегированного меньшинства и государственной бюрократии, которые все больше противопоставляли себя народу.

В ходе этого сплочения наблюдались явления, структурно схожие с теми, которые считаются признаками становления гражданских наций на Западе. Сознание подавляющего большинства русского народа формировалось именно как *гражданское*, а не сословное — складывались общий понятийный язык и новая мировоззренческая матрица. Так, приговор схода крестьян деревни Пертово Владимирской губернии, направленный во Всероссийский крестьянский союз (5 декабря 1905 г.), гласил: «Мы хотим и прав равных с богатыми и знатными. Мы все дети одного Бога и сословных различий никаких не должно быть. Место каждого из нас в ряду всех и голос беднейшего из нас должен иметь такое же значение, как голос самого богатого и знатного».

Как известно, правящая верхушка в то время категорически отвергла требование введения бессословности. Было вполне правильно понято, что это изменение «сознательно или бессознательно» ведет Россию к ликвидации монархии и установлению республиканского строя, ибо именно сословность является одной из важнейших опор монархии.

Падение монархии в феврале 1917 года во многом и было предопределено тем, что крестьяне необратимо отвергли сословное разделение (и в равной мере — классовое). Понятно, что когда на политической сцене возникло вооруженное Белое движение, в котором ожила, даже в акцентированной форме, идея сословной «белой» России, это толкнуло страну к гражданской войне.

В социальном, культурном, мировоззренческом отношении крестьяне и рабочие, которые представляли собой более 90% жителей России, являлись единым народом, не разделенным сословными и классовыми перегородками и враждой. Этот единый народ рабочих и крестьян и был *гражданским обществом* России — ядром всего общества, составленного из свободных граждан, имеющих сходные идеалы и интересы. Оно было отлично от западного гражданского общества тем, что представляло из себя *Республику трудящихся*, в то время как ядро западного общества представляло собой *Республику собственников*.

Социальное чувство угнетенных и эксплуатируемых *тружеников* приобрело в России окраску *национального* чувства угнетенного народа, а такое соединение всегда придает движению удивительную силу и упорство. В ходе революции 1905–1907 годов русские рабочие и крестьяне обрели столь сильно выраженное гражданское чувство, что стали *народом* даже в том смысле, какой придавали этому слову якобинцы — революционным народом, спасающим Отечество.

Более того, это «русское гражданское общество» было очень развитым и в смысле внутренней организации. Если на Западе после рассыпания общин и превращения людей в «свободные атомы» потребовалось

около двух веков для того, чтобы из этой человеческой пыли начали складываться *ассоциации* для ведения борьбы за свои права и интересы (партии, профсоюзы и т. д.), то Россия унаследовала солидарные структуры от своей долгой истории.

Таким образом, уже с 1905 года в России происходила пересборка народа (нации). Демонтаж «имперского» русского народа (в терминах марксизма — «феодальной нации») вели практически все западные течения — и либералы, и революционные демократы, и затем социал-демократы. В какой-то мере в этом участвовали и анархисты с их радикальным отрицанием государства.

Начиная с 1905 года большевики не просто послужили организационной основой для выработки нового национального проекта России и подготовительной работы по сборке *советского* народа. Они провели мировоззренческий синтез представлений крестьянского общинного коммунизма с марксистской идеей модернизации и развития — но по некапиталистическому пути.

Ю.В. Ключников, редактор журнала «Смена вех», объяснял эмиграции (1921 г.), что большевики — «и не славянофилы, и не западники, а чрезвычайно глубокий и жизнью подсказанный синтез традиций нашего славянофильства и нашего западничества»⁵.

Соединение русского славянофильства и русского западничества, крестьянского коммунизма с идеей прогресса придало советскому проекту большую убедительную силу, которая привлекла в собираемый советский народ примерно половину старого культурного слоя (интеллигенции, чиновничества, военных и даже буржуазии). Так советский проект стал и большим проектом *нациестроительства*, национальным проектом.

---

⁵ Следует отметить, что в состав «бригады», которая выработывала программу «сборки» страны и народа, входили многие ученые и философы эмиграции. На геополитические представления советского руководства повлияли труды, созданные в эмиграции в русле *евразийства*. Это было развитие концепции России–СССР в рамках *цивилизационного* подхода.

Хороший пример дает и биография упомянутого выше Ю.В. Ключникова (1886–1938). Накануне Октября он был доцентом Московского университета, летом 1918 г. участвовал в левоэсеровском мятеже в Ярославле, был заместителем министра в первом анти-советском правительстве Гражданской войны — «Уфимской директории», затем примкнул к Колчаку и стал министром иностранных дел в его правительстве.

После разгрома Колчака эмигрировал и входил в Парижский комитет партии кадетов, читал курсы лекций в Париже и Брюсселе. Затем стал редактором журнала «Смена вех». Одна из его научных статей, посвященная подготовке Генуэзской конференции, привлекла внимание Ленина, и он пригласил его в качестве эксперта советской делегации в Генуе. В 1923 г. Ключников вернулся в СССР и стал преподавать в Коммунистической академии. Позже был репрессирован. Вклад Ключникова в развитие советского международного права и сегодня оценивается очень высоко.

Для того «этнического материала», из которого в 1905–1907 годы начал складываться будущий советский народ, мощным мобилизующим средством стал *исторический вызов* — Гражданская война. Белые предстали в ней как *враждебный иной*, как элита прежнего строя, которая пытается загнать уже обретший национальное самосознание народ в прежнюю «колониальную» зависимость. Исторический вызов и *враждебный иной* — факторы первостепенной важности в нациестроительстве.

Особое значение для нового национального самоосознания населения России имело совмещение Гражданской войны с иностранной интервенцией. Израильский историк (эмигрант из СССР) М. Агурский в книге «Идеология национал-большевизма» (М., 2003) пишет: «Если до революции главным врагом большевиков была русская буржуазия, русская политическая система, русское самодержавие, то после революции, а в особенности во время гражданской войны, главным врагом большевиков стали не быстро разгромленные силы реакции в России, а мировой капитализм. По существу же речь шла о том, что России противостоял весь Запад...

По существу, капитализм оказывался аутентичным выражением именно западной цивилизации, а борьба с капитализмом стала отрицанием самого Запада. Еще больше эта потенция увеличилась в ленинизме с его учением об империализме. Борьба против агрессивного капитализма, желающего подчинить себе другие страны, превращалась невольно в национальную борьбу. Как только Россия осталась в результате революции одна наедине с враждебным капиталистическим миром, социальная борьба не могла не вырасти в борьбу национальную, ибо социальный конфликт был немедленно локализован. Россия противостояла западной цивилизации».

Мы говорили об антисоветских восстаниях уральских рабочих. Они не привели к их разрыву с советской властью во многом из-за четкого размежевания белых и красных в национально-государственном измерении. Вот вывод Д.О. Чуракова: «В условиях иностранного вмешательства рабочие начинают отказываться от своих претензий к советской власти и постепенно сплываются вокруг нее. Совершенно очевидно, что большевики, державшие власть в центре, несмотря на свои интернационалистские лозунги, воспринимались рабочими как сила, выступающая за независимость и целостность государства».

Это — столь важный фактор в завоевании советской властью авторитета у населения, что даже многие руководители Белого движения признали это с уважением. Красные в большой мере выразили идеалы белых, которые сами они не могли защитить. По выражению В.В. Шульгина, пришлось «белой идее переползти через фронты гражданской

войны и укрыться в стане красных». Как могли нынешние поколения российской молодежи это забыть!

В борьбе с интервентами и белыми сложился своеобразный и глубокий советский национализм, особенно присущий русским как ядру советского народа. Это был национализм гражданский, собирающий народы в нацию. К несчастью, это явление в официальном общественном ведении замалчивалось из-за неверных в целом представлений о нации и национализме. Важные суждения о советском национализме высказал первый президент Китая Сунь ятсен, т. к. Китай после революции тоже встал перед проблемой пересборки нации, но о национализме надо говорить особо.

Агурский пишет: «Особенно резкий подъем красного патриотизма вызвала война с Польшей в 1920 г. и военные действия Японии на Дальнем Востоке в 1920–1922 гг. Война с Польшей и Японией рассматривалась как национально-русская, несмотря на все коммунистические лозунги. Один из организаторов партизанской борьбы на Дальнем Востоке, Петр Парфенов, впоследствии председатель Госплана РСФСР, утверждал, что военные действия партизан на Дальнем Востоке носили характер “русско-японской” войны! Это не случайная оговорка для Парфенова».

Некоторые современные западные историки считают даже, что *национальное* (т. е. присущее гражданской нации) самосознание русских начало складываться именно в годы Гражданской войны, а затем стало предметом большой программы 1931–1956 годов. (см.: Д.Л. Бранденбергер «Национал-большевизм: сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания». СПб., 2009). Это даже вызывало некоторые опасения у большевиков с национальных окраин. Агурский пишет: «В речи на X съезде партии один из руководителей украинской парторганизации, В. Затонский, жаловался: “Национальное движение выросло также и в Центральной России... И сейчас мы можем наблюдать, как наши товарищи с гордостью, и небезосновательно, считают себя русскими, а иногда даже смотрят на себя прежде всего как на русских”».

В Гражданской войне сложился и *кадровый костяк* будущего советского народа, та управленческая элита, которая действовала в период сталинизма. Ее базой стали командиры Красной армии нижнего и среднего звена, которые после демобилизации заполнили административные должности в государственном аппарате. В основном это были выходцы из малых городов и деревень Центральной России.

Именно в Гражданской войне народ СССР обрел свою *территорию* (она была легитимирована как «политая кровь»). Территория СССР была защищена обустроенными и хорошо охраняемыми *границами*.

И эта территория, и ее границы приобрели характер общего национального символа, что отразилось и в искусстве (в том числе, в песнях, ставших практически народными), и в массовом обыденном сознании. Особенно крепким чувство советского пространства было в русском ядре советского народа.

Гражданская война была важным этапом и в сборке *страны*. Февральская революция «рассыпала» империю. В разных частях ее возникли национальные армии или банды разных окрасок. Все они выступали против восстановления единого централизованного государства. Что касается представлений большевиков о России, то с самого начала они видели ее как легитимную исторически сложившуюся целостность и в своей государственной идеологии оперировали *общероссийскими* масштабами (в этом смысле их идеология была «имперской»).

В 1920 году нарком по делам национальностей И.В. Сталин сделал категорическое заявление, что отделение окраин России совершенно неприемлемо (сравните с установками горбачевско-ельцинской команды). Военные действия на территории Украины, Кавказа, Средней Азии всегда рассматривались красными как явление *гражданской* войны, а не *межнациональных* войн. Красная армия, которая действовала на всей территории будущего СССР, была той силой, которая стягивала народы бывшей Российской империи обратно в единую страну — и она нигде не воспринималась как иностранная. Воссоединение произошло *быстро*, до того как сепаратисты успели легитимировать свои государства. В 1991 году им уже пришлось создавать исторические мифы об «утраченной независимости».

Но воссоединение могло произойти уже только в новых формах, и их строительство было *большой программой*. В Гражданской войне все борющиеся стороны действовали уже не на пространстве Российской империи — она распалась после февраля 1917 года. Это было *разорванное* пространство, на клочках которого националисты всех цветов лихорадочно старались создать подобия государств. Возникла «независимая Грузия» с меньшевиком Жордания, которая «стремилась в Европу» и искала покровительства у Англии. Возникла «независимая Украина» с масоном Грушевским и социалистом Петлюрой, которая искала союза с Польшей. «Народная Громада» провозгласила полный суверенитет Белоруссии, возникла автономная Алаш Орда в Казахстане — везде уже существовала местная буржуазная и европеизированная этническая элита, занимавшаяся поисками иностранных покровителей, которые помогли бы ей учредить какое-то подобие национального государства, отдельного от России. Некоторым это удалось — Прибалтийские республики были отторгнуты от России с помощью Германии, а затем Антанты.

Таким образом, для советской власти не существовало дилеммы: сохранить устройство Российской империи или преобразовать ее в федерацию республик. Задача состояла в том, чтобы *собрать* разделившиеся куски бывшей империи. Собрание могло быть проведено или в войне с национальными элитами «кусков», или через их нейтрализацию и компромисс.

Предложение учредить *Союз* из национальных республик, а не *Империю* (в виде одной республики), нейтрализовало возникший при «обретении независимости» национализм. Армии националистов потеряли поддержку населения, и со стороны Советского государства гражданская война в ее *национальном измерении* была пресечена на самой ранней стадии, что сэкономило России очень много крови.

Работа по «собираанию» страны велась в обстановке войны (историки называют это военно-политическим союзом советских республик). Скорее всего, иного пути собрать Россию и кончить гражданскую войну в тот момент не было. Но спорить об этом сейчас бесполезно. С.В. Чешко, автор взвешенной и беспристрастной книги на эту тему, считает, что «образование СССР явилось наиболее вероятным в тех условиях решением проблемы обустройства постреволюционной России».

Факт заключается в том, что большевики в октябре 1917 года *унаследовали* национальные движения, которые вызревали уже в царской России и активизировались после Февраля. Если бы Российская империя сумела преодолеть системный кризис 1905–1917 годов и продолжить свое развитие как страна периферийного капитализма, то ускоренное формирование национальной буржуазии и национальной интеллигенции неминуемо привело бы к мощным политическим движениям, требующим отделения от России и создания национальных государств. Эти движения получили бы поддержку Запада и либерально-буржуазной элиты в крупных городах Центра самой России. Монархическая государственность с этим справиться не смогла бы, и Российская империя была бы демонтирована. Большевики в 20-е годы XX века нашли способ обуздать эти движения (а в конце века просоветская часть КПСС такого способа не нашла).

Американский антрополог К. Янг пишет о «судьбе старых многонациональных империй в период после Первой мировой войны»: «В век национализма классическая империя перестала быть жизнеспособной формой государства... Только гигантская империя царей оказалась в основном спасенной от распада благодаря Ленину и с помощью умелого сочетания таких средств, как хитрость, принуждение и социализм.

Мощно звучавшая в границах «тюрьмы народов» национальная идея оказалась кооптированной и надолго прирученной при посредстве ла-

пидарной формулы “национальное по форме, социалистическое по содержанию”... Первоначально сила радикального национализма на периферии была захвачена обещанием самоопределения и затем укрощена утверждением более высокого принципа пролетарского интернационализма, с помощью которого могла быть создана новая и более высокая форма национального государства в виде социалистического содружества. Последнее определяется Коннором в его плодотворном исследовании (1984) “национального вопроса” в государствах с социалистическим образом правления как “длительный процесс ассимиляции на диалектическом пути территориальной автономии для всех компактных национальных групп”».

Сегодня гораздо продуктивнее не обвинять большевиков в том, что они не совершили невозможного и не создали унитарного государства по типу Франции, а понять, каким образом они смогли так нейтрализовать этнический национализм, чтобы вновь собрать не просто единое государство, но во многих отношениях гораздо сильнее консолидированное государство, нежели Российская империя.

Это знание сегодня необходимо, даже несмотря на то, что тот опыт не может быть применен в нынешних условиях. Важны не рецепты, а методология подхода к проблеме. Мы, например, почти не обращали внимания на тот смысл, который придавался идее *диктатуры пролетариата* как средства ослабления власти *национальных* элит. Националисты не могли ничего противопоставить сплывающей силе идеи союза «трудящихся и эксплуатируемых масс» всех народов России.

В практике государственного строительства ленинской группировке в 1918–1921 годы удалось добиться сосредоточения реальной власти в Центре с таким перевесом сил, что вплоть до 1970-х годов власть этнических и местных элит была гораздо слабее Центра. Здесь и формирование системы неофициальной власти партии, подчиненной Центру, и полное подчинение Центру прокуратуры и карательных органов, и создание унитарной системы военной власти, «нарезающей» территорию страны на безнациональные военные округа, и политика в области языка и образования.

Другой опыт — *национальная политика «белых»*, которая кончилась полным крахом. Выдвинув имперский лозунг единой и неделимой России, белые сразу были вынуждены воевать «на два фронта» — на социальном и национальном. Это во многом предопределило их поражение. Недаром эстонский историк сокрушался, что белые, «не считаясь с действительностью, не только не использовали смертоносного оружия против большевиков — местного национализма, но сами наткнулись на него и истекли кровью». Разумно ли это? Сегодня спорить об этом бесполезно, но факт надо учесть.

12. Необходимой предпосылкой гражданской войны является внушение и самовнушение, снимающее инстинктивный запрет на убийство представителя одного с тобой биологического вида. Для этого требуется достаточно длительное культурное воздействие, создание «образа врага». В России начало этой программе было положено уже первыми столкновениями революции 1905–1907 годов, о чем предупреждал Лев Толстой.

Идеологи либеральной интеллигенции, начиная с той революции, все больше и больше переходили на позиции радикального противопоставления себя народу как иной, враждебной расе. Это отразилось уже в книге «Вехи». Основная идея этой книги ясно была выражена в статье М.О. Гершензона, который писал: «Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, — бояться мы его должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной»⁶.

Произошел глубокий раскол в русской интеллигенции, назревавший с начала XX века. Если интеллектуалы, как Бунин или Бердяев, впали в социал-дарвинизм, раскаялись в любви к народу как «зверопоклонстве», то поэтический идеолог крупной буржуазии поэт-символист Валерий Брюсов писал в 1901 году этому простонародью:

*Вас, обезличенных медленным зверством;
Властью бичей и желез;
Вас я провижу во храме отверстом;
В новом сияньи небес.*

А другой символист, Александр Блок, писал 15 февраля 1909 года:

*Народ — венец земного цвета;
Краса и радость всем цветам.*

---

⁶ С поразительным сходством, почти слово в слово, повторяют эту мысль Гершензона наши нынешние кадеты. В 2004 г. Л. Радзиховский пишет в «Российской газете»: «Нет, правительство в России не “достойно народа”. Оно, как правило, куда цивилизованнее и ответственнее народа, по крайней мере, огромной его части. Меня легко обвинить в “народофобии”. Что ж, могу вслед за классиком “печально согласиться”: “Да, я не люблю пролетариата”. Есть в России тонкий, хотя, конечно, куда более массовый, чем 100 лет назад, слой “приличных людей”... Я, естественно, принадлежу к этим людям. Но, повторяю, власть, грубая, часто раздражающая и беспардонная бюрократия — это единственное, что худо-бедно отделяет нас, мирных и мягкотелых, от куда более грубой и агрессивной толпы. Сами себя мы защитить не можем, никакого гражданского общества у нас нет».

Разница в том, что Гершензон противопоставил себя народу с горечью, а Радзиховский гордится своей «народофобией» — ненавистью к народу. Интересы его и его хозяев настолько противоречат интересам подавляющего большинства граждан России, что он сбрасывает все маски — их, «мирных и мягкотелых», смогут защитить от этого большинства лишь дубинки и штыки.

И не надо думать, что Брюсов и Блок не знали народа и простонародья, идеализировали его, — а вот Бунин и Гершензон знали.

Перерастание неприязни к простонародью в ненависть в среде имущих классов и значительной части культурного слоя России отмечалось многими наблюдателями уже начиная с лета 1917 года. Это было предпосылкой для взаимной ненависти Гражданской войны. В.В. Шульгин пишет в воспоминаниях о том времени: «Пулеметов — вот чего мне хотелось. Ибо я чувствовал, что только язык пулеметов доступен уличной толпе и что только он, свинец, может загнать обратно, в его берлогу, вырвавшегося на свободу страшного зверя».

М.М. Пришвин записал в дневнике 19 мая 1917 года: «Сон о хуторе на колесах: уехал бы с деревьями, рощей и травами, где нет мужиков». 24 мая он добавил: «Чувствую себя фермером в прериях, а эти негры Шибай-Кибай злобствуют на меня за то, что я хочу ввести закон в этот хаос». 28 мая читаем такую запись: «Как лучше: бросить усадьбу, купить домик в городе? Там в городе хуже насчет продовольствия, но там свои, а здесь в деревне, как среди эскимосов, и какая-то черта неумолимая, непреходимая».

Это отношение интеллигенции и буржуазного «среднего класса» к русскому крестьянству как «эскимосам» запустило маховик взаимной ненависти Гражданской войны. Пришвин 27 апреля 1918 года записал в дневнике: «Я никогда не считал наш народ земледельческим, это один из предрассудков славянофилов, хорошо известный нашей технике агрономии: нет в мире народа менее земледельческого, чем народ русский, нет в мире более варварского обращения с животными, с орудием, с землей, чем у нас. Да им и некогда и негде было научиться земледелию на своих клочках, культура земледелия, как и армия царская держалась исключительно помещиками и процветала только в их имениях...

После разрушения армии сила разрушения осталась: там было бегство солдат в тыл, теперь — бегство холопов в безнадежную глубину давно прошедших веков... Теперь иностранец-предприниматель встретит в России огромную массу дешевого труда, жалких людей, сидящих на нищенских наделах»⁷.

---

⁷ И все же он видит в этих «эскимосах» непонятный для него потенциал развития: «Самое ужасное, что в этом простом народе совершенно нет сознания своего положения, напротив, большевистская труха в среднем пришлась по душе нашим крестьянам — это торжествующая середина бесхозяйственного крестьянина и обманутого батрака... Вот моя умственная оценка нашего положения, я ошибаюсь лишь в том случае, если грядущий иностранец очутится в нашем положении или если совершится чудо: простой народ все-таки создаст могучую власть».

Это «чудо» и произошло — простой народ создал могучую власть, именно потому, что «большевистская труха пришлась по душе нашим крестьянам».

В 1990 году тиражом 400 000 экземпляров в издательстве «Советский писатель» была издана книга И.А. Бунина «Окаянные дни». Редко кто из политиков всех цветов в последние годы перестройки и после нее не помянул эту книгу как выражение мудрости и высокого чувства русского писателя-патриота. Эта книга дышит дикой ненавистью к «русскому простонародью».

«Окаянные дни» — ценное свидетельство, оно бы очень помогло понять то время, если бы было воспринято хладнокровно. Достаточно было сказать, что по одному и тому же вопросу противоположные позиции занимали равно близкие нам и дорогие Бунин и Блок (или Бунин и Есенин) — это видно из дневников самого Бунина. В Бунине говорит прежде всего сословная злоба и социальный расизм. И ненависть, которую не скрывают.

Читаем у Бунина: «В Одессе народ очень ждал большевиков — “наши идут”... Какая у всех [из круга Бунина — С. К-М.] свирепая жажда их гибели. Нет той самой страшной библейской казни, которой мы не желали бы им. Если б в город ворвался хоть сам дьявол и буквально по горло ходил в их крови, половина Одессы рыдала бы от восторга».

Смотрите, как Бунин воспринимает тех, против кого в сознании и подсознании *его сословия* уже готовилась гражданская война. Вот рядовая рабочая демонстрация в Москве 25 февраля 1918 года:

«Знамена, плакаты, музыка — и, кто в лес, кто по дрова, в сотни глоток: — Вставай, подымайся, рабочай народ!

Голоса утробные, первобытные. Лица у женщин чувашские, мордовские, у мужчин, все как на подбор, преступные, иные прямо сахалинские.

Римляне ставили на лица своих каторжников клейма: “Cave furem”. На эти лица ничего не надо ставить, — и без всякого клейма все видно...

И Азия, Азия — солдаты, мальчишки, торг пряниками, халвой, папиросами. Восточный крик, говор — и какие мерзкие даже и по цвету лица, желтые и мышинные волосы! У солдат и рабочих, то и дело грохочущих на грузовиках, морды торжествующие».

И дальше, уже из Одессы: «А сколько лиц бледных, скуластых, с разительно ассиметричными чертами среди этих красноармейцев и вообще среди русского простонародья, — сколько их, этих атавистических особей, круто замешанных на монгольском атавизме! Весь, Муррома, Чудь белоглазая...».

Здесь — представление всего «русского простонародья» как биологически иного подвида, как не ближнего. Это и есть самая настоящая *руссофобия*. Она вызывала ответную ненависть.

Важную мысль высказал Пришвин: в ходе вызревания гражданской войны будущий враг простонародья — «капиталисты и помещики» («дети Каина») — стали обретать образ *иного народа*, «внутренних

немцев». Это для крестьян уже не была часть русского народа, даже напротив, этот «внутренний немец» — *враг народа*. Поэтому призрак грядущей гражданской войны утрачивал неприемлемые черты братоубийства, запрещенного традицией и христианской моралью. То, что в рациональном сознании являлось превращением внешней, международной войны в войну гражданскую, в народном сознании испытывало обращение, инверсию — гражданская война воспринималась как война с иным, враждебным народом. Более того, в сознании крестьян еще во время революции 1905–1907 годов война за землю принимала черты *Отечественной войны*, а «кровопийные помещики» становились «внутренними французами».

Во время войны было много эксцессов с обеих сторон. Ненависть к «низшим классам» проявлялась с приходом белых в карательных акциях против крестьян даже в ритуальных формах. Артем Веселый приводит, в частности, такой рассказ.

В одной деревне в Поволжье, которую заняли белые, оказался молодой красноармеец — он был дома на побывке после ранения. О нем знали, что он в бою зарубил офицера, сына местного помещика. Белые его не расстреляли, а устроили торжественную казнь, не как солдату противника, а как разбойнику — на санях привезли плаху, палача и отрубили ему голову.

Все это и объясняет тот факт, что формирование Белой армии уже в самой ранней стадии этого процесса было встречено той злобой и ненавистью, которая потрясла Деникина. А.И. Гучков, который сразу же после Октября уехал на Северный Кавказ и помогал наладить материально-техническое снабжение Добровольческой армии, тесно сблизился с Деникиным и написал для него большую записку «Борьба с большевиками в России и ее перспективы». В ней он пытался объяснить «ту глухую непопулярность Добровольческой армии, а частью и то ожесточение и озлобление против нее, которое замечается в народных массах Юга России». Важно подчеркнуть, что эта ненависть наблюдалась даже на Юге России, в богатых казачьих областях. О Центральной России и говорить нечего.

Очень важен был тот факт, что большая часть солдат из крестьян и рабочих, составивших основу Красной армии, прошли «университет» революции 1905–1907 годов в юношеском возрасте, когда формируется характер и мировоззрение человека. Подростками они были и активными участниками волнений, и свидетелями карательных операций против крестьян после них. В армию они пришли уже лишенными верноподданнических монархических иллюзий.

В книге Т. Шанина «Революция как момент истины» (М., 1997) ставится методологический вопрос — о коллективной памяти того *поко-*

ления, которому довелось играть решающую роль в критический момент истории. Действительно, в такие моменты действуют не просто классы или сословия и не просто этносы (народы), а возрастные когорты классов, сословий и народов, взгляды и дух которых складывались в конкретных, в чем-то очень необычных исторических условиях. Историки отмечают, что особенными чертами отличается поколение, которое в момент политического потрясения находилось в состоянии формирования характера — было еще молодым, но уже достаточно зрелым.

Именно такое поколение сыграло решающую роль в Гражданской войне. Т. Шанин пишет: «Тем, кому в 1905 г. было от 15 до 25 лет, в 1918 г. исполнилось, соответственно, от 28 до 38 лет. К этому времени многие уже успели отслужить в армии, стали главами дворов, т. е. вошли в ядро общинного схода. Основными уроками, которые они вынесли из опыта революции 1905–1907 гг., была враждебность царизма к их основным требованиям, жестокость армии и “власти”, а также их собственная отчужденность от “своих” помещиков и городских средних классов».

Именно эти люди летом 1918 года увидели против себя Белую армию, собранную бывшими властями, помещиками и городскими «средними классами». А люди эти, помнившие и обман власти, и карателей 1906–1907 годов, уже прошли империалистическую войну и имели оружие. Повзрослев, они вернулись в 1917 году с войны, которая лишь укрепила заложенные в детстве установки. Они были гораздо более антилибералами, нежели их родители (те, став рабочими, в городах голосовали за меньшевиков). Они верили в «новое самодержавие» — Советы, и отвергали проект белых, которые предстали как коалиция либералов, помещиков и антимонархистов-западников.

Говоря о прямой связи между революцией 1905–1907 годов и Гражданской войной, Т. Шанин пишет: «Можно документально подтвердить эту сторону российской политической истории, просто перечислив самые стойкие части красных. Решительные, беззаветно преданные и безжалостные отряды, даже когда они малочисленны, играют решающую роль в дни революции. Их список в России 1917 г. как бы воскрешает список групп, социальных и этнических, которые особенно пострадали от карательных экспедиций, ссылок и казней в ходе революции 1905–1907 гг. ...

Перечень тех, против кого были направлены репрессии со стороны белой армии, во многом обусловившие поражение белого дела, столь же показателен, как и состав Красной Армии — двух лагерей классовой ненависти, и так же явно вытекает из опыта революции 1905–1907 гг.».

Факт всеобщей ненависти народных масс к белогвардейцам был настолько очевидным, что организаторы антисоветской борьбы даже после завершения главных кампаний Гражданской войны должны были тщательно скрывать какую бы то ни было связь своих действий с Белым движением. Так, с начала 1921 года некоторые надежды возникли в связи с антисоветскими мятежами, в частности, Кронштадтским. 8 марта 1921 года Гучков писал Врангелю: «В интересах как этого революционного движения, так и репутации “белого” дела необходимо, чтобы Вы и мы, Ваши единомышленники, не отождествлялись с руководителями движения. Тот демократический, рабочий, солдатско-матросский характер, который носит Кронштадтская и Петроградская революция, должен быть сохранен без примеси белогвардейского и буржуазного элемента: только в таком случае это движение окажет разлагающее влияние на оставшиеся в руках советской власти части Красной Армии, которая окончательно подточит устои этой власти. Всякая чужеродная примесь способна лишь повредить делу».

Отчуждение между большинством населения и привилегированными социальными группами («элитой»), при котором возникает их взаимная вражда, — процесс *нелинейный*. По достижении некоторого порога он начинает самоускоряться и может стать необратимым. Гражданская война дала нам трагический урок. Его, однако, «не выучили».

Идеологи перестройки и реформы внедряли в сознание «элиты» *элитарное мышление* И. Бунина и М. Булгакова. Эти писатели и их лирические герои были представлены как эталон достоинства, растоптанного красными и советским строем.

Возьмем «Белую гвардию» (или, скорее, «Дни Турбиных») М. Булгакова. Каких милых людей вышибла из колеи революция. Как прекрасен дом Елены с кремовыми занавесками, с людьми ее круга. И вот уже тридцать лет братьев Турбиных и их друзей представляют нам как носителей русской офицерской чести, как тот тип людей, с которых надо брать пример в трудные моменты истории. Но давайте называть вещи своими именами. Перед нами «белая гвардия» — офицеры и юнкера, стреляющие из винтовок и пулеметов в неких «серых людей».

Кому служат эти русские офицеры и в кого стреляют? Они служат немцам и их марионетке-гетману. Что они защищают? Вот что: «И удары лейтенантских стеков по лицам, и шрапнельный беглый огонь по непокорным деревьям, спины, исполосованные шомполами гетманских сердюков, и расписки на клочках бумаги почерком майоров и лейтенантов германской армии: “Выдать русской свинье за купленную у нее свинью 25 марок”. Добродушный, презрительный хохоток над теми, кто приезжал с такой распискою в штаб германцев в Город».

Кто же те «серые» люди, в которых стреляли белые офицеры, защищая гетмана и немцев и мечтая о вторжении в Россию французов и сенегальцев? Эти люди, в которых стреляли Турбины, — украинские и русские крестьяне и солдаты, доведенные господами до гражданской войны. И вот эти-то офицеры даны нам как образец чести и патриотизма? Это — расщепление сознания. Заметим еще, что многие реплики, *смягчающие* образ белогвардейцев, были вставлены в пьесу под давлением цензуры и репертуарного комитета.

Конечно, треть белых офицеров перешла в Красную армию, но Красная армия — это уже «не дни Турбиных». Представляя нам «белую гвардию» как образец, никогда и не напирала на переход их в Красную армию. Да и вспомним, с *книгой в руках*, почему Турбин распускает дивизион, почему тянется к красным Мышлаевский? Потому, что сил у белых мало — не справиться с «мужичками». А если бы офицерам выдали полушубки и валенки, если бы немцев было побольше и подошло бы подкрепление сенегальцев, то и продолжали бы Турбины стрелять в «серых людей», не жалея патронов. Вчитайтесь сегодня в текст повести!

Напротив, советский строй воплотился идеологами перестройки в образе «серых мужичков», «атавистических особей» русского простонародья. Эти эталоны приняли и многие дети этого простонародья — и возненавидели дело своих отцов. Какого же результата ждут от этой стратегической программы?

Сразу после завершения Гражданской войны была начата большая программа по «гашению» взаимной ненависти расколотых частей народа. НЭП во многом и был такой программой. Она была сопряжена с внутрипартийными конфликтами, в частности, с борьбой против «классовиков», фундаменталистов классовой идеологии (к ним относились, например, группы Пролеткульта, РАПП и др.). Много делалось для привлечения к сотрудничеству старой интеллигенции, в том числе из партий «белого лагеря». Эта сторона НЭПа и программы 30-х годов по формированию русского и советского национального сознания — особая большая тема.

***

Ленин как «социальный конструктор» много сделал, чтобы Гражданская война была закончена как можно быстрее и резко — без «хвостов». На это были направлены и военная стратегия мощных операций, и политика компромиссов и амнистий. В целом Гражданская война ленинского периода имела «два завершения» — решительную и резкую победу красных над белыми в Крыму и прекращение стихийного крестьянского сопротивления через переход к НЭПу. Это мы помним довольно чет-

ко, надо только задуматься над тем фактом, что завершение обеих войн было *чистым*.

Это — вовсе не обычная и тривиальная в гражданских войнах вещь. Напротив, общим правилом является длительное изматывающее противостояние после номинального окончания войны. Опыт многих стран показал, что часто гражданская война переходит в длительную «тлеющую» форму, и в этой форме, соединяясь с «молекулярным» насилием, наносит народу очень тяжелые травмы.

После Гражданской войны бывшие противники примирились на основе признания советской государственности. В Великой Отечественной войне на взаимных обидах Гражданской был поставлен крест.

Те, кто снова начал растравливать раны и призывать к реваншу, на мой взгляд, являются самыми настоящими врагами народа — в самом простом и понятном смысле этого слова.

Лекция 21

Причины краха советского строя: результаты предварительного анализа

Перед нами два вопроса: что такое был «советский строй» и что с ним произошло? Почему к концу 1980-х годов его легитимность была подорвана, в массовом сознании иссякло *активное* благожелательное согласие на его существование? Как было определено еще в XVI веке Маккиавелли, власть держится на силе и согласии. Развивая эту тему, Грамши добавил, что согласие должно быть активным. Если население поддерживает политическую систему пассивно, то этого достаточно, чтобы организованные заинтересованные силы сменили социальный строй и политическую систему. В 1990–1991 годы массовое сознание населения СССР не было антисоветским. Люди желали, чтобы главные условия советского общественного строя были сохранены и развивались, но они желали этого *пассивно*. И этот общественный строй был обречен.

Мы имеем опыт катастрофы, поражения советского строя. За 20 лет мы многое поняли. Однако остается ряд загадок, но мы имеем к ним подходы. Об этом и будем говорить — создавая нашу картину крупными мазками, без деталей. Детали будут добавляться в ходе всего курса.

Трудность разговора в том, что официальная советская история была мифологизирована, и нам требуются усилия, чтобы уйти от стереотипов. Эта история «берегла» нас от тяжелых размышлений и кормила упрощенными, успокаивающими штампами. И мы не вынесли из истории уроков, даже из Гражданской войны. Мы, например, не задумывались над тем, почему две марксистские революционные партии — большевики и меньшевики — оказались в той войне по разные стороны фронта. Наши экономисты обучались в Академии народного хозяйства им. Г.В. Плеханова, а Плеханов считал Октябрьскую революцию реакционной. Разве это не символично? Мы только сейчас узнаем, что западные марксисты считали большевиков «силой Азии», в то время как марксисты-меньшевики считали себя «силой Европы».

Этот разговор трудный и потому, что через образование мы получили язык западных понятий (в особенности язык марксизма), а болезни и радости незападных обществ трудно выразить на этом языке. Но давайте сделаем усилие и взглянем на катастрофу СССР без догм и стереотипов, стараясь говорить на естественном языке, а не на языке идеологии.

Итак, о том, что было.

Советский строй — это реализация цивилизационного проекта, рожденного Россией и лежащего в русле ее истории и культуры. Надо различать *советский проект*, т. е. представление о благой жизни и дороге к ней, и *советский строй* как воплощение этого проекта на практике. Многое из намеченного проектом не удалось создать в силу исторических обстоятельств, но очень многое удалось — сегодня это даже поражает. И то, и другое надо понять. Советский строй просуществовал 70 лет, но в бурном XX веке это было несколько исторических эпох. Его стойкость при одних трудностях и хрупкость — при других многое сказали о человеке, обществе и государстве.

Советский проект — не просто социальный проект, но и ответ на вопросы бытия, рожденный в Евразии, в сложном обществе России, находящейся «между молотом Запада и наковальней Востока» (Д.И. Менделеев). Рядом был мощный Запад, который дал свой ответ на вопросы бытия в виде рыночного общества и человека-атома, индивида — из недр протестантской Реформации. Рядом начинал подниматься и мощный Восток, ответ которого на те же вопросы мы только-только начинаем понимать.

Советский проект повлиял на все большие цивилизационные проекты: помог зародиться социальному государству на Западе, демонтировать колониальную систему, на время нейтрализовал соблазн фашизма, дал многое для укрепления и самоосознания цивилизаций Азии в их современной форме.

Советский проект не исчерпал себя, не выродился и не погиб сам собой. У него были болезни роста, несоответствие ряда его институтов новому состоянию общества и человека. Было и «переутомление». В этом состоянии он был убит противником в холодной войне, хотя и руками «своих» — союзом трех сил советского общества: части номенклатуры КПСС, части интеллигенции («западники») и части преступного мира.

Никаких выводов о порочности проекта из факта его убийства не следует. Бывает, что умного, сильного и красивого человека укусит тифозная вошь, и он умирает. Никаких выводов о качествах этого человека и даже о его здоровье сделать нельзя. Из факта гибели СССР мы можем сделать только вывод, что защитные системы советского строя оказались слабы. Этот вывод очень важен, но на нем нельзя строить отношение к другим системам советского строя.

Нет смысла давать советскому строю формационный ярлык — социализм, «казарменный феодальный социализм», государственный капитализм и т. д. Эти определения только ведут к бесполезным схоластическим спорам. Будем исходить из очевидной вещи: советский строй был *жизнеустройством* большой сложной страны — со своим типом хозяйства, государства, национального общежития. Мы знаем, как питались люди, чем болели и чего боялись. Сейчас видим, как ломают главные структуры этого строя и каков результат — в простых и жестких понятиях. Из всего этого и надо извлекать знание о советском строе и создавать его образ.

Каков генезис советского строя? Не будем удревнять проблему и уходить вглубь веков, хотя корни там. Достаточно начать уже с XX века. Россия в начале века была *традиционным* (а не западным, гражданским) обществом, хотя и в процессе быстрой и далеко зашедшей *модернизации*. Начиная с Петра, Россия осваивала и в то же время «переваривала», хотя и с травмами, западные институты и технологии — но не утратила свою цивилизационную идентичность. Это тезис фундаментальный, он вызывал острые дебаты в моменты всех общественных столкновений XX века и продолжает вызывать их сегодня. Этот тезис принят в данном курсе.

Русская революция 1905–1907 годов была началом мировой революции, вызванной сопротивлением крестьянского традиционного общества против разрушающего действия западного капитализма (против «раскрестьянивания»). В Западной Европе эти «антибуржуазные» революции (или контрреволюции, типа крестьянских восстаний Вандеи) потерпели поражение, а на периферии — победили или оказали влияние на ход истории. Это революции в России, Китае, Индонезии, Индии, Вьетнаме, Алжире, Мексике, самые последние на Кубе и в Иране — по всему «незападному» миру.

Модель, созданная в начале XX века марксистами для понимания России, была логична: Россия должна пройти тот же путь, что и Запад. Эту модель не приняли народники (а перед ними Бакунин), разработавшие концепцию некапиталистического развития России. Но народников разгромили марксисты, и в начале XX века преемники народников разделились на кадетов (буржуазные либералы-западники) и эсеров.

Ленин пересмотрел модель Маркса в отношении России в ходе революции 1905 года и порвал с марксистским взглядом на крестьянство как на реакционную мелкобуржуазную силу. Это был разрыв с западным марксизмом. В статье 1908 года «Лев Толстой как зеркало русской революции» Ленин дает новую трактовку русской революции. Это — не буржуазная революция ради устранения препятствий для капитализма, а революция союза рабочих и крестьян ради *предотвращения* господ-

ства капитализма. Она мотивирована стремлением *не пойти* по капиталистическому пути развития. Меньшевики эту теорию не приняли, и конфликт с большевиками углубился.

После буржуазно-либеральной революции (февраль 1917 г.), ее подавления Октябрем и гражданской войны «Февраля с Октябрем» в России восстановилось, уже без либеральных украшений, традиционное общество в облике СССР. Во многом оно было даже более традиционным (более общинным), чем до революции — и при этом более открытым для идеалов Просвещения и модернизации.

Советская система в главных чертах сложилась в ходе революции 1905–1917 годов, Гражданской войны, НЭПа («новой экономической политики» 1920-х годов), коллективизации и индустриализации 1930-х годов, Великой Отечественной войны. На всех этих этапах выбор делался из очень малого набора альтернатив, коридор возможностей был очень узким. Давление обстоятельств было важнее, чем теоретические доктрины (эти доктрины подгонялись под догмы марксизма и привлекались потом для оправдания выбора). Главными факторами выбора были реальные угрозы, ресурсные возможности и заданная исторически культурная среда с ее инерцией. Надежным экзаменом всех подсистем советского строя стали война 1941–1945 годов и послевоенный восстановительный период.

Тип экономики. Советская система хозяйства была описана и понята плохо. Дискуссия о ее сути и ее категориях велась с 1921 года вплоть до смерти Сталина. О том, насколько непросто было заставить мыслить советское хозяйство в понятиях теории стоимости, говорит тот факт, что первый учебник политэкономии социализма удалось подготовить, после тридцати лет дискуссий, лишь в 1954 году — после смерти Сталина, который все годы принимал в работе над учебником активное участие и задерживал его издание! Реальность советского хозяйства не вмещалась в понятийный аппарат марксистской политэкономии. Разрешить эти противоречия в рамках официально принятого в качестве идеологии учения не удавалось. Отказаться от учения было невозможно и по субъективным причинам (правящая партия и практически вся интеллигенция были воспитаны в марксизме), и по соображениям политической целесообразности. Не было возможности и разработать новую систему обществоведения, способную заменить марксизм.

В результате, в 1950-е годы была принята политэкономия советского социализма как «квазирыночной» системы — теоретическая модель, явно неадекватная хозяйственной реальности. Когда правительство Н.И. Рыжкова в 1989–1990 годы подрывало своими законами советскую экономическую систему, оно не понимало, к каким последствиям это приведет. Обучение политэкономии социализма в высшей школе и в си-

стеме массового политического образования имело огромный идеологический эффект. Как только, после смерти Сталина, в официальную догму была введена трудовая теория стоимости, стало распространяться мнение, будто и в СССР работники производят прибавочную стоимость и, следовательно, являются объектом *эксплуатации*. Следующим (логичным и неизбежным) шагом, уже вопреки официальной идеологии, стало «открытие» и класса эксплуататоров — государственных служащих (номенклатуры). Сами того не зная, люди сдвигались к принятию антисоветской концепции Троцкого.

Вся доктрина советского хозяйства исходила из ошибочного положения. Политэкономия представляет хозяйство как равновесную машину, которая работает на основе купли-продажи. Но есть и другие типы хозяйства, при которых ценности и усилия *складываются*, а не *обмениваются* — так, что все участники пользуются созданным сообща целым. Таковыми являются, например, хозяйство семьи или крестьянского двора. Таковым было и советское плановое хозяйство. Именно *сложение* ресурсов без их купли-продажи позволило СССР после колоссальных разрушений 1941–1945 годов быстро восстановить хозяйство. В 1948 году СССР превзошел довоенный уровень промышленного производства (можно ли представить себе такое в нынешней Российской Федерации?).

Почему мы этого не видели? Потому, что из политэкономии мы заучили, что *специализация и разделение* — источник эффективности. Это разумное умозаключение приобрело характер догмы, и мы забыли, что *соединение и кооперация* — также источник эффективности. Какая комбинация выгоднее — зависит от конкретных условий. В условиях России именно соединение и сотрудничество были эффективнее, нежели обмен и конкуренция; они и превалировали в хозяйстве. В этом была сила советской экономики, но это перестали понимать.

Часто говорят, что дефектом советского хозяйства было его *огосударствление*. Да, оно стало мешать некоторым направлениям развития, но его избыточность вовсе не была тяжелой болезнью строя и, тем более, не она привела его к гибели. До заключительной фазы перестройки проблема собственности вообще не волновала сколько-нибудь значительную часть общества и не могла послужить причиной отрицания советского строя. Даже и сегодня поворота к частной собственности на главные средства производства в массовом сознании не произошло.

Советская система была очень эффективна по *своим* критериям. Сложные товары, на которые работала вся экономика, по отношению «цена — качество» были в мире вне конкуренции (например, оружие, алюминий, лекарства, метро).

Устойчив миф об отсталости сельского хозяйства СССР. Это миф идеологический, никаких внятных индикаторов и критериев для такой

оценки никогда не было представлено, как не было и нормальной дискуссии специалистов. Исходя из личного знакомства с хозяйством западных фермеров, могу сказать, что, если бы этих фермеров поставить в те же природные и ресурсные условия, в каких находились наши колхозники (почва, машины, инфраструктура, дороги и т. д.), они (фермеры) производили бы *намного меньше*.

Это видно сегодня и по российским фермерам, которые все же гораздо лучше приспособлены к условиям России, чем западные. Переход сельского хозяйства России от советской системы к укладу западного типа привел к снижению производства в два раза, и за 15 лет после этого уровень советского периода не был достигнут и, вероятно, при нынешней системе не будет достигнут.

Вот ясный индикатор: колхозы обходились всего 11 тракторами на 1000 га пашни — при обычной для Европы норме 120 тракторов. В отличие от Запада, советское село всегда субсидировало город. Импорт продовольствия (зерна) был в СССР признаком благополучия, а огромный импорт продовольствия — признак бедствия.

Почти общепринятым стало утверждение, будто хозяйство СССР измотала гонка вооружений. Это мнение *ошибочно* и является следствием пропаганды. С гонкой вооружений экономика справлялась: по оценкам ЦРУ, доля военных расходов в валовом национальном продукте СССР постоянно снижалась. В начале 1950-х годов СССР тратил на военные цели 15% ВВП, в 1960 году — 10%, в 1975 году — всего 6%. На закупки вооружений до перестройки расходовалось около 5% от уровня конечного потребления населения СССР. Это никак не могло быть причиной краха системы.

Не сыграли существенной роли и колебания цен на нефть (см. лекцию 12): прирост ВВП в СССР стабилизировался с середины 1970-х годов на уровне 3–4% в год. В технологическом укладе тех лет рост был ограничен резервами *рабочей силы*. И это стабильное развитие было более быстрым, чем в США.

Распределение и потребление. Из отношений собственности в СССР вытекал тип распределения, включающий значительную уравнительную компоненту — не только по труду, но и «по едокам». Его механизмами были: бесплатное жилье, медицина, образование, низкие цены на продукты питания, транспорт, культуру. Через эти каналы человеку давался минимум благ как члену общины (СССР). Он имел на это гражданское право, т. к. с общей собственности каждый получал равные дивиденды. В 1970–1980-е годы СССР стал «обществом среднего класса» с симметричной и узкой кривой распределения людей по доходам. Децильный фондовый коэффициент дифференциации с 1960-х до конца 1980-х годов колебался в диапазоне 3,0–3,5.

Базовые материальные потребности удовлетворялись в СССР гораздо лучше, чем этого можно было бы достигнуть при тех же ресурсных возможностях и том же уровне развития в условиях капитализма — хозяйство было *очень экономным*.

Для понимания советского хозяйства важен тот эксперимент, который осуществляется, начиная с 1989 года. Цель его — превращение советского хозяйства в *рыночную экономику*. В ходе этого эксперимента получен большой запас нового знания в области экономической теории. Именно когда ломают какой-то объект, можно узнать его внутреннее устройство и получить фундаментальное знание.

Разрушение финансовой системы и потребительского рынка в 1988–1990 годы вызвало *шок*, который и использовали политики для уничтожения СССР. Кризис был *создан* при демонтаже советской системы, а не унаследован от СССР. Ликвидация плановой системы, кем бы она ни была проведена, привела бы именно к этому результату — немного хуже или немного лучше в мелочах. Ельцин по мере сил сопротивлялся давлению МВФ и США, замедляя темп разрушения советских хозяйственных структур.

Перестройка Горбачева. Выход из «сталинизма» в 1950-е годы, как и вообще выход из мобилизационного состояния, оказался сложной проблемой. Она была решена руководством СССР плохо и привела к череде политических кризисов. Их тяжесть была усугублена холодной войной.

С 1960-х годов в части общества складывается целостный проект *ликвидации* советского строя. Основания для этого проекта имелись в русской культуре с середины XIX века — как в течении либералов-западников, так и ортодоксальных марксистов. Эти основания были обновлены и развиты «шестидесятниками» в годы «оттепели Хрущева», а затем и тремя течениями диссидентов — социалистами-западниками (Сахаров), консервативными «почвенниками» (Солженицын) и патриотами-националистами (Шафаревич). В 1970-е годы была определена технология антисоветской борьбы на новом этапе, основанная на теории революции Антонио Грамши — подрыв культурной гегемонии советского строя силами интеллигенции через «молекулярную агрессию» в сознание.

Элита интеллигенции, в том числе партийной («номенклатура» КПСС), прошла примерно тот же путь, что и западные левые. Еврокоммунисты (руководство трех главных коммунистических партий Запада — итальянской, французской и испанской), осознав невозможность переноса советского проекта на Запад ввиду их цивилизационной несовместимости, совершили историческую ошибку, заняв антисоветскую позицию — отвергая советский строй и в самом СССР. Это привело к краху их партий. Наши партийные интеллектуалы, осознав необходи-

мость преодоления «первого» советского проекта (как дети преодолевают отцов), также заняли антисоветскую позицию. Это и привело к краху СССР (здесь мы не говорим о роли в этом проекте коррумпированной части номенклатуры).

Хотя в изучении перестройки еще много «белых пятен», ряд выводов ясен:

- Перестройка — это «революция сверху», проведенная вопреки интересам и идеалам трудящихся масс. Она была бы невозможна без тотального контроля верхушки КПСС над СМИ. В 1988 году был «открыт кран» для потока антисоветских публикаций и стал сокращаться и фильтроваться поток публикаций с положительными оценками и даже с конструктивной критикой советского строя (см., например, рис. 27)¹.

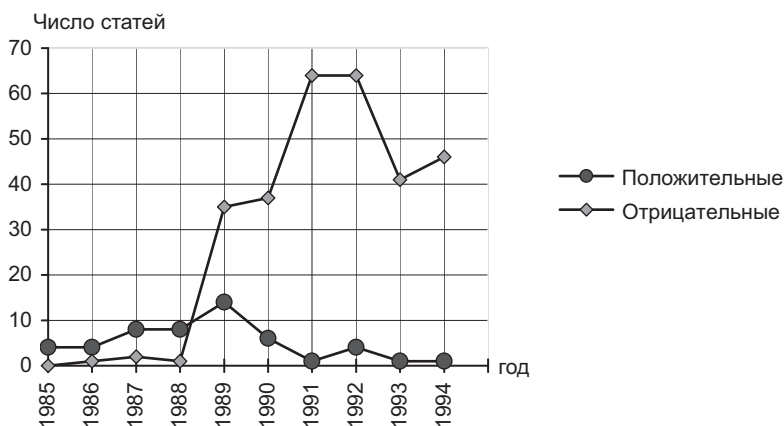

Рис. 27. Число статей об Октябрьской революции в журналах «Знамя» и «Новый мир»

- Перестройка поначалу была с энтузиазмом поддержана обществом потому, что оно «переросло» политическую структуру, созданную на первом этапе советского строя. Вынужденное на первом этапе создание закрытого правящего слоя («номенклатуры») породило, как и предвидели Ленин и Сталин, рецидив сословных отношений. Однако произошел срыв, и процессом овладела именно часть «номенклатуры», получившая шанс превратиться в собственников национального богатства.

¹ Этот процесс был начат уже в 1986–1987 гг. Зам. главного редактора журнала «Социологические исследования» Г.С. Батыгин писал позже: «В 1987 г. Главлит потребовал снять из статьи, предназначенной для опубликования в журнале «Социологические исследования», тезис о неэффективности свободного рынка в высокоорганизованной экономике. Это означало, что идея централизованного социалистического планирования уже не соответствовала цензурным требованиям».

- Перестройка была частью холодной войны. США играли в ней активную роль и рассматривают ее результат как поражение СССР в холодной войне.

К чему пришли. Вслед за развалом СССР и сломом хозяйственной системы («приватизация») последовал катастрофический кризис. Инстинктивным ответом населения на реформу стало снижение рождаемости и рост смертности.

Надо напомнить, что на реформу в России истратили беспрецедентные в мировой истории средства, образовавшиеся в результате экономии от:

- прекращения гонки вооружений;
- прекращения войны в Афганистане;
- прекращения всех крупных инвестиционных проектов;
- свернутых социальных программ;
- резкого снижения уровня потребления 90% населения в течение 15 лет;

а также практически все капиталовложения в основные фонды страны (промышленность, АПК, транспорт и строительство), которые составляли до 1987 года огромные суммы (за 1991–2006 годы эта «экономия» составила 3,5 трлн долл.), и отнятые у населения сбережения (450 млрд долл.).

Были загублены не только эти средства, но и промотан весь золотой запас страны, а также сделаны колоссальные по своему объему долги (на настоящий момент около 500 млрд долл.).

Главная причина этих потерь — не воровство и не вывоз денег (хотя и они велики), а *паралич хозяйства*.

Все большие технические системы, на которых стоит жизнь страны (энергетика, транспорт, теплоснабжение и т. д.), созданы в советское время. Все они устроены иначе, чем в западном рыночном хозяйстве.

За последние 15 лет выяснилось, что нынешняя хозяйственная система не может их *содержать* — при рыночных отношениях они оказываются слишком дорогими. Они деградируют или разрушаются. В то же время рынок не может и *построить* новые, рыночные системы такого же масштаба. Страна попала в историческую ловушку — в порочный круг, из которого при нынешней хозяйственной системе вырваться невозможно.

Организовать стабильное жизнеустройство ни по типу общины (советского типа), ни по типу гражданского общества (западного типа) нынешний политический режим не может. Однако многие подсистемы советского строя уцелели и показали поразительную устойчивость. Их охраняют, вопреки рыночной риторике, и большинство работников государственного аппарата, и хозяйственные руководители, и само насе-

ление. Там, где советские структуры выходят из тени (как, например, в Белоруссии), дело идет лучше.

Гибель целой цивилизации маловероятна. Следовательно, после более или менее длительного хаоса в России возобладают различные социальные формы советского уклада, пусть даже с мимикрией под капитализм.

Перейдем теперь к причинам катастрофы. Их много, выделим *системообразующие*.

Кризис государства. Смена поколений.

Для крушения советского строя необходимым условием было состояние сознания, которое Андропов, как мы уже отмечали, определил четко: «Мы не знаем общества, в котором живем». В 1970–1980-е годы это состояние ухудшалось: незнание превратилось в непонимание, а затем и во враждебность, дошедшую у части элиты до степени паранойи.

Незнанием была вызвана и неспособность руководства и быстро выявить, и предупредить назревающие в обществе противоречия, и найти эффективные способы разрешить уже созревшие проблемы. Незнание привело и само общество к неспособности разглядеть опасность начатых во время перестройки действий по изменению общественного строя, а значит, и к неспособности защитить свои кровные интересы.

Уходило поколение руководителей партии, которое выросло в «гуще народной жизни». Оно «знало общество» — не из учебников марксизма, а из личного опыта и опыта своих близких. Это знание в большой мере было неявным, неписанным, но оно было настолько близко и понятно людям этого и предыдущих поколений, что казалось очевидным и неустранимым. Систематизировать и «записать» его казалось ненужным, к тому же те поколения жили и работали с большими перегрузками. Со временем, не отложившись в адекватной форме в текстах, это неявное знание стало труднодоступным.

Новое поколение номенклатуры в массе своей было детьми партийной интеллигенции первого поколения. Формальное знание вытеснило у них то неявное интуитивное знание о советском обществе, которое они еще могли получить в семье.

Обществоведение, построенное на истмате, это шедевр идеологического творчества. Оно представляет собой законченную конструкцию, которая очаровывает своей способностью сразу ответить на все вопросы, даже не вникая в суть конкретной проблемы. Это квазирелигиозное построение, которое освобождает человека от необходимости поиска других источников знания и выработки альтернатив решения.

Инерция развития, набранная советским обществом в 1930–1950-е годы, еще два десятилетия тащила страну вперед по накатанному пути. И партийная верхушка питала иллюзию, что она управляет этим про-

цессом. В действительности же, те интеллектуальные инструменты, которыми ее снабдило обществоведение, не позволяли даже увидеть процессов, происходящих в обществе. Тем более не позволяли их понять и овладеть ими.

Не в том проблема, какие ошибки допустило партийное руководство, а какие решения приняло правильно. Проблема была в том, что оно не обладало *адекватными средствами познания реальности*. Это как если бы полководец, готовящий большую операцию, вдруг обнаруживает, что его карта не соответствует местности, это карта другой страны.

Ситуацию держали кадры низшего звена. Как только Горбачев в 1989–1990 годы нанес удар по партийному аппарату и по системе хозяйственного управления, разрушение приобрело лавинообразный характер. Неважно даже, почему он это сделал — по незнанию или действительно с целью ликвидации советского строя.

Отрыв высшего слоя номенклатуры от реальности советского общества потрясал. Казалось иногда, что ты говоришь с инопланетянами. С 1985 года по 1989 год я тесно общался с Отделом науки ЦК КПСС, с его «мозговым центром», так называемой группой консультантов. Я руководил рабочей группой по подготовке 1-го тома Комплексной программы научно-технического прогресса СССР до 2010 года и регулярно обсуждал в Отделе науки ЦК ход работы. Это были умные образованные люди, преданные делу социализма и советскому строю. Но они, влияя на разработку научной политики, совершенно не знали генезиса и особой природы советской науки, ее социального устройства, истоков ее силы и слабости. Они видели ее через призму западных параметров и индикаторов, как и науку любого другого общества. Когда я объяснял простые вещи о реальности советской науки, которая сложилась исторически за три века, они собирались и слушали, широко раскрыв глаза, как интересную незнакомую им сказку.

То же самое имело место и в других сферах: партийная интеллигенция верхнего уровня не знала и не понимала особенностей советского промышленного предприятия, колхоза, армии, школы. Начав в 1980-е годы их радикальную перестройку, партийное руководство подрезало у них жизненно важные устои, как если бы человек, не знающий анатомии, взялся делать сложную хирургическую операцию.

Важно и то, что учебники исторического материализма, по которым училась партийная интеллигенция с 1960-х годов (как и западная партийная интеллигенция), содержали скрытый, но мощный антисоветский потенциал. Люди, которые действительно глубоко изучали марксизм по этим учебникам, приходили к выводу, что советский строй *неправильный*. Радикальная часть интеллигенции уже в 1960-е годы открыто заявляла, что советский строй — не социализм, а искажение всей

концепции Маркса. Созревала целая ветвь обществоведения, которую можно назвать «антисоветский марксизм».

И это вовсе не означало, что эта часть партийной интеллигенции «потеряла веру в социализм» или совершила предательство идеалов коммунизма. Даже напротив, критика советского строя велась с позиций марксизма и с искренним убеждением, что эта критика направлена на исправление дефектов советского строя, на приведение его в соответствие с верным учением Маркса. Но эта критика была для советского общества убийственной. Хотя надо признать, что и конструктивная критика «просоветской» части общества была использована во время перестройки с антисоветскими целями. Избежать такого использования было практически невозможно.

Критика «из марксизма» разрушала легитимность советского строя, утверждая, что вместо него можно построить гораздо лучший строй — *истинный* социализм. А поскольку она велась на языке марксизма, остальная часть интеллигенции, даже чувствуя глубинную ошибочность этой критики, не находила слов и логики, чтобы на нее ответить — у нее не было другого языка.

Перестройка обнаружила важный факт: из нескольких десятков тысяч профессиональных марксистов, которые работали в СССР, большинство в начале 1990-х годов перешло на сторону антисоветских сил. Перешло легко, без всякой внутренней драмы. Всех этих людей невозможно считать аморальными. Значит, их профессиональное знание марксизма не препятствовало такому переходу, а способствовало ему. Они верно определили: советский строй был «неправильным» с точки зрения марксизма. Значит, надо вернуться в капитализм, исчерпать его потенциал для развития производительных сил, а затем принять участие в «правильной» пролетарской революции. Сейчас большинство их, видимо, разочаровались в этой догматической иллюзии, но дело сделано.

Русский философ В.В. Розанов сказал, что российскую монархию убила русская литература. Это гипербола, но в ней есть зерно истины. По аналогии можно сказать, что советский строй убила Академия общественных наук при ЦК КПСС и сеть ее партийных школ.

Кризис мировоззрения 1970–1980-х годов. Крах СССР поражает своей легкостью и внезапностью. Но эта легкость и внезапность кажущиеся. Кризис легитимности вызревал 30 лет. Почему же, начиная с 1960-х годов, в советском обществе стало нарастать ощущение, что жизнь устроена неправильно? В чем причина нарастающего недовольства? Сегодня она видится так.

В 1960–1970-е годы советское общество изменилось кардинально. За предыдущие 30 лет произошла быстрая урбанизация, и 70% населения

стали жить в городах. Под новыми объективными характеристиками советского общества 1970-х годов скрывалась главная, *невидимая* опасность — быстрое и резкое ослабление, почти исчезновение, прежней *мировоззренческой основы* советского строя. В то время официальное советское обществоведение утверждало (и большинство населения искренне так и считало), что этой основой является марксизм, оформивший в рациональных понятиях стихийные представления трудящихся о равенстве и справедливости. Эта установка была ошибочной.

Мировоззренческой основой советского строя был *общинный крестьянский коммунизм*. Западные философы иногда добавляли слово «архаический» и говорили, что он был «прикрыт тонкой пленкой европейских идей — марксизмом». Это понимал и Ленин, примкнувший к этому общинному коммунизму, и марксисты-западники, которые видели в этом общинном коммунизме своего врага и пошли на гражданскую войну с ним в союзе с буржуазными либералами. Своим врагом его считали и большевики-космополиты, их течение внутри победившего большевизма было подавлено в последней битве гражданской войны — репрессиях 1937–1938 годов.

В 1960-е годы вышло на арену новое поколение последователей этих течений, и влияние его стало нарастать в среде интеллигенции и нового молодого поколения уже городского «среднего класса». Поэтому перестройка — этап большой русской революции XX века, которая лишь на время была «заморожена» единством народа ради индустриализации и войны. Сознательный авангард перестройки — духовные наследники троцкизма и, в меньшей степени, либералов и меньшевиков. Сами они этого не знали, потому что «не знали общества, в котором жили». Если бы знали, то, скорее всего, этот антисоветский блок не смог бы возникнуть.

Общинный крестьянский коммунизм — большое культурное явление, поиск «царства Божия на земле». Он придал советскому проекту мессианские черты, что, в частности, предопределило и культ Сталина, который был выразителем сути советского проекта в течение 30 лет. Кстати, антисоветский проект также имеет мессианские черты, и ненависть к Сталину носит иррациональный характер.

В ходе индустриализации, урбанизации и смены поколений философия крестьянского коммунизма теряла силу и к 1960-м годам исчерпала свой потенциал, хотя важнейшие ее положения сохраняются и поныне в коллективном бессознательном. Для консолидации советского общества и сохранения гегемонии политической системы требовалось строительство новой идеологической базы, в которой советский проект был бы изложен на рациональном языке, без апелляции к подспудному мессианскому чувству. Однако старики этой проблемы не видели, т. к.

в них бессознательный большевизм был еще жив, а новое поколение номенклатуры искало ответ на эту проблему (осознаваемую лишь интуитивно) в марксизме, где найти ответа не могло. Это вызвало идейный кризис в среде партийной интеллигенции.

Руководство КПСС после идейных метаний Хрущева приняло вынужденное решение — «заморозить» мировоззренческий кризис посредством отступления к «псевдосталинизму» с некоторым закручиванием гаек («период Суслова»). Это давало отсрочку, но не могло разрешить фундаментальное противоречие. Передышка не была использована для срочного анализа и модернизации мировоззренческой матрицы. Думаю, в нормальном режиме руководство КПСС уже и не смогло бы справиться с ситуацией. Для решения этой срочной задачи требовалась научная дискуссия; но если бы руководство ослабило контроль, то в дискуссии потерпело бы поражение — «второй эшелон» партийной интеллигенции (люди типа Бовина, Бурлацкого, Загладина) был уже проникнут идеями еврокоммунистов. В открытой дискуссии он подыгрывал бы антисоветской стороне, как это мы наблюдали в годы перестройки.

Пришедшая после Брежнева властная бригада (Горбачев, Яковлев, Шеварднадзе), сформировавшаяся в условиях мировоззренческого вакуума и идеологического застоя, была уже проникнута антисоветизмом. Утверждение, что советский строй является «неправильным», стало с 1986 года официальной установкой, и вскоре было заявлено даже, что перестройка является *революцией*, т. е. ставит целью радикальное изменение общественного строя.

Чем был легитимирован советский строй в массовом сознании старших поколений? Памятью о *массовых социальных страданиях*. Аристотель выделял два главных принципа жизнеустройства: *минимизация страданий* или *максимизация наслаждений*. Советский строй создавался поколениями, которые исходили из первого принципа.

В 1970-е годы основную активную часть общества стало составлять принципиально новое для СССР поколение, во многих смыслах уникальное для всего мира. Это были люди, не только не испытывавшие сами, но даже не видевшие зрелища массовых социальных страданий.

Запад — «общество двух третей». Страдания бедной трети очень наглядны и сплывают «средний класс». В этом смысле Запад поддерживает коллективную память о социальных страданиях, а СССР 1970-х годов эту память утратил. Молодежь уже не верила, что такие страдания вообще существуют.

Возникло первое в истории, неизвестное по своим свойствам *сытое* общество. О том, как оно себя поведет, не могли сказать ни интуиция и опыт стариков, ни тогдашние общественные науки. Вот урок: главные опасности ждут социализм не в периоды трудностей и нехватки, а имен-

но тогда, когда сытое общество утрачивает память об этих трудностях. Абстрактное знание о них не действует.

Урбанизация создала и объективные предпосылки для недовольства советским жизнеустройством. Советский проект вырос прежде всего из мироощущения крестьянской России. Отсюда исходили представления о том, что необходимо человеку, что желательно, а что — лишнее, суета сует. В ходе революции и разрухи этот проект стал суровым и зауженным. Носители «ненужных» потребностей погибли, уехали за рубеж или перевоспитались самой реальностью. На какое-то время в обществе возникло «единство в потребностях».

По мере того как жизнь входила в мирную колею и становилась все более и более городской, узкий набор «признанных» потребностей стал ограничивать, а потом и угнетать все более и более разнообразные части общества. Для них Запад стал идеальной, сказочной землей, где именно их ущемленные потребности уважаются и даже ценятся.

Крестьянская жизнь принципиально отличается от «городской» тем, что она обеспечивает интенсивное «потребление» духовных образов. Пахота, сев, уборка урожая, строительство дома и принятие пищи, рождение и смерть — все имеет у крестьянина литургическое значение. Жизнь в большом городе лишает человека естественных средств удовлетворения духовных потребностей и в то же время создает стресс из-за того, что городская организация пространства и времени противоречит его природным ритмам. Этот стресс давит, компенсировать его — жизненная потребность человека.

Кризис урбанизации тяжело переживался в ходе индустриализации всеми культурами. На Западе от него отвлекли резким неравенством и необходимостью борьбы за существование, а позже — созданием масс-культуры, дешевым массовым потребительством и суррогатами приключений. Массовая школа воспитывала большинство детей и подростков в мозаичной культуре, которая резко снижает духовные претензии человека.

На такое снижение запросов молодежи советское руководство не пошло, хотя в начале 1970-х годов подобные предложения, исходя из западного опыта, делались. Это решение не допустило снижения долговременной жизнеспособности нашего общества (на этом ресурсе постсоветские республики продержались в 1990-е годы); однако в краткосрочной перспективе СССР получил пару поколений молодежи, которые чувствовали себя *обездоленными*. Они были буквально очарованы перестройкой, гласностью, митингами и культурным плюрализмом. Пржнее руководство (да и старшие поколения советских людей) не понимали их страданий, вызванных неудовлетворенным «голодом на образы». О тех потребностях, которые хорошо удовлетворял советский строй,

в тот момент никто не думал (когда ногу жмет ботинок, не думают о том, как хорошо греет пальто).

Кризис мировоззрения был использован и углублен действиями антисоветской части элиты. Культурная программа перестройки была жесткой, массовое сознание испытало шок. У людей была подорвана способность делать связные рациональные умозаключения, особенно с использованием абстрактных понятий. Они затруднялись рассчитать свой интерес и предвидеть опасности.

Эта слабость сознания — оборотная сторона избыточного патернализма. Он ведет к *инфантилизации* общественного сознания в благополучный период жизни. Люди отучаются ценить блага, созданные усилиями предыдущих поколений, рассматривают эти блага как неуничтожаемые, «данные свыше». Социальные условия воспринимаются как явления природы, как воздух, который не может исчезнуть. Они как будто не зависят от твоей общественной позиции.

Говорят, что массы «утратили веру в социализм», что возобладали ценности капитализма (частная собственность, конкуренция, индивидуализм, нажива). Это мнение *ошибочно*. Очень небольшое число граждан *сознательно* отвергали главные устои советского строя. Чаще всего они просто не понимали, о чем идет речь, и не обладали навыками и возможностями для самоорганизации. Отказ от штампов официальной советской идеологии вовсе не говорит о том, что произошли принципиальные изменения в *глубинных* слоях сознания (*чаяниях*).

Советский тип трудовых отношений воспринимался в массовом сознании как наилучший, а в ходе реформы стал даже более привлекательным. В среднем 84% опрошенных считали в 1989 году, что обязанностью правительства является обеспечение всех людей работой, а в ноябре 1991 года это убеждение, которое в антисоветской пропаганде было одним из главных объектов атаки, выразили более 90%.

Самым крупным международным исследованием установок и мнений граждан бывших социалистических стран — СССР и Восточной Европы, — является программа «Барометры новых демократий». В России с 1993 года в рамках совместного исследовательского проекта «Новый Российский Барометр» работала большая группа зарубежных социологов.

В докладе руководителей этого проекта Р. Роуза и Кр. Харпфера в 1996 году было сказано: «В бывших советских республиках практически все опрошенные положительно оценивают прошлое и никто не дает положительных оценок нынешней экономической системе». Если точнее, то положительные оценки советской экономической системе дали в России 72%, в Белоруссии — 88% и на Украине — 90%. Оценки новой политической системы были еще красноречивее. Эти установки устойчивы и подтверждаются поныне.

Таким образом, крах СССР был следствием цивилизационного, мировоззренческого кризиса. Суть его в том, что советское общество и государство не справились с задачей обновления средств легитимации общественного строя в процессе смены поколений, не смогли обеспечить преемственность в смене *культурно-исторического типа*, которая происходила в ходе модернизации и урбанизации и совпала с кризисом выхода общества из мобилизационного состояния 1920–1950-х годов.

Эта последняя тема будет в дальнейшем обсуждена подробнее, а здесь заметим следующее. *Культурно-историческим типом* Н.Я. Данилевский назвал воображаемую надклассовую и надэтническую социокультурную общность, которая является носителем главных черт цивилизации. В моменты исторического выбора и переходных процессов (включая кризисы, войны, революции) она является выразителем главного вектора развития. Данилевский видел в этом типе очень устойчивую, наследуемую из поколения в поколение сущность — народ, как бы воплощенный в обобщенном индивидуе.

Исходя из опыта XX века, мы изменяем его концепцию и считаем, что цивилизация является ареной конкуренции (или борьбы, даже вплоть до гражданской войны) *нескольких культурно-исторических типов*, предлагающих разные цивилизационные проекты. Один из этих типов (в коалиции с союзниками) становится в конкретный период доминирующим и «представляет» в этот период цивилизацию.

Трудный XX век Россия прошла, ведомая культурно-историческим типом, который начал складываться задолго до 1917 года, но оформился уже как «*советский человек*». Мы можем описать социальный портрет людей советского типа — с их культурой, ценностями, способностью к организации, к трудовым и творческим усилиям.

Советский тип сник в ходе мировоззренческого кризиса в 1970–1980-е годы, не смог организовать и проявить волю во время перестройки и был загнан в катакомбы. Но ни КПСС, ни ВЛКСМ, ни государство не смогли (и даже не попытались) заместить на общественной арене этот культурно-исторический тип родственным ему типом, который продолжил бы реализацию советского проекта. Напротив, на арену с помощью всех ресурсов власти и провластной интеллектуальной элиты вывели тип-антипод. Мы можем подробно описать черты этого типа, который в 1990-е годы пришел на смену советскому человеку. Он и стал социальной базой режима Ельцина. Проблема эта не политическая, потому что доминирующий сегодня в России культурно-исторический тип *нежизнеспособен*. Он совершенно лишен творческого потенциала и не сможет «держаться» страну.

Но это уже тема второй части курса.

Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования

Современная динамично развивающаяся некоммерческая научно-экспертная и проектная организация.

Учрежден в 2006 году, с 2007 года работает под научно-методическим руководством Российской академии наук.

Председатель попечительского совета и научный руководитель Центра — президент ОАО «РЖД», доктор политических наук В.И. Якунин.

Генеральный директор Центра — доктор физико-математических наук, доктор политических наук, профессор С.С. Сулакшин.

Основные сферы деятельности Центра:

- фундаментальные и прикладные (проектные) мультидисциплинарные цивилизационные, политические, социальные, экономические и государственно-управленческие исследования;
- аналитические научно-правовые исследования проблем действующего законодательства;
- разработка проектов государственных политик, концепций, доктрин, законов и иных нормативно-правовых управленческих решений;
- разработка практических рекомендаций для политиков, руководителей властных структур и хозяйствующих субъектов.

Центр ежегодно проводит 3–4 всероссийские научные конференции.

В Центре работают два постоянно действующих междисциплинарных и межинститутских научных семинара, объединяющие свыше 50 видных интеллектуалов России.

Экспертное сетевое интернет-сообщество Центра «Российский сетевой интеллект» включает тысячи экспертов из более чем 170 городов России и зарубежья, более 22% сообщества составляют доктора наук, 37% — кандидаты наук.

Интернет-портал Центра www.rusrand.ru ежедневно посещают более 2000 человек.

Центр имеет электронный научный журнал «Научный эксперт» и классический научный журнал «Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование» (в перечне ВАК).

Центр ежегодно выпускает до 50 научно-экспертных изданий, в их числе более 20 монографий, материалы семинаров и конференций, научные журналы, и рассылает их в федеральные и региональные властные институты, научные и учебные центры, библиотеки, представителям деловой, политической и научной элиты страны. Всего адресов рассылки более 300, общий тираж распространяемых изданий более 30 тыс. экз.

Работы в Центре строятся по собственной оригинальной методологии. К работам подключаются на разных стадиях исполнения проектов до 100 приглашенных экспертов — ведущих специалистов в своей сфере деятельности.

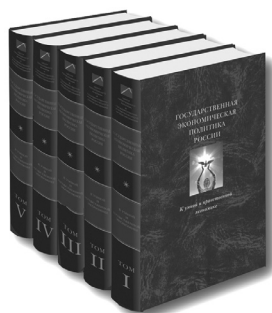
Центр заинтересован в объединении профессиональных, думающих, патриотично настроенных людей.

Адрес Центра: 107078, Россия, Москва, ул. Каланчевская, д. 15 (подъезд 1, этаж 5) тел/факс (495) 981–57–09

www.rusrand.ru; frpc@cea.ru, org@rusrand.ru, sulakshin@mail.ru

В Центре проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования вышли из печати:

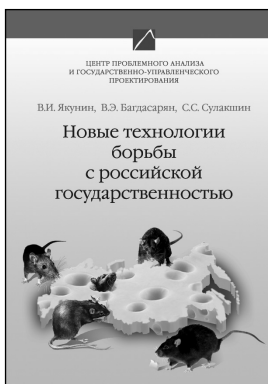

Государственная экономическая политика и Экономическая доктрина России. К умной и нравственной экономике. В 5 т. — М.: Научный эксперт, 2008.— 3368 с.

В не имеющем аналогов пятитомном труде большого авторского коллектива предлагается государственно-управленческая платформа модернизации состояния экономики и экономической политики России. В целенаправленном научно-экспертном исследовании были соединены методы и знания фундаментальных наук (философии, истории, права, физики и математики), прикладных (экономики, политологии, социологии, психологии, демографии, экологии, менеджмента), отраслевых наук (по видам экономической деятельности и иным сегментам экономики) и специально разработанные методы проектирования государственно-управленческих практик. Специальные методы анализа, верификации результатов, прогнозирования последствий предлагаемых управленческих решений повышают практическую значимость работы. Ее главным итогом является пригодная для реализации программа действий, дающая практикующим властям своеобразную «дорожную карту» для дальнейшего социально-экономического развития страны.

Значимый вывод о неприемлемости сформировавшейся в 1990-е гг. и существующей в настоящее время российской экономической политики сделан в работе на основании четких и системных ценностных критериев, которые указывают на расходящийся характер процессов развития, ведущий к критическим рискам и угрозам. Предложены конкретные меры по исправлению экономической политики в каждом ее сегменте. Системообразующими принципами конструктивной части работы выступили: переход от институционального к ценностному целеполаганию в государственном управлении, введение понятия «социальный гуманизм», соединяющего экономическую и социальную политики, принцип трехпериодного планирования, связывающий текущее, средне- и долгосрочное управление и принцип устойчивости развития.

Работа адресована прежде всего российским властям всех уровней и может быть полезна специалистам в сфере экономики и государственного управления.

**Якунин В.И., Багдасарян В.Э.,
Сулакшин С.С.**

**Новые технологии борьбы с российской
государственностью. — 2009. — 424 с.**

В работе проанализирована эволюция широкого спектра управленческих технологий деструктивного воздействия на потенциалы российской государственности. На смену силовым методам межгосударственной борьбы и войн пришли технологии soft power, сетевые войны и несиловые воздействия. В современном мире для поддержания потенциалов государственности важнее ракетно-ядерного потенциала страны стали массовое сознание, демография, информационно-психологическое состояние, культура, наука, образование, воспитание, пропаганда, СМИ, нравственность, патриотизм. Разрушение этих потенциалов разрушает государство. Так произошло с СССР. Так происходит с современной Россией. В деталях показано как организуется процесс разрушения российской государственности. На основе методологии решения обратных задач, развитой в Центре проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования, выдвинута программа управленческого ответа на угрозы распада Российской Федерации.

Для государственных руководителей, политиков и общественных деятелей, исследователей, преподавателей и студентов.

**Багдасарян В.Э., Абдулаев Э.Н.,
Клычников В.М. и др.**

Школьный учебник истории и государственная политика. Под общей редакцией В.И. Якунина. — М.: Научный эксперт, 2009. — 376 с.

Целью проведенного исследования, итогом которого стала книга, является разработка новой методологической модели школьного учебника по истории России, соотносимого с задачами долгосрочного, устойчивого развития Российского государства. Выдвижение по отношению к учебной литературе государственно-управленческих задач не означает призыва к политической конъюнктурности, а, напротив, исходит из целевого ориентира укрепления социальных потенциалов России в среднесрочной и долгосрочной перспективе. В работе дана развернутая критика российских учебников истории для средней школы с позиции их ценностного содержания и методологии учебного структурирования. Научно обосновывается тезис об идеологичности учебной исторической литературы в школах, как общем принципе формирования школьных учебников. Прослеживается преломление идеологии в школьной исторической литературе на различных стадиях истории России. Исследуются на предмет идеологического содержания учебники по истории республик «ближнего зарубежья». Для оценки идейного содержания исследуемых учебников в работе использованы приемы контент-анализа.

Государственная политика вывода России из демографического кризиса / Монография.

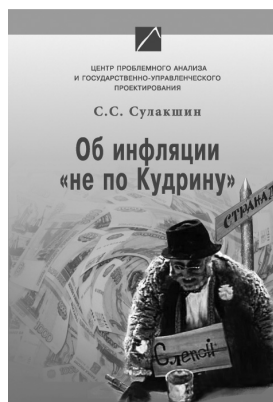
В.И. Якунин, С.С. Сулакшин, В.Э. Багдасарян и др. Под общей редакцией С.С. Сулакшина. 2-е изд. — М.: ЗАО «Издательство «Экономика», Научный эксперт, 2007. — 888 с.

Коллективная монография представляет результаты междисциплинарного комплексного исследования современного российского демографического кризиса и предложенные на его основе государственно-управленческие документы, формирующие демографическую политику по преодолению депопуляции страны.

Выдвинута теоретическая и государственно-управленческая четырехфакторная модель демографического развития, позволяющая адекватно объяснить особенности российского демографического кризиса, понять его природу и разработать эффективную, практически реализуемую государственную демографическую политику.

Авторы исследования дают в книге вполне обоснованный вывод: демографическое состояние в России вполне управляемо, кризис может быть преодолен.

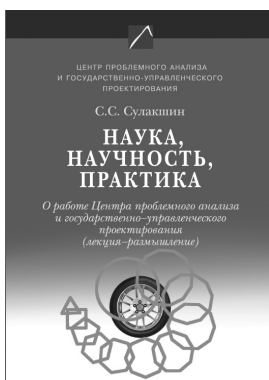
Для государственных управленцев, политиков, научных работников, студентов демографических, экономических, социологических, психологических, политологических, философских, исторических, управленческих, юридических специальностей.

Сулакшин С.С.

Об инфляции «не по Кудрину». Монография — М.: Научный эксперт, 2009. — 168 с.

В монографии проанализирована официальная российская государственная политика борьбы с инфляцией. Выявлено, что она носит не обоснованный по причинам инфляции и не адекватный по целям государственного управления характер. Рассмотрены методы факторного анализа, с помощью которых установлена природа и причины российской инфляции, носящей многофакторный релаксационный тип. Доказан немонетарный характер российской инфляции. Предложены меры государственного управления, сочетающие таргетирование инфляции с многопараметрическим государственным управлением, в частности в области экономического роста, проблемы заниженной оплаты труда и других, не менее важных сфер ответственности государства. Для государственных служащих, политических руководителей, научно-преподавательского состава, аспирантов, студентов.

Сулакшин С.С.

Наука, научность, практика. О работе Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования (лекция-размышление). — М.: Научный эксперт, 2009. — 208 с.

Беспомощность государственного управления объясняется не только коррупцией или непрофессионализмом управленцев. Властные решения сложны по своей природе и без научно достоверной поддержки не бывают эффективными. Но в самой науке сегодня необходим междисциплинарный подход, ныне затрудненный различиями в методологии и научной терминологии. Гуманитарию трудно понять математика, а экономисту — физика.

В работе доктора физико-математических и политических наук, бывшего депутата Верховного Совета СССР, Государственной Думы России, Представителя Президента России, имеющего не только научный, но и практический багаж реальной политики и государственного управления, представлена методология междисциплинарного проектирования государственно-управленческих решений.

Книга интересна в философском и общенаучном плане. Может быть рекомендована как для фундаментальных научных приложений, так и в экспертной практике и образовательном процессе.

Готовятся к печати:

- 1. Кризисное обществоведение. Часть 2.** — М.: Научный эксперт, 2011.
- 2. Постиндустриальное общество: опыт критического анализа** — М.: Научный эксперт, 2011.
- 3. Властные трансформации в России: история и типология.** — М.: Научный эксперт, 2011.
- 4. История России: учебное пособие для преподавателей.** — М.: Научный эксперт, 2011.
- 5. Национальная идея России (в 6-ти томах).** — М.: Научный эксперт, 2011.
- 6. Макет-проект новой Конституции России.** — М.: Научный эксперт, 2011.

Книги по цене издательства можно заказать в Центре проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования по адресу:

107078, Россия, Москва, ул. Каланчевская, д. 15 (подъезд 1, этаж 5)

тел/факс (495) 981-57-09

www.rusrand.ru; frpc@cea.ru, org@rusrand.ru, sulakshin@mail.ru

Для оптовых покупателей предусмотрены скидки.

Научное издание

Кара-Мурза Сергей Георгиевич
Кризисное обществоведение

Часть первая

Курс лекций

Ответственный за выпуск: *О.А. Середкина*

Художник: *С.Г. Абелин*

Редактор: *А.Ю. Котова*

Компьютерная верстка: *О.П. Максимова*

**Центр проблемного анализа
и государственно-управленческого проектирования
при Отделении общественных наук РАН**

107078, Россия, Москва, ул. Каланчевская, д. 15.

Тел./факс: (495) 981-57-03, 981-57-04, 981-57-09.

www.rusrand.ru

E-mail: frpc@cea.ru

Сдано в набор 04.04.2011 г. Подписано в печать 15.04.2011 г.

Формат 70×100 ¹/₁₆. Бумага офсетная № 1.

Гарнитура Minion. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 28,5. Тираж 5000 экз. Заказ №

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии ОАО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс».

420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.

E-mail: idelpress@mail.ru